

УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ

Орловского государственного университета

Научный журнал

ОРЛОВСКИЙ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
УНИВЕРСИТЕТ имени И.С. Тургенева

УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ
Орловского государственного университета

№ 4 (85)
2019

№ 4 (85)
2019

Редакционно-издательская коллегия:

Главный редактор

Авдеев Ф.С. д-р пед. наук, проф.

Заместитель главного редактора

Пузанкова Е.Н., д-р пед. наук, проф.

Члены редколлегии:

Дудина Е.Ф. канд. филол. наук (Россия)

Хованская Е.А. канд. пед. наук (Россия)

Александрова А.П. канд. филол. наук, доц. (Россия)

Айзенштат М.П. д-р ист. наук (Россия)

Антонова М.В. д-р филол. наук, проф. (Россия)

Аркажанян М.Ц. д-р ист. наук, проф. (Россия)

Арсентьева Н.Н. д-р филол. наук, проф. (Испания)

Беднарская Л.Д. д-р филол. наук, проф. (Россия)

Видмарович Н.П. д-р филол. наук, проф. (Хорватия)

Гелла Т.Н. д-р ист. наук, проф. (Россия)

Зайченкова М.С. д-р филол. наук, проф. (Россия)

Иванов А.Е. д-р ист. наук, проф. (Россия)

Изотов В.П. д-р филол. наук, проф. (Россия)

Ковалев П.А. д-р филол. наук, проф. (Россия)

Ларионова Л.Г. д-р пед. наук, проф. (Россия)

Львова С.И. д-р пед. наук, проф. (Россия)

Маймескулова А.Л. д-р наук, экстраорд. проф. (Польша)

Минаков С.Т. д-р ист. наук, проф. (Россия)

Михальченко С.И. д-р ист. наук, проф. (Россия)

Михеичева Е.А. д-р филол. наук, проф. (Россия)

Николаев В.А. д-р пед. наук, проф. (Россия)

Никонова Т.А. д-р филол. наук, проф. (Россия)

Новиков С.Н. д-р пед. наук, проф. (Россия)

Образцов П.И. д-р пед. наук, проф. (Россия)

Пастернак Е.Л. д-р филол. наук, проф. (Россия)

Погосян В.А. д-р ист. наук, проф. (Армения)

Поншон Т. д-р филол. наук, проф. (Франция)

Ретинская Т.И. д-р филол. наук, проф. (Россия)

Тамин М. д-р филол. наук, проф. (Франция)

Тер-Минасова С.Г. д-р филол. наук, проф. (Россия)

Уман А.И. д-р пед. наук, проф. (Россия)

Чекова-Димитрова И. канд. филол. наук, доц. (Болгария)

Челышева И.И. д-р филол. наук, проф. (Россия)

Черепанова Л.В. д-р пед. наук, проф. (Россия)

Чикалова И.Р. д-р ист. наук, проф. (Белорусь)

Шемчук Ю.М. д-р филол. наук, проф. (Россия)

Ши Хуншен канд. филол. наук, проф. (Китай)

Ямагути Р. д-р филол. наук, проф. (Япония)

И.о. ответственного редактора

Дудина Е.Ф. канд. филол. наук

Адрес редакции:

302026, г. Орел, ул. Комсомольская, 95, каб. 237.

Тел. (486-2) 43-17-40

www.oreluniver.ru E-mail: utchen-zap@univ-orel.ru

Зарег. в Федеральной службе по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуника-
ций. Свидетельство ПИ № ФС 77-65752 от 20.05.2016

Подписной индекс 43366

по объединенному каталогу «Пресса России»

© Коллектив авторов, 2019

© ОГУ имени И.С. Тургенева, 2019

Содержание

07.00.00 – ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ

Арбеков А.Б.

ГИБЕЛЬ БОНАПАРТИЗМА: ХРОНИКА СОБЫТИЙ АНГЛО-ЗУЛУССКОЙ ВОЙНЫ 1879 г.

(ПО МАТЕРИАЛАМ БРИТАНСКОЙ ПРЕССЫ).....

7

Гелла Т.Н.

ИМПЕРСКИЙ ФАКТОР В ДИСКУРСЕ БРИТАНСКИХ И РОССИЙСКИХ ПОЛИТИКОВ

И ИНТЕЛЛЕКТУАЛОВ В 70-Х ГОДАХ XIX ВЕКА.....

13

Золотарева Е.В., Емельянова О.Ю.

ДЕНДРАРИЙ ВСЕРОССИЙСКОГО НИИ СЕЛЕКЦИИ ПЛОДОВЫХ КУЛЬТУР: ИСТОРИЯ ФОРМИРОВАНИЯ

И СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ ПАМЯТНИКА ЛАНДШАФТНОЙ АРХИТЕКТУРЫ.....

20

Иванова А.Г., Заельская С.А.

ВКЛАД ТВОРЧЕСКОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ ОРЕНБУРЖЬЯ В СОЦИАЛЬНО-КУЛЬТУРНОЕ РАЗВИТИЕ

СОВЕТСКОГО ОБЩЕСТВА ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ 1980-х гг.....

24

Лапина Л.А.

ИСТОРИЧЕСКАЯ ИМАГОЛОГИЯ: ПРОБЛЕМА МЕТОДОВ И КАТЕГОРИЙ.....

28

Макеева С.Б.

ИСТОРИЯ ПРИМЕНЕНИЯ ТЕОРЕТИКО-ПРАКТИЧЕСКИХ ИННОВАЦИЙ РЕГИОНАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ

В ПРОСТРАНСТВЕННОЙ ОРГАНИЗАЦИИ ЭКОНОМИКИ КНР (1978 г. ПО НАСТОЯЩЕЕ ВРЕМЯ).....

33

Минаков С.Т.

«ДУМНЫЙ ГЕНЕРАЛ» В.А. ЗМЕЕВ В БОЯРСКОЙ ДУМЕ.....

39

Орлов А.С., Кочергин И.Г.

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ВЗГЛЯДЫ М.О. МЕНЬШИКОВА РАННЕГО ПЕРИОДА.....

44

Попкова О.В.

ТОРГОВЫЕ И ДИПЛОМАТИЧЕСКИЕ КОНТАКТЫ МЕЖДУ АНГЛИЕЙ И РОССИЕЙ

НА НАЧАЛЬНОМ ЭТАПЕ РАЗВИТИЯ.....

47

Пупыкин Н.И.

ЭВОЛЮЦИЯ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ ЗАПАДНОЕВРОПЕЙСКОЙ

И АМЕРИКАНСКОЙ КОНСЕРВАТИВНОЙ ИДЕОЛОГИИ.....

52

Савосичев А.Ю.

ЦЕРКОВНАЯ ИНФРАСТРУКТУРА НОВОСИЛЬСКОГО УЕЗДА В НАЧАЛЕ XVII ВЕКА.....

59

Харитонова Е.Г. (Путилина Е.Г.)

ИСТОРИЯ ОБЩЕСТВЕННОГО ДВИЖЕНИЯ ЗА СОХРАНЕНИЕ ПАМЯТИ ЖЕРТВ

ПОЛИТИЧЕСКИХ РЕПРЕССИЙ В г. НИЖНИЙ ТАГИЛ (II ПОЛ. 1980-х – 1990-е гг.).....

64

Щекотихин Е.Е., Андреев Н.А.

ТРАГЕДИЯ РЯЗАНСКОЙ ДИВИЗИИ У СЕЛА ВЕСНИНЫ.....

72

Щекотихин Е.Е.

АРМИЯ БАГРАМЯНА В СРАЖЕНИИ ЗА ЖИЗДРУ ЗИМОЙ 1943 ГОДА.....

80

10.00.00 – ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

Акимушкина Е.О.

ЖАНРОВОЕ СВОЕОБРАЗИЕ ПАНЕГИРИКОВ АМИРА МУИЗЗИ (1048/49–1123).....

87

Алешина Л.В.

Н.С. ЛЕСКОВ О СЕМЕЙНОМ ВОСПИТАНИИ.....

92

Антюхов А.В., Волга А.Н.

МЕМУАРНО-АВТОБИОГРАФИЧЕСКОЕ НАЧАЛО И ЖАНРОВЫЙ КОД ПОМЯННИКА

В «ИСТОРИИ О ВЕЛИКОМ КНЯЗЕ МОСКОВСКОМ».....

95

Бельская А.А.

«НАКАНУНЕ» И.С. ТУРГЕНЕВА: ТИПЫ СВЯЗИ ИМЕНИ И НОСИТЕЛЯ В СИСТЕМЕ ОБРАЗОВ

ВТОРОСТЕПЕННЫХ ПЕРСОНАЖЕЙ РОМАНА.....

99

Бубнов С.А.

КНИГИ СТИХОВ С.А. ЕСЕНИНА «СТРАНА СОВЕТСКАЯ» И «РУСЬ СОВЕТСКАЯ»

В ВОСПРИЯТИИ СОВРЕМЕННОЙ.....

107

Гладков А.К.

“VIRIS BONIS VERA AMICITIA EST”: ПРЕДСТАВЛЕНИЕ ОБ ИДЕАЛЬНОМ ОБЩЕСТВЕ

В СРЕДНЕВЕКОВОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ.....

110

Дж. Ли

ПЕРЕЛОМ ПОЭТИЧЕСКОГО ЯЗЫКА И ПЕРФОРМАТИВНОСТЬ ЛИРИКИ

(НА МАТЕРИАЛЕ МЕТАЛИРИЧЕСКИХ СТИХОТВОРЕНИЙ Б.Л. ПАСТЕРНАКА).....

113

Дудко А.Э.

ИСТОРИЯ ПЕРЕВОДОВ СОНЕТА П.Б. ШЕЛЛИ «OZYMANDIAS» НА РУССКИЙ ЯЗЫК

В АСПЕКТЕ СРАВНИТЕЛЬНОГО СТИХОВЕДЕНИЯ Статья 1.....

118

Зиновьева Р.В. ИГРОВАЯ ПОЭТИКА ЭДВАРДА ОЛБИ В ДРАМЕ «КТО БОИТСЯ ВИРДЖИНИИ ВУЛЬФ»	123
Изотов В.П. ОТРАЖЕНИЕ ЖУРНАЛИСТИКИ, РЕКЛАМЫ И PR В ТВОРЧЕСТВЕ ВЫСОЦКОГО	129
Ковалева Т.В., Симоненкова С.Н. ОСОБЕННОСТИ ЖАНРА СТИХОТВОРНОЙ МОЛИТВЫ В ЛИРИКЕ К.М. ФОФАНОВА	132
Коковина Н.З. ТИПОЛОГИЧЕСКАЯ ПАРАДИГМА ЭПИСТОЛЯРНО-ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИХ ТЕКСТОВ А.И. ГЕРЦЕНА	139
Криволапов В.Н. ПРОБЛЕМА «НЕИЗОБРАЗИМОГО» В ЛИТЕРАТУРЕ И ЖИВОПИСИ НОВОГО ВРЕМЕНИ И СРЕДНЕВЕКОВЬЯ	143
Мельникова Л.А. ВНУТРЕННИЙ МОНОЛОГ КАК СРЕДСТВО РАСКРЫТИЯ ХАРАКТЕРА ГЕРОЯ В ПОВЕСТИ Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО «КРОТКАЯ» И РОМАНЕ Г. БЕЛЛИЯ «И НЕ СКАЗАЛ НИ ЕДИНОГО СЛОВА»	151
Михайлова И.П. КРЕСТЬЯНСКИЙ МИР В ТВОРЧЕСТВЕ ЛЕОНТИЯ ЧЕМИСОВА	156
Парване Пулаки СУДЬБА РОМАНА М. А. ШОЛОХОВА «ТИХИЙ ДОН» В ИРАНЕ	161
Серягина Ю.С., Никонова Н.Е. НЕМЕЦКАЯ ДРАМА КОНЦА XIX – НАЧАЛА XX ВВ. В ПЕРИОДИКЕ РЕГИОНОВ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ: Р. ФОСС, А. ШНИТЦЛЕР, Г. БАР	168
Симоненкова С.Н. ПРИЗЫВНО-ПРОСИТЕЛЬНЫЕ СТИХОТВОРНЫЕ МОЛИТВЫ В РУССКОЙ ПОЭЗИИ 80-90-Х ГОДОВ XIX ВЕКА	177
Смирнов К.В., Черкасов В.А. АРХЕТИП КОРЫ И ЕГО ВОПЛОЩЕНИЕ В РАССКАЗЕ И.С. ТУРГЕНЕВА «ТРИ ПОРТРЕТА»	181
Чевтаев А.А. ОНТОЛОГИЧЕСКИЙ СИНКРЕТИЗМ М. ЗЕНКЕВИЧА (О ПОЭТИКЕ СТИХОТВОРЕНИЯ «МЫ НОСИМ ВСЕ В ДУШЕ – СТАЛЬ И АЛТАРЬ НАРЯДНЫЙ...»)	184
Черкасов В.А. «ВОЙНА В РУССКОЙ ЛИРИКЕ» В.Ф. ХОДАСЕВИЧА: К ВОПРОСУ О КРИТЕРИЯХ АНТОЛОГИЧЕСКОГО ОТБОРА	191
Черкасов В.А., Смирнов К.В. ЖЕРТВА И ЕЕ НАКАЗАНИЕ (О РАССКАЗЕ И.С. ТУРГЕНЕВА «ПОСТОЯЛЫЙ ДВОР»)	195

13.00.00 – ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

Абрамова И.Е., Шишмолина Е.П. ПОВЫШЕНИЕ МОБИЛЬНОСТИ СТУДЕНТОВ-НЕЛИНГВИСТОВ: КОНКУРС РЕЗЮМЕ И СОПРОВОДИТЕЛЬНОГО ПИСЬМА	198
Амелина О.Ю. СЛОЖНОСТИ ПРЕПОДАВАНИЯ WEB-ДИЗАЙНА В СИСТЕМЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ПОДГОТОВКИ ГРАФИЧЕСКИХ ДИЗАЙНЕРОВ	201
Баракова Е.А. РЕАЛИЗАЦИЯ МЕТОДИКИ ФОРМИРОВАНИЯ РЕГУЛЯТИВНЫХ УЧЕБНЫХ ДЕЙСТВИЙ ОБУЧАЮЩИХСЯ СРЕДСТВАМИ МЭШ	205
Баранова-Шишкова Л.И., Звонарева Е.А. ГЕОГРАФИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ПРОИЗВОДСТВА СТЕКОЛЬНОЙ ОТРАСЛИ В КОНТУРЕ ЦФО РФ НА ЛАБОРАТОРНЫХ ЗАНЯТИЯХ ПО ПРИКЛАДНОЙ ХИМИИ	210
Бойко В.В., Музалевский А.А. ПРИМЕНЕНИЕ РОУП-СКИППИНГА В СРЕДНИХ И ВЫСШИХ УЧЕБНЫХ ЗАВЕДЕНИЯХ ПО УПРАВЛЕНИЮ МАССОВЫМ СПОРТОМ НА РЕГИОНАЛЬНОМ УРОВНЕ	214
Горбачева О.А., Сорокина Е.В., Боровикова А.С. ИСПОЛЬЗОВАНИЕ СРЕДСТВ ГИМНАСТИКИ ХАТХА-ЙОГА В НАЧАЛЬНОЙ ШКОЛЕ ДЛЯ ПОВЫШЕНИЯ УРОВНЯ ЗДОРОВЬЯ, ФИЗИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ И ДВИГАТЕЛЬНОЙ ПОДГОТОВЛЕННОСТИ ДЕТЕЙ	219
Горлова Ю.И., Алтунина О.Е. ФОРМИРОВАНИЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ КОМПЕТЕНТНОСТИ СТУДЕНТОВ ФИЗКУЛЬТУРНОГО ПРОФИЛЯ	223
Грядунова Е.Н., Савин Л.А., Горин А.В., Токмакова М.А., Токмаков Н.В. ПРОГРАММИРОВАННОЕ ОБУЧЕНИЕ ВОЗМОЖНОСТИ И ОГРАНИЧЕНИЯ	226
Звонарева Е.А., Жукова М.И. ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ ТЕХНОЛОГИИ В РЕЖИМЕ СЕТЕВОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ	231
Ковалева Г.И., Милованов Н.Ю. МОТИВАЦИОННЫЙ РЕСУРС ДОПОЛНИТЕЛЬНЫХ ТЕМ ДИФФЕРЕНЦИАЛЬНОГО ИСЧИСЛЕНИЯ ШКОЛЬНОГО КУРСА МАТЕМАТИКИ	235
Ковешникова Е.Н., Ковешников П.А. К ВОПРОСУ О КУЛЬТУРЕ РУЧНОЙ ГРАФИЧЕСКОЙ ПОДАЧИ ПРОЕКТА В ОБРАЗОВАНИИ БАКАЛАВРОВ ИСКУССТВА КОСТЮМА И ТЕКСТИЛЯ	240
Курабедяни З.В., Соломченко М.А. ИССЛЕДОВАНИЕ КУЛЬТУРНЫХ ЦЕННОСТЕЙ ОРИЕНТАЦИЙ У БУДУЩИХ РАБОТНИКОВ ТАМОЖЕННОЙ СЛУЖБЫ В ВУЗЕ	243
Курдюмов С.С. ПРОБЛЕМЫ ДЕМОНСТРАЦИОННОГО ЭКЗАМЕНА КАК ИНСТРУМЕНТА ОПРЕДЕЛЕНИЯ УРОВНЯ ГОТОВНОСТИ К ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ	246
Леушина И.В., Леушина Л.И., Салтыкова А.А. ИНОЯЗЫЧНАЯ ПОДГОТОВКА ВЫПУСКНИКА ТЕХНИЧЕСКОГО ВУЗА В КОНТЕКСТЕ ИДЕОЛОГИИ «ИНДУСТРИЯ 4.0»	249
Мишина С.В. ФОРМИРОВАНИЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНО ЗНАЧИМЫХ КАЧЕСТВ БУДУЩИХ ЭКОНОМИСТОВ ПОСРЕДСТВОМ СКРЫТОГО КУРРИКУЛУМА	253
Павлова Т.А., Уварова М.Н. МОНИТОРИНГ ЗНАНИЙ ПО ДИСЦИПЛИНЕ «МАТЕМАТИКА» ПРИ ПРОВЕДЕНИИ ИНТЕРНЕТ ЭКЗАМЕНА	258
Прихода И.В. НАУЧНО-МЕТОДИЧЕСКИЙ ПОДХОД К РЕШЕНИЯМ АКТУАЛЬНЫХ ПРОБЛЕМ ОРГАНИЗАЦИИ И ПРОВЕДЕНИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ БУДУЩИХ СПЕЦИАЛИСТОВ ПО АДАПТИВНОЙ ФИЗИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЕ	262
Ревеко Л.С. ТЕКСТ СМИ КАК СРЕДСТВО ОВЛАДЕНИЯ МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОМПЕТЕНЦИЕЙ (НА МАТЕРИАЛЕ НЕМЕЦКОЙ ПРЕССЫ)	267
Селеменова Е.М., Кожус С.В., Фроленкова Л.Ю. ПОДГОТОВКА СПЕЦИАЛИСТОВ В ОБЛАСТИ ИНЖЕНЕРНЫХ ЗНАНИЙ	270
Серёгина Т.В., Терехов С.В. СИНЕРГЕТИЧЕСКИЙ ПОДХОД В УСЛОВИЯХ СОВРЕМЕННОГО ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО ПРОЦЕССА	273
Смагина Т.И. ХАРАКТЕРИСТИКА УРОВНЕЙ СФОРМИРОВАННОСТИ ГОТОВНОСТИ БАКАЛАВРА ПЕДАГОГИЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ К РАЗВИВАЮЩЕМУ ОБУЧЕНИЮ МЛАДШИХ ШКОЛЬНИКОВ ИНОСТРАННОМУ ЯЗЫКУ	277
Соломченко М.А., Рожнов А.А., Бойко В.В. СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ ПРОЦЕССА ОБУЧЕНИЯ ВОЛЕЙБОЛУ СТУДЕНТОВ ВУЗОВ С ПОМОЩЬЮ ИГРОВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ	281
Таканаев А.А., Яроватая М.А., Ярмолинская Т.М. ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНЫЕ ДАННЫЕ, ПОЛУЧЕННЫЕ В РАМКАХ ПОДГОТОВКИ ЭЛЕКТИВНОГО КУРСА «КОМПОЗИТНЫЕ МАТЕРИАЛЫ В МЕДИЦИНЕ»	285

Топчий И.В. ЭТАПЫ И ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ УСЛОВИЯ ДОПОЛНИТЕЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ РОССИЙСКИХ АРХИТЕКТОРОВ	288
Фарафонова И.В. СИСТЕМА ЗАДАНИЙ ДЛЯ ПОДГОТОВКИ СТУДЕНТОВ-БАКАЛАВРОВ К ОРГАНИЗАЦИИ ПРОЕКТНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ МЛАДШИХ ШКОЛЬНИКОВ	296
Хайдарова А.Р., Митяева А.М. ФОРМИРОВАНИЕ ТЕХНОЛОГИЧЕСКОЙ КОМПЕТЕНЦИИ КАК ПОКАЗАТЕЛЬ КОНКУРЕНТОСПОСОБНОСТИ БУДУЩЕГО СПЕЦИАЛИСТА (НА ПРИМЕРЕ СПЕЦИАЛЬНОСТИ «ОБРАБОТКА ВОДНЫХ БИОРЕСУРСОВ»)	300
Цуканова Е.М., Терновых Т.Ю. ПОТЕНЦИАЛ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ АКТИВНЫХ МЕТОДОВ ОБУЧЕНИЯ НА ЗАНЯТИЯХ И ПРИ ПРОВЕДЕНИИ НАУЧНО-ПОЗНАВАТЕЛЬНЫХ МЕРОПРИЯТИЙ	304
Чернятин М.С. АНАЛИЗ РЕЗУЛЬТАТОВ ПЕДАГОГИЧЕСКОГО ЭКСПЕРИМЕНТА ПО ФОРМИРОВАНИЮ У УЧАЩИХСЯ ЭКОЦЕНТРИЧЕСКОГО СОЗНАНИЯ В КУРСАХ ГЕОГРАФИИ ОСНОВНОЙ ШКОЛЫ	307
Чертыховцева Е.А. У ИСТОКОВ ОТЕЧЕСТВЕННОГО ГРАФИЧЕСКОГО ДИЗАЙНА	315
Шалимова О.Н. ФОРМИРОВАНИЕ ОБЩЕКУЛЬТУРНЫХ КОМПЕТЕНЦИЙ У БУДУЩИХ ОФИЦЕРОВ ПОЛИЦИИ КАК СРЕДСТВО РЕШЕНИЯ ПРОБЛЕМЫ ПРОФИЛАКТИКИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ	319
Шульдешова Н.В. КАЧЕСТВЕННАЯ СОСТАВЛЯЮЩАЯ КОМПЕТЕНЦИЙ В ОБРАЗОВАНИИ. МНОГОЯЗЫЧИЕ	322
Яроватая М.А., Бобкова Е.А., Хмарина А.К. «АНАЛИЗ СОДЕРЖАНИЯ БЕЛКА ИЗ РАЗЛИЧНЫХ ИСТОЧНИКОВ» КАК ПРИМЕР НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОЙ РАБОТЫ СО СТУДЕНТАМИ ПО БИОХИМИИ	326
РЕДАКЦИОННО-ИЗДАТЕЛЬСКАЯ КОЛЛЕГИЯ	330
ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ НАУЧНОЙ СТАТЬИ	331

Editorial board:

Scientific editor-in-chief

Avdeyev F.S. Doctor in Pedagogics, Prof.

Scientific deputy editor-in-chief

Puzankova E.N. Doctor in Pedagogics, Prof.

Board members:

Dudina E.F. Candidate of Philology (Russia)
Khovanskaya E.A. Candidate of Pedagogics (Russia)
Alexandrova A.P. Candidate of Philology, Docent (Russia)
Eisenstat M.P. Doctor of History, Prof. (Russia)
Antonova M.V. Doctor of Philology, Prof. (Russia)
Arzakanyan M.Ts. Doctor of History, Prof. (Russia)
Arsent'yeva N.N. Doctor of Philology, Prof. (Spain)
Bednarskaya L.D. Doctor of Philology, Prof. (Russia)
Vidmarovich N.P. Doctor of Philology, Prof. (Croatia)
Gella T.N. Doctor of History, Prof. (Russia)
Zaichenkova M.S. Doctor of Philology, Prof. (Russia)
Ivanov A.E. Doctor of History, Prof. (Russia)
Izotov V.P. Doctor of Philology, Prof. (Russia)
Kovalev P.A. Doctor of Philology, Prof. (Russia)
Larionova L.G. Doctor of Pedagogics, Prof. (Russia)
Lvova S.I. Doctor of Pedagogics, Prof. (Russia)
Maimeskulova A.L. Doctor of Sciences, extraordinary Prof. (Poland)
Minakov S.T. Doctor of History, Prof. (Russia)
Mikhail'chenko S.I. Doctor of History, Prof. (Russia)
Mikheicheva E.A. Doctor of Philology, Prof. (Russia)
Nikolaev V.A. Doctor of Pedagogics, Prof. (Russia)
Nikonova T.A. Doctor of Philology, Prof. (Russia)
Novikov S.N. Doctor in Pedagogics, Prof. (Russia)
Obraztsov P. I. Doctor in Pedagogics, Prof. (Russia)
Pasternak E.L. Doctor of Philology, Prof. (Russia)
Pogosyan V.A. Doctor of History, Prof. (Armenia)
Ponchon T. Doctor of Philology, Prof. (France)
Retinskaya T.I. Doctor of Philology, Docent (Russia)
Tamine M. Doctor of Philology, Prof. (France)
Ter-Minasova S.G. Doctor of Philology, Prof. (Russia)
Uman A.I. Doctor in Pedagogics, Prof. (Russia)
Chekova-Dimitrova I. Candidate of Philology, Docent (Bulgaria)
Chelysheva I.I. Doctor of Philology, Prof. (Russia)
Cherepanova L.V. Doctor in Pedagogics, Prof. (Russia)
Chikalova I.R. Doctor of History, Prof. (Belarus)
Shemchuk J.M. Doctor of Philology, Prof. (Russia)
Shi Hunshen Candidate of Philology, Prof. (China)
Yamaguchi R. Doctor of Philology (Japan)

Acting chief editor

Dudina E.F. Candidate of Philology

Editorial Office address:

302026, Orel, 95 Komsomolskaya Str., of. 237.
Tel. (468-2) 43-17-40
www.oreluniver.ru E-mail: utchen-zap@univ-orel.ru

Registered in the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Mass Communications. Certificate ПИИ № ФС 77-65752 from 20.05.2016

Index 43366
on general catalog «Press of Russia»

© Team of authors, 2019

© OSU named after I.S. Turgenev, 2019

Contents

07.00.00 – HISTORICAL SCIENCES

Arbekov A.B. DEATH OF BONAPARTISM: THE EVENT'S CHRONICLE OF THE ANGLO-ZULU WAR OF 1879 (BASED ON MATERIALS FROM THE BRITISH PRESS)	7
Gella T.N. THE EMPIRE AND THE IMPERIAL IDEA IN THE VIEWS OF RUSSIAN AND BRITISH INTELLECTUALS OF THE LAST THIRD OF THE XIX CENTURY	13
Zolotareva E.V., Emelyanova O.Yu. ARBORETUM OF ALL RUSSIAN RESEARCH INSTITUTE OF FRUIT CROP BREEDING: HISTORY OF FORMATION AND THE CURRENT STATE OF THE LANDSCAPE ARCHITECTURE MONUMENT	20
Ivanova A.G., Zael'skaya S.A. THE CONTRIBUTION OF THE CREATIVE CLERISY OF THE ORENBURG REGION TO THE SOCIO-CULTURAL DEVELOPMENT OF SOVIET SOCIETY IN THE SECOND HALF OF THE 1980 s.	24
Lapina L.A. HISTORICALIMAGOLGY: METHODSANDCATEGORIES	28
Makeeva S.B. HISTORY OF APPLICATION OF THEORETICAL AND PRACTICAL INNOVATIONS OF REGIONAL DEVELOPMENT IN THE SPATIAL ORGANIZATION OF THE ECONOMY OF THE PRC (1978 -PRESENT)	33
Minakov S.T. «DUMA'S GENERAL" B.A.ZMEEV IN BOYARS' COUNCIL	39
Orlov A.S., Kochergin I.G. ECONOMIC VIEWS OF M.O. MENSHIKOV IN HIS EARLY PERIOD	44
Popkova O.V. COMMERCIAL AND DIPLOMATIC CONTACTS BETWEEN ENGLAND AND RUSSIA AT THE EARLY STAGE OF THEIR DEVELOPMENT	47
Pupykin N.I. EVOLUTION OF THE THEORY AND PRACTICE OF WESTERN EUROPEAN 2 AND AMERICAN CONSERVATIVE IDEOLOGY	52
Savosichev A.U. CHURCH INFRASTRUCTURE NOVOSILSKOGO COUNTY IN THE EARLY SEVENTEENTH CENTURY	59
Kharitonova E.G. (PUTILINA E.G.) THE HISTORY OF ESTABLISHMENT AND DEVELOPMENT OF THE MOVEMENT TO SAVING THE MEMORY OF VICTIMS OF POLITICAL REPRESSIONS IN NIZHNIY TAGIL	64
Shchekotikhin E.E., Andreev N.A. THE TRAGEDY OF THE RYAZAN DIVISION NEAR THE VESNINI VILLAGE	72
Shchekotikhin E.E. BAGRAMYAN'S ARMY IN THE BATTLE OF ZHIZDRA IN THE WINTER OF 1943	80

10.00.00 – PHILOLOGICAL SCIENCES

Akimushkina E.O. GENERIC IDENTITY OF THE PANEGYRICS OF AMIR MUIZZI (1048/49–1123)	87
Aleoshina L.V. N.S. LESKOV ON FAMILY EDUCATION	92
Antjukhov A.V., Volga A.N. MEMOIR-AUTOBIOGRAPHICAL BEGINNING AND GENRE CODE OF THE BOOK OF NAMES IN "HISTORY OF THE GRAND DUKE OF MOSCOW"BY ANDREI KURBSKY	95
Belskaya A.A. I.S. TURGENEV NOVEL «ON THE EVE»: TYPES OF COMMUNICATION BETWEEN THE NAME AND THE OWNER IN THE SYSTEM OF MINOR CHARACTERS IMAGES	99
Bubnov S.A. BOOKS OF POEMS BY S. A. YESENIN «SOVIET COUNTRY» AND «SOVIET RUSSIA» IN THE PERCEPTION OF CONTEMPORARIES	107
Gladkov A.K. "VIRIS BONIS VERA AMICITIA EST": NOTION OF AN IDEAL SOCIETY IN MEDIEVAL POLITICAL LITERATURE ..	110
J. Lee FRACTURE OF POETIC WORD AND PERFORMATIVITY OF LYRIC POETRY (ON THE MATERIAL OF METALYRIC POEMS OF B.L. PASTERNAK)	113
Dudko A.E. HISTORY OF P.B. SHELLEY'S «OZYMANDIAS» SONNET TRANSLATIONS INTO RUSSIAN LANGUAGE IN COMPARATIVE PROSODY ASPECT ARTICLE 1	118

The journal is included in the list of reviewed scientific journals, which should publish the scientific results of dissertations for the doctor and candidate degree (included in the List of HAC) list of HAC of 28.12. 2018

07.00.02 – Domestic history (historical sciences), 07.00.03 – General history (of the corresponding period) (historical sciences), 10.01.01 – Russian literature (philological sciences), 10.01.03 – Literature of the peoples of foreign countries (with indication of specific literature) (philological sciences), 13.00.02 – Theory and methods of training and education (by areas and levels of education) (pedagogical sciences), 13.00.08 – Theory and methodology of vocational education (pedagogical sciences)

Zinoveva R.V. PLAYING POETICS OF EDWARD ALBEE'S DRAMA «WHO IS AFRAID OF VIRGINIA WOLF»	123
Izotov V.P. REFLECTION OF JOURNALISM, ADVERTISING AND PR IN THE WORK OF VYSOTSKY	129
Kovaleva T.V., Simonenkova S.N. PECULIARITIES OF THE POETIC PRAYER GENRE IN K.M. FOFANOV'S LYRICS	132
Kokovina N.Z. TYPOLOGICAL PARADIGM OF THE EPISTOLARY AND JOURNALISTIC TEXTS OF A. I. HERZEN	139
Krivolapov V.N. THE PROBLEM OF THE "INEXPRESSIBLE" IN LITERATURE AND PAINTING OF THE NEW TIME AND THE MIDDLE AGES	143
Melnikova L.A. AN INTERNAL MONOLOGUE AS A MEANS FOR DISCLOSING THE CHARACTER OF THE HERO IN DOSTOYEVSKY'S SHORT STORY "A GENTLE CREATURE" AND H. BÖLL'S NOVEL "AND NEVER SAID A WORD"	151
Mikhailova I.P. THE PEASANT WORLD IN LEONTY CHEMISOV'S CREATIVITY	156
Parvaneh Poulaki THE FATE OF THE NOVEL "AND QUIET FLOWS THE DON" BY M. A. SHOLOKHOVIN IRAN	161
Seriagina Yu.S., Nikonova N.E. GERMAN DRAMA ON THE REGIONAL STAGE IN RUSSIA OF THE LATE XIX – EARLY XX CENTURIES: R. FOSS, A. SCHNITZLER, G. BAR	168
Simonenkova S.N. POETIC PRAYERS ON ENCOURAGEMENT AND FORGIVENESS IN RUSSIAN POETRY OF 80 s-90 s OF 19 ST CENTURY	177
Smirnov K.V., Cherkasov V.A. THE ARCHETYPE EMBODIMENT IN TURGENEV'S STORY «THREE PORTRAITS»	181
Chevtayev A.A. M. ZENKEVICH'S ONTOLOGICAL SYNCRETISM (ON THE POETICS OF THE POEM "WE CARRY EVERYTHING IN THE SOUL – THE STEEL AND THE GRACEFUL ALTAR ...")	184
Cherkasov V.A. THE V.F. KHODASEVICH'S "WAR IN THE RUSSIAN LYRIC POETRY": THE PROBLEM OF CRITERIA OF ANTHOLOGICAL SELECTION	191
Cherkasov V.A., Smirnov K.V. THE VICTIM AND HER PUNISHMENT (ABOUT THE STORY OF I.S. TURGENEV «THE INN»)	195
13.00.00 – PEDAGOGICAL SCIENCES	
Abramova I.E., Shishmolina E.P. INCREASING MOBILITY OF NON-LINGUIST STUDENTS: RESUME AND COVER LETTER CONTENT	198
Amelina O.Yu. DIFFICULTIES OF TEACHING WEB-DESIGN IN THE SYSTEM OF PROFESSIONAL TRAINING OF GRAPHIC DESIGNERS	201
Barakova E.A. IMPLEMENTATION OF THE METHODIC FOR FORMATION REGULATORY EDUCATIONAL ACTIONS BY MEANS OF MES	205
Baranova-Shishkova L.I., Zvonareva E.A. GEOGRAPHICAL ASPECTS OF THE GLASS INDUSTRY IN THE CONTOUR OF THE CENTRAL FEDERAL DISTRICT OF THE RUSSIAN FEDERATION IN THE LABORATORY OF APPLIED CHEMISTRY	210
Boyko V.V., Muzalevsky A.A. THE USE OF ROPE-SKIPPING IN SECONDARY AND HIGHER EDUCATIONAL INSTITUTIONS FOR THE MANAGEMENT OF MASS SPORTS AT THE REGIONAL LEVEL	214
Gorbacheva O.A., Sorokina E.V., Borovikova A.S. THE USE OF HATHA YOGA GYMNASTICS IN PRIMARY SCHOOL FOR IMPROVING THE LEVEL OF HEALTH, PHYSICAL DEVELOPMENT AND PHYSICAL FITNESS OF CHILDREN	219
Gorlova Y.I., Altunina O.E. FORMATION OF PROFESSIONAL COMPETENCE OF STUDENTS OF PHYSICAL CULTURE PROFILE	223
Gryadunova E.N., Savin L.A., Gorin A.V., Tokmakova M.A., Tokmakov N.V. PROGRAMMED LEARNING CAPABILITIES AND LIMITATIONS	226
Zvonareva E.A., Zhukova M.I. PEDAGOGICAL TECHNOLOGIES IN THE MODE OF NETWORKING	231
Kovaleva G.I., Milovanov N.Yu. MOTIVATIONAL RESOURCE OF ADDITIONAL THEMES OF THE FLUXIONAL CALCULATION OF THE MATHEMATIC SCHOOL COURSE	235
Koveshnikova E.N., Koveshnikov P.A. TO THE QUESTION ABOUT THE CULTURE OF MANUAL GRAPHIC FEEDING OF THE PROJECT IN EDUCATION OF BACHELORS OF ART COSTUME AND TEXTILES	240
Kurasbediani Z.V., Solomchenko M.A. THE STUDY OF CULTURAL VALUES ORIENTATIONS OF FUTURE CUSTOMS OFFICERS IN THE UNIVERSITY	243
Kurdyumov S.S. PROBLEMS DEMO-EXAM AS A TOOL TO DETERMINE THE LEVEL OF READINESS FOR PROFESSIONAL ACTIVITIES	246
Leushina I.V., Leushina L.I., Saltykova A.A. FOREIGN LANGUAGE TRAINING OF THE GRADUATE OF TECHNICAL UNIVERSITY IN THE CONTEXT OF IDEOLOGY «INDUSTRY 4.0»	249
Mishina S.V. DEVELOPMENT OF PROFESSIONALLY SIGNIFICANT QUALITIES OF FUTURE ECONOMISTS BY MEANS OF THE HIDDEN CURRICULUM	253
Pavlova T.A., Uvarova M.N. MONITORING OF KNOWLEDGE ON THE SUBJECT «MATHEMATICS» DURING THE INTERNET EXAM.	258
Prikhoda I.V. THE SCIENTIFIC AND METHODOLOGICAL APPROACH TO SOLVING ACTUAL PROBLEMS OF ORGANIZATION AND CONDUCT PROFESSIONAL ACTIVITY OF FUTURE SPECIALISTS IN ADAPTIVE PHYSICAL CULTURE	262
Reveko L.S. MEDIA TEXT AS A MEANS OF MASTERING INTERCULTURAL COMPETENCE (BASED ON THE GERMAN PRESS)	267
Selemeneva E.M., Cozhus S.V., Frolenkova L.Yu. TRAINING OF SPECIALISTS IN THE FIELD OF ENGINEERING	270
Seregina T.V., Terekhov S.V. SYNERGETIC APPROACH IN THE CONDITIONS OF MODERN EDUCATIONAL PROCESS	273
Smagina T.I. CHARACTERISTIC OF LEVELS OF FORMING READINESS OF THE BACHELOR IN PEDAGOGICAL EDUCATION FOR THE DEVELOPING TEACHING OF YOUNGER SCHOOLCHILDREN TO A FOREIGN LANGUAGE	277
Solomchenko M.A., Rozhnov A.A., Boyko V.V. IMPROVING THE PROCESS OF TEACHING VOLLEYBALL TO UNIVERSITY STUDENTS WITH THE HELP OF GAME TECHNOLOGIES	281
Takanayev A.A., Yarovataya M.A., Yarmolinskaya T.M. EXPERIMENTAL RESULTS OBTAINED WITHIN THE ELECTIVE COURSE «COMPOSITE MATERIALS IN MEDICINE»	285

Topchiy I.V. STAGES AND THE PEDAGOGICAL CONDITIONS OF THE RUSSIAN ARCHITECT'S SUPPLEMENTARY PROFESSIONAL DEVELOPMENT	288
Farafonova I.V. SYSTEM OF TASKS FOR STUDENTS-BACHELOR'S DEGREES PREPARATION FOR PROJECT ACTIVITY ORGANIZATION OF CHILDREN IN PRIMARY SCHOOL	296
Khaydarova A.R., Mityaeva A.M. THE FORMATION OF TECHNOLOGICAL COMPETENCES AS AN INDICATOR OF THE COMPETITIVENESS OF A FUTURE SPECIALIST (USING THE EXAMPLE OF A SPECIALTY «THE PROCESSING OF AQUATIC BIOLOGICAL RESOURCES»)	300
Tsukanova E.M., Ternovyykh T.J. POTENTIAL OF USING ACTIVE LEARNING METHODS DURING LESSONS AND SCIENTIFIC AND EDUCATIONAL ACTIVITIES	304
Chernyatin M.S., Chertykova E.A. THE ANALYSIS OF RESULTS OF A PEDAGOGICAL EXPERIMENT ON FORMATION AT PUPILS OF ECOCENTRIC CONSCIOUSNESS IN COURSES OF GEOGRAPHY OF THE MAIN SCHOOL	307
Shalimova O.N. THE FORMATION OF COMMON CULTURAL COMPETENCIES OF FUTURE POLICE OFFICERS AS A MEANS OF SOLVING THE PROBLEM OF CRIME PREVENTION	319
Shuldeshova N.V. QUALITATIVE COMPONENT OF COMPETENCES IN EDUCATION. MULTILINGUALISM	322
Yarovataya M.A., Bobkova E.A., Khmarina A.K. “THE ANALYSIS OF PROTEIN CONTENT TAKEN FROM DIFFERENT SOURCES “AS THE EXAMPLE OF RESEARCH WORK WITH STUDENTS IN BIOCHEMISTRY	326

УДК 94(410)

UDC 94(410)

АРБЕКОВ А.Б.

аспирант, кафедра всеобщей истории и регионоведения, Орловский государственный университет имени И.С. Тургенева
E-mail: killkennedy123@yandex.ru

ARBEKOV A.B.

Graduate Student, Department of General History and Regional Studies, Orel State University
E-mail: killkennedy123@yandex.ru

ГИБЕЛЬ БОНАПАРТИЗМА: ХРОНИКА СОБЫТИЙ АНГЛО-ЗУЛУССКОЙ ВОЙНЫ 1879 г. (ПО МАТЕРИАЛАМ БРИТАНСКОЙ ПРЕССЫ)

DEATH OF BONAPARTISM: THE EVENT'S CHRONICLE OF THE ANGLO-ZULU WAR OF 1879 (BASED ON MATERIALS FROM THE BRITISH PRESS)

В данной статье анализируются события англо-зулусской войны 1879 года, приведшие к гибели последнего представителя французской императорской династии Бонапартов Луи Эжена Наполеона IV. На основе писем и газет автор изучает мнение английской общественности относительно причин и виновников инцидента, который повлиял на международный престиж Великобритании во внешней политике.

Ключевые слова: Викторианская Англия, колониальные войны, имперская политика, Франция, Южная Африка, Бонапарты.

This article analyzes the events of the Anglo-Zulu war of 1879, which led to the death of the last representative of the French imperial Bonaparte dynasty, Louis Eugene Napoleon IV. Based on letters and newspapers, the author studies the opinion of the British society regarding the causes and perpetrators of the incident, which affected the international prestige of the Great Britain in foreign policy.

Keywords: Victorian England, colonial wars, imperial politics, France, South Africa, Bonaparte.

В последней трети XIX века основным столпом внешней политики Британской империи становится активная колониальная экспансия в Азии и Африке. С момента окончания Крымской войны (1853-1856) вплоть до второй Англо-бурской войны (1899-1902) Британская империя участвовала более чем в десятках колониальных конфликтах и экспедициях, тем самым значительно увеличив свои территориальные владения в обозначенных выше регионах. Особый интерес колонизаторов представляла южная часть Африки.

К 70-м годам XIX в. на юге Африканского континента четыре территории управлялись белым населением: две британские колонии – Капская и Наталь – и две бурские республики – Трансвааль, или Южно-Африканская республика, и Оранжевое Свободное государство. Открытие алмазных залежей в 1869 г. на территории Западного Грикваленда дало толчок для быстрого экономического роста Южной Африки. Укрепление английских позиций в этом районе стало важнейшим направлением имперской политики Великобритании [1, с. 103].

Генри Говард Герберт лорд Карнарвон, государственный секретарь по делам колоний, стремился объединить «различные территории южной части Африки в «самоуправляющуюся» (то есть управляемую поселенцами) колонию под британским флагом. С этой целью чрезвычайный комиссар по делам в Трансваале Теофил Шепстон аннексировал Трансвааль в 1877 году.

Однако аннексия не могла быть безопасно осуществлена без войны с зулу. Неизбежность войны с зулусами была очевидна британским военным и политическим деятелям еще в середине 70-х гг. XIX в. В 1875 году сэр Гарнет Уолсли, генерал-инспектор колониальных войск Британии в Африке, после изучения ситуации, сложившейся в Натале, отмечал, что все трудности в отношениях с африканцами могли быть решены аннексией Зулуленда [10, p. 59].

В английской и колониальной печати появлялись публикации, в которых преувеличивалась угроза нападения африканцев на английские колонии и Трансвааль. В либеральном журнале «Эдинбург ревью» открыто говорилось, что Британия должна оказать «чисто моральное влияние» на правителя зулусов Кетчвайо с тем, чтобы «спасти трансваальскую республику от истребления» [1, с. 103].

Несмотря на общее настроение элит и попытку создать в общественном сознании представления о необходимости силового решения вопроса с зулусскими племенами, в целом консервативное правительство Бенджамина Дизраэли не решалось на открытую военную экспансию. Такой подход объясняется напряженной международной обстановкой, в которой торийский кабинет пытался всячески воспрепятствовать усилению Российской империи на Востоке. В результате русско-турецкой войны 1877-1878 гг. и подписания Сан-Стефанского мирного договора Россия укрепила свое влияние на Балканах. Также сказывалось ее по-

степенное продвижение в Среднюю Азию: в 1865 году Россия взяла под свой контроль Шымкент, в следующем году Самарканд, а в 1873 году был получен контроль над внешней политикой Бухары и Хивы. Таким образом, была создана прямая граница между Афганистаном и Российской империей [14, p.58]. Это беспокоило английские политические круги, и, с целью защиты границ «жемчужины империи» – Индии, Великобритания развязала в 1878 году войну с Афганистаном для создания буферной зоны в противовес российскому продвижению.

Тори не желали взвалить на себя бремя затратной войны в Южной Африке, которая может возыметь серьезные политические последствия. В 1878 году вместо лорда Карнарвона на пост министра колоний был назначен сэр Майкл Хикс-Бич. В своем письме верховному комиссару в Южной Африке Бартлу Фреру, одному из сторонников силового решения зулусского вопроса, он отмечал: «Обстоятельства таковы, что дела в Восточной Европе и Индии приняли столь серьезный оборот, что мы не можем себе позволить иметь в доверок к уже существующим большим проблемам, еще и войну с зулу» [10, p. 61].

Несмотря на предостережения в начале 1879 года незначительные пограничные конфликты позволили верховному комиссару Капской провинции сэру Б. Фреру предъявить ультиматум королю Кетчвайо с заведомо невыполнимыми требованиями. 11 января 1879 года британские войска под командованием генерала Фредерика Аугустуса Тезигера лорда Челмсфорда выступили против зулусов.

Примерно через 11 дней отряд под командованием самого Челмсфорда стал лагерем вблизи горы Изандлвана. У этой горы, напоминающей спящего сфинкса, командующий разделил свой отряд на две части. Половина осталась на месте, а остальных солдат лорд повел на поиски противника.

В результате данных действий отряд, оставшийся в лагере, был подвергнут нападению зулусов общей численностью до 20 тыс. человек. Сражение у Изандлваны стало настоящей бойней. Зулусы не брали пленных и убивали всех, кого могли. В результате сражения осталось несколько выживших, которые вспоминали детали этого события: «их было значительно больше, примерно двадцать на одного... где падет 100, выйдет 300 и сметёт все на своем пути... невзирая на выстрел, или залп артиллерии, или штыковые удары, они продолжали приходить тысячами и убивать наших людей, как собак» [11, p. 3].

12 марта еще одна катастрофа постигла британские силы возле границ Трансвааля, когда 800-900 зулусов напали на лагерь на берегу реки Нтомбе (Интомби). Их целью был конвой из восемнадцати фургонов, везущих снаряжение, боеприпасы и продовольствие из Льенебурга в Наталь в сопровождении сотни солдат под командованием капитана Д. Б. Мориарти. В этот момент река разлилась под сильным дождем, и на северном берегу осталось шестнадцать фургонов, расположенных в

виде V-образного лагеря [12, p. 473]. Под прикрытием раннего утреннего тумана зулусы подкрались к северному лагерю, после чего примерно в 5 часов утра открыли огонь и атаковали англичан с помощью ассегавов. Капитан Мориарти и семьдесят восемь солдат погибли в этом бою, поражение сильно усложнило последующее продвижение британцев вглубь страны и потребовало срочной перегруппировки основного массива войск [13, p.44].

Ряд таких серьезных и громких поражений сразу превратил англо-зулусскую войну 1879 г. в международное событие и стал важнейшим предметом обсуждения в английском обществе и объектом критики со стороны либеральной оппозиции. «Эдинбург Ревью» писала, что «война сама по себе непопулярна», она «несправедлива с самого своего начала», «дорогостоящая», «кроваво-пролитная», «бесславная» и маловероятно принесет большие выгоды Англии» [1, с. 111].

В течение следующих недель основные темы дебатов в Палате лордов и Палате общин, касающиеся войны с зулу, были опубликованы в «Айриш Таймз»: «На нас ложится самая болезненная и, пожалуй, самая неблагоприятная обязанность, которая может выпасть на долю публичного журнала: обязанность ясно и безошибочно сказать, что лорд Челмсфорд потерпел неудачу в качестве нашего главнокомандующего в Южной Африке и что он должен быть немедленно отозван» [8]. Несмотря на упаднические настроения, авторы статей находили время иронизировать над судьбой лорда Челмсфорда, противопоставляя его Юлию Цезарю. В статье «Иллюстрийтед Ньюз» от 8 марта было сказано: «Знаменитая фраза Юлия Цезаря гласила: «Пришел, увидел, победил», но лорд Челмсфорд поступил иначе: «пришел, не заметил, проиграл» [7].

Лорд Челмсфорд вернулся в Дурбан из этого бесславного похода в апреле 1879 года и с этого момента стал вынашивать планы новой войны против зулусов. Последующие два месяца британцы накапливали силы, вооружение и транспорт для двухстороннего вторжения в Зулуленд.

С середины марта в Наталь начали прибывать подкрепления. Они включали в себя пять пехотных батальонов, два кавалерийских полка, дополнительную артиллерию, инженеров и другие вспомогательные силы. В период путешествия из метрополии на африканский континент офицеры и другие бойцы практиковались со своим оружием, посещали лекции, посвященные зулу, и читали о недавних событиях в Зулуленде [13, p. 52]. Они прибыли на фронт с большой мотивацией и стремились бороться с зулу во имя британской империи.

21 мая 1879 г. два кавалерийских эскадрона под командованием Тезигера проникли на территорию королевства Зулу, а неделей позже в наступление перешли главные силы англичан. Однако уже в начале наступления 1 июня погибает принц Луи-Наполеон, который вызвался присоединиться к армии Челмсфорда [16]. В Англии смерть принца стала одной из причин широкого

недовольства премьер-министром Дизраэли, приведшего вскоре к падению его правительства.

В марте 1856 года супруга французского императора Луи Наполеона III императрица Евгения Монтихо родила будущего наследника имперской династии Бонапартов – Эжена Луи Наполеона. Это был единственный сын последнего французского монарха и на него возлагались огромные надежды. С самого рождения он был окружен былой славой своего великого рода и поступил на военную службу в возрасте девяти месяцев, став членом 1-го полка Императорской гвардии [6, р.42]. В юношеские годы он стал превосходным всадником и фехтовальщиком, следуя за своим отцом в качестве наблюдателя на поля сражений франко-прусской войны в 1870 году. Поражение Второй империи Наполеона привело к изгнанию семьи Бонапартов в Англию вместе с надеждами на имперское будущее Франции. Вскоре Луи поступил в Королевскую военную академию в Вулвиче при поддержке герцога Кембриджского, преуспел в обучении и принял приглашение присоединиться к Королевской артиллерии (став артиллеристом по воинской профессии он повторял армейский путь своего великого предка – императора Наполеона I Бонапарта) в возрасте восемнадцати лет. К этому моменту во Франции уже существовала Третья республика, но партия бонапартистов довольно быстро усиливалась, и в год совершеннолетия принца (1874 г.), провозгласила его своим главою под именем Наполеона IV – появлялись надежды на реставрацию монархического режима. После смерти отца, он принял титул Наполеона IV и ожидал возвращения во Францию, чтобы вернуть семейный трон. Бонапартисты считали, что Эжену не хватало лишь воинской славы, чтобы стать настоящим лидером французской нации [6, р. 43].

Чтобы развеять сомнение в единоличном лидерстве внутри партии, было решено отправить его в качестве наблюдателя на поля Англо-зулусской войны без какой-либо значимой военной роли. К этому времени многие из его друзей ушли на фронт и Луи также стремился стать добровольцем в британской армии, однако Дизраэли с этим не соглашался. Согласно общественному мнению, имя принца было связано романтическими отношениями со многими известными женщинами, включая дочь королевы Виктории, принцессу Беатрис [16], и таким образом была возможность породниться с потенциальным правителем Франции. Затем британскую прессу наводнили ужасающие новости об Изандлване, и только после следующих обращений ему было предоставлено разрешение отправиться в Африку в качестве «наблюдателя», будучи адъютантом лорда Челмсфорда [16]. Герцог Кембриджский написал письмо и без того обремененному лорду Челмсфорду информацией о роли принца в армии в Зулуленде: «... Имперский принц собирается за свой счет узнать как можно больше о предстоящей кампании в Зулуленде. Он очень хочет войти в ряды нашей храброй армии... надеюсь, вы проявите к нему доброту и предложите ему возможность увидеть как можно больше событий рядом с колоннами

на поле. Он хороший молодой человек, полный духа и отваги... Единственное мое беспокойство вызвано тем, что он слишком отважен и поспешно рвется в бой» [12, pp. 516-517].

«По слухам, принц Луи Наполеон изложит все пережитое им в Южной Африке в дневнике, который будет впоследствии печататься...» – сообщила в апреле 1879 года петербургская газета «Голос» [3]. Но зулусский асегай сорвал планы бонапартистов и заметно изменил политику европейских кабинетов, до того считавшихся с возможностью восстановления империи во Франции.

Луи было разрешено принять участие в походе в Зулуленд только в качестве неофициального наблюдателя. Он пытался всячески демонстрировать свою пользу в лагере, выполняя различные задания и разведывательные миссии, занимался картографированием местности при подготовке к размещению последующих новых лагерей на пути к столице Зулу Улунди.

В воскресенье 1 июня Вторая дивизия двинулась к своему новому лагерю к северу от холма Ителези (Форт Уорик). В этот день командование решило провести патрулирование в десяти милях к юго-востоку, чтобы выбрать подходящее место лагеря для наступающей Второй дивизии. В этот же день Луи попросил полковника Харрисона позволить ему завершить топографические наброски, которые он начал на новом месте разбивки лагеря. По мнению английского историка – специалиста по англо-зулусской войне Яна Найта, патруль вряд ли был в этой ситуации необходим, но под предлогом усталости принца от походной жизни и желанием приносить пользу окружающим его просьба была удовлетворена [9, р. 186]. Харрисон не видел никакой опасности в отправке Луи, поскольку район, который он собирался топографировать, уже был обыскан в поисках зулусов и находился вдали от брошенного ими крааля, где кавалерия предварительно разведывала окрестности. Лейтенант Джейхил Кэри вызвался сопровождать его и помогать с работой над картографическими эскизами Наполеона, поскольку успел наладить тесный дружеский контакт с принцем. В состав небольшого эскорта входили Кэри, сержант Уиллис, капрал Грабб и солдаты Кокрейн, Ле Ток, Абель, Роджерс и проводник по землям зулу из числа туземцев. В 9.15 они покинули лагерь Коппи Аллин.

Во время поездки была возможность усилить патруль дополнительными войсками, но Луи отказался, так как посчитал, что патруль был и так достаточно хорошо укомплектован. Они ехали несколько часов и к полудню достигли конца горного хребта, где находился заброшенный крааль около реки Итьютъоси. Вскоре Принц спешил, чтобы продолжить начатые им карты [6, р. 43]. Через некоторое время, примерно в 15.30, на близлежащих холмах был замечен одинокий зулу, вероятно разведчик, и Луи отдает приказ членам эскорта оседлать лошадей и взобраться на холм. Однако лошади паслись, и сбор занял около десяти минут. Пока отряд отдыхал в этом районе, остальные зулусы, которые были уже в курсе их местоположения, подкрались к

краалю, пытаясь окружить позицию англичан [6, р. 44].

В тот момент, когда принц и Кэри отдали приказ подняться на холм, раздались выстрелы и «... Я увидел черные лица зулусов в двадцати ярдах отсюда, устремившиеся к нам... Зная по своему опыту плохую меткость зулусов, я не ожидал, что кто-нибудь будет ранен ... один человек сказал мне: «Боюсь, принц убит, сэр». Я остановился, оглянулся и, увидел лошадь принца, скачущую на другую сторону донга» [7].

Лошадь принца понеслась прежде, чем он успел вскочить в седло. Он уцепился за притороченную к седлу кобур, но через 100 ярдов (90 м) ремень порвался, и принц упал под копыта, при этом его правая рука была повреждена. Он вскочил, выхватывая револьвер левой рукой, и побежал, но зулусы бежали быстрее. Принц был ранен копьём в бедро, но выхватил ассегай из раны. Когда он повернулся и выстрелил в своих преследователей, другой ассегай, брошенный зулусом по имени Забанга, пронзил ему левое плечо. Принц пытался защищаться, используя ассегай, который он вытащил из своей ноги, но, ослабев от ран, опустился на землю [16].

На следующий утро Челмсфорд отправил поисковые отряды из лагеря Э. Вуда, а также из лагеря второй дивизии, чтобы забрать тело молодого принца. Тело солдата Абеля, изуродованное и обнаженное, было обнаружено первым в ста ярдах от крааля. Рядом был Роджерс, также обнаженный со вспоротым животом. На этом же месте лежало тело принца. Он тоже был голым, за исключением тонкой золотой цепочки с медалью и печатью его дяди на шее. Перед уходом зулусы вспарывали тела убитых британцев – чтобы, согласно своим ритуалам, выпустить их души на волю и таким образом, очистится самим. Зулус будет носить одежду убитого, пока он не будет очищен особыми ритуалами. После того, как зулус «омоет свое копье», проявив себя в бою, он, наконец, получит разрешение от короля жениться [6, р. 45]. Челмсфорд также послал своего штатного хирурга, хирурга-майора Скотта, чтобы осмотреть тело, и следующие строки взяты из его доклада на месте происшествия: «Он лежал на спине, положив левую руку на себя, в положении самообороны. Я насчитал восемнадцать ассегайских ранений спереди... Пулевых ранений на теле не было... Тело принца было полностью раздето» [6, р. 47].

Принц получил 18 ассегайских ран в деле британского империализма. Абель и Роджерс также были убиты и выпотрошены, когда Кэри и оставшиеся в живых скрылись с места происшествия. Солдаты скакали на многие мили, пока не встретили патруль подполковника Редверса Буллера, командира кавалерии в составе «летучей колонны Вуда». После того, как Кэри сказал правду о смерти принца, Буллер ответил: «Вы должны быть расстреляны, и я надеюсь, что так и будет. Я мог бы застрелить вас сам прямо на месте» [12, р. 531].

Вести о гибели принца, дошедшие до лагеря, изначально воспринимались как шутка. Со времени Изандлваны война была преисполнена неудачей и провалами, и как только новое вторжение набирало обо-

роты, произошла одна смерть, вызвавшая важные политические последствия. Челмсфорд, престиж которого и так сильно пострадал в кампании был «ужасно обижен этим, так как его обвинят в том, что он отпустил принца с таким маленьким эскортом» [7].

После поражения в Изандлване война приобрела национальный интерес, и многие корреспонденты освещали военные события, чтобы удовлетворить требования общественного любопытства. В лагере, к которому был прикреплен Луи, было много военных корреспондентов из «Таймс», «Стандарт», «Иллюстрированный Лондон Ньюз» и французской газеты «Фигаро».

Смерть принца, наследника французского императорского престола, стала сенсацией в средствах массовой информации всего цивилизованного мира, была шоком для французского народа и серьезным затруднением для англичан. Первые сообщения поступили 28 июня, почти через месяц после инцидента, и смерть принца была встречена с искренней скорбью. Дизраэли, один из главных виновников войны с зулусами, и тот не мог скрыть своего изумления. «Что за восхитительный народ – он убивает наших генералов, обращает наших епископов в свою веру и пишет слово «конец» на истории французской династии» [5, с. 211].

Как и следовало ожидать, первые сведения о смерти принца были расплывчаты, поэтому больше внимания уделялось взглядам британских, европейских государственных деятелей и монархов. В статье «Иллюстрированный Лондон Ньюз» указывалось, что военное министерство и конная гвардия не сыграли никакой роли в поощрении Луи к участию в экспедиции, так как он шел, будучи добровольцем, «за свой счет» [7].

После исследования событий при Изандлване в той же статье, вновь ставится под сомнение обоснованность войны со стороны англичан, в этот раз, выдвигая аргументацию на примере гибели принца. В ней говорится, что «трагическая смерть принца-наследника в незначительном набеge... может повлечь сомнительную выгоду... такая мужественность, скромность, изящность и гибкость ума, вырванная из жизни руками нескольких варваров... Гордый принц был самой бесславной жертвой» [7].

«Айриш Таймс» в своих первых сообщениях об инциденте отражала то же мнение и материал, что и опубликованные в «Иллюстрированном Лондон Ньюз». Они выпустили расплывчатые сообщения об этом событии с большим акцентом на великое наследие семьи Бонапарта и влияние смерти Луи на политику во Франции и в остальной Европе. Однако ирландская газета интересовалась преимущественно международным мнением, нежели британским. Авторы выражают страх и беспокойство, что Кэри подвел Ирландию и Британскую империю своей трусостью, поскольку царил устойчивое представление, что он ирландец [8]. Причина, по которой его считали ирландцем, неясна, поскольку Кэри родился в Лестершире, а его отец также был урожденным англичанином [8]. И все же его предполагаемая родина «беспокоилась о доказательствах, в которых они увере-

ны: он выполнял свой долг как солдат... ради надежд великого народа» [8]. В отличие от «Иллюстрированной Лондон Ньюз», ирландская пресса опубликовала информацию французских газет и корреспондентов с мнением относительно смерти принца, и о том, кто, на их взгляд, был виноват в произошедшем. Публиковались мнения французов с обвинением Челмсфорда и солдат, сопровождавших принца. Французы с каждым днем становились все более откровенными в своей критике поведения лорда Челмсфорда, который позволил принцу, и, особенно его спутникам в разведывательной экспедиции расточительно обращаться со своей жизнью, «оставляя его на произвол судьбы» [8].

Лондонская газета «Таймс» сообщала о смерти Луи похожим образом, но журналисты старались осветить его гибель без подробностей и больше сфокусировались на международной скорби, которая выражалась в серьезных политических последствиях. 23 августа газета обнародовала заявление о судебных решениях по делу против Кэри со словами, что он «командовал» патрулем. В статье говорится, что Кэри принял командование только по старшинству в звании среди остальных членов эскорта, и не имел для этого соответствующих полномочий, поэтому до конца не осознавал, в каком трудном положении он находился во время патрулирования, и что «он будет свободен от вины как морально, так и юридически» [15].

Тело Луи было возвращено в начале июля в Королевский Арсенал Вулвич, расположенный на берегу реки Темзы в Лондоне. Королева Виктория привезла останки Луи в Чизлхерст, его дом в Англии, где он был похоронен в римско-католической церкви Святой Марии рядом со своим отцом, таким образом была выполнена его просьба перед отправлением в Африку [16]. На следующий день прошла похоронная процессия, в которую входила королева Виктория, и ее дочь Беатрис, на церемонии присутствовало более 40 000 человек. Несущими гроб Наполеона были принц Уэльский, герцог Эдинбургский, герцог Коннотский, наследный принц Гюстав Шведский и двое французов. Памятник принцу воздвигли также жители Чизлхерста, в лесу около Кэмден-хауса. На нём выбиты слова из завещания принца, написанного перед отъездом в Африку: «Я

умру с чувством глубочайшей благодарности её величеству Королеве, всей королевской семье и стране, где на протяжении восьми лет я пользовался таким сердечным гостеприимством» [16].

Кульминационным моментом в оценке либералами имперской и колониальной политики консервативного правительства Б. Дизраэли стал период предвыборной кампании 1879–1880 гг. Афганская и зулусская войны обострили интерес английского общества к колониальным и имперским проблемам. Определенные неудачи британских войск, которые имели место во время военных действий в Афганистане и Южной Африке, большие военные расходы, экспансионистские цели, преследуемые торийским правительством, давали либеральной оппозиции прекрасный повод для критики внешней политики консерваторов [2, с.33]. Между 24 ноября и 5 декабря 1879 г. Гладстон объехал Мидлотианский округ (в Шотландии), всюду выступая с многочисленными речами, в которых резко нападал на политику Дизраэли (в том числе, повлекшей гибель принца) и обещал в случае своего прихода к власти мирную внешнюю политику и реформы внутри страны.

Выборы в парламент, состоявшиеся в марте 1880 г., дали победу либералам: они получили в новом парламенте 349 мест (консерваторы – 250 мест). Дизраэли подал в отставку [4, с. 141].

Смерть Наполеона Эжена привела к утрате практически всех надежд бонапартистов на реставрацию их дома во Франции. Вскоре после гибели принца во главу французского государства становится республиканец президент Жюль Гревь, при котором монархические заговоры потерпели поражение, и государственный строй Третьей республики только упрочился. В найденной молитвенной книге Наполеона, которая велась от его руки, последняя запись гласила: «Когда я подойду к концу своей жизни, я обращаю глаза к прошлому без страха. Его память не будет для меня долгим раскаянием. Тогда я буду счастлив. Внушай глубже в мое сердце, о Боже, убеждение в том, что те, кого я люблю и кто умер, являются свидетелями всех моих действий. Моя жизнь будет достойна их взгляда, и мои сокровенные мысли никогда не заставят меня покраснеть» [16].

Библиографический список

1. Гелла Т.Н. У. Гладстон, либералы и Британская империя в последней трети XIX в. Орел, 2008. 294 с.
2. Гелла Т.Н. Российские дипломаты об имперской политике Великобритании конца 60-х-70-х гг. XIX века (на основе документов архива внешней политики российской империи)// Ученые записки Орловского государственного университета. Серия: «Гуманитарные и социальные науки». 2014. № 5(61). С.26 - 34
3. Голос. Санкт-Петербург, 11 апреля 1879.
4. Ерофеев Н.А. Очерки по истории Англии 1815-1917 гг. Москва, 1959. 263 с.
5. Моруа А. Жизнь Дизраэли/ Пер. с франц. С. Лопашева. Москва, 1991. 254 с.
6. Diver L. Perceptions versus reality? Newspaper coverage on the Anglo-zulu War. Maynoth, 2010, 69 p.
7. Illustrated London News. March-July 1879.
8. Irish Times. June-July 1879.
9. Knight I. With his face to the foe: the life and death of Louis Napoleon, The Prince Imperial, Zululand 1879. Kent, 2001. 320 p.
10. Maylam P. A History of the African People of South Africa: from the Early Iron Age to the 1970s. London, 1986. 259 p.
11. Montgomeryshire Express. 1 April 1879.
12. Morris D.R. The Washing Of The Spears: The Rise And Fall Of The Zulu Nation. Boston, 1966, 650 p.
13. Spiers E.M. Victorian soldiers in Africa. Manchester, 2004. 212 p.
14. Tall Tactics. England Afghanistan/Chiefly Compiled from speeches and publications. London, 1879. 55 p.

15. The Times. 23 august 1879.
16. Wade A. Prince Imperial//Military History Journal. December 1974, vol. 3, no. 2// <http://samilitaryhistory.org/vol032aw.html>

References

1. Gella T.N. W. Gladstone, Liberals, and the British Empire in the Last Third of the 19th Century. Orel, 2008. 294 p.
 2. Gella T.N. Russian diplomat's opinion about imperial politics of Great Britain of the late 60s-70s XIX century (based on documents from the archive of foreign policy of the Russian Empire) // Scientific notes of Oryol State University. Series: "Humanities and Social Sciences". 2014. No. 5 (61). Pp.26 – 34
 3. Golos. St. Petersburg, April 11, 1879
 4. Erofeev N.A. Essays on the history of England 1815-1917. Moscow, 1959. 263 p.
 5. Morois A. Life of Disraeli / Translation from french by S. Lopashev. Moscow, 1991. 254 p.
 6. Diver L. Perceptions versus reality? Newspaper coverage on the Anglo-zulu War. Maynotth, 2010, 69 p.
 7. Illustrated London News. March-July 1879.
 8. Irish Times. June-July 1879.
 9. Knight I. With his face to the foe: the life and death of Louis Napoleon, The Prince Imperial, Zululand 1879. Kent, 2001. 320 p.
 10. Maylam P. A History of the African People of South Africa: from the Early Iron Age to the 1970s. London, 1986. 259 p.
 11. Montgomeryshire Express. 1 April 1879.
 12. Morris D.R. The Washing Of The Spears: The Rise And Fall Of The Zulu Nation. Boston, 1966, 650 p.
 13. Spiers E.M. Victorian soldiers in Africa. Manchester, 2004. 212 p.
 14. Tall Tactics. England Affghanistan/Chiefly Compiled from speeches and publications. London, 1879. 55 p.
 15. The Times. 23 august 1879.
 16. Wade A. Prince Imperial//Military History Journal. December 1974, vol. 3, no. 2// <http://samilitaryhistory.org/vol032aw.html>
-

УДК 94 (420). 082 94(47). 081.4

UDC 94 (420). 082 94(47). 081.4

ГЕЛЛА Т.Н.

доктор исторических наук, профессор, кафедра всеобщей истории и регионоведения, Орловский государственный университет имени И.С. Тургенева
E-mail: gellat@mail.ru

GELLA T.N.

Doctor of Historical Sciences, Professor, Department of Universal History and Regional Studies, Orel State University
E-mail: gellat@mail.ru

ИМПЕРСКИЙ ФАКТОР В ДИСКУРСЕ БРИТАНСКИХ И РОССИЙСКИХ ПОЛИТИКОВ И ИНТЕЛЛЕКТУАЛОВ В 70-Х ГОДАХ XIX ВЕКА

THE EMPIRE AND THE IMPERIAL IDEA IN THE VIEWS OF RUSSIAN AND BRITISH INTELLECTUALS OF THE LAST THIRD OF THE XIX CENTURY

Статья посвящена вопросам отношения представителей интеллектуальной мысли Великобритании и России к Восточному кризису и русско-турецкой войне 1877-1878 гг. Главное внимание автором уделяется имперскому фактору в аргументации интеллектуалов двух стран по вопросам о предназначении России и Англии в судьбах народов Балканского полуострова. На основе эпистолярных и публицистических материалов автор анализирует взгляды британских политических и общественных деятелей на балканские события второй половины 70-х годов XIX в., а также рассматривает позиции известных русских интеллектуалов Ф.М. Достоевского, И.С. Тургенева, Я.П. Полонского по вопросам миссии России на Балканах.

Ключевые слова: Россия, Великобритания, Восточный кризис, русско-турецкая война, империя, интеллектуалы

The article is devoted to the attitude of the representatives of the intellectual thought of Great Britain and Russia to the Eastern crisis and the Russian-Turkish war of 1877-1878. The main attention to the Imperial factor in the argument of the intellectuals of the two countries on the destiny of Russia and England in the fate of the peoples of the Balkan Peninsula is paid. On the basis of the epistolary and journalistic materials, the author analyzes the views of British politicians and public figures on the Balkan events of the second half of the 70-ies of the XIX century, and the position of well-known Russian intellectuals of F.M. Dostoevsky, I.S. Turgenev, Ya.P. Polonsky on the issues of Russia's mission in the Balkans also is described.

Keywords: Russia, Great Britain, Eastern crisis, Russian-Turkish war, Empire, intellectuals

В истории XIX в империи играли знаковую роль. В исследовательской литературе чаще всего используются такие понятия, как морские и континентальные империи. Примером первых может служить Британская империя, а вторых – Российская империя. Безусловно, история их образования имеет свою специфику. Но как сами жители этих империй определяли место своих государств в мире? Какую роль в формировании имперских настроений и имперского сознания играли интеллектуалы?

Р. Арон определяет интеллектуала как «человека идей и человека науки» [1, с. 187]. В дореволюционной России с 60-х гг. XIX в. употреблялось понятие «интеллигенция». По мнению отечественного исследователя Л.А. Фадеевой, которая в свою очередь приводит высказывания Д.П. Мирского, интеллигенция в Англии возникает в 80-90-х гг. XIX в. [10]. Таким образом, можно говорить, что и в России, и в Великобритании формируется определенная категория людей, которая генерирует и популяризирует идеи, представляющие интерес для общества. В данном случае речь идет об отношении российских и британских представителей интел-

лектуальной мысли к империи и имперской идеологии. Одним из проявлений последней является национализм.

Интерес представляет презентативность имперской идей в период обострения военных конфликтов в российском и британском обществах, в частности в годы обострения Восточного кризиса и русско-турецкой войны 1877-1878 гг.

События на Балканах в середине 70-х гг. XIX в. всколыхнули всю Европу. Россия и Великобритания оказались одними из активных участников этих событий. Анализ источников показывает, что империя и интересы империи как таковые как в Британии, так и в России во многом ассоциировались с национальными интересами. При этом они, безусловно, соприкасались с геополитическими целями и задачами обоих государств. Это, в первую очередь, касается правящих элит России и Великобритании. А каково же было отношение общественности к имперским интересам?

Во второй половине 70-х гг. английские имперские интересы сосредоточивались в восточных районах Средиземноморья и странах Среднего Востока. В широком смысле слова Восточный вопрос для англичан со-

относился не только с судьбой Турецкой империи и ее обширными владениями на Балканах и в Малой Азии, но и имел отношение к странам Среднего Востока – Персии, Афганистану и, безусловно, к Индии. Понятия “Восточный вопрос” и “империя” получали среди англичан идентичное звучание.

Восточный вопрос в узком его смысле, т.е. судьба Османской империи и ее взаимоотношения с балканскими славянскими народами, несмотря на чисто европейский аспект событий, приобрел для англичан в рассматриваемый период большое имперское значение. В период его обострения и русско-турецкой войны 1876-1878 гг. в английском обществе развернулась дискуссия о том, что вкладывалось в понятие «Британские интересы», что собой должна представлять Британская империя и какова ее роль в судьбе самой Англии.

Лондон выстраивал свой внешнеполитический курс на Балканах в зависимости от расстановки сил на Ближнем Востоке, т.е. от усиления там влияния другой великой державы и ее возможного преобладания в Азии, которое могло нести угрозу для британских имперских коммуникаций. Политика английского правительства в период обострения Восточного вопроса в середине 70-х гг. и англо-турецкой войны 1877-1878 гг. является ярким свидетельством такого курса.

Правительство консерваторов во главе с Б. Дизраэли проводило довольно последовательную политику по защите интересов Великобритании во время набравшего силу Восточного кризиса. Отношение своего кабинета к данному вопросу премьер-министр уже с начала кризиса объяснял необходимостью защиты интересов Британской империи [20, 1876, vol. 27, col. 1146.]. Дизраэли был твердо убежден, что Константинополь – это ключ к Востоку, и именно там, а не в Египте, “находится подлинная гарантия пути в Индию” [2, 1876 г., д.77, л. 28; 14, р.84]. Официально придерживаясь политики “нейтралитета”, Дизраэли не раз прибегал к угрозам военного вмешательства Британии в конфликт между Россией и Турцией на стороне последней.

В октябре 1876 г. консервативный кабинет принял решение по Восточному вопросу, одним из пунктов которого, как сообщал русский посол в Лондоне Шувалов, был “ввод британского флота в Босфор с мощной высадкой десанта, который частично был взят из ее частей в Индии. Целью этого проявления силы являлась защита Константинополя от русской агрессии, овладение им в случае надобности и его удержание...” [2, 1876 г., д. 77, л. 20/об.-21]. Пребывание английской эскадры под командованием адмирала Хорнби в Эгейском и Мраморном морях в непосредственной близости от Константинополя с начала русско-турецкой войны, обсуждение в парламенте зимой 1878 г. вопросов о дополнительных военных субсидиях и о мобилизации английских военных резервных сил, отправка контингента индийских войск (7 тыс. человек) на о. Мальта были звенья одного политического курса, направленного на закрепление имперских позиций Британии в Восточной части Средиземноморья. Свою задачу в пе-

риод Восточного кризиса консервативное правительство видело также и в том, чтобы выйти из него “не с пустыми руками”. Торийские министры выдвигали далеко идущие планы – “возможную оккупацию” нескольких портов в Сирии и Ливане – и мечтали об эффективном “контроле и управлении Азиатской Турцией” [25, р.3,5]. В центре внимания торийского кабинета был о.Кипр. Российская исследовательница О.Б. Шпаро считала, что Кипру предназначалась роль не столько “охраны” Суэцкого канала и английского “пути в Индию”, сколько прямого плацдарма для наступательных действий при завоевании Египта, с одной стороны, и для проникновения в азиатские провинции Османской империи – с другой [12, с. 13]. Приобретение этого острова являлось одним из ключевых пунктов участия Лондона в работе Берлинского конгресса 1878 г., который подвел итоги русско-турецкой войны, и Восточному кризису в целом. Выступая в парламенте после своего возвращения из Берлина, Б. Дизраэли в оправдание и в защиту своей политики заявлял, что Кипрская конвенция [26], согласно которой Турция передавала контроль над о.Кипр Англии, устраняла страхи перед любой угрозой для путей в Индию [20, 1878, vol. 241, col. 1753-1774].

Что же касается России, то во время обострения Восточного кризиса имперская идеология выкристаллизовывалась в рамках т.н. «исторической миссии России», т.е. освобождение балканских народов от турецкой зависимости. Значение Восточного вопроса приобрело первостепенную важность для геополитических интересов Российской империи; он становится предметом активного обсуждения в кругах российских интеллектуалов, главным образом представителей славянофильства и панславизма. Последователи именно этих религиозно-философских и общественных течений рассматривали возможность объединения под началом Российской империи всех славянских народов, находившихся в пределах Османской империи [8, с. 544]. К числу наиболее ярких представителей этой интеллектуальной традиции следует прежде всего отнести А.С. Хомякова, Ф.И. Тютчева, М.П. Погодина, Н.И. Костомарова, И.В. Киреевского, К.С. Аксакова, И.С. Аксакова. Многие их идеи нашли не только отражение, но и развитие в трудах следующего поколения, представителей так называемого позднего славянофильства – Н.Я. Данилевского, Ф.М. Достоевского, К.Н. Леонтьева и др. [8, с. 544].

Однако это освободительная миссия России сопровождалась необходимостью решения важнейших для России внешнеполитических задач: восстановление утерянного мирового престижа России после Крымской войны и продвижение России к проливам Босфор и Дарданеллы и к Средиземному морю. И здесь можно привести в пример взгляды Николая Павловича Игнатьева, российского посла в Стамбуле. Он видел цели балканской политики России достаточно широко. Как отмечает М.Ф. Хевролина: «Еще в бытность директором Азиатского департамента, Игнатьев выработал свое видение российской политики на Балканах. Главной ее задачей он считал восстановление позиций

России, утраченных после Крымской войны. Для этого надо было отрешиться от приоритета принципа защиты православия и перейти к поддержке национально-освободительных стремлений балканских народов. Игнатъев был решительным сторонником создания на Балканах независимых национальных государств при поддержке России. По его мысли, эти государства должны были стать опорой России в этом регионе. Конечной же целью, полагал он, оставалось решение в интересах России проблемы проливов, ведь последние при известных условиях могли быть открыты султаном для военного флота враждебных России держав, что создавало угрозу южному побережью страны» [11, с. 7]. Его позиция по отношению Турции сводилась к следующему: «Господство России в Царьграде и особенно в проливах, независимость славян в союзе и под покровительством России, по мнению каждого истого патриота, выражает необходимое требование исторического призвания развития России» [11, с. 7]. В целом, «...интересы славян, которые он горячо защищал в отличие от руководства МИД, сочетались у него всегда с интересами России, как и у славянофилов 60-70-х годов, с которыми он был близок. Славянофилы так же, как и Игнатъев, пеклись об имперских интересах и подчиняли дело освобождения и объединения славян задачам усиления внешнеполитической мощи России» [6, с. 14].

Таким образом, национальные интересы России, как и интересы Англии, также сосредотачивались в районе Балкан и носили довольно ярко выраженную имперско-геополитическую направленность. Как у Лондона, так и у Петербурга, центром внимания был Константинополь и Проливы.

Восточный вопрос и русско-турецкая война 1877-1878 гг. вызвали самую широкую и значительную реакцию деятелей политического общественного движения как в Англии, так и в России. Анализ дискуссий в британском и российском обществах свидетельствует о наличии разных подходов у интеллектуалов двух стран к реализации национальных интересов своих государств.

Если говорить о Британии, то можно привести примеры реакции английского общества на публикацию памфлета У.Гладстона «Болгарские ужасы и Восточный вопрос» (начало сентября 1876 г.). В памфлете был затронут и имперский аспект. Гладстон поставил под сомнение стремление английского правительства отстаивать подлинные интересы Британии в Юго-Восточной Европе. Он писал: «...Кто поднял руку на английские интересы? ... Если заявление первого министра (об отправке английского флота на Восток с целью защиты Британских интересов – Т.Г.) значит что-нибудь кроме пустого хвастовства, то, конечно, из него надо вывести, что наш флот ждет распада Турецкой империи с целью первому захватить львиную долю добычи». Гладстон также высказывался против запугивания англичан призраком «русской угрозы» [16, р. 47,48].

В основе критики У. Гладстона политического курса консерваторов лежали опасения, что своими недальновидными действиями они могли привести к

усилению влияния России на Балканах, что противоречило Британским интересам в этом регионе [18, р. 147]. Относительно судьбы самой Турецкой империи автор памфлета высказывался за сохранение принципа, как он сам выразился, «как было прежде». Но за этот же принцип, но только в другой интерпретации, выступали и лидеры консервативной партии. Таким образом, анализируя позиции торийского руководства и У. Гладстона, можно отметить, что речь в целом шла о защите Британских интересов в Османской империи, но расхождения между ними заключались в вопросах о методах и средствах осуществления этой задачи. Отличительной чертой выраженного Гладстоном отношения к Восточному вопросу было акцентирование им внимания на моральной стороне внешней политики Великобритании.

Памфлет У. Гладстона получил большой резонанс в стране. 10000 экземпляров разошлись в течение трех или четырех дней. Но интересно отметить, что сами лидеры либеральной партии довольно сдержанно отнеслись к его выходу в свет. Категорически против тезиса о роли морального фактора во внешней политике высказался Ч. Дилк [19, р.209]. Памфлет Гладстона ему не понравился. Он, правда, не пошел в своих заявлениях так далеко, как Дизраэли, утверждавшего, что Гладстон был хуже, чем любой болгарский ужас, хотя и заметил У. Харкорт: «Если Гладстон пойдет еще дальше, я стану турком». Как утверждал биограф Ч. Дилка Р. Дженкинс, он занимал «позицию если не крайней, то центристской (central) изоляции» [21, р. 102, 103].

Последовавшие в сентябре 1876 г. выступления У. Гладстона перед избирателями в Блэкхите, Южном Дургаме и публикация его писем в «Таймс», посвященных данной проблеме, дали толчок мощному движению английской общественности, так называемой «Болгарской агитации». Герцог Аргайл писал, что «общественное настроение было наиболее мощным из всех факторов, имеющих отношение к Восточному вопросу» [13, р. 233]. В движении «Болгарской агитации» активное участие приняли представители радикального крыла либеральной партии и неконформисты. Эти выступления королева Виктория расценивала как антиконституционные.

Другим проявлением отношения британского общества к Восточному вопросу стало движение джингоизма, характеризующиеся антирусской и русофобской направленностью. Именно в период нарастания шовинистического угара в стране (1877-1878 гг.) в печати развернулась дискуссия по проблемам Британской империи и ее роли в судьбах человечества. Оппонентами в ней выступили публицист Э. Дэйси и У. Гладстон.

Э. Дэйси, придерживавшийся праволиберальных взглядов, опубликовал в ряде номеров журнала «Найтинг Сенчери» за 1877-1878 гг. несколько статей [23, 1877, June, р. 665-685; Aug., р. 3-14; Sept. р. 292-308; 24, 1878, Arg., р. 786-791], в которых фактически обосновал консервативный подход к «империи». В них он убеждал читателей в необходимости оккупации Египта

в интересах имперской безопасности. Он открыто заявлял, что “никогда не скрывал своего убеждения в том, что прямая оккупация Дельты Англией была бы лучшим решением всех трудностей в интересах не только этой страны (Англии – Т.Г.), но и самого Египта”. Он утверждал, что англичанам, чтобы усилить позиции своей страны в этом районе Средиземноморья, необходимо действовать самостоятельно – “самим и для себя”. Подобные действия, утверждал Дэйси, смогут приостановить продвижение России в район Средиземноморья и обеспечить безопасность Суэцкому каналу на пути в Индию. Великобритания создала свою империю, потому что она сильная держава и в деле защиты своих владений она не должна уклоняться от их расширения. Господство и могущество Великобритании, заявлял автор статей, зависело от ее имперских позиций. Империя в материальном отношении, по его мнению, обеспечивала Британию мощь, величие и славу. Дэйси оправдывал английское господство в Индии тем, что обладание этой страной соответствовало “нашим интересам, нашей репутации, потому что мы (англичане – Т.Г.) приобрели ее и намерены ее удержать”. Как отмечали исследователи Р. Кобнер и Г. Шмидт, Э. Дэйси стал литературным представителем того настроения среди англичан, которое было “илибиальным” и “милитаристским”, “настроения, которому политический кризис на Ближнем Востоке помог зародиться” [22, р. 133].

У. Гладстон вступил в полемику с Э. Дэйси и на страницах “Найтинг Сенчери”, опубликовав также ряд статей, среди которых по значимости затронутых вопросов выделялась публикация под названием “Английская миссия” [23, 1877, Aug. p. 149-166; 24, 1878 March, p. 594-595; Sept. p. 564-584.]. В них Гладстон отстаивал либеральный взгляд на Британскую империю. Он утверждал, что величие и благополучие английской нации находились на Британских островах, а не за их пределами. Империя, по его мнению, означала слабость для Англии. Что же касается Индии, то Гладстон, явно искажая факты, заявлял, что Англия не имеет в ней никаких интересов, за исключением материального благополучия самих ее жителей. Он отрицал наличие у Британии “особых интересов” в Восточном Средиземноморье. Автор статей подверг критике заявления Дизраэли о “почетном мире”, сделанные им после возвращения с Берлинского конгресса. Оккупация о.Кипр, по его мнению, не соотносилась с этим понятием. Гладстон характеризовал правительственный курс как политику территориального расширения, которая подкреплялась “военным хвостовством”. Рассуждая не только о свободных развивающихся обществах, не только о “либеральной, свободной, кооперированной и децентрализованной”, но и о “справедливой Британской империи”, он тем самым противопоставлял либеральный подход к пониманию империи консервативному. Гладстон писал: “...нецелесообразно приобретать владения, которые, подобно Кипру, никогда не станут Британскими, поскольку они уже имели свой неизгладимый этнический характер. В них мы останемся

в роли хозяев и иностранцев, и взаимоотношения в лучших своих вариантах не будут иметь тех облагораживающих черт, которые в случаях, подобно Америке и Австралии, дают высокую моральную силу существующим отношениям...”. Средства, с помощью которых Британия действительно получит выгоду, заключались, по его мнению, в умеренности в мыслях и языке и в равенстве прав, гарантированных всем государствам и нациям. В своих статьях Гладстон дал определение двум имперским школам: консервативной и либеральной. Если первая подразумевала только административную связь между метрополией и колониями, подчинение их на основе силы, “обольщение” англичан “империализмом”, то последняя рассматривала империю как развивающееся сообщество, связанное с метрополией узами родства и уважения, дружбы и долга.

Либеральный подход к империи У. Гладстон отстаивал и в статье “Родственники за границей”, опубликованной в журнале “Норт Американ Ревью” [17, р. 203-248], в которой он поднимал проблему роли государства в проведении имперской политики и рассматривал вопрос о “бремени” империи. По его мнению, правительство не должно было брать на себя чрезмерных обязательств, например, аннексию новых территорий, “которые бы напоминали вступление во власть или притязания на нее”. Он отстаивал идею об империи как о “самоуправляющихся нациях” с “представительным правительством”.

Необходимо отметить, что не все либералы разделяли взгляды своего признанного лидера. В частности, представляет интерес высказывания Ч.Дилка по данному вопросу. В 1878 г. он опубликовал небольшой памфлет под названием “Восточный вопрос” [15]. В нем он критически отзывался о восточной политике консервативного правительства, что сближало его с У. Гладстоном и другими либералами. Что же касается вопросов о судьбах турецких владений и Египта в первую очередь, то Дилк в данном случае занял позицию, резко отличавшуюся от гладстоновской. Он полагал, что английская оккупация будет выгодна не только для Британии, но и в большей степени для самих египтян. Таким образом, Ч.Дилк, один из немногих представителей руководства либеральной партии, радикал по своим политическим воззрениям, открыто высказывался в пользу активной экспансионистской политики относительно Египта, считая его ключевым пунктом в вопросе об обеспечении безопасности Индии. Его позиция свидетельствовала о том, что процесс восприятия проблем, касавшихся сущности Британской империи и так называемых “Британских интересов”, был для либералов довольно сложным и не мог быть сведен только к односторонней интерпретации их негативного отношения к экспансионистской политике консерваторов.

Что же касается отношения российской общественности к Восточному вопросу и русско-турецкой войне, то оно обусловлено несколькими факторами: наличием исторической памяти о многочисленных войнах России с Османской империей; близостью имперских, нацио-

налистических, религиозных и гуманистических ценностей в контексте освобождения славянских народов на Балканах; всеобщим единодушием в стремлении восстановить международный престиж России после Крымской войны. Интересы Российской империи широко обсуждались в российском обществе. Идея освободительной войны в этом регионе становится популярной и стала выполнять роль национального побудителя, объединяющего различные слои российского общества. Однако это не свидетельствовало об отсутствии в нем дискуссий по ряду важнейших вопросов.

По мнению российского исследователя С.А. Кочукова: «Деление русского общества на консервативные и оппозиционные силы по отношению к войне само по себе устарело и является достаточно проблематичным» [5, с. 164]. Отмечая единство правящей элиты и российской общественности в вопросе об освобождение балканских народов, можно отметить ряд спорных вопросов, дискутируемых в обществе. В частности, вопросы, касающиеся целей Российской политики на Балканах.

Славянские комитеты стали центрами интеллектуальной и общественной активности и главными популяризаторами идеологии «славянского братства». В основе их деятельности лежали идеи панславизма, продвигаемые И.С. Аксаковым. Он и его сторонники были приверженцами «великой славянской идеи», которая в полной мере была разработана в стенах Московского славянского благотворительного комитета, представители которого были твердо убеждены в том, что «защита и освобождение турецких христиан есть нравственный долг и назначение православной России». Славянофилы видели в войне выполнение особой исторической миссии русского народа, заключавшейся в сплочении вокруг России славянских народов на основе православия. В 1877 году великий русский писатель Ф.М. Достоевский писал в «Дневнике писателя»: «Константинополь должен быть наш, завоеван нами, русскими, у турок и остаться нашим навеки.... Россия будет владеть лишь Константинополем и его необходимым округом, равно Босфором и проливами, будет содержать в нем войско, укрепления и флот, и так должно быть еще долго, долго.... Константинополь есть центр восточного мира, а духовный центр восточного мира и глава его есть Россия.» [3, т. 26, с. 83-85]. При этом он шел дальше, чем славянофилы, поскольку он являлся сторонником идеи не просто захвата столицы Турции - Константинополя, а переноса столицы России в эту «колыбель православия». Он был сторонником войны и с националистических позиций пытается оправдать военные действия России. Так он утверждал в «Дневнике писателя», что «война укрепляет каждую душу самосознанием самопожертвования, а дух всей нации сознанием взаимной солидарности и единения всех членов, составляющих нацию» [4, т.9, с. 111.]. Достоевский заявлял еще в 1886 г., что война «... есть повод массе уважать себя, а потому народ и любит войну <...> пролитая кровь важная вещь! Нет, война в наше время необходи-

ма; без войны провалился бы мир или, по крайней мере, обратился бы в какую-то слизь, в какую-то подлую слякоть, заражённую гнилыми ранами...» [3, т. 22, с. 126].

Западники, в лице И. С. Тургенева, отрицали значение мессианского, религиозного аспекта и считали, что целью войны является не защита православия, а освобождение болгар. Тургенев писал: «Болгарские безобразия оскорбили во мне гуманные чувства: они только и живут во мне – и коли этому нельзя помочь иначе как войною, – ну, так война!» [9, с. 212]. В письме к Я.П. Полонскому в декабре 1876 г. он объяснял свою позицию следующим образом: «Ты предполагаешь, что я магометанскую веру считаю – или должен считать – каким-то низшим видом, чем-то мизерным в сравнении с христианством – в этом ты вполне ошибаешься. Помоему – это два вида одной формации – и, освобождая болгар, мы должны руководствоваться не тем фактом, что они христиане – а турки магометане – а тем, что турки их режут и грабят» [9, с. 252]. При этом И.С. Тургенев выступал как ярый противник превращения возможной освободительной войны в войну религиозную, на которой настаивали И.С. Аксаков, М.Г. Черняев и др. Тургенев писал Е.А. Черкасской в ноябре 1876 г.: «Я, Вы знаете, не славянофил и никогда им не буду; сочувствовать глубоко движению, охватившему всю Россию, уже потому не в состоянии, что оно исключительно религиозное; но силу и стихийную громадность его признаю – и сам желаю войны, как единственного исхода из этого взволнованного мрака; да – видя на месте ненависть к нам всей Европы – нельзя, наконец, не углубиться в самого себя – и не признать за Россией права поступить, как ей хочется» [9, с. 212].

Вопросы войны широко обсуждались на страницах российских журналов. Так, «Вестник Европы» довольно подробно комментировал происходящие и события как дипломатического, так и военного характера. В частности, Я.П. Полонский, являвшийся одним из авторов внешнеполитического раздела журнала, полемизируя с панславистами, протестовал против захватнической войны с Османской империей. Однако, как считает исследователь Н.Ю. Николаев, отрицая необходимость завоевательной войны, Полонский допускал и даже ратовал за войну освободительную. Мировлюбивые устремления автора отступали перед перспективой «полного освобождения балканских христиан от власти Порты и обеспечения нам свободы выхода из Черного моря» [7, с. 141].

Таким образом, в целом общественное мнение России выступало за освободительную войну против Турции. В ходе Русско-турецкой войны 1877-1878 гг. четко обнаруживалось соотношение интересов внешней политики, как их понимало руководство страны (по преодолению последствий Крымской войны), с идеологией освобождения южных славян, которая объединяла российское общество. В определенной степени точки соприкосновения позиций власти и общества Российской империи по отношению к восточному вопросу были.

В итоге можно констатировать, что имперские идеи

получили распространение как в Великобритании, так и в России. Их специфичность заключалась в том, что они соотносились с национальными интересами каждого из государств и во многом сходились на Балканском полуострове, который в геополитическом аспекте выступал важнейшим фактором в решении их внешнеполитических задач. Другой особенностью являлось

распространение имперских идей в контексте соприкосновения позиций власти и общества. С одной стороны, общественные круги России и Британии находились под влиянием националистических идей, а с другой стороны – эти общественные силы оказывали давление на свои правительства, с которыми последние вынуждены были считаться.

Библиографический список

1. Арон Р. Опиум интеллектуалов // Логос. 2005. № 6(51). С.182-205.
2. Архив внешней политики Российской империи, ф. 133, оп. 470
3. Достоевский Ф.М. Полн. собр. соч. в 30 т. Л.: Наука 1972 – 1990. Т. 22. Т. 26.
4. Достоевский Ф.М. Дневник писателя. /Собрание сочинений: В 9 т. Т.9. 2007.
5. Кочуков С.А. Отношение образованного общества России к русско-турецкой войне 1877-1878 гг.//Власть.2011. № 11. С. 163-166.
6. Кочуков С.А. «Партия действия»: к вопросу о восприятии войны с османской империей правящей элитой России (70-е годы XIX века)// Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия История. Международные отношения. 2015. Т. 15. Вып. 1. С.12-17. [Электронный ресурс] URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/partiya-deystviya-k-voprosu-o-voispriyatii-voyny-s-osmanskoj-imperiey-pravyaschey-elitoy-rossii-70-e-gg-xix-v>
7. Николаева Н.Ю. Восточный кризис и русско-турецкая война на страницах журнала «Вестник Европы»//Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4: История. Регионоведение. Международные отношения. 2011. № 1 (19) С. 140-145.
8. Туманян Т.Г. Восточный вопрос в российской публицистике: от философии к политике//Вестник Санкт-Петербургского университета. Философия и конфликтология. 2018. Т. 34. Вып. 4. С. 543–555. [Электронный ресурс]. URL: <https://doi.org/10.21638/spbu17.2018.408>
9. Тургенев И.С. Полное собрание сочинений и писем: в 30-ти т. Письма в 18-ти. Т.15. М., Наука. 2012.
10. Fadeeva L.A. Дискуссии об интеллектуалах в контексте политической истории Запада// Диалог со временем. 2012. Вып. 41. С. 108-138. [Электронный ресурс]. URL: http://roii.ru/publications/dialogue/article/41_6/fadeeva_la/discussions-on-intellectuals-in-the-context-of-the-western-political-history.
11. Хевролина В.М. Н.П. Игнатъев и его «Походные письма 1877 года»//Игнатъев Н.П. Походные письма 1877 года. М., РОСПЭН. 1999.
12. Шпаро О.Б. Захват Кипра Англией. М., 1974.
13. Argyll G.D. The Eastern Question from the Treaty of Paris 1856 to the Treaty of Berlin and the Second Afghan War. In 2 Vol. L., 1879. Vol. 1.
14. Buckle G. The Life of Benjamin Disraeli, Earl of Beaconsfield. Vol.VI. L., 1929.
15. Dilke Ch. Sir. The Eastern Question. L., 1878.
16. Gladstone W. Bulgarian Horrors and The Question of the East //Bulgarian Horrors and Russia in Turkistan. With Other Tracts. Leipsig, 1876.
17. Gladstone W. Gleaning of Past Years. 1843-1878. Vol. 1. L., 1879.
18. Gladstone W. Letter to the Editor of “The Daily News”, 14 Sept. 1876 //Bulgarian Horrors and Russia in Turkistan. With Other Tracts. Leipsig, 1876.
19. Gwynn S., Tuckwell G.M. The Life of the Rt. Hon. Sir Charles W.Dilke, Bart, M.P. Vol.1. L., 1917.
20. Hansard’s Parliament Debates..3 Ser.
21. Jenkins R. Victorial Scandal. A Biography of the Right Hon. Gentleman Sir Charles Dilke. New York, 1965.
22. Koebner R., Schmidt H.D. Imperialism. The Story and Significance of a Political Word. 1840-1960. Cambridge, 1964.
23. The Nineteenth Century. 1877.
24. The Nineteenth Century. 1878.
25. Ryder D. The Cabinet Journal of Dudley Ryder, Viscount Sandon, 11 May-10 Aug. 1878. L., 1974.
26. Turkey. N 36. 1878. Correspondence Respecting the Convention between Great Britain and Turkey of June 4, 1878//АВПРИ, ф. 133, оп. 470, 1878 г., д. 79, т.2, л. 371-371/об.

Reference

1. Aron R. The Opium of the intellectuals // Logos. 2005. No. 6 (51). Pp. 182-205.
2. Archive of Foreign Policy of the Russian Empire, f. 133, op. 470
3. Dostoevsky F.M. Poln. Coll. Op. in 30 vols.: Nauka 1972-1990. T. 22. T. 26.
4. Dostoevsky F.M. The Writer’s Diary. / Collected works: In 9 vols. 2007.
5. Kochukov S.A. The Attitude of the Educated Society of Russia to the Russian-Turkish war of 1877-1878. // Power.2011. No. 11. Pp. 163-166.
6. Kochukov S.A. The “Action Party”: on the Perception of the War with the Ottoman Empire by the Ruling Elite of Russia (70-ies of the XIX Century).IzvestiyaSaratovUniversity.NewSeries.SeriesHistory.InternationalRelations.2015.T.15.Vol.1.C.12-17.[Electronicresource]URL:<https://cyberleninka.ru/article/n/partiya-deystviya-k-voprosu-o-voispriyatii-voyny-s-osmanskoj-imperiey-pravyaschey-elitoy-rossii-70-e-gg-xix-v>
7. Nikolaeva N.Yu. Eastern Crisis and the Russian-Turkish War on the Pages of the Journal “Vestnik Evropy” // Vestnik Volgograd State University. Series 4: History. Regional Studies. International Relations. 2011. No. 1 (19) Pp. 140-145.
8. Tumanyan G.T. the Eastern Question in Russian Journalism: from Philosophy to Policy//Vestnik of Saint Petersburg University. Philosophy and Conflict Studies. 2018. T. 34. Vol. 4. Pp. 543-555. [Electronic resource.] URL: <https://doi.org/10.21638/spbu17.2018.408>
9. Turgenev I.S. The Complete Works and Letters: in 30-minute t Letters in 18. T. 15. M., Science. 2012.
10. Fadeeva L.A. Discussions about Intellectuals in the Context of the Political History of the West // Dialogue with time. 2012. Vol. 41. Pp. 108-138. [Electronic resource.] URL: http://roii.ru/publications/dialogue/article/41_6/fadeeva_la/discussions-on-intellectuals-in-the-context-of-the-western-political-history.
11. Khevroлина V.M. N. P. Ignatiev and his “Marching letters of 1877” // Ignatiev N. P. Marching Letters of 1877. M., ROSPEN. 1999.
12. Shparo O.B. Capture Of Cyprus By England. Moscow, 1974.
13. Argyll G.D. The Eastern Question from the Treaty of Paris 1856 to the Treaty of Berlin and the Second Afghan War. In 2 Vol. L., 1879. Vol. 1.
14. Buckle G. The Life of Benjamin Disraeli, Earl of Beaconsfield. Vol.VI. L., 1929.
15. Dilke Ch. Sir. The Eastern Question. L., 1878.

16. *Gladstone W.* Bulgarian Horrors and The Question of the East //Bulgarian Horrors and Russia in Turkistan. With Other Tracts. Leipsig, 1876.
 17. *Gladstone W.* Gleaning of Past Years. 1843-1878. Vol. 1. L., 1879.
 18. *Gladstone W.* Letter to the Editor of "The Daily News", 14 Sept. 1876 //Bulgarian Horrors and Russia in Turkistan. With Other Tracts. Leipsig, 1876.
 19. *Gwynn S., Tuckwell G.M.* The Life of the Rt. Hon. Sir Charles W.Dilke, Bart, M.P. Vol.1. L., 1917.
 20. Hansard's Parliament Debates..3 Ser.
 21. *Jenkins R.* Victorial Scandal. A Biography of the Right Hon. Gentleman Sir Charles Dilke. New York, 1965.
 22. *Koebner R., Schmidt H.D.* Imperialism. The Story and Significance of a Political Word. 1840-1960. Cambridge, 1964.
 23. The Nineteenth Century. 1877.
 24. The Nineteenth Century. 1878.
 25. *Ryder D.* The Cabinet Journal of Dudleye Ryder, Viscount Sandon, 11 May-10 Aug. 1878. L., 1974.
 26. Turkey. N 36. 1878. Correspondence Respecting the Convention between Great Britain and Turkey of June 4, 1878//АВПРИ, ф. 133, оп. 470, 1878 г., д. 79, т.2, л. 371-371/об.
-
-

УДК 630*27.712

UDC 630*27.712

ЗОЛОТАРЕВА Е.В.

кандидат сельскохозяйственных наук, доцент, кафедра архитектуры, Орловский государственный университет имени И.С. Тургенева
E-mail: flower64@mail.ru

ЕМЕЛЬЯНОВА О.Ю.

кандидат биологических наук, доцент, ведущий научный сотрудник, зав. лабораторией декоративных растений ФГБНУ ВНИИСПК
E-mail: dendrariy@vniispk.ru

ZOLOTAREVA E.V.

Candidate of Agricultural Sciences, Associate Professor, Department of Architecture, Orel State University
E-mail: flower64@mail.ru

EMEL'YANOVA O.Yu.

Candidate of Biology, Associate Professor, leading researcher, head of laboratory ornamental plants of All Russian Research Institute of Fruit Crop Breeding
E-mail: dendrariy@vniispk.ru

ДЕНДРАРИЙ ВСЕРОССИЙСКОГО НИИ СЕЛЕКЦИИ ПЛОДОВЫХ КУЛЬТУР: ИСТОРИЯ ФОРМИРОВАНИЯ И СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ ПАМЯТНИКА ЛАНДШАФТНОЙ АРХИТЕКТУРЫ

ARBORETUM OF ALL RUSSIAN RESEARCH INSTITUTE OF FRUIT CROP BREEDING: HISTORY OF FORMATION AND THE CURRENT STATE OF THE LANDSCAPE ARCHITECTURE MONUMENT

Статья посвящена истории и современному состоянию дендрария Всероссийского научно-исследовательского института селекции плодовых культур. Он был создан 50 лет назад при участии известного ландшафтного архитектора Л. Розенберга. Сейчас это красивый парк, коллекция насаждений которого включает около 300 наименований (видов, форм и сортов) декоративных растений из разных географических зон земного шара. Сотрудники лаборатории декоративных культур постоянно пополняют коллекцию растений и изучают растущие в дендрарии растения.

Ключевые слова: дендрарий, лиственные и хвойные растения, географический принцип, экзоты, интродуценты.

The article is devoted to the history and modern state of the arboretum of All Russian Research Institute of Fruit Crop Breeding. It was created 50 years ago with the participation of the famous landscape architect L. Rosenberg. Now it is a beautiful park, which collection of plantings includes about 300 names (species, forms and varieties) of ornamental plants from different geographical areas of the world. The staff of laboratory ornamental plants constantly replenish the collection of plants and study the plants of the arboretum.

Keywords: arboretum, deciduous and coniferous plants, geographical principle, exotic plants, introducents.

Рядом с лабораторным корпусом Всероссийского научно-исследовательского института селекции плодовых культур разбит великолепный дендрарий (рис. 1), густые лиственные и хвойные группы которого оттеняют поляны, уступами спускаются по склону оврага, создают атмосферу причастности к Природе и Земле-матушке.

Рис.1. Дендрарий ВНИИСПК - центральная часть.

Дендрарий – уникальное место, позволяющее отвлечься от городского шума и суеты, подышать чистым воздухом, напоенным ароматом цветов и хвои, послушать пение птиц, полюбоваться необыкновенной красоты пейзажами и познакомиться с редкими растениями, которых не встретишь больше нигде на территории Орла. Побывав здесь однажды, хочется возвращаться сюда снова и снова.

В 2015 году исполнилось 170 лет со дня основания в г. Орле старейшего научного учреждения России по садоводству – Всероссийского НИИ селекции плодовых культур. Указом Его Сиятельства господина министра Министерства государственных имуществ графа П.Д. Киселева от 28 апреля 1845 года в Орловской губернии был основан древесный питомник (ныне ФГБНУ ВНИИСПК), с целью развития садоводства и интродукции (введения в культуру) плодовых, ягодных и декоративных растений. Что же касается декоративных растений, то активная научная работа начинается с 1964 года, когда был организован отдел цветоводства [1, 4]. В 1966 году принимается решение об организации

дендрария, под который выделяется площадь 7 га рядом с главным корпусом. Проект дендрария уникален, т.к. его разработал один из лучших и известнейших ландшафтных архитекторов того времени – Л.Е. Розенберг. О том, насколько знаменит он был, говорят его работы, известные на весь мир – центральная аллея ВДНХ в Москве, уникальный комплекс «Мамаев Курган» в г. Волгоград, которые до сих пор поражают посетителей своей монументальностью и масштабом. Начало высадки коллекционных растений в дендрарий по утвержденному проекту было положено в 1968 году, и этот год считается годом основания дендрария (рис. 2, 3).

Рис. 2. Первые годы.

Рис. 3. Формирование дендрария.

Стиль дендрария – пейзажный, основные его принципы сформировались в Англии, и в XVIII-XIX вв. широко распространились по всему миру. Основой композиции являются две поляны, находящиеся рядом и формирующие открытое пространство, напоминающее знак бесконечности. В центре одной растет великолепный дуб черешчатый, высаженный в год 125-летия Орловской плодово-ягодной опытной станции (рис. 4).

Рис. 4. Памятный экземпляр дуба черешчатого.

По периметру поляны располагается сирингарий – обширная коллекция уникальных видов и сортов сирени; и спиреум – коллекция разнообразных видов и сортов спирей. За счет того, что представители этих коллекций цветут в разные сроки почти весь теплый период, сирингарий и спиреум формируют сад непрерывного цветения.

Группы коллекционных растений располагаются свободно, что гармонирует с существующим ландшафтом и рельефом участка. Каждая группа собрана таким образом, чтобы выглядеть привлекательно в течение всего года, поэтому можно встретить группы из хвойных и лиственных растений в разнообразных сочетаниях, позволяющие оценить декоративность как группы в общем, так и индивидуальную красоту каждого экземпляра [3, 4].

Принцип размещения коллекции растений – географический, т.е. растения сгруппированы по месту их происхождения. Всего выделено 6 географических зон на территории дендрария: Европа, Средиземноморье, Сибирь, Средняя Азия, Восточная Азия и Северная Америка (рис. 5). Видовой состав растений в каждой из географических зон отражает основные представления о центрах происхождения декоративных растений. Так, в зонах Северной Америки и Сибири преобладают хвойные; в Восточной и Средней Азии, Европе и Средиземноморье – лиственные [1].

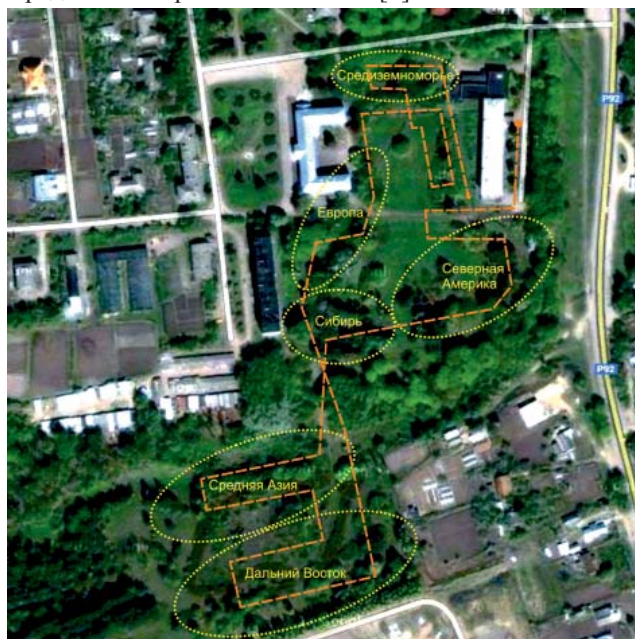

Рис. 5. Схема расположения географических зон.

Первые посадки экзотов проведены осенью 1968 года. Впервые в практике отечественного паркостроения иноземные виды растений выращивались без защиты их в молодом возрасте местной растительностью.

Растения для посадки в дендрарии привозились из различных уголков страны. Большую помощь в приобретении посадочного материала в период закладки и становления дендрария оказали: Главный ботанический сад АН РФ (г. Москва), Ботанический сад АН Белоруссии (г. Минск), Ботанический сад АН Украины (г. Киев),

Научно-исследовательский институт садоводства Сибири им. М.А. Лисавенко (г. Барнаул), Ботанический сад АН Узбекистана (г. Ташкент), Липецкая лесостепная опытно-селекционная станция (Липецкая область), ВНИИЛГиС (г. Воронеж).

Гуляя по дендрарию, можно познакомиться с огромным разнообразием растительного мира, совершить уникальное путешествие по лесам разных уголков планеты, увидеть, какие древесные растения там растут, почувствовать атмосферу тех мест, узнать о полезных качествах и интересных свойствах растений, о далеко не полностью использованных возможностях наших зеленых друзей.

Сейчас коллекция дендрария ВНИИСПК включает около 300 наименований древесных растений родом из разных уголков земного шара. Они относятся к 31 семейству и 56 родам, в том числе: хвойных – 3 семейства и 8 родов (например, род ель насчитывает 11 видов и форм, сосна – 12 видов и форм). К лиственным относятся 28 семейств и 48 родов (наибольшим разнообразием характеризуются: спирея – 18 видов и форм, яблоня декоративная – 17 видов и форм, сирень – 32 вида и сорта). На долю хвойных растений приходится 25% всех таксонов [2].

Наибольшим разнообразием представлена зона Европы, поскольку Орловская область относится к Европейской части России. Всего в ней произрастают 94 таксона, из них на долю лиственных приходится 77 наименований, произрастающих в смешанных и широколиственных лесах Европы. Далее идет зона Северной Америки (всего 72 таксона, из них к хвойным относится 35 наименований). Это самая богатая хвойными растениями зона, что характерно для флоры Северной Америки. Наименьшим количеством растений представлена зона Средней Азии, что связано с климатическими условиями Средней Азии, растения которой плохо адаптируются к условиям Орловской области.

В настоящее время в дендрарии можно увидеть такие редкие для Орла растения, как ель обыкновенная Кранстона (плакучая), сосна кедровая корейская (рис. 6), тис ягодный, береза вишневая, береза далекарлийская, береза бумажная, клен белый, сирень пекинская, и другие.

Рис. 6. Шишки сосны кедровой корейской.

В 2013 году была возобновлена работа лаборатории декоративных растений. Научные исследования ее сотрудников направлены на расширение и изучение древесных и травянистых растений аборигенной и интродуцированной флоры с целью улучшения экологической обстановки. Сотрудники лаборатории всесторонне изучают биологические и декоративные качества растений дендрария ВНИИСПК для выявления высокодекоративных и устойчивых к городским условиям видов.

Результатом этих исследований являются практические рекомендации по применению наиболее декоративных и устойчивых интродуцентов, а также редких и лекарственных растений дендрария в сфере ландшафтной архитектуры и озеленения.

По результатам наблюдений выявлены интродуценты, которые хорошо переносят климатические условия средней полосы России и могут быть рекомендованы для озеленения городов. В связи с тем, что с восточной стороны дендрария проходит автодорога с интенсивным транспортным движением, наблюдения за состоянием растений позволяют выявить интродуценты, устойчивые и к загрязнению воздуха выхлопными газами и тяжелыми металлами. По результатам наблюдений для городского озеленения были рекомендованы такие хвойные растения, как: ель сербская, пихта одноцветная, лжетсуга Мензиса тиссолистная, сосна горная низкая и другие [7]. Также выявлены морозостойкие растения: сосна крымская, береза Радде, скумпия кожаная и др. [6]. Из декоративных кустарников дендрария ВНИИСПК к наиболее перспективным отнесен барбарис оттавский [5].

Одно из основных направлений научной деятельности лаборатории декоративных растений сейчас – сохранение и расширение генофонда дендрария. В связи с этим в ближайшие годы планируется пополнить генетическую коллекцию дендрария низкорослыми сортами деревьев и кустарников для альпинариев и миксбордеров, создать коллекцию цветочных многолетников (в том числе редких и лекарственных) для создания миксбордеров и цветников, пополнить коллекцию различных форм и сортов туй, можельников и красивоцветущих кустарников (сиреней, спирей, барбарисов и других (рис. 7)).

Рис. 7. Сирингарий.

Также продолжают исследования устойчиво развивающихся фитоценозов дендрария с целью дальнейшего выявления устойчивого ассортимента древесно-кустарниковой растительности с последую-

щей рекомендацией его для озеленения населенных мест.

В дендрарии можно увидеть редкие и исчезающие виды растений, занесенные в Красные Книги различных уровней. Это береза Радде, дуб монгольский, лещина древовидная (медвежий орех), тисс ягодный [1]. Мир растений не беспределен, и только заботливое, бережное отношение позволяет сохранить великолепные творения природы. Ботанические сады и дендрарии России (в том числе дендрарий ВНИИСПК) занимаются выявлением в природе, изучением и культивированием ценных, редких и исчезающих видов растений, с целью поддержания биоразнообразия мировой флоры, раз-

работки рекомендаций по сохранению генофонда растений и рациональному использованию растительных ресурсов.

В процессе развития дендрарий ВНИИСПК может стать крупнейшей живой коллекцией и крупнейшим центром научных исследований по интродукции древесных растений в Орловской области. Результаты интродукционных экспериментов с наиболее перспективными видами древесных растений позволят сформулировать научно-обоснованные направления дальнейшего обогащения культурной дендрофлоры региона новыми видами и сортами деревьев и кустарников.

Библиографический список

1. Дубовицкая О.Ю., Цой М.Ф., Павленкова Г.А. и др. Дендрарий ФГБНУ ВНИИСПК – центр интродукции древесных растений // Садоводство и виноградарство. 2015. № 3. С. 46-50.
2. Емельянова О.Ю., Фирсов А.Н., Масалова Л.И. Таксономический анализ генетической коллекции дендрария ВНИИСПК // Селекция и сорторазведение садовых культур. 2018. Т. 5. № 2. С. 29-32.
3. Кругляк В.В., Золотарева Е.В. Зональные особенности паркостроения. Воронеж: ВГЛТА, 2003. 196 с.
4. Кругляк В.В., Золотарева Е.В., Емельянова О.Ю. Зональные особенности паркостроения: учебное пособие. Воронеж: Изд-во ВГАУ, 2016. 183 с.
5. Масалова Л.И., Фирсов А.Н. Перспективные декоративные кустарники зоны Северной Америки и Дальнего Востока в дендрарии ВНИИСПК // Современное садоводство – Contemporary horticulture. 2015. № 4 (16). С. 105-112. URL: <http://journal.vniispk.ru/pdf/2015/4/77.pdf>
6. Ожерельева З.Е., Емельянова О.Ю., Фирсов А.Н. Определение основных компонентов зимостойкости видов декоративных деревьев и кустарников разного эколого-географического происхождения в контролируемых условиях // Современное садоводство – Contemporary horticulture. 2017. № 2. С. 17-24. URL: <http://journal.vniispk.ru/pdf/2017/2/11.pdf>
7. Юрова Г.С., Калиничева Л.Н. Перспективные виды хвойных растений для озеленения сельских населенных мест // Селекция и сорторазведение садовых культур: сб. Орел: НИИСПК, 1992. С. 136-148.

References

1. Dubovitskaya O.Yu., Tzoi M.F., Pavlenkova G.A. et al. The arboretum of the All-Russian Research Institute of Fruit Crop Breeding is the center of tree and shrub introduction // Horticulture and viticulture. 2015. №3. P. 46-50.
2. Emelyanova O.Yu., Firsov A.N., Masalova L.I. Taxonomic analysis of the genetic collection of the VNIISPK arboretum // Breeding and variety cultivation of fruit crops 2018. Vol. 5. № 2. P. 29-32
3. Kruglyak V.V., Zolotareva E.V. Zone features of park construction. Voronezh: VGLTA, 2003. 196 p.
4. Kruglyak V.V., Zolotareva E.V., Emelyanova O.Yu. Zone features of park construction: a training manual. Voronezh: VSAU, 2016. 183 p.
5. Masalova L.I., Firsov A.N. Promising ornamental bushes of the North America zone and Far East in the VNIISPK arboretum. Sovremennoe sadovodstvo - Contemporary Horticulture. 2015. №4. P. 105-112. Available at: <http://journal.vniispk.ru/pdf/2015/4/77.pdf>
6. Ozherelieva Z.E., Emelyanova O.Yu., Firsov A.N. The determination of the basic winter hardiness components of ornamental tree and bush species of different ecological and geographical origin under controlled conditions Sovremennoe sadovodstvo - Contemporary Horticulture. 2017. № 2. P. 17-24. URL: <http://journal.vniispk.ru/pdf/2017/2/11.pdf>
7. Yurova G.S., Kalinicheva L.N. Promising species of coniferous plants for greenbelt setting of the country. In: Breeding and variety investigation of horticultural crops. Orel: NIISPK, 1992. P. 136-148.

УДК 94(470.56)

UDC 94(470.56)

ИВАНОВА А.Г.

доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории Отечества и социально-политических теорий, Оренбургский государственный педагогический университет

E-mail: kaf_hist_otech@mail.ru

ЗАЕЛЬСКАЯ С.А.

кандидат исторических наук, доцент, кафедра истории Отечества и социально-политических теорий, Оренбургский государственный педагогический университет

E-mail: sv_a_z@mail.ru

IVANOVA A.G.

Doctor of Historical Sciences, Professor, Head of the Department of History of the National History and Socio-Political Theories, Orenburg State Pedagogical University

E-mail: kaf_hist_otech@mail.ru

ZAELSKAYA S.A.

Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Department of the History of the National History and Socio-Political Theories, Orenburg State Pedagogical University

E-mail: sv_a_z@mail.ru

ВКЛАД ТВОРЧЕСКОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ ОРЕНБУРЖЬЯ В СОЦИАЛЬНО-КУЛЬТУРНОЕ РАЗВИТИЕ СОВЕТСКОГО ОБЩЕСТВА ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ 1980-х гг.

THE CONTRIBUTION OF THE CREATIVE CLERISY OF THE ORENBURG REGION TO THE SOCIO-CULTURAL DEVELOPMENT OF SOVIET SOCIETY IN THE SECOND HALF OF THE 1980 s.

В статье изучена роль творческой интеллигенции Оренбуржья в осуществлении социально-экономического и культурного строительства в первой половине 1980-х гг. Определена необходимость привлечения партийными организациями творческой интеллигенции к идеологической работе. Охарактеризованы основные направления культурной активности интеллигенции, включенность в решение вопросов идейно-нравственного воспитания населения. Выявлены проблемы социально-экономического и творчески-профессионального плана в деятельности творческих организаций.

Ключевые слова: творческая интеллигенция, творческие союзы, культурная жизнь, идейно-нравственное воспитание, Оренбургская область.

The article studies the role of the creative clerisy of the Orenburg region in the implementation of socio-economic and cultural construction in the first half of the 1980 s. The necessity of involving the political party associations of creative clerisy in ideological work is determined. The main directions of the cultural activity of the clerisy, involvement in the solution of issues of ideological and moral education of population are characterized. The problems of socio-economic and creative-professional aspects in the activities of creative associations are identified.

Keywords: creative clerisy, creative unions, cultural life, ideological and moral education, the Orenburg region.

Первая половина 1980-х гг. характеризовалась усилением застойных явлений во всех сферах жизни советского общества. Наблюдалось дальнейшее снижение темпов экономического развития страны, которое носило противоречивый характер. Экономика страны остановилась в своем развитии, фиксируется товарный дефицит, сельское хозяйство оказалось в сильнейшем кризисе. Однако в стране отсутствовали социальные потрясения, увеличивалась продолжительность жизни.

Творческая интеллигенция Оренбуржья искренне поддерживала партийные инициативы. В составе союза писателей, художников, театральных деятелей, пяти профессиональных театрах, филармонии, музеях, 2640 дворцах культуры, клубах и библиотеках, в кинофикации, 70 музыкальных школах трудились более 11 тыс. человек, а также работали общества – музыкальные, книголюбов, охраны памятников и т.п. [7, с. 183] Вопросы совершенствования деятельности учреждений культуры, искусства и творческих союзов находились в

поле зрения областного комитета партии, исполкома областного Совета народных депутатов. Эти проблемы обсуждались на бюро обкома КПСС, проводились встречи с руководителями творческих союзов и организаций.

Для творческой интеллигенции это был период осознания надвигающихся перемен, понимания застойных явлений во всех сферах жизни общества и необходимости решения не только вопросов художественного творчества, но и проблем социально-экономического развития региона. Так, на Пленуме Союза журналистов Оренбуржья П.М. Рыбаков отмечал, что «лучше бы нам сегодня обсуждать вопросы чисто творческие, например, о жанрах, о показе человека труда, раскрытии понятия «человеческий фактор», о критериях соревнования журналистских коллективов, но обстановка в области, в каждом сельскохозяйственном районе очень напряженная, требует нашего повседневного участия, а то и решительного вмешательства» [1, л. 6].

Определенную работу по решению проблем

социально-экономического развития региона проделали журналисты. Программу работы на селе перед журналистами определил состоявшийся в январе 1984 г. Пленум Оренбургского обкома КПСС, наметивший серьезные задачи перед журналистами. Решение Пленума обкома КПСС стало руководством к действию для районных комитетов партии. Так, бюро Саракташского райкома КПСС приняло развернутое постановление о необходимости критических публикаций районной газеты по вопросам внедрения хозрасчета и коллективного подряда на предприятиях, в колхозах и совхозах района [1, л. 20].

Средства массовой информации были включены в работу по выполнению решений пленума Оренбургского обкома партии. Более регулярно и оперативно в сравнении с другими газетами освещали заготовку кормов для животноводства журналистские коллективы газеты Сорочинского района «Коммунист» и Оренбургского района «Вперед к коммунизму» [1, л. 21].

На пленумах, заседаниях правлений творческих союзов регулярно обсуждались вопросы и отчеты об участии журналистов, писателей, художников Оренбуржья в решении социально-экономических проблем. Так, на пленуме областной журналистской организации рассматривался вопрос «Об экономической, правовой и профессиональной учебе журналистов». При этом выступления членов пленума были проникнуты озабоченностью за состояние дел в экономике, сельском хозяйстве, социальной сфере.

Творческие союзы, осуществляя решения партийных съездов, Пленумов ЦК КПСС, проводили работу по повышению роли театрального и музыкального искусства, литературы, живописи и других средств художественного творчества в духовной жизни трудящихся оренбургской области, в их идейно-нравственном воспитании.

Большинство спектаклей театров было посвящено современности, раскрывало лучшие черты советского человека-труженика, принципы и нормы коммунистической морали, содействовали формированию у зрителей активной жизненной позиции. В течение года более одного миллиона человек посещали театры, 865 тыс. – концерты областной филармонии. Разностороннюю работу по нравственно-эстетическому воспитанию проводили Государственный Оренбургский русский народный хор, Орский городской театр драмы имени А.С. Пушкина, областные организации Союза писателей и художников. Партийные организации отмечали повышение идейно-художественного уровня многих спектаклей, произведений литературы и живописи, создаваемых представителями творческой интеллигенции. Происходило усиление творческих контактов деятелей искусств с производственными коллективами, улучшалось культурное обслуживание городского и сельского населения. Каждый третий спектакль и каждый второй концерт профессиональных коллективов демонстрировался для сельских зрителей, 82 творческих работника изучаемой области осуществляли культурное шефство

над сельскими районами, оказывали помощь 47 коллективам художественной самодеятельности [9, л. 17–18].

Богатый материал для своего творчества художники получали непосредственно от своих современников, жителей городов и сел Оренбуржья. Так, художники в изучаемый период побывали более чем в 20 районах области, изучая жизнь села, труд и образ жизни советского крестьянства. Несколько лет выезжали в село и на поля Оренбургского района живописцы А. Лященко, А. Преснов, Ю. Крикунов. В Сакмарском районе работали Ю. Григорьев, в Тюльганском районе – В. Фроленко, Г. Смородин, В. Горлач, Р. Яблоков. Творческие отчеты художников перед своими земляками проходили в выставочных залах, домах культуры, промышленных предприятиях, учебных заведениях. Итогом активных контактов профессиональных художников с сельской действительностью являлось большое количество работ, посвященных теме «Земля и люди», которые экспонировались на художественной областной выставке [2, л. 24].

В течение изучаемого периода в селах и районах области были организованы выставки в Домбаровском районе в доме культуры «Голубой факел» – «Жатва-82», графика М. Мешкова и Н. Митцева, «Художники – селу» Ф. Сабирзянова и Н. Ишмухаметова. В Кувандыкском районе в селе Чураево работала групповая рабочая выставка А. Власенко, В. Еременко, В. Газукина и С. Бочкарева. В этом же районе в селе Зиянчурино состоялась рабочая выставка Н. Болодурина и самодеятельного художника В. Возиянова. В Медногорском и Новотроицком клубах отчитывались художники города Орска [2, л. 25].

Исследуемый период характеризуется, с одной стороны – значительным усилением партийного контроля над деятельностью творческой интеллигенции, а с другой – активным их привлечением партийными органами к идеологической работе среди населения. Деятельность Союза художников в первой половине 1980-х годов была во многом обусловлена памятными датами, связанным с героической историей Советского государства, такими как пятидесятилетие Оренбургской области и сорокалетие Великой Победы. Следуя идеологическим установкам партии, художники основное внимание направили на создание произведений, в которых отразились славные страницы истории Оренбуржья, природа и богатства края, характеры, судьбы и трудовые дела земляков.

Значительное место в полотнах оренбургских художников заняли темы борьбы за мир, героического и трудового подвига советского народа в годы Великой Отечественной войны. Произведения живописи, скульптуры, графики оренбургских художников демонстрировались на 19 художественных выставках [3, л. 1].

Многогранный характер современника, богатый и сложный духовный мир личности представлен художниками Оренбуржья в портретах В. Просвирина, Н. Ерохина, Н. Соколова, А. Газизовой и скульптурных композициях заслуженного художника РСФСР Н. Петинной. Образы замечательных деятелей отече-

ственной культуры и науки, связанных своей биографией с Оренбуржьем – А. Пушкина, В. Даля, Л. Толстого, Ю. Гагарина предстали в замечательных гравюрах А. Преснова. Индустриальная тема нашла свое отражение в живописи М. Газизовой, Р. Яблокова, в географических листах орчан – В. Соперникова, М. Мешкова, Н. Митцева и плакатах К. Кузенова, П. Гергиленко, В. Иванова [3, л. 2].

Успешным оказалось участием оренбургских художников в больших выставках в стране и за рубежом в 1984 и 1985 гг. Широкому зрителю экспонировались работы Н. Ерышева, Р. Асаева, Ю. Рысухина, Н. Салимзянова, Д. Преснова, О.Федоровой. На зональной выставке «Урал социалистический», проходившей в апреле 1985 г. в Свердловске, экспонировалось около 100 работ оренбургских художников [3, л. 2].

Активной в изучаемый период в Оренбуржье была деятельность писательских организаций. Решения VIII Съезда писателей СССР стали для литераторов региона основой для создания более правдивых произведений, о чем неоднократно подчеркивалось на писательских собраниях, в выступлениях перед читателями, на страницах периодической печати, по радио и телевидению. За один только 1981 год было зарегистрировано 119 выступлений литераторов в трудовых коллективах, учебных заведениях, колхозах и совхозах. Дни литературы состоялись в Акбулакском, Кувандыкском, Гайском, Новоорском, Саракташском районах. В них принимали самое активное участие члены Союза писателей Г. Саталкин, Н. Струдюмов, В. Левановский, а также товарищи из литературного актива – В. Кузнецов, Г. Хомутов, В. Одноралов, Н. Емельянова. Члены писательской организации живо откликались на поручения обкома КПСС – в дни уборочной страды побывать на хлебных полях, а потом выступить в областной печати, по радио или телевидению с материалами о тружениках жатвы. С такими материалами выступали Л. Большаков, А. Горбачев, В. Левановский, Г. Саталкин, В. Кузнецов [8, л. 25]. Борис Бурлак побывал в Саракташском районе, Алексей Горбачев посетил Илецкий район. Все писатели выступили с очерками о героях уборки урожая со страниц газет, по радио, на телевидении [6, с. 15].

Важнейшим событием в жизни писательской организации Оренбуржья было обсуждение ее работы на заседании бюро областного комитета партии. На бюро были отмечены положительные стороны деятельности литераторов области, названы их книги и публикации в периодической печати. Но вместе с тем, в постановлении бюро обкома КПСС было указано на серьезные упущения и недочеты в работе писательской организации, на недостаточно прочную связь литераторов с жизнью тружеников области. Отмечалось, что редко появляются в печати очерки, зарисовки о передовиках производства, написанные оренбургскими литераторами. Писательской организации было вменено в обязанность улучшить работу с молодыми писателями. Постановление бюро обкома было руководством к

действию писательской организации. Оно было обсуждено на открытом партийном собрании литераторов области. Собрание приняло решение исправить имеющиеся недостатки в работе писательской организации [4, л. 4].

Писатели Оренбуржья ответили на решение Пленума обкома КПСС созданием своих произведений. Книги прозаиков и поэтов области – Георгия Саталкина, Николая Струдюмова, Алексея Шилова, Ильи Елина, Валерия Левановского, Валерия Кузнецова, Геннадия Хомутова, Анатолия Тепляшина и другие – несли на себе зримый отсвет степного Оренбуржья, написаны большей частью на живом материале [5, л. 20].

Вместе с тем в изучаемый период в театральной, музыкально-концертной и выставочной деятельности, работе творческих союзов и организаций имелись существенные недостатки и упущения. Отдельные театральные коллективы работали не в полную силу, не выполняли свои репертуарные планы, не заботились о высоком качестве новых постановок. Нередко на сцену проникали слабые в идейном и художественном отношении произведения. В репертуаре драматических театров отсутствовали масштабные спектакли с ярким, социально активным героем. Не уделялось должного внимания отбору пьес на военно-патриотическую тему, о жизни современного села. Крайне мало было сценических работ для молодежи, особенно подростков. Театры не развивали связи с местными писателями и драматургами, почти не имели спектаклей об Оренбуржье.

Эти и подобные недостатки, по мнению обкома КПСС, являлись следствием того, что управление культуры облисполкома, Оренбургский, Орский, Бугурусланский горкомы КПСС не проявляли должной настойчивости в воспитании у руководителей творческих коллективов чувства ответственности за порученное дело, не предъявляли высокой требовательности к формированию репертуара. Понижена роль художественных советов, в составе которых было мало представителей общественности. Порой предпочтение отдавалось постановкам развлекательного характера, в то же время ряд спектаклей на актуальные темы, включенные в репертуар, показывались редко. Зрителям предлагались иные произведения, где на первый план выступали жизненные неурядицы, мелкие семейно-бытовые конфликты, персонажи, с низким уровнем духовности, не находящие места в жизни [9, л. 17].

Серьезные упущения имелись в руководстве филармонической деятельности. Недостаточная требовательность порой предъявлялась к выступлениям эстрадных исполнителей, что наносило немалый ущерб делу воспитания здоровых, нравственно-эстетических вкусов зрителей. Партийные организации, руководители, главные специалисты творческих коллективов не всегда своевременно реагировали на идейную нечеткость иных пьес, режиссерских решений, не проявляли необходимой принципиальности и взыскательности в отборе репертуара, художественных полотен, литературных и музыкальных произведений. В театрах и филармонии

не была налажена широкая реклама, творческие коллективы редко выступали в отдаленных районах, малонаселенных пунктах. Некоторые художники снизили свою творческую активность, продолжительное время не посещая предприятия и стройки, колхозы и совхозы. Областная писательская организация не поддерживала достаточно тесные контакты с другими творческими союзами и обществами, слабо участвовала в пропаганде достижений советской литературы. Члены Союза писателей нерегулярно встречались с читателями, участниками литературных объединений, редко выступали в областной печати с яркими публицистическими произведениями и очерками о тружениках Оренбуржья [9, л. 18].

Имелись и недостатки и недоработки в деятельности ряда изданий районной прессы. Так, на пленуме Оренбургской областной организации журналистов звучали критические замечания в адрес отдельных районных газет. В стороне от важнейших задач заготовки кормов оказалась газета Тоцкого района «Авангард», публикующая редкие заметки на указанную тему, не затрагивающая острых и актуальных вопросов социально-экономического развития региона. Ослабила оперативность своих материалов по подготовке техники к уборке зерновых культур газета Соль-Илецкого района «За коммунистический труд» [1, л. 20].

Журналисты многих газет области не поспевали за происходящими переменами, недостатки порой замалчивали. К примеру, Тоцкая, Бузулукская, Новосергиевская, Соль-Илецкая районные газеты не отражали критические аспекты своей работы с нерадивыми руководителями [1, л. 7].

Управление культуры облисполкома, горкомы

КПСС, правления областных организаций Союза художников, писателей, журналистов, театральных деятелей недостаточно эффективно влияли на деятельность творческих коллективов, не проявляли должной заботы о дальнейшем профессиональном и идейно-политическом росте художественной интеллигенции, особенно творческой молодежи, допускали ошибки в подборе руководящих кадров. Мало уделялось внимания укреплению материально-технической базы учреждений искусств. Отсутствовали стационарные помещения Бугурусланского городского театра драмы имени Н. В. Гоголя, областного музея изобразительных искусств [9, л. 19].

Таким образом, высокая социальная активность творческой интеллигенции выходила за рамки проблем культурной деятельности и побуждала ее представителей включаться в решение проблем социально-экономического развития региона. Погружаясь в оказание помощи по выполнению народнохозяйственных планов, творческая интеллигенция все больше осознавала необходимость усиления социальной направленности своего художественного творчества. Многоплановость деятельности была характерна для интеллигенции Оренбуржья, побуждая ее решать, помимо вышеперечисленных, задачи духовно-идейного, нравственного воспитания населения. Несмотря на проблемы и сложности управленческого, идейного, профессионального и материально-технического плана, творческая интеллигенция вносила существенный вклад в формирование культурного пространства региона, решение задачи духовно-нравственного воспитания общества.

Библиографический список

1. Государственный архив Оренбургской области (ГАОО). Ф. Р-1861. Оп. 1. Д. 77.
2. ГАОО. Ф. Р-2801. Оп. 1. Д. 168.
3. ГАОО. Ф. Р-2801. Оп. 1. Д. 171.
4. ГАОО. Ф. Р-2872. Оп. 1. Д. 145.
5. ГАОО. Ф. Р-2872. Оп. 1. Д. 151.
6. Иванова А.Г., Заельская С.А. Творческая деятельность писателей Урала в эпоху общественного застоя // Международный научно-исследовательский журнал. 2013. № 9 (2). С. 12 – 16.
7. Культурное строительство в Оренбуржье: Документы и материалы, 1942 – 1987 / Сост: В.И. Швидченко, Т.В. Костова, А.Е. Акиншина и др. Челябинск: Юж-Урал. кн. изд-во, 1989. 192 с.
8. Оренбургский государственный архив социально-политической истории (ОГАСПИ). Ф. 371. Оп. 48. Д. 69.
9. ОГАСПИ. Ф. 371. Оп. 83. Д. 29.

References

1. Gosudarstvennyi arkhiv Orenburgskoi oblasti [State Archive of the Orenburg Region] (GAOO). F. R-1861. Op. 1. D. 77.
2. GAOO. F. R-2801. Op. 1. D. 168.
3. GAOO. F. R-2801. Op. 1. D. 171.
4. GAOO. F. R-2872. Op. 1. D. 145.
5. GAOO. F. R-2872. Op. 1. D. 151.
6. Ivanova A.G., Zaelskaya S.A. Creative activity of Ural writers in the era of social stagnation // Research Journal of International Studies. 2013. No. 9 (2). S. 12 - 16.
7. Cultural construction in the Orenburg region: Documents and materials, 1942 - 1987 / Comp.: V.I. Shvidchenko, T.V. Kostova, A.E. Akinshina et al. Chelyabinsk: South Ural. Prince Publishing House, 1989. 192 p.
8. Orenburgskii gosudarstvennyi arkhiv sotsial'no-polinicheskoi istorii [Orenburg State Archive of Socio-Political History] (OGASPI). F. 371. Op. 48. D. 69.
9. OGASPI. F. 371. Op. 83. D. 29.

УДК 930.2

UDC 930.2

ЛАПИНА Л.А.

аспирант, Московский государственный университет
имени Ломоносова
E-mail: chayka-l@list.ru

LAPINA L.A.

Graduate Student, Federal State Educational Institution
Higher Professional Education Lomonosov Moscow State
University
E-mail: chayka-l@list.ru

ИСТОРИЧЕСКАЯ ИМАГОЛОГИЯ: ПРОБЛЕМА МЕТОДОВ И КАТЕГОРИЙ

HISTORICAL IMAGOLGY: METHODS AND CATEGORIES

В статье рассматривается формирование такой дисциплины как историческая имагология, определение ее предмета, категориального аппарата и методов. Автор прослеживает выкристаллизовывание имагологии из сравнительного литературоведения в отечественной и зарубежной традиции. В статье рассматриваются на примерах основные категории исторической имагологии и ее методы.

Ключевые слова: историческая имагология, образ другого, инокультурные представления, культурные стереотипы, имажема, имажотип, тагер-группы.

The article considers the formation of the discipline of historical imagology. The author defines its subject, categorical apparatus and methods. The author traces the separation of imagology from comparative studies in the domestic and foreign traditions. The article discusses the main categories of historical imagology and its methods, their examples are given.

Keywords: historical imagology, the image of another, foreign cultural representations, cultural stereotypes, imagem, imagotype, tager groups.

В этой статье мы обратимся к такой относительно молодой области исследована как историческая имагология. В самом общем плане можно сказать, что имагология занимается изучением коллективных представлений, функционирующих в общественном сознании прошлого, при этом подчеркивая комплексный, надындивидуальный характер таких представлений [12]. В центре внимания имагологии находятся такие образы, как образ врага, образ чужого, образ иностранца.

Этот аспект столь актуален для имагологии не случайно, именно образ Другого, вариантами которого выступают названные представления, служит отправной точкой самоидентификации и на индивидуальном и на национально уровне [24]. Формирование представления о себе, своей культуре, стране, истории неразрывно связано с представлениями о других людях, чужих странах и иных культурах. Оппозиция я – не-я, свой – чужой, родное – инородное может варьироваться от архетипических полусознанных представлений до достаточно рационализированных и индивидуализированных образов [9].

В последнее время образная составляющая культуры все чаще становится объектом исследования гуманитарных наук. Историки, наряду с философами и литературоведами обращаются к рассмотрению образов, их функционированию и месту в социальной реальности. По всей видимости этот возросший интерес можно объяснить переориентацией современной культуры с логоцентризма на окуляцентризм – доминирова-

нием визуальности над словесностью, проявляющемся в том, что для современного человека большая часть информации представлена в зрительно-ориентированных формах [5]. Соответственно и в прошлом исследователи пытаются найти «образы», в том числе и инокультурные, изучением которых и занимается имагология.

Как и в любой молодой науке, в имагологии еще не завершился процесс концептуализации базовых категорий и методов, в этой статье мы хотели бы сделать обзор наиболее распространенным подходам к определению предмета, категорий и методов имагологии, указать на проблемные зоны и пути их преодоления.

Формирование нового подхода к исследованию представлений о другом народе, стране, культуре происходило на протяжении всего XX века, и к настоящему времени по большей части завершилось. Одной из отправных точек изучения инокультурных представлений по праву может считаться сравнительное литературоведение [14, с. 156] в рамках которого происходило изучение представлений представителей одной культуры о представителях другой или же о иной культуре в целом. Именно в рамках изучения литературных произведений, динамики их жанровой специфики рождалось и крепло понимание того, что конкретная культура как социально-историческая реальность не равна представлению этой культуры ее современниками и носителями, или их потоками и изучение второго аспекта может стать объектом анализа, наряду с первым [2]. Субъективный образ своей или иной культуры сам по

себе является фактором социальной реальности и поэтому может и должен быть изучен как элемент умонастроений эпохи [13, с. 243].

На этапе формирования имагологического подхода внимание его основателей было обращено к изучению проблемы национальной идентичности. Французские исследователи Жан-Мари Карре (J-M. Carré) [19] и Мариус-Франсуа Гийяр (M-F. Guyard) [22] настаивали на том, что образы других культур и их представителей являются самостоятельным объектом изучения. Отражение этих объектов можно найти в мифологемах, литературных произведениях, фольклорных стереотипах. При этом Карре настаивал на том, что объект, традиционно идентифицируемый исследователями в качестве национальной культуры, является конструкцией в сознании сторонних наблюдателей и изучать эту конструкцию должно именно сравнительное литературоведение. Его ученик Гийяр акцентировал коллективный характер инокультурных представлений, указывая на то, что с одной стороны писатели задают ключевые параметры образа другой культуры, например образа Англии у французов, с другой, представления самих литераторов об этой культуре являются результатом функционирования в обществе образа, той же Англии.

Установка французских исследователей на изучение инокультурных образов была поддержана многими учеными и к концу XX века заметно сместилась с литературоведческих исследований в сторону исторических. Так, Йохан Леерссен (J. Th. Leerssen) [25] видит новым объектом изучения литературную репрезентацию нации, имеющую определенные текстовые стратегии, изменяющиеся с течением времени. В работах же Э. Хобсбаума (E. Hobsbawm), Т. Рейнджера (T. Ranger) [28], П. Нора (P. Nora) [27] подчеркивается конкретно временной характер национального образа культуры, влияние на него идеологических установок, тем самым очевидным становится люфт их исследований текстов в сторону исследования передаваемых ими образов.

Д. Пажо (D.-H. Pageaux) [28] обращает внимание на невозможность различить «истинные» и «ложные» представления о жизни других народов, поскольку любые представления являются историческим ментальным конструктом и отражают этап в осмыслении иной культуры. Реальность культуры есть ее реальность и для «другого», и для «своего» носителя, и по этой причине она не может быть единственной реальностью. Наконец, Хуго Дизеринк (H. Dyserinck) [20] проводит границу между литературоведческим и историческим подходом к изучению инокультурных образов, говоря о том, что первый изучает эти образы в художественно-эстетическом контексте, тогда как второй – в социально-историческом, и соответственно рассматривает функционирование коллективных образов как элементов социальной реальности.

Мировой опыт исследования национальных образов или картин мира в полной мере был воспринят отечественными исследователями. Однако на формирование отечественной имагологии оказало влияние не только

мировое научное сообщество, но и наследие литературной компаративистики, заложенное А.Н. Вsesеловским, М.П. Алексеевым, В.А. Проппом. На данный момент наиболее репрезентативными ранними работами отечественной имагологии являются труды таких исследователей как В.А. Хорев, В.Б. Земсков, Н.П. Михальская [14, с.156], разрабатывающих стратегии исследования в области имагологии, работающих над ее категориальным аппаратом, осмыслением специфики предметного поля. В.А. Хорев склонный сближать имагологию с литературной компаративистикой, считал главной ее задачей изучение художественных образов и картин мира, репрезентирующих другую культуру, их социальное и эстетическое функционирование [17, с. 7]. Похожим образом подходит к трактовке имагологии и В.Б. Земсков, подчеркивая, что ее целью выступает выработка обобщенной парадигмы образа Другого в пространстве своей культуры [6, с. 19-21]. Н.П. Михальская основной задачей имагологии видит изучение образного восприятия национального характера иной страны [11, с. 171-182].

После концептуализации имагологии достаточно быстро из нее выделились и обособились такие области как литературоведческая имагология, потестарная имагология, лингвистическая имагология, культурная иконография [9, с. 532-535], религиозная имагология [1, с. 39] и, собственно, имагология историческая. Удачную, на наш взгляд, формулировку исторической имагологии дает С.А. Мезины, определяя ее как раздел исторической науки, исследующий те представления о другом народе или стране, которые складываются в общественном сознании той или иной страны на определенном историческом этапе [10]. Ее предметом выступает образ культуры как своей, так и иной, присутствующий в индивидуальном и надиндивидуальном сознании и отраженный в текстах разного типа: как художественных, так и публицистических, как научных, так и философских, как вербальных, так и визуальных, как опубликованных, так и архивных.

Большинство исследователей согласны в том, что основы категориального аппарата имагологии составляют такие понятия как «образ», «стереотип», «миф», «имаготип» и др. В самом общем плане «образ», выступающий объектом анализа имагологического исследования, можно определить как «совокупность характерных черт, целостность, а не набор случайных штрихов. Представление об объекте формируется благодаря образу именно потому, что сам образ завершен, несет в себе достаточную для этого информацию» [4, с. 76-77]. Исследователи выделяют в образе три смысловые группы: «эмоционально-чувственные (чувственные образы, восприятия, переживания, эмоциональные реакции, аффекты, волевые импульсы, желания, эмоциональные комплексы, фобии, фиилии, мании), когнитивные (обобщенные представления, понятия, нейтральные суждения, нормы, мнения, предписания), имажинативно-фантазийные (придуманные фантастические образы, верования, утопические идеи, иррацио-

нальные предписания, идеализации)» [8].

Среди множества значений понятия «миф» в имагологии он используется в значении устойчивого представления коллективного или массового сознания. Миф в истории – не обязательно неправда, это яркое, упрощенное, цельное, устойчивое представление о том или ином событии, явлении, персонаже, в случае с инокультурными представлениями – о другом народе. Мифы или мифологемы, отражающие представления о других странах, складываются одними из первых и сочетают в себе устойчивые объяснительные схемы, этические оценки и фантастические элементы, характеризующие другие народы. Примером инокультурного мифа может служить представление о враждебности англичан по отношению к России, их нелюбовь к русским.

Важным для имагологии является понятие стереотипа. Инокультурный стереотип – это устойчивое для конкретной социальной группы представление о другой культуре или ее носителях. Стереотипы закрепляют «неправильные, односторонние, основанные на недостаточной или неполной информации, а то и просто на предрассудках, мнения о других странах и народах». Стереотипы функционируют на уровне общественного сознания, находят отражение в литературных произведениях, анекдотах, публицистических заметках [3]. В процессе изучения инокультурных стереотипов выявляются «особенности национального сознания и национальной системы ценностей» [7, с. 116]. Примером инокультурного стереотипа может быть представление о педантичности немцев, любвеобилии французов, невозмутимости англичан, темпераментности итальянцев.

Еще одной категорией имагологии является понятие, обозначаемое термином «имаготип», введенное М. Фишером [21, р. 21]. Имаготип означает устойчивость, константность какого-либо инокультурного образа, присутствующего в представлениях другой культуры. Имаготип имеет место тогда, когда одни и те же представления о другой культуре разделяют различные социальные группы внутри определенной культуры, причем эти представления инвариантны в течение длительного времени. Чаще всего образ другого конституируется в имаготип в виде образа Врага, изначальное возникновение которого может быть исторически оправдано, но в дальнейшем неизменность этого образа определяется не столько исторической фактологией, сколько коллективной психологией.

Близким к понятию «имаготип» являются понятия «имагема» и «имаготема», введенные Ж.-М. Муром (Mourat J.-M.) [26]. Имагема это инокультурное представление, фиксирующее образ Другого диаметрально противоположного самости. Имагема образует бинарную оппозицию образу национального самосознания, ее функционирование устойчиво, как у стереотипа, но в отличие от имаготипа имагема не универсальна, а функционирует только в отдельных таргет-группах. Имаготема обозначает некий сквозной мотив, переходящий из текста в текст и из группы в группу в пределах воспринимающей общности. Как считает А.А. Козлова,

«с помощью понятия «имаготема» выявляется система образов и мнений, а также раскрывается то, как именно эти представления вплетены в ткань интеллектуальной, общественной и социокультурной жизни» [7, с. 118].

Важным, на наш взгляд, является определение социальных групп, в рамках которых функционируют инокультурные представления – таргет-групп. Очевидно, что элита, прежде всего, благодаря лучшей информированности и лучшему взаимодействию с элитами других стран, имеет иной образ других стран, нежели широкие массы [16, с. 39]. Образованные слои общества, используют такие источники информации, которые не доступны необразованным слоям и потому их представления о других культурах менее стереотипичны, включают в себя большее количество деталей и подробностей. Социальные группы, представители которых имеют возможность побывать за границей, знакомятся с не-Россией на основании личного опыта, тогда как другие социальные группы ориентируются на мифы и стереотипы. Отличается и значимость инокультурных представлений, функционирующих в различных группах.

Несмотря на то, что методология изучения инокультурных представлений довольно широко обсуждается исследователями, работающими в области имагологии, создание достойной методологии исследования образов иных культур по-прежнему является большой проблемой из-за отсутствия последовательных и систематизированных моделей.

Конкретные стратегии имагологического исследования включают целый набор методов, используемых как самой этой дисциплиной, так и смежными с ней дисциплинами. Первое место здесь занимает исследование нарративов – разнообразных текстов, тематически объединенных инокультурными представлениями. Е.С. И А.С. Сенявские относят к основным имагологическим источникам «архивные документы, материалы национальной истории, обладающие высокой степенью достоверности), художественную (ее сферами источниками служат искусство и кино), собственно литературоведческую и фольклорную (пословицы, поговорки и др. жанры фольклора как источники стереотипных представлений об иностранцах)» [15].

В имагологических исследованиях успешно применяются методы исторической поэтики или сравнительной компаративистики, такие как изучение временной специфики языка, особенностей языковой картины мира конкретных произведений, структурный анализ литературных произведений, сравнительно исторический метод в литературоведении [18, с. 148]. Е.В. Папилова справедливо замечает, что «языковая картина в тот или иной исторический период отражает особенности и стереотипы национального сознания, что позволяет извлекать из нее имагологическую информацию» [12, с. 32]. В.А. Хорев указывает на то, что анализ литературных произведений позволяет «выявить истинные и ложные представления о жизни других народов, характер и типологию стереотипов и предубеждений, существующих в общественном сознании, их происхождение и разви-

тие, их общественную роль и эстетическую функцию» [17, с. 7].

Таким образом, обобщая различные подходы к трактовке имагологии, мы определяем ее как междисциплинарную науку, изучающую образы «других» стран, народов, культур, при том, что объектом ее рассмотрения выступает не сама страна, народ или культура, а их образы функционирующие в общественном сознании. Одной из отправных точек изучения инокультурных представлений по праву может считаться сравнительное литературоведение [14, 156] и такие «отцы основатели» как Ж.-М. Карре, и М.-Ф. Гийяр, Й. Леерссен, Э. Хобсбаум, Т. Рейнджер, П. Нор, Д. Пажо.

Имагология является синтетической дисциплиной, именно поэтому большинство методов исследования пришли в нее из других областей. Это же можно сказать и про ключевые концепты имагологии. Поэтому има-

гологические исследования являются довольно гибкой областью изучения, имеющей большой потенциал адаптация различных подходов и методов.

Несмотря на относительную молодость отечественной исторической имагологии, ею уже накоплен достаточно большой опыт изучения инокультурных представлений России. В поле внимания российских ученых попадали и образы конкретных европейских стран, и обобщенный образ Европы. Образы других стран, функционирующие в культуре, напрямую влияют на политику государства, «можно увидеть подчас прямую зависимость принимаемых решений от сложившихся представлениях о «других»» в правящей элите. Именно поэтому имагологические исследования имеют не только строго теоретическое значение, но могут быть использованы на практике, при определении политического курса на международном уровне.

Библиографический список

1. *Андрейчева М.Ю.* Религиозная имагология: предмет и задачи нового историко-имагологического направления // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2016. № 11-2 (73). С. 39 (37-40).
2. *Гачев Г.Д.* Космо-Психо-Логос. Национальные образы мира. М.: Академ. проект, 2007. 512 с.
3. *Елистратов В.С.* Россия как миф (к вопросу о структурно мифологических типах восприятия России Западом) // Россия и Запад: диалог культур. 1994. Вып. 3. С. 12-34.
4. *Желтикова И.В.* Образ будущего как образ // Ученые записки Орловского государственного университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2013. №5. С.75-80.
5. *Желтикова И.В.* Рец. На А.В. Голубев. «Подлинный лик заграницы»: образ внешнего мира в советской политической карикатуре, 1922-1941. М.: Институт российской истории РАН, 2018. 282 с., Ил. // Российская история. №2. 2019. С. 178-181.
6. *Земсков В.Б.* На переломе: образ России прошлой и современной в культуре, литературе Европы и Америки (конец XX–начало XXI вв.) М.: Новый хронограф, 2011. 696 с.
7. *Козлова А.А.* Имагологический метод в исследованиях литературы и культуры // Обсерватория культуры. №3. 2015. С.114-118.
8. *Левшин А.С.* Образ Англии как категория исторической имагологии // Ученые записки Орловского государственного университета 2014. № 2 (58). С. 11–14.
9. *Маришба Д.А.* Проблема классификации сфер исследования в имагологии // Молодой ученый. 2015. №6. С. 532-535.
10. *Мезин С.А.* Стереотипы России в европейской общественной мысли XVIII века // Вопросы истории. 2002. № 10. С. 148–157.
11. *Михальская Н.П.* Английские писатели о значении творческого наследия русских классиков // Проблемы истории, филологии, культуры. 2008. № 9. С. 171–182.
12. *Папилова Е.В.* Имагология как гуманитарная наука // Вестник Московского государственного гуманитарного университета им. М. А. Шолохова. Филологические науки. 2011. №4. С. 31–40.
13. *Пашковская Т.Г.* Современные тенденции развития исторической имагологии за рубежом // Актуальные проблемы современной науки, техники и образования. 2016. Т. 2. С. 243-246.
14. *Полякова О.А.* Истоки отечественной имагологии // Научно-методический электронный журнал Концепт. 2016. № 7. С. 156. (156-163).
15. *Сенявский А.С., Сенявская А.С.* Историческая имагология и проблема формирования «образа врага» (на материалах Российской истории XX в.) // Вестник РУДН. Серия «История России». 2006. № 2 (6). С. 54–78.
16. *Тимофеев Д.Н.* Использование принципов имагологии в историческом исследовании на примере изучения образа Швеции в общественной мысли России первой четверти XVIII – начала XIX вв. // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2012. № 2. С. 37-41.
17. *Хорев В.А.* Польша и поляки глазами русских литераторов: имагологические очерки. М., 2005. 231 с.
18. *Яценко Н.Е.* Толковый словарь обществоведческих терминов. СПб.: Лань, 1999. 528 с.
19. *Carré J.-M.* Les écrivains français et le mirage allemand. Paris, 1947. 225 p.
20. *Dyserinck H.* Imagology and the Problem of Ethnic Identity [Электронный ресурс]. URL: https://is.muni.cz/el/1421/podzim2009/NIDCC03_01/um/2_Dyserinck.pdf (дата обращения: 15.05.2018).
21. *Fischer M.* Komparatistische Imagologie. Für eine interdisziplinäre Erforschung national-imagotyper Systeme // Zeitschrift für Sozialpsychologie. 1979. № 3. P.21
22. *Guyard M.-F.* L'étranger tel qu'on le voit // La littérature comparée. Paris: Presses universitaires de France, 1951. 154 p.
23. *Image/Imaginaire // Europa und das nationale Selbstversta? ndnis : imagologische Probleme in Literatur, Kunst und Kultur des 19. und 20. Jahrhunderts / hrsg. von H. Dyserinck, K. U. Syndram. Bonn : Bouvier. 435 p. S. 367–380.*
24. *Imagology. The Cultural construction and literary representation of national characters. A critical survey / ed. M. Beller and J. Leerssen. Amsterdam, 2007. URL: http://www.nrgumis.ru/archives/full_art.php?aid=37&binn_rubrik_pl_articles=246*
25. *Leerssen J. Th.* Europe as a set of borders // Leerssen, J.Th. and Montfrans M. van (eds.): Borders and Territories. European Studies 6. Amsterdam-Atlanta: Rodopi, 1993. pp. 10-11.
26. *Moura J.-M.L.* L'imagologie littéraire: tendances actuelles // Perspectives comparatistes / J. Bessière, D.-H. Pageaux, 1999.
27. *Nora P.* Realms of Memory: Rethinking the French Past (Vol. I-IV). 1999-2010. New York: Columbia University Press.

28. The invention of tradition // E. Hobsbawm, T. Ranger. Cambridge University Press, 2012. 324 p.

References

1. Andreicheva M.Yu. Religious imagology: subject and tasks of a new historical and imagological direction // Historical, philosophical, political and legal sciences, cultural studies and art history. Questions of theory and practice. 2016. No. 11-2 (73). Pp. 37-40.
2. Gachev G.D. Cosmo-Psycho-Logos. National images of the world. M.: Academ. project, 2007. 512 p.
3. Elistratov B.C. Russia as a myth (to the question of structurally mythological types of perception of Russia by the West) // Russia and the West: dialogue of cultures. 1994. Issue. 3, Pp. 12-34.
4. Zheltikova I.V. The image of the future as an image // Scientific notes of Orel State University. Series: Humanities and Social Sciences. 2013. No5. Pp.75-80.
5. Zheltikova I.V. Retz. On A.V. Golubev. "The Original Face of Abroad": the image of the outside world in the Soviet political caricature, 1922-1941. M.: Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences, 2018.282 p., Il. // Russian history. No. 2. 2019. Pp. 178-181.
6. Zemskov V.B. At the turning point: the image of Russia of the past and modern in the culture and literature of Europe and America (late XX – early XXI centuries) M.: New Chronograph, 2011. 696 p.
7. Kozlova A.A. Imagological method in the study of literature and culture // Observatory of Culture. No. 3. 2015. Pp.114-118.
8. Levshin A.S. The image of England as a category of historical imagology // Scientific notes of Orel State University 2014. No. 2 (58). Pp. 11-14.
9. Marshuba D.A. The problem of classification of research areas in imagology // Young scientist. 2015. No.6. Pp. 532-535.
10. Mezin S.A. Stereotypes of Russia in the European public thought of the XVIII century // Questions of history. 2002. No. 10. Pp. 148–157.
11. Mikhalskaya N.P. English writers on the significance of the creative heritage of Russian classics // Problems of History, Philology, Culture. 2008. No. 9. Pp. 171–182.
12. Papilova E.V. Imagology as a humanities // Bulletin of the Moscow State Humanitarian University. M.A. Sholokhov. Philological sciences. 2011. No4. Pp. 31–40.
13. Pashkovskaya T.G. Modern trends in the development of historical imagology abroad // Actual problems of modern science, technology and education. 2016. Vol. 2. Pp. 243-246.
14. Polyakova O.A. The origins of domestic imagology // Scientific and methodological electronic journal Concept. 2016. No. 7. Pp. 156-163.
15. Senyavsky A.S., Senyavsky A.S. Historical imagology and the problem of the formation of the "image of the enemy" (based on Russian history of the twentieth century) // Vestnik RUDN. Series "History of Russia". 2006. No. 2 (6). Pp. 54–78.
16. Timofeev D.N. The use of the principles of imagology in historical research on the example of studying the image of Sweden in the public thought of Russia in the first quarter of the XVII - early XIX centuries. // Bulletin of Moscow State Regional University. Series: History and Political Science. 2012. No. 2. Pp. 37-41.
17. Horev V.A. Poland and Poles through the eyes of Russian writers: imagological essays. M., 2005.223 p.
18. Yatsenko N.E. Explanatory dictionary of social science terms. St. Petersburg: Doe, 1999.528 p.
19. Carré J-M. Les écrivains français et le mirage allemand. Paris, 1947. 225 p.
20. Dyserinck H. Imagology and the Problem of Ethnic Identity [Электронный ресурс]. URL: https://is.muni.cz/el/1421/podzim2009/NIDCC03_01/um/2_Dyserinck.pdf (дата обращения: 15.05.2018).
21. Fischer M. Komparatistische Imagologie. Für eine interdisziplinäre Erforschung national-imagotyper Systeme // Zeitschrift für Sozialpsychologie. 1979. № 3. Pp. 21.
22. Guyard M-F. L'étranger tel qu'on le voit // La littérature comparée. Paris: Presses universitaires de France, 1951. 154 p.
23. Image/Imaginaire // Europa und das nationale Selbstverständnis : imagologische Probleme in Literatur, Kunst und Kultur des 19. und 20. Jahrhunderts / hrsg. von H. Dyserinck, K. U. Syndram. Bonn : Bouvier. 435 p. Pp. 367–380.
24. Imagology. The Cultural construction and literary representation of national characters. A critical survey / ed. M. Beller and J. Leerssen. Amsterdam, 2007. URL: http://www.nrgumis.ru/archives/full_art.php?aid=37&binn_rubrik_pl_articles=246
25. Leerssen J. Th. Europe as a set of borders // Leerssen, J.Th. and Montfrans M. van (eds.): Borders and Territories. European Studies 6. Amsterdam-Atlanta: Rodopi, 1993 Pp. 10-11.
26. Moura J.-M. L'imagologie littéraire: tendances actuelles // Perspectives comparatistes / J. Bessière, D.-H. Pageaux. P., 1999. Pp.17
27. Nora P. Realms of Memory: Rethinking the French Past (Vol. I-IV). 1999-2010. New York: Columbia University Press.
28. The invention of tradition // E. Hobsbawm, T. Ranger. Cambridge University Press, 2012. 324 p.

УДК – 94(510)(091)

UDC – 94(510)(091)

МАКЕЕВА С.Б.

кандидат исторических наук, доцент, кафедра востоковедения и регионоведения АТР, Иркутский государственный университет
E-mail: msbmag9581@yandex.ru

MAKEEVA S.B.

Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Associate Professor of Department of Oriental and Asia-Pacific Regional Studies, Irkutsk State University
E-mail: msbmag9581@yandex.ru

ИСТОРИЯ ПРИМЕНЕНИЯ ТЕОРЕТИКО-ПРАКТИЧЕСКИХ ИННОВАЦИЙ РЕГИОНАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ В ПРОСТРАНСТВЕННОЙ ОРГАНИЗАЦИИ ЭКОНОМИКИ КНР (1978 Г. ПО НАСТОЯЩЕЕ ВРЕМЯ)*

HISTORY OF APPLICATION OF THEORETICAL AND PRACTICAL INNOVATIONS OF REGIONAL DEVELOPMENT IN THE SPATIAL ORGANIZATION OF THE ECONOMY OF THE PRC (1978 -PRESENT)

Социально-экономические преобразования КНР после начала политики «реформ и открытости» повлияли на возникновение научно-теоретического поиска инноваций в процессе строительства «социализма с китайской спецификой». Опыт китайского общества в организации региональной экономики (1949-1978 гг.) повлиял на зарождение регионоведческой науки в КНР, специализирующейся на теоретико-практическом обосновании процессов регионального развития территориально-экономического пространства КНР.

Ключевые слова: экономическая история КНР, региональное развитие, теоретико-практические инновации, междисциплинарность, регионоведческая наука.

The social and economic transformations of the PRC after the start of the policy of “reforms and openness” influenced the emergence of a scientific and theoretical search for innovation in the process of building “socialism with Chinese characteristics”. The experience of Chinese society in organizing a regional economy (1949-1978) influenced the emergence of regional science in the PRC, specializing in theoretical and practical substantiation of the processes of regional development of the territorial and economic space of the PRC.

Keywords: economic history of the PRC, regional development, theoretical and practical innovations, interdisciplinarity, regional science.

Социально-экономические преобразования Китая за последние 40 лет демонстрируют миру достижения в изменении темпов индустриализации, урбанизации и модернизации китайского общества. Начиная с момента реализации политики «реформ и открытости» в 1978 году китайские академические круги ориентировались на опыт построения народного хозяйства КНР в период с 1949-1978 гг. и западноевропейские теории регионального развития, в целях разработки практического руководства для китайского правительства в процессе пространственной организации экономики КНР. «Анализ работ китайских учёных по региональным проблемам исследования является актуальным, так как с одной стороны современный Китай демонстрирует мировому сообществу беспрецедентный продолжительный по времени экономический рост, сопровождающийся социальными преобразованиями и построением социально-ориентированной экономики, то с другой стороны в китайском обществе всё ещё сохраняются такие региональные проблемы, как разница в социально-экономическом развитии между городом и деревней, а также неравномерное социально-экономическое развитие северо-западных, северо-восточных, восточ-

ных и южных провинций. Актуальность исследования данных проблем внутреннего регионального развития Китая подтверждает и пристальное внимание к этим процессам со стороны китайского руководящего аппарата власти» [1, с. 226]. В отечественной историографии различные аспекты регионального экономического развития КНР находят отражение в работах таких учёных как П.Б. Каменный, В.В. Карлусов, Э. Корбаш, А.В. Островский, Е.Н. Самбурава. В зарубежной историографии экономическая история КНР представлена в работах Мартина Саксера, Роберта Мэннинга, Уэйда Шепарда. Наиболее полно все аспекты экономического регионального развития КНР находят отражение в работах китайских учёных Бао Юаня, Ван Сюаньсюаня, Вэй Ехуа, Ду Сюйюня, Лю Вэйду, Лю Хоуцзюня, Мао Ханьина, Ма Шушэна, Сю Чжэня, Тэн Шихуа, У Пэна, Фан Чуанлиня, Ху Чжаоляна, Цзие Юньпхина, Чай Яньвэя, Чан Лэсяна, Чжан Лицюаня, Чжан Пэйгана, Чжан Цзяньхуа, Чжоу Исиня, Чжэнь Иня, Ян Чуня, Янь Яньвэя. К сожалению вопросы, связанные с анализом теоретико-практических инноваций в пространственной организации экономики КНР, находят лишь частичное представление в работах отечественных историков-

* Исследование осуществляется при финансовой поддержке гранта РФФИ. Проект «История и методология регионоведческих исследований Азиатско-Тихоокеанского региона в русле современной трансдисциплинарной регионологии» №19-011-00040.

китаеведов. Хотя именно данный аспект изучения основ региональных экономических преобразований в КНР в период с 1978 года по настоящее время позволяет наиболее полно отразить механизм выработки решений в сфере региональной политики КНР по отношению к отдельным районам. Опираясь на использование метода системного анализа представляется возможным выявить суть теоретико-практических инноваций в пространственной организации экономики КНР с 1978 года по настоящее время и их влияние на ход региональных преобразований, тем самым и систематизировать опыт регионального развития Китая и определить на основе этого возможные перспективы преобразований.

Начало реализации политики «реформ и открытости» и дальнейшее построение «социализма с китайской спецификой», ориентация на симбиоз социалистической плановой и рыночной экономик находят отражение в различных преобразованиях регионального развития Китая, начиная с 1978 г. В 1980-е гг. в ходе реализации региональной экономической политики КНР происходит условное разделение территории Китая на три экономических зоны: прибрежный район Восточного Китая (Ляонин, Хэбэй, Пекин, Тяньцзинь, Шаньдун, Цзянсу, Шанхай, Чжэцзян, Фуцзянь, Гуандун, Хайнань, Гуанси-Чжуанский автономный район), внутренний регион Среднего Китая (Хэйлунцзян, Цилинь, Автономный район Внутренняя Монголия, Шаньси, Хэнань, Хубэй, Хунань, Аньхой, Цзянси), Западный Китай (Сычуань, Гуйчжоу, Юньнань, Цинхай, Шэньси, Ганьсу, Тибетский автономный район, Нинся-Хуэйский автономный район и Синьцзян-Уйгурский автономный район).

При разработке решений в процессе пространственной организации экономики КНР в 1980-е гг. учитывались достижения западноевропейской научной мысли, т.к. социально-экономические преобразования в Китае в рассматриваемый период времени затрагивали с одной стороны не только в первую очередь регионально-экономические процессы Китая, но и такие сопутствующие сферы как пространственная экономика, региональные и городские проблемы, межрегиональная торговля, качество окружающей среды, финансирование и налогообложение, миграция и демография, региональное и городское планирование, организация логистики, с другой стороны теоретико-практическое обоснование пространственной организации экономики требовало междисциплинарного подхода [5, с. 79]. Многие китайские теоретики, а также ученые-практики ориентировались на заимствование достижений западноевропейской регионоведческой науки. С момента своего появления «Регионоведческая наука» в 1950-е гг. в США ориентировалась на междисциплинарную область научных исследований и претерпела к 1980-м гг. множество изменений. Ключевыми теориями западноевропейских и американских регионоведческих научных школ являлись теории, отраженные в работах немецкого экономиста и социолога Альфреда Вебера (1868-1958), американского экономиста Эдварда

Денисона (1915-1992) основателя статистического исследования экономического роста и его источников, английского экономиста Николаса Калдора (1908-1986) автора теории стилизованных фактов Калдора и соавтора критериев Калдора-Хикса, немецкого географа Вальтера Кристаллера (1893-1969), автора теории центральных мест, в которой были указаны закономерности расположения, число и размеры населённых пунктов в иерархии городов. Широкое распространение в КНР получило применение понятия «сетка Кристаллера». У китайских ученых пользовались популярностью работы немецкого экономиста и географа Августа Лёша (1906-1945), автора теории организации экономического пространства [6, с. 176].

Регионоведческая наука играла всё более важную роль в 1980-90-е гг., характеризующиеся расширением, углублением и ускорением глобализационных изменений в целом во всём мире. Совершенствование знаний и технологий требовало более подходящих методов в регионоведческой науке. Кроме того, изменения вызвали потребность в экспертах-профессионалах из различных областей, которые раньше не занимались регионоведческой наукой, что делало эту область действительно междисциплинарной. Инициированная как область человеческой географии, она включала в себя ученых, представителей разных научных направлений и профессиональных дисциплин, таких как инженерия, планирование, экономика, география и экология [2, с. 93]. Китайские исследователи, ученые-практики, которые ориентировались на регионоведческую науку, основываясь на принципе междисциплинарности, обменивались идеями и результатами исследований и это составляло основу теоретико-практических инноваций в пространственной организации экономики КНР в 1980-90-е гг. Именно этот междисциплинарный подход регионоведческой науки помогал китайским ученым получить новые теоретические знания для решения региональных проблем, с которыми сталкивалась китайская региональная экономика. Это способствовало лучшему применению методов различных наук и обмену идеями, находящимися на стыке научных знаний, сочетанию базовых теоретических экономических знаний и применению их на практике, что было необходимо для эффективной пространственной организации экономики КНР в последующие годы. С одной стороны, совершенствование знаний и технологий и рост глобализации с к. XX века наделили некоторые методы регионоведческой науки и теорию местоположения менее применимыми, но с другой стороны эти изменения вызвали потребность в интеграции разных областей знаний, которые раньше не относились к регионоведческой науке [3, с. 27].

Накопленный опыт социально-экономических преобразований в КНР с к. 1970-1990-х гг., заимствование регионоведческих знаний у западноевропейских и американских ученых позволили китайским исследователям создать научно-практическую платформу для китайских академических кругов под названием

«Китайская Ассоциация регионоведческой науки» и тем самым инициировав основание в 1991 году в КНР китайской регионоведческой науки [4, с. 2]. Уникальность практического применения регионоведческих теорий в условиях китайской действительности определяла широкие возможности и огромный потенциал в будущем у китайской регионоведческой науки. Теоретико-практические инновации регионального развития в ходе пространственной организации экономики КНР ориентировались на исследование в рамках китайской регионоведческой науки: промышленной агломерации, моделировании городов и регионов, регионально-скоординированного развития, урбанизации и роста городов, регионального планирования и региональной политики, региональных перевозок, местного финансирования, налоговой конкуренции, индустриализации, рынка городской недвижимости, городского и регионального управления. Достижения в области изучения данных аспектов применялись в процессе выработки решений по различным проблемам регионального развития КНР с к. XX века. В ходе планирования региональных экономических преобразований на долгосрочную перспективу до 2010 года в 1996 г. на Четвертом съезде 8-го Всекитайского собрания народных представителей была принята Девятая пятилетка и анонсировано решение в рамках пространственной организации КНР о создании семи экономических зон развития: дельта реки Янцзы, район Бохайского залива, Юго-Восточные прибрежные районы, часть провинций на Юго-Западе и в Южном Китае, Северо-Восточный Китай, пять провинций Среднего Китая, Северо-Западный Китай. В сложившихся условиях регионально-экономических преобразований, теоретико-практические инновации обсуждались между представителями китайского руководства и учеными практиками, специалистами из разных областей знаний в рамках ежегодных заседаний Китайской Ассоциации регионоведческой науки.

Изначально с октября 1991 года целью Ассоциации являлось объединение и организация регионоведческих научных работников, специалистов-практиков в области региональной экономики Китая, связанных с решением региональных проблем для проведения академических обменов и сотрудничества в стране и за рубежом, предоставление консультационных услуг по вопросам народонаселения и экономического расположения, урбанизации и регионального развития, а также оказание интеллектуальной поддержки делу социалистической модернизации КНР. В начале 2000-х гг. Ассоциация скорректировала и усовершенствовала президентскую систему и внедрила систему председателей. Первым председателем являлся известный экономист и бывший президент Школы экономики Нанькайского университета профессор Хао Шоуи. В настоящее время председателем является Сяо Цзиньчэн исследователь, бывший директор Института региональных экономических исследований, представляющий Комиссию по национальному развитию и реформе, занимающийся планированием земельных ресурсов в КНР. К на-

чалу 2000-х гг. Ассоциация насчитывала более 1000 членов и имела 23 профессиональных комитета по: региональной экономике, городской экономике, пространственной экономике, новой экономической географии, пространственному экономическому анализу, городскому управлению, региональному устойчивому развитию, национальному землеустройству, региональному и городскому планированию, региональному туризму, региональным инновациям, морской экономике, центральному развитию, западному развитию, северо-восточному развитию, народонаселению и региональному развитию и региональному культурному развитию.

За первое десятилетие XXI века китайские ученые-практики, специалисты в области регионоведческих исследований ориентировались на обмен идеями и научными знаниями не только между политиками и учеными в КНР, но и поощряли обмен результатами исследований между азиатскими странами и регионами. По мнению профессора Ян Кайчжуна, президента Китайской Ассоциации регионоведческой науки и ученого секретаря Пекинского университета, это определённо ускорило развитие регионоведческой науки в Китае и принесло пользу всем регионам в глобализирующемся мире. С начала XXI века, когда экономика Китая вошла в стадию ускоренного роста, регионоведческая наука Китая вступила в период инноваций и развития, опираясь на опыт Китая в экономических преобразованиях в период с 1978-2000 гг. На основе успешного проведения трёх международных семинаров по регионоведческой науке между Китаем и Японией Китайская ассоциация регионоведческой науки и Японский совет по прикладным регионоведческим исследованиям создали платформу для академических обменов и сотрудничества в целях дальнейшего развития взаимодействия в области регионоведческих наук в азиатских странах. Первый международный симпозиум по регионоведческой науке в Азии прошел в Пекинском университете с 11 по 12 сентября 2010 года. Это мероприятие оказало влияние на укрепление сотрудничества в области научных исследований и обменов между азиатскими городами и регионами, подчеркивая взаимосвязь, проникновение и интеграцию дисциплин, и предлагало экспертам и ученым из Азии и мира достичь более высоких результатов в исследованиях городского и регионального развития в дальнейшем. Управленцы-практики, специализирующиеся на экологических, географических и природных процессах в КНР и Японии обсуждали вопросы регионального устойчивого развития, размышляли об антропологических последствиях процессов урбанизации, а также уделяли большое внимание государственной политике, институциональному строительству и региональному управлению, привлекая китайских и японских ученых-практиков из различных наук, объединённых регионоведческой тематикой исследования. Эксперты и ученые готовили и выступали с научными докладами по новой экономической географии, пространственной экономике, динамическому моделированию, городскому и региональному планированию, региональной

политике, региональному управлению, защите окружающей среды, региональным и городским проблемам в Азии, а также проводили интенсивные дискуссии по теоретико-практическим инновациям в области регионоведческой науки.

Актуальность регионоведческих исследований в Китае в первое десятилетие XXI века усиливалась в условиях регионально-экономических преобразований согласно Десятому пятилетнему плану экономического и социального развития КНР, принятому в октябре 2000 года. На первое место в региональной политике Китая вышел Западный Китай, и его развитие становилось приоритетным наряду с планами по ускоренному возрождению Северо-Востока Китая и других старых промышленных территорий. Кроме того, региональные преобразования были направлены на содействие в развитии Среднего и Восточного Китая. Теоретико-практические инновации в пространственной организации экономики в этот период времени были связаны с анализом прогрессивных изменений в регионоведческих научных теориях и методиках как в КНР, так и в целом мире. Основными вопросами при изучении региональных экономических преобразований в КНР в первое десятилетие XXI века являлись вопросы, связанные с прогрессом в регионоведческих теориях и методиках, практическим применением теории пространственной экономики, моделями и прикладными инновациями, новыми тенденциями в развитии исследований в области экономической географии, в региональных экономических исследованиях, применении новых технологий и методов в регионоведческих научных исследованиях; комплексным анализом городской и сельской интеграции и стратегии возрождения сельских районов в КНР, изучением городских и сельских отношений и их роли в экономических преобразованиях Китая в новую эру, выявлением дисбаланса городского и сельского развития Китая, определением перспектив современной системы городского и сельского развития; анализом региональной скоординированной стратегии развития и системы регионального развития, изучением новой модели регионального развития Китая, теорией и планированием городской агломерации, развитием старых промышленных баз, приграничных районов и бедных районов Китая; комплексным анализом городской и сельской региональной политики, обзором городской и сельской региональной политики Китая за период «реформ и открытости», начиная с 1978 года. Данные направления исследований, связанных с теоретико-практическими инновациями в пространственной организации экономики КНР, ежегодно разбирались в рамках научных конгрессов, симпозиумов и конференций, инициированных Китайской Ассоциацией регионоведческой науки.

Общие вопросы разработки теоретико-практических инноваций в целом в регионоведческой науке в мире обсуждались экспертами из США, Японии, Китая и Тайваня. Они уделяли внимание оптимизации пространственной модели экономического развития, пространственной экономики, региональному

развитию, региональному планированию народонаселения и занятости, экономике с низкими выбросами углерода. Всего в период с 2010 года по настоящее время прошло 8 заседаний Азиатского семинара по регионоведческой науке (первый в Пекинском университете 11 и 12 сентября 2010 г., второй в Азиатском институте исследований роста (Китайско-Япония) 29 и 30 сентября 2012 г., третий в Хуаляне 7-9 августа 2013 г., четвертый в Сеульском национальном университете 5-7 августа 2014 г., пятый в Харбинском технологическом институте 18-20 июля 2015 г., шестой в Университете Тохоку, Сендай 24-26 сентября 2016 г., седьмой в Национальном университете Тайваня 8-10 сентября 2017 г., восьмой в Национальном университете Чеджу (Южная Корея) 7-9 сентября 2018 г.). Азиатская научная конференция по регионоведению со временем превратилась в новую платформу для постоянного сотрудничества между участвующими организациями и их членами, особенно для обмена идеями и методами среди ученых регионоведов из азиатских стран и регионов. Конференция проходила, опираясь на использование опыта основателя регионоведческой науки из США профессора Уолтера Айзарда. Ученые-практики и эксперты-руководители обменивались идеями и методами, стимулировали академический энтузиазм и привлекали к участию многих экспертов и ученых из Китая, Японии и Южной Кореи в обсуждении региональных проблем современного развития по следующим направлениям: пространственная экономика, городская экономика, миграционно-демографический анализ, экологические исследования, изучение логистики, региональное развитие и инновации, азиатские региональные и городские проблемы, роль экономической географии, региональное и городское планирование, местное самоуправление.

За последний период времени в рамках китайской регионоведческой науки вопросы формирования теоретико-практических инноваций регионального развития становятся одними из основных. Так, например, анализируя выступление профессора Ян Кайчжун, президента Китайской Ассоциации регионоведческой науки, на тему «Несколько вопросов развития регионоведческой науки и инноваций в Китае», необходимо выделить аспекты истории регионоведческого научного знания, современные регионоведческие научные исследования и применение новой экономической географии в изучении региональных проблем пространственной организации экономики КНР. Выделяя основные области современной регионоведческой науки, Ян Кайчжун отмечает, что основу комплексного знания о регионе составляет общая теория местоположения, технология пространственного регионального анализа, пространственная региональная социальная инженерия. При этом будущее теоретико-практических инноваций в регионоведческой науке, профессор связывает с усилением исследований Китая в области общей теории местоположения, формированием теоретико-методологических основ скоординированной модели развития, технологии и инженерных дисциплин в комплексном анализе реги-

онального развития. Отдельное внимание Ян Кайчжун уделяет возникновению и теоретико-практическому применению новой экономической географии в рамках регионоведческой науки, отмечая что новые знания будут способствовать определению, оценке и тестированию неоднородности региональных предприятий, анализу микрогетерогенной городской экономики, агрегации и интеграции роста региональных экономических объектов на основе микрогетерогенности. Профессор считает, что регионоведческая наука должна быть направлена на изучение движущих сил городского строительства Китая и высказывает конструктивные предложения в отношении развития регионоведческой науки в Азии, особенно в области применения достижений новой экономической географии. Учитывая взгляды президента Китайской Ассоциации регионоведческой науки необходимо отметить, что ключевыми направлениями в изучении региона остаются процессы, связанные с развитием пространственной экономики, экономической географии, транспортной инфраструктуры, региональных и городских проблем, жилищным строительством, региональным и городским планированием, качеством окружающей среды, миграционной и демографической ситуацией [4, с. 4].

Одним из ключевых направлений в разработке теоретико-практических инноваций регионального развития по мнению профессора Лю Бинчжэня, заместителя председателя Китайской Ассоциации регионоведческой науки и директора Китайского центра городских и региональных исследований при Нанькайском университете, является исследование региональной политики и перспектив регионального социально-политического развития. Разбирая значение исследований региональной политики, теоретико-методологических основ региональной экономической политики Китая, Лю Бинчжэнь отметил, что анализ региональной политики по-прежнему является важной областью экономических исследований, таких стран как США и Япония; оценка и моделирование региональной политики имеют широкую прикладную ценность и оказывают значительное влияние на принятие правительственных решений и развитие предприятий; исследования Китая в этой области относительно слабы и разбросаны; методы исследования региональной политики основаны на эмпирических суждениях и историческом развитии, в которых отсутствуют эффективные количественные методы и теоретическое обоснование региональных социально-политических процессов; создание регионоведческих исследовательских платформ и лабораторий по вопросам региональной политики отвечает требованиям насущных потребностей страны.

Теоретико-практические инновации регионального развития в китайской регионоведческой науке напрямую связаны с исследованиями в области региональной экономики. По мнению китайского ученого Ван Чжанфа, научного сотрудника Синьцзянского института региональной экономики в Китае, региональная экономика – это новое и динамичное исследование,

ключевыми категориями которого являются региональные инновации, теория и практика, экономика округов и экономика регионов. Регионоведческие научные инновации играют значительную роль в уменьшении человеческих ошибок при организации региональной экономики на практике. Комплексный регионоведческий анализ региональной экономики основывается на изучении общенациональной и региональной экономических систем, системы природных ресурсов, социальной системы. Так как региональное развитие является естественным феноменом человеческой деятельности, то региональная экономика обладает философскими, научно-инновационными характеристиками. Ван Чжанфа утверждает, что теоретико-практические инновации регионального развития в КНР должны быть связаны с «социализмом с китайской спецификой» и нацелены на популяризацию региональной экономической науки. После начала политики «реформ и открытости» региональное развитие было сопряжено не только с ускоренным экономическим ростом, но и с такими процессами как неравномерное региональное развитие. Существующий региональный экономический дисбаланс в КНР необходимо искоренять, используя инновационные научные подходы и методы, в том числе и междисциплинарные достижения регионоведческой науки КНР. Китайские ученые связывают перспективы инновационных разработок в регионоведческой науке также с теорией регионального планирования. По мнению профессора Чжоу Чуньшаня из Школы географической науки и планирования Университета Сунь Ятсена, теория и практика регионального планирования в Китае существовала в разные периоды и в дальнейшем её необходимо усиленно развивать.

Таким образом, социально-экономические преобразования в КНР после начала политики «реформ и открытости» с 1978 г. повлияли на возникновение научно-теоретического поиска инноваций в процессе строительства «социализма с китайской спецификой». На китайский язык были переведены зарубежные книги по пространственной организации экономики, которые наряду с накопленным опытом китайского общества в построении региональной экономики в период с 1949-1978 гг., повлияли на зарождение регионоведческой науки в КНР, специализирующейся на теоретико-практическом обосновании процессов регионального развития территориально-экономического пространства КНР. Теоретико-практические инновации китайского регионального развития в период с 1978 г. по настоящее время связаны с использованием регионоведческих научных теорий и методов, нашедшим применение в США, Японии, Индии, Западной Европе; практическим применением теории, методов и приложений пространственной экономики и новой экономической географии; комплексным изучением регионального развития; использованием метода пространственного экономического анализа, а также теоретических положений пространственной статистики и пространственной эконометрики; анализом глобальных производственных

сетей; теоретико-практическими представлениями о региональной инновационной системе КНР; производством знаний и развитием инновационных кластеров; сбором информации о процессе оптимизации пространства и скоординированного развития КНР; анализом концентрации населения и урбанизации в Китае; с процессом изучения промышленной концентрации и агломерации; теоретико-методологическими основами

исследования процесса освоения земель, экономического зонирования и пространственной структуры; анализом городского и сельского регионального развития; общим планом и определением перспектив скоординированного развития регионального развития Китая; комплексным изучением основ экологической цивилизации, особенностями строительства в условиях регионального устойчивого развития.

Библиографический список

1. *Макеева С.Б.* Проблемы неравномерного развития Китая в работах китайских ученых-регионоведов // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. 2019. Т. 24, № 1. С. 225–236.
2. *Чэнь Цзунсинь.* Цюйюйкэсюэ даолунь (Введение в региональную науку). Пекин, 1990. 605 с. (на кит. яз.)
3. *Чэнь Шупэн.* Дили синьси ситун даолунь (Введение в географическую информационную систему). Пекин, 1998. 240 с. (на кит. яз.)
4. *Ян Кайчжун.* Чжунго цюйюйкэсюэ хуэйгу (Обзор развития регионоведческой науки в Китае) // China Academic Journal Electronic Publishing House. 2012. № 2. С.1-4. (на кит. яз.)
5. *Ян Шучжэнь.* Готу цзинцзисюэ (Пространственная экономика). Тяньцзинь, 1986. 258 с. (на кит. яз.)
6. *Ян Уян.* Гаоден цзинцзи дилисюэ (Высшая экономическая география). Пекин : Изд-во Пекинского университета, 1997. 499 с. (на кит. яз.)

References

1. *Makeeva S.B.* Problems of China's uneven development in the works of Chinese regional scientists // Bulletin of Volgograd State University. Series 4, History. Regional studies. International relationships, Volgograd, Russia, 2019. No. 1 (24). Pp. 225-236.
2. *Chen Zongxin.* Introduction to Regional Science. Beijing. 1990. 605 p.
3. *Chen Shupeng.* Introduction to Geographic Information System. Beijing. 1998. 240 p.
4. *Yang Kaizhong.* Review of the Development of Regional Science in China // China Academic Journal Electronic Publishing House. 2012. No. 2. Pp.1-4.
5. *Yang Shuzhen.* Spatial Economics. Tianjin. 1986. 258 p.
6. *Yang Wuyang.* Higher Economic Geography. Beijing: Peking University Press, 1997. 499 p.

МИНАКОВ С.Т.

доктор исторических наук, профессор, кафедра истории России, Орловский государственный университет имени И.С. Тургенева
E-mail: minakovst@mail.ru

MINAKOV S.T.

Doctor of Historical Sciences, Professor, Department of History of Russia, Doctor of Orel State University
E-mail: minakovst@mail.ru

«ДУМНЫЙ ГЕНЕРАЛ» В.А. ЗМЕЁВ В БОЯРСКОЙ ДУМЕ

«DUMA'S GENERAL» V.A.ZMEEV IN BOYARS' COUNCIL

В статье рассматривается вопрос о происхождении дворцового чина «думного генерала» и включении его в иерархию Боярской думы в контексте исследования начального этапа в процессе зарождения и формирования новой структурной и системной основы будущей военно-имперской «регулярной» государственно-политической системы Петра I.

Ключевые слова: думный генерал, В.А. Змеёв, В.В. Голицын, Боярская дума.

The article discusses the question of the origin of the Palace of Chi-na «dumnyi General» and his inclusion in the hierarchy of the Boyar Duma in the context of the study the initial stage in the nucleation process and the formation of new structural and systemic foundations for future military-Imperial «regular» state-political system of Peter I.

Keywords: duma's general, V.A. Zmeyov, V.V. Golitsyn, the boyar Duma.

Историография жизнедеятельности «первого русского генерала» В.А. Змеёва почти отсутствует. Тем не менее, его личность получила определенное освещение в моих статьях и монографиях ему посвященных, в частности в последней по времени публикации [6]. В настоящей статье я сконцентрировал свое внимание на исследовании частного, но важного, аспекта процесса становления «новой», «преображенной» царем Петром I России. Речь пойдет об изменении структуры Боярской думы с появлением в ее составе особого «военного» дворцового чина «думного генерала». В определенном смысле это явление было одним из начальных этапов формирования «регулярного государства» царя Петра, нашедшего свое выражение и в учрежденной им в 1722 г. Табели о рангах.

«...А ему, Венедихту (Змеёву), князь Василей, был друг, – говорится в царском указе от 9 сентября 1689 г., – и его, Венедихта он, князь Василей, по дружбе своей слушал...» [4, ст. 976, 979]. Дружба между князем В.В. Голицыным и В.А. Змеёвым была, похоже, общеизвестна, поскольку подтверждается и другими документами «дела Шакловитого». «А ему, Венедихту Андреевичу (Змееву), – говорится в «наказе» для допроса В.А. Змеева от 5 ноября 1689 г., – ведать про то мочно, потому что он был у него, у князь Василья, в товарищех, и ему был друг» [4, ст. 979]. Из контекста цитированных фрагментов можно понять, что дружба эта была близкая. Змеёв был конфидендом Голицына. Поэтому, ложно обвиняя Голицына в том, что он получил от крымского хана подарок в 10 000 золотых за отказ от штурма Перекоп и за отступление от Крыма, свидетели утверждали, что, якобы, Голицын доверил такое сугубо

деликатное дело лишь одному, самому близкому, доверенному человеку – генералу Змеёву. Обвинение было ложным, но указание лжесвидетелей на Змеёва, как посредника в тайной сделке Голицына с крымским ханом, показательно, как и то, что на время кратковременного перемирия, в качестве заложника с российской стороны в Перекоп к крымско-татарскому командованию был направлен родной брат генерала, полковник И.А. Змеёв.

Маркиз де ла Невиль назвал генерала Змеёва «креатурой» Голицына и «военным министром» [7, с. 57]. Несомненно, Голицын, выдвинувшись в близкий круг царя Федора Алексеевича, а затем, став «первым министром» в правительстве царевны Софьи и ее фаворитом-временщиком, весьма способствовал чиновному росту Змеёва. В 1680 г. генерал был возведен в чин думного дворянина, в 1682 г. – в чин окольничего, а в 1687 г. – ближнего окольничего. В эти годы Змеёв получил земельные пожалования в Подмоскovie. Поскольку, как выше уже было отмечено, Голицын «по дружбе» «во всем слушал» Змеёва, можно полагать, что последний был при Голицыне своего рода «серым кардиналом», ближайшим тайным советником. Есть также основания считать, что «западничество» и «вольномыслие» Голицына также сформировалось под влиянием генерала Венедикта Андреевича Змеёва (ок.1618-ок.1697). Косвенным свидетельством данному утверждению могут служить его близкие приятельские отношения с генералом П. Гордоном, который находился с генералом Змеёвым в активной переписке в период своей службы в Севске, а затем в Киеве [6]. После назначения Гордона командиром Второго Московского выборного полка солдатского строя (Бутырского), одного из луч-

ших в русском войске, в сущности гвардейского, дислоцированного в Москве, шотландец достаточно часто встречался со Змеёвым, бывал в гостях у последнего [6]. Такое отношение бедного шотландского аристократа к русскому служилому дворянину, каковым был Змеёв, не характерно для Гордона, который достаточно критично относился к своим русским коллегам, поддерживая дружеские и приятельские отношения, в основном со служилыми иноземцами и другими иностранцами. Со Змеёвым же Гордон нашел общий язык. Змеёв, видимо, сочувственно относился к желанию Гордона возвратиться к себе на родину, в Шотландию, который неоднократно обращался к Змеёву за содействием в получении разрешения на это у Голицына и царевны Софьи [6]. Генерал Змеёв оказывал очевидное покровительство Ф. Лефору, способствуя быстрой военной карьере будущего ближайшего старшего друга царя Петра I, сделав его полковником своего рейтарского полка [6]. Змеёв сочувственно и покровительственно относился и другим служилым иноземцам, особенно при их желании перейти в «русскую веру» [6].

В России воинский чин «генерала» в официальных документах впервые появляется 26 декабря 1655 г. (по другим данным с декабря 1654 г.): «солдатского строя генерал Авраам Лесли» [1, с. 465]. Высшие воинские чины «генерал-поручика» и «генерал-майора» впервые встречаются в «полках нового строя» в следующем 1656 г. Они были пожалованы, соответственно, «служилым иноземцам» Т. Даллйелю и У. Драммонду, в 1660 г. Н. Бауману, в июле 1663 г. Д. Краферт (Крофффорд), а осенью 1668 г. – Ф.-А. Фанбуковен (Бокховен).

Утверждая, что В.А. Змеёв был «первым русским генералом», полагаю уместным дать некоторый комментарий тому, по каким признакам в XVII – начале XX вв. окружающим российским населением человек идентифицировался как «русский». Эта идентификация основывалась, главным образом, на конфессиональной принадлежности к русской православной церкви. Все перечисленные выше «генералы» были «служилыми иноземцами», наемниками, многие из которых, прослужив определенное число лет, покидали Россию (в частности Даллель, Драммонд, Бауман). Но, даже оставаясь в России, сохраняя принадлежность к своей «иноземной вере» (как правило, лютеранству, реже католицизму), языку общения, повседневно-бытовым привычкам, они оставались для окружающего русского населения «чужаками» или, как их чаще именовали – «немцами» (в том числе, «галанскими немцами», «шкоцкими немцами», «аглицкими немцами», «французскими немцами и т.п.). За единичным исключением (А.И. Лесли) они не стали «русскими» посредством «перекрещения» в православие, т.е. «новым крещением» в соответствии с обрядом русской православной церкви. Таковых «служилых иноземцев» в России того времени называли «новокрещеными» или «новокрещеными». Генерал Лесли, фактически, был принужден перейти в православие по ряду причин, заставивших его согласиться на это. Именно в контексте вышесказан-

ного В.А. Змеёв был первым «офицером» российского войска из русских «служилых людей», пожалованным этим высшим «иноземным» («регулярным») воинским званием «генерала». Впрочем, само это звание не сразу обрело статус персонального воинского чина, указывающего место его носителя в иерархии воинских чинов «регулярного строя».

С начала зарождения в Западной Европе регулярной армии, с XIV – XV вв. командир определенной самостоятельной части или подразделения, как правило, это была «рота», именовался «капитаном» (от латинского *capit, capit* – «голова»). Звание «генерал» (от латинского *generalis*, т.е. «общий») появилось в западноевропейских армиях в XVI в. Оно использовалось, как правило, для обозначения старшего командира над определенным количеством регулярных воинских частей или командующего определенной разновидностью регулярных войск. Первоначально такой «старший» командир получал звание «генерал-капитан» (раньше других в испанской армии XV – XVI вв.), т.е. «старшего» командира, «главного» среди других «капитанов», «общего» над ними начальника.

После появления воинских частей, составленных из нескольких рот и получивших наименование «полк» («коронелия», «регIMENT»), появляется новое звание, которым обозначался командир полка, – «полковник» («коронель» в Испании, производное от этого слова «колонель» во Франции и «оберст» в Германии). «Старший» из «полковников», которому были подчинены несколько полков со своими командирами-полковниками, и получал звание «генерал», т.е. «генерального полковника». «Генерал-полковник» ведал комплектованием, кадровыми вопросами, обучением материальным обеспечением и отчасти управлением всеми частями определенного рода или вида войск.

На «генеральском» уровне чин «генерал-поручика» должен был обозначать то же, что и «поручика» в составе роты, т.е. заместителя «капитана», и «полкового поручика» или «подполковника», т.е. заместителя «полковника», командира полка. Также, как и в Европе, звание «генерал-поручик» в России XVII в. означало, прежде всего, одну из «генеральских» должностей, а не персональный чин. Таковым являлся лишь чин «генерала». Чин или, точнее, должность, «генерал-майора» на «генеральском уровне» обозначал «второго заместителя» «генерала», главнокомандующего, т.е., то же, что на полковом уровне означал чин-должность «майора», т.е. «второго заместителя» командира полковника-полка. В обязанности «майора», а на уровне действующей армии – «генерал-майора», «второго заместителя» главнокомандующего, – входили функции «начальника штаба», включавшие организационно-хозяйственные вопросы. Иными словами – «генерал-майор» это, прежде всего, заместитель командующего «генерала» по административным вопросам.

Показательно, что 8 мая 1675 г., жалую в «генералы» «служилого иноземца» полковника Франца Ульфа, царь Алексей Михайлович велел «писать его *енаралом*, и пол-

ковником, и полуполковником, и майором, и поручиком за многую службу Великому Государю...» [3, ст. 1373]. Иными словами, независимо от любой «генеральской должности» он имел один воинский чин – «генерала».

В другом случае царь Алексей Михайлович величает этого «служилого иноземца» Ф. Ульфу, как и В.А. Змеева, «генералом и полковником» одновременно, т.е. двумя воинскими званиями [3, ст. 1374]. Такого рода сочетания встречаются и применительно к другим высшим командирам русского войска того времени. Таким образом, такого рода именование, применительно к В.А. Змееву, было вполне обычным. В таком двойном воинском «звании» не содержалось противоречия.

Поскольку звания «генерал-майор», «генерал-поручик», в основном, все еще оставались названиями «генеральских» должностей, а не персональными воинскими чинами, то и совсем не обязательно, русский «служилый человек» или «служилый иноземец» должен был постепенно подниматься по чиновной лестнице от «генерал-полковника», через «генерал-майора», «генерал-поручика» к «полному генералу». «Полковник», пожалованный в чин «генерала», мог получить должность и звание «генерал-поручика», минуя «генерал-майора».

С учетом всего сказанного выше, следует, однако, отметить, что во второй половине XVII в. чин «генерала» для русского служилого человека еще не имел такого значения, какое он приобрел со времен Петра I, тем более что он первоначально считался ниже дворцового чина «стольника». Поэтому при указании чина «служилого положения» В.А. Змеева в официальных документах для «приказного» чиновника значение имел его «дворцовый чин», а не воинский, в системе чинов «начальных людей» в полках нового строя». Поэтому в данном случае было важно назвать Змеева «стольником», а его воинский чин имел уже второстепенное значение. В «приказных» документах обращение с «регулярными» воинскими чинами было небрежным, как с чем-то не очень значительным, если речь шла о «служилом человеке», имевшем определенный «дворцовый чин» или, тем более, «думский чин». Так, впервые упоминаемый в чине «генерала» 19 декабря 1674 г., В.А. Змеев обозначается в следующей чиновной последовательности: «столник и енарал и полковник» [3, ст. 1142]. Однако во второй половине 70-х гг. XVII в. «регулярное» звание «генерал-поручика» было уже выше дворцового чина «стольника». Примечательно также, что, утверждая собственной росписью списочный состав своего рейтарского полка 19 сентября 1676 г., будучи в звании генерал-поручика, Змеев именует себя лишь «генерал-поручиком», не используя для обозначения дворцовый чин «стольника». «Служилый человек», получая права самостоятельного или автономного (воеводского) командования, становился уже «полным» «генералом» в смысле полноты командования. В таком случае, его «регулярный» воинский чин «генерала» был, бесспорно, выше чина «стольника». В своем донесении из-под Чигирина 23 сентября 1677 г. воевода боярин и князь

Г.Г. Ромодановский именует Змеева «сходной генерал и воевода Веденихт Змеев» [2, ст. 311]. Как видим, «главнокомандующий» Г.Г. Ромодановский не указывает «дворцовый чин» Змеева. В то же время он его «титует» «сходным генералом». Такое понятие вообще не совсем обычное для должностного положения русских военачальников того времени. Звание и должность «сходный воевода» было вполне привычным и обозначало помощника, заместителя «главного воеводы», и в то же время командующего автономными резервными или вспомогательными, дополнительными частями войска, подчиненного «полковому воеводе». Видимо, Ромодановский просто использовал словосочетание «сходный генерал» по аналогии с обозначением должности «сходный воевода». Указав одновременно на воеводскую должность Змеева и на его «европейский» воинский чин «генерала», Ромодановский, таким образом, указал Змеева в должности «воеводы», как командующего автономным войсковым соединением, в то же время, в этом качестве, как своего помощника («главного воеводы»). Однако, поскольку это автономное, но подчиненное главному воеводе войсковое соединение было сформировано из регулярных «полков нового строя», а Змеев имел «регулярный» чин «генерала», то Ромодановский и обозначил его как «сходного генерала» (а не «сходного воеводы»). Во всяком случае, «сходный воевода» или «сходный генерал и воевода» являлся уже командующим самостоятельным воинским соединением, хотя и подчиненным «главному воеводе» или «главнокомандующему».

Особого внимания заслуживает исключительно российский воинский чин «думного генерала». В справочной литературе утверждается, что в 1678 – 1679 гг. «думным генералом» был В.А. Змеев [9, с. 422], а чуть позже в этот чин был пожалован и другой русский генерал – А.А. Шепелев [10, с. 11]. Правда, в официальных документах Змеев назван «думным генералом» лишь однажды – в январе–феврале 1678 г. (между 10 января и мартом) [8, с. 261; 9, с. 422], именуясь 21 марта 1678 г. в официальных документах «думным дворянином и генералом», а с января 1679 г. – «думным дворянином-генералом» [2, с. 518-519]. Это, видимо, должно было указывать на то, что носитель такого «дворцового чина» не являлся «думным дворянином» во всей полноте своих прав и обязанностей в качестве члена Боярской думы, но «думным дворянином», полномочия которого, его права и обязанности в иерархии «дворцовых» и «думских чинов», ограничивались лишь военными вопросами, решавшимися в Боярской думе. Аналогичным образом и двойной чин «стольника и полковника» означал, что лицо, удостоенное этого чина, обладает полномочиями «стольника» лишь в узко военной сфере. Поскольку изначально и главным образом чин «стольника» был чин «дворцовым», и человек в этом чине мог исполнять различные функции и должности, дворцовые, придворные, административные, в том числе военные, воеводские. Такое двойное титулование – «думный дворянин и генерал» было, с другой стороны, подобно

словосочетанию «генерал-майор», «генерал-поручик», «генерал-полковник». Получается, что русские «генералы» занимали должности: «думного генерала» (члена Боярской думы в статусе «думного дворянина»), «сходного генерала» (в статусе сходного воеводы, т.е. заместителя командующего войсковым соединением, командующего отдельным вспомогательным войсковым соединением), «генерала поручика» (заместителя командующего, ведающего регулярной частью), «генерала майора» и «генерала полковника» (командира полка в статусе «старшего полковника»).

Из всего сказанного выше следует, что словосочетание «думный генерал» сложилось в результате обиходно-канцелярского упрощения и сокращения именованного Змеёва «думным дворянином и генералом» в «думный» (естественно подразумевалось, что «думный дворянин») и «генерал». Поэтому в официальной делопроизводственной документации, в силу сложившейся канцелярской небрежности, Змеёва именовали и «думный дворянин и генерал», и «думный дворянин-генерал», и «думный генерал». 15 января 1680 г. царь Федор Алексеевич пожаловал В.А. Змеёва за выдающиеся заслуги в чин, так сказать, «полного» «думного дворянина», без добавления «генерал», хотя в военной среде и русском воинском обиходе его по-прежнему именовали «генерал».

Таким образом, чин «думного генерала», как наименование, первоначально появился, благодаря обычной бюрократической привычке тех лет. В повседневной практике «думного дворянина», сокращая, называли просто «думный». Поэтому, в приказной повседневности произошло сначала упрощение этого двойного чина «думный дворянин и генерал», вследствие его сокращения, до «думного генерала». А затем это новый чин был введен официально в иерархический перечень «думских чинов». Однако важно было другое: начиная с февраля 1678 г. впервые в состав думских чинов, в состав Боярской думы, т.е. в состав российского правительства вводится профессиональный военный, генерал «регулярных полков» русского войска.

Сам по себе факт учреждения этого нового дворцового чина, «думного генерала», и пожалование этого чина высшему офицеру «регулярной» части русского войска генералу Змеёву, уже является свидетельством повышения роли армии в целом, ее «регулярных полков» в частности, точнее, российской «регулярной» военной элиты, выходцев из рядового, среднего русского служилого дворянства в структуре и системе государственного управления России в конце 70-х гг. XVII в.

В справочной литературе утверждается, что в чин «думного генерала» одновременно со Змеёвым, в 1678 г. был пожалован и генерал А.А. Шепелев [10, с. 11].

Однако, согласно официальным документам, Шепелев, как отмечалось выше, в конце 1678 г. был пожалован в «полные генералы» [5, с. 109]. А.В. Малов, со ссылкой на архивные документы, утверждает, что в этом чине Шепелев впервые упоминается в сентябре 1682 г. [5, с. 109]. Однако в Русском биографическом словаре, 8 июня того же (1682) года Шепелев был уже пожалован в думные дворяне с оставлением в звании думного генерала, причем «было велено писать его прямо под окольными, выше всех прочих думных дворян» [10, с. 11]. Следовательно, в «думные генералы» он был пожалован до июня 1682 г.

Вообще, место этого нового дворцового чина – «думного генерала» – первоначально было неопределенным. Сначала этот чин в думской иерархии шел сразу же за чином «думного дворянина». Это подтверждается повышением в чине того Змеёва: 15 января 1680 г. из чина «думного генерала» он был пожалован в «думные дворяне» [9, с. 422]. Затем, как отмечалось выше в Русском биографическом словаре, после пожалования Шепелева «в думные дворяне с оставлением в звании думного генерала, при чем было велено писать его прямо под окольными, выше всех прочих думных дворян». Во всяком случае, в своей челобитной марта 1684 г. Шепелев именует себя «думным генералом», не упоминая о том, что он еще и «думный дворянин». Это значит, что, действительно, к этому времени чин «думного генерала» в иерархии дворцовых чинов был уже выше чина обычного «думного дворянина».

Похоже, что к 1684 г. чин «думного генерала» был уже особым чином в Боярской думе и был отнесен к составу или группе «думных дворян». Точнее, - это был, так сказать, «первый думный дворянин». Во всяком случае, в иерархии дворцовых (или думских) чинов «думный генерал» был перенесен из места за «думными дворянами», на место за «окольными». Это было несомненное свидетельство повышения роли данного, единственного специального военного «думского чина» с 4-го на 3-е место в системе государственного управления. Следует заметить, что к 1687 г. в составе Боярской думы было уже три «регулярных командира», три генерала: ближний окольный генерал В.А. Змеёв, думный генерал А.А. Шепелев и думный дворянин генерал Г.И. Косагов [6, с. 336-344].

Появление в 1678 г. нового чина «думного генерала» в системе и иерархии «дворцовых чинов» Боярской думы можно рассматривать как один из первых шагов на пути зарождения новой системы социально-политической иерархии, определявшейся «служилыми заслугами», и формирования военно-имперской структурной основы, получившей полное и окончательное завершение в Табели рангах Петра I в 1722 г.

Библиографический список:

1. Акты Московского государства. Т. 2. Разрядный приказ. Московский стол 1635-1659. СПб., Типография Императорской Академии Наук, 1894.
2. Акты, относящиеся к истории Южной и Западной России, собранные и изданные Археологической комиссией. Т. 13. 1677-1678. СПб., Типография А.М. Котомина и К., 1884.

3. Дворцовые разряды. Т. 3. СПб, 1852.
4. Дело о князе В.В. Голицыне // Розыскные дела о Федоре Шакловитом и его сообщниках. Издание Археографической комиссии. Т. 3. СПб., 1888.
5. Малов А.В. Московские выборные полки солдатского строя в начальный период своей истории 1656–1671 гг. М., Дрвлекхранилище, 2006.
6. Минаков С.Т. Первый русский генерал Венедикт Змеёв. Начало российской регулярной армии. М., Алгоритм. Вершины, 2017.
7. Невилль де ла. Любопытные и новые известия о Московии // Россия XV-XVII вв. глазами иностранцев. Лениздат, 1986. С. 507.
8. Описание документов и бумаг, хранящихся в Московском архиве министерства юстиции. Книга тринадцатая. М., СПб., Типография правительствующего Сената, 1903.
9. Русский биографический словарь. Т. 7. СПб., 1912.
10. Русский биографический словарь. Т.23. СПб., 1911.
11. Собрание государственных грамот и договоров, хранящихся в Государственной коллегии иностранных дел. Часть четвертая. М., 1828.

References

1. Acts of the Moscow state. Vol.2. Bit orders. Moscow table 1635-1659. SPb., Printing House Of The Imperial Academy Of Sciences, 1894.
 2. Acts relating to the history of southern and Western Russia, collected and from-data by the archaeological Commission. Vol.13. 1677-1678. SPb., Printing house of A. M. Kotomin and K., 1884.
 3. Palace level. Vol.3. SPb, 1852.
 4. The case of Prince V. V. Golitsyn // Search case about Fedor Shaklovity and his accomplices. Publication of the archaeological Commission. Vol.3. SPb., 1888.
 5. Malov A.V. Moscow regiments elected soldiers down in the initial period of its history, 1656 – 1671, he M., Archives of, 2006.
 6. Minakov S. T. the First Russian General Benedict Kites. The beginning of the Russian regular army. M., Algorithm. Tops, 2017.
 7. Neuville de La. Curious and new news about Muscovy // Russia XV-XVII centuries through the eyes of foreigners. Lenizdat, 1986. S. 507.
 8. Description of documents and papers stored in the Moscow archive of the Ministry of justice. Book thirteenth. M., SPb. The printing of the Senate, 1903.
 9. Russian biographical dictionary. Vol. 7. SPb., 1912.
 10. Russian biographical dictionary. T. 23. SPb., 1911.
-

УДК 355:94 (470) "19"

UDC 355:94 (470) "19"

ОРЛОВ А.С.

кандидат исторических наук, сотрудник Академии ФСО
России

E-mail: orlov-orl@mail.ru

КОЧЕРГИН И.Г.

кандидат исторических наук, доцент, сотрудник Академии ФСО России

E-mail: nalavrikova@yandex.ru

ORLOV A.S.

PhD in History, Federal Guard Service Academy

E-mail: orlov-orl@mail.ru

KOCHERGIN I.G.

PhD in History, Associate Professor, Federal Guard Service

Academy

E-mail: nalavrikova@yandex.ru

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ВЗГЛЯДЫ М.О. МЕНЬШИКОВА РАННЕГО ПЕРИОДА

ECONOMIC VIEWS OF M.O. MENSHIKOV IN HIS EARLY PERIOD

В данной статье, на основе анализа ранее неопубликованного архивного материала, известного публициста конца XIX начала XX веков М.О. Меншикова, описываются экономические взгляды данного общественного деятеля. Пройдя сложный жизненный путь он на себе испытал стесненное финансовое положение, что отразилось на понимании данного вопроса и в дальнейшем способствовало популярности экономических статей у широкого круга читателей.

Ключевые слова: М.О. Меншиков, публицист, Новое время, Неделя, фрагменты дневников.

The article studies some previously unpublished archive materials of M.O. Menshikov, famous publicist of the late 19th - early 20th centuries, and describes this statesman's views on economy. Menshikov had had a life full of difficulty and experienced financial hardships himself, which contributed to his understanding of economic matters and made his economic articles popular with a broad circle of readers.

Kewords: Menshikov, publicist, "Novoe Vredmya", "Nedelya", journal excerpts.

Почти каждый человек в своей жизни ищет материального достатка и комфорта. Так и известный публицист конца XIX – начала XX века Михаил Осипович Меншиков искал лучшей жизни. Родился он 23 сентября 1859 года в семье мелкого чиновника и обедневшей дворянки. Детство публициста проходило в стесненном материальном положении. Семья постоянно переезжала с места на место и не имела регулярного значительного дохода. Основным доходом семьи были средства от сдачи в аренду пустоши Лубяница, которая досталась матери Михаила по наследству. Отец много пил и не имел постоянной работы. В Опочечское уездное училище Меншиков смог поступить лишь благодаря средствам, оставленным ему теткой по линии матери после смерти. Поступив в Кронштадтское морское техническое училище при помощи своего дяди, публицист начинает вести дневники, где встречаются постоянные подсчеты его материальных затрат на жизнь. Отметим, что записи такого рода присутствуют во всех дневниках, которые вел Меншиков до своего перехода в газету «Новое время». К примеру, в дневнике за 1879 год появляется одна из таких заметок. Здесь Меншиков с присущей ему скрупулезностью подсчитывает, сколько денег он потратит на проживание со своим братом Володей. Он надеется, что кроме основного жалования, которое приносит военная служба, будет и дополнительный доход: «Но ведь почти вероятно будет какая-нибудь частная ра-

бота. Дейтер обещал сотрудничество – и это на крайний случай даст 10 – 20 рублей. Итак, проживем» [2]. Далее публицист высказывал мысль о необходимости позаботиться о своем материальном достатке. За неимением большого дохода Меншиков был достаточно бережлив: «Пусть говорят и ратуют моралисты против бережливости, то бишь скупости, – убеждал он себя. – Скупость – вещь смешная, это правда, но бережливость – вещь, по-моему, очень почетная. От бережливости до скупости, положим, один шаг – но ведь и от всякого до смешного такой же шаг...» [2].

Далее Меншиков с присущим ему биологизаторским подходом к жизни задается вопросом: «Не главное ли во мне факт жизни? Не должен ли я стараться пособлять природе в развитии своего организма!» [2]. Он убеждает себя в том, что если он подберет себе такую сферу труда, которая будет приносить пользу окружающим, то будет иметь нравственное право богатеть. Какой должен быть этот труд? Публицист пишет, что труд «должен быть работою вещи, в которой кто-нибудь нуждается. Значит, объем труда указывается и регулируется потребностью в продукте, т. е. с повышением потребности и труд должен увеличиться, а с понижением – уменьшиться» [3]. С точки зрения нравственных понятий, всякое вознаграждение должно равняться работе, т. е. выражать количество той же работы, переведенной на денежные знаки. Далее Меншиков рассуждает о мо-

ральности прибыли и сверхприбыли на примере производства скрипок, показывая, как в ценообразовании участвуют потребности производителя и спрос потребителя. Позволим себе привести довольно большой фрагмент, чтобы показать, к каким результатам Меньшиков пришел в ранний период своей публицистической карьеры, занимаясь самообразованием по различным, в том числе и экономическим, вопросам.

«Положим, я сделал скрипку и несу ее на рынок. Что стоит скрипка? Сколько я должен получить, или, точнее, просить за нее, рассуждая по совести? Мне скажут: вы должны просить за нее, во-первых: а) стоимость материала для скрипки, б) часть стоимости инструментов (именно ту часть, на которую понизится ценность инструмента от данной работы) и с) стоимость времени, потраченного на работу скрипки. Но здесь запятая: как определить вот эту стоимость рабочего времени? Ведь если определить ее ценностью воображаемой работы, которую можно бы сделать в затраченный промежуток времени, то выйдет вздор: ведь ценность этой работы, воображаемой, опять должна разбиться на составные части, между которыми сомнительной окажется опять стоимость времени...

Если же определить стоимость рабочего времени только количеством (или ценностью) тех продуктов, которые необходимы рабочему для поддержания жизни на время работы, то явится вопрос: брать ли это количество в объеме только безусловно-необходимом или в объеме, удовлетворяющем желаемое состояние жизни? Что нравственнее?

Мне кажется, что следует остановиться не на втором решении – именно, стоимостью рабочего времени считать ценность того количества продуктов, которое в состоянии поддержать желаемый образ жизни в данный промежуток возможного ближе к желанному уровню.

Но ведь могут быть злоупотребления, и они существуют. Часто фабрикант запрашивает такие цены, которые дают ему барыш слишком большой, чем нужно для желанной жизни фабриканта. Часто фабрикант ведет такую роскошную жизнь, что и эти цены не покроют его расходов. Как же быть? Значит, должен быть регулятор, умеряющий стремление к наживе, потому что большая нажива при нынешнем социальном строе почти всегда вредно отзывалась на ближних. Рассудок и нравственность – больше я не могу указать на что-нибудь регулирующее в данном смысле. А может быть и могу, постойте. Подумаем. Если вопрос о запросе на товар несколько темен, то вопрос о предложении за товар гораздо яснее. Я даю за товар ту цену, которая обуславливается возможностью товара для моей жизни. Цена товара зависит не от производителя, а от потребителя (Тенер). Не совсем, впрочем: на самом деле цена зависит от количества потребностей. Положим, цена на скрипки. Известное количество рабочих в известном обществе сделали столько-то скрипок. Положим, 10 рабочих и сто покупателей. Один придет в лавку: что стоит скрипка? – 30 рублей. «Нет, я могу дать только 25 рублей. Приходит другой, но беднее. Сколько стоит

скрипка? 30 рублей. Покупатель раздумывает, сколько он может дать, т. е. во сколько оценивается его средствами и при его склонности к музыке то наслаждение, которое ожидается от скрипки. Оказывается, что при его средствах он может дать больше 20 рублей.

Приходит третий, остановил на 15 р. и т. д., пока наконец самый бедный даст только 5 р. что же вышло? Продавец видит, что больше двадцати пяти рублей ему ни за что не получить, и видит, что меньше 5 р. отдавать не стоит. Какую же *prix fixe* он должен наконец установить? Мне кажется, что он должен прикинуть, во-первых, сколько приблизительно в обществе 25-рублевых покупателей, сколько 20-рублевых, и т. д.»

Заметим, что немногим ранее Меньшиков уже обращался в своем дневнике к проблеме стоимости товаров применительно к стоимости земли: «Каждая вещь сама по себе ничего не стоит: стоит только труд ее приготовления. Ценность обратно пропорциональна пользе предмета. Земля сама по себе, как и каждая вещь, ничего не стоит: стоит тот труд, который вложен в этот кусок земли целыми поколениями людей» [1].

Проблемам сельского хозяйства и землепользования Меньшиков будет уделять определенное внимание на страницах «Недели», о чем уже писал в серии статей историк Зверев Н. В. [5]. Однако публицистическим статьям предшествовало осмысление данных вопросов на страницах дневника, оставшихся за рамками указанных нами исследований. Между тем, Меньшиков уже в дневниках обращал внимание на одну из традиционных проблем российской экономики: вывоз сырья без переработки. Но рассматривал ее не только с чисто экономической, но и, как мы сейчас сказали бы, с экологической точки зрения: «Крайне вредно отзывалась на производительности почвы вывоз сырых ее произведений на далекие рынки. Это равносильно срезыванию с земли каждый раз ее плодородного пласта. Для неистощимости почвы необходимо, чтобы все ее сырые продукты потреблялись на месте и таким образом удобряли почву. Торговля в том виде, как она теперь существует, есть одно из крупных несчастий человечества. Тут является иногда такой же произвол богатого, экономическое рабство бедных. Пути сообщения суть кровеносные жилы и артерии государства: по ним течет народное добро, в правильном обмене которого заключается благо человечества. Переработка продукта тоже должна производиться на месте, что сберегает огромную массу сил, потраченных бы на перевоз продукта» [1].

Вопрос о моральности высоких доходов также очевидно волновал Меньшикова, так как помимо уже приведенных выше размышлений в его дневниках встречается следующая запись: «Мне скажут: если миллионы вокруг вас голодают, то не бесчестно ли с вашей стороны быть богатым? Бесчестно, отвечаю я, но только в таком случае, когда это богатство выжато из неимущих и отозвалось вредом для них, когда богатство лежит непроизводительно мертвою массой и общество лишается течения капитала, т. е. у общества отнимается его собственность (мне кажется, что всякая собственность,

особенно капитал, не могут считаться личною собственностью и должна считаться общественною собственностью. Если капитал хотя бы и в частных руках, но имеет приложения, хотя бы и зависимое от частного лица, – то в таком случае он может считаться общественною собственностью. Если же капитал – мертв, т. е. не имеет приложения, то эта кража частного лица у общества)... Мне кажется, если богат на минуту не останавливает в своих карманах капитал, а дает ему все больший и больший захват, пользуясь только умеренными выгодами в свою личную пользу, – мне кажется, что он приносит обществу огромную пользу и делится своею деятельностью с неимущими... Мне кажется, что личное благо – неразрывно связано с общим следствием и личная деятельность – тесно связана с общею. Если человек успешно достигает своей личной цели, своего личного блага, то и общество должно от этого выиграть, – настолько, насколько этот человек имеет значение в обществе, – какую составную часть этого общества он составляет. Если весьма часто происходит совершенно

обратное, то в этом виноваты не принципы деятельности человека в свою пользу, а средства этой деятельности, вредные по самому их употреблению» [4].

В настоящее время Меньшиков больше известен как политический деятель и публицист периода Третьеиюньской системы, однако на его экономические взгляды уже начинают обращать внимание. Так М. Антонов даже счел возможным поместить статью о нем в серии «Экономисты милостью божьей: Михаил Меньшиков» [6]. Но Антонов основывает свои рассуждения только на статьях, помещенных в «Новом времени». Мы же хотели обратить внимание на то обстоятельство, что успеху экономических статей Меньшикова как в «Неделе», так и в «Новом времени» предшествовала работа по самообразованию и самоанализу. Возможно, именно «примеривание» изученных экономических принципов к себе позволило публицисту в дальнейшем описывать их так, что они становились понятны и близки широкому кругу читателей.

Библиографический список

1. Центр хранения дел личных собраний Ф. 202. ОП.1 Д.2 Л.13
2. Центр хранения дел личных собраний Ф. 202. ОП.1 Д.3 Л.125
3. Центр хранения дел личных собраний Ф. 202. ОП.1 Д.3 Л.126
4. Центр хранения дел личных собраний Ф. 202. ОП.1 Д.5 Л. 37-39 об
5. Зверев Н. В. М. О. Меньшиков о русском крестьянстве // Сборник работ студентов-победителей международных, всероссийских и университетских конкурсов, конференций, олимпиад. 2007-2008 гг. / Отв. Ред. Н. С. Кирабаев. – М.: РУДН, 2008. – С. 111-120.; Зверев Н. В. «Кому нужна земля» // Диалог цивилизаций: Восток – Запад. Глобализация и мультикультурализм: Россия в современном мире: Материалы VII Межвузовской научной конференции / Под ред. Н. П. Нарбута. – М.: РУДН, 2007. – С. 57-63.
6. <http://file-rf.ru/analitics/711>

References

1. Center of private collection storage F. 202. OP.1 D.2 L.13
2. Center of private collection storage F. 202. OP.1 D.3 L.125
3. Center of private collection storage F. 202. OP.1 D.2 L.126
4. Center of private collection storage F. 202. OP.1 D.5 L.37-39 ob.
5. Zverev N.V. M.O. Menshikov on Russian Peasantry. Collected works of student-winners of international, national and university contests, conferences, Olympiads. 2007-2008/Edited by N.S. Kirabaev. –M.: RUDN, 2008. – P. 111-120., Zverev N.V. Who Needs Land? // Dialog of Civilizations: East – West. Globalisation and Multiculturalism: Russia in Modern World: Materials of VII Inter-University Scientific Conference / Edited by N.P. Narbut. M.: RUDN, 2007. Pp. 57-63.
6. <http://file-rf.ru/analitics/711>

УДК 94(410)"15"

UDC 94(410)"15"

ПОПКОВА О.В.

кандидат исторических наук, доцент, кафедра иностранных языков профессиональной коммуникации, Владимирский государственный университет имени А.Г. и Н.Г. Столетовых
E-mail: ovaks@yandex.ru

POPKOVA O.V.

Candidate of History, Associate Professor, Department of Foreign Languages of Professional Communication, Vladimir State University named after A.G. and N.G. Stoletovs
E-mail: ovaks@yandex.ru

ТОРГОВЫЕ И ДИПЛОМАТИЧЕСКИЕ КОНТАКТЫ МЕЖДУ АНГЛИЕЙ И РОССИЕЙ НА НАЧАЛЬНОМ ЭТАПЕ РАЗВИТИЯ

COMMERCIAL AND DIPLOMATIC CONTACTS BETWEEN ENGLAND AND RUSSIA AT THE EARLY STAGE OF THEIR DEVELOPMENT

На основании документальных источников в статье проанализирован начальный этап развития торговых и дипломатических связей между Англией и Россией, охватывающий вторую половину XVI века. В этот период происходил обмен посольствами с целью урегулирования экономических и политических вопросов, осуществлялись торговые контакты. В XVI веке начали проявляться взаимовыгодные интересы, противоречия и сложности в отношениях между государствами.

Ключевые слова: торговые и дипломатические отношения, Англия, Россия, вторая половина XVI века, взаимная выгода, противоречия.

The initial period of the development of the commercial and diplomatic ties between England and Russia encompassing the second half of the XVI century is analyzed on the basis of documentary sources. During this period exchange of ambassadors with the aim of economic and political issues settlement took place, trade contacts were carried out. In the XVI century mutually beneficial interests, contradictions and difficulties began to shape up in the relations between the states.

Keywords: commercial and diplomatic relations, England, Russia, the second half of the XVI century, mutual benefit, contradictions.

Взаимоотношения между Великобританией и Россией, достаточно сложные в настоящее время, имеют давнюю историю. Истоки современных противоречий и обоюдных интересов следует искать во второй половине XVI века. Начальный этап англо-русского взаимодействия приходится в основном на время правления Елизаветы I – период активного развития капиталистических отношений, увеличения количества товаров, произведенных на английских мануфактурах. Рост производства сопровождался поиском новых рынков сбыта. Препятствием на пути торговых интересов Англии становятся могущественные морские державы: Испания и Португалия. Поэтому англичане начинают осваивать северо-восточное направление развития торговли. В свою очередь, Россия во второй половине XVI века – в период правления Ивана Грозного – начинает выходить на международную арену, отказываясь от средневековой изоляции. Обоюдные интересы государств привели к тому, что Англия стала одной из первых европейских стран, с которыми Россия наладила регулярные торговые и дипломатические отношения.

Рассмотреть начальный этап налаживания связей между двумя государствами представляется возможным благодаря сопоставительному анализу документальных

источников на русском и английском языках: грамот, которыми обменивались английские коронованные особы и русские цари, а также высокопоставленные лица обеих держав, инструкции послам и их донесения, документы английской Московской компании, правительственные распоряжения.

Английские мореплаватели открыли для себя Московию в 1553 году, когда корабль Р. Ченслера, отправившийся на поиски северного пути в Индию и Китай, зашел в Двинскую губу в Белом море. Оттуда Р. Ченслер поехал в Москву, где добился приема у Ивана Грозного. Русский царь понимал всю важность налаживания взаимоотношений с Англией в противовес Швеции и Польше. Поэтому английские купцы получили право беспешинной торговли в России. Англичане относились в то время к русским как к варварам, с которыми было необходимо установить торговые отношения во благо экономического процветания Англии[4].

В 1555 году в Лондоне была организована Московская компания, и экспедиция Р. Ченслера в сопровождении купцов Р. Грея и Дж. Киллингуорта вновь отплыла в Россию. В грамоте от Филиппа и Марии содержалась просьба пожаловать представителям компании торговые привилегии. Иван Васильевич удо-

влетворил эту просьбу, разрешив им содержать торговые дворы в Москве, Холмогорах, Вологде и других русских городах.

Первая грамота с предложением английской стороны заключить торговый договор между государствами зафиксирована в реестре Посольского приказа в 1557 году [2]. Филипп и Мария взамен привилегий, дарованных Иваном Грозным английским купцам, жаловали русским купцам право беспошлинной торговли в Англии и содержания торговых дворов в Лондоне и других городах. В 1561 году последовала грамота английской королевы Елизаветы с просьбой разрешить купцу Антону Дженкинсону беспрепятственно передвигаться по всей территории России, а также выехать в Персию для лучшего изучения иностранной торговли [2].

Иван IV искал в лице Англии политического союзника в борьбе против Речи Посполитой. В связи с этим в 1567-1569 годах количество привилегий Московской компании увеличилось. В 1567 году русский царь даровал её представителям право беспошлинно покупать, продавать и обменивать товары в устье Двины, Оби, в Казани, Астрахани, Новгороде, Ливонии, Нарве, Холмогорах, Вологде, Ярославле, Костроме и других русских городах. Товары, привезенные англичанами, подлежали досмотру, после которого лучшие из них поступали в царскую казну, остальными можно было торговать без уплаты каких-либо пошлин. Подтверждалось право англичан строить и содержать торговые дома в российских городах. Розничную торговлю английские купцы могли вести самостоятельно, не пользуясь посредническими услугами русских купцов. Представителям Московской компании предоставлялось исключительное право беспошлинно вывозить свои товары через Астрахань в Среднюю Азию и Персию, причем по возвращении в Астрахань их товары также не подлежали обложению пошлинами. Грамота Ивана Васильевича от 1567 года подтверждала исключительные права Московской компании Уильяма Гаррарда на торговлю в России. Корабли, заходившие в северные порты с товарами купцов, не входивших в состав компании, будь то англичане или другие европейцы, подлежали конфискации в пользу царской казны и Московской компании [5].

По мнению английского посла Томаса Рэндольфа, посетившего Россию в 1568 году, Иван Грозный был настроен по отношению к английским купцам крайне благожелательно [6].

Итак, в конце 60-х гг. XVI века английским купцам была предоставлена возможность беспошлинно торговать по всей России, пользоваться северными портами, заниматься транзитной торговлей по Волжскому пути с Персией и Средней Азией, захватывать в Белом море суда других европейских стран.

Что касается предметов торговли, то англичане ввозили в Россию в основном изделия развивавшихся в Англии особенно быстрыми темпами текстильной и металлургической отраслей мануфактурного производства, а также оружие и вина. Вывозилось же из России

в основном сырьё: смола, пенька, кожи, пушнина, лес.

Во второй половине XVI века английская и российская сторона регулярно обменивались дипломатическими визитами. Приёмы иностранных послов высшими лицами государства сопровождалась официальной церемонией в присутствии большого количества придворных. Иногда послов приглашали на тайные частные визиты к монаршей особе. Все английские посланники в период нахождения в России содержались за счет царской казны. Проживание и развлечение русских послов в Англии должна была обеспечить Московская компания.

Монархи обеих стран в знак взаимного благорасположения обменивались подарками. Так, в 1567 году в качестве подарков российские послы привезли королеве Марии и королю Филиппу сабли и дорогие меха. В 1568 году в качестве подарка от королевы Марии английский посол вручил Ивану Васильевичу серебряный кубок с выгравированными на нём стихами.

Иван Грозный, в годы опричнины сильно опасавшийся за свою жизнь, заискивал перед Елизаветой и просил убежища в Англии для себя и своей семьи в том случае, если он будет вынужден покинуть Россию [3, с. 17]. В ответ на эту просьбу Елизавета приглашала Ивана Васильевича посетить Англию и обещала радушный прием и угощение. Русский царь просил прислать из Англии архитектора, умеющего строить крепости, башни и дворцы, поскольку царю было необходимо укрепленное безопасное жилище, а также доктора и аптекаря, которые бы заботились о его здоровье, мастеров для поисков золота и серебра, которые увеличили бы его казну. Иван IV проявлял большую заинтересованность в укреплении русско-английских связей.

В 1569 году в Лондон был отправлен русский посол Андрей Совин, который передал королеве Елизавете грамоту от Ивана Грозного, подтверждающую предоставленные в 1567 году привилегии купцам Московской компании. Кроме того, в грамоте затрагивались вопросы юрисдикции английских торговых людей. Английские купцы, обвиняемые в убийстве, нанесении телесных увечий или краже, подлежали суду советников царя. При этом товары обвиняемых запечатывались и удерживались до принятия царем решения о дальнейшей судьбе иностранных подданных. Виновных предполагалось высылать в Англию. Если английский купец задолжал русскому подданному денег, то его товары конфисковывались в пользу кредитора. Сам же должник аресту не подлежал. Царские советники также должны были расследовать преступления, совершённые против английских подданных в России [7].

Иван Грозный искал политического союза с Англией, но Россия не имела для Англии политического значения. Её интересовало исключительно развитие торговых отношений: Россия была для неё рынком сбыта промышленных товаров и источником сырья.

Совин в течение года вёл переговоры о заключении политического союза между Россией и Англией против Швеции и Польши. Но получил лишь грамоту, содер-

жащую общие фразы о подтверждении дружественного союза между двумя государствами. Иван Грозный пришёл в ярость и в ответной грамоте назвал Елизавету «пошлой девицей», чьим государством управляют мужики торговые, объявил о разрыве отношений с Англией [3, с. 24].

Таким образом, в 1570 году, не добившись политического союза с Англией против Речи Посполитой и Швеции, русский царь отменил привилегии Московской компании. В 1570-1572 гг. торговля между Россией и Англией не велась. Московская компания терпела значительные убытки. В 1572 году посол А. Дженкинсон обратился к русскому царю с просьбой вернуть привилегии купцам компании, которая была выполнена: беломорская и закаспийская торговля англичан была восстановлена.

В 1574 году отношения между Россией и Англией вновь ухудшились. Иван Васильевич был недоволен тем, что английские купцы Фома Гловер и Ральф Рюттер начали контактировать с врагом русского царя – польским королем. В связи с этим товары, находившиеся в английской конторе в Вологде, были изъяты в царскую казну. Привилегии представителей Московской компании были урезаны: торговать теперь они могли только с уплатой таможенных пошлин, размер которых был в два раза меньше пошлин, уплачиваемых другими иностранцами [3, с. 29].

В 1580 году русский царь, нуждаясь в боеприпасах для ведения войны с Польшей и Швецией, отправил приказчика Московской компании Еремея Горсея к Елизавете. Весной 1582 года в Россию прибыли 13 судов, нагруженные порохом, серой, селитрой, медью, свинцом.

В 1582 году в Англию отправилось посольство во главе с Федором Андреевичем Писемским, который должен был заключить договор о дружбе и любви, а также сосватать за русского царя родственницу Елизаветы – Марию Гастингс. Сватовство было отклонено под предлогом нездоровья Марии и несогласия её родственников. Что касается заключения союзного договора, то английская сторона настаивала на включении в него пункта о том, что союзник не обязан вступать в войну с противником другого союзника, не истощив всех средств мирного урегулирования конфликта. В 1583 году в Россию было направлено ответное посольство во главе с Джеромом Боусом. Главной его целью было подтверждение привилегий Московской компании. Однако Боус не был допущен к новому царю – Федору Ивановичу – дьяком Посольского приказа А.Я. Щелкаловым [3, с. 38].

После восшествия на престол Федора Иоанновича дипломатические и торговые связи между Англией и Россией продолжали укрепляться во многом благодаря стараниям Бориса Годунова, о большой дружбе с которым писал английский посол Джером Боус [8].

В 1585 году в грамоте к Федору Иоанновичу Елизавета просила сохранить предоставленные английским купцам привилегии в торговле с Россией [2].

В 1586 году в ответной грамоте, отправленной с Джеромом Горсеем, Федор Иванович подтвердил право компании на беспошлинную торговлю на всей территории России.

В 1588 году в Россию прибыл английский посол Джайлс Флетчер с целью в очередной раз подтвердить дружественные отношения между двумя странами, равно как и исключительное право английских купцов на беспошлинную торговлю с Россией. Кроме того, английская сторона выступила с просьбой, чтобы наделённые властью лица не изымали у английских купцов приглянувшиеся им товары в царскую казну (такая практика была распространена во времена правления Ивана Грозного), а платили бы за них деньги [9].

На межгосударственном уровне решались вопросы о долгах английских купцов: русский царь и английская королева обменивались грамотами по этому поводу. В грамотах, привезённых послами Флетчером и Горсеем, Елизавета просила простить английским купцам неплатежи по кабальным записям, поскольку взыскание долгов привело бы к их разорению [1].

Английские купцы жаловались на дьяка Посольского приказа А.Я. Щелкалова, недоброжелательно относившегося к англичанам, и просили, чтобы делом об их долгах занялся боярин Годунов, понимавший важность развития взаимоотношений между Россией и Англией и потому благоволивший англичанам.

В итоге, большую часть долгов англичанам простили, посол Джером Горсей передал королеве Елизавете подарки от Федора Иоанновича, а также грамоту с предоставлением новых привилегий английским купцам [2].

С 1589 по 1593 гг. Борис Годунов вел переписку с Елизаветой и ее министрами об обеспечении наиболее благоприятных условий торговли для английских купцов в России. В 1590 году он, по просьбе Елизаветы, вдвое сократил сумму долга английских купцов российской стороне. 1591 годом датируется грамота английской королевы боярину Борису Годунову, в которой она благодарит его за покровительство, оказываемое английским купцам. Лорд-казначей Уильям Сесил Берли в письме к Годунову сетовал на то, что царские люди в Архангельске забрали в государственную казну товары английских купцов по крайне низкой цене [10]. В ответном письме Годунов обещал защищать права английских купцов, сообщал, что разослал грамоты должностным лицам с наказом оказывать содействие и помощь англичанам.

В 1591 году Елизавета поздравила Бориса Годунова с тем, что его сестра – царица Ирина Федоровна, родила дочь. А в 1598 году английская королева не преминула поздравить Бориса Годунова с восшествием на престол особой грамотой. В 1600 году Елизавета в очередной раз благодарила его за благожелательное отношение к английским купцам [2].

Елизавета неоднократно направляла в Россию английских докторов и аптекарей, чтобы они могли поделиться своим опытом. В 1582 году королева Елизавета

прислала в Россию на службу царю Ивану Васильевичу доктора Роберта Якова с аптекарями и цирюльниками [1]. В 1591 году на царскую службу был направлен английский доктор Марк Ридлей, который пробыл в России до 1598 года. В 1601 году на царскую службу прибыл аптекарь Жемес Френшам.

Принимая во внимание экономические соображения, Елизавета стремилась к сохранению союзнических отношений с Россией. Союз с Англией был важен и для России, поэтому Борис Годунов принял английских купцов под своё покровительство, за что и получил от них титул боярина-покровителя (лорда-протектора).

Развитию англо-русских отношений во второй половине XVI века препятствовали несколько обстоятельств. В 80-90^х гг. XVI века английским купцам, торговавшим в России, пришлось конкурировать с голландцами, чьё положение в Московском государстве в это время значительно укрепилось.

Некоторые представители Московской компании злоупотребляли дарованными им привилегиями: выписывали вымышленные счета, продавали часть товаров, не отчитываясь перед компанией и присваивая всю прибыль [3, с. 40].

Препятствиями на пути развития торговли между Англией и Россией могли быть погодные условия. Российская сторона обязывалась вести поиск английских торговых судов в том случае, если из-за непогоды их отнесёт от русских северных портов или они

потерпят крушение в бурных водах Белого моря [7]. Аналогичные обязательства принимала на себя и английская сторона в случае крушения русских кораблей у английских берегов.

Ещё одним препятствием были пиратские нападения на торговые суда. В случае убийства английских купцов и разграбления их товаров пиратами российская сторона брала на себя обязательство найти и наказать виновных. Вооружённые нападения на торговые суда предпринимались и на Волге. В Посольском приказе рассматривались дела о похищении на Волге товаров у английских купцов в 80^х гг. XVI века [1]. Российская сторона обязалась выплатить англичанам компенсацию за часть потерянных товаров.

Таким образом, зародившиеся в середине XVI века взаимоотношения между Англией и Россией имели большое значение для обеих стран. Происходил регулярный обмен посольствами, велись переговоры по политическим и экономическим вопросам, налаживались торговые контакты. Англия в то время рассматривала Россию в основном в качестве торгового партнёра, тогда как для России были важны не только торговые связи, но и политический союз с Англией в противовес Польше. На начальном этапе взаимоотношений проявились обоюдные интересы, противоречия и объективные трудности в осуществлении торгово-дипломатических контактов.

Библиографический список

1. РГАДА. Ф. 35. Сношения России с Англией (Коллекция дел и документов). Опись 1. Книги и дела. 1581-1719. http://rgada.info/opisi/35-opis_1/
2. РГАДА. Ф. 35. Сношения России с Англией (Коллекция дел и документов). Опись 2. Грамоты. 1557-1687. http://rgada.info/opisi/35-opis_2/
3. Толстой Ю. В. Первые сорок лет сношений между Россией и Англией. 1553–1593. Грамоты, собранные, переписанные и изданные Юрием Толстым. СПб., 1875. <http://bookre.org/reader?file=735260&pg=1>
4. Adams C. The newe Nauigation and discoverie of the kingdome of Moscouia, by the Northeast, in the yeere 1553. In: Hakluyt R., Goldsmid E. (ed.) The principal Navigations, Voyages, Traffiques and Discoveries of the English Nation. Volume III. North-eastern Europe and Adjacent Countries. Part II. The Muscovy Company and the North-eastern Passage. The University of Adelaide, 2014. <https://ebooks.adelaide.edu.au/h/hakluyt/voyages/v03/chapter7.html>
5. The Priuiledges graunted by the Emperour of Russia to the English merchants of that company. In: Hakluyt R., Goldsmid E. (ed.) The principal Navigations, Voyages, Traffiques and Discoveries of the English Nation. Volume IV. North-eastern Europe and Adjacent Countries. Part III. The Muscovy Company and the North-eastern Passage. The University of Adelaide, 2014. <https://ebooks.adelaide.edu.au/h/hakluyt/voyages/v04/chapter1.html>
6. Randolfe T. The ambassage to the Emperour of Russia. In: Hakluyt R., Goldsmid E. (ed.) The principal Navigations, Voyages, Traffiques and Discoveries of the English Nation. Volume IV. North-eastern Europe and Adjacent Countries. Part III. The Muscovy Company and the North-eastern Passage. The University of Adelaide, 2014. <https://ebooks.adelaide.edu.au/h/hakluyt/voyages/v04/chapter4.html>
7. A copie of the priuiledges granted by the right high and mightie Prince, the Emperour of Russia, &c. vnto the right worshipfull fellowship of English merchants, for the discoverie of new trades. In: Hakluyt R., Goldsmid E. (ed.) The principal Navigations, Voyages, Traffiques and Discoveries of the English Nation. Volume IV. North-eastern Europe and Adjacent Countries. Part III. The Muscovy Company and the North-eastern Passage. The University of Adelaide, 2014. <https://ebooks.adelaide.edu.au/h/hakluyt/voyages/v04/chapter5.html>
8. A briefe discourse of the voyage of Sir Ierome Bowes knight, her Maiesties ambassadour to Iuan Vasiliuich the Emperour of Moscouia, in the yeere 1583. In: Hakluyt R., Goldsmid E. (ed.) The principal Navigations, Voyages, Traffiques and Discoveries of the English Nation. Volume IV. North-eastern Europe and Adjacent Countries. Part III. The Muscovy Company and the North-eastern Passage. The University of Adelaide, 2014. <https://ebooks.adelaide.edu.au/h/hakluyt/voyages/v04/chapter37.html>
9. The Ambassage of M. Giles Fletcher, Doctor of the Ciuil Law, sent from her Maiestie to Theodor the Emperour of Russia. In: Hakluyt R., Goldsmid E. (ed.) The principal Navigations, Voyages, Traffiques and Discoveries of the English Nation. Volume IV. North-eastern Europe and Adjacent Countries. Part III. The Muscovy Company and the North-eastern Passage. The University of Adelaide, 2014. <https://ebooks.adelaide.edu.au/h/hakluyt/voyages/v04/chapter42.html>
10. To the Lord Boris Pheodorowich, Master of the horses to the great and mighty Emperour of Russia, his Highnesse Lieutenant of Cazan and Astracan, William Cecil Lord Burghley, sendeth greeting. In: Hakluyt R., Goldsmid E. (ed.) The principal Navigations, Voyages, Traffiques and Discoveries of the English Nation. Volume IV. North-eastern Europe and Adjacent Countries. Part III. The Muscovy Company and the North-eastern Passage. The University of Adelaide, 2014. <https://ebooks.adelaide.edu.au/h/hakluyt/voyages/v04/chapter47.html>

References

1. Russian State Archive of Ancient Acts. Fund 35. Intercourse between Russia and England (Collection of Records and Documents). List 1. Books and Records. 1581-1719. http://rgada.info/opisi/35-opis_1/
2. Russian State Archive of Ancient Acts. Fund 35. Intercourse between Russia and England (Collection of Records and Documents). List 2. Letters. 1557-1687. http://rgada.info/opisi/35-opis_2/
3. *Tolstoy Yu. I.* The First Forty Years of Intercourse between England and Russia. 1553–1593. Documents Collected, Copied and Edited by George Tolstoy. St. Petersburg, 1875. <http://bookre.org/reader?file=735260&pg=1>
4. *Adams C.* The newe Naigation and discoverie of the kingdome of Moscouia, by the Northeast, in the yeere 1553. In: Hakluyt R., Goldsmid E. (ed.) The principal Navigations, Voyages, Traffiques and Discoveries of the English Nation. Volume III. North-eastern Europe and Adjacent Countries. Part II. The Muscovy Company and the North-eastern Passage. The University of Adelaide, 2014. <https://ebooks.adelaide.edu.au/h/hakluyt/voyages/v03/chapter7.html>
5. The Priuiledges graunted by the Emperour of Russia to the English merchants of that company. In: Hakluyt R., Goldsmid E. (ed.) The principal Navigations, Voyages, Traffiques and Discoveries of the English Nation. Volume IV. North-eastern Europe and Adjacent Countries. Part III. The Muscovy Company and the North-eastern Passage. The University of Adelaide, 2014. <https://ebooks.adelaide.edu.au/h/hakluyt/voyages/v04/chapter1.html>
6. *Randolfe T.* The ambassage to the Emperour of Russia. In: Hakluyt R., Goldsmid E. (ed.) The principal Navigations, Voyages, Traffiques and Discoveries of the English Nation. Volume IV. North-eastern Europe and Adjacent Countries. Part III. The Muscovy Company and the North-eastern Passage. The University of Adelaide, 2014. <https://ebooks.adelaide.edu.au/h/hakluyt/voyages/v04/chapter4.html>
7. A copie of the priuiledges granted by the right high and mightie Prince, the Emperour of Russia, &c. vnto the right worshipfull fellowship of English merchants, for the discouerie of new trades. In: Hakluyt R., Goldsmid E. (ed.) The principal Navigations, Voyages, Traffiques and Discoveries of the English Nation. Volume IV. North-eastern Europe and Adjacent Countries. Part III. The Muscovy Company and the North-eastern Passage. The University of Adelaide, 2014. <https://ebooks.adelaide.edu.au/h/hakluyt/voyages/v04/chapter5.html>
8. A briefe discourse of the voyage of Sir Ierome Bowes knight, her Maiesties ambassadour to Iuan Vasiliuich the Emperour of Moscouia, in the yeere 1583. In: Hakluyt R., Goldsmid E. (ed.) The principal Navigations, Voyages, Traffiques and Discoveries of the English Nation. Volume IV. North-eastern Europe and Adjacent Countries. Part III. The Muscovy Company and the North-eastern Passage. The University of Adelaide, 2014. <https://ebooks.adelaide.edu.au/h/hakluyt/voyages/v04/chapter37.html>
9. The Ambassage of M. Giles Fletcher, Doctor of the Ciuil Law, sent from her Maiestie to Theodor the Emperor of Russia. In: Hakluyt R., Goldsmid E. (ed.) The principal Navigations, Voyages, Traffiques and Discoveries of the English Nation. Volume IV. North-eastern Europe and Adjacent Countries. Part III. The Muscovy Company and the North-eastern Passage. The University of Adelaide, 2014. <https://ebooks.adelaide.edu.au/h/hakluyt/voyages/v04/chapter42.html>
10. To the Lord Boris Phedorowich, Master of the horses to the great and mighty Emperour of Russia, his Highnesse Lieutenant of Cazan and Astracan, William Cecil Lord Burghleysendeth greeting. In: Hakluyt R., Goldsmid E. (ed.) The principal Navigations, Voyages, Traffiques and Discoveries of the English Nation. Volume IV. North-eastern Europe and Adjacent Countries. Part III. The Muscovy Company and the North-eastern Passage. The University of Adelaide, 2014. <https://ebooks.adelaide.edu.au/h/hakluyt/voyages/v04/chapter47.html>

УДК 329.11(091)

UDC 329.11(091)

ПУПЫКИН Н.И.

кандидат исторических наук, доцент, кафедра социального управления и конфликтологии, Орловский государственный университет имени И.С. Тургенева
E-mail: nickset@mail.ru

PUPYKIN N.I.

Candidate of History, Associate Professor, Department of Social Management and Conflictology, Orel State University
E-mail: nickset@mail.ru

ЭВОЛЮЦИЯ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ ЗАПАДНОЕВРОПЕЙСКОЙ И АМЕРИКАНСКОЙ КОНСЕРВАТИВНОЙ ИДЕОЛОГИИ

EVOLUTION OF THE THEORY AND PRACTICE OF WESTERN EUROPEAN AND AMERICAN CONSERVATIVE IDEOLOGY

Статья посвящена анализу возникновения и поэтапного развития консервативной идеологии как уникального политического и социального течения. В статье рассматриваются такие вопросы, как особенности консерватизма в западных странах, его влияние на внутреннюю и внешнюю политику этих государств.

Ключевые слова: консерватизм, идеология, традиционализм, реформизм, неоконсерватизм, голлизм, «новые права».

The article is devoted to the analysis of the emergence and gradual development of conservative ideology as a unique political and social trend. In the article such questions as the features of conservatism in Western countries, its impact on the internal and foreign policy of these States are examined.

Keywords: conservatism, ideology, traditionalism, reformism, neoconservatism, Gaullism, «the new rights».

В XXI в. проблема изучения консервативной идеологии все чаще поднимается, как в отечественной, так и в зарубежной исторической и социально-политической мысли. Постоянно растет число публикаций, монографий и трудов по проблемам консервативной идеологии в рамках философии, истории, политологии, социологии, политической конфликтологии.

Тем не менее, приходится признать, что проблема выявления сущности этого социально-политического течения, этапов его становления и развития продолжает оставаться открытой. Более того, при рассмотрении трудов о консерватизме складывается впечатление, что каждый исследователь стремится дать свое понимание процессов эволюции консерватизма, что приводит к формированию множества его типологий. В теоретических подходах к такому сложному явлению наслаиваются друг на друга методологические проблемы всеобщей истории и субъективные политические страсти и предубеждения. Несмотря на то, что понятие «консервативный» обычно отождествляют с чем-то устоявшимся, застывшим в своем развитии, проявления консерватизма не только многообразны, но и весьма изменчивы в ходе исторической эволюции.

Консерватизм трактуют как образ мышления, стиль поведения, форму идеологии, как социально-политический и идеологический процесс. Очень сложно раскрыть характер взаимосвязи между социальной, политической, идеологической и психологической гранями консерватизма. Это приводит к необходимости более глубокого анализа исторических и современных

форм консерватизма. Совокупность изложенных фактов предопределяет актуальность анализа и обобщения практического и теоретического материала по проблеме возникновения и эволюции консервативной традиции.

Появление консервативной идеологии принято связывать с эпохой Просвещения и Великой Французской революцией XVIII в., «покусившихся» на «старый порядок». Трансформация консерватизма в достаточно целостную идейную систему произошла в произведениях английского мыслителя Э. Берка, французских просветителей Ж. де Местра и Л. де Бональда, которые отказывались принимать нигилистические итоги революции во Франции, отринувшей вековые традиции.

Родоначальником консерватизма считается Э. Берк, который призывал полагаться на рыночные механизмы, полагая, что они совпадают с основными принципами справедливости. Однако при этом он сожалел о сломе старых традиций. Обращаясь к неизвестному французскому дворянину, он констатировал: «Если бы вы не вычеркнули из памяти своих предков, сохранили живыми прежние принципы и образцы старого всеобщего европейского закона, улучшив и приспособив его к современной ситуации, вы бы явили миру примеры новой мудрости» [9, р. 99].

В 1790 г. вышла в свет книга Э. Берка «Размышления о революции во Франции», которая явилась ответом на то, что английское «Общество революции», ежегодно отмечавшее 4 ноября годовщину Славной революции 1688 г., в 1789 г. направило послание французскому Национальному учредительному собранию, объявив,

что его деятельность является торжеством свободы. Английский мыслитель выразил свое недовольство сравнением многовековых традиций английских свобод и протестантского духа английской «конституции» 1688 г. с деструктивной и богохульной «Декларацией прав человека и гражданина», созданной неопытными творцами, исходившими только из своих низменных желаний.

Берковский вариант консерватизма исходил из признания ограниченных реформ. Оправданными могут быть лишь те преобразования, которые имеют своей целью восстановление традиционных прав и принципов. Кроме того, Э. Берк настаивал на проведении предупредительных реформ для предотвращения революций и социальных потрясений. Он противопоставлял теории прогресса «идею “постепенной эволюции” в ходе непрерывного исторического развития, улучшения и реформ при непременном сохранении основ существующего порядка» [7, с. 61]. Английский мыслитель попытался восстановить историю в ее правах, вернуть политической мысли чувство «историчности». Он жестко отвергал любые абстракции, обобщения и упрощения в политической сфере и противопоставлял им конкретное, обусловленное обстоятельствами места и времени, «историческое».

Берковская концепция человека и связанных с ней культ традиций бросили вызов внеисторической сути таких понятий, как «разум», «природа», «индивид», «общественный договор» и «права человека», на основе которых французские законодатели создали новые институты власти. Э. Берк указывал на то, что образцовая конституция должна быть итогом размышлений многих умов в ходе исторического процесса, а не результатом сиюминутных решений политиков под нажимом толпы, пронизанной страстями и личными интересами.

В отличие от Э. Берка французские «отцы» консерватизма Ж. де Местр и Л. де Бональд яростно защищали данные Богом права монархов и полностью отрицали любые реформы и изменения. Ж. де Местр утверждал, что «акт творения – не дело человека, следовательно, и реформа тоже не в его власти» [5, с. 51]. Традиционализм Ж. де Местра заключается в попытке преобразовать теорию основ старого феодального порядка в науку. Революционному обществу, возникшему в результате исторической активности масс, он противопоставляет прообраз общества, формирующегося в ходе исторического процесса, согласно божественному проведению.

Рассуждая о революции во Франции, Ж. де Местр подчеркивает, что она и «все то, что происходит в Европе в сей час, столь же чудесны в своем роде, как и внезапное плодоношение дерева в январе...» [13, р. 18]. Но это «чудо» поражает своей силой, сметающей все препятствия, которой человек не может противопоставить ничего. Иными словами, «революция управляет людьми более, чем люди управляют ею» [13, р. 24].

Свое отношение Ж. де Местр выразил и к появлению конституции во Франции. По его мнению, она не

должна быть производной человеческого ума, поскольку для этого он слишком слаб: «Человек может, без сомнения, посадить саженец, вырастить дерево, улучшить его с помощью прививки... но никогда он не вообразит себе, что обладает властью создать дерево» [13, р. 134]. Конституция должна «вырастать» из реальной жизни общества, а последняя так сложна, что даже ее осознание не подвластно любому индивиду. Мыслитель утверждал, что ни одна конституция не может быть плодом человеческой деятельности, поскольку основные права и свободы являются лишь внешним проявлением неподвластных нам высших принципов.

Весьма интересны взгляды Ж. де Местра на общество. В его концепции одним из ключевых является понятие «народ», который «обладает всеобщей душой и неким подлинным моральным единством, которое и приводит к тому, что он есть то, что он есть» [7, с. 67]. Возникновение народа является в определенном смысле чудом. Мыслитель указывает, что он появляется в результате действий одного человека (вождь, праотец), который доводит до сознания общности людей определенный характер, в котором заключены способности и средства развития народа. Именно этот характер и соответствует его естественным правам и естественной конституции.

Общественный порядок реализуется, главным образом, через социальную стратификацию, которая строится на идее обязанностей, а не прав. К примеру, чувство долга и осознание обязанностей «очищает», а требование прав разрушает личность и дезавуирует ее нежелание нести ответственность. Каждый народ обладает коллективным разумом, но не следует это путать с властью большинства. Индивидуальное должно уступить место народному, иначе оно уничтожит социальные связи и породит классовый и индивидуальный эгоцентризм.

Другой французский мыслитель Л. де Бональд в своей философской работе «Теория политической и религиозной власти» убедительно доказал, что конституция может дароваться только монархом, а идея гражданского общества должна быть реализована через взаимодействие престола и церкви. Л. де Бональд предложил «естественную систему в организации политических обществ, вытекающую из их истории» [9, р. 99]. Он полагал, что история как процесс значим только потому, что выступает отражением божественной воли. Мыслитель отрицал любые формы индивидуализма, поскольку они разобщают социум.

Интересны рассуждения Л. де Бональда о происхождении и функциях языка. По его мнению, необходимо, чтобы человек четко знал смысл слова, который дается ему Богом, что исключит изобретение им самим слова, мысли, закона и, наконец, общества. Таким образом, главная мысль де Бональда заключается в том, что человек не может менять по своей воле данные ему в божественном откровении язык, законы, общество. Теория языка французского философа направлена на доказательство бессилия человеческого разума перед

божественным провидением.

Мысли, высказанные отцами-идеологами консерватизма, легли в основу принципа легитимизма, ставшего идейной платформой периода Реставрации во Франции (1814–1830), а также отразились и на деятельности Священного союза.

В целом, можно отметить, что первые идеологи консерватизма утверждали, что попытки осуществить радикальный разрыв с прошлым, создать рационалистически сконструированную модель общества утопичны и зачастую ведут к отрицательным результатам. Они выступали за органическую концепцию общества, в котором поведение индивидов с их страстями и эгоизмом подчинено сложившимся структурам и ценностям, традициям, обеспечивающим связь прошлого и будущего.

В эволюции идейного течения консерватизма в первой половине XIX в. проявились два направления: ультраконсервативное (традиционалистское) и умеренное (либерально-консервативное).

Среди европейских стран либерально-консервативная тенденция впервые зародилась в Англии и нашла реальное воплощение в политическом курсе лидера консервативной партии и премьер-министра в 1830–1840 гг. Р. Пиля. Консервативная партия Великобритании возникла как сплав вигской финансово-аристократической олигархии и реакционных тори (ультра), которых объединял страх перед возможной революцией. Ультра всегда характеризовались твердостью и неуступчивостью своих позиций по отношению к любым радикальным преобразованиям, что, тем не менее, не помешало им активно поучаствовать в принятии избирательного закона 1832 г. В результате продолжительного противостояния в британском консерватизме в 1846 г. (отмена Хлебных законов) консервативная партия окончательно раскололась.

Ультрароялисты, от которых и происходит термин «ультра», доминировали и во Франции периода Реставрации. Однако Революция 1830 г. разделила правый лагерь на умеренных орлеанистов и правых традиционалистов. Сам король Луи-Филипп и его премьер-министр Ф. Гизо слыли либералами, тем не менее, орлеанский либерализм по своей сути был консервативен. В целом, деление на ультра и либеральных консерваторов в этот период характерно для всех европейских государств.

Традиционалистский консерватизм опирался на дворянство, часть сельского населения, ремесленников и торговцев, сохранивших приверженность к корпоративному устройству. Социальная база либерально-консерватизма была гораздо уже и ограничивалась лишь частью крупных финансистов и представителями буржуазной интеллигенции.

При всем своеобразии американского консерватизма в нем также можно обнаружить определенные параллели с европейскими разновидностями этого явления. Долгое время для американских исследователей было характерно стремление к абсолютизации либеральной тенденции в США. О консерватизме говорили лишь,

имея в виду его либеральное направление. Однако своеобразный традиционалистский консерватизм в полной мере проявлялся на американском плантаторском юге. Выразителями этого течения были главный идеолог рабовладельческой политики южных штатов Д. Кэлхун и публицист Д. Фицхью.

Содержание следующего этапа эволюции консерватизма определялось аристократическо-буржуазным синтезом, в результате которого сформировался единый господствующий класс буржуазного общества. Катализатором этого процесса послужили революции 1848–1849 гг. в ряде европейских государств. Данные изменения носили диалектический характер, поскольку сближение аристократии и буржуазии не исключало их борьбы за гегемонию. От исхода этого столкновения зависели и формы политической надстройки буржуазного общества, преобладание того или иного типа политики.

В Германии аристократическо-буржуазный синтез проходил при политическом преобладании юнкерства. Этот период ознаменован эрой «железного канцлера» О. фон Бисмарка (1815–1898), который проводил активную аграрную политику, направленную на защиту интересов крупных землевладельцев.

В Англии процесс слияния начался столетием раньше и проходил более энергично. Его осуществление связывают с деятельностью Б. Дизраэли и Р. Солсбери.

Конец XIX – начало XX в. характеризуется как переход к империализму, что, безусловно, отразилось и на консерватизме. Именно тогда он приобрел субстанционально современный характер. Активно рос рабочий класс, как в количественном, так и в качественном (правосубъектном) выражении, а противостояние консервативной и либеральной традиций трансформировалось во внутриклассовое.

Сталкиваясь с новыми социально-экономическими и политическими задачами, консерватизм преобразовался в более сложное и многогранное явление. Он оказался под воздействием новых центробежных сил, что повлекло за собой углубление его внутренней дифференциации. Отныне политический спектр стал сложнее, расширяясь влево благодаря влиянию политически организованного рабочего класса и вправо за счет правого радикализма.

На почве буржуазного реформизма произошло сближение умеренных консерваторов с либералами, что привело к возникновению реформистского консерватизма, чьи представители не отвергали прогресс, но стремились притормозить его, выступая в роли своеобразных «контролеров». Реформисты вели борьбу с либералами на их поле, тем самым отнимая у них электорат. Подобная тенденция отчетливо проявилась в Германии, где она носила непартийный характер. В 1901 г. бывший министр Г. фон Берлепш создал Общество социальной реформы, объяснив это необходимостью воцарения справедливости. Немецкий политик отмечал, что «со временем все больший вес приобретают иные факторы, чем только филантропия, сострадание, гуманность, что все в большей степени поведение социал-реформистов

диктуется чувством справедливости и политического благоразумия» [8, с. 208]. Реформисты действовали ни сколько из гуманных побуждений, а, сколько из холодного расчета для сохранения своих позиций в обществе.

Правый консерватизм традиционалистского типа по-прежнему оставался привязан к историческому прошлому. Среди его сторонников можно выявить часть землевладельческой аристократии, которая хуже адаптировалась к новым условиям. Консерваторы-традиционалисты занимали жесткую и бескомпромиссную позицию. Не случайно в Англии их стали называть «твердолобыми» [5, с. 54].

В результате взаимодействия традиционалистского консерватизма и правого радикализма возник своеобразный вариант консерватизма, к которому в зарубежных странах чаще применяют термин «радикальный», а к его представителям – «новые правые». Однако уместнее использовать понятие «экстремистский консерватизм». Его отличительная черта заключается в ставке на силовые методы борьбы с политическими противниками и конкурентами. Кроме того, сходство с правым радикализмом прослеживается в способах мобилизации своей социальной базы, в пропаганде национального консенсуса на основе националистических принципов. Однако консерваторы-экстремисты находятся ближе к правящей элите, поэтому они склонны оказывать на нее давление, подталкивая ее к правому политическому спектру. От радикалов этих консерваторов отличают представления о человеке – они разделяют мнение традиционалистов о неизменности человеческой природы, тогда как радикалы выдвигают идею создания «нового человека», способного стать орудием для реализации их разрушительных и антигуманных идей.

В данный исторический период произошло разветвление консерватизма на три основных типа: традиционалистский, реформистский (либеральный и умеренный) и экстремистский. Все их можно обнаружить в разных вариациях практически в любом национальном проявлении консерватизма.

После социально-экономических и политических потрясений, вызванных первой мировой войной, консерватизм превратился в основную опору западноевропейской буржуазии. Несмотря на расширение своих позиций за счет либерализма, консерваторы в межвоенный период чувствовали себя неуютно и оказались не в состоянии предложить свой вариант выхода из мирового экономического кризиса 1929–1933 гг. Либеральные и социал-реформистские варианты были неприемлемы для большинства консерваторов, поэтому некоторые из них идеологически начали сближаться с политической концепцией фашизма.

Генетически с фашизмом был связан главным образом экстремистский вариант, нередко сраставшийся с ним, но политически с фашистами взаимодействовали консерваторы всех типов.

Отчетливо это проявилось в Германии эпохи Веймарской республики, где консерваторы-экстремисты и их ведущий идеолог Артур Меллер ван ден Брук сами

идейно вооружили нацистов. Наряду с идеей «консервативной революции» они привнесли в их арсенал принцип «друг-враг», «теорию заговора» и другие положения, рассчитанные на разжигание агрессивных националистических инстинктов. Российский исследователь С.Г. Алленов отмечает, что, по мнению А. Меллера ван ден Брука, «...консерватизм означал национализм, а быть националистом значило славить не то отечество, которое есть, а то, которое будет очищено от скверны либерализма и воплотит в себе истинные национальные ценности» [1, с. 135]. Немецкие консерваторы традиционалистского толка сами «открыли» А. Гитлеру и нацистам дверь в имперскую канцелярию в 1933 г., не проявив какой-либо политической воли.

Из второй мировой войны консерватизм вышел весьма скомпрометированным, как идейно, так и политически. Послевоенный этап эволюции консерватизма начался в условиях значительного сдвига в сторону социализма, развития демократических ценностей и национально-освободительных движений. О падении престижа консерватизма свидетельствовал тот факт, что в самой авторитетной консервативной партии Запада, британской, задумывались даже над изменением названия.

Однако консерватизм смог удержаться на плаву не в последнюю очередь за счет разнообразия его форм. Традиционалисты и экстремисты отошли на второй план, а на лидирующие роли вышли умеренные консерваторы, которым было легче приспособиться к особенностям послевоенного развития.

С точки зрения эволюции консерватизма в этот период особое значение имел английский опыт. Самыми энергичными и влиятельными сторонниками адаптации к новым условиям выступил консерваторы-реформаторы во главе с Р. Батлером и Г. Макмилланом. Оценив ситуацию внутри Великобритании и за ее пределами, они провозгласили «ветер перемен» в колониальной политике, а затем и в отношениях с Содружеством [3, с. 251]. Одновременно был взят курс на включение страны в европейскую интеграцию. Вето, наложенное президентом Франции Ш. де Голлем на это вступление в 1963 г., стало существенным ударом по авторитету страны. Британские консерваторы должны были четко определиться в своих внешнеполитических ориентирах. В результате Великобритании пришлось принести в жертву свои отношения с Содружеством. Так, постепенно, консерваторы, а с ними и большая часть населения страны избавлялись от иллюзий относительно величия своей державы. В 1950-х гг. появился новый термин «батскеллизм», производный от фамилий консерватора Р.А. Батлера и праволейбористского лидера Х. Гейтскелла. Батскеллистский консенсус закрепил преобладание реформистского консерватизма и во многом определил ход политической жизни Великобритании до начала 1970-х гг.

В послевоенный период американский консерватизм взял на себя миссию поддержания порядка и стабильности в мире. Влиятельные консервативные круги США

осознали необратимость многих реформ Ф. Рузвельта, и нашли общий язык с поправевшими либералами. В результате возник консервативно-либеральный консенсус, своеобразный вариант реформистского консерватизма, которые не был нарушен и после прихода к власти демократов Д.Ф. Кеннеди и Л.Б. Джонсона. Однако изменилась его формула: он стал либерально-консервативным и сохранился с теми или иными модификациями вплоть до рейгановской эры.

В Западной Европе эволюция консерватизма оказалась в тесной взаимосвязи с христианским демократическим течением, в рамках которого объединительные процессы стали для консерваторов формой приспособления к послевоенной реальности. Это происходило за счет временного ослабления правого консерватизма. Представители консервативных сил Франции и Германии с социально-христианскими взглядами Ш. де Голль и К. Аденауэр выступили идеологами европейской интеграции, которая способствовала в дальнейшем унификации стратегии всего международного консерватизма.

Весьма интересным является рассмотрение феномена голлизма как одного из проявлений реформистского консерватизма. Российские исследователи А.А. Галкин и П.Ю. Рахшмир отмечают, что «в рамках голлизма стал формироваться реформистский консерватизм, в той или иной мере учитывающий реальности эпохи» [2, с. 122]. Вобрав в себя многое из традиционных консервативных идей и французского темперамента, голлизм, тем не менее, не был простым продолжением и модификацией консервативной традиции во Франции. Во многом он порывал с ней, что нашло отражение в активном социальном реформизме, в том, что внутренняя и внешняя политика Ш. де Голля были обращены в будущее страны и мира. Некоторые французские историки и политологи называли это «консервативной модернизацией» [6, с. 186]. Голлизм представляет собой ни сколько возрождение консерватизма, сколько придание ему иной идейно-политической функции, разрыв с консервативной традицией, поскольку речь шла не о реставрации старого общества, а о сохранении преемственности и национальной идентичности в процессе глубокой модернизации. Голлизм занимает особое место среди идейно-политических течений Пятой республики во Франции. Первоначально, можно говорить о традиционном голлизме, на смену которому пришел умеренный голлизм Ж. Помпиду. И, наконец, в последней четверти XX в. появилось понятие «ширакизм», с которым принято «связывать обновление традиционной идеологии и появление неоголлизма как политического течения» [4, с. 331].

Преобладание в послевоенный период реформистского консерватизма не означало, что все консервативные элементы принимали консенсус консервативно-либерального и батскеллистского типа. В США ему противостояли праворадикальные и экстремистско-консервативные силы, стоявшие за Дж. Маккарти, и широкий правоконсервативный лагерь,

сплотившийся вокруг Б. Голдуотера. Первый серьезный мятеж против «батскеллизма» предпринял в начале 1970-х гг. И. Пауэлл, в котором видели восходящую «звезду» британских консерваторов. Однако, в целом, послевоенное тридцатилетие эволюции консерватизма проходило под знаком умеренного реформизма. В результате этого он смог пережить трудное время и расширить свои социально-политические позиции, хотя правые традиционалисты утверждали, что при этом консерватизм растворился в потоке реформизма и либерализма.

Начало современному этапу эволюции консерватизма было положено «консервативной волной», которая к концу 1970-х гг. охватила большинство западных стран. Широкое распространение термина «неоконсерватизм» означало, что традиционный консерватизм пережил глубокую трансформацию. К неоконсерваторам стали относить политиков практически всего консервативного спектра от консерваторов-реформистов до «новых правых». Термин «неоконсерватизм» не несет содержательной нагрузки, он отражает новизну данного течения по сравнению с предыдущими формами консервативной практики (реформистский, традиционалистский и экстремистский). Однако повсеместное использование понятия «неоконсерватизм» ведет к смешению разных типов консервативной традиции.

В конце XX в. консерваторам всех направлений пришлось вносить изменения в свои программные установки в виду развития научно-технического прогресса. Неожиданно для многих они преуспели в необычной для себя роли поборников прогресса. В то же время их политическая активизация была вызвана желанием приостановить процесс демократизации, достигший в ряде стран того психологического барьера, где начинается «демократия участия». Это способствовало сближению консерваторов с бывшими либералами и даже социал-демократами. Именно представителей данного объединения стали именовать неоконсерваторами.

Главной движущей силой «консервативной волны» стал консерватизм традиционалистского типа. Если на предшествующих этапах своего развития он тяготел к фашизму или реформизму, то ныне он предстал в наиболее адекватной форме самовыражения, став вовлекать в свою орбиту как либеральные, так и праворадикальные элементы. Разновидности этого течения нашли отражение в тэтчеризме и рейганомике. В ФРГ этот тип консерватизма представлял Ф.-Й. Штраус с партией Христианско-социальный Союз и правое крыло партии Христианско-демократический Союз.

В настоящее время традиционализм активно взаимодействует с национализмом, через который консерваторы стремятся закрепить национальный консенсус, выступая в качестве защитников национального величия, взывая к славному прошлому. Однако для современного традиционалистского консерватизма характерна не просто ностальгия сама по себе, а ее сочетание с модернистскими тенденциями. Модернизм консерваторов-традиционалистов находит отражение в их попытках

показать себя политической силой, способной дать ответ на вызовы современного глобализирующегося мира.

Идейные основы реформистского консерватизма раскрыты у его американских неоконсерваторов, представленных группой политических интеллектуалов, среди которых главное место принадлежит И. Кристолю, влиятельному ученому и публицисту, и журналисту Ч. Краутхаммеру. По мнению И. Кристола, для реализации основных потребностей населения необходимо проводить консервативную политику государства всеобщего благосостояния: «Такое государство берет на себя известную долю ответственности, перестраивая отношения, которые складываются между людьми на свободном рынке с тем, чтобы придать им более «гуманную» окраску» [12, р. 89]. Ч. Краутхаммер и Ф. Фукуяма определили четыре основных подхода во внешней политике США: изоляционизм, либеральный интернационализм, реализм и демократический глобализм – «поигрывающее мускулами вильсонизмство (но без участия международных институтов), которое стремится использовать военное превосходство США для поддержания интересов и безопасности США, и демократии» [11, р. 60]. Черты, характерные для неоконсерватизма, просматривались в политике правительства немецкого канцлера Г. Коля, в программах французских политиков В. Жискара д'Эстена и Р. Барра.

Р. Барр предложил собственную оригинальную концепцию, вобравшую в себя принципы рыночной экономики, идею государства-арбитра с урезанными экономическими функциями и обоснование необходимости социальной сплоченности и солидарности. Он попытался свести воедино голлизм, христианскую социальную доктрину и либерализм, улавливая разочарование французов политикой социалистов и их недоверие к неоконсервативным рецептам переустройства общества.

Существенное обновление экстремистского консерватизма отразилось в самом термине «новые правые», который стал собирательным для ультраконсервативных и праворадикальных организаций. В Европе праворадикальные тенденции явно доминируют над собственно консервативными, но благодаря последним они все же соприкасаются с консервативным лагерем. Консерваторов-традиционалистов отпугивает идеология «новых правых», их апокалипсические воззрения и преклонение перед языческой древностью. Однако современные консерваторы-традиционалисты не отвергают полностью идеи «новых правых». Так президент Франции Н. Саркози (2007–2012) одержал победу на выборах в 2007 г. во многом благодаря заимствованию некоторых политических предложений крайне правой партии Национальный фронт. Эта политическая сила, представляющая собой симбиоз различных правых течений – от националистов до сторонников «интегрального католицизма», сумела быстро утвердиться на французской политической сцене, играя на обострении социальных проблем, вспыхке расистских и шовинистических настроений. Не особенно заботясь о цельности и по-

следовательности своей идеологической доктрины, ультра правые объединили в ней разнородные установки: укрепление порядка, борьба против морального упадка, защита Родины и Западной цивилизации, ценности ультралиберализма, авторитарный популизм и т.д.

Характерной чертой экстремистского консерватизма является негативное отношение к консерваторам реформистского либерального крыла, поскольку на их фоне экстремистские консерваторы могут предстать реакционерами и фашистами. Для таких опасений есть серьезные основания, поскольку консерваторы-экстремисты весьма близки праворадикальным «новым правым», с которыми у них общая идейно-политическая платформа – концепция «консервативной революции». Таким образом, экстремистский консерватизм выполняет функцию моста между консервативным и праворадикальным лагерями.

В начале XXI в. консерватизм продолжает оставаться ведущей идеологией западного мира, сохраняя свою удивительную способность приспосабливаться к новым условиям политической и социально-экономической конъюнктуры. Исследование показало, что консерватизм является непрерывно меняющимся политическим, социальным и идеологическим феноменом.

Мыслители, заложившие теоретическую базу консервативной идеологии, придерживались традиционалистских взглядов на происхождение, развитие и построение, как общества, так и его политических институтов. Отцы-основатели консерватизма бросили вызов нововведениям, объясняя их пагубный характер неспособностью человека-реформатора к продуманным действиям на благо всего общества. Со временем часть идей Э. Берка, Ж. де Местра и Л. де Бональда утратила свою актуальность, но основные компоненты консервативной традиции сохранились.

В процессе эволюционного развития консервативного течения периодически наступали переломные моменты, своего рода «мутации», в ходе которых его политическая функция оставалась неизменной, а вот внутренняя структура претерпевала существенные изменения под влиянием факторов, обусловленных закономерностями социального, политического и экономического развития.

Исторически консерватизм эволюционирует в процессе становления и непрерывной модификации его разновидностей с их социально-политическими, идеологическими и прочими признаками. Именно в этих типах соединены тенденции преемственности и обновления. Консерватизм обладает значительным простором для маневра, поскольку в зависимости от исторической ситуации на авансцену могут выдвигаться его разные типы.

В заключение уместно отметить, что консерватизм при всех его подъемах и спадах – это не ситуационная реакция, а постоянное явление, коренящееся в противоречиях исторического развития нового и новейшего времени с присущими ему тенденциями к обновлению и сохранению, которые воспроизводятся в любом об-

ществе. Консерватизм как тип политики неотделим от политических циклов в процессе функционирования режимов власти. Тем не менее, он всегда оставался одной

из ведущих идеологий западного мира. Его духовные и психологические границы при всей их зыбкости гораздо шире социальных.

Библиографический список

1. Алленов С.Г. Русские истоки немецкой «консервативной революции»: Артур Меллер ван ден Брук // Полис. 001. № 3. С. 123–139.
2. Галкин А.А., Рахшмир П.Ю. Консерватизм в прошлом и настоящем. М.: Наука, 1987. 192 с.
3. Подвинцев О.Б. Британские консерваторы и проблема державного величия в условиях распада империи // Консерватизм в России и мире: прошлое и настоящее. Сб. науч. трудов / Под ред. А.Ю.Минакова. Воронеж, 2001. Выпуск 1. С. 247–258.
4. Пупыкин Н.И. От голлизма к неоголлизму: эволюция идеологии и политики // Диалог со временем. 2010. №33. С. 331–341.
5. Рахшмир П.Ю. Эволюция консерватизма в новое и новейшее время // Новая и новейшая история. 1991. №1. С. 48–62.
6. Современный консерватизм / Отв. ред. С.П. Перегудов, В.А. Скороходов. М.: Наука, 1992. 263 с.
7. Fadeeva T.M. У истоков идеологии европейского консерватизма // Новая и новейшая история. 1992. №6. С. 57–76.
8. Schmidt T.S. Г. фон Берлепш и консервативный реформизм в Германии на рубеже XIX–XX веков // Консерватизм в России и мире: прошлое и настоящее. Сб. науч. трудов / Под ред. А.Ю. Минакова. Воронеж, 2001. Выпуск 1. С. 205–214.
9. Bonald de L. Théorie du Pouvoir Politique et Religieux. Paris: Kindle Edition, 2016. 191 p.
10. Burke E. Reflections on the Revolution in France. London: SMK Books, 2012. 198 p.
11. Fukuyama F. The neoconservative moment // The National Interest. Summer 2004. Pp. 57–68.
12. Kristol I. On the democratic idea in America. N.Y.: Harper and Row, Publishers, 1973. 149 p.
13. Maistre de J. Considérations sur la France. Paris: Hachette Livre BNF, 2014. 236 p.

References

1. Allenov S.G. The Russian origins of the German “conservative revolution”: Arthur Moeller van den Bruck // Polis. 2001. № 3. Pp. 123–139.
2. Galkin A. A., Rakhshmir P. Y. Conservatism past and present. M.: Science, 1987. 192 p.
3. Podvintsev O.B. British conservatives and the problem of greatness in the collapse of the Empire // Conservatism in Russia and the world: past and present. Sat. science. works, ed. by A.Y. Minakov. Voronezh, 2001. Issue 1. Pp. 247–258.
4. Pupykin N.I. From Gaullism to neogaullism: the evolution of ideology and policy // Dialogue with time. 2010. №33. Pp. 331–341.
5. Rakhshmir P.Y. Evolution of conservatism in new and modern times // New and modern history. 1991. №1. Pp. 48–62.
6. Modern conservatism / Resp. edited by S.P. Peregudov, V.A. Skorokhodov. M.: Science, 1992. 263 p.
7. Fadeeva T.M. At the origins of the ideology of European conservatism // New and modern history. 1992. №6. Pp. 57–76.
8. Schmidt T.S. G. von Berlepsch and conservative reformism in Germany at the turn of XIX–XX centuries // Conservatism in Russia and the world: past and present. Sat. science. works, ed. by A.Y. Minakov. Voronezh, 2001. Issue 1. Pp. 205–214.
9. Bonald L. Theory of Political and Religious Power. Paris: Kindle Edition, 2016. 191 p.
10. Burke E. Reflections on the Revolution in France. – London: SMK Books, 2012. 198 p.
11. Fukuyama F. The neoconservative moment // The National Interest. Summer 2004. Pp. 57–68.
12. Kristol I. On the democratic idea in America. N.Y.: Harper and Row, Publishers, 1973. 149 p.
13. Maistre J. Considerations on France. Paris: Hachette Livre, BNF, 2014. 236 p.

УДК 94(47).03/084.5:911.372.4:271(470.319)»12/19»

UDC 94(47).03/084.5:911.372.4:271(470.319)»12/19»

САВОСИЧЕВ А.Ю.

доктор исторических наук, доцент, кафедра религиоведения и теологии, Орловский государственный университет имени И.С. Тургенева
E-mail: sawositchev@mail.ru

SAVOSICHEV A.U.

Doctor of History, Associate Professor Department of Religious Studies and Theology, Orel State University
E-mail: sawositchev@mail.ru

ЦЕРКОВНАЯ ИНФРАСТРУКТУРА НОВОСИЛЬСКОГО УЕЗДА В НАЧАЛЕ XVII ВЕКА

CHURCH INFRASTRUCTURE NOVOSILSKOGO COUNTY IN THE EARLY SEVENTEENTH CENTURY

В статье рассматриваются вопросы церковной инфраструктуры Новосильского уезда Орловского края в начале XVII вв. На основании материалов писцового делопроизводства составлен перечень древнейших храмов уезда, дана характеристика церковного причта, проанализирован материал о материальном обеспечении местного духовенства. Выявлена роль государства и представителей различных сословий в развитии церковной инфраструктуры.

Ключевые слова: Орловский край, Орловско-Севская епархия, Новосильский уезд; церковная инфраструктура, историческая география.

The article deals with the Church infrastructure of the novosilsky district of the Oryol region in the early XVII century. On the basis of the land cadastre compiled a list of the oldest churches of the County, the characteristic of the Church clergy, analyzed the material on the material support of the local clergy. The role of the state and representatives of different classes in the development of Church infrastructure is revealed.

Keywords: Orel region, Orlovsko-Sevsky Diocese, Novosilsky district; Church infrastructure, historical geography.

Церковная инфраструктура, в моём понимании, это сеть храмов в её соотношении с поселенческой структурой региона. Близость или отдалённость храма для прихожанина это один из фактов, влияющих на религиозную жизнь.

Наиболее репрезентативные данные о церковной инфраструктуре содержат материалы писцового делопроизводства. Писцовые книги XVI века по Новосильскому уезду не сохранились. Первые в XVII столетии широкомасштабные кадастровые работы были начаты практически сразу после утверждения новой династии и продолжались вплоть до 1619/20 г. Это был, так называемый дозор, проверка хозяйственного состояния землевладений с целью пересчёта налогов. Дозор, часто, предпринимался по просьбе землевладельцев тех уездов, что пострадали от природных и социальных катаклизмов и, в силу этого, не охватывал территорию всей страны. Ещё одна особенность заключалась в том, что дозорщики описывали только «живущее», т.е. земли, пребывающие в хозяйственном обороте. «Пустое», временно необрабатываемые культурные земли не описывались.

Новосильский уезд дозировался в 1614/15 г. Петром Есиповым и подьячим Венедиктом Маховым [1, с. 574, 575, 592]. В 1619/20 г. повторный дозор произвели Немир Федорович Киреевский и подьячий Василий Ключарев [2, с. 101-102]. Архив Посольского приказа, куда сдавались дозорные книги, пострадал от времени, но обе дозорные книги по Новосильскому уезду со-

хранились. Книга 341 опубликована, книга 488 изучена мною по рукописям [3, с. 328-462; 4; 5].

Сохранность источника хорошая. Сохранившаяся часть книги 314 содержит описание города и всех пяти станов уезда. Утрачено начало книги с описанием большей части городской цитадели («острог на городище»). Ниже при описании посада отдельно указано, что в остроге соборная церковь Успения Богородицы «на городище». При соборе служат три попа Иван, Максим и Афанасий. Дворы их расположены на посаде. На содержание собора отведён большой участок земли на 100 четвертей (далее – четв.). Две дачи на р. Зуше выше и ниже города на 40 и 60 четв. доброй земли соответственно.

До разорения Новосили в годы Смуты при соборе служили протопоп, 5 попов и дьякон. Кроме земли под городом, клирошане владели д. Поповой (Чулковой) в Пятницком стану под Новосильским большим лесом на Колпенском отворшке. Однако, сначала это имение было заложено у Федора Данилова Чулкова, а к 1614/15 г. деревней владел Филипп Чулков. Дозорщики отметили, что вотчинник никаких документов, подтверждающих права собственности, не предъявил, и, видимо, по этой причине вотчину конфисковали, а описание деревни внесли в раздел церковных земель. В Чулкове три двора крестьян, два – бобылей. 100 четв. доброй земли (паши 2 четв., перелога – 5, остальное фактически целина) и 200 копён (далее – коп.) сена [3, с. 330, 433].

Посад Новосили в исследуемый период делился на

две части: «в Большом остроге» и «за Большим острогом». «Большой острог» когда-то представлял собой внешнюю линию городских укреплений. Петр Есипов и Венедикт Махов этих укреплений уже не застали. По всей видимости, они были уничтожены в годы Смуты.

«В Большом остроге» описаны четыре храма. Храм Св. Николая Мирликийского, деревянный, клетки. Строение приходское. Поп Кирило. Двор «у церкви» на погосте. Две кельи – проскурницы и пономаря. Храмовая описана ниже одним клином с другой городской храмовой землёй («Пашня с приходскими попами») [3, с. 328]. Деревянный, клетки, т.е. самой простой архитектуры: прямоугольный сруб под двускатной крышей. В центре крыши врублен барабан, покрытый луковичным завершением. Все храмы, архитектурные особенности которых, указаны дозорщиками, имели такую конструкцию. В случае если храм рублен с приделом, к основному срубам делалась пристройка аналогичная по конструкции. Такая архитектура типична для сельских храмов Великороссии. «Строение» в данном контексте – финансирование, постройка и оснащение (иконы, книги, посуда и т.д.)

В Стрелецкой слободе церковь (далее – ц.) Св. вмч. Георгия. Строение приходское. Старый заброшенный храм Свв. Фрола и Лавра. Поп Афанасий. Двор «у церкви» на погосте. Две кельи – проскурницы и пономаря. Отдельный комплекс строений представляет собой ц. Рождества Иоанна Предтечи. Не функционирует («стоит без пения») с 1610/11 г. На погосте три дворовых места: попа, пономаря и проскурницы соответственно. Пашня всех церквей «с приходскими попами» [3, с. 329].

За Большим острогом лежали Ямская и Казачья слободы. В Казачьей слободе располагался храм Покрова Богородицы. Строение приходское. Поп Дмитрий. Двор «у церкви» на погосте [3, с. 331].

На содержание причта четырёх посадских храмов были отведены за городом две земельных дачи. «В Кошкине поле» по 5 четв., а в «Зарачене поле» по 15. Кроме этого на попу полагалось по 20 коп. сена [3, с. 330-331].

К городу примыкало 6 казачьих слобод: Шеина, Косарева, Воротынцева, Отделинная, Савкова и Строганец. В Шеиной слободе располагалась ц. Архангела Михаила. «А в церкви образ и книги приходские». Поп Федор. Двор «у церкви» на погосте. Рядом с двором келья, где живёт пономарь Василий. К церкви прилагался стандартного размера надел – 20 четв. земли и 40 коп. сена [3, с. 332]. В Отделинной слободе ц. Св. вмч. Никиты, перенесённая «от войны» из слободы Строганца. Строение приходское. Поп Василий. Двор в слободе. К церкви прилагался стандартного размера надел – 20 четв. земли и 40 коп. сена [3, с. 333].

В Городском стану дозорщики зафиксировали 4 храма.

В поместье кн. Юрия Дмитриевича Хворостинина селе (далее – с.) Малые Вежи располагалась ц. Св. Вмч. Дмитрия Солунского. Строение помещика [3, с. 334].

В вотчине кн. Ивана Андреевича Хворостинина с.

Беткове ц. Богоявления с приделом Обретения главы Иоанна Предтечи. «Стоит от татарские войны без пения». Место дворовое поповское [3, с. 348].

Вотчина Перемышльской Богородицкой Шаровкиной пустыни село Глубки. В селе ц. Николая Чудотворца. Ветха. Во дворе поп Лукьян. Двор дьячка Гришки Лукьянова. Два места дворовых – пономаря и проскурницы. Поповской и дьячковской пашни 3 четв. Всего обители принадлежало село, починок и две пустоши на 463 четв. и 520 коп. Из всего земельного клина регулярно распахивались 25 четв. и ещё 55 были в ограниченном хозяйственном обороте. На монастырь трудилось 26 крестьян и 10 бобылей. О былом процветании свидетельствуют 13 пустых крестьянских дворов и 18 дворовых мест. Кроме земли и сенокосов монастырь владел так же рыболовными угодьями на р. Зуше [3, с. 349-350].

Церковь Св. Троицы с приделом св. Николая Чудотворца располагалась на территории Новосильского Духова монастыря, сама обитель – в Городском стану на р. Зуше на Задушном овраге. Монастырь бы разорён и сожжён в 1610/11 г. совместными усилиями «черкас и литовских людей», но церковь построена уже после войны. Братия на момент дозора состояла и игумена и 10 монахов, один из которых выполнял обязанности дьячка. В монастырской деревне Задушной, расположенной неподалёку на том же овраге, жил поп Спиридон. Полагаю, что он и служил при монастырском храме.

Духов монастырь был победнее соседа: 17 дворов крестьян, 7 бобылей, 40 четв. доброй земли и 120 коп. сенокоса. Регулярно распахивались 10 четв. и ещё 12 были в ограниченном хозяйственном обороте. О том, что хозяйство ещё не оправилось от войны, свидетельствовали 7 пустых крестьянских дворов. Кроме земли братия владела участком реки Зуши [3, с. 350-351].

В Пятницком стану было 11 храмов.

Посреди поместных дач на погосте под Мельным лесом стояла ц. Богородицы. На погосте жил поп Василий, но храм не функционировал, «стоял от войны без пения». О былом процветании свидетельствовали пустые места, где ранее стояли дворы пономаря и проскурницы. К церкви принадлежал стандартный участок в 20 четв. и 40 коп. Из 20 четвертей постоянно пахалась только одна (пашня паханная) и ещё пять – эпизодически (перелог) [3, с. 362].

На другом погосте, на р. Колпне располагалась ц. Св. мц. Параскевы Пятницы с приделом Св. Ильи. Строение приходское. В отдельном дворе живёт поп Герасим. Рядом келья пономаря Никиты и жилища 5 нищих. К церкви принадлежал стандартный участок в 20 четв. и 40 коп. Из 20 четвертей постоянно пахалась только пять (пашня паханная) и ещё десять – эпизодически (перелог) [3, с. 367].

В сельце Нижнее Плесесево на рч. Плесесеевке под Болгарским лесом на земле помещиков Ивана Губанова и Ивана Рошупкина разместились ц. Николы Чудотворца Можайского. Строение приходское. «В сельце ж на погосте» дворы попов Тарасия и Лукьяна и пономаря

Ждана. Два жилища нищих [3, с. 374].

Слобода Теплая под Теплым лесом на Студенечком отворшке. В ней ц. Св. Николая Чудотворца на земле помещиков Емельяна Иванова Сапронова, Кирея Артемова и Прокофия Иванова Постниковых. Строение приходское. В слободе двор попа Ивана пуст [3, с. 397].

В селе Субочево на рч. Субочевке на Плесесевском отворшке на государственной земле располагалась ц. Св. вмч. Георгия. Строение попово. На погосте у церкви дворы попа Максима Иванова, дьячка Ерошки Данилова и пономаря Савы Кузьмина. Три кельи нищих. К храму стандартный участок в 20 четв., из которых в регулярном хозяйственном обороте 7 четв. и частичном – 3 четв. [3, с. 408].

Сельцо «верх Ломиполозова верха» под Ломиполозским лесом, недавно бывшее деревней, пока не приобрело собственного названия. В сельце дозорщики отметили две церкви – Св. Арх. Михаила и Успения Богородицы – на земле помещиков Дмитрия Ровенского «с товарищи». Строение приходское. В сельце дворы попа Ивана и пономаря Демида Максимова [3, с. 413].

Храм Афанасия и Кирилла Александрийских располагался в селе Домны на рч. Жерыханке под большим под новосильским чёрным лесом на земле помещиков Ивана Шипилова «с товарищи». Строение приходское. В сельце на погосте дворы попа Ильи и пономаря Евстрата Лукьянова [3, с. 426].

В вотчине Ивана Васильева Сукина селе Черемошны на Фроловой воде под Черемошенским лесом стояла ц. Св. преп. Сергия. Строение вотчинниково. Двор попа Антипа [3, с. 430].

В селе без названия, описанном дозорщиками как, находящееся под Барановым лесом на Басучьем верху, на вотчинной земле Федора Степанова Рагозина располагалась ц. Св. вмч. Никиты. Строение приходское. Стоит без пения. На погосте у церкви двор попов пуст [3, с. 430].

В вотчине Новосильского Духова монастыря в сельце Игумнове под большим новосильским чёрным лесом располагалась ц. Св. Георгия. Поп Федот. Всего в сельце 8 крестьянских и 6 бобыльских дворов. 30,5 четв. доброй земли, из которой регулярно распахиваются только 5 четв. и ещё 10 четв. обрабатываются время от времени (перелог). 100 копён сена [3, с. 432-433].

В Никольском стану дозорщики описали 3 храма.

В селе Вышнее Княгинино на рч. Верещажке под большим новосильским лесом на земле помещиков Тимофея Созонова «с товарищи» стояла ц. Рождества Христова. Строение приходское. На погосте двор попа Никифора и две кельи, где жили пономарь и просвирница [3, с. 436].

В селе Перестяжка на Обакумове отворшку под Перестяжским лесом ц. Свв. Кузьмы и Демьяна на помещичьей земле Василия Михайлова «с товарищи». Строение приходское. На погосте пустое место, где когда-то был двор попа Никифора. Сам настоятель в плену «взяли татарове». Рядом келья, где живёт проскурница, вдова попа Никиты с сыном Титом [3, с. 451].

В селе Верхние Пруды, вотчине Ивана Васильева Сукина ц. Св. Николая Гостунского. Строение вотчинниково. При храме живут поп Григорий Константинов, пономарь Третьяк Иванов и дьячек Деменша Потапов. Два двора нищих [3, с. 457].

В Никольском стану описана вотчина Одоевского Богородицкого Настасова монастыря деревни Вышняя и Нижняя Яковлева под Яковлевским лесом на р. Зуше. Всего 200 четв. доброй земли (3 четв. пашни и 10 перелога) и 200 коп. сена. По пять дворов крестьян и бобылей. Кроме пашни и сенокосов игумен Сергей с братией владели рыбными ловлями и бобровыми гонами на р. Зуше [3, с. 458-459].

Всего, таким образом, 26 церквей. 8 в городе и пригородных слободах, 4 в Городском стану, 11 в Пятницком и 3 в Никольском. Если сравнить количество храмов с численностью населения, зафиксированной писцами (в Городском стану ~ 227 чел., в Пятницком ~ 591 чел., в Никольском ~ 251 чел.), то можно уверенно заключить, что плотность храмовой инфраструктуры определялась количеством прихожан.

5 храмов из 26 (19,2%) не функционировали («стояли без пения»): Свв. Фрола и Лавра (ветха) и Рождества Иоанна Предтечи («от 1611 году») в городе, Богоявления с пределом Обретения главы Иоанна Предтечи («от татарские войны») в Городском стану, Богородицы (от войны) и Св. вмч. Никиты в Пятницком стану. Причины закрытия церкви прямо указаны в трёх случаях. Храм Фрола и Лавра закрыт в силу износа здания. Богоявленский храм разорён в результате татарского набега. Такой же участи предали Богородицкую церковь не названные по имени завоеватели. Церковь Рождества Иоанна Предтечи запустела 1610/11 году, т.е. в год разорения Новосилья поляками. Полагаю, что и храм тоже их рук дело.

В целом же, учитывая интенсивность боевых действий в южных уездах России в годы Смуты, можно было ожидать гораздо большего разрушения церковной инфраструктуры.

О кризисных, но далеко не фатальных явлениях в этой области свидетельствует и состояние церковных причтов. В 15 из 21 действующего храма причт состоял из одного священника и максимум двоих причетников. В трёх случаях это пономарь и просвирня, в двух – дьячек и пономарь. В шести случаях настоятелю помогал только один причетник – дьячек (2 причта) или пономарь (4). При четырёх храмах служил только один человек, сам поп. При церкви Свв. Кузьмы и Демьяна в Никольском стану не было и попа, весь причт состоял из одной проскурницы. Тем не менее, храм означен как действующий, т.е. для всех необходимых священнодействий приглашали иерея из соседнего прихода. В таком же положении пребывал храм Св. Николая Чудотворца в Тёплой слободе. Из всего причта дозорщики зафиксировали только пустой двор попа Ивана.

При церкви Можайской иконы Св. Николая Чудотворца в Пятницком стану состояло два попа, но только один причетник, пономарь. Три священника слу-

жили при городском соборе, но зато здесь не было церковнослужителей и, таким образом, общая численность причта не превышала максимальной по уезду. Между тем, в досмутные времена при соборе служил протоиерей, 5 попов и дьякон. Их дворы пусты, на момент дозора в целом уезде не было ни одного протоиерея, ни одного дьякона. В селе Глубки при церкви Св. Николая Чудотворца дозорщики отметили наличие пустых дворовых мест пономаря и проскурницы. По приходам 4 просвирни и 5 пономарей живут не во дворах, а в кельях, ранее построенных для приюта нищих. Особых дворов для проскурниц по приходам не было вообще, а из пономарей по своим дворам жила только половина.

Из пяти функционировавших городских церквей все пять были построены и снабжены необходимым оборудованием на средства прихожан: посадских и служилых людей по прибору. Дозорщики везде отмечают, «церковное строение приходское». Церкви Св. вмч. Георгия в Стрелецкой слободе, Покрова Богородицы в Казачьей слободе явно были построены стрельцами и казаками. То же можно заключить о церквях Архангела Михаила и Св. вмч. Никиты в пригородных казачьих слободах Шеино и Отделенной. Сложно что-либо определённое сказать только о городском соборе, ибо его описание фактически не сохранилось, будучи утеряно вместе с начальными листами дозорной книги.

Все функционировавшие городские церкви, в том числе и собор, были наделены земельными участками. Три собственно городских попа – никольский (ошибочно назван ильинским) Кирилл, егорьевский Афанасий и покровский Дмитрий – имели по 5 четвертей (далее – четв.) пашни под городом «в Кошкине поле» и по 15 четв. перелога (земля, когда-то распаханная, а ныне выведенная из хозяйственного оборота) и дикого поля (целины) «на Зарачене (Казарачьей) пашне» за р. Зушей. Кроме этого на причт полагались 30 коп. сенокосных угодий. Аналогичное хозяйство прилагалось и к ц. Рождества Иоанна Предтечи, не работавшей с 1610/11 г. Только из 20 четв. земли всё в перелог и диком поле, «пашни паханной» нет [3, с. 330-331].

Причт ц. Архангела Михаила «в ряд с казаки» владел 2 четв. пашни, 3 четв. перелога и 15 четв. дикого поля, т.е. теми же 20 четв. Сенокоса, правда, больше – 40 коп. [3, с. 332]. Поп Василий, настоятель храма Св. вмч. Никиты владел теми же 3 четв. пашни, 18 четв. перелога и дикого поля и 40 коп. сенокосов.

За всем этим единообразием чувствуется твёрдая рука государственного землеустройства. Наделяя служилых людей землёй для материального обеспечения их службы, государство наделяло тем же и их духовных пастырей.

Городской собор владел «выше города, подле реки Зуши» 40 четв., «да ниже города, по обе стороны реки Зуши, меж монастырские земли Духова монастыря и меж ямские слободы охотничьи земли» 60 четв. К сожалению, дозорщики не указали, какая часть этого земельного массива распаханная. Ещё 100 четв. было в, принадлежавшей собору д. Поповой. Соборный причт,

скорее всего, так же получил землю от государства. Большой размер земельного клина обусловлен большей численностью причта. До Смуты при соборе числились протопоп, пятеро попов и дьякон. Деревня, явно, досталась собору по случаю, как вклад какого-нибудь благочестивого вотчинника.

Судя по небольшим размерам реально распаханного надела (3-5 четв.), пахали землю сами представители причта. Это типично для средневековья и нового времени: при демократическом происхождении провинциального священника его быт мало отличался от быта большинства прихожан. Не случайно, отдалённая от города вотчина собора сначала была заложена соседнему помещику, а потом и освоена соседом в собственность. У городского священства просто не было в распоряжении инструментов для ведения феодального хозяйства.

Три церкви в Пятницком стану стояли на государственной, т.е. государственной земле. Две представляли собой особые поселения – погосты, одна располагалась традиционно – в селе. Хотя дворы причта описаны, как стоящие «на погосте». Один храм – Богородицкий – не работал, но священник при нём состоял. Явно потому, что сохранялась возможность прокормления. При всех трёх церквях были участки земли и сенокосы. Размер стандартный – 20 четв. и 40 коп. Это свидетельство государственного землеустройства. В одном из двух действовавших храмов строение приходское, а в другом – попово. Т.е. при наделении помещиков землёй государство, заботясь об удовлетворении их религиозных потребностей, только отводило участки. Осваивали их заинтересованные лица сами. Величина запашки 1-7 четв., т.е. пахали причетники сами. Поп Василий 1 четв., причт ц. Св. мц. Параскевы Пятницы с приделом Св. Ильи из 2 чел., попа и пономаря – 5 четв., ц. Св. вмч. Георгия из 3 чел., попа, дьячка и пономаря – 7 четв. Зависимость прямая.

8 церквей располагались на земле помещика (1 в Городском, остальные в Пятницком стану). Строение везде приходское, кроме ц. Св. Вмч. Дмитрия Солунского в с. Малые Вяжи, где строение помещика кн. Юрия Дмитриевича Хворостинина. 4 церкви означены дозорщиками, как стоявшие на вотчинниково земле. В двух случаях строение вотчинника, в одном приходское и в одном не указано. Три храма в монастырских вотчинах. Строение не указано. Не при всех монастырских имениях были храмы. Не было церкви во владениях Одоевского Богородицкого Настасова монастыря. Нет данных о храме в сельце Становом, вотчине Троице-Сергиева монастыря [3, с. 461-462]. К тем церквям, которые стояли на помещичьей, вотчинниково или монастырской земле земельных, как правило, угодий не прилагалось. Причт существовал за счёт традиционных источников дохода. Исключение составляет только ц. Николая Чудотворца в с. Глубки, вотчине Шаровкиной пустыни. Поп Лукьян распашивал надел в 3 четв. В городе дополнительным источником дохода для причта могла быть торговля. На рынке в Новосиле описан стол егорьевского пономаря Нефёда [3, с. 328].

Учитывая, что Новосиль был основан не позднее третьей четверти XIV столетия, Новосильский уезд должен был быть в начале XVII столетия регионом, давно освоенным в земледельческом отношении. Тем не менее, судя по материалам дозорных книг, местному землевладению здесь были свойственны те же особенности, что и в уездах, чьё освоение началось с середины XVI в. Господство поместного землевладения, практика совладения нескольких помещиков одной компактной земельной дачей, преобладание среди помещиков небогатой служилой мелкоты. Признаки относительно недавнего хозяйственного освоения края видны и в церковной инфраструктуре. Храмы на погостах, как отдельно стоящих поселениях церковного причта; храмы,

построенные и оборудованные лично своими настоятелями; земельные участки, выделенные государством на содержание церковного причта. Можно полагать, что верно утверждение В.П. Загоровского, что после разорения татарами в 1376 г. и до 1563 г. города Новосиля как постоянного поселения не существовало [6, с. 100].

В тоже время, за полстолетия и землевладельческая и церковная инфраструктура претерпели определённую эволюцию. Сформировался фонд старых вотчин, укрепилось монастырское землевладение. Среди церквей стали преобладать традиционные для коренной Великороссии храмы по сёлам, построенные прихожанами на помещичьей или вотчинной земле.

Библиографический список

1. *Веселовский С.Б.* Сошное письмо. М., 1916. Т.2.
2. Писцовые книги Юго-Западного порубежья. М., 2013.
3. *Сычев Н.В.* Новосильско-Одоевского княжество. М., 2016.
4. Российский государственный архив древних актов. Фонд 1209. Опись 1. Книга 314.
5. Российский государственный архив древних актов. Фонд 1209. Опись 1. Книга 488.
6. *Загоровский В.П.* История вхождения центрального Черноземья в состав Российского государства в XVI веке. Воронеж, 1991.

References

1. *Veselovsky S.B.* Soshnoe pis'mo. M., 1916. Vol.2.
2. Piscovyie knigi South-Western porubezh'ya. M., 2013.
3. *Sychev N., In.* Novosil-Odoevskogo Principality. M., 2016.
4. Russian state archive of ancient acts. Fund 1209. Inventory 1. The book is 314.
5. Russian state archive of ancient acts. Fund 1209. Inventory 1. The book is 488.
6. *Zagorovsky V. P.* History of the entry of the Central black earth region into the Russian state in the XVI century. Voronezh, 1991.

УДК 303.2

UDC 303.2

ХАРИТОНОВА Е.Г. (ПУТИЛИНА Е.Г.)

кандидат исторических наук, доцент кафедры социальной работы, управления и права, Филиал ФГАОУ ВО «Российский государственный профессионально-педагогический университет»
E-mail: putilovaelena2011@mail.ru

KHARITONOVA E.G. (PUTILINA E.G.)

Ph.D. in History, an Associate Professor of the Department of Social Work, Management and Law, Branch of Federal State University «Russian State Vocational Pedagogical University»
E-mail: putilovaelena2011@mail.ru

**ИСТОРИЯ ОБЩЕСТВЕННОГО ДВИЖЕНИЯ ЗА СОХРАНЕНИЕ ПАМЯТИ ЖЕРТВ
ПОЛИТИЧЕСКИХ РЕПРЕССИЙ В г. НИЖНИЙ ТАГИЛ (II ПОЛ. 1980-х – 1990-е гг.)**

**THE HISTORY OF ESTABLISHMENT AND DEVELOPMENT OF THE MOVEMENT TO SAVING
THE MEMORY OF VICTIMS OF POLITICAL REPRESSIONS IN NIZHNIY TAGIL**

На основе архивных документов Нижнетагильского городского архива, а также опубликованных воспоминаний правозащитников г. Нижний Тагил, автор реконструирует историю общественного движения за увековечение памяти жертв политических репрессий в г. Нижний Тагил.

В ходе исследования были выявлены общесоюзные тенденции образования местных отделений историко-просветительского, правозащитного и благотворительного общества «Мемориал» во второй половине 1980-х годов.

Кроме того, автор делает вывод о том, что в 1990-е гг., с установлением партнёрских отношений с местными органами власти, Нижнетагильский «Мемориал» значительно укрепляет свои позиции в области деятельности по сохранению памяти о политических репрессиях в СССР.

Ключевые слова: историческая память, историческое сознание, политические репрессии, жертвы политических репрессий, гражданское общество, История России.

Based on archival documents of the Nizhny Tagil city archive, as well as published memoirs of human rights activists of Nizhny Tagil, the author reconstructs the history of the social movement for the perpetuation of the memory of victims of political repression in Nizhny Tagil.

The study revealed the all-Union trends in the formation of local branches of the historical and educational, human rights and charitable society «memorial» in the second half of the 1980-s.

In addition, the author concludes that in the 1990-s, with the establishment of partnerships with local authorities, Nizhny Tagil «memorial» significantly strengthens its position in the field of activities to preserve the memory of political repression in the USSR.

Keywords: historical memory, historical consciousness, political repressions, victims of political repressions, civil society, Russian history.

Во второй половине 1980-х гг. в Нижнем Тагиле стали возникать десятки общественных организаций различной направленности: экологические, правозащитные, просветительские. Среди организаций, занимающихся защитой прав и увековечением памяти жертв политических репрессий были всего две – Нижнетагильское отделение историко-просветительского общества «Мемориал» и Нижнетагильский правозащитный центр.

Однако, ещё с 1970-х в Нижнем Тагиле существовал опыт работы местных общественников по проблеме увековечения памяти жертв политических репрессий: речь идёт о деятельности Добровольного Гражданского Фонда им. А. И. Солженицына, ядро которого составили бывшие заключённые политлагеря «Пермь-35»: Виктор Пестов (г. Свердловск), ставший главой Фонда, Георгий Давиденко (г. Нижний Тагил), Владислав Узлов (г. Серов), Владимир Поташов (г. Омск). Фонд, действуя

в подполье, оказывал моральную и материальную помощь политзаключённым, используя для этого добровольные пожертвования его членов и граждан.

По воспоминаниям В. Пестова – одного из инициаторов создания ДГФ: «...Мы собрались в Тагиле – я, Узлов, Давиденко. Решили, что надо создавать организацию. Но так как мы люди битые, знаем, что партией называть нельзя, это срок. Уже был создан фонд Солженицына для помощи заключённым и их семьям. Мы решили взять название – Добровольный гражданский фонд имени Солженицына. Это чисто уральское название. В архивах Давиденко нашел старые газеты. Оказалось, что во времена Колчака был добровольный гражданский фонд, который собирал средства для помощи белой армии. Мы собирали по пять рублей в месяц. С декабря 76 по 77 год собирали. И первую печатную машинку купили...» [9, с. 3-4]. Таким образом, с целью публикации сведений о репрессированных по

политическим мотивам граждан, содержащихся в политлагерях, психиатрических лечебницах, а также в исправительно-трудовых учреждениях для уголовных преступников, Добровольный Гражданский Фонд стал выпускать в виде самиздата бюллетень «Спасение» (кстати, именно в «Спасении» в 1988 году впервые была предана огласке правда о тагильском диссиденте Валерьяне Федоровиче Морозове – кандидате экономических наук, члене КПСС, старшем преподавателе Нижнетагильского государственного педагогического института, который за свои взгляды к тому времени уже шесть лет находился на принудительном лечении в Казанской республиканской психиатрической больнице). Кроме того, с 1988 года ДГФ стал выпускать самиздатовский журнал «Слово Урала», где впервые были опубликованы программа и устав данной общественной организации. Так, в соответствии с уставом ДГФ, участвовать в деятельности Фонда мог любой желающий, считающий целесообразным оказание помощи узникам совести: «...участники ДГФ оказывают посильную, заранее оговоренную регулярную финансовую помощь или оказывают систематические услуги. Сочувствующие гуманным целям ДГФ могут оказывать нерегулярную помощь деньгами или услугами. Участник ДГФ участвует в деятельности Фонда строго добровольно и может прекратить свою деятельность или помощь временно или навсегда в любое время, поставив об этом в известность любого участника. Участник ДГФ имеет право: знать, на какие цели используются средства, внесенные им, или помощь и оказываемые услуги; ознакомиться с декларацией и Уставом ДГФ, а также со Всемирной декларацией прав человека; носить значок с изображением А.И. Солженицына, чьим именем назван Фонд и чья деятельность в сфере бескорыстной помощи нуждавшимся; знакомиться с имеющимися в распоряжении Фонда произведениями А.И. Солженицына; в необходимых случаях получать помощь» [13].

Для просвещения своих членов ДГФ сформировал библиотеку самиздата и тамиздата, которая позже, в конце 1980-х годов, получает название Уральской независимой общественной библиотеки (УНОБ). Её основу составили произведения А.И. Солженицына. Главой УНОБ, как и ДГФ, являлся В.Г. Пестов. В Нижнем Тагиле филиал библиотеки возглавил М.В. Золотухин (в последующем, создатель Нижнетагильского правозащитного центра и активный член Нижнетагильского «Мемориала»). Деятельность ДГФ начинает постепенно сворачиваться в начале 1990-х годов: работа общественныхников сводится к работе в рамках УНОБ и редким акциям, проводимым совместно с другими общественными организациями Нижнего Тагила и Свердловской области в целом.

Через два месяца после того, как в январе 1989 года в Москве состоялась учредительная конференция Всесоюзного добровольного историко-просветительского общества «Мемориал», в г. Нижний Тагил было создано его местное отделение [12].

Первой ступенью в его формировании стало обще-

ство «Молодые историки», возникшее по инициативе преподавателя филиала Уральского политехнического института в Нижнем Тагиле А.А. Капустина. В него вошли преподаватели и студенты Нижнетагильского государственного педагогического института (ныне НТГСПА), работники городского архива (И.В. Злобина) и краеведческого музея (А.Х. Хасанова) [5]. Сопредседателями общества стали В.М. Кириллов и А.Б. Волошин; в Совет общества вошли историки, работники музеев, представители неформальных организаций г. Нижний Тагил. Устав Нижнетагильского «Мемориала» был принят в 1993 году, а в Правление вошли активисты: Л.И. Ганина, М.В. Золотухин, Ф.А. Родин, Г.К. Семешкина, Е.И. Бруева, А.А. Нейферт [10].

Первоначально, официальное название Нижнетагильского «Мемориала» было обозначено как историко-просветительское Общество. В его составе, с 1989 года действовала историко-поисковая группа, основной задачей которой являлось – изучение тоталитаризма и его воздействия на г. Нижний Тагил. Руководителем историко-поисковой секции был В.М. Кириллов. В программе Общества основные задачи, в рамках которых, должна была работать историко-поисковая группа:

1. организация информационно-исследовательского и просветительского городского центра «Мемориал»; выявление фактов репрессий, имевших место при строительстве Уральского вагоностроительного и Ново-Тагильского металлургического заводов и на других предприятиях;

2. создание постоянно действующих разделов и специальных экспозиций в городском музее, организациях, заводах, школах; сбор материалов, связанных с фактами и обстоятельствами репрессий; проведение археологических, исторических и социологических исследований;

3. публикация документов и материалов; проведение лекций, диспутов, кинопоказов, выставок, организация конференций, семинаров по итогам работы [7].

Первоначально, в составе историко-поисковой группы работали около десяти человек, среди которых: В.М. Кириллов, Т.К. Гуськова, А. В. Ермаков – преподаватели Нижнетагильского государственного педагогического института (ныне – НТГСПА); Э. П. Дистергефт – из репрессированных советских немцев; И. В. Злобина – директор городского исторического архива (ныне – руководитель отдела по делам архивов при администрации г. Нижний Тагил); В.В. Чевардин (впоследствии, ставший председателем Нижнетагильского «Мемориала»); Д. Кириллов (с то время – студент НТГПИ).

К историко-просветительскому направлению деятельности «Мемориала» в период становления общественного движения относилась и работа по освещению темы политических репрессий в местных СМИ. Изучив подшивки местной газеты «Тагильский рабочий» с 1988 года, мы отметили следующую особенность: большинство публикаций, посвящённых истории судеб бывших политических заключённых; вопросам реализации ре-

билитационного законодательства в Нижнем Тагиле; о деятельности по сохранению памяти Нижнетагильского общества «Мемориал», были инициированы самими мемориальцами. Так, среди активных авторов «Тагильского рабочего»: В. Чевардин, С. Рубинштейн, Д. Кирилов. Соответственно, с постепенным уходом этих людей из «Мемориала», затухало и освещение деятельности организации в СМИ.

Помимо историко-просветительской и поисковой работы, с первых дней своего существования, Нижнетагильский «Мемориал» активно включился в правозащитную деятельность.

Первым «делом» местного «Мемориала» стала борьба за посмертную реабилитацию кандидата экономических наук, бывшего старшего преподавателя Нижнетагильского пединститута Морозова Валериана Федоровича: тот был арестован работниками Комитета госбезопасности СССР в 1982 г. по ст.70 Уголовного Кодекса РСФСР (антисоветская агитация и пропаганда), в закрытом судебном заседании Свердловского областного суда на основании медицинского «освидетельствования» признан душевнобольным и отправлен на принудительное лечение в Казанскую спецпсихбольницу. Органы КГБ инкриминировали В.Ф. Морозову написание монографии «Глазами трезвого человека», вывод которой привел его к поразительным результатам: в стране функционирует экономика, совсем непохожая на ту, о которой пишут в учебниках, диссертациях и газетных статьях. Также ему вменялось то, что он поехал в город Горький, где в это время находился в ссылке академик Андрей Дмитриевич Сахаров, чтобы встретиться с ним. Морозов был арестован на пороге квартиры Сахарова и под конвоем отправлен в Нижний Тагил. Вскоре после его перемещения из Казанской спецпсихбольницы в аналогичную в пос. Черноисточинск (возле Нижнего Тагила) в январе 1989 года, Валериан Федорович скончался. Благодаря усилиям мемориальцев он был реабилитирован вскоре после смерти.

Помимо реабилитации В. Ф. Морозова, тагильские мемориальцы отстаивали права других общественных деятелей Нижнего Тагила. В частности, выступили в защиту своего члена и активиста местного экологического клуба «Очищение» Михаила Валерьевича Золотухина (за выступление на городском экологическом митинге 13 февраля 1989 года он был уволен под маркой «сокращение» с предприятия «Востокшахтопроходка», где длительное время работал подземным слесарем).

Позднее, в «Мемориале», при поддержке Нижнетагильского правозащитного центра, открылась приемная для граждан, права которых были нарушены. Таким образом, уже к 1998 году, Нижнетагильский «Мемориал» приобрел репутацию общественной организации города, занимающейся серьезным делом.

Официально, Правозащитный центр «Мемориала» был учрежден в 1993 году. Однако, фактически, как уже было отмечено, он начал работу в конце 1980-х гг. Его создатель и руководитель – М.В. Золотухин, – вступив в 1989 году в члены международной правозащит-

ной организации Транснациональная радикальная партия, в 1990 году – в Amnesty International, в 1993 году – в Международное общество прав человека, – стал добиваться освобождения еще имевшихся тогда в СССР политических заключенных; писал обращения в судебные инстанции, Президенту СССР, руководителям России; в 1988 году принял участие в создании в Нижнем Тагиле зеленого движения, отстаивавшего право местных жителей на здоровую окружающую среду. В 1990-и году, М.В. Золотухин, как активист общественного движения, был избран депутатом городского Совета, где стал, сперва членом комиссии по новым методам хозяйствования, затем – комиссии по законности и правам человека; осуществлял прием граждан по фактам нарушений их прав, что, в конечном счете, послужило первопричиной создания общественной организации, отстаивавшей права человека. В 1993 году, при Нижнетагильском независимом комитете «Возрождение», на базе правозащитной группы, возник Центр прав человека и демократии. А в 1995 году возник Нижнетагильский правозащитный центр, куда, вместе с Нижнетагильским филиалом Уральской независимой библиотеки, Центром прав человека и демократии, экологического клуба «Очищение», Свободного профсоюза Нижнетагильского металлургического комбината, а также, местного отделения Общества охраны природы, – вошел и Правозащитный центр «Мемориал» [2].

Внушительный объем работы выполнялся Нижнетагильским правозащитным центром: прием населения; координация деятельности общественных демократических организаций; выпуск правозащитного бюллетеня «Права человека на Урале»; обслуживание собственной радиовещательной станции «Радио – Свободное мнение», и многое другое.

Первоочередной задачей Нижнетагильского «Мемориала» и Нижнетагильского правозащитного центра с момента их возникновения стало информационное и юридическое обеспечение реализации Закона «О реабилитации жертв политических репрессий». Здесь, ситуация во взаимодействии с местными органами власти складывалась непросто.

По Закону, для жертв политических репрессий предусматривались ряд мер: первоочередное получение жилья; путёвки на санаторно-курортное лечение; внеочередное оказание медицинской помощи; снижение стоимости лекарств на 50%; бесплатный проезд всеми видами городского транспорта (кроме такси); снижение платы за жилплощадь на 50%; денежные компенсации.

Однако, на заседании Комиссии помощи жертвам политических репрессий при городском совете г. Нижний Тагил (2 декабря 1991 г.), представитель прокуратуры заявил, что «никаких конкретных решений для исполнения Закона нет, а для осуществления предусмотренных Законом мер – ни денег, ни людей» [11]. Кроме того, органы социального обеспечения г. Нижний Тагил отказывались принимать заявления у бывших репрессированных о начислении положенных им денеж-

ных компенсаций несмотря на то, что льготы вводились в действие с 1 декабря 1991 года, а закон – с момента принятия (октябрь 1991 года).

Таким образом, бывшие репрессированные и их родственники, получавшие отказ от властей возместить материальную компенсацию, обращались за помощью не только в Нижнетагильский правозащитный центр и «Мемориал», но и в другие общественные организации города – Ассоциацию жертв политических репрессий, а также в нижнетагильское отделение «AmnestyInternational».

С 1990-го года общественники г. Нижний Тагил начинают проявлять инициативы и в области увековечения памяти жертв политических репрессий посредством установки памятников и памятных знаков. Например, в 1990-м году, по инициативе общества немецкой культуры «Возрождение», на территории Ивановского болота (ныне – Рогожинское кладбище) был установлен мемориал немцам-трудармейцам отряда № 18-74 Тагиллага.

С 1941 до начала 1950-х годов здесь хоронили заключенных и немцев-трудармейцев, умерших в центральном лазарете Тагиллага, а также в бараках 8-го лаграйона (ныне городской район Красный Камень). Численность похороненных здесь заключенных и трудармейцев не установлена: по данным В.М. Кириллова, с начала 1950-х на территории Ивановского болота начали хоронить вольнонаемных и жителей города, и постепенно лагерные захоронения оказались полностью перекрыты вторичными захоронениями 1970-х–1980-х годов. Более того, часть захоронений была эксгумирована и вывезена в болото [4, с. 98].

Для того, чтобы полноценно осуществлять возложенные на себя обязанности, требовались приличные финансовые вложения, а ядро движения составляли, преимущественно, пожилые и больные люди (сами бывшие политические заключенные). Поэтому, с момента образования, Нижнетагильский «Мемориал» стал заниматься поиском материальной помощи: внутри организации была создана группа из нескольких наиболее активных бывших репрессированных, и размножен на бумаге текст обращения к руководителям местных предприятий. В нем от имени репрессированных высказывалась просьба оказать посильную материальную помощь. Чаще всего руководители не отказывали, а если у предприятия были проблемы с деньгами, то для репрессированных выделялась продукция конкретного предприятия: это могли быть мучные изделия (например, макароны), изделия из пластмассы, ведра, крышки, и прочее. Все это распределялось в «Мемориале» среди наиболее нуждающихся репрессированных. Это была очень важная форма гуманитарной поддержки жертв политических репрессий, особенно в «голодные» 1990-е.

Кроме того, в начале 1990-х «Мемориалом» была предпринята попытка наладить финансирование организации из средств администрации города, путем ежегодных отчислений из городского бюджета. С этой целью, мемориальцы обратились к Нижнетагильскому

городскому Совету народных депутатов, а также Главе Администрации города Н.Н. Диденко: «...по расчетам, произведенным членами историко-поисковой группы «Мемориал», чистая прибыль от использования труда заключенных в тресте «Тагилстрой» только в 1942 году, в ценах 1993 года, составила более 16 млрд. рублей. Узники Тагиллага, несмотря на голод, холод, болезни, моральные и физические унижения, строили город и его промышленные объекты, вместе с остальными приближая победу над фашизмом и восстанавливая страну. Большая часть материальных богатств нашего города создана трудом советских рабов. Поэтому наша моральная обязанность сегодня – вспомнить об этих людях. На долю нашего общества выпадает значительная часть работы, которую должно выполнять государство. Вот лишь краткий ее перечень: еженедельный прием граждан по вопросам реабилитации с целью оказания практической помощи; учет всех репрессированных и составление списков по городу; попытки наладить систематически действующую патронажную службу для престарелых, одиноких и инвалидов совместно с отделами социального обеспечения; покупка и распространение продуктов и одежды по льготным ценам; проведение ежегодного Дня политзаключенного; историко-поисковая деятельность и издание «Книги Памяти»; создание мемориала «Памяти жертв репрессий»; помощь в обеспечении льготами реабилитированных (установка телефонов, получение квартир и т.п.); выплата дотаций на похороны родственникам умерших репрессированных и т.п. Нужно отметить, что к нам обращается большое число граждан, не реабилитированных до сих пор, несмотря на формальную реабилитацию по закону: дети спецпереселенцев и советские немцы. За их реабилитацию идет настоящая борьба. Те же, кто реабилитирован и имеет льготные удостоверения, никак не могут получить эти льготы – опять большая работа для «Мемориала». Для обеспечения нашей деятельности нужны деньги, и мы получаем их за счет добровольных пожертвований и помощи предприятий города. Однако получить эти деньги очень сложно. В нашем обществе работают в основном пожилые люди, бывшие репрессированные – ныне пенсионеры, не отличающиеся особым здоровьем и хождение с протянутой рукой, не только истощает их силы, но и унижает в очередной раз. За свой труд они не получают фактически никакого вознаграждения. А между тем от результатов их деятельности во многом зависит моральное и физическое состояние значительной части населения нашего города и района – ведь Нижний Тагил почти на 30% состоит из бывших репрессированных и их детей» [2, с. 197-198].

За первые три года своего существования (1989–1992), «Мемориал» добился значительных успехов. Например, был собран материал о более чем двух тысячах граждан г. Нижний Тагил, подвергшихся репрессиям в период 1917–1980-х гг. Была проведена общегородская выставка, посвященная репрессированным тагильчанам. Благодаря работе Э.П. Дистергефт

было положено начало рукописному варианту «Книги памяти». К 1992 году в этой книге рассказывалось о судьбах 80 репрессированных тагильчан. В. В. Чевардин исследовал крупный фонд архивных документов (более 1800 дел) по делам тагильчан, лишенных избирательных прав в 1920-е – 1930-е гг. Дмитрием Кириловым было начато глубокое исследование материалов по спецпереселенцам, найдены уникальные материалы по Тагиллагу, собраны многочисленные устные и письменные воспоминания репрессированных. Кроме того, в помощь учителям-историкам разрабатывалась лекция «Тагильчане – жертвы репрессий»; осуществлено около двух десятков публикаций в городских газетах; состоялось несколько выступлений по областному и городскому радио и телевидению [10, с. 36].

23 сентября 1993 года, на общем собрании «Мемориала» был утвержден его Устав как историко-просветительского, правозащитного и благотворительного общественного объединения. Главным администратором Общества избрали Б.Д. Броцмана, в Правление ввели наиболее активных членов «Мемориала»: Л.И. Ганину, М.В. Золотухина, Ф.А. Родина, Г.К. Семешкину, Е.И. Бруеву, А.А. Нейферт. «Мемориал» получил новое помещение, стало наиболее организованным его финансовое обеспечение, активизировалась благотворительная деятельность [5, с. 7].

Отметим, что к середине 1990-х, «Мемориал» значительно активизировал издательскую и выставочную деятельность; занимался освещением темы репрессий в местных СМИ.

Так, в конце лета 1994-го, в Нижний Тагил был доставлен тридцатитысячный тираж «Книги Памяти» – издания, посвященного тагильчанам, жертвам репрессий 1917-1980-х годов. Автором книги был один из сопредседателей «Мемориала» – В.М. Кириллов. В рамках своей докторской диссертации (которая и легла в основу книги), Кирилловым впервые был подтвержден тезис о специфике Тагила как места с повышенной концентрацией проживавших в нём репрессированных и пострадавших от репрессий граждан. Автор привел жуткую статистику: в процентном отношении к «обычным» жителям репрессированные с 1926 по 1951 гг. составляли по СССР – 1,8%, по области – 6,3%, а по Нижнетагильскому региону – 21,3%. Кроме того, В.М. Кирилловым было подсчитано общее количество пострадавших от коммунистических репрессий с 1930 по 1947 гг.: около 12 млн. человек по Советскому Союзу (из которых, погибших 2,5 млн. человек); в Нижнем Тагиле, в Тагиллаге, только за одну зиму 1942-1943 гг. погибли около 20 тысяч человек.

Финансовую помощь в издании книги оказала администрация города, АО «Нижнетагильский металлургический комбинат», рудник имени третьего Интернационала, инвестиционная компания «Грин», хладокомбинат, Нижнетагильский филиал «Уралбанка», АО «Уралхимпласт», политехническая гимназия [2, с. 200-201]. Данный факт говорил о заинтересованности, как местных властей, так и граждан города, в рабо-

те «Мемориала» по сохранению памяти о политических репрессиях в СССР.

Кроме того, публикационная деятельность «Мемориала» шла в рамках издания бюллетеня «Права человека» (позднее, был переименован и зарегистрирован, как бюллетень «Правозащитник Урала»), издаваемого с 1995 года, и освещавшего жизнь городского «Мемориала», проблемы правозащитной деятельности и экологического движения в Нижнем Тагиле и России.

Активно в начале 1990-х гг. мемориальцы взаимодействовали с местными СМИ. Здесь мы можем отметить следующую особенность: большинство публикаций, посвящённых истории судеб бывших политических заключённых; вопросам реализации реабилитационного законодательства в Нижнем Тагиле; о деятельности по сохранению памяти Нижнетагильского общества «Мемориал», были инициированы самими мемориальцами. Так, среди активных авторов «Тагильского рабочего»: В. Чевардин, С. Рубинштейн, Д. Кирилов. Соответственно, с постепенным уходом этих людей из «Мемориала», затухало и освещение деятельности организации в СМИ.

Помимо статей в местных периодических изданиях, в 1992 году «Мемориал» предложил администрации г. Нижний Тагил снять фильм с записью воспоминаний бывших репрессированных. На выделенный от администрации грант, редакцией центра кабельного и вечернего телевидения «Телекон», при участии энтузиастов из числа мемориальцев (В. Чевардин), были начаты съемки документального фильма об узниках «Тагиллага». Он получил название «Тагильский вариант» и включил в себя рассказы живых свидетелей страшной сталинской эпохи. Люди рассказывают о штабелях мертвых, умерших от голода и зимней стужи; о методах, которыми надзиратели определяли, действительно ли человек мертв [6, с. 196-197]. В общей сложности, фильм длился 37 минут (но для его создания потребовалось более шести часов чернового материала) и транслировался в воскресных передачах студии «Телекон».

Совместно с Музеем изобразительных искусств г. Нижний Тагил, «Мемориал» организовал выставку работ М. В. Дистергефта (мемориальца, бывшего репрессированного, члена Союза художников России). Его графическая серия «В те годы» из 33 графических листов, выполненная итальянским карандашом и углем, явилась итогом раздумий и переживаний, жизненным и профессиональным опытом, философскими размышлениями автора. Выставка показала полную картину до и послевоенного периода жизни целого поколения людей, прошедших лагерь и спецпоселения, стройотряды и трудовую армию.

В 1993 году «Мемориал» инициировал идею создания в г. Нижний Тагил мемориального сквера с памятником жертвам политических репрессий. Инициатива была поддержана городским Советом народных депутатов, затем – Нижнетагильской Думой. Заказчиком на выполнение работ по скверу и памятнику выступило городское производственно-техническое объедине-

ние «Жилкомхоз» (ныне муниципальное предприятие «Горкомхоз»). К тому времени, была выполнена конструкторская документация архитектурной части сквера и фундамента под памятник; разработан эскиз и велось создание рабочей модели памятника; заканчивалась вертикальная планировка площадки под сквер. Предстояла большая работа по реализации проекта мемориального сквера, поэтому, местных СМИ были опубликованы призывы «Мемориала» к предпринимателям города и данные банковского счета, на который можно было перечислить денежные средства на строительство памятника. В 1990-е годы, в качестве временной меры, на месте сквера был установлен закладной камень с памятной доской.

Своеобразную «эволюцию» задач «Мемориала» можно пронаблюдать исходя из «Программ» Общества. Так, к числу задач Нижнетагильского «Мемориала» на 1997 год относились следующие: подготовка к изданию второго тома «Книги памяти тагильчан – жертв репрессий»; осуществление научного руководства программой «Архипелаг ГУЛАГ» – совместного исследовательского проекта Нижнетагильского и Рязанского «Мемориалов»; проведение региональной конференции «История репрессий на Урале»; продолжение сбора материалов по репрессиям; поддержка контактов с «Мемориалами» в Рязани, Москве, Перми, Санкт-Петербурге, Петрозаводске.

Отметим, что все вышеперечисленные задачи Нижнетагильского «Мемориала» – были успешно осуществлены.

Однако, несмотря на отличные результаты работы, именно 1990-е становятся для «Мемориала» кризисными. Первый кризис случился в 1994-м: 23 марта, на собрании, из «Мемориала» выделилась и юридически оформилась «Ассоциация жертв политических репрессий». Но, несмотря ни на что, «Мемориал» выстоял, его работа не остановилась. Главной причиной его жизнестойкости была необходимость в существовании Общества, не только занимающегося защитой прав бывших репрессированных граждан, но и создающего новую атмосферу между людьми, лишенную страха и подозрительности, открытую к их личным правам и душевным порывам. Не случайно, решающую роль в переломе ситуации сыграли женщины – Л.А. Халтурина, Э.П. Дистергефт, Л.И. Ганина, Г.К. Семешкина, Е.И. Бруева, А.А. Нейферт.

Кризис 1997 года был серьезнее, а его последствия, в скором времени, привели к тому, что в Нижнем Тагиле вместо одного «Мемориала», стало два. Пришедшие в это время в Общество новые члены, были не согласны с тем, на какие нужды «Мемориал» расходует средства. По их мнению, Общество не должно было выделять финансирование на историко-просветительскую, публикационную и выставочную работу.

Приход людей, несогласных с уставными задачами «Мемориала» совпал с другими, не менее важными негативными обстоятельствами (присущими для общественного движения в целом, по России): уход из ор-

ганизации его создателей и наиболее активных членов, работавших не за деньги, а за «идею» (кто-то уехал из города, кто-то заболел); аморфность позиций большинства членов Общества по ключевым вопросам и их низкая деловая активность; бессменность сопредседателей и отсутствие подходящей альтернативы для их замены; забвение просветительских и правозащитных целей деятельности «Мемориала» и переключение внимания на материальную помощь; недоверие к молодым членам общества, пытающихся работать на перспективу. В итоге, на предвыборном собрании 6 декабря 1997 года, трое сопредседателей вышли из Правления «Мемориала». Собрание поблагодарило их за плодотворную восьмилетнюю работу и утвердило новый состав руководства. В него вошли В.Ф. Евдокимов, занимающийся в том числе правозащитой, А.И. Усольцев, ведающий правовыми вопросами, и Н.В. Рогозина, отвечающая за работу в благотворительном направлении.

Однако, деятельность нового руководства привела к тому, что «Мемориал» утратил возможность выполнять историко-просветительские, правозащитные и благотворительные функции (первоначально, прописанные в Уставе «Мемориала»). По сути, тот «Мемориал», который знали тагильчане, фактически перестал существовать.

14 марта 1998 года, на внеочередном собрании членов общества «Мемориал», большинством голосов, было принято решение о самороспуске организации (в полном соответствии с Законом РФ «Об общественных объединениях» и Уставом «Мемориала»).

Наиболее активные члены «Мемориала», находившиеся в числе инициаторов движения в 1988 году, продолжили работу по защите прав и увековечению памяти жертв политических репрессий, но уже в рамках других организаций: М.В. Золотухин – в рамках своего Нижнетагильского правозащитного центра, а В.М. Кириллов – в рамках проблемной исследовательской лаборатории «Историческая информатика» при Нижнетагильском государственном педагогическом институте.

Кроме того, в 1998 году, М.В. Золотухин зарегистрировал новую организацию – общественную организацию Нижнетагильский правозащитный центр «Мемориал», куда в итоге перешли все те, кто участвовал в создании «Мемориала» в 1980-е гг.

В свою очередь, «новые мемориальцы», во главе с Н. В. Рогозиной, зарегистрировали свою общественную организацию, под названием «Мемориал» по защите прав репрессированных, ветеранов тыла и инвалидов».

В 1998-м, Нижнетагильское историко-просветительское правозащитное благотворительное объединение «Мемориал» в лице М. Золотухина получило, как вновь созданная общественная организация, новый номер в реестре, свидетельство о регистрации и экземпляр Устава с печатью областного минюста. После получения новых регистрационных документов Нижнетагильский «Мемориал» заработал вновь. На первом же собрании обновленной организации

(18 ноября 1998 г.) перед его участниками выступил Михаил Золотухин и предложил на пост председателя «Мемориала» бывшего диссидента советского периода, тагильчанина Сергея Корехова. Данная кандидатура была поддержана единогласно.

Под эгидой «нового-старого» «Мемориала», в 1999 году вышла вторая Книга Памяти «Жертвы репрессий. Нижний Тагил – 1920-1980 годы», соавторами которой стали многие члены общества. Данная книга (тиражом 1000 экземпляров) представляла собой результат огромной организаторской работы общества «Мемориал», и была издана за счёт средств гранта зарубежного Фонда Форда, а также, при финансовой поддержке администрации г. Нижний Тагил.

В июне 1999 года, Нижнетагильский «Мемориал» получает предложение официально стать отделением Всероссийского общества «Мемориал», или войти в областное отделение последнего. Дело в том, что 9 апреля 1999 г. Министерством юстиции РФ был перерегистрирован Российский «Мемориал». В соответствии с новой редакцией Устава, его полное наименование стало звучать как – Общероссийская общественная организация «Российское историко-просветительское, благотворительное и правозащитное общество «Мемориал» (сокращенное наименование Российский «Мемориал»).

В Нижний Тагил были присланы копии перерегистрированного Устава и свидетельства о регистрации Российского Мемориала. На ближайшем собрании тагильские мемориальцы рассмотрели указанное предложение и абсолютным большинством голосов решили войти в Российский Мемориал. В этой связи также было решено перерегистрировать устав организации в облинюсте. Председателем Нижнетагильского отделения «Мемориал» стала Людмила Антоновна Халтурина. Также подобные предложения были сделаны Кириллову В.М. и Золотухину М.В., но они отказались вообще от членства в организации. Недолго пробывший председателем Сергей Корехов, также, был переизбран. Таким образом, с 1999 года, «Мемориал» стал равноправным участником международного движения по защите прав жертв тоталитарного режима (Российского «Мемориала»). Однако, историко-просветительской и правозащитной деятельностью «Мемориала» так и продолжили заниматься иные структуры: Нижнетагильский правозащитный центр М.В. Золотухина и проблемная лаборатория В.М. Кириллова.

В 1999 году В. М. Кириллов следующим образом комментирует положение дел в «Мемориале»: «Независимо от дальнейшей судьбы «Мемориала», основные задачи движения продолжают выполняться правозащитным центром и проблемной научно-исследовательской лабораторией “Банк данных: Нижнетагильский регион в XX веке” при НТГПИ. Правозащитный центр, возглавляемый М.В. Золотухиным, имеет независимую библиотеку, радиостанцию, регулярно выпускаемый бюллетень, общественную приемную, ведущую работу по решению проблем репрессированных или пострадавших от современного беззакония.

Руководимая мною проблемная лаборатория продолжает заниматься изучением репрессий на Урале. В ее работе принимают активное участие студенты пединститута. На историческом факультете НТГПИ уже третий год читается специальный курс «История репрессий и правозащитное движение в России», создан фонд правозащитной литературы. Все вышеперечисленные достижения – лишь внешнее проявление чего-то более важного. Под этим «более важным» я понимаю изменение мышления людей и их образа действий. Своей многолетней деятельностью мы восстановили доброе имя тысяч тагильчан, осознали свои права и свободы и научились их защищать. Таким образом, сделан шаг к созданию активного гражданского общества, без которого невозможно построение правового государства» [5, с. 39].

В целом 1990-е годы для Нижнего Тагила, с точки зрения развития движения по защите прав и увековечению памяти жертв политических репрессий, были крайне противоречивыми: насыщенная работа общественников переплеталась с внутренними, организационными проблемами.

Сначала 1990-х гг., «Мемориал» и «Нижнетагильский правозащитный центр» акцентировали внимание на исполнении Закона «О реабилитации» (что являлось общероссийской тенденцией), и отношения между местными органами и общественниками выстраивались в партнёрском формате. Например, «Мемориалу» было выделено помещение под офис (без оплаты аренды), отчасти оказывалась помощь в издании книг по репрессиям тагильчан в сталинский период Советской власти (например, администрация выделила 32 млн. рублей на издание второго тома «Книги Памяти», в котором содержатся сведения о 4000 человек, ставших жертвами сталинского террора в Нижнем Тагиле); бесплатно городом предоставлялись залы для проведения «Мемориалом» массовых мероприятий, оказывалась материальная поддержка (в виде продуктов питания и различной продукции предприятий) [3]; с 1995 года, администрация Нижнего Тагила организовывала торжественные мероприятия и поминальные обеды, связанные с памятной датой 30 октября [3]; а местные СМИ освещали эти события [1].

Ситуация меняется в конце 1990-х – начале 2000-х годов: в результате кризиса, в Нижнетагильском «Мемориале» происходит смена сопредседателей, после чего прежней поддержки от города, организация не имела (например, уже в 2001 году «Мемориал» остался без своего помещения) [8, л. 13].

К числу особенностей движения за увековечение памяти жертв политических репрессий в г. Нижний Тагил можно отнести т.н. «мемориалоцентризм», поскольку, именно в рамках данной организации проводилась научно-исследовательская и историко-просветительская деятельность по формированию/сохранению памяти о политических репрессиях в СССР.

Кроме того, «Мемориал» дал жизнь и другим общественным организациям, занимающимся отстаива-

нием прав жертв политрепрессий: если взглянуть на историю становления и развития общественных организаций города, то увидим, что Ассоциация жертв политических репрессий была образована в результате раскола в «Мемориале» и отделении ряда его активистов в 1994 году; а созданием Нижнетагильского правозащитного центра и Нижнетагильской инициативной группы Amnesty International в 1990-е годы занимался мемориалец М.В. Золотухин.

Другой особенностью движения за увековечение памяти жертв политических репрессий в Нижнем Тагиле является концентрация работы по сохранению памяти в рамках проблемной научно-исследовательской лаборатории «Исторической информатики» (при НТГПИ-НТГСПА): подготовка и издание Книг памяти о тагильчанах-жертвах репрессий; реализация проекта «Возвращённые имена»; организация и проведение

научно-практических конференций, чтение лекций по тематике политических репрессий.

Реконструкция истории становления общества «Мемориал» в г. Нижний Тагил показала, что развитие данной общественной организации проходило в русле общесоюзной тенденции. Кроме того, по аналогии с общероссийским опытом, Нижнетагильский «Мемориал», в 1990-е гг., значительно укрепил свои позиции в области формирования/сохранения исторической памяти о политических репрессиях в СССР, а партнёрские отношения с местными органами власти позволили продуктивно заниматься издательской деятельностью, открытием памятников и памятных знаков жертвам политических репрессий, восстановлением прав бывших политических заключённых, положенных им по Закону «О реабилитации».

Библиографический список

1. Вендер Д. День поминовения// Тагильский рабочий. 1995. №209 (19422). С. 2-3.
2. Золотухин М. В. История становления гражданского общества в Нижнем Тагиле (1988-2008 гг.). Нижний Тагил: ИД «Свой», 2014. 425 с.
3. Интервью Е. Г. Харитоновой с М. В. Золотухиным. Запись февраль-март 2018 года // Архив автора.
4. Кириллов В. М. Путь к свободе/ Золотухин М.В. История становления гражданского общества в Нижнем Тагиле (1988-2008 гг.). Нижний Тагил: ИД «Свой», 2014. 425 с.
5. Кириллов В. М. История репрессий в Нижнетагильском регионе Урала. 1920-е – начало 1950-х годов: В 2 ч. Ч. 2. Нижний Тагил: Урал. гос. пед. ун-т, Нижнетагильский гос. пед. ин-т, 1996.
6. Овчинникова Е. «Тагильский вариант»/ Золотухин М. В. История становления гражданского общества в Нижнем Тагиле (1988-2008 гг.). Нижний Тагил: ИД «Свой», 2014. 425 с.
7. О работе историко-поисковой группы общества «Мемориал» (по итогам к маю 1992 года) // Лаборатория «исторической информатики» НТГСПА.
8. Переписка общества «Мемориал» с администрацией г. Нижний Тагил, предпринимателями и членами общества о деятельности общества «Мемориал» с 15 февраля по 27 сентября 2001 года // НТГИА. Ф. 569. Оп. 1. Д. 96.
9. Пестов В. Воспоминания/ Золотухин М. В. История становления гражданского общества в Нижнем Тагиле (1988-2008 гг.). Нижний Тагил: ИД «Свой», 2014. 425 с.
10. Путилова Е. Г. «Мемориал»: становление. Москва: Издательство «Перо», 2013. 183 с.
11. Рубинштейн С. Непонятная ситуация// НТГИА. Ф. 569. П. 1. Д. 14. 30 л.
12. Тайц М. В городе создано историко-просветительское общество «Мемориал»/ Золотухин М.В. История становления гражданского общества в Нижнем Тагиле (1988-2008 гг.). Нижний Тагил: ИД «Свой», 2014. 425 с.
13. Устав Добровольного Гражданского Фонда // Там же.

References

1. Wender D. Memorial Day// Tagil worker. 1995. №209 (19422). P. 2-3.
2. Zolotukhin M. V. History of formation of civil society in Nizhny Tagil (1988-2008). Nizhny Tagil: ID "Own", 2014. 425 p.
3. Interview with E. G. Kharitonova M. V. Zolotukhin. Recording February-March 2018// archive of the author.
4. Kirillov V. M. the Way to freedom/ Zolotukhin M. V. History of formation of civil society in Nizhny Tagil (1988-2008). Nizhny Tagil: ID "Own", 2014. 425 p.
5. Kirillov V. M. History of repression in the Nizhny Tagil region of the Urals. 1920s-early 1950s: 2 hours 2. Nizhny Tagil Is The Ural. GOS. PED. UN-t, Nizhny Tagil state. PED. in-t, 1996.
6. Ovchinnikova E. "Tagil variant"/ Zolotukhin M. V. History of formation of civil society in Nizhny Tagil (1988-2008). Nizhny Tagil: ID "Own", 2014. 425 p.
7. On the work istoriko-search group "memorial" society (up to may 1992)// Laboratory "historical Informatics" NTGSPA.
8. The correspondence of the society "memorial" with the administration of Nizhny Tagil, entrepreneurs and members of the society on the activities of the society "memorial", from 15 February to 27 September 2001// NCGIA. F. 569. Op. 1. D. 96.
9. Pestov V. Memoirs/ Zolotukhin M. V. History of formation of civil society in Nizhny Tagil (1988-2008). Nizhny Tagil: ID "Own", 2014. 425 p.
10. Putilova E. G. "Memorial": formation. Moscow: Pero Publishing House, 2013. 183 C.
11. Rubinstein S. Strange situation// NCGIA. F. 569. Claim 1. D. 14. 30 L.
12. Tais M. Have created the historical and educational society "memorial"/ Zolotukhin, M. V. the History of formation of civil society in Nizhny Tagil (1988-2008 years). Nizhny Tagil: ID "Own", 2014. 425 p.
13. The Charter of Voluntary Civic Fund // the same.

УДК 94(470.319) «1942»

UDC 94(470.319) «1942»

ЩЕКОТИХИН Е.Е.

доктор исторических наук, профессор кафедры истории России, Орловский государственный университет имени И.С. Тургенева

E-mail: orelbitva@yandex.ru

АНДРЕЕВ Н.А.

заведующий музеем, Среднерусский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации

E-mail: andranik-1962@yandex.ru

SHCHEKOTIKHIN E.E.

Doctor of Historical Sciences, Professor, Department of Russian History, Orel State University

E-mail: orelbitva@yandex.ru

ANDREEV N.A.

Head of the Museum Central Russian Institute of Management – Branch of The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration

E-mail: andranik-1962@yandex.ru

ТРАГЕДИЯ РЯЗАНСКОЙ ДИВИЗИИ У СЕЛА ВЕСНИНЫ

THE TRAGEDY OF THE RYAZAN DIVISION NEAR THE VESNINI VILLAGE

В статье рассматривается Орловско-Болховская операция февраля – марта 1942 года на примере участия в ней 149-й стрелковой дивизии, сформированной в городе Рязани. Детально, на основе архивных документов, раскрываются подробности двух этапов боевых действий, которые в целом закончились неудачно, при этом дивизия понесла огромные потери. Вскрыты причины неудачи наступательных действий, которые были впоследствии учтены при прорыве фронта Орловской дуги в июле 1943 года.

В ходе штурма обороны противника у села Веснины советские воины проявили героизм, отмеченный высокими наградами.

Ключевые слова: Орловско-Болховская операция, 149-я стрелковая дивизия, хроника боевых действий, статистика потерь, героизм.

The article considers the Oryol-Bolkhov operation of February-March 1942 on the example of participation in it of the 149th rifle division formed in the city of Ryazan. Details, based on archival documents, reveal the details of the two stages of hostilities, which in general ended unsuccessfully, with the division suffering huge losses. The reasons of failure of offensive actions, which were subsequently considered at break of the front of the Orel arc in July, 1943, are revealed.

During the assault on the enemy's defense near the Vesniny village, Soviet soldiers showed heroism, marked by high awards.

Keywords: Orel-Bolkhov operation, 149th rifle division, chronicle of combat operations, statistics of losses, heroism.

В начале декабря 1941 г. 2-я танковая армия, наступавшая от Орла на Тулу, была остановлена на тульском оборонительном рубеже и понесла значительные потери, особенно в танках. В результате контрнаступления советских войск, опасаясь окружения, Гудериан вынужден был отдать приказ об отступлении и занять рубеж обороны по рекам Зуша и Ока. Немецкие войска, используя рельеф местности и особенно череду высот, тянувшихся по правому берегу реки Оки, перешли к обороне на фронте между Белёвом и Болховом, образовав, таким образом, **северный фас Орловской дуги** (здесь и далее выделено автором). Примерно в то же время наши войска, разгромив елецко-ливенскую группировку 2-й полевой армии противника, отбросили их к Мценску и Новосилу. И здесь, на реке Зуше, немцы, также используя высоты её левого берега, перешли к обороне, образовав **восточный участок Орловской дуги**. **Её южный фас** обозначился несколько позднее, когда войска 13-й армии в результате Орловской операции (третья декада февраля 1943 г.) освободили юго-восточные районы

Орловской области. В целом же **Орловская дуга** – 400-км участок советско-германского фронта – обрела свои окончательные очертания в марте 1943 года.

Теперь Орловский выступ, или **Орловский стратегический плацдарм** – «кинжал, направленный в сердце России – Москву» [1, с. 11–12], имеющий важное стратегическое значение, на длительное время стал предметом борьбы противоборствующих сторон. Два генеральных наступления на Орёл (январь – июнь 1942 г., январь – март 1943 г.) закончились безуспешно. И только третье стратегическое наступление в июле – августе 1943 г. закончилось крупным успехом: Орловский плацдарм был очищен от врага, а 5 августа был освобожден город Орёл.

Первое неудачное наступление войск Брянского фронта в начале второго года войны рассмотрим на примере участия в нем 149-й стрелковой дивизии (далее – сд).

Формирование дивизии

На основании директивы (№ 3211/орг.) Народного комиссара обороны Союза ССР т. Сталина от

29.11.1941 г. 149-я сд была сформирована в г. Рязани Московского военного округа.

Формирование соединения было возложено на командира дивизии полковника Федюнькина Ивана Фёдоровича и военного комиссара – старшего батальонного комиссара Голодаева Василия Михайловича, со сроком готовности к 15.02.42 г. Но к этому сроку она была укомплектована только на 64%. К моменту отправки на фронт (23.02.42 г.) дивизию успели укомплектовать полностью.

Основную часть дивизии составляли мужчины старших возрастов; 1210 человек, около 10%, были юноши призывного возраста (1923–1924 г.р.). В этом соединении ранее участвовали в боях: среди офицеров – 223, сержантов и старшин – 273, красноармейцев – 583, всего – 1079 бойцов и командиров. Только каждый десятый воевал ранее – мало, очень мало, если иметь в виду опыт ведения боя и передачу его своим товарищам.

Рассматривая национальный состав, следует отметить, что основной контингент составляли русские: их было 10 487 человек, или 89%; 355 украинцев, 112 белорусов, 620 татар, чувашей и мордовцев. Социальный статус: рабочие – 4688, крестьяне – 4387 и прочие – 2136 человек. В дивизии было: членов и кандидатов в члены ВКП(б) – 1318, членов ВЛКСМ – 2858, всего – 4176 человек, или 35%.

Боевая подготовка частей дивизии была организована в соответствии с программой ускоренной подготовки стрелковых частей Красной армии месячного срока обучения. «В период с 1 по 15.2.42 в частях проходили 4-дневные выходы в поле побатальонно с отрывом от зимних квартир (подвижный лагерь) с ночевкой в лесу (шалашах). На выходе отработаны: «марш и встречный бой усиленного батальона», «наступление стр. батальона на обороняющегося противника с боевой стрельбой артиллерии, минометов и ручных пулеметов», «атака населенного пункта днем и ночью в масштабе роты и батальона». Части совершали марш днем и ночью в среднем по 30–40 км в сутки. 5-дневный выход в поле дал хорошие результаты. Не было ни одного случая отставания.

На инспекторском смотре были отмечены недочеты:

а) средний начсостав не умеет четко ставить задачу подразделениям и организовать их взаимодействие, и главное – «слабо отработан вопрос управления в динамике боя»;

б) младший начсостав «не умеет четко отдавать приказ отделению, слабо отработан командный язык, отсутствует навык в организации взаимодействия огня и движения, не умеет правильно оценивать местность, не имеет достаточных навыков в управлении».

Следует знать, что почти 50% личного состава не прошли даже такой ускоренной подготовки, ввиду того что прибыли в свои части накануне отправки на фронт.

К началу боевых действий политико-моральное состояние личного состава было хорошее. «Дивизия к выполнению боевой задачи была готова», но «для освоения и сколачивания специальных подразделений (ст.

пулеметчиков, связистов, артиллеристов), в т.ч. противотанковой обороны, требуется при получении матчасти дополнительно 5 дней, а также доукомплектование недостающим имуществом, в особенности автотранспортом и конским составом» [2].

Таблица 1.

Боевой состав дивизии к началу операции укомплектован:

		По штату	Налицо	В %
1.	Старший и средний начсостав	991	965	96%
2.	Младший начсостав	2324	1485	64%
3.	Рядовой состав	8154	9373	113%
	Всего	11 469	11 823	103%

Обращает на себя внимание неуккомплектованность частей, и в первую очередь стрелковых полков, сержантским составом, который на поле боя играет важнейшую роль: командует отделениями, являясь помощником командиров взводов. От его выучки и опыта зависит выполнение боевой задачи стрелковыми подразделениями. Забегая вперед, отмечу, что одной из причин огромных потерь в боях за опорные пункты врага Веснины и Грынь была острая нехватка первичного руководящего звена стрелковых батальонов – сержантов и старшин (недоставало 36%, или трети штатного состава).

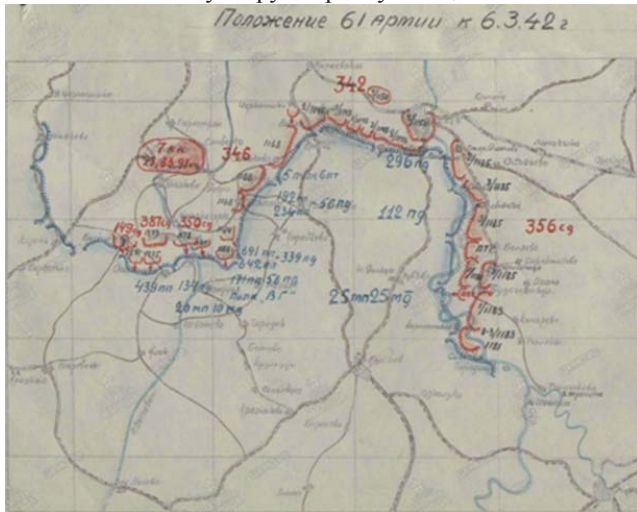
О ситуации на фронте

Итак, полностью укомплектованное, имеющее сравнительно неплохую подготовку соединение эшелонами прибыло на участок фронта предстоящих боевых действий и вошло в состав 61-й армии генерал-лейтенанта М.М. Попова.

В феврале 1942 года в районе к юго-западу от Белёва, на довольно обширном пространстве, отдаленном от левого берега Оки, сложилась своеобразная конфигурация фронта, которая предопределила кровавые боевые действия, продолжавшиеся почти непрерывно в течение трех последующих месяцев. Очертание линии фронта напоминало в миниатюре Орловскую дугу, уже сложившуюся к тому времени. На левом, самом большом участке Болховской дуги (назовем её так), от нп Болвановка до Фатьяново по правому берегу Оки расположились части 356-й сд. На вершине внешнего фронта, на участке Чернышино – Вейно – Мишенское (родина великого поэта Василия Жуковского, учителя А.С. Пушкина), находилась 342-я сд. Правый участок дуги от Вейно до Уколицы занимала 346-я сд; у основания, на очень коротком участке дуги, в районах нп Красногорье, Чухлово, Крапивна, находились в постоянной готовности к наступлению 350-я и 387-я дивизии (см. карту-схему положения 61-й армии к 6.03.42 г.).

Нетрудно догадаться о замысле командования Западного фронта. У Жукова начальником штаба был хорошо образованный генерал-лейтенант В.Д. Соколовский, что было редкостью в нашем генеральском корпусе. Он ли, сам Жуков или они вместе пришли к решению: из-под основания Болховской дуги

встречным ударом 149-й сд из района Вейно в направлении Болхова и 356-й сд из района Болвановка в том же направлении срезать Болховский выступ и замкнуть в котел сильнейшую группировку немцев.

Карта-схема положения войск 61-й армии в начале марта 1942 года (ЦАМО РФ. Ф. 418. Оп. 10695. Д. 38. Л. 1)

По внутреннему периметру Болховской дуги располагались следующие соединения и части: 25-й мп 25-й мд, 112-я, 296-я пд, 5-й пулеметный батальон, 56-я, 339-я пд, полк «Великая Германия», 20-й мп 10-й мд и 134-я пд. Итого – пять дивизий, два моторизованных, один танковый полк и один пульбатальон на 80 км фронта. Столь значительную концентрацию войск германское командование в это время имело только на Ржевско-Вяземском плацдарме.

В немецких штабах работали не дураки, а опытные офицеры, которые, основываясь на различных разведанных и анализе обстановки, учитывая очертания этого участка фронта, выяснили намерения нашего командования и предприняли контрмеры, подтянув и расположив у восточного и западного оснований (фасов) Болховской дуги достаточное количество частей, обладающих практикой оборонительных боев, полученной в ходе Елецко-Ливенской операции. Особенно сильная группировка была сосредоточена у западного фаса дуги на участке Дудоровский, Любовка, Веснины, Мелехово, Афонасово. Вполне логично, что именно там концентрация войск 61-й армии достигла своего предела и все они предназначались для прорыва фронта с дальнейшим продвижением нашей ударной группировки вглубь, к Болхову и дальше – к берегам р. Ока, навстречу 356-й дивизии, с целью отсечения немецких соединений от их тылов. Основным ядром нашей ударной группы являлась свежая рязанская 149-я дивизия полковника И.Ф. Федюнькина.

Из теперь обнародованного совершенно секретного документа особой важности, который называется «Оперативный очерк боевых действий Брянского фронта с 13 ноября 1941 г. по 1 апреля 1943 г.» [3], мы в подробностях узнаем о предстоящих драматических событиях.

Общая задача, поставленная советским командова-

нием, имела стратегическую целеустановку: «**уничтожение орловской группировки противника**». Замечу, что в это время Орловский плацдарм занимала 2-я танковая армия, наиболее сильная в вермахте и отнюдь не потрепанная. В январе 1942 года её соединения, приостановив отступление, успели прочно закрепиться на выгодных рубежах Зуши и Оки.

Штаб Брянского фронта спланировал операцию по уничтожению болховско-орловско-кромской группировки противника, получившую наименование «**Орловско-Болховской**» [4].

В соответствии с её планом главный удар наносился силами 61-й армии в общем направлении Белёв, Болхов, Мощеное, силами 3-й армии – в направлении Долгое, Хотетово, Бол. Быстрая: обходящими ударами захватить в клещи Орёл.

При рассмотрении дальнейшего хода боевых действий представляется интересным документ из фондов архива Западного фронта. Это приказ № 002 от 21.02.1942 г. командующего войсками Западного фронта генерала армии Г.К. Жукова «О подготовке наступательной операции с целью разгрома брянской группировки противника».

В приказе указано, что Ставка ВГК, придавая огромное значение Орловско-Брянскому промышленно-хозяйственному району, поставила задачу: «...к 5 марта разгромить болховско-жиздринско-брянскую группировку противника, занять Брянск и закрепиться по р. Десна».

Теперь 61-я армия, временно вошедшая в состав Западного фронта, изменяла направление главного удара. Ей ставилась «ближайшая задача – в тесном взаимодействии с ударной группой Брянского фронта к 2.03 разгромить болховскую группировку противника и выйти на рубеж Кцынь – Клён – Узкое, в дальнейшем наступать на Брянск» [5].

Как видим, без ликвидации болховской группировки немцев нельзя было взять Брянск и выйти на рубеж реки Десны. В противном случае она бы оставалась глубоко в тылу и создавала угрозу войскам Западного фронта.

Рязанская 149-я дивизия в жерновах войны

Рассмотрим подробно попытку разгрома болховской группировки врага на примере участия в боях 149-й стрелковой дивизии, которая 25 февраля прибыла эшелонами из Рязани и сосредоточилась на самом крайнем участке правого фланга 61-й армии генерала Попова. В это время на северо-западном участке фронта Орловской дуги – от устья р. Березуйка до устья р. Иста – почти все соединения и части 3-й армии втянулись в кровопролитные бои с целью прорыва обороны врага у села Кривцово.

Из журнала боевых действий 149-й стрелковой дивизии:

«В 22.00 25.02.42 был получен приказ № 024 Командующего 61 Армии с задачей: к исходу 27.2.42. овладеть ВЕСНИНЫ, ЛЮБОВКА, не допустив отхода пр-ка на ДУДОРОВСКИЙ, и одним батальоном с танка-

ми содействовать 387 сд наступлением на ВЕСНИНЫ. В дальнейшем частью сил наступать на ДУДОРОВСКИЙ. Исходное положение для наступления опушка леса сев. ВЕСНИНЫ, зап. окр. КРАПИВНА» [6].

В соответствии с приказом части 149-й сд утром 28 февраля перешли в наступление. Сильный пулеметный огонь и особенно из крупнокалиберных минометов из района церкви, снайперов, автоматчиков из домов и чердаков приостановил продвижение батальонов вперед. После введения в бой резервов и обработки обороны врага дивизионом гаубичного артполка, дивизионом РС, наши полки к 22.00 продвинулись вглубь села на 400 метров. Далее развернулись ожесточенные уличные бои, часто переходящие в рукопашные. Они продолжались всю ночь с 28.2 на 1.3.1942 г. В течение 1, 2 и 3 марта шли упорные бои с противником за овладение Веснины и Любовка и к исходу дня 3 марта батальоны овладели только северной частью Веснины. Закрепившись на достигнутом рубеже, части дивизии Федюнькина в течение последующих трех суток пытались пробиться к центру села, но в результате контратак немцев отходили назад.

«В ночь с 7-е на 8-е и в течение дня 8-го марта части 149 сд ведут упорный бой по овладению ЛЮБОВКА, юго-зап. частью ВЕСНИНЫ. Одновременно продолжая удерживать занимаемый рубеж.

<...>

В течение 9.3.42 части 149 сд вели упорные бои с пр-ком по овладению ВЕСНИНЫ.

568 сп, силою двух стрелковых рот 3 стрелкового батальона, усиленных станковыми и ручными пулеметами, продвинулся к центру юго-зап. окраины ВЕСНИНЫ. Встретив сильный пулеметно-минометный огонь противника, залег. 1/568 сп, усиленный полковой школой, ведет упорный бой за овладение ЛЮБОВКА» [7].

В результате боев с 28.02 по 9.03.42 г. в районе Веснины – Любовка частями 149-й сд: «убито 1500 и ранено 2000 чел., уничтожено два танка, 18 ДЗОТов, склад с боеприпасами, подавлены две минометные батареи, захвачено знамя, взяты в плен 3 ефрейтора и 3 солдата 134-й пд врага» [8].

Позиционные бои частей 149-й дивизии за овладение Веснины затянулись и постепенно угасли к 10 марта 1942 года. Крупный населенный пункт с 350 дворами, расположенный на господствующей высоте 229,2 и превращенный немцами в опорный узел, всё-таки остался в руках врага, хотя рубеж обороны прошел через центр села. Позиционное противостояние продолжалось до 24 марта. Затем 149-я дивизия, передав свой боевой участок 387-й сд, «приводит себя в порядок и ведет подготовку к выполнению особой задачи».

О приобретениях и потерях

В течение 25 и 26 марта части дивизии боевых действий с противником не вели. Совершали марш в район сосредоточения для выполнения особой задачи. К исходу 26 марта 149-я сд вышла на исходное положение для наступления: 569-й сп занял позиции в лесу 1 км

северо-западнее отм. выс. 240,7; 744-й сп – в лесу юго-западнее Новогрынь; 479-й сп – западнее Новогрынь; артиллерия – западнее Новогрынь. Всю ночь по приказу № 032 шла подготовка штурмовых групп, производили рекогносцировку, оборудовали ОП, НП и КП.

С утра «27.3.42 части 149 сд при поддержке танков, артиллерии под сильным огнем минометов и пулеметов пр-ка ведут бой за овладение населенным пунктом ГРЫНЬ» [9].

Наступление частей 149-й сд, проведенное на новом участке, закончилось успехом. В боях с 3 по 7 апреля были захвачены господствующие высоты 235,4, 243,4, 243,6, 235,6, освобождены селения Грынь, Брежнево, Паком, Громоздово, Куреньтьево, Касьяново, Тимофеенки и др.

При наступлении в начале апреля 1942 г. на участке Грынь – Касьяново – Гулякин частями дивизии уничтожено до пяти батальонов пехоты, девять танков, семь орудий разных калибров, три легковые машины, одна грузовая, один обоз, восемь дзотов. Подавлены четыре минбатареи, батарея тяжелой артиллерии, уничтожен склад боеприпасов, взяты в плен семь немецких солдат 519-го пп, захвачено знамя.

8 апреля 149-я дивизия, выполняя приказ командования 61-й армии № 033, в течение дня уничтожила внешние линии оборонительных сооружений у НП Новая Деревня, Старые Выселки, Аннина, подошла к дзотам и дважды безуспешно атаковала их. В результате тяжелых потерь личного состава была вынуждена отойти на исходное положение. С 9 апреля 149-я сд боевых действий не вела. Части дивизии приводили себя в порядок и готовились к летним наступательным боям.

В результате двух кровопролитных сражений за узловые пункты Веснины и Грынь части 149-й сд потеряли 11 955 человек [10] (с учетом выбывших по болезни в госпитали), что на 142 человека больше первоначального состава соединения – 11 813 человек. Таким образом, произошла практически полная ротация личного состава, за исключением небольшого количества офицеров и легкораненых, которые оставались в дивизии. За два года боевых действий на участке фронта от Белёва до Новосила примера таких вопиющих потерь больше нет. Замечу, что контингент 149-й сд в основном составляли мужчины и молодежь 1918-1924 годов рождения исключительно русской национальности – жители города Рязани и Рязанской области, в большинстве своем неженатые. Из оставшихся в живых раненых солдат и офицеров до Победы дожили единицы. Если бы не война, у каждого погибшего была бы семья и не менее двух детей. Это значит, что с учетом косвенных потерь (около 20 тысяч чел., не рожденных по причине смерти «несостоявшихся» отцов) только в результате урона одной рязанской дивизии страна недосчиталась более 30 тысяч граждан. В этих боях немцы потеряли максимум 3 тыс. солдат и офицеров. Эти данные интересуют меня лишь в контексте достижения Победы: не уничтожив врага, наши отцы и деды не могли дойти до Берлина. Но соотношение потерь, как правило, 1 : 4 не в нашу пользу.

зу, как в оборонительных, так и в наступательных боях, всегда шокирует и приводит в недоумение. И в данном случае, практически не достигнув цели и не выполнив задач операции (прорыв фронта и освобождение городов Болхова и Орла), наши части понесли катастрофические и неоправданные потери. И так продолжалось зимой 1942-го и зимой 1943 года, когда на фронте от Ржева до Мценска целые дивизии за месяц-другой теряли в безрезультативных боях почти полный состав.

Дан приказ: наступать!

Во исполнение предыдущих директив Ставки ВГК, где речь шла «об уничтожении жиздринско-болховской группировки противника», последовал приказ командующего Западным фронтом Г.К. Жукова № 047/оп от 22 марта 1942 г. командующему 61-й армией «Об уточнении плана проведения наступательной операции по разгрому болховской группировки противника» [11], в котором было сказано: «Операцию по разгрому болховской группировки противника приказываю расчленить на два этапа:

1. Первый этап операции – **уничтожить противника в районе Кирейково, Зайцево (иск.), Белёв** с выходом и закреплением на рубеже Кирейково, Зайцево, Курносовка не позднее 2.4. <...> Начать наступление 27.3.

2. Второй этап операции – **уничтожить болховскую группировку противника, овладеть г. Болхов** с выходом на рубеж р. Рессета, Долина, Еленск, Пешкова, Борилово. Для решения задачи второго этапа операции

группировку создать на правом фланге армии в составе до четырех сд, танковой бригады, двух ап РГК и двух дивизионов РС.

Главный удар нанести в направлении Крапивна, Шваново <...> в обход г. Болхова с юго-запада» [12].

Из данного приказа становится понятно, что с этого момента инициатива по взятию Болхова и разгрому находящейся там группировки противника переходит к командующему Западным фронтом генералу армии Г.К. Жукову. Теперь войскам генерала Попова предстояло осуществить прорыв фронта с единственной целью: взять Болхов и разгромить болховскую группировку.

Следует знать, что Жуков, имея «семь пядей во лбу» и обладая огромными возможностями притягивать на свое направление большие резервы, часто не выполнял задач, определенных директивами Ставки ВГК. К тому же его армии, корпуса, дивизии, оказавшиеся в окружении, почти полностью уничтожались немцами, как это было в ржевско-вяземском котле в феврале – апреле 1942 года. Когда 61-я армия вновь вернулась в состав Брянского фронта, её потери только за март – апрель составили 4884 убитыми, 2630 пропавшими без вести, 14 504 ранеными. Всего – 22 018 человек [13].

Потери в дивизиях Западного и Брянского фронтов в первом полугодии 1942 года были настолько огромны, что они не восполнялись маршевыми ротами, дено и ночью направляемыми в войска службами тыла. Мужчин стало не хватать. Тогда был принят цикл постановлений ГКО о мобилизации женщин, которые должны были заменить мужчин в войсках связи, ПВО, автомо-

39-52 Танков -2, Орудия 4-4, зенитных установок-1, ручных пулеметов-24, самоходных пушек-2, минометов-14, откидных пулеметов 4, винтовок 119, автоматов-15, Препараторов-15, снарядов равных калибров-543, мин равных 353 шт., ПРЖЕВ-3, ручных гранат-1004, зап. отводов к пулемету-17, лент пулеметных с патронами 150 шт., патронов винтовочных 7510, ПРЖЕВ-4, легк. орудия-4, минометов 18 шт., аппаратов и дымовых-5, оптических приборов 3, велосипедов-4, лошадей-30. Кроме того захвачено болховское имущество немецкого имущества. Также при этом оставлены: грузовых машин-4, легковых-3, нашей марки. ПОТЕРИ ЛИЧНОГО СОСТАВА С 26.2. по 26.4.42. В боях с 26 февраля по 12-е апреля с немецким фашизмом части 149 сд имеют потери: 1. УБИТО И УМЕРЛО НА ПУТИ СМ. ОБАУ-АНИ <table> <tr><td>а/ Нач. состава</td><td>130 чел.</td></tr> <tr><td>б/ Младшего нач. состава</td><td>244 чел.</td></tr> <tr><td>в/ Рядового состава</td><td>1743 чел.</td></tr> <tr><td>ИТОГО</td><td>2117 чел.</td></tr> </table> 2. РАНЕНО КОНЧИТЕЛЬНО ОБРАБОТАНО И ПРОЧ. С ОБАУАНИ В ГОСПИТАЛЕ <table> <tr><td>а/ Нач. состава</td><td>392 чел.</td></tr> <tr><td>б/ Младшего нач. состава</td><td>755 чел.</td></tr> <tr><td>в/ Рядового состава</td><td>6155 чел.</td></tr> <tr><td>ИТОГО</td><td>7342 чел.</td></tr> </table> 3. ЗАБОЛЕЛО С ОБАУАНИ В ГОСПИТАЛЕ <table> <tr><td>а/ Нач. состава</td><td>28 чел.</td></tr> <tr><td>б/ Младшего нач. состава</td><td>80 чел.</td></tr> <tr><td>в/ Рядового состава</td><td>224 чел.</td></tr> <tr><td>ИТОГО</td><td>282 чел.</td></tr> </table> 4. ОБМОРОЖЕНО С ОБАУАНИ В ГОСПИТАЛЕ <table> <tr><td>а/ Нач. состава</td><td>1 чел.</td></tr> <tr><td>б/ Младшего нач. состава</td><td>2 чел.</td></tr> <tr><td>в/ Рядового состава</td><td>5 чел.</td></tr> <tr><td>ИТОГО</td><td>8 чел.</td></tr> </table>	а/ Нач. состава	130 чел.	б/ Младшего нач. состава	244 чел.	в/ Рядового состава	1743 чел.	ИТОГО	2117 чел.	а/ Нач. состава	392 чел.	б/ Младшего нач. состава	755 чел.	в/ Рядового состава	6155 чел.	ИТОГО	7342 чел.	а/ Нач. состава	28 чел.	б/ Младшего нач. состава	80 чел.	в/ Рядового состава	224 чел.	ИТОГО	282 чел.	а/ Нач. состава	1 чел.	б/ Младшего нач. состава	2 чел.	в/ Рядового состава	5 чел.	ИТОГО	8 чел.	40-53 5. ПРОПАЛО БЕЗ ВЕСТИ <table> <tr><td>а/ Нач. состава</td><td>30 чел.</td></tr> <tr><td>б/ Младшего нач. состава</td><td>132 чел.</td></tr> <tr><td>в/ Рядового состава</td><td>1641 чел.</td></tr> <tr><td>ИТОГО</td><td>1803 чел.</td></tr> </table> 6. ПОПАЛО В ПЛЕН <table> <tr><td>а/ Младшего нач. состава</td><td>6 чел.</td></tr> <tr><td>б/ Рядового состава</td><td>20 чел.</td></tr> <tr><td>ИТОГО</td><td>26 чел.</td></tr> </table> 7. ПО ДРУГИМ ПРИЧИНАМ <table> <tr><td>а/ Нач. состав</td><td>2 чел.</td></tr> <tr><td>б/ Младшего нач. состав</td><td>3 чел.</td></tr> <tr><td>в/ Рядового состава</td><td>24 чел.</td></tr> <tr><td>ИТОГО</td><td>29 чел.</td></tr> </table> ПОТЕРИ В КОМ-СОСТАВЕ С 26.2. по 12.4.42. частями 149 сд потеряно нового состава. <table> <tr><td>а/ Убито</td><td>155 дош.</td></tr> <tr><td>б/ Погиб</td><td>85 дош.</td></tr> <tr><td>в/ Ранено и контужено</td><td>15 дош.</td></tr> <tr><td>г/ Заболело с эвакуацией в диваларет</td><td>23 дош.</td></tr> <tr><td>д/ Пропадо без вести</td><td>7 дош.</td></tr> </table> ИТОГО ПОТЕРЬ <table> <tr><td>а/ Нач. состава</td><td>63 чел.</td></tr> <tr><td>б/ Младшего нач. состава</td><td>1171 чел.</td></tr> <tr><td>в/ Рядового состава</td><td>10152 чел.</td></tr> <tr><td>ИТОГО</td><td>11986 чел.</td></tr> </table>	а/ Нач. состава	30 чел.	б/ Младшего нач. состава	132 чел.	в/ Рядового состава	1641 чел.	ИТОГО	1803 чел.	а/ Младшего нач. состава	6 чел.	б/ Рядового состава	20 чел.	ИТОГО	26 чел.	а/ Нач. состав	2 чел.	б/ Младшего нач. состав	3 чел.	в/ Рядового состава	24 чел.	ИТОГО	29 чел.	а/ Убито	155 дош.	б/ Погиб	85 дош.	в/ Ранено и контужено	15 дош.	г/ Заболело с эвакуацией в диваларет	23 дош.	д/ Пропадо без вести	7 дош.	а/ Нач. состава	63 чел.	б/ Младшего нач. состава	1171 чел.	в/ Рядового состава	10152 чел.	ИТОГО	11986 чел.
а/ Нач. состава	130 чел.																																																																								
б/ Младшего нач. состава	244 чел.																																																																								
в/ Рядового состава	1743 чел.																																																																								
ИТОГО	2117 чел.																																																																								
а/ Нач. состава	392 чел.																																																																								
б/ Младшего нач. состава	755 чел.																																																																								
в/ Рядового состава	6155 чел.																																																																								
ИТОГО	7342 чел.																																																																								
а/ Нач. состава	28 чел.																																																																								
б/ Младшего нач. состава	80 чел.																																																																								
в/ Рядового состава	224 чел.																																																																								
ИТОГО	282 чел.																																																																								
а/ Нач. состава	1 чел.																																																																								
б/ Младшего нач. состава	2 чел.																																																																								
в/ Рядового состава	5 чел.																																																																								
ИТОГО	8 чел.																																																																								
а/ Нач. состава	30 чел.																																																																								
б/ Младшего нач. состава	132 чел.																																																																								
в/ Рядового состава	1641 чел.																																																																								
ИТОГО	1803 чел.																																																																								
а/ Младшего нач. состава	6 чел.																																																																								
б/ Рядового состава	20 чел.																																																																								
ИТОГО	26 чел.																																																																								
а/ Нач. состав	2 чел.																																																																								
б/ Младшего нач. состав	3 чел.																																																																								
в/ Рядового состава	24 чел.																																																																								
ИТОГО	29 чел.																																																																								
а/ Убито	155 дош.																																																																								
б/ Погиб	85 дош.																																																																								
в/ Ранено и контужено	15 дош.																																																																								
г/ Заболело с эвакуацией в диваларет	23 дош.																																																																								
д/ Пропадо без вести	7 дош.																																																																								
а/ Нач. состава	63 чел.																																																																								
б/ Младшего нач. состава	1171 чел.																																																																								
в/ Рядового состава	10152 чел.																																																																								
ИТОГО	11986 чел.																																																																								

Копии страниц журнала боевых действий 149-й сд, отражающие потери в начале 1942 года (ЦАМО РФ. Ф. 1378. Оп. 1. Д. 6. Л. 52-53)

бильных и других частях. Одно из первых – № 1595сс «О замене в фронтовых, армейских и запасных частях связи и тыловых узлах связи красноармейцев женщинами». Подтверждением призыва женщин является документ, обнаруженный мною в фондах 61-й армии:

«На основании телеграфного распоряжения военкома ТАССР Чистопольский РВК направляет в ваше распоряжение девушек в количестве 55 человек.

Национальный состав: 50% русских, 50% татарок; 30% члены ВЛКСМ и ВКП(б); образование – от 7 классов и выше; 1921–1923 гг. рождения.

Райвоенком политрук Фролов

Начальник 1 части техник-интендант 1 ранга Птичкин

30 июня 1942 года» [14].

Как это ни парадоксально, даже тогда, когда немецкие войска начиная с июля 1943 года стали нести на Восточном фронте существенные потери, гитлеровское командование не издавало приказов о призыве женщин в ряды вермахта – они там не служили.

О том, как мы в это время не умели воевать...

2 апреля 1942 года командующим Брянским фронтом был назначен генерал-лейтенант Ф.И. Голиков. Ознакомившись с обстановкой, 12 апреля он послал начальнику Генштаба свои соображения «О временном прекращении наступления 61-й армии», где сообщал, что «61-я армия, не имея достаточных сил, успеха в наступлении 8–11 апреля не добились. Раскисшие дороги исключают возможность маневра частей и подвоза боеприпасов. Авиация лишена возможности работать – аэродромы раскисли». Поэтому он посчитал «целесообразным временно приостановить наступательные действия 61-й армии». Частям генерала Попова предписывалось: «закрепиться на рубеже переднего края обороны: Веснины, южн. окр. Крапивна, Косовка, отм. 165,0, Песоченка (Комаровка), отм. 257,4, отм. 241,1, Озеренский, отм. 251,0, юго-вост. окраина Передель, Митрохин, Романовка, р. Бобрик, выс. 227,7, Стар. Дольцы, Михайловский. Указанный рубеж обороны занять пятью сд (387, 346, 350, 342 и 356). Вывести во второй эшелон: 149 сд в район Дубна, Грынские Дворики, Брежнево, Куреньяево, Слобода; 60 сд в район Кузнецово, Бакино, Собакино, Свободный Труд» [15].

Нетрудно догадаться, почему у Голикова появилась фраза «61-я армия, не имея достаточных сил...». 149-я и 60-я дивизии выводились с передовой: их войска понесли в непрерывных боях поражающие воображение

потери, подтвержденные документами Подольского архива. Только в марте 149-я сд потеряла 3978 человек убитыми и пропавшими без вести, 7642 – ранеными. В марте она несколько раз пополнялась маршевыми ротами. 60-я дивизия за март имела урон в 6503 человека (убитыми – 908, ранеными – 5595). Следует учесть, что эта же многострадальная дивизия в боях за Кривцово в феврале 1942 г. потеряла 5761 человека. Всего 12 264 бойцов и командиров [16]. Т.е. за два месяца почти непрерывных боев произошла полная ротация личного состава соединения.

Орловско-Болховская операция, как никакая другая операция на центральном участке советско-германского фронта зимы 1942 года, являет собой пример боевых действий, когда огромные потери не были оправданы результатом. Сердце и душу пронизывают горечь и печаль за горьковских, саратовских, рязанских, липецких парней, бесцельно погибших на окских берегах в районах Белёва.

Доктрина полководца Жукова: штурмовать, до последнего солдата, – в очередной раз проявилась в наступлении у д. Веснины Ульяновского района Орловской области (ныне Калужской) в марте 1942 года. Именно до последнего солдата пыталась взять штурмом село Веснины 149-я стрелковая дивизия. За две попытки по прорыву обороны противника – с 28.02 по 9.03 и с 23 по 28.03.42 г. (17 суток боев) – дивизия потеряла весь свой личный состав, если не считать 282 бойцов, выбывших в госпиталь по болезни.

Анализ потерь личного состава 149-й сд приводит к определенным выводам, суть которых сводится к однозначному заключению: тогда мы не умели воевать, и подтверждает сложившееся мнение ветеранов войны, чудом оставшихся в живых, о том, что «мы завалили немцев трупами». И в 1941-м, и в 1942 году Красная армия «воевать надлежащим образом» не умела. Особенно это касалось высшего командного состава, который планировал операции, совершенно не считаясь с обстановкой на фронте и наличием противостоящих Красной армии сил вермахта.

Планируя операцию по прорыву фронта к западу от Ульяново, советское командование упустило из виду главный момент, определяющий успех операции: враг контролировал все господствующие высоты, расположенные вокруг села Веснины: 232,7, 235,8, 229,1. Это и определило кровавую бойню, которую устроили немцы бойцам и командирам дивизии, сформированной из потомков древних вятичей. Мороз по коже, когда

Таблица 2.

Потери личного состава 149-й стрелковой дивизии в боях с 28 февраля по 28 марта 1942 года [17]

Категория личного состава	Убито и умерло на пути эвакуации	Ранено, с эвакуацией в госпиталь	Обморожено, с эвакуацией в госпиталь	Пропало без вести	Попало в плен	Итого
Начсостав	180	392	1	30		603
Младший начсостав	244	755	2	132	6	1139
Рядовой состав	1743	6495	5	1641	20	9904
Всего	2167	7642	8	1803	26	11 646

видишь цифры потерь на архивных листах: «В течение четырехдневных боев (с 28.2 по 3.03) дивизия потеряла убитыми ст. и ср. начсостава 34 чел., мл. начсостава и ряд. – 249 чел.; ранеными: ст. и ср. начсостава 65 чел., мл. начсостава и ряд. – 645 человек. Выбыло из строя 2 командира полка, один комиссар полка, один командир дивизиона, 2 помначштаба полка, 6 комбатов, 11 командиров рот» [18]. А между тем бои продолжались. «С 28.2 по 10.3 потери дивизии: начсостав – убито 88, ранено 210, пропало без вести 9 человек; младший и рядовой состав – убито 1416, ранено 2935, пропало без вести 321 чел.» [19]. Общие потери 149-й сд с учетом выбывших по болезни – 5033 человека за 10 дней.

Убийственный рекорд, какого я еще не встречал, просмотрев сотни архивных папок, перелистав тысячи архивных страниц. Ежедневно, в течение десяти дней, дивизия теряла 500 русских парней. Они были убиты на снежных холмах или пролили свою кровь в боях на окраинных улицах крупного селения с красивым русским названием Веснины.

Ладно был бы результат, тогда хоть как-то можно было оправдать такие вопиющие потери. Но Веснины и высоты вокруг села остались в руках противника, который сдерживал наше наступление на Болхов до середины июля 1943 года.

Героизм воинов 149-й стрелковой дивизии

Как всегда, как и на всех участках советско-германского фронта, воины стрелковых подразделений героически сражались и совершали подвиги, невзирая на то, что не были обеспечены в должной мере артиллерией, огнем станковых пулеметов, поддержкой танков и авиации.

За мужество и отвагу, проявленные в боях с немецкими оккупантами, Военный совет 61-й армии награждал из числа начсостава – 15, младшего начсостава – 7, рядового состава – 18 человек. Итого – 40 человек [20].

Балякина Клавдия Алексеевна – санинструктор 744-го сп. В бою с немецкими оккупантами за с. Веснины вынесла с поля боя 150 раненых бойцов и командиров вместе с их оружием. В одном из боев вышел из строя командир отделения, бойцы не знали, что делать. Тогда тов. Балякина, находившаяся в этом отделении, со словами «Отомстим, товарищи, за нашего командира» повела бойцов вперед, за отделением поднялся взвод. Фашисты не выдержали напора наших бойцов и отступили.

Куфонин – лейтенант, командир взвода 568-го сп, в бою с немецкими оккупантами за с. Веснины 9 марта 1942 г. с группой бойцов открыл огонь по скоплению фашистов. Фашисты обратились в бегство, оставив 11 трупов убитых солдат и офицеров.

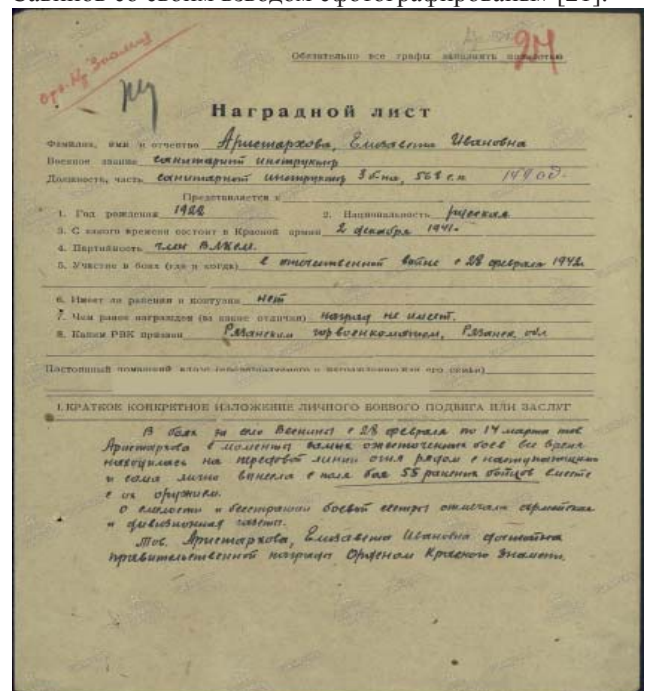
Ляляева Мария Михайловна – военфельдшер 479-го сп. За время боевых действий с 4 по 11 марта под огнем противника вынесла с поля боя 48 раненых вместе с их оружием.

Жданова – санинструктор 744-го сп. В боях с немецкими оккупантами в течение двух месяцев, несмо-

тря на сильный огонь противника, вынесла с поля боя 300 раненых бойцов и командиров вместе с их оружием.

Аристархова – санинструктор 568-го сп. В боях с немецкими оккупантами в течение двух месяцев под сильным огнем противника вынесла с поля боя около 300 раненых бойцов и командиров вместе с их оружием.

Савинов – командир взвода пеших разведчиков 479-го сп 31 марта 1942 г. получил задачу произвести разведку укреплений противника в д. Дубенские Выселки. «Установив, что в ней находятся 8 автоматчиков противника, тов. Савинов с группой бойцов в количестве 15 человек скрытно подошли к деревне, закидали дома ручными гранатами, в результате чего трех фашистов убили, одного взяли в плен, остальные бежали, тем самым очистили деревню от немецких оккупантов. Тов. Савинов со своим взводом сфотографированы» [21].

Копия наградного листа санинструктора Е.И. Аристарховой (ЦАМО РФ. Ф. 33. Оп. 682524. Д. 403. Л. 24).

«5 апреля 1942 года командование 149 сд получило вторичную телеграмму от Военного Совета Западного фронта следующего содержания:

Военному Совету 61 А вручить немедленно командиру 149 сд.

Копия всем Военным Советам всех армий Западного фронта.

Ударная группа 61 Армии в составе 342, 149, 350 сд, 1168 сп 346 сд, 1185 сп 356 сд при поддержке подразделений 60 тбр, 138 и 207 артполков РГК, 201 и 40 ГМД добросовестно выполняет поставленные ей боевые задачи, нанося сокрушительные удары врагу. Блестящие действия ударной группы заслуживают восхищения.

Прошу передать всем бойцам, командирам и политработникам наступающих частей мою БЛАГОДАРНОСТЬ. Ваши действия по разгрому врага будут такими же успешными и стремительными и приведут в ближайшие 2–3 дня к освобождению города БОЛХОВ от немецких захватчиков.

Подписи: Жуков, Хохлов» [22].

Отмечу, что ни в феврале, ни в апреле 1942-го, ни в феврале 1943 года Болхов не был освобожден от не-

мецких войск. Он был освобожден только с четвертой попытки 29 июля 1943 года войсками 61-й армии при содействии соединений 4-й танковой армии.

Библиографический список

1. В боях за Орёл. Сборник статей. М.: Госполитиздат, 1944 / Н.А. Таленский. Раздел первый «Орловская битва». С. 11–12.
2. Все данные по личному составу и потерям в боях приводятся по ЖБД 149-й сд: ЦАМО РФ. Ф. 1378. Оп. 1. Д. 6. Л. 1–29.
3. ЦАМО РФ. Ф. 202. Оп. 5. Д. 189. Л. 1. (Оперативный очерк боевых действий Брянского фронта с 13 ноября 1941 г. по 1 апреля 1943 г.).
4. ЦАМО РФ. Ф. 202. Оп. 5. Д. 189. Л. 20.
5. ЦАМО РФ. Ф. 148а. Оп. 3408. Д. 106. Л. 238.
6. ЦАМО РФ. Ф. 1378. Оп. 1. Д. 6. Л. 30.
7. ЦАМО РФ. Ф. 1378. Оп. 1. Д. 6. Л. 33.
8. ЦАМО РФ. Ф. 1378. Оп. 1. Д. 6. Л. 34.
9. ЦАМО РФ. Ф. 1378. Оп. 1. Д. 6. Л. 41.
10. ЦАМО РФ. Ф. 1378. Оп. 1. Д. 6. Л. 52–53.
11. Копия приказа была направлена начальнику Генерального штаба Красной армии.
12. ЦАМО РФ. Ф. 208. Оп. 2511. Д. 1048. Л. 102.
13. ЦАМО РФ. Ф. 202. Оп. 7. Д. 71. Л. 165.
14. ЦАМО РФ. Ф. 61 А. Оп. 10736. Д. 1. Л. 165.
15. ЦАМО РФ. Ф. 202. Оп. 9. Д. 32. Л. 56–57.
16. ЦАМО РФ. Ф. 310. Оп. 4381. Д. 9. Л. 265–373.
17. ЦАМО РФ. Ф. 1378 (149 сд). Оп. 1. Д. 6. Л. 52–53.
18. ЦАМО РФ. Ф. 1378. Оп. 1. Д. 6. Л. 32.
19. ЦАМО РФ. Ф. 418. Оп. 10695. Д. 38. Л. 5.
20. ЦАМО РФ. Ф. 1378. Оп. 1. Д. 6. Л. 67.
21. ЦАМО РФ. Ф. 1378. Оп. 1. Д. 6. Л. 55–65.
22. ЦАМО РФ. Ф. 1378. Оп. 1. Д. 6. Л. 67.

References

1. In the battle for Oryol. Collected papers. M.: Gospolitizdat, 1944 / N. A. Talansky. Section one «Battle of Oryol». Pp. 11–12.
2. All data on personnel losses in the battle are taken from the War Diary of IBD 149th RD: RF Central Archive of the Ministry of Defense. F. 1378. R. 1. C. 6. L. 1–29.
3. RF Central Archive of the Ministry of Defense. F. 202. R. 5. C. 189. L. 1. (Operational sketch of the fighting of the Bryansk front from November 13, 1941 to April 1, 1943).
4. RF Central Archive of the Ministry of Defense. F. 202. R. 5. C. 189. L. 20.
5. RF Central Archive of the Ministry of Defense. F. 148a. R. 3408. C. 106. L. 238.
6. RF Central Archive of the Ministry of Defense. F. 1378. R. 1. C. 6. L. 30.
7. RF Central Archive of the Ministry of Defense. F. 1378. R. 1. C. 6. L. 33.
8. RF Central Archive of the Ministry of Defense. F. 1378. R. 1. C. 6. L. 34.
9. RF Central Archive of the Ministry of Defense. F. 1378. R. 1. C. 6. L. 41.
10. RF Central Archive of the Ministry of Defense. F. 1378. R. 1. C. 6. L. 52–53.
11. A copy of the order was sent to the chief of the General staff of the Red Army.
12. RF Central Archive of the Ministry of Defense. F. 208. R. 2511. C. 1048. L. 102.
13. RF Central Archive of the Ministry of Defense. F. 202. R. 7. C. 71. L. 165.
14. RF Central Archive of the Ministry of Defense. F. 61 A. R. 10736. C. 1. L. 165.
15. RF Central Archive of the Ministry of Defense. F. 202. R. 9. C. 32. L. 56–57.
16. RF Central Archive of the Ministry of Defense. F. 310. R. 4381. C. 9. L. 265–373.
17. RF Central Archive of the Ministry of Defense. F. 1378 (149 RD). R. 1. C. 6. L. 52–53.
18. RF Central Archive of the Ministry of Defense. F. 1378. R. 1. C. 6. L. 32.
19. RF Central Archive of the Ministry of Defense. F. 418. R. 10695. C. 38. L. 5.
20. RF Central Archive of the Ministry of Defense. F. 1378. R. 1. C. 6. L. 67.
21. RF Central Archive of the Ministry of Defense. F. 1378. R. 1. C. 6. L. 55–65.
22. Central Archive of the Ministry of Defense. F. 1378. R. 1. C. 6. L. 67.

УДК 94(470.319) «1943»

UDC 94(470.319) «1943»

ЩЕКОТИХИН Е.Е.

доктор исторических наук, профессор кафедры истории России, Орловский государственный университет имени И.С. Тургенева
E-mail: orelbitva@yandex.ru

SHCHEKOTIKHIN E.E.

Doctor of Historical Sciences, Professor, Department of Russian History, Orel State University
E-mail: orelbitva@yandex.ru

АРМИЯ БАГРАМЯНА В СРАЖЕНИИ ЗА ЖИЗДРУ ЗИМОЙ 1943 ГОДА

BAGRAMYAN'S ARMY IN THE BATTLE OF ZHIZDRA IN THE WINTER OF 1943

В статье впервые в отечественной историографии рассматривается Жиздринская операция войск 16-й армии генерала Баграмяна с 22 февраля по 10 марта 1943 года, целью которой был прорыв фронта и освобождение города Брянска. Детально, на основе архивных документов, раскрываются подробности боевых действий, которые в целом закончились неудачно, при этом войска понесли огромные потери. В ходе штурма обороны противника советские воины проявили героизм, отмеченный высокими наградами.

В заключении представлен анализ деятельности руководства, вскрыты причины неудачи наступательных действий, которые были впоследствии учтены при прорыве фронта Орловской дуги в июле 1943 года.

Ключевые слова: Орловский плацдарм, Жиздринская операция, 16-я армия Баграмяна, статистика потерь, героизм.

For the first time in Russian historiography, the article deals with the Zhizdrin operation of the 16th Army troops of General Bagramyan from February 22 to March 10, 1943: its purpose was to break through the front and liberate the city of Bryansk. Details, based on archival documents, reveal details of the fighting, which in general ended unsuccessfully, with troops suffering huge losses. During the assault on the enemy's defense, Soviet soldiers showed heroism, marked by high awards.

In the conclusion, an analysis of the leadership's activity is presented; the reasons for the failure of the offensive actions, which were subsequently taken into account when breaking through the Oryol Arc front in July 1943, are revealed.

Keywords: Orel bridgehead, Zhizdrin operation, Bagramyan's 16th Army, statistics of losses, heroism.

Обстановка на советско-германском фронте

10 января 1943 года Гитлер выступил на совещании генералитета Германии и Румынии и в трехчасовой речи заявил о смене стратегической концепции боевых действий вермахта на Востоке. Теперь она стала оборонительной, а не наступательной (здесь и далее выделено автором). Фюрер заявил: «Германия и её союзники вынуждены продолжить борьбу, и теперь речь идет о борьбе за существование, а не о войне за обладание территорией...» [1, с. 1492].

Установка на тактические приемы ведения войны в России была выражена командующим XXXV армейским корпусом Лотаром фон Рендуличем [2]: «Задача теперь состояла в том, чтобы беречь свои войска, избегая кровопролитных сражений, и заставить противника израсходовать большую часть своих сил в наступлении против нашей подготовленной заранее во всех отношениях обороны» [3, с. 285].

Весной и летом 1942 года в разных местах внешнего контура Орловского выступа наши войска проводили так называемые бои «местного значения», целью которых было «изматывание противника». Но, как пишут ветераны: «Изматывались, прежде всего, мы сами, теряя сотни своих товарищей в этих изнурительных бесцельных

боях». В первом полугодии 1942 года войска Брянского фронта (61, 3-я и 13-я А), не освободив ни одного квадратного километра своей территории, потеряли 105 970 человек, из них безвозвратно (убитыми и пропавшими без вести) – 34 973 бойцов и командиров [4].

В конце января 1943 года, используя результаты разгрома противника под Сталинградом, советские войска провели ряд успешных операций почти на всем протяжении фронта – от Ленинграда до Кавказа.

Для высшего советского руководства были особенно важны операции, осуществляемые в центре страны. Здесь успешно и в короткий срок (всего за 15 суток) под руководством начальника Генштаба А.М. Василевского была проведена Острогожско-Россошанская операция, результатом которой стал прорыв обороны противника на юго-восточном участке фронта в 250 км и освобождение крупных городов – Курска, Белгорода и Харькова.

В Генеральном штабе Красной армии к началу февраля закончилась работа над циклом операций, связанных единой грандиозной стратегической целью: сдвинуть с места весь советско-германский фронт и к лету 1943 года выйти к довоенным границам.

Замысел советского командования предусматривал глубокий охват главных сил группы армий «Центр», их

окружение и разгром в районах Ржева и Орла с последующим выходом на линию Витебск – Смоленск – Гомель. В связи с этим Ставка ВГК направила директивы командующим фронтами на разгром ленинградско-волховской, демянской, ржевско-вяземской и **орловско-брянской группировок противника.**

Особо выделяю директивы, которые давали войскам Брянского и Центрального фронтов установку: не только ликвидировать Орловский стратегический плацдарм, но и уничтожить группу армий «Центр», базирующуюся на нем.

Оперативная группа Генерального штаба, ответственная за этот участок фронта, разработала план **Орловской наступательной операции.** Она проводилась в феврале – марте 1943 года и имела цель: «...разгромить болховскую и орловско-мценскую группировки противника и овладеть г. Орёл» [5].

Планирование Орловской операции и силы сторон

При планировании и проведении боевых действий на Орловском направлении основополагающей была Директива Ставки ВГК командующему Брянским фронтом за № 30041 от 6 февраля 1943 года «О порядке разгрома орловско-брянской группировки противника». Сталин и Жуков, подписавшие этот документ, поставили перед войсками следующие задачи:

«Окружение и разгром орловской группировки силами 48, 3 и 61-й армий завершить к 15-17 февраля 1943 г.

13-й армии во взаимодействии с 16-й Западного фронта захватить Брянск к 23-25 февраля 1943 г.» [6].

Оперативным отделом Генштаба Красной армии был разработан план проведения Орловской операции, карту-схему которой утвердил Сталин. Ставка ВГК предписывала войскам Брянского фронта с целью быстрого окружения и разгрома орловско-брянской группировки противника, по выходу 48-й и 13-й армий на линию Дросково – Малоархангельск – Фатеж, развивать наступление силами 48-й армии на Орёл, охватывая город с юго-запада. Одновременно из района Белёва войска 61-й армии должны были вести наступление на Орёл, но уже с севера, навстречу удару 48-й армии. Войска этих армий должны были прорвать фронт на участках, выбранных для этой цели, и затем, быстро продвигаясь на юго-запад (61-я армия) и северо-запад (48-я армия), **замкнуть первое кольцо окружения вокруг орловской группировки врага.** С выходом 48-й армии к Змиёвке в наступление должна была перейти и 3-я армия, которая наносила удар в направлении Орла с востока, как бы рассекая орловскую группировку надвое. Войска 13-й армии при этом должны были продолжить наступление на запад в обход Карачева и Брянска **с целью создания второго кольца окружения,** учитывая, что навстречу удару 13-й армии из района Брынь Завод в общем направлении через Жиздру будет наступать 16-я армия Западного фронта.

Документ оперативного отдела Брянского фронта раскрывает замысел действий Брянского фронта в

Орловской наступательной операции: «Частями 3-й армии совместно с частями 61-й армии сначала **разгромить болховскую группировку** противника, затем частями 3-й армии во взаимодействии с частями 48-й армии **уничтожить орловско-мценскую группировку противника и на 5-6 день овладеть г. Орёл**» [7].

К выполнению Орловской наступательной операции привлекалось значительно больше сил, чем год назад, во время Орловско-Болховской операции (8.01 – 30.06.1942 г.) а именно: 16-я армия Западного фронта; войска 61, 3, 48 и 13-й армий Брянского фронта; 65, 70 и 2-й танковой армий и 2-го гв. кавкорпуса Центрального фронта – общей численностью около **750 тыс.** человек. Танковые части насчитывали около **1700** танков. Напомню: год назад перед наступлением войска Брянского фронта в начале февраля имели **110 тыс.** человек и 71 танк [8].

В Орловской операции наиболее трудная задача выпадала на долю 3-й армии Брянского фронта, а также 16-й армии Западного фронта. Им предстояло прорвать фронт на двух отдаленных друг от друга участках обороны 2-й танковой армии группы армий «Центр».

Оборона противника представляла собой рубеж, проходивший по западным берегам рек Рессета, Ока и Зуша на участках: Мойлово – Ментелово – Шашкино – Мценск – Новосиль – Залегощь, состоявший из узлов сопротивления, опорных пунктов, из сооружений полевого типа, расположенных на глубину от 2 до 10 км.

По переднему краю было проложено множество ходов сообщений, в системе которых располагались огневые точки, блиндажи и ДЗОТы. Зигзагообразные траншеи полного профиля шли вдоль фронта и в глубину. За первой линией обороны противника – ряд отсечных позиций, препятствующих удару во фланг и тыл, а также продвижению вглубь обороны. К примеру, узел сопротивления в Чегодаево был обнесен кругом проволочным заграждением, имел до 50 пулеметных ДЗОТов. Фундаменты домов, зданий и церковь были превращены в мощные огневые точки.

Следует заметить, что сведения о немецкой группировке, добытые фронтовой разведкой, учитывали только те силы противника, которые были на первой линии обороны. Резервы, находящиеся в глубине и расположенные в городах (Жиздра, Болхов, Карачев, Брянск и Орёл) и крупных населенных пунктах, не принимались во внимание. И это была крупная ошибка, которая ввела в заблуждение не только командование фронта, но и Генеральный штаб, где разрабатывался план этой операции.

В Орловской операции Западный фронт генерала армии Г.К. Жукова был представлен 16-й армией генерал-лейтенанта И.Х. Баграмяна. Следует иметь в виду, что по сравнению с другими фронтовыми объединениями армия Баграмяна имела большие предпочтения. К 15 февраля она имела столько дивизий и отдельных частей, сколько не имел какой-либо фронт. Её состав: 14 стрелковых дивизий, 3 отдельные стрелковые бригады, 2 артиллерийские дивизии, 6 танковых бригад и

другие части – общей численностью **135 тыс.** человек. К примеру, 61-я армия генерал-лейтенанта П.А. Белова в это время имела 5 стрелковых дивизий, 4 отдельные стрелковые бригады, лыжную и танковую бригады, насчитывающие около **40 тыс.** бойцов и командиров.

По плану Орловской операции 16-й армии приказывалось прорвать фронт в районе к северу от Жиздры на фронте 18 км (иск.) Запрудное – Высокое и наступать на Брянск, где её войска должны были встретиться с 13-й армией генерал-лейтенанта Н.П. Пухова, наступавшей с юга, и внешним кольцом окружить орловско-брянскую группировку противника. Штаб Баграмяна в соответствии с общим планом фронтовой Орловской операции разработал план армейской операции, получившей название Жиздринской.

Хронология Жиздринской операции

Перед войсками генерала Баграмяна была поставлена задача: **к исходу первого дня наступления выйти в район Людиново**, далее, наступая на Жиздру и Брянск, освободить их и, таким образом, содействовать войскам Брянского фронта в овладении г. Орёл.

Разведка доносила, что немцы хорошо укрепились на занимаемых позициях. Одна из особенностей обороны врага – система опорных пунктов на командных высотах, позволявших создавать сильное фронтальное и флангирующее огневое прикрытие своего переднего края. Кроме того, всё пространство между предкопными заграждениями и траншеями было заминировано, как и все подступы к тылам, угрожаемые участки дорог и перекрестки. При этом противник умело использовал овраги и лощины, высоты и населенные пункты, превратив их в укрепленные пункты обороны.

За два дня до наступления армии Баграмяна, учитывая разведанные, противник успел усилить оборону у места прорыва, дополнительно перебросив из своего тыла две пехотные дивизии. В результате все расчеты армейского штаба оказались нарушены и наступление развивалось не так, как планировалось. Ударная группировка 16-й армии в составе пяти стрелковых дивизий и трех танковых бригад уже в начале атаки по прорыву обороны на участке Запрудное – Широковка встретила сильное огневое сопротивление.

Схема боя частей 16-й А с 22 по 24 февраля 1943 г.
(ЦАМО РФ. Ф. 358. Оп. 5916. Д. 169. Л. 105)

На участке, выбранном для прорыва, 22 февраля перешли в наступление дивизии первого эшелона: на правом фланге – 18-я и 11-я гв. сд, в центре – 31-я гв.

и 247-я сд, на левом фланге – 326-я и 324-я сд. Ударная группировка была усилена танковыми бригадами. Во втором эшелоне готовились к вводу в прорыв еще несколько дивизий 16-й армии. Наступлению предшествовала артиллерийская и авиационная подготовка, продолжавшаяся 2 часа 15 минут. В 10.25 войска первого эшелона в упорных боях сумели преодолеть сильно укрепленную первую полосу обороны врага (208-я и 211-я пд XXXXVII танкового корпуса) и к исходу дня пробиться к югу всего на 3-5 км, и вышли на рубеж: ж.д. пост Котовичи – выс. 210,0 – Дмитриевка – сев. скаты выс. 196,3 – Широковка – сев. скаты выс. 210,4 – выс. 226,6, заблокировав батальон противника на выс. 206,3 северо-восточнее нп Дмитриевка. Напомню, по плану операции в начале первого дня наступления войска Баграмяна должны были прорвать оборону врага, а к его исходу захватить крупный коммуникационный узел – Людиново, в 15 км от фронта.

Проследим ход этой операции на примере участия в ней 11-й гв. сд, основу которой составляли добровольцы из 18-й Московской дивизии народного ополчения (Ленинградский район). Летом 1942 г., после кровопролитных боев на р. Жиздре, дивизия почти полгода находилась в обороне. В январе 1943 г. её принял новый командир – генерал-майор И.Ф. Федюнькин. 9 февраля 1943 г. был получен приказ: совершить 60-километровый марш и прибыть в район деревни Маклаки. Ставилась задача: подготовиться к наступлению с целью прорыва обороны врага.

11-й гв. сд было отведено место на главном направлении – центральном участке прорыва. Ей ставилась задача: «наступая от нп Слободка, прорвать оборону южнее нп Котовичи и, двигаясь на юг, захватить господствующие высоты 200,3, 206,3 и 209,3. Далее пробиваться в направлении нп Полики, Ашково-Верхнее. Дивизии Федюнькина были приданы части усиления – танковые бригады: 256-я и 187-я» [9].

Гвардейские части при поддержке танков продвинулись на юг всего на 1–3 км, а далее движение застопорилось. Стрелковые полки и танковые батальоны встретили упорное огневое сопротивление противника с господствующих высот и с приподнятого железнодорожного полотна. Более того, контратаками пехоты с танками из нп Полики и пос. Ключевский враг пытался восстановить свой передний край. Этому содействовала авиация, которая группами в 5–6 самолетов бомбила боевые порядки наших частей.

Соседние дивизии также не имели успеха: 18-я гв. сд, наступавшая справа от 11-й гвардейской, вела бой на рубеже выс. 216,6 – пос. Дружба; слева – 31-я гв. сд вела бой за овладение нп Широковка.

Таким образом, войска армии в течение первого дня наступления незначительно продвинулись в глубину. Для развития успеха в бой были введены вторые эшелоны дивизий, а в полосе 11-й гв. сд. – 6-я гв. танковая бригада.

Противник, опираясь на сильно укрепленные рубежи обороны и многочисленные опорные узлы со-

противления, расположенные на командных высотах и на северных окраинах населенных пунктов, оказывал упорное сопротивление. Наступление возобновилось утром 23 февраля. В день рождения Красной армии советские бойцы сражались особенно неистово. Обозначился успех: войска гвардейских частей «прогрызли» оборону на 3–5 км. Но чего это стоило! 11-я гв. сд имела потери: «за 22 и 23.2.43 г. убито – 338, ранено – 1271 чел.» [10]. То есть выбыл из строя целый полк. В этих ожесточенных боях погибли командир 40-го полка гв. майор К.Н. Воейков, комиссар гв. подполковник А.Я. Сидоров, заместитель командира полка по строевой части гв. майор С.Л. Игнатенко и его адъютант старший лейтенант Ф.Ф. Проба.

Несмотря на значительные потери, утром третьего дня боев 11-я гв. сд продолжала выполнять поставленную задачу: «прорыв рубежа обороны противника: выс. 208,4 – 202,9 – 203,9». Следует отметить, что в ночь на 24 февраля два батальона 40-го полка, которым стал командовать начальник штаба майор В.И. Карпов, совместно с 27-м полком штурмом взяли сильно укрепленную высоту 209,3.

В жестких кровопролитных боях по прорыву обороны врага на Жиздринском направлении советские бойцы проявили массовый героизм и мужество. Сотни воинов-гвардейцев были представлены к наградам и получили кровью заслуженные ордена и медали. Причем впервые – «за пяди и крохи» освобожденной Орловской земли [11].

Героические деяния гвардейцев 11-й дивизии

В ночь на 24 февраля командир 2-го батальона 40-го гв. сп капитан В.П. Шарапов приказал пулеметчику Николаю Омелечко зайти с ротой в тыл врага и «оседлать» дорогу. На рассвете бойцы увидели, как, ничего не подозревая, прямо на них идет до взвода немцев. Близко подпустив их, Омелечко выскочил из засады и громко крикнул: «Хенде хох». Те в растерянности подняли руки вверх и сдались. Через некоторое время с другой стороны, так же ничего не подозревая, появилась вторая вражеская группа. Омелечко приказал пленному офицеру выйти к ним навстречу и сказать, что они окружены и должны сдаться. Офицер выполнил приказ, и вся группа сложила оружие, кроме двоих, пустившихся наутек, которые тут же попали под огонь гвардейцев.

Немцы, поняв, что это русские прорвались к ним в тыл, открыли по роте сильный огонь из минометов. Трое бойцов были убиты, но когда немецкие автоматчики пошли в атаку, наши пулеметчики открыли по ним уничтожающий огонь и отбросили назад. Немцы предприняли новую атаку при поддержке трех танков, однако к этому времени Омелечко связался с артиллеристами, которые меткими залпами рассеяли вражескую пехоту и отбросили её на исходные позиции. Сам Николай в этой схватке лично подбил гранатами 2 танка и расстрелял из пулемета более десятка пехотинцев врага, а Федору Сисейкину приказал выйти с пулеметом наперерез отходившей пехоте. Подпустив врага менее

чем на 100 метров, отважный пулеметчик открыл огонь. Сначала немцы растерялись, но, обнаружив, что перед ними лишь один русский, решили захватить его живым. Экономя патроны, Сисейкин стал стрелять одиночными, а потом и совсем перестал. Немцы решили, что он убит, осмелели и бросились в атаку. Тогда Сисейкин вновь обрушил на них пулеметный огонь. Неизвестно, чем закончилась бы эта схватка, но тут на помощь бойцу подоспела рота под командой Омелечко. В результате боя вокруг отважного Сисейкина валялись трупы 68 гитлеровцев.

В представлении к званию Героя Советского Союза читаем: «...26 февраля Федор Сисейкин пробрался к дзоту врага и связкой гранат уничтожил его». Указ о его награждении Золотой Звездой Героя был обнародован 19 июня 1943 года. Отважный воин продолжал из своего пулемета уничтожать врага, помогая своим товарищам медленно, но неуклонно освобождать отведенную ему узкую полосу русской земли, которая начиналась на берегах Оки и заканчивалась у берегов Балтики. Сержант Сисейкин – один из немногих, кто остался в живых на этом пути.

В это время на правом фланге сражался 27-й стрелковый полк. Против него враг бросил 8 танков и до батальона пехоты. На помощь гвардейцам пришли артиллеристы 2-го дивизиона 30-го арtpолка. Прицельным огнем они отбили атаки противника. Не успел затихнуть бой, как к гвардейцам прибыл командир полка майор Н.В. Харченко и наградил отличившихся. Медали «За отвагу» получили бойцы Романов, Щелоков, Мозгалин, Садыков и Сусликов. «Своим огнем они уничтожили несколько десятков фашистов, а троих захватили в плен».

К 5 марта полки дивизии, медленно продвигаясь, достигли рубежа Крестьянская Гора – Ашково-Верхнее. Противник силами 296-й пехотной и 9-й танковой дивизий попытался контратаковать, но был отброшен. И тут решающую роль сыграли артиллеристы 30-го гвардейского арtpолка. 2-я батарея капитана И.А. Семенченко подбила 9 танков, два из них уничтожил командир, но сам был смертельно ранен. Отличилась также 1-я батарея, которая сопровождала боевые порядки пехоты, поставив орудия на лыжи. У деревни Островская на неё вышли танки. В завязавшейся кровавой схватке наводчики рядовые Люстин и Щеголев погибли, но врага не пропустили. Отличился командир 3-й батареи капитан Полевничий: прямым попаданием он разбил два самоходных орудия, остальные повернули обратно. Командир орудия 7-й батареи Карандась и старший лейтенант Куликов подбили три танка и уничтожили несколько блиндажей с пулеметами.

Большие потери понесли и наши части. «Погибли смертью храбрых старый большевик, участник Гражданской войны командир 33-го гв. сп гвардии подполковник Д.М. Каськович и его заместитель по политической части майор Г.К. Хахичев, начальник оперативного отдела штаба дивизии подполковник А.Н. Андреев, скоропостижно умер командир 30-го артиллерийского полка подполковник Н.Г. Шульгинов»

[12].

В последующие дни противник предпринял еще несколько сильных контратак из района Ясенок. Для его нейтрализации из-под Крестьянской Горы была переброшена 11-я гв. сд. Активными действиями ей удалось отбросить противника на рубеж Пыренка – Пузановка и с 17 марта перейти к обороне.

Замечу, что в этот момент командование вермахта, придавая огромное значение Брянску и Орлу как форпостам до сих пор неприступного Орловского бастиона и опасаясь его ликвидации советскими войсками, стало снимать из-под Ржева соединения 9-й армии генерал-полковника Вальтера Моделя: операция «Бюффельштелюнг» («Позиция буйвол»). Большая их часть направлялась на южный фас Орловской дуги (участок Дмитровск-Орловский – Кромы) с тем, чтобы остановить войска Рокоссовского, пробивающиеся сквозь снежную пургу и свинцовую метель к Брянску. В целом, перебрасывая пехотные и танковые соединения из-под Ржева, гитлеровское командование облегчало освобождение Ржевско-Вяземского плацдарма нашими войсками.

К месту намечавшегося прорыва армии Баграмяна немецкое командование начало стягивать части и соединения с других участков фронта: 339-ю пд из района Людиново, 5-ю тд из Брянска, 9-ю тд из-под Ржева.

В свою очередь командование Западного фронта в период с 28 февраля по 3 марта стало наращивать первоначальную группировку Баграмяна свежими силами, которые последовательно вводились в бой: 1-я гв., 326, 108, 217, 64, 17 и 49-я сд; 125-я и 128-я осбр.

О достижениях и потерях

К 10 марта войска 16-й армии вели ожесточенные бои с противником; продвинувшись в южном направлении, вышли на рубеж: Букань – Ашково-Верхнее – Ясенок – далее северный берег р. Жиздра. Не имея дальнейшего продвижения на Жиздринском направлении, соединения и части армии Баграмяна, понеся значительный урон, особенно в людях, перешли к обороне и стали закрепляться на достигнутых рубежах.

Чем же объясняются безуспешные действия армии Баграмяна по прорыву обороны врага. Многими причинами, основные из которых были изложены в

Отчетном докладе Военному совету Западного фронта. В нем командование 16-й армии доложило о результатах Жиздринской операции, сообщив при этом:

– 16-я армия не смогла выполнить генеральную установку – прорвать фронт, очистить северный участок Орловского плацдарма от немецких войск и освободить Брянск – «без нанесения вспомогательных ударов на других участках фронта»;

– «отсутствовал элемент внезапности», противнику стало известно о подготовке и начале наступления наших войск в направлении Жиздры. Обороняющиеся части были приведены в боевую готовность и своевременно произвели усиление оборонительной полосы инженерными заграждениями, особенно устройством противопехотных и противотанковых минных полей на всей площади боевых действий, что значительно снизило темпы наступления наших танковых и стрелковых частей;

– в ходе сражения недостаточно укомплектованные части и соединения прибывали с опозданием и вводились в бой с ходу и разновременно.

В течение семнадцати суток наступая в южном направлении, войска армии Баграмяна, ведя непрерывные бои, максимально продвинулись вперед до 12 км. Темп наступления был менее километра в сутки. За это время было освобождено от немецких оккупантов 23 населенных пункта. Каждая освобожденная деревня оплачивалась жизнями 651 бойца Красной армии, при этом получали ранения около 2 тысяч советских воинов.

В докладе вышестоящей инстанции сообщалось: «Имея потери в личном составе до 43%, частям и соединениям 16 Армии требуется время для приведения себя в порядок, укомплектования людьми, вооружением, накопления всех видов боеприпасов» [14], т.е. была крайне необходима оперативная пауза.

Анализируя урон как 16-й армии в целом, так и отдельных её соединений в боевых действиях по прорыву обороны на самом крайнем, западном участке Орловской дуги, прежде всего следует отметить, что таких огромных потерь войска Красной армии не несли на протяжении двух лет штурма Орловского бастиона немцев.

Имея перед наступлением **135 тыс.** чел., сосредото-

Таблица 1.

Сведения о потерях отдельных дивизий 16-й армии в боевых действиях на Жиздринском направлении с 22 февраля по 10 марта 1943 года [13]

Соединения и части	Убито	Ранено	Пропало без вести	Итого
11-я гв. сд	808	3446	1	4255
18-я гв. сд	1349	3292	-	4641
31-я гв. сд	1155	4000	285	5440
97-я сд	1439	4018	2	5459
247-я сд	1064	5164	9	6237
326-я сд	1690	4314	18	6022
Все потери 16-й армии	13 951	42 934	1061	57 946

ченных на узком участке фронта прорыва (18 км), армия Баграмяна потеряла за 17 суток наступления **58 тыс.** воинов, т.е. ежедневные потери составили **3,4 тыс.** человек. Урон в людях понесли в основном стрелковые соединения. К примеру, 31-я гв. сд – 5440 чел., в т.ч. убитыми и пропавшими без вести 1440 чел. (соответственно 72 и 20% от первоначального состава в 7500 чел.). В тех же пропорциях имели потери: 247-я сд – **6237 чел. (83%)**, 326-я сд – 6052 чел., 97-я сд – 5459 чел., 18-я гв. сд – 4641 человек.

Если брать временной отрезок наступательных действий, то статистика потерь частей и соединений говорит о том, что основная их часть приходится на первый этап наступления, т.е. на последнюю декаду февраля. Так, потери 11-й гв. сд за первые три дня боев (22–24.02.1943 г.) составили 2252 чел. (в т.ч. убитыми 554 чел.) – 30% от первоначального состава, или 53 % от всех потерь дивизии в этой операции (4255 чел.).

Анализируя статистику потерь 16-й армии Баграмяна, следует учесть, что ни одна армия Брянского фронта во время неоднократных попыток прорыва обороны врага на том или ином участке Орловской дуги не имела таких ежедневных потерь. Скажем, 61-я армия в ходе неудачных боевых действий по взлому обороны врага за всю первую половину 1942 г. потеряла около 34 тыс. человек, при этом безвозвратные потери составили около 12 тыс. бойцов и командиров [15]. Чтобы как-то завуалировать такие чудовищные потери и в целом неудачные действия полководца Баграмяна в Жиздринской операции, он был награжден орденом Кутузова I степени (9.04.1943 г.), а его 16-я армия получила статус 11-й гвардейской. Забегая вперед, отмечу, что и в Орловской стратегической операции «Кутузов» гвардейцы Баграмяна не выполнили целеустановку Ставки ВГК.

12 июля 1943 г. войска армии Баграмяна, сосредоточившись на новом месте, предназначенном для наступления, и сконцентрировав на 14-км участке фронта прорыва Ожигово – Глиная (северный фас Орловской дуги) огромное количество артиллерии, авиации и бронетехники, прорвали мощную эшелонированную оборону противника и устремились на юг, с тем чтобы в районе Карачева перерезать коммуникации врага. Но они не перехватили железную и шоссейную дороги и «топтались» на месте в 15 км от них целых 25 дней, позволив немецкому командованию избежать окружения своей 600-тысячной орловской группировки и организованно отвести её с берегов Оки к реке Десне.

О причинах неудачного наступления

Зададимся вопросом: стоило ли продолжать наступление при таком огромном уроне людских сил в первые три дня боев? Когда в начале операции стало ясно, что противник, зная о планах нашего наступления, стал подтягивать в этот район части из резерва, с соседних участков фронта и даже из состава 9-й армии (из-под Ржева), оказывая ожесточенное сопротивление, когда продвижение вперед на третьи сутки застопорилось, –

тогда, в целях сохранения людского потенциала армии, необходимо было отказаться от её продолжения. Но операция под давлением вышестоящего комсостава, и в первую очередь командующего Западным фронтом генерала армии Г.К. Жукова, продолжилась.

В своих воспоминаниях будущий Маршал СССР И.Х. Баграмян вскользь пишет о боях под Жиздрой, лукаво обходя тему колоссальных потерь своей армии и вводя в заблуждение читателя, утверждая, что «итоги боев были не пользу врага».

«9 февраля я был вновь вызван в штаб Западного фронта, где получил от командующего [Г.К. Жукова] задачу на подготовку наступательной операции в направлении Жиздры в целях содействия войскам Брянского и Центрального фронтов в овладении Брянском».

Не буду здесь описывать Жиздринскую операцию. Должен только сказать, что, несмотря на проявленные воинами в боях героизм и настойчивость, войска армии не смогли выполнить в полном объеме поставленных перед ними задач. Однако итоги боев были явно не в пользу врага.

Хочу признаться, что уже в то время я видел, что причина невыполнения армией поставленной задачи сводилась не только к нашим упущениям.

Почти все наступательные действия на западном направлении весной 1943 года носили отпечаток торопливости, спешки. Тогда у всех нас были еще свежи достигнутые под Сталинградом блестящие победы Красной Армии, положившие начало массовому изгнанию фашистских оккупантов с советской земли. В той обстановке многим казалось, что моральный дух врага надломлен и если не дать ему опомниться, непрерывно наносить удары на всё новых и новых направлениях, то он вскоре будет окончательно сокрушен. К сожалению, даже у некоторых командующих войсками фронтов [в данном случае Г.К. Жуков. – Е. Щ.] появилось такое ошибочное убеждение и настойчивое желание поскорее добиться успехов, подобных сталинградскому триумфу» [16, с. 494].

Кроме того Иван Христофорович (и здесь он прав), не называя своего вышестоящего начальника тов. Жукова, перекладывает на него вину за неуспехи, замечая, что у некоторых командующих войсками фронтов появилось «настойчивое желание поскорее добиться успехов, подобных сталинградскому триумфу». Жуков под Сталинградом не воевал, и слава его обошла. Он в это время и перед тем воевал в районе Ржева и вместе с Коневым не смог замкнуть кольцо вокруг 9-й немецкой армии Моделя: опять оказался ни при чем.

В зимних боях 1943 года Рокоссовский оказался на коне: в Сталинграде он взял в плен Паулюса. Когда же войска Константина Константиновича вышли к Севску, Гитлер приказал немедленно перебросить из-под Ржева 9-ю армию, с тем чтобы остановить Центральный фронт, который беспрепятственно продвигался в направлении Прибалтики, отсекая всю группу армий «Центр». Таким образом, освобождение Ржева тесно связано с именем гениального полководца, будущего

Маршала СССР К.К. Рокоссовского, который добился огромной победы: освобождения Ржева без кровопролития путем стратегии не прямых действий. Немцы ушли из-под Ржева тихо и незаметно. Это проглядели штаб Западного фронта и Ставка ВГК, просмотрели полководцы В.Д. Соколовский, Г.К. Жуков. Разумеется, лавры освободителя Ржева достались Соколовскому, только что ставшему командующим Западным фронтом.

Ну а Баграмян, чтобы как-то оправдать свои дей-

ствия в Жиздринской операции, написал в мемуарах, что «Активные действия советских войск в феврале в районе Жиздры, юго-западнее Орла и Севска вынудили немецкое командование спешно усилить свою орловскую группировку». Таким образом, о себе любимом не забыл, хотя о переброске ржевской группировки врага он узнал спустя месяц-другой.

Библиографический список

1. Kriegstagebuch des Oberkommandos der Wehrmacht. Frankfurt am Main, 1965. Bd. III. S. 1492.
2. Корпус в июле 1943 г., в разгар Битвы за Орёл, сдерживал наступление войск Брянского фронта на фронте от Мценска до Залегощи, не дав им возможности прорвать фронт.
3. Мировая война 1939–1945. М.: ООО «Издательство АСТ», 2000. С. 285.
4. ЦАМО РФ. Ф. 310. Оп. 3481. Д. 14. Л. 103; Д. 36. Л. 1–3; Ф. 418. Оп. 10695. Д. 89. Л. 90–92; Ф. 202. Оп. 7. Д. 71. Л. 60–109.
5. ЦАМО РФ. Ф. 202. Оп. 5. Д. 1391 (Журнал боевых действий войск Брянского фронта).
6. ЦАМО РФ. Ф. 148а. Оп. 3763. Д. 103. Л. 257–259.
7. ЦАМО РФ. Ф. 310. Оп. 4376. Д. 978. Л. 7–8.
8. ЦАМО РФ. Ф. 202. Оп. 7. Д. 71. Л. 64–80; Оп. 7. Д. 41. Л. 21–26, 150–156; Ф. 418. Оп. 10736. Д. 1. Л. 8–36.
9. ЦАМО РФ. Ф. 358. Оп. 5916. Д. 169. Л. 105 («Схема динамики боя частей 16 арм. с 22.2 по 24.2 1943 г.»).
10. ЦАМО РФ. Ф. 1070 (11 гв. сд). Оп. 1. Д. 47. Л. 107.
11. Жиздринский район, как и вся прилегающая к нему территория боевых действий, по административно-территориальному делению до 5 июля 1944 г. входил в состав Орловской области.
12. ЦАМО РФ. Ф. 1070. Оп. 1. Д. 1. Л. 7; Д. 37. Л. 8.
13. Данные таблицы представлены по: ЦАМО РФ. Ф. 358. Оп. 5916. Д. 169. Л. 121, 121 (об.).
14. ЦАМО РФ. Ф. 358. Оп. 5916. Д. 169. Л. 121 (об.).
15. ЦАМО РФ. Ф. 418. Оп. 10695. Д. 89. Л. 90–92.
16. Баграмян И.Х. Мои воспоминания. – Ер.: Айастан, 1980. – С. 494.

References

1. Kriegstagebuch des Oberkommandos der Wehrmacht. Frankfurt am Main, 1965. Bd. III. S. 1492.
2. The corps in July 1943, at the height of The battle of Oryol, held back the advance of the Bryansk front troops on the front from Mtsensk to Zalegoscha, preventing them from breaking through the front.
3. World war 1939–1945. – Moscow: LLC «Publishing house AST», 2000. – Pp. 285.
4. RF Central Archive of the Ministry of Defense. F. 310. R. 3481. C. 14. L. 103; C. 36. L. 1–3; F. 418. R. 10695. C. 89. L. 90–92; F. 202. R. 7. C. 71. L. 60–109.
5. RF Central Archive of the Ministry of Defense. F. 202. R. 5. C. 1391 (Journal of combat actions of the troops of the Bryansk front).
6. RF Central Archive of the Ministry of Defense. F. 148a. R. 3763. C. 103. L. 257–259.
7. RF Central Archive of the Ministry of Defense. F. 310. R. 4376. C. 978. L. 7–8.
8. RF Central Archive of the Ministry of Defense. F. 202. R. 7. C. 71. L. 64–80; R. 7. C. 41. L. 21–26, 150–156; F. 418. R. 10736. C. 1. L. 8–36.
9. RF Central Archive of the Ministry of Defense. F. 358. R. 5916. C. 169. L. 105 («Scheme dynamics battlefield parts of the 16th Army from 22.2 to 24.2 1943»).
10. RF Central Archive of the Ministry of Defense. F. 1070 (the 11th Guide Rifle Division). R. 1. C. 47. L. 107.
11. Zhizdrinsky district, as well as the entire adjacent territory of hostilities, according to the administrative-territorial division until July 5, 1944 was part of the Oryol region.
12. RF Central Archive of the Ministry of Defense. F. 1070. R. 1. C. 1. L. 7; C. 37. L. 8.
13. These tables are presented by: RF Central Archive of the Ministry of Defense. F. 358. R. 5916. C. 169. L. 121.
14. RF Central Archive of the Ministry of Defense. F. 358. R. 5916. C. 169. L. 121.
15. RF Central Archive of the Ministry of Defense. F. 418. R. 10695. C. 89. L. 90–92.
16. Bagramyan I. Kh. My memories. – ЕР.: Hayastan, 1980. – Pp. 494.

АКИМУШКИНА Е.О.

кандидат филологических наук, доцент, кафедра индийской филологии, Институт стран Азии и Африки, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова

E-mail: eakimushkina@mail.ru

AKIMUSHKINA E.O.

Candidate of Philology, Associate Professor, Department of Indian Philology, Institute of Asian and African Studies, Moscow State University named after M.V. Lomonosov

E-mail: eakimushkina@mail.ru

ЖАНРОВОЕ СВОЕОБРАЗИЕ ПАНЕГИРИКОВ АМИРА МУИЗЗИ (1048/49–1123)

GENERIC IDENTITY OF THE PANEGRYRICS OF AMIR MUIZZI (1048/49–1123)

В статье рассматриваются касыды выдающегося персидского поэта Амира Муиззи, содержащие панегирики в адрес женщин из семьи сельджукидского султана Санджара. В ходе изучения таких произведений были выявлены их тематико-композиционные особенности по сравнению с панегириками того же автора, обращенными к мужчинам, что способствует расширению наших знаний об эволюции жанра восхваления (мадх) в персидской поэзии.

Ключевые слова: персидская панегирическая поэзия, касыда, жанр мадх, Муиззи.

The article deals with the qasidahs of prominent Persian poet Amir Muizzi, which contain panegyrics to the female members of seljuk sultan Sanjar's family. Having studied such verses, we've revealed their thematic and structural peculiarities in comparison with the panegyrics, composed by the same author and dedicated to male addressees. The study of such qasidahs is due to expand our knowledge concerning the evolution of the genre of praise (madh) in the Persian poetry.

Keywords: Persian panegyric poetry, qasidah, genre of madh, Muizzi.

Произведения Амира Муиззи рассматривались главным образом в контексте исследования панегирической касыды – основной жанровой формы персидской придворной поэзии [7, с. 185–186, 226–229], а также в рамках изучения процесса развития газели на фарси [6, с. 105–114]. Значительное внимание уделялось и творческой биографии поэта [10, р. 91–195]. Однако, хотя Муиззи считается одним из корифеев персидской придворной поэзии классического периода (X–XV вв.), монографических работ, посвященных его творчеству, в иранистике не существует, между тем, его панегирические произведения, как нам кажется, заслуживают более подробного изучения. Так, в ходе нашего анализа панегириков Муиззи выяснилось, что в качестве объекта восхваления в них выступают не только мужчины, но и женщины: в 2,2% его касыд прославляются представительницы семейного окружения султана Санджара (1118–1157) из династии Сельджукидов – его мать Тадж ад-Дин Хатун и его сестра Шах-хатун Сафийа (о термине *хатун* см.: [9, р. 1–33]). Таким образом, на данный момент Муиззи, по всей видимости, можно считать первым персидским поэтом классического периода, в касыдах которого объектом восхваления выступают женщины. Наши дальнейшие изыскания в этом направлении показали, что панегирики в адрес женщин встречаются не только в произведениях Муиззи, но и, например, в творчестве Анвари (ум. ок. 1191), Хакани Ширвани (ум. 1192), Талиба Амули (ум. 1627). Хотя ира-

нисты и отмечали наличие таких восхвалений у Муиззи [10, р. 159, 181, 184, 186, 188–190] и Талиба Амули [3, с. 129], панегирики в адрес женщин пока так и не стали предметом отдельного исследования. Эту лауну, хотя бы отчасти, и призвана заполнить наша работа, цель которой заключается в анализе панегириков Муиззи, обращенных к женщинам, и выявлении их особенностей в сопоставлении с панегириками, адресованными мужчинам (материал для сопоставления нами привлекается пока только из творчества Муиззи), что должно способствовать расширению наших знаний о жанре восхваления (*мадх*) XI–XII вв., в частности о том, как именно строится образ «нестандартного» восхваляемого в условиях нормативного типа творчества, а также о персидской касыде, поскольку все произведения Муиззи, содержащие восхваления в адрес женщин, написаны именно в этой жанровой форме. В наши задачи входит анализ их тематики (образов, топосов, мотивов) и композиции. Заметим, что разработанной теории жанра восхваления (*мадх*) в персидской поэтике не существует (равно как и в арабской – см. об этом: [2, с. 105]), т.е. отсутствуют специальные разделы в поэтологических трактатах, посвященные образу восхваляемого (*мамдух*) в персидской панегирической поэзии. Можно обнаружить лишь отдельные наблюдения относительно композиции панегирической касыды, например, рекомендации о желательности соответствия содержания зачина касыды статусу восхваляемого [8, с. 286–288]. В

этой связи особую ценность приобретает анализ конкретных панегирических текстов, поскольку фактически только на основании «практической поэтики» мы можем судить о трансформации канона жанра *мадх* в персидской поэзии.

Материалом для нашего исследования послужили одиннадцать касыд, адресованные матери султана Санджара (десять касыд) и его сестре Шах-хатун Сафийе (одна касыда).

В ходе рассмотрения композиционной структуры касыд Муиззи, содержащих восхваление в адрес родственниц султана Санджара, мы сразу же обращаем внимание на ее своеобразие по сравнению с касыдами, включающими в себя восхваление в адрес мужчины-правителя, например, в адрес самого султана Санджара. Поясним, что целевая часть персидской касыды XI–XII вв., как правило, содержит панегирические мотивы: восхваление адресата касыды (собственно *мадх*) и так называемые мотивы «служения» и «договора» (термин М.Л. Рейснер) [7, с. 165–189], описывающие взаимоотношения восхваляющего и восхваляемого. Соотношение двух тематических блоков целевой части регулировалось автором касыды в зависимости от задач, которые он перед собой ставил, в чем, собственно говоря, и проявлялась его индивидуально-авторская инициатива в условиях господства традиционалистского художественного сознания. Точно так же в вышеупомянутых блоках мотивов регулировалось и соотношение образов восхваляемого и восхваляющего. В рамках восхваления, как правило, на первый план выходит образ восхваляемого, в блоке мотивов «служения» и «договора» на первом плане могут оказаться как восхваляемый, так и восхваляющий. Во всех рассматриваемых касыдах Муиззи можно наблюдать явление, которое мы условно назвали «двойным» панегириком: блок мотивов восхваления включает в себя, по сути, два объекта восхваления – собственно адресата (Тадж ад-Дин Хатун или Шах-хатун) и их родственника-правителя – султана Санджара. Следует заметить, что, наряду с султаном Санджаром, в таких панегириках может фигурировать и его сводный брат Мухаммад ибн Мелик-шах I (1105–1118), однако эффекта «тройного» панегирика не возникает, поскольку восхваляется, как правило, только Санджар, Мухаммад удостоивается беглого упоминания. Возможно, такое внимание Муиззи к образу Санджара в панегириках, адресованных Тадж ад-Дин Хатун, вызвано тем, что именно он является ее родным сыном. Отметим, что при этом на первый план всегда выходит восхваляемая, а восхваляемый остается на заднем плане. Таким образом, в касыдах Муиззи нет панегирика женщине, который бы не содержал восхваления в адрес ее родственника-правителя, т.е. восхваляемая каждый раз рассматривается как бы через призму своей родственной связи с правителем. Такой «двойной» панегирик во многом является новацией Муиззи, его довольно приблизительный аналог можно обнаружить в касыде Фаррухи Систани (ум. 1037) на смерть султана Махмуда Газневи (999–1030), правда,

там он не представлен в чистом виде – сначала следуют мотивы оплакивания (*марсийа*) усопшего султана, сопровождаемые воспеванием его добродетелей, касыду завершает благопожелание в его адрес, содержащее едва намеченное восхваление его законного наследника (об этой касыде см. подробнее: [7, с. 138–141]). Таким образом, в рамках целевой части касыд Муиззи могут присутствовать два восхваляемых, подобно тому как в рамках мотивов «служения» и «договора» наличествуют две фигуры – восхваляемого и восхваляющего, соответственно установление баланса между блоками мотивов, относящимися к ним обоим, зависит от воли автора панегирика.

Кроме того, следует отметить, что все 11 касыд Муиззи объединены и другими общими чертами композиционной структуры. Во-первых, все эти касыды одночастные, т.е. в них отсутствует вступительная часть, и поэт начинает касыду сразу с панегирика (целевой части). Во-вторых, в рамках целевой части господствующие позиции занимает восхваление (точнее, «двойное» восхваление), а мотивы «служения» и «договора», за редким исключением, сведены практически к минимуму (их минимальный объем составляет 2 бейта) и представляют собой мотивы самовосхваления (*фахр*) в форме восхваления поэтом своего творчества. В-третьих, во всех касыдах одинаковым образом оформлена концовка – с помощью традиционного для персидских касыд благопожелания восхваляемому в форме обычной молитвы-*дуа* или «молитвы об увековечении» – *дуа-йи табид* [1, с. 122], которое чаще содержит только упоминание восхваляемой (основного адресата), реже (в 4 касыдах из 11) оно включает в себя упоминание обоих адресатов восхваления. Такая композиционная структура касыды свидетельствует о том, что ее сложение преследовало, как минимум, две цели: восхваление основного адресата – Тадж ад-Дин Хатун или Шах-хатун Сафийи – через ее родственную связь с султаном Санджаром, а также восхваление самого султана Санджара. Обратим внимание на то обстоятельство, что в касыдах Муиззи, адресованных султану Санджару, нами не зафиксировано ни одного случая восхваления султана, которое бы включало в себя прославление его матери или сестры.

Переходя от рассмотрения композиционной структуры касыд Муиззи к анализу их тематики, выясним, как строится образ восхваляемой. Образ Тадж ад-Дин Хатун в касыдах Муиззи формируют следующие качества (мы попытались их расположить в порядке частотности, что фактически равно их значимости в произведении): материнские добродетели, набожность и богобоязненность, мудрость, щедрость, скромность, милосердие, целомудрие, справедливость. Образ сестры султана Санджара характеризуется набожностью, целомудрием, мудростью и справедливостью.

Для того чтобы описать восхваляемую, наделенную вышеописанными чертами, Муиззи подбирает в поэтической традиции женские образы, ставшие олицетворением подходящих качеств. В роли таких

образов-архетипов выступают образы Марйам – матери пророка Исы [5, с. 113–116] и Фатимы – младшей дочери пророка Мухаммада: если для описания матери султана Санджара были важны такие их качества, как набожность, материнские добродетели и скромность, то сестра Санджара, юная дева, не связанная брачными узами, сопоставляется с Марйам и Фатимой как символами чистоты и целомудрия. Кроме того, Тадж ад-Дин Хатун сравнивается с первой женой пророка Мухаммада Хадиджей, ставшей в мусульманской традиции олицетворением идеальной супруги и матери; с женой египетского фараона Асией, приемной матерью Мусы [5, с. 101–103], прославившейся своей твердостью в вере; с женой халифа Харуна ар-Рашида (786–809) Зубейдой бинт Джафар, прославившейся своей щедростью к нуждающимся.

Следует учитывать и то обстоятельство, что Муиззи, восхваляя мать и сестру султана Санджара, сопоставляет их с теми легендарными женщинами, которые также занимали высокое положение в обществе, – матерью, женой или дочерью одного из мусульманских пророков, женой фараона или халифа. Таким образом, при выборе образов для сопоставления поэт учитывает статус адресата восхваления. «Документальные детали» (в данном случае сведения о положении Тадж ад-Дин Хатун и Шах-хатун при дворе) выступают в роли своеобразных активаторов применения стандартных мотивов и образов, почерпнутых поэтом из традиции (о «документальных» деталях см. подробнее: [7, с. 238–268]).

Из числа неодушевленных предметов женщины-восхваляемые в касыдах Муиззи чаще всего сравниваются с небесными светилами – солнцем (мать и сестра Санджара), яркой звездой (сестра Санджара), раковиной, содержащей жемчуг, драгоценным камнем – жемчужиной (Шах-хатун именуется «жемчужиной Сельджукидов»), самоцветом. Обратим внимание, что перечисленные сравнения встречаются и в «мужском» панегирике, например:

Да не покинет султан [Санджар] этот мир, // ибо он – единственный в своем роде перл на царском троне (перевод здесь и далее автора работы. – Е.А.) [4, с. 100].

На основании вышесказанного можно осторожно предположить, что данные сопоставления в творчестве Муиззи носят универсальный характер, т.е. приложимы к любому восхваляемому, независимо от его гендерной принадлежности. Однако даже в ходе применения универсальных сравнений обнаруживаются некоторые нюансы: метафора раковины, содержащей жемчуг, употребляемая по отношению к восхваляемому, обозначает щедрость последнего, а та же метафора, употребляемая по отношению к восхваляемой, может заключать намек как на щедрость, так и на плодovitость.

Хотелось бы остановиться на том, как именно выстраивалось описание похвальных качеств родственниц султана Санджара. Мы ограничимся рассмотрением двух наиболее часто встречающихся блоков мотивов, описывающих материнские добродетели и набожность Тадж ад-Дин Хатун. Она прославляется в панегириках

как мать двух правителей – великого султана Мухаммада ибн Мелик-шаха I и султана Хорасана (впоследствии великого султана) Санджара. Обращает на себя внимание сходство ее линии поведения по отношению к сыну-султану с функциями компаньона-наперсника правителя (*надим*): она, как и *надим*, поддерживает султана в хорошем, ровном расположении духа, чтобы он мог принимать верные, взвешенные решения, своевременно дает ему добрые и правильные советы, смягчает его гнев (судя по всему, Санджар обладал вспыльчивым характером), таким образом спасая жизни невинных людей, радует султана своим присутствием, например:

Во дворце государства никогда не сидела ни одна целомудренная высокородная госпожа (*хатун*), могущественнее нее, // < ... > счастлив ее лицезреть шах Санджар [4, с. 511].

Своим присутствием радует султана и его сестра, Шах-хатун Сафийа:

Мать, глядя на нее, радуется, и брат ее весел, // потому что обладает она безграничной мудростью [4, с. 513].

Кроме того, Тадж ад-Дин Хатун молится за сына и его военные успехи, поддерживает своими молитвами мир между ним и своим пасынком:

Благодаря силе ее молитвы и самоотверженности // султан одерживает победы над врагами [4, с. 99].

Благодаря тому, что ты (Тадж ад-Дин Хатун. – Е.А.) втайне возносила много молитв, // воцарились мир и согласие между двумя правителями (Санджаром и Мухаммадом. – Е.А.) [4, с. 24].

Муиззи подчеркивает, что она укрепляет веру и государство:

Радость благодаря тебе вечна, правитель благодаря тебе крепок. // Ты собой украшаешь веру, государство благодаря тебе благополучно [4, с. 24].

В этом свете не вызывает удивления описанная Муиззи тесная взаимосвязь матери и сына:

До тех пор пока на небосводе звезды // подобны рассыпанному серебру на эмали,

Да будут благодаря *Хатун* исполнены веселья дни султана, // ибо она – мать, не имеющая себе равных.

Да будут благодаря султану светлы очи *Хатун*, // ибо султан – правитель мудрый и красивый [4, с. 100].

Мотив материнской молитвы приводит нас к блоку мотивов, описывающих такие качества матери султана, как набожность и богобоязненность (заметим, что титул матери султана Санджара – *Тадж ад-Дин* – означает в переводе с арабского языка «венец веры»). Муиззи подчеркивает, что ее величие проявляется в аскетизме, а не в государственных делах. Для описания ее набожности используются мотивы аскетизма, постничества, склонности к затворнической жизни, силы ее молитвы (в противовес языческой традиции веры в амулеты и заклинания), а также мотив совершаемых ею чудес:

Твое дело – молитва, аскеза, пост и намаз. // Воистину ты – мать пророка Исы [4, с. 640].

Султан побеждал полчища врагов, ибо // страх перед ее молитвой действовал на них лучше, нежели (все) амулеты и заклинания [4, с. 511].

Ты милостиво возвращаешь душу, покинувшую тело. // Милость твоя подобна животворящему дыханию Исы.

Творят в мире чудеса открыто // Иса в священной обители и Муса на горе Синай.

Ты не пророк, но по державной благодати (*фарр*) совершила тысячи чудес в мире открыто [4, с. 24].

В панегириках Муиззи, адресованных Тадж ад-Дин Хатун, можно выделить тоpos «восхваляемая – воплощение выдающихся женщин прошлого» («вторая Марьям/Фатима/Хадиджа/Асийа/Зубейда»). Его противительная трансформация представлена в контексте восхваления в адрес сестры султана Санджара:

Она не Фатима и не Марьям, но воистину // воспева-ется она, словно Фатима, и является она избранной, словно Марьям [4, с. 512].

Можно выделить также разновидность этого топо-са – «восхваляемая не пророк, но может творить чуде-са (*муаджизат*)», относящуюся к Тадж ад-Дин Хатун. С данной разновидностью топоса связан мотив ее исключительности: в мире нет ей подобной, она – мать, не имеющая себе равных, она даже превосходит правителя:

Ни один из сыновей (ни Мухаммад, ни Санджар. – Е.А.) по величию не сравнится с тобой. // Никто из этих двух перлов не равен тебе [4, с. 23].

Муиззи наделяет Тадж ад-Дин Хатун своего рода державной благодатью (*фарр*), которой, по преданию, обладали персидские цари доисламского периода и на-личие которой стали приписывать правителям Ирана после арабского завоевания в целях легитимизации их власти, при этом она не является ни регентом, ни са-мостоятельной правительницей. Таким образом, полу-чается, что *фарр* сына осеняет ее, как бы переходя и к ней, либо же к ней перешел *фарр* отца ее сына – султана Мелик-шаха I (1072–1092), который одобряет ее дей-ствия, находясь в раю:

Султан Мелик в раю, ликуя, // благодарит тебя пе-ред Адамом и восхваляет тебя перед Евой [4, с. 23].

Если мы внимательно рассмотрим панегирики Муиззи, обращенные к женщинам, то мы не увидим в них восхваления их красоты, максимум, говорится, что они «украшают собой веру и государство». Судя по всему, в панегириках Муиззи красота не являлась ка-чеством, заслуживающим особо пространной похвалы: так, этот мотив довольно редко встречается и в пане-гириках султану Санджару (пример см. выше). Скорее всего, играло роль и то обстоятельство, что описание красоты матери и сестры султана считалось неумест-ным в мусульманском обществе. Восхваление женской красоты являлось канонической составляющей персид-ской любовной поэзии, например, описание прекрас-

ной возлюбленной лирического героя, не отличавшейся скромностью [6, с. 45–48], но такие мотивы явно не под-ходили для описания добродетельной обитательницы гарема.

По набору мотивов панегирики в адрес Тадж ад-Дин Хатун отличаются от восхвалений султана Санджара только наличием мотивов материнства и скромности. Однако акцент при выстраивании образа мог быть сме-щен с одних мотивов на другие: например, с мотива целомудрия в случае с Тадж ад-Дин Хатун на мотив справедливости в случае с Санджаром. Кроме того, мо-жет наблюдаться несколько разное преломление одного и того же мотива в панегириках, обращенных к восхва-ляемому и восхваляемой. Если речь идет, например, о защиты веры, то роль мужчины-правителя выглядит гораздо более активной – он идет войной на неверных, позиция восхваляемой, на первый взгляд, кажется пас-сивной – она молится, не покидая гарема, активность ее проявляется в духовном плане, так как именно си-лой своей молитвы она помогает сыну одержать побе-ду над врагами. Разное преломление мотивов, по всей видимости, зависит от конкретного восхваляемого, та-ким образом в рамках нормативной поэтики создавал-ся своего рода индивидуально-авторский «портрет» восхваляемого.

Подводя итоги, отметим, что своеобразие панегири-ков Муиззи, во-первых, проявилось в том, что в его твор-честве представлены касыды-панегирики, обращенные к женщинам; во-вторых, такие касыды содержат «двой-ное восхваление», что было совсем не типично для пер-соязычной панегирической поэзии XI–XII веков и во многом явилось новацией Муиззи; в-третьих, свои осо-бенности имеет выбор поэтом образов и мотивов и про-изводимые с ними операции при создании «портретов» восхваляемых-женщин: отбираются несколько иные образы и мотивы, нежели для изображения восхваляе-мого, либо же используются стандартные для «мужско-го» панегирика мотивы, которые подаются под другим углом. При этом сами принципы функционирования мотивов остаются теми же самыми, что и в стандарт-ном панегирике, адресованном мужчине, в условиях канонического типа творчества. Фактически Муиззи, описывая идеальных мать и сестру правителя, создает в персидской панегирической поэзии своего рода ка-талог мотивов и образов для восхваления высокопо-ставленных женщин. Таким образом, в его касыдном творчестве идет складывание и формирование канона изображения женщины-восхваляемой в персидской по-эзии, дальнейшее развитие которого можно наблюдать на протяжении классического и постклассического пе-риодов (XVI–XVII вв.).

Библиографический список

1. *Ватват Рашид ад-Дин*. Сады волшебства в тонкостях поэзии. Пер. с перс., исслед. и коммент. Н.Ю. Чалисовой. М.: Наука, Главная редакция восточной литературы, 1985. 325 с.
2. *Куделин А.Б.* Образ восхваляемого в средневековом арабском панегирике // Поэтика средневековых литератур Востока. Традиция и творческая индивидуальность. М.: Наследие, 1994. С. 103–136.
3. *Кязимов М.Д.* Поэзия Талиба Амули в контексте «индийского стиля» // Ученые записки Орловского государственного универси-тета. 2017. №3 (76). С. 128–137.

4. *Муиззи Амир*. Диван-и камил-и Амир Муиззи. Тегеран: Марзбан, 1983. 801 с. (in Persian).
5. *Плютовский М.Б.* Коранические сказания. М.: Наука, Главная редакция восточной литературы, 1991. 222 с.
6. *Рейснер М.Л.* Эволюция классической газели на фарси (X–XIV века). Москва: Наука, Главная редакция восточной литературы, 1989. 224 с.
7. *Рейснер М.Л.* Персидская лироэпическая поэзия X – начала XIII века. Генезис и эволюция классической касыды. М.: Наталис, 2006. 500 с.
8. *Шамс-и Кайс ар-Рази*. Свод правил персидской поэзии (Ал-муджам фи маайир ашар ал-аджам). Часть II. О науке рифмы и критики поэзии. Пер. с перс., исслед. и коммент. Н.Ю. Чалисовой. М.: Восточная литература РАН, 1997. 470 с.
9. *Nicola B. de*. Women in Mongol Iran. The Khātūns, 1206–1335. Edinburgh: Edinburgh University Press, 2017. 288 p.
10. *Tetley G.E.* The Ghaznavid and Seljuk Turks. Poetry as a source for Iranian History. London and New York: Routledge Taylor&Francis Group, 2009. 211 p.

References

1. *Vatvat Rashid ad-Din*. Sady volshebstva v tonkostyakh poezii [Gardens of Magic in the nuances of poetry]. Transl. from Pers., research and com. made by N.Yu. Chalisova. Moscow: Nauka, Glavnaya redaktsiya vostochnoi literature, 1985. 325 p.
 2. *Kudelin A.B.* Obraz voskhvalyaemogo v srednevekovom arabskom panegirike [The Image of the Loaded in the Medieval Arabic Panegyric] // Poetika srednevekovykh literatur Vostoka. Traditsiya i tvorcheskaya individual'nost' [Poetics of medieval literatures of the East. Tradition and author's individuality]. Moscow: Nasledie, 1994. P. 103–136.
 3. *Kyazimov M.D.* Poeziya Taliba Amuli v kontekste «indiiskogo stilya» [Poetry by Talib Amuli in the context of “Indian style”] // Uchenye zapiski Orlovskogo gosudarstvennogo universiteta [Scientific notes of Orel State University]. Vol. 3. №76. 2017. P. 128–137.
 4. *Muizzi Amir*. Divan-i kamil-i Amir Muizzi [Complete diwan of Amir Muizzi]. Tehran: Marzban, 1983. 801 p. (in Persian).
 5. *Piotrovskii M.B.* Koranicheskie skazaniya [Quranic Stories]. Moscow: Nauka, Glavnaya redaktsiya vostochnoi literature, 1991. 222 p.
 6. *Reisner M.L.* Evolyutsiya klassicheskoi gazeli na farsi (X–XIV veka) [The evolution of the classical farsi ghazal of the 10th–14th centuries]. Moscow: Nauka, Glavnaya redaktsiya vostochnoi literature, 1989. 224 p.
 7. *Reisner M.L.* Persidskaya liroepicheskaya poeziya X – nachala XIII veka. Genezis i evolyutsiya klassicheskoi kasydy [Persian lyrico-epic poetry (X – the beginning of XIII century. Genesis and evolution of classical qasida)]. Moscow: Natalis, 2006. 500 p.
 8. *Shams-i Kajs ar-Razi*. Svod pravil persidskoj poezii. Chast' II. O nauke rifmy i kritiki poezii [A compendium of the standards of Persian poetry. Part II. About the science of rhyme and criticism of poetry]. Transl. from Pers., research and com. made by N.Yu. Chalisova. Moscow: Vostochnaya literatura RAN, 1997. 470 p.
 9. *Nicola B. de*. Women in Mongol Iran. The Khātūns, 1206–1335. Edinburgh: Edinburgh University Press, 2017. 288 p.
 10. *Tetley G.E.* The Ghaznavid and Seljuk Turks. Poetry as a source for Iranian History. London and New York: Routledge Taylor&Francis Group, 2009. 211 p.
-
-

УДК 821.161.1 + Н.С. ЛЕСКОВ

UDC 821.161 + Н.С. ЛЕСКОВ

АЛЕШИНА Л.В.

доктор филологических наук, профессор, Орловский
государственный университет имени И.С. Тургенева
E-mail: alyoshinalv@mail.ru

ALEOSHINA L.V.

Doctor of Philology, Professor, Orel State University
E-mail: alyoshinalv@mail.ru

Н.С. ЛЕСКОВ О СЕМЕЙНОМ ВОСПИТАНИИ

N.S. LESKOV ON FAMILY EDUCATION

В статье рассмотрены взгляды Н.С. Лескова – писателя, публициста, мыслителя – на проблемы семьи, семейного воспитания в российском обществе второй пол. XIX века, многие из которых актуальны и для современной России. Лесков считает, что ответственность за воспитание детей лежит прежде всего на родителях, подчёркивает особую роль женщины-матери.

Ключевые слова: Лесков, семья, социализация, женщина, воспитание.

The article considers the views of N.S. Leskov – a writer, publicist, thinker – on the problems of the family, family education in the Russian society of the second half of the XIX century. Leskov believes that the responsibility for the upbringing of children rests primarily on the parents, emphasizes a special role in building the family relations of women – the wife and mother.

Keywords: Leskov, family, socialization, education.

Становление личности происходит в процессе социализации, что предполагает прежде всего «усвоение индивидом социального опыта путем вхождения в социальную среду, систему социальных связей...» [1, с. 59]. При всём многообразии подходов к понятию *социализация* все учёные сходятся в том, что начинается этот процесс в семье, где «формируются те качества, которые более нигде сформированы быть не могут» [1, с. 56].

Вопросы брака, семейных ценностей, воспитания детей всегда актуальны, поскольку семья играет главенствующую роль в построении общества и самого государства в целом» [3]. Не удивительно, что эти вопросы всегда были в центре внимания общественных деятелей, философов, писателей.

Н.С. Лесков – писатель, публицист, мыслитель – остро реагировал на вызовы современного ему общества, в частности, много размышлял над проблемами семейного воспитания, требовал этого от товарищей по писательскому цеху. Так, в письме от 6 апреля 1871 г. онупрекает С.А. Юрьева в отсутствии в издаваемом им журнале «Беседа» публикаций «о петербургской семье»: «Разлад нашей семьи – это такая тема, на которую можно и должно отозваться живым и сердечным словом. <...> Этим можно за самую жилу затронуть общество» [4, с. 301].

1 сентября 1871 г. выходит первый номер газеты «Русский мир», где обращают на себя внимание лесковские «Общественные заметки», игравшие роль программной статьи. Автор среди актуальных проблем российского общества выделяет семейные отношения, поскольку «сила и крепость государства находятся в прямой зависимости от силы и крепости семейного со-

юза в стране» [5, с. 336]. В той же статье Лесков подчёркивает, что «хорошие отец и мать всегда важнее всех наставников. Никакой наставник не в силах спорить в нравственном влиянии с отцом и матерью, уже по одному тому, что наилучших наставников дети *уважают*, только приходя в возраст, между тем как доброго отца и мать они начинают *любить и слушаться* с первых дней своего младенческого сознания» [5, с. 337-338]. Действительно, первые понятия об окружающем мире и своём месте в нём закладываются в семье, и ошибки, допущенные в семейном воспитании, очень трудно, а порой невозможно исправить (да и счастье повстречать на своём жизненном пути талантливых педагогов выпадает далеко не всем).

Двумя годами ранее в обозрении «Русские общественные заметки» (газета «Биржевые ведомости») Лесков говорит о том, что родители нередко портят детей, подавая им дурной пример, потворствуя их слабостям. В качестве иллюстрации негативного влияния семьи публицист приводит случай с гимназисткой, которую исключили из учебного заведения за выпитый на маскараде бокал шампанского. Девушка жаловалась на суровость наказания, говоря в оправдание себе, что это было в порядке вещей у неё дома. «Я это постоянно видела, у нас не одна я, а все так живут», – пишет она собственною рукою», – негодует Лесков. Там же приводятся другие случаи тлетворного влияния семьи, в частности, «потворства», которое крайне пагубно влияет на ребёнка. «В школе нельзя исправлять того в шесть часов, что в течение восемнадцати часов дерзновенно портят дома. Семья, семья, читатель, подлежит рассмотрению и исправлению; люди, входящие в дом, и слова,

выходящие из уст их при детях, по натурам своим обыкновенно впечатлительных и наблюдательных, подлежат всему вашему вниманию!» [6, с. 138-139]. Писатель считал, что в исключительных случаях следует признать полезным изъятие детей из семьи и содержание их в учебных заведениях закрытого типа: «Против закрытых заведений говорили, ни на минуту не стесняясь тем, что есть семьи, где детям столь дурно и вредно воспитываться, что закрытые заведения, сколь они ни далеки от идеала, все-таки единственное спасенье для таких детей» [6, с. 134].

Неспособность проявить разумную строгость Лесков считает непростительной ошибкой родителей: «Между заветами «Домостроя» и педагогическими статьями, рекомендовавшими развитие в ребенке злых инстинктов человеческой природы в уровень с добрыми, стоит, как скала, незыблемая истина, что «кто не умел в свое время разумно подчиняться, тот никогда не будет уметь разумно повелевать ни собою, ни обстоятельствами». Кто забывает это, воспитывая детей своих, тот их губит и растит в них себе грядущее горе» [6, с. 140]. Та же мысль об определяющей роли семейного воспитания звучит во многих художественных произведениях Лескова. Так, одна из любимых героинь писателя, настоятельница монастыря мать Агния (роман «Некуда») с болью говорит: «Семью нужно переделать, так и училища переделаются. А то, что институты! У нас что ни семья, то ад, дрянь, болото. В институтах воспитывают плохо, а в семьях еще несравненно хуже» [7, с. 21].

О необходимости требовательно относиться к детям Лесков напоминает А.П. Милюкову – писателю, журналисту, редактору, с которым у Николая Семёновича сложились не только деловые, но и дружеские, доверительные отношения. Узнав о том, что сын Милюкова не сдал экзамен, Лесков пишет: «Зная, сколь это тяжело Вам, от всей души за Вас поскорбел, хотя и не могу некоторым образом не винить Вас самих в этой неудаче. Если Вы простите моей приязни, то я сказал бы, что мальчика надо поставить иначе: во-первых, снять его с принятой им офицерской позиции, а во-вторых, воздержаться от резонерства, одинаково вредного для его занятий и для правильности его развития. Нужно очень немного наблюдательности, чтобы не видеть, как он идет в Кривороса и так едва ли выбьется на путь верный; но мне всегда казалось, что Вы и сами это замечаете, а только не решаетесь сказать: «крак – с сегодняшнего дня ты, любезный друг, на ином положении». А это надо сделать, пока еще не поздно (если только не поздно). Иначе, как хотите, это будет преступно по отношению к нему к самому...» [4, с. 409].

Особую роль в семейных отношениях писатель отводит женщине, считая, что климат в семье создаёт прежде всего жена, готовая делить с мужем невзгоды, способная на самопожертвование, воспитывающая детей в уважении к отцу. Лесков горячо сочувствует желанию женщин учиться, трудиться, развиваться как личность, но предостерегает от негативных последствий ложно понятой эмансипации, ведущей к распущенно-

сти, к распаду семьи, что не может не сказываться на детях. Эта позиция чётко выражена как в художественных произведениях писателя, так и в целом ряде статей, в частности серии очерков «Из одного дорожного дневника» (1862 г.), которые Лесков, отправленный редакцией журнала «Северная пчела» в длительную командировку в Европу, посылает с дороги редактору.

В «Письмах с дороги» отражаются особенности быта, нравов братьев-славян, при этом особое внимание уделяется положению женщины в семье и обществе. Так, представляет интерес вставная новелла, где даётся описание сцены в гродненском отеле, невольным свидетелем которой становится Лесков. Молодая женщина, чей муж промотался, оставив жену с тремя детьми без средств к существованию, и продолжает кутить в Гродно, на уговоры тётки вернуться к отцу отвечает отказом: «Мое счастье в том, чтоб воспитывать детей и видеть их вместе с их отцом, который знает, что у него нет большего друга, как я». На все резоны тётки, вполне справедливые, она возражает: «Он человек, в котором не воспитана воля, но он знает свои пороки, он любит детей, он страдает, он хочет быть иным человеком». Уговоры пожить у отца хотя бы до тех пор, пока муж не остепенится, разбиваются о непреложный аргумент: «Ведь только содержанки живут, пока хорошо живется, а жены так не делают».

Наутро Лесков под впечатлением от ночной сцены расспрашивает своих польских товарищей, как у них относятся к идее женской эмансипации, и слышит в ответ, что польские женщины «слишком знают жизнь и не поставят на карту ни себя, ни детей», они «переиспытывают все средства» для сохранения семьи. «Диковинное дело! – восклицает автор. – В половине варшавской чугунки уже <...> не ждут счастья от брака вне брака», тогда как «по обоим концам Николаевской железной дороги» многие понимают эмансипацию лишь как право женщин на свободное сожительство [8, с. 37-38, 41]. Понятно, что женщина с такими взглядами не может быть хорошей матерью.

В результате своих наблюдений Лесков приходит к выводу, что «известные большинству славян системы женского воспитания создают по преимуществу или Гапку, способную троить водицы и варить запеканки; или ключницу Лукерью, или, что еще хуже, «наряженную куклу на самодельных пружинах». Женщины всех этих трех категорий не годятся для того, чтобы разделять здоровые прогрессивные стремления своего века; на их коленах не отдохнет спокойно голова сколько-нибудь развитого мужа; они не поддержат его словом и делом в минуту душевной невзгоды и не дадут отчизне детей, способных жить без жалости и умирать без страха» [8, с. 145].

Несколькими годами позже в театральном критическом обзоре «Петербургский театр» (1871 г.). Лесков горько иронизирует над столичными дамами, «довоспитавшимися» «до того, что, по их мнению, супруга, хранящая свои обеты, несмотря на нарушение их другою стороною, и жертвующая своим личным счастьем сча-

стию и спокойствию своих детей, есть уже «не женщина, а тряпка». Для этих господ святая сила материнской любви и возвышенная покорность долгу ради семейного счастья есть позор женщине» [5, с. 345].

Не в последнюю очередь волновала Лескова проблема истинного патриотизма. Писатель справедливо полагает, что именно в семье закладываются основы воспитания гражданина, патриота. Вернёмся опять к циклу дорожных очерков «Из одного дорожного дневника», который заканчивается гимном матери-польке. Эта «молоденькая дама», соседка Лескова по купе поезда, следующего из Львова в Краков, «встала с своего места и указывает двум девочкам на высокую земляную насыпь, виднеющуюся вправо. «Это нашей Ванде насыпали», – говорит она, вспоминая честную красавицу, отвергшую руку, за которую схватилась бы любая нимфа другой страны» (по легенде Ванда – польская княжна, которая отвергла немецкого принца, напавшего на Польшу, чтобы взять её в жены; атака была отбита, но Ванда покончила с собой, чтобы принц больше не посягал на её страну). «И всю-то эту историю, со всеми вероятными и невероятными примечаниями, она повторяла девочкам, с жаром, с чувством восторженного патриотизма». А потом молодая женщина показывает детям могилу Костюшки и рассказывает народном герое, возглавившем в 1794 г. национально-освободительное восстание. «И опять дети внимательно слушают, и по их умным глазкам видно, как глубоко падают семена в молодое сердце». Автор, с одной стороны, восхищается женщиной, которая воспитывает детей в духе любви к родине, с другой стороны, с болью признаёт, что многие его соотечественники иначе относятся и к своей стране, и к воспитанию детей. Эмоции выплескиваются в серии риторических вопросов, которые обрушиваются на читателя: «Зачем ты, о Бларамберг, не устроил по варшавской линии амбаркаде-ров, способных так же скоро оглушать, как наделять самым прочным катаром? Я не слыхал бы, что говорит эта мать своим детям, и не вспомнил бы страны, где большинство так называемых образованных женщин произносят слово «история» только с прилагательным «скандальная

история»... А спросите их, читали ли они хоть один том своей истории? Знают ли хоть одну из ее драматических страниц? Сумеют ли хоть о Марфе Посаднице рассказать что-нибудь своим детям, как рассказывает моя соседка о Ванде и Костюшке?»

Продолжением путевых очерков стал цикл «Русское общество в Париже» (1863 г.), где также поднимается вопрос о семейном воспитании. Лескова беспокоит тот факт, что русские дети «воспитываются чисто по-французски и смотрят чистыми французами», забывают родной язык и растут сущими невеждами по отношению ко всему отечественному. В этом поразительном невежестве столько же виноваты родители, сколько и русские учителя, но, конечно, более родители, от которых зависит выбор учителей». В свойственной ему ироничной манере Лесков отмечает «прогресс» в деле воспитания маленьких русских граждан: «Говорят, что пять-шесть лет тому назад оседлые русские жители Парижа вовсе не заботились об обучении русскому языку своего благородного потомства; но с воплощением некоторых новых идей в России и парижские россияне порешили, что детей российских дворян, как ни вертись, все-таки нужно немножечко поучивать русской грамоте, поучивать хоть настолько, <...> чтобы каждый из этих подрастающих столпов отечества со временем мог собственноручно написать своему секретарю: «Сумлеваюсь штоп я мох битъ на балесни в засидании Совета»». Лескова очень беспокоила будущность государства, где ключевые посты предназначены таким «столпам отечества» [8, с. 192].

«Родительская семья, – отмечает И.С. Кон, – остаётся важнейшим институтом социализации раннего детства. В ней формируются основы характера человека, его отношение к труду, моральным, идейным и культурным ценностям» [2, с. 182-183]. Безусловно, нельзя ставить знак равенства между семьёй XIX века и современной семьёй, тем не менее многое из того, что волновало Н.С. Лескова во второй половине XIX века, вызывает тревогу и сегодня, а его мысли о семейном воспитании звучат очень актуально.

Библиографический список

1. Андреева Т.В. Семейная психология. СПб.: Речь, 2004. 244 с.
2. Кон И.С. Ребенок и общество. М.: Академия, 2003. 336с.
3. Ласко А.И. Семья как основа государства // Политика, государство и право. 2014. № 6 [Электронный ресурс]. URL: <http://politika.snauka.ru/2014/06/1717>
4. Лесков Н.С. Собрание сочинений. В 11 т. Т. 10. М.: Художественная литература, 1958.
5. Лесков Н.С. Полное собрание сочинений в 30-ти томах. Т. 10. М.: ТЕРРА, 2007.
6. Лесков Н.С. Полное собрание сочинений в 30-ти томах. Т. 8. М.: ТЕРРА, 2004.
7. Лесков Н.С. Собрание сочинений. В 11 т. Т. 2. М.: Художественная литература, 1958.
8. Лесков Н.С. Полное собрание сочинений в 30-ти томах. Т. 3. М.: ТЕРРА, 1996.

References

1. Andreeva T.V. Family psychology. SPb.: Speech, 2004. 244 p.
2. Kon I.S. Child and society. Moscow: Academy, 2003. 336 p.
3. Lasko A.I. Family as the basis of the state // Politics, state and law. 2014. № 6 [Electronic resource]. URL: <http://politika.snauka.ru/2014/06/1717>
4. Leskov N.S. Collected works. In 11 vols. T. 10. Moscow: Fiction, 1958.
5. Leskov N.S. Complete works in 30 volumes. T. 10. Moscow: TERRA, 2007.
6. Leskov N.S. Complete works in 30 volumes. T. 8. Moscow: TERRA, 2004.
7. Leskov N.S. Collected works. In 11 vols. T. 2. M.: Fiction, 1958.
8. Leskov N.S. Complete works in 30 volumes. T. 3. M.: TERRA, 1996.

УДК 82-6

UDC 82-6

АНТЮХОВ А.В.

доктор филологических наук, профессор Брянского государственного университета имени академика И.Г. Петровского

ВОЛГА А.Н.

старший преподаватель Брянского государственного университета им. академика И.Г. Петровского
E-mail: bryanskgu@mail.ru

ANTJUKHOV A.V.

Doctor of Philology, Professor of Bryansk State University named after academician I.G. Petrovsky

VOLGA A.N.

Senior lecturer of Bryansk State University named after academician I.G. Petrovsky
E-mail: bryanskgu@mail.ru

МЕМУАРНО-АВТОБИОГРАФИЧЕСКОЕ НАЧАЛО И ЖАНРОВЫЙ КОД ПОМЯННИКА В «ИСТОРИИ О ВЕЛИКОМ КНЯЗЕ МОСКОВСКОМ»

MEMOIR-AUTOBIOGRAPHICAL BEGINNING AND GENRE CODE OF THE BOOK OF NAMES IN "HISTORY OF THE GRAND DUKE OF MOSCOW" BY ANDREI KURBSKY

В статье исследуются фрагменты текста «Истории о Великом князе Московском» Андрея Курбского, посвященные жертвам опричнины. Данная часть сочинения («О побиении княжеских родов» и «О побиении боярских и дворянских родов») воспроизводит принципы строения не синодиков, а помянников, так как включает не только перечисление имен, но и в большей или меньшей степени детализированные описания убийств. Курбский повествует о смертях близких ему людей, родственников, друзьях, тех, с кем ему довелось воевать, что актуализирует автобиографическое начало «Истории о великом князе Московском».

Ключевые слова: Андрей Курбский, «История о Великом князе Московском», Иван Грозный, опричнина, помянник, синодик, мартиролог.

The article examines the fragments of the text of the "History of the Grand Duke of Moscow" by Andrei Kurbsky, dedicated to the victims of the oprichnina. This part of the essay adheres to the principles of the structure is not Synodikon, and the book of names ("pomjannik"), as it includes not only an enumeration of names, but in more or less detailed descriptions of the murders. Kurbsky tells about the deaths of people close to him, relatives, friends, those with whom he had to fight, which actualizes the autobiographical beginning of "History of the Grand Duke of Moscow".

Keywords: Andrey Kurbsky, "History of the Grand Duke of Moscow", Ivan the Terrible, oprichnina, the book of names ("pomjannik"), synodic, martyrology.

К проблеме жанра «Истории о великом князе Московском» Андрея Курбского в большей или меньшей степени обращались все исследователи, изучавшие этот уникальный памятник. И связано это, прежде всего, с тем, что жанровые характеристики этого текста отличаются размытостью и изменчивостью. Цель настоящей работы состоит в установлении соотношения мемуарно-автобиографического начала с принципами составления одного из традиционных древнерусских жанров – помянника, который может рассматриваться как один из жанровых кодов, использованных в сочинении Курбского.

Фрагмент памятника, посвященный жертвам Ивана IV, является наиболее сложным для установления жанровой традиции. В работах исследователей жанровая принадлежность этих частей определялась либо как «синодик» [8], либо как «мартиролог» [1].

В пользу терминологии К.А. Уварова говорит то, что синодики были достаточно распространенным видом служебной церковной литературы в эпоху Ивана IV. Царь уделял повышенное внимание «практике церков-

ного поминовения», которое даже было зафиксировано законодательно, что «привело к увеличению числа рукописных Синодиков, т.е. расцвету этого памятника письменности в XVI веке» [3, с. 201].

Самый известный из них – это «Синодик опальных царя Ивана Грозного» (7091 г), который Н.В. Понырко совершенно справедливо относит этот памятник не к синодикам, а к помянникам [6, с. 353] и по образцу которого были составлены многочисленные монастырские памятники письменности (более 20). Создавались они «с практической целью поминания», включали «имена опальных или их число, опуская все остальные подробности» [7, с. 253]. Большая часть этих служебных текстов, относящаяся к периоду правления Грозного, была реконструирована и описана Р.Г. Скрынниковым (в том числе «Синодик опальных царя Ивана Грозного» 7091 г. [7, с. 266-289], установившим, что в основной своей части они представляли перечисление имен, восходивших «к единому списку, подлиннику приказного списка («государева грамота», «государевы книги»), разосланному по монастырям» [7, с. 257]. Число поминаемых убиен-

ных составило около 3300 человек, большая часть из которых была казнена в период «наивысшего подъема опричного террора» и связана с «Делом Старицких» [7, с. 263].

Однако определение жанра, как «синодик», нам представляется не совсем точным, потому что оно не отражает ту задачу, которую ставил перед собой Курбский, включая в произведение перечисление имен и фамилий уничтоженных во время опричнины. С одной стороны, он стремился продемонстрировать ужасы эпохи правления Ивана IV, бессмысленную жестокость царя, власть Антихриста над его душой, а с другой, книжник хотел оставить в памяти потомков имена невинно убиенных: «понеже и сие краткое сего ради произволихом написать, да не отнюд в забвение предут» [5, с. 408].

Часть сочинения Курбского («О побиении княжеских родов» и «О побиении боярских и дворянских родов»), написанная за десять лет до «Синодика» Грозного, воспроизводит принципы строения не синодиков, а помянников, так как включает не только перечисление имен, но и в большей или меньшей степени детализированные описания убийств.

Обращение к подобной повествовательной форме объясняется тем, что ко времени написания «Истории» применение поминальных текстов на Руси было чрезвычайно широким. И.В. Дергачева отмечает, что «на Руси бытовали три разных по содержанию, форме и функциональной направленности типа памятников письменности, объединенные, однако, общей темой поминания усопших – Вселенский Синодик, Помянник и Помянник с синодичными предисловиями» [2, с. 254-256; 3, с. 62].

Если Вселенский синодик был неразрывно связан с церковной службой, с чином Торжества Православия, а Помянник с синодичными предисловиями постепенно трансформировался в сборник произведений, предназначенных «для чтения во время монашеских трапез, келейного и домашнего или в храме в качестве проповедей» [3, с. 64], т.е. вошел в круг церковно-учительной литературы, то помянник, «включающий перечисление ряда имен лиц живых и умерших, поминаемых на церковных службах» и не содержащий анафематствований [3, с. 62], мог восприниматься Курбским как наиболее приемлемая форма для поминания людей истребленных Иваном IV. То, что источником мог быть именно этот тип повествования, подтверждается и делением части на два фрагмента. Курбский разграничивает поминания родов княжеских и родов боярских и дворянских, т.е. реализует еще один принцип помянника, который был отмечен в средневековой литературе: «Помянники существовали братские, т.е. монастырские, родовые, воинские» [4, с. 182]. Кроме того, помянники были самым демократичным способом поминовения: они составлялись не только в церквях и монастырях, но и «в крестьянских и княжеских домах, в царской семье», причем включали они «не только краткие поминальные записи, но и записи, носившие характер летописных известий или даже небольших исторических сказаний» [6, с. 342].

Как и другие части произведения, часть «Истории» о невинных жертвах опричного террора не лишена автобиографизма. Курбский в очередной раз напоминает читателям, что пишет свое произведение вдали от происходящего: «А ктому да наильпше памяти тамо живущим оставляю, понеже азъ еще во среду беды тое приzelные отъидохъ отечества моего» [5, с. 410]. Через несколько строк князь Андрей снова напомнит «об изгнании»: «исписати тамо живущимъ оставляютъ» [5, с. 412]. Но автобиографизм проявляется не только в указаниях на обстоятельства жизни автора «Истории». Сам поминальный список, включающий чуть более 400 имен и фамилий, отражает круг семейных и дружественных связей Курбского. Этим и можно объяснить существенные расхождения в «Синодике» Грозного, указывающим более 4000 убитых, и помяннике Курбского.

Первой в помяннике оказывается «Мария преподобная, нарицаемая Могдалыня» – личность достаточно загадочная, деятельность которой вызывает у историков самые разные предположения. Для Курбского же она была человеком духовно близким Адашеву. А детали ее аскезы, приведенные на страницах памятника, доказывают, что книжник был хорошо осведомлен об образе жизни «согласницы» Адашева, а, следовательно, и об укладе дома этого государственного деятеля.

Продолжается поминальный список перечислением близких родственников Алексея Адашева: Иван Шишкин, Данила Адашев, его двенадцатилетний сын, и тесть Петр Туров, братья жены Адашева Федор, Алексей, Андрей. Курбский не скрывает дружеских связей с этой семьей. Он сообщает: «Петру оному аки за мѣсяць пред смертию видѣние божественное дивное явилось, проповедающее смерть мученическую, – яже мнѣ самъ исповедалъ» [5, с. 412], т.е. Курбский общался с П.И. Туровым во время своего последнего приезда в Москву [7, с. 179].

Включение родственников Алексея Адашева в часть «О побиении княжеских родов» выглядит несколько необычно. Курбский прекрасно знал, что Адашев не был князем по происхождению. При первом представлении этого героя, он называет его просто «благородным юношей», а в самом произведении, как правило, – «Алексѣй», без указания фамилии, чем намекает на очень близкие дружеские отношения с советником царя. Включение семьи Адашева в княжеский помянник – это своеобразная дань уважения к человеку, который, как считал князь Андрей, много сделал для страны и был благородным не по происхождению, а по делам своим.

Появление всех остальных фамилий в поминальном списке обосновано не столько происхождением, сколько родственными связями с Курбским. Князь Андрей весьма лаконично вспоминает о Д.Ф. Овчине-Оболенском, смерть которого считается началом опричнины: «Паки убить от него тогда князь Дмитрий Овчининъ» 5, [с. 412]. Курбский не пишет о том, что связывало его с Овчиной. Но посвященные читатели не могли не знать, что Дмитрий служил под началом князя Андрея во время Вольмарского похода, закончившегося разгромом от-

ряда ливонских рыцарей [7, с. 222]. Отец же Дмитрия, как и Курбский, бежал из страны: «егоже отецъ здѣ много лѣтъ страдал за него, умре ту» [5, с. 412]. И опять книжник в подтексте рассказа о Федоре Оболенском-Овчине (Телепневе) намекает на то, что был хорошо осведомлен о душевном состоянии отца своего бывшего подчиненного, находившегося, как и он, князь Андрей, на территории Польского княжества.

Подробно останавливается Курбский на объяснении причин смерти князя М.П. Репнина. Он пишет, что царь пригласил на пир со скоморохами князя Михаила, для того, чтобы наладить с отношения с ним и со всем семейством Оболенских. Когда гости во главе с царем напились и пустились в пляс вместе со скоморохами, Репнин сначала прослезился, а потом начал объяснять, что царю, и тем более христианскому, не подобает вести себя как простолудину. Царь же «нудити его, <...> и взявши машкару, класти началъ на лице его. Он же отверже ю и потопта, и рече: “Не буди ми се безумие и бесчестие сотворити, в советническомъ чину сушу мужу!”» [5, с. 414]. Точность описаний, предельная детализация, позволяют допустить, что и сам князь Андрей присутствовал на пире. Хотя мог знать Курбский об этом и из иных источников: «Попытка примирения с Оболенскими князьями закончилась неслыханным скандалом, о котором на другой день знала вся столица» [7, с. 195].

На следующий день во время утренней службы перед алтарем был убит М. Репнин, а его родственник Ю.И. Кашин-Оболенский был зарезан по дороге в храм, о чем возмущенно сообщает Курбский.

То что, князья Оболенские оказываются в самом начале помянника, объясняется тем, что они были родственниками Куряевых, а Куряевы, в свою очередь, родственниками Курбских. Родственниками Оболенских были Воротынские и Одоевские, происшедшие от Михаила Черниговского.

Князь Андрей от родственников не отказывался и, напротив, напоминал царю, что им были погублены князья Кубенские, Ушатые, Аленкины, Львовы, Прозоровы. В «Истории» он пишет: «Въ тѣ же лѣты побиты братия мои, княжата ярославские, влекомые от роду княжати смоленского, святаго Феодора Ростиславича, правнука великого Владимира Мономаха» [5, с. 418].

Не только родственные связи, но и военная служба связывала Курбского с князем Суздальским (Горбатым). Князь Александр принимал участие в походе на Казань и показал себя талантливым воеводой. Князь Андрей вспоминает о нем, в рассказе о трехнедельном противостоянии русского войска и казанцев: «поставя надо всѣми ими гетмана великого княжа Суждальского Александра, нареченного Горбатого, мужа зѣло разумного и статечнаго, и в военныхъ вещахъ свидѣлствованного. И повелѣл ждати, закрыв все войско христианское за горами, егда же изыдутъ бусурманы с лѣсов по обычаю своему, тогда повелѣнно сразитися с ними» [5, с. 334]. Победа под Арской крепостью, по мнению Курбского, была осуществлена благодаря помощи Бога и военному таланту Александра Суздальского.

Князь Андрей сообщает, что знает о смерти семьи Суздальских из рассказов очевидцев. Но само повествование о казни представлено, как целостный рассказ, наполненный беллетристическими деталями: «егда уже приведены к самому посещению, тогда, глаголють, сына его первые со потщанием приклонивша выю к мечю, отецъ же возбранивъ ему и рече: “О чадо превозлюбленныйи единородны сыне мой! Да не зрят очи мои отсечения главы твоея!” И первые самъ княжа усечен. Младенецъ же оный храбрыш, взявъ мученическую честную главу отца своего, и поцеловав, и възрѣвъ на небо <...> приклонився под одскордъ ко усечению главы своя святыя. Со таковымъ упованиемъ и со мною верою ко Христу своему отоидоша» [5, с. 416].

Из всех перечисленных на страницах первой части помянника только три семьи не являются родственными Курбскому: Дмитрий Ряполовский – «мужъ въ разумѣ много и зѣло храбръ, искусенъ же и свидѣлствованъ от младости своея в богатырскихъ вещахъ», «княжа Петръ, глаголемы Щенятевъ, внукъ княжати литовского Патрикѣя. Мужъ зѣло благородны былъ и богаты» и семья Владимира Старицкого.

Часть помянника «О побиении боярскихъ и дворянскихъ родовъ» открывает сообщение об истреблении семьи «мужа в роде свѣтла, Иоанна Петровича» (И.П. Челяднин-Федоров). Но и тут, повествуя о трагедии Черяевых, Курбский не забывает упомянуть, что был знаком с отцом Ивана, погибшем под Казанью, а убит Черяев был «со нарочитымъ юношею, стрыечнымъ братомъ своимъ, с княземъ Феодоромъ Овчининымъ», т.е. установление дружеских и родственных связей сохраняется и в этой части поминального списка.

Подробно описывает князь Андрей истязания, которым подвергся Иван Шереметьев. Для Курбского – он, прежде всего, воин. В повествовании о последнем из походов на Казань сообщалось: «И по шестомъ лѣте собрав войска немало царь нашъ, вящей нежели от тридцать тысячей, и поставилъ над ними воеводѣ трехъ: Иоанна Шеремѣтева, мужа зело мудраго и остроумнаго и от младости своея во богатырскихъ вещахъ искуснаго, и предреченнаго князя Симеона Микулинскаго, и меня» [5, с. 418]. О дружбе с Иваном Шереметьевым Курбский не забывает упомянуть и в помяннике. Родственниками Шереметьева являются Колычевы. «Тѣхъ же Колычевыхъ околко десять роду: в нихже бѣша нѣцы мужие храбрые и нарочитые, нѣкоторые же от нихъ и сниглитскимъ саномъ почтенны, а нѣцы стратилаты быша. А порублени суть всеродне» [5, с. 434].

Среди казненных Курбский называет Владимира Курятева, своего родственника, зарезанного вместе с Григорием Степановым. Рассказ о военных подвигах последнего и его смерти переходит в упоминание еще об одном казненном родственнике – Андрее Аленкине.

Таким образом, помянник – это родовой документ, в котором Курбский повествует о смертях близких ему людей, родственниках, друзьях, тех, с кем ему довелось воевать, что актуализирует автобиографическое начало «Истории о великом князе Московском».

Библиографический список

1. *Васильев В.К.* Сюжетная типология жанра жития в русской литературе XI-XVI веков: Диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук. Новосибирск, 2008.
2. *Дергачева И.В.* Типология Синодиков в русской письменности XV - XVII вв. // Методические рекомендации по описанию славяно-русских рукописных книг. М., 1990. Выпуск третий. Ч. 2. С. 254-256.
3. *Дергачева И.В.* Историко-богословский аспект литературных предисловий синодика как литургического сборника с четью функцией // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2002. №.2(8).
4. *Дергачева И.В.* Эсхатологические представления в русской литературе XI-XIX веков: На материале Житий и Синодиков: Диссертация на соискание ученой степени доктора филологических наук. М., 2004.
5. *Курбский Андрей.* История о великом князе Московском // Библиотека литературы Древней Руси. Т. 11: XVI век. СПб., 2001.
6. *Понырко Н.В.* Помянники // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 2. (вторая половина XIV- XIV в Ч.2. Л-Я. Л., 1989. С.342-343.
7. *Скрынников Р.Г.* Опричный террор // Ученые записки Ленинградского государственного педагогического института им. А.И. Герцена. Т. 374. Л., 1969.
8. *Уваров К.А.* Князь Андрей Курбский как писатель («История о великом князе Московском»: Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук М., 1973.

References

1. *Vasilyev V.K.* Plot typology of the genre of life in Russian literature of the XI-XVI centuries: Thesis for the degree of candidate of philological Sciences. Novosibirsk, 2008.
2. *Dergacheva I.V.* Typology of Synodikon in Russian literature of XV - XVII centuries // Methodical recommendations for the description of the Slavic-Russian manuscript books. Moscow, 1990. The release of the third. Part 2. Pp. 254-256.
3. *Dergacheva I.V.* Historical and theological aspect of the literary Preface of Synodikon as a liturgical collection with a clear function / / Ancient Russia. Automation and remote control. 2002. no.2(8).
4. *Dergacheva I.V.* Eschatological representations in Russian literature of XI-XIX centuries: on the material of Lives and Synodikon: Thesis for the degree of doctor of Philology. Moscow, 2004.
5. *Kurbsky Andrew.* History of the Grand Duke of Moscow // Library of literature of Ancient Russia. Vol. 11: XVI century. St. Petersburg, 2001.
6. *Ponyrko N.V.* Pomanti (Synodikon) // Dictionary of scribes and booklore of Ancient Rus. Issue 2. (the second half of XIV-XIV in H. 2. L-Ya. Leningrad, 1989. Pp. 342-343.
7. *Skrynnikov R.G.* Oprichny terror / / Scientific notes of the Leningrad state pedagogical Institute. A. I. Herzen. T. 374. Leningrad, 1969.
8. *Uvarov K.A.* Prince Andrey Kurbsky as a writer («the Story of the Grand Duke of Moscow»: Abstract of the thesis for the degree of candidate of philological Sciences. Moscow, 1973.

УДК 82.091 – 4 ТУРГЕНЕВ И.С.

UDC 82.091 – 4 TURGENEV I.S.

БЕЛЬСКАЯ А.А.

кандидат филологических наук, доцент, кафедра истории русской литературы XI–XIX вв., Орловский государственный университет имени И.С. Тургенева
E-mail: aa_bel@mail.ru

BELSKAYA A.A.

Candidate of Philology, Associate Professor, Department of History of Russian Literature XI–XIX, Orel State University
E-mail: aa_bel@mail.ru

«НАКАНУНЕ» И.С. ТУРГЕНЕВА:

ТИПЫ СВЯЗИ ИМЕНИ И НОСИТЕЛЯ В СИСТЕМЕ ОБРАЗОВ ВТОРОСТЕПЕННЫХ ПЕРСОНАЖЕЙ РОМАНА

**I.S. TURGENEV NOVEL «ON THE EVE»: TYPES OF COMMUNICATION BETWEEN THE NAME AND THE OWNER
IN THE SYSTEM OF MINOR CHARACTERS IMAGES**

Содержание статьи составляет анализ антропонимов второстепенных персонажей романа «Накануне», в системе образов которых обнаружены два типа связи имени и носителя.

Ключевые слова: «Накануне», антропоним, второстепенные персонажи, имя и носитель, типы связи, сущность, семантика, функции.

The content of the article is as follows an analysis of the anthroponyms of the minor characters of the novel «On the Eve», in the system of images of which two types of communication between the name and the owner are found.

Keywords: «On The Eve», anthroponym, minor, name owner, types of communication, essence, semantics, functions.

В настоящее время ученые уделяют большое внимание изучению личных имен собственных в художественной литературе. По словам В.А. Никонова, «чем крупнее мастер, тем тщательней он подбирает имена своим героям» [9, с. 407]. Это в полной мере относится к крупнейшему писателю XIX столетия И.С. Тургеневу, в романе «Накануне» которого концептуальное значение имеют антропонимы как главных героев, так и второстепенных персонажей. При внимательном рассмотрении в системе образов последних можно обнаружить два типа связи имени и носителя: 1) соответствие сущности личности героев значению их имен, 2) несоответствие духовной и душевной сути персонажей информации, заложенной в семантике их имени. Доказать это – наша цель.

Роман «Накануне» начинается с философского спора Павла Шубина и Андрея Берсенева о природе, красоте, любви, счастье, долге, который крайне важен для понимания авторской позиции и концепции произведения в целом. Во время спора герои обсуждают вопросы о непостижимых «тайнах» природы, человека, искусства, жизни и смерти, которые обращают к глубинному – философскому – уровню романа Тургенева.

Любящему природу Андрею Берсеневу присуще созерцательное отношение к красоте («... сочувствовать красоте, любить ее всюду, где бы ты ее ни встретил»), и особенно волнуют его «таинственная» сущность и загадочность многоликой природы. Берсенев замечает, что она скрывает в себе не только красоту и гармонию («Всё в ней так полно, так ясно <...> так удовлетворено собою, и мы это понимаем и любимся этим...»), но и

опасную силу; пробуждает не только чувство прекрасного («– Я любовался видом. Посмотри, как эти поля горячо блестят на солнце!»), воображение («... например, <...> весной в лесу, в зеленой чаще <...> мне чудятся романтические звуки Оберонова рога...»), но и тревогу, беспокойство, грусть; порождает не только радость, но и страх; дарует не только жизнь, но и уничтожает: «... не всегда природа намекает нам на... любовь <...> Она также грозит нам; она напоминает о страшных... да, о недоступных тайнах. Не она ли должна поглотить нас, не беспрестанно ли она поглощает нас? В ней и жизнь и смерть; и смерть в ней так же громко говорит, как и жизнь» [11, с. 166]. Данные суждения Берсенева о первичности природы по отношению к человеку, родственные взглядам автора, находят отражение в судьбе главных героев романа – Елены Стаховой и Дмитрия Инсарова – и обращают к вечным проблемам бытия.

В отличие от Берсенева, начинающий скульптор Шубин не признает целостности, упорядоченности, законченности природы и отстаивает интерес к реальной, чувственной жизни, её «материальной природе»: «– Нет-с; это не по моей части-с <...> Я мясник-с; мое дело – мясо, мясо лепить, плечи, ноги, руки, а тут (в природе – А.Б.) формы нет, законченности нет, разъехалось во все стороны...» [11, с. 162]. Не отрицая самостоятельной эстетической ценности природы, художник отказывает ей в совершенстве, прежде всего, потому, что она «будит» в человеке «потребность любви и не в силах удовлетворить ее», а Шубин ждет от природы именно любви и волнующего счастья: «Знаю и я эти звуки, знаю и я то умиление и ожидание, которые находят на

душу под сенью леса, в его недрах, или вечером, в открытых полях, когда заходит солнце и река дымится за кустами. Но и от леса, и от реки, и от земли, и от неба, от всякого облачка, от всякой травки я хочу счастья...» [11, с. 166].

Утверждая бесчувственность природы по отношению к человеку, Шубин отмечает единство всего живого: «Меня больше всего поражает в муравьях, жуках и других господах насекомых их удивительная серьезность; бегают взад и вперед с такими важными физиономиями, точно и их жизнь что-то значит! Помилуйте, человек, царь создания, существо высшее, на них взирает, а им и дела до него нет; еще, пожалуй, иной комар сядет на нос царю создания и станет употреблять его себе в пищу. Это обидно. А с другой стороны, чем их жизнь хуже нашей жизни? И отчего же им не важничать, если мы позволяем себе важничать? Ну-ка, философ, разреши мне эту задачу!» [11, с. 162]. Впрочем, данное изречение Шубина, в котором всё дышит «преlestью молодости», не столько раскрывает особенности его восприятия природы, сколько подтверждает «счастливую веселость», «беспечность, самонадеянность, избалованность» [11, с. 161] художника.

Куда больше Шубина тревожат «тайны» человека, искусства, творчества. Пытаясь понять сущность человека (в частности, Елены Стаховой), художник проникательно чувствует, что «внутреннее» и «сокровенное» в нем нельзя вывести только из природы, биологических факторов, и в природном создании есть силы иного – «неведомого», «непостижимого» – мира: «Удивительное существо... странное существо. А дочь Николая Артемьевича Стахова! Вот после этого и рассуждай о крови, о породе. И ведь забавно то, что она точно его дочь, похожа на него и на мать похожа, на Анну Васильевну <...> Откуда же взялась эта душа у Елены? Кто зажег этот огонь? Вот опять тебе задача, философ!» [11, с. 164]. Не менее заботит Шубина вечная загадка искусства, творчества, в частности, антиков, сумевших соединить красоту и искусство, и потому творимые ими «создания» по-настоящему прекрасны: «Конечно; во всем красота <...> Старики – те за ней и не гонялись; она сама сходила в их создания, откуда – бог весть, с неба, что ли. Им весь мир принадлежал...». Сравнивая со «стариками-антиками» современных художников, в том числе, себя, Шубин с горечью констатирует: «... нам так широко распространяться не приходится: коротки руки. Мы закидываем удочку на одной точке, да и караулим. Ключет – браво! а не ключет...» [11, с. 164, 163].

Будучи страстным поклонником красоты, Шубин ценит её только в искусстве и женщинах («...кроме своего искусства, я люблю красоту только в женщинах...») и хочет не «сочувствовать» красоте, а обладать ею. Шубин советует другу не стучаться к немой «природе в дверь, а «запасть подругой сердца», занять «свое место в пространстве» и быть «телом»: «Ах, Андрей, Андрей, прекрасно это солнце, это небо, всё, всё вокруг нас прекрасно, а ты грустишь; но если бы в это мгновение ты держал в своей руке руку любимой женщины,

если б эта рука и вся эта женщина были твои, если бы ты даже глядел ее глазами, чувствовал не своим, одиноким, а ее чувством, – не грусть, Андрей, не тревогу возбуждала бы в тебе природа, и не стал бы ты замечать ее красоты; она бы сама радовалась и пела, она бы вторила твоему гимну, потому что ты в нее, в немую, вложил бы тогда язык!» [11, с. 166].

Желая самостоятельно распоряжаться собственной судьбой, мечтая о том, что «имя Павла Шубина будет со временем славное имя», утверждая свою эго-ценность, начинающий художник единственно значимыми и существенными в жизни провозглашает любовь и счастье. Ища личного наслаждения, Шубин хочет «быть номером первым» и «любить для себя»: «...я жду, я хочу счастья, я во всем чую его приближение, слышу его призыв!<...> Счастья! счастья! пока жизнь не прошла, пока все наши члены в нашей власти, пока мы идем не под гору, а в гору!» [11, с. 167].

Для Андрея Берсенева шубинские призывы быть «телом» и «номером первым» – «насмешка», «глумление». Побуждая друга любить красоту во всем её многообразии, Берсеньев цель человека видит в умении «поставить себя номером вторым» и настаивает, что это – «назначение нашей жизни». [11, с. 167]. Очевидно, что герой выступает приверженцем близкой автору идеи самопожертвования: «– Будто нет ничего выше счастья?» <...> такое ли это слово “счастье”, которое соединило, воспламенило бы нас обоих, заставляло бы нас подать друг другу руки? Не эгоистическое ли <...> не разъединяющее ли это слово?» [11, с. 167]. Через Берсенева писатель дает и «соединяющие» слова – «искусство», «родина», «наука», «свобода», «справедливость»: «– А любовь? – спросил Шубин.

– И любовь соединяющее слово; но не та любовь, которой ты теперь жаждешь: не любовь-наслаждение, любовь-жертва» [11, с. 167]. Сомневаясь в нравственной ценности счастья, находя в нем эгоистическое утверждение личности, Берсеньев превыше всего ставит долг и жертвенную любовь.

Судя по философскому спору героев, один из них – художник Павел Шубин – является сторонником эвдемонической культуры, гедонистом, который защищает значимость чувственной красоты, любви, наслаждения, этики удовольствия и считает, что красота и любовь освобождают человека от нравственных обязанностей. Напротив, «умница, философ», «третий кандидат Московского университета» Андрей Берсеньев предстанет романтиком по мироощущению, для которого решающее значение имеют высшие принципы – добро, справедливость, жертвование собой.

Объяснимо, почему Тургенев двух «проповедников» различных жизненных философий наделяет апостольскими именами – *Павел* и *Андрей*. В науке общепринято мнение, что в «Накануне» Андрей Берсеньев и Павел Шубин предстают антиподами. Л.М. Лотман, относя тургеневских героев к «художественно-мыслительному типу» – «типу людей отвлеченно-теоретического и образно-художественного творчества», отмечает, что

внутри этой «пары» наблюдаются «разнообразные» сопоставления и, главное, противопоставление идей, этических установок, личных характеров, избранного пути [8, с. 350]. С этим сложно не согласиться. Думается, однако, что при несомненной значимости ситуации идейного спора, столкновения противоположных идей, мнений собеседников задача писателя в романе – не только показать разные типы людей, изобразить противоположные стремления, философские взгляды героев, ищущих ответы на сложные бытийные вопросы, но и донести до читателя мысль о необходимости не разединения, а примирения различных по убеждениям, ценностной ориентации, личностным качествам лучших представителей русского общества накануне судьбоносных реформ. Примечательно, что в христианской традиции Апостолы Андрей и Павел, будучи братьями, имеют каждый своё первородство и их предназначение заключается не в противостоянии друг другу, а в примирении: «... дабы из двух создать в Себе Самом одного нового человека, устроая мир, и в одном теле примирить обоих с Богом посредством креста, убив вражду на нем» [Еф. 2:13-16]. Не исключено, что Тургенев использует в романе апостольские имена, помня, что сказано в Писании, и, тем самым, дополняет особым смыслом образы Андрея Берсенева и Павла Шубина.

Подтверждением такой интерпретации служат такие смежные детали, как желтые цветы *липы* и их *сладкий* запах, которые сопровождают в романе спор героев. И цветы *липы*, и *сладкий* запах не только характеризуют загородную усадьбу (дачу), в которой происходит действие, но и маркируют эмоционально-ценностную позицию автора. Известно, что в культурной традиции цветы *липы* символизируют примирение, а их ольфакторным свойством является *сладкий*, то есть покоряющий, влекущий, глубокий запах («грудь им охотно дышала»), который обращает к подсознанию, «тайной» стороне души спорящих героев, личные имена которых во многом проясняют авторский замысел.

Разумеется, при создании образов Павла Шубина и Андрея Берсенева важную роль играют не только они-мы, обладающие культурным потенциалом и вызывающие определенные ассоциации, эстетически значимым и, соответственно, функционально нагруженным в тексте является, в том числе, этимологический компонент антропонимов героев. В отличие от реальной жизни XIX века, когда верующие люди давали имя ребенку в честь святого, совершившего тот или иной подвиг во имя Христа, в художественном творчестве русские писатели при выборе имени персонажей руководствовались преимущественно (конечно, не всегда) его значением. Что касается романов Тургенева, то в них доминирует семантико-этимологический смысл антропонимов героев.

Так, в «Накануне» имя «молодого ваятеля» – *Павел* (от лат. paulus – «малый», «маленький», «небольшой») создает оценочное представление о начинающем скульпторе, который пока только крыльями «размахивает» и не может никак «полететь» [11, с. 169]. «Малость» героя

сказывается, в том числе, в сфере интимно-личных отношений. Любя Елену, ощущая богатство её души, Павел Шубин восхищается «чувственностью» Аннушки, плечами Зои и недоумевает, почему Елена «не понимает всей естественности подобных противоречий» [11, с. 179]. При этом Тургенев наделяет представителя искусства, сумевшего художественно точно выразить двойственность натуры Инсарова, прозорливо уловить «огонь души» Елены Стаховой, фамилией выдающегося скульптора XVIII века, известного мастера в области портретного бюста Ф.И. Шубина (1740-1805), который «из россов первый» «в плоть камень претворял» и сумел в своих работах раскрыть многогранность человеческого образа. В конце романа о Павле Яковлевиче Шубине сказано, что в Риме «он весь предался своему искусству и считается одним из самых замечательных и многообещающих молодых ваятелей» [11, с. 277, 299]. Отчество героя – *Яковлевич*, образованное от имени Яков (от ивр. יַעֲקֹב – «пятка», букв. – «последовал»), тоже предполагает, что он как скульптор следует за кем-то, следующий.

Тогда как «коренной русский человек» Андрей Петрович Берсенева, который при всей мягкости характера непреклонно защищает этические принципы самопожертвования, любви-долга, стоически отрекается от счастья («Что за охота лепиться к краешку чужого гнезда?»), твердо следует избранному пути «труженика» и бескорыстно наслаждается красотой природы, оправдывает и свое личное имя *Андрей* (от др.-греч. Ἀνδρέας – «мужественный, храбрый», от andros – «мужчина», «человек»), и отчество *Петрович* – «твердый», «непоколебимый», и фамилию *Берсенева*, восходящую к древнерусскому слову «берсень», т.е. «крыжовник» (или к татарскому слову «берйсень», т.е. «шиповник»), и образованную от прозвища человека, его разводящего.

Как видно, писатель использует прием апеллятивной мотивации антропонимов, значение которых общеизвестно или проясняется в контексте произведения. Наряду с этим, личные имена собственные спорящих героев получают в тексте дополнительные смысловые оттенки.

Хотя ни Шубин, ни Берсенева не являются теми «путными людьми», за которыми готова пойти Елена Стахова, но они едва ли играют второстепенную роль в понимании авторской картины мира. Несмотря на социальную пассивность, Шубин и Берсенева получают положительную оценку автора. Образ художника Шубина, которому принадлежат в романе психологически точные характеристики Елены, Инсарова, Берсенева, Курнатовского, Увара Стахова, одухотворен мыслями писателя о сущности и природе творческой личности. Обращаясь в «Накануне» к весьма популярной в 1850-е годы теме художника, писатель отступает от характерных для того времени идеализации и романтизации человека искусства и развивает пушкинскую тему двойного бытия художника. Шубин изображен в двух сферах – житейских будней и творчества, в двух ипостасях – жуиром, гедонистом, стремящимся к личному счастью, погруженным в «заботы суетного света», и художником,

верным искусству. В финале тургеневского романа возникает еще одна пушкинская тема – тема преданного, а значит, жертвенного отношения художника к творчеству.

В свою очередь, склоненного к самоотречению Берсенева отличает многообразие внутреннего мира. В герое «светится» «тихое умирение благородных чувств» [11, с. 177]; он часто находится во власти «смутных», «сладких», «беспредметных», «всеобъемлющих» ощущений, поэтического созерцания, не чужд восторженного и мечтательного идеализма, верен возвышенным идеалам и преклоняется перед «вечным, чистым искусством» [11, с. 243]. Автору импонирует личность Берсенева и способностью любить красоту, и преданностью нравственным принципам. Независимо от того, что Берсеньев, по меткому замечанию Шубина, – всего лишь «добросовестно-умеренный энтузиаст», он – «истый представитель <...> жрецов науки» [11, с. 179]. В конце романа автор сообщает, что Берсеньев, находясь в Гейдельберге, «не теряет даром времени; из него выйдет дельный профессор» [11, с. 299].

Таким образом, каждый из представленных в романе «русских людей культурного слоя»: и сдержанный, скромный, «нравственно» опрятный Андрей Берсеньев, в структуре личности которого сочетаются жертвенная настроенность и эстетическое чувство; и артистичный, изящный, обладающий поэтической натурой и художественной интуицией Павел Шубин, который возвещает высшими благами мира любовь, красоту, искусство, – выступают носителями близких автору идей и черт характера, и признаковый характер у героев носят и имя, и отчество, и фамилия, раскрывающие свойства, качества их личности.

Соответствие онтологического смысла имени и сущность его обладателя наблюдается в контексте образа еще одного романного персонажа – дальнего родственника семейства Стаховых Увара Ивановича Стахова. Значимость в «Накануне» данного образа состоит в том, что с ним связан один из основных вопросов романа о будущем России, который звучит в произведении дважды. Впервые он появляется после известия о тайном венчании Елены и болгарского патриота Инсарова. Шубин, размышляя о выборе «удивительной девушки» и общественной индифферентности своих «негероических» современников, восклицает: «Расстается с родиной, с семьей; а я ее понимаю <...> Нет еще у нас никого, нет людей, куда ни посмотри. Всё – либо мелюзга, грызуны, гамлетики, самоеды, либо темнота и глушь подземная, либо толкачи, из пустого в порожнее переливатели да палки барабанные! А то вот еще какие бывают: до позорной тонкости самих себя изучили, щупают беспрестанно пульс каждому своему ощущению и докладывают самим себе: вот что я, мол, чувствую, вот что я думаю. Полезное, дельное занятие!». [11, с. 278]. Обращаясь к лежащему на постели Увару Ивановичу Стахову, в позе которого, по замечанию художника, неизвестно чего больше – «лени или силы», и называя его «великим философом земли русской», каждое слово которого – «чистое золото», Шубин задает мучающий его

вопрос: «Нет, кабы были между нами путные люди, не ушла бы от нас эта девушка, эта чуткая душа, не ускользнула бы, как рыба в воду! Что ж это, Увар Иванович? Когда ж наша придет пора? Когда у нас народятся люди?»

– Дай срок, – ответил Увар Иванович, – будут.

– Будут? Почва! черноземная сила! ты сказала: будут? Смотрите же, я запишу ваше слово» [11, с. 278]. Как справедливо замечено еще Г.А. Бялым, «сентенции» Увара Ивановича Стахова «чрезвычайно многозначительны, несмотря на комический характер его облика». Герой, как и автор, считает, что появление героических личностей в России неизбежно, но «только еще в будущем»: «Об этом говорит заглавие повести, об этом пророчествует и “черноземная сила”...» [4, с. 358].

Второй раз вопрос о будущем России, необходимости сознательной, «славной, смелой» деятельности возникает в письме Шубина, адресованном «неизменившемуся», в отличие от других персонажей, Увару Ивановичу, и им (вопросом) завершается роман Тургенева: «”Помните <...> что вы мне сказали в ту ночь, когда стал известен брак бедной Елены, когда я сидел на вашей кровати и разговаривал с вами? Помните, я спрашивал у вас тогда, будут ли у нас люди? и вы мне отвечали: “Будут”. О черноземная сила! И вот теперь я отсюда, из моего “прекрасного далека”, снова вас спрашиваю: “Ну, что же, Увар Иванович, будут?”. Увар Иванович поиграл перстами и устремил в отдаление свой загадочный взор» [11, с. 300].

То, что представитель «молодого племени» русских дворян Павел Шубин постоянно задает вопрос о будущем шестидесятилетнему, «тучному до неподвижности» Увару Ивановичу Стахову, автор объясняет существованием между ними «какой-то странной связи и бранчивой откровенности» [11, с. 215], и эти «странные» отношения обращают к философскому подтексту романа о глубинном родстве поколений, неразрывной связи прошлого, настоящего и будущего России.

Надо согласиться с М.М. Бахтиным, что в романе Тургенева Увар Иванович Стахов – это «почти символическое лицо»: «Он все понимает, чрезвычайно умен, но ко всему равнодушен, и потому ничего не делает. В нем заложен избыток природной, черноземной силы, которая покуда спит» [1, с. 220]. В тексте знаком уникальной сути героя являются, в том числе, его антропонимы. Личное имя героя – *Увар* – стилизовано под «просто-народное» и подчеркивает «черноземную ... силу», «хоровое начало» представителя корневой «почвы», на ночном столике которого всегда стоит кружка с квасом [11, с. 276]. Герой наделен и характерно русским, с ярко выраженной национальной окраской патронимом – *Иванович*, образованным от имени Иван (ивр. יְהוֹחָנָן Iêhōhānān), которое в буквальном переводе означает 'Яхве (Бог) помиловал; Бог милует; будет помилован' и одно из онтологических значений которого – «Божий», что отражает намерение писателя – создать в лице Увара Ивановича обобщенный образ русского человека. Фамилия *Стахов*, образованная от имени родоначальника рода – Евстафий (древнегреческое Εὐστάθιος

– «крепкий, здоровый, уравновешенный, спокойный», от древнегреческого εὖ – «хорошо, добро, благо», древнегреческого στέθερός – «твердо стоящий»), в близком окружении – Стах, и означающая «устойчивый, постоянный, неизменный», точно и емко характеризует носителя природной силы, который спокойно принимает существующие жизненные противоречия, выступает сторонником традиций старого дворянства и потому, по словам Шубина, выражающего авторскую точку зрения, является «фундаментом общественного здания» [11, с. 193].

Иной тип связи имени и носителя наблюдается у таких персонажей, как родители Елены Стаховой. В структуре полного имени её отца, человека эгоистичного, легкомысленного, но постоянного в своих страстях и страстишках, с образом которого в романе связана тема «дрянности и дряблости у нас семейной жизни» [3, с. 449], оним *Николай* (восходит к древнегреческому Νικόλαος [νίκω – «побеждать» и λαός – «народ»]), патроним *Артемович* (греческое Αρτέμιος – «посвященный Артемиде», девственной богине, дающей счастье в браке) и фамилия *Стахов* («устойчивый, постоянный»), указывают на противоречивость его характера.

Столь же неоднозначна взаимосвязь компонентов полного имени в контексте образа матери Елены – Анны Васильевны Стаховой. Если оним и фамилия героини выявляют особенности её характера, то патроним *Васильевна*, образованный от мужского имени греческого происхождения Василий (от древнегреческого Βασίλειος), означающего «царский, царственный» и подразумевающего масштабность натуры человека, его обращенность к глобальным проблемам, принадлежит ограниченной, «скукавшей барыне», «курице», по словам Шубина [11, с. 164]. В то время как внутренняя форма личного имени *Анна* (от ивр. אַנָּה, также от древнегреческого – Άννα), означающего «расположение, благосклонность, благоволение», находит мотивацию в тексте и способствует углублению характеристики героини. Анна Васильевна, например, прилагает большие усилия для того, чтобы отец, обходившийся с Еленой после известия о том, что «дочь столбового дворянина Николая Стахова вышла за бродягу, за разночинца! Без родительского благословения!», «презрительно холодно», прощает и благословляет её: «Вот тебе, Елена, наше последнее родительское благословение, – сказал он <...> достав из кармана сюртука маленький образок, зашитый в бархатную сумочку, надел ей на шею. Она зарыдала и стала целовать его руки...» [11, с. 283]. Вряд ли отец Елены и, тем более, её мать подвижны только боязнью «осуждений, пересудов, толков». В Анне Васильевне есть и забота о дочери, и доброта («с <...> нежностью она обняла свою добрую мать»), и жертвенность, и благорасположенность («встретила его с наружным волнением и тайною радостью»), и определяет личностные качества героини её личное имя.

Существенную роль в построении образа матери Елены играет её девичья фамилия – *Шубина*, происходящая от личного прозвища предка, которое образо-

вано от слова «шуба». Уже в древней Руси шуба – это необходимый предмет национальной одежды, но постепенно она становится знаком социальной принадлежности человека. Прозвище «Шуба» могло содержать указание как на род деятельности предка, так и на его достаток, а также на особенности характера и предполагать или профессию, или благосостояние, или такие качества, как мягкость, теплота, прочность. Думается, что в тургеневском тексте фамилия *Шубина* обладает смысловой нагрузкой: Анна Васильевна, урожденная Шубина, – «наследница довольно значительного имения», и «сердце у ней <...> очень любящее и мягкое» [11, с. 170, 172]. Смена фамилии (*Шубина* → *Стахова*) отражает изменение жизни («скоро перемолола») героини, но смысл, скрытый в фамилии *Стахова*, обнаруживает неизменные черты её внутреннего мира. По сути дела, все представители данной фамилии оказываются в романе носителями устойчивого, постоянного, исконно русского качества – доброты («О вы, русские <...> золотые у вас сердца!»).

Что касается антропонимов других второстепенных персонажей романа, то их имена тоже содержат важные сообщения и участвуют в создании их образов. Так, полное имя «жениха» Елены Егора Андреевича Курнатовского конкретизирует его образ. Если фамилия – *Курнатовский*, имея социально значимый для изображенной в произведении эпохи суффикс – ск(ий), ориентирует на социальный статус героя («Образования отличного, он правоведа, манеры прекрасные, тридцать три года, обер-секретарь, коллежский советник, и Станислав на шее»); то имя – *Егор*, являющееся в русском языке фонетическим, производным вариантом мужского имени греческого происхождения Георгий (восходит к древнегреческому Γεώργιος, в переводе – «земледелец»), в середине XIX века имеет иную социальную окрашенность и относится к простонародному именнику. «Конфликтность» личного имени и фамилии свидетельствует о двойственности характера героя, которую усиливает его отчество – *Андреевич* (от др.-греч. Ἀνδρέας – «мужественный, храбрый», от andros – «мужчина», «человек»).

В отличие от фамилии – *Курнатовский*, имеющей затемненную внутреннюю форму и выступающей скрытоговорящей номинацией героя, его именной комплекс (оним *Егор* и патроним *Андреевич*), содержащий в себе указание на человека, близкого к земле, крепко стоящего на ней, обрабатывающего её, мужественного и храброго, контрастирует с образом обер-секретаря при сенате. Несмотря на то, что Егор Андреевич Курнатовский представлен в романе человеком успешным, старательным, крепко стоящим на земле, способным к «пожертвованию своих выгод» (что, казалось бы, соответствует значению его имени), он – существо деспотичное, самоуверенное, поверхностное («в художестве ничего не смыслит»), в котором «есть что-то железное... и тупое и пустое» и которому, по словам Елены, «беда попасться <...> в руки!» [11, с. 248].

Примечательно, что художник Шубин, относя

Курнатовского и Инсарова к одному – «действительному типу» людей («практические люди»), замечает, что в противоположность «болгару», стремящемуся всего себя посвятить «делу трудному» – освобождению родины, у Курнатовского – один узкий практицизм, «служебная честность и дельность без содержания» [11, с. 249]. Елена Стахова тоже отмечает существенное различие между Инсаровым и Курнатовским, в котором отсутствуют и любовь к родной земле, и тяга к высокому идеалу, составляющие основу личности «болгара»: «Ты веришь, а тот нет, потому что только в самого себя верить нельзя» [11, с. 249]. Несомненно, образ «практического» Курнатовского оттеняет в романе не только образ Инсарова, но и образы русских дворян-интеллигентов Берсенева и Шубина. В отличие от них, Курнатовский крайне односторонен и посредственен. На «науки, университеты» он смотрит как «на гимнастику какую-то», считает, что художество «и не нужно, но в благоустроенном государстве допускается», ничего не смыслит в юридическом вопросе и заявляет, что человека, берущего взятку, который «во многих случаях не виноват; он иначе поступить не мог», «если <...> попался», должно «раздавить» «ради принципа» [11, с. 248]. Красноречиво характеризует Курнатовского то, что даже с Еленой он разговаривает как «очень, очень снисходительный начальник». Пожалуй, из всех «женихов» героини, прошедших через ряд испытаний (в частности, любовью), преодолевших различные жизненные перипетии, только самоуверенный «практик, делец» Егор Курнатовский, личное имя которого связано с высоко чтимым в России святым Георгием Победоносцем, идеальным воином, победителем змия, защитником родины, лишен авторской симпатии. Тургенев отказывает «практическому» человеку, стремящемуся из всего извлечь пользу, в грядущей преобразовательной деятельности в отечестве. В характере, поведении, поступках Егора Андреевича Курнатовского нет ни черт святого Георгия, ни качеств, обещанных семантикой его имени и патронима. В конце романа автор не без иронии характеризует господина Курнатовского как «человека с темпераментом», «энергического брюнета», «охотника до миловидных блондинок», который женится на Зое Мюллер: «... она у него в большом повиновении и даже перестала думать по-немецки» [11, с. 299].

В свою очередь, фамилия «русской немочки» – Мюллер, одна из самых распространенных у обрусевших немцев, определяет её национальность, а личное имя Зоя (восходит к древнегреческому Ζωή – «жизнь») – доминанту характера. Образ Зои, миленькой, кокетливой, с «красными крошечными губками, белокурой, пухленькой», «очень недурно» поющей русские романсы, разыгрывающей на фортепьяно «разные то веселенькие, то чувствительные штучки», одевающейся «со вкусом, но как-то по-детски и уже слишком опрятно» [11, с. 173], Тургенев строит как «параллель и антитезу» Елене Стаховой и в имени зашифровывает важную информацию о «русской немочке», главная цель существования которой – благоустроенная, размерен-

ная, спокойная, упорядоченная жизнь. Прав философ В.К. Кантор, что «любовь к уюту и организованности жизни» переходит у Зои «в раздражающее писателя филистерство, мещанство, желание любой ценой обустроить свою жизнь» [6]. Не удивительно, что Елена, оставаясь наедине со своей приземленной, лишенной высоких порывов души и заботящейся только об удовлетворении собственных потребностей компаньонкой, решительно не знает, о чем с ней разговаривать.

Закономерен выбор имени и подруги десятилетней Елены Стаховой – Катя, которое является уменьшительной формой женского имени Екатерина, восходящего к древнегреческому Αικατερίνη – «вечно чистая» и греческому καθαρή – «чистый, непорочный». Слова нищей девочки о жизни «на всей божьей воле» вызывают у маленькой Елены «тайное уважение и страх», кажутся «чем-то особенным, чуть не священным», рождают мечту о том, «как она вырежет себе ореховую палку, и сумку наденет, и убежит с Катей, как она будет скитаться по дорогам в венке из васильков...» [11, с. 183]. Наряду с *ореховой палкой, сумкой, венком, васильками*, вносящими в текст метафорический смысл [2], нищета Кати («Ибо вы знаете благодать Господа нашего Иисуса Христа, что Он, будучи богат, обнищал ради вас, дабы вы обогатились Его нищетою» [2 Кор 8:9]) и её имя, которое прочитывается, как «вечно чистая», отсылают к христианскому странничеству как духовному исканию. В романном пространстве именно встреча с нищей девочкой Катей определяет духовный рост Елены, в которой «неведомые, новые» слова о «*божьей воле*» («Последние слова нищей девочки беспрестанно звучали у ней в ушах...») усиливают чувство сопереживания, сострадания, любви к ближнему, нравственной ответственности за всех «нищих, голодных, больных» [11, с. 183].

Даже эпизодически появляющаяся в романе горничная не случайно названа *Аннушкой* – уменьшительно-ласкательной формой женского имени Анна. С древнееврейского языка оно переводится как «миловидная», «грациозная», «благодать». Напомним, что в своем первоначальном значении слово «благодать» выражает понятие о приятных свойствах лица или предмета, вызывающих чувство эстетического удовольствия и удовлетворения [5]. В образе приятельницы Шубина, обладательнице «миловидного» лица, воплощено чувственное начало («Да здравствуют же Аннушки, и Зои, и самые даже Августины Христиановны!»). Недаром призывающий к любви-наслаждению Шубин, создав «карикатуру» на себя, лепит две «близко поставленные, точно сросшиеся, головы» – свою («испитого, исхудалого жуира») и Аннушки, представленной «красивою жирною девкой», «всё лицо» которой выражает «чувственность, беспечность и удаль, не без добродушия» [11, с. 241-242].

Наконец, в финале романа появляется персонаж по фамилии *Лупояров*. Посредством придуманной писателем фамилии, состоящей из двух компонентов: «лупа» – «увеличительное стекло» и «яр», то есть «жар,

огонь, пыл», или «ярый», то есть «огненный, пылкий, пламенный; бойкий, быстрый», «страстно преданный чему-либо, упорно придерживающийся чего-либо, увлекающийся чем-либо», «чрезмерный, крайний в своем проявлении, необычайный по силе, интенсивности», – автор, с одной стороны, выражает свое негативное отношение к персонажу, с другой – определяет его роль и значение в тексте. Несмотря на то, что эпизодически присутствующий в произведении Лупояров не связан с основными событиями, его образ чрезвычайно важен в романе, поскольку неотделим от одной из ключевых тем – темы молодого поколения. В образе Лупоярова, человека с «бойкими глазками», развязном, пламенном на словах, но пустом и интеллектуально ограниченном, писатель высвечивает и заостряет характерные черты, взгляды, манеру поведения молодых русских псевдо-прогрессистов и, тем самым, концентрирует внимание читателя на одном из значимых общественных явлений в России. Во время визита к Инсарову Лупояров, едва зная его и постоянно путая имя и отчество, «бурно» рассуждает о политике, прогрессе («Я всегда был за прогресс. Молодое поколение всё за прогресс»), войне («...я рад войне; только как бы домой не потребовали»), социальных вопросах, «восстает» против аристократии. Показательна реакция Инсарова, измученного неожиданным посещением и легкомысленной «трескотней» самодовольного Лупоярова и с горечью говорящего Елене: «... вот ваше молодое поколение! Иной и важничает и рисуется, а в душе такой же свистун, как этот господин» [11, с. 294].

По мнению П.С. Рейфмана, «слово “свистун” (как-то ориентированное на название “Свистка” Добролюбова; “Свисток” начал выходить с января 1859 г., как раз тогда, когда писался роман “Накануне”», употребляемое Инсаровым для характеристики Лупоярова и ему подобных, было довольно распространенным для обозначения той категорий, которых, после публикации “Отцов и детей”, стали называть “нигилистами”». Так, Тургенев «отмежевывает Инсарова от таких “свистунов”, такого “молодого поколения”» [10, с. 142].

Полагаем, что писатель через Инсарова дает Лупоярову емкое прозвище – «свистун», которое в лексике древнерусских говоров, кроме «птицы, дикого гуся» или «кулика» (от «свистеть»), означает «тунеяд, шатун, пустоброд, лентяй, повеса», «пустой человек, бездельник». Как известно, прозвища в художественном произведении «ярко эмоциональны и экспрессивны, ибо обладают эмоционально-оценочной функцией». В то же время «прозвище не превращается в абстрактное понятие», а «сохраняет предметность и зримость образа, поскольку качество человека обозначено через конкретный и знакомый коллективу предмет», и в нём (прозвище) «осуществляется движение от конкретного к абстрактному и через него вновь к чувственно-конкретному, предметно зримому» [7, с. 35]. В тургеневском романе прозвище «свистун», как и стилистически сниженная фамилия *Лупояров*, не только служит характеристике персонажа и выражению авторского отношения к нему,

но и помогает понять особенности той части русской молодежи, которая раскрыта с помощью его образа и которая, с точки зрения автора, не может быть движущей силой общественного прогресса, ибо состоит из крайних в своем проявлении пустых «бездельников».

Помимо эмоционально окрашенных прозвищ (Лупояров – «свистун», Николай Артемьевич Стахов – «frondeur», в данном случае – недовольный, склонный противоречить человек), которые достаточно часто встречаются в романах Тургенева, в именнике второстепенных персонажей «Накануне» можно выделить следующие группы антропонимов: имена, значение которых подтверждается в тексте (Павел Яковлевич Шубин, Андрей Петрович Берсенева, Увар Иванович Стахов); имена, значение которых обосновывается косвенно или частично (Анна Васильевна Стахова, Зоя Мюллер, Катя, Аннушка); имена, значение которых не подтверждается контекстом или отчасти подтверждается им (Николай Артемьевич Стахов); имена, противоречащие характеру, поведению, нравственным качествам их обладателя (Егор Андреевич Курнатовский). При этом все антропонимы, выполняя в тексте характерологическую функцию, помогают адекватному восприятию авторского замысла.

Заслуживают внимания, в том числе, антропонимы эпизодических фигур романа (опекун Анны Васильевны Ардалион Чикурасов, любовница Николая Стахова Августина Христиановна, её кузина Феодолинда Петерзилиус, приятель Шубина Харлампий Лушихин), поскольку, во-первых, в именовании этих персонажей ощутима скрытая ирония автора, во-вторых, их личные имена, неся определенные сообщения, косвенно мотивированы в тексте.

Ионим *Ардалион*, образованный от латинского слова *ardalio* – «суетливый человек, хлопотун» или от слова *ardelio* – «праздный человек», принадлежит «меценату из казанских татар» и благодетелю Анны Васильевны, который живет «открыто» и праздно [11, с. 170]. Личное имя *Харлампий* (от древнегреческого *Χαράλαμπος*: *χάρις* – «красота, радость, милость, благодать» + *λάμπω* – «светить, освещать»), означающее «светящийся радостью», в некоторой степени характеризует «первую московскую» или даже «великороссийскую воронку», т.е. пьяницу, которому «бутылка» «говорит» многое [11, с. 242]. Сатирический талант писателя проявляется также в именовании Августины Христиановны и Феодолинды Петерзилиус. Личное имя первой – *Августина* (от латинского – *Augustinus*), образованное от римского императорского титула и означающее «величественная», «священная», «полная достоинства», и отчество *Христиановна* (от средневекового латинского имени *Christianus* – «христианин») – «посвященная Христу» – принадлежат женщине, которая для Николая Артемьевича Стахова добродетельна («... я вам скажу, что я подобной женщины не знаю. Эта честность, это бескорыстие...»), а для Шубина – внешне противна и внутренне порочна: «Я ничего не знаю гнуснее ее утиной физиономии!» [11, с. 164]. Согласно ху-

дожнику, аморален не только Николай Стахов («Каким семейством бог благословил этого человека: нет, поддай ему Августину Христиановну!»), но и его любовница, которая живет не по-христиански, расчетлива и подла: «... Николай Артемьевич никак не подозревал того, что Августина Христиановна в письмах к своей кузине, Феодолинде Петерзилиус, называла его: Mein Pinselchen»¹ [11, с. 171-172]. В свою очередь, имя кузины – Феодолинда Петерзилиус – прочитывается, как «народная кротость петрушки» (*Феодолинда* – от древнегерманского имени Theudelinda: thiot, thiod «народ» + lind, lint – «мягкий, нежный, гибкий, кроткий» или lind, lint – «змея», или linda, linta – «липа»; *Петерзилиус* – от латинского слова petroselinum: petros «камень» + selinon «сельдерей» – «горный сельдерей» или «петрушка»). Конечно, для читателя семантика этих стилизованных под иностранные ионима и фамилии не лежит на поверхности, но сочетание «королевского» имени *Феодолинда* (русская форма – *Феодолинда*) и фонетического облика фамилии *Петерзилиус* позволяет автору выразить свое негативно-ироничное отношение и к Феодолинде

Петерзилиус, и к её кузине Августине Христиановне.

Следовательно, и онимы, и созданные писателем с оттенком иронии (*Петерзилиус*, *Чикурасов*) или фонетически неблагозвучные (*Луцихин*) фамилии эпизодических фигур романа способствуют выявлению авторской позиции и индивидуального стиля Тургенева – точного, изящного, остроумного.

Итак, антропонимы – значимый компонент в «Накануне». В его антропонимическом пространстве личные имена собственные, будучи элементами характеристики как главных, так и второстепенных героев, находятся в сложных отношениях друг с другом. В системе образов второстепенных персонажей в большинстве случаев антропонимы определяют их сущность, реже – не соответствуют свойствам, основным чертам носителя, как правило, эгоистичного и себялюбивого. Вместе с тем все антропонимы у Тургенева сосредоточивают в себе весомый объем информации, являются существенными смысловыми концептами художественного мира автора и играют важную роль в понимании романа.

Примечание

- 1 Мой дурачок (нем.).

Библиографический список

1. Бахтин М.М. Проблемы творчества Достоевского. Статьи о Толстом. Записи курса лекций по истории русской литературы // Бахтин М.М. Собрание сочинений: В 7 т. Т.2. Москва: Русские словари, 2000. 800 с.
2. Бельская А.А. Смысловая нагрузка запаха в контексте образа главной героини романа И.С. Тургенева «Накануне» // Ученые записки Орловского государственного университета, серия «Гуманитарные и социальные науки»: научный журнал. Орёл: Орловский государственный университет, 2016, № 1(70). С. 66-73.
3. Битюгова И.А. Примечания // Тургенев И.С. Полн. собр. соч.: В 30-и тт. Т. VI. Москва: Наука, 1981. С. 428-477.
4. Бялый Г.А., Клеман М.К. Тургенев // История русской литературы: В 10 т. Москва; Ленинград: Издательство АН СССР. Институт русской литературы (Пушкинский Дом), 1941-1956. Т. VIII. Литература шестидесятых годов. Ч. 1. 1956. С. 316-399.
5. Иерей Олег Давыденков. Учение о благодати как о силе, нас освящающей. Понятие о благодати в свете Свщ. Писания // Иерей Олег Давыденков. Догматическое богословие. URL: http://azbyka.ru/vera_i_neverie/o_boge2/davudenkov_dogmatika_1g_29_all.shtml
6. Кантор В.К. Немецкое русофильство, или Предчувствие нацизма (Еврейская тема в повести И.С. Тургенева «Несчастная») // Интернет-журнал «Гестер». 02.06.2014. URL: <http://gester.ru/archive/12406>
7. Карпенко Ю.А. Имя собственное в художественной литературе // Филологические науки. 1986. № 4. С. 34-40.
8. Лотман Л.М. Реализм русской литературы 60-х годов XIX века. (Истоки и эстетическое своеобразие). Ленинград: Наука, 1974. 350 с.
9. Никонов В.А. Имена персонажей // Поэтика и стилистика русской литературы. Памяти академика В.В. Виноградова. Ленинград: Наука, 1971. С. 407-419.
10. Рейфман П. «Новый человек» на rendez-vous (роман И.С. Тургенева «Накануне») // Труды по русской и славянской филологии. Литературоведение. Тарту. 1998. № 1. С. 124-145.
11. Тургенев И.С. Накануне. Полн. собр. соч.: В 30-и тт. Т. VI. Москва: Наука, 1981. С. 159-300.

References

1. Bakhtin M.M. Problems of creativity Dostoevsky. Articles about Tolstoy. Records of a course of lectures on the history of Russian literature // Bakhtin M.M. Collected Works: In 7 volumes. Vol. 2. Moscow: Russian dictionaries, 2000. 800 p.
2. Belskaya A.A. Semantic load of smell in the context of the image of the main heroine of the novel I.S. Turgenev «On the Eve» // Uchenye zapiski Orel State University, a series of «Humanitarian and social sciences»: a scientific journal. Orel: Orel State University, 2016, №1 (70). Pp. 66-73.
3. Bituyogova I.A. Notes // Turgenev I.S. The complete collection of works and letters in 30 volumes. Vol. VI. Moscow: Nauka, 1981. Pp. 428-477.
4. Byaly G.A., Clement M.K. Turgenev // History of Russian Literature: 10 volumes. Moscow; Leningrad: Publishing House of the USSR Academy of Sciences. Institute of Russian Literature (Pushkin House), 1941-1956. Vol. VIII. The literature of the sixties. Part 1. 1956. Pp. 316-399.
5. Priest Oleg Davydenko. The doctrine of grace as a force us sanctifying. The concept of grace in the Scripture // Priest Oleg Davydenko. Dogmatic theology. URL: http://azbyka.ru/vera_i_neverie/o_boge2/davudenkov_dogmatika_1g_29_all.shtml
6. Cantor V.K. German Russophilia, or Premonition of Nazism (The Jewish theme in the novel «Unhappy» by I.S. Turgenev). URL: <http://gester.ru/archive/12406>
7. Karpenko Yu. A. Proper Name in Fiction // Philological Sciences. 1986. No. 4. S. 34-40.
8. Lotman L.M. The realism of Russian literature of the 60s of the XIX century. (Origins and aesthetic originality). Leningrad: Nauka, 1974. 350 p.
9. Nikonov V.A. Names of characters // Poetics and stylistics of Russian literature. In memory of academician V.V. Vinogradov. Leningrad: Science, 1971. Pp. 407-419.
10. Reifman P. «New Man» on rendez-vous (novel by I.S. Turgenev «On the eve») // Transactions in Russian and Slavic Philology. Literary criticism. Tartu 1998. No. 1. Pp. 124-145.
11. Turgenev I.S. On the eve The complete collection of works and letters in 30 volumes. Vol. VI. Moscow: Nauka, 1981. Pp.159-300.

УДК 821.161.1

UDC 821.161.1

БУБНОВ С.А.

кандидат филологических наук, доцент кафедры теории и методики обучения русскому языку и литературе, Орловский государственный университет имени И.С. Тургенева
E-mail: bubnows@yandex.ru

BUBNOV S.A.

Candidate of Philology, Associate Professor, Department of Theory and Methodology of Russian Language and Literature Education, Orel State University
E-mail: bubnows@yandex.ru

**КНИГИ СТИХОВ С.А. ЕСЕНИНА «СТРАНА СОВЕТСКАЯ» И «РУСЬ СОВЕТСКАЯ»
В ВОСПРИЯТИИ СОВРЕМЕННОСТЕЙ**

**BOOKS OF POEMS BY S. A. YESENIN «SOVIET COUNTRY» AND «SOVIET RUSSIA»
IN THE PERCEPTION OF CONTEMPORARIES**

В статье исследованы литературные отзывы современников поэта на книги стихов С.А. Есенина «Страна советская» и «Русь советская».

Ключевые слова: С. Есенин – «спутник» революции, большой поэт современности, советская Россия.

The article examines the literary reviews of the poet's contemporaries on the books of poems by S. A. Yesenin «Soviet Country» and «Soviet Russia».

Keywords: S. Yesenin – “satellite” of the revolution, a great poet of our time, Soviet Russia.

В период с осени 1924 года по весну 1925 года С.А. Есенин пробыл на Кавказе, где вдохновенно работал над созданием новых произведений. Тогда поэтом было написано около ста стихотворений. О своем творческом подъеме он сообщал из Батуми: «Так много и легко пишется в жизни очень редко» [2, с. 193].

В 1925 году С. Есенин издал свои очередные книги стихотворений. В издательствах «Советский Кавказ» и «Бакинский рабочий» у него вышли сборники стихов «Страна советская» и «Русь советская». В предисловии ко второй книге П. Чагин, известный партийный журналист, так аттестовал творчество поэта: «поэтический талант Сергея Есенина встречает все более широкое признание в литературной критике и в читательской массе» [9, с. 3]. Этому признанию, по мнению редактора газеты «Бакинский рабочий», способствовало то, что интимная лирика С. Есенина прочно вошла в круг социальных и «гражданских» мотивов. Зная лично поэта, П. Чагин был убежден, что «из пьяного кабацкого смрада есенинская лирика с огромной стихийной силой вырвалась на вольный воздух, на улицу и зазвучала в унисон с кликами и звуками революционной толпы, с той «музыкой революции», которую завещал слушать Блок» [9, с. 3]. Доброжелательное отношение автора предисловия к книге стихов «Русь советская» отразилось и в его «идеологической» характеристике поэта, который был представлен уже не «попутчиком», а «спутником» революции. Партийный работник, не забывая о большевистской пропаганде, также акцентировал внимание на лучшие, с его точки зрения, «гражданские» произведения поэта, причислив к превосходным созданиям есенинского пера такие, как «На родине», «Русь со-

ветская». В этих стихотворениях Есенина, по мнению П. Чагина, нашел свое поэтическое выражение зримо осязаемый перелом, который происходил в настроениях и мироощущениях интеллигенции. Это ставилось критиком в заслугу есенинскому таланту и свидетельствовало о том, какого большого поэта приобретала советская страна. П. Чагин был одним из немногих штатных партийных работников, кто с пониманием и тактом интерпретировал есенинскую поэзию рассматриваемого периода.

На вышедшие в г. Баку книги стихов С. Есенина появились критические отзывы.

А. Лежнев откликнулся на сборник стихотворений «Страна советская» рецензией в газете «Правда». По мнению критика, поэт в своей очередной книге избавился от мрачных и личных настроений «Москвы кабацкой». В «Стране советской» С. Есенин обратился к более широким и значимым темам, восстанавливая, по мнению Лежнева, «прерванную связь с общественностью» [4, с. 6], стараясь определить свое место в новой жизни и принимая в ней живое и посильное участие. Критик положительно оценил происходящие перемены в творческой эволюции поэта, однако советовал певцу деревни, изб и кленов не обращаться к теме индустриализации страны, казавшейся критику нехарактерной для есенинской поэзии. К числу лучших стихотворений в книге А. Лежнев причислил «Возвращение на родину», «Русь советская», «Письмо матери», «Письмо к женщине», «Метель». По мнению критика, ратовавшего за точное, глубокое и правдивое изображение действительности в искусстве, эти искренние и сильные произведения Есенина свидетельствовали о том, что

поэт вышел на новую и верную дорогу. Стихи из книги «Страна советская» рекомендовались со страниц газеты «Правда» широкому кругу читателей.

А. Воронский, внимательно следивший за творчеством поэта, не разделял мнение А. Лежнева на так называемую «советскую» тему. Редактор журнала «Красная новь» дал есенинским стихам данной тематики негативную оценку. В частности о «Стансах» критик писал: «"Стансам" не веришь, они не убеждают. В них не вложено никакого искреннего чувства, и клятвы поэта звучат сиротливо и фальшиво» [1, с. 306-307]. Отрицательная оценка объясняется тем, что на момент выхода «Страны советской» большевики от литературы требовали «марксизма и коммунизма целостного, законченного и завершенного, именно на все 100%» [1, с. 306-307]. Критик не поверил в искренность поэта и не разглядел происходящих перемен в жизни Есенина.

Автор «Комментария» к Полному собранию сочинений в 7 томах С.И. Субботин приводит отклик на «Стансы» поэта-футуриста В. Маяковского, который в публичном выступлении в Нью-Йорке (осенью 1925 года) отметил талант С. Есенина и отдал должное последним произведениям поэта, осознававшего необходимость «засесть за Маркса» [7].

В другой статье, также размышляя о последних произведениях поэта («Письмо матери», «Памяти Шириева», «На родине» и др.), критик А. Воронский справедливо отмечал, что стихи поэта привлекают подлинной искренностью, задушевностью, теплотой и мягким лиризмом, заключавшимся в особенной психологической напряженности затрагиваемых тем и проблем. Критики-перевальцы в оценках есенинской поэзии не всегда выражали уверенность в искренности лирических чувств и настроений поэта и критиковали его за ограниченность разработки актуальных тем современности.

Более правдиво и непредвзято есенинскую ленинскую оценку оценил И. Оксенов. В статье «Ленин в русской поэзии» критик отмечал, что в отрывке из поэмы «Гуляй-поле» С. Есенин удачно создал образ Ленина-человека. Однако образ Ленина-вождя поэту художественно воссоздать пока не удалось, поскольку для этого нужна большая подготовительная сила – «быть может, не одного поколения» [5, с. 17].

После юбилейного торжества, посвященного 125-летию со дня рождения А.С. Пушкина (6 июня 1924 года), на котором С. Есенин от имени Всероссийского союза писателей возложил венок к памятнику поэту, а потом после выступления председателя общества любителей русской словесности П. Сакулина прочитал юбилейное стихотворение, его стали сравнивать с Пушкиным. Ряд отзывов рассматриваемого периода был посвящен пушкинскому началу в стихотворениях (маленьких поэмах) «Возвращение на родину» и «Русь советская»

А. Цинговатов, характеризуя эволюцию творчества С. Есенина, отмечал, что 1924-й год был переломным в истории есенинского творчества. Перемены критик видел в том, что Есенин принял «Русь советскую, послеоктябрьскую, повернул в темах к революционно-

советской действительности, а в стихе и манере – к прекрасной ясности пушкинского реализма» [8, с. 61].

В журнале «Книгоноша» В. Красильников откликнулся сразу на четыре есенинских сборника: «Русь советская», «О России и революции», «Березовый ситец», «Персидские мотивы». Критик, придерживавшийся в оценках литературы линии «диктатуры пролетариата», полагал, что наибольший интерес для читателя представлял сборник «Русь советская». Ценность книги рецензент видел прежде всего в ее «социальности и революционности тем» (3, с. 17). По мнению В. Красильникова, лирик-индивидуалист С. Есенин впервые заговорил о героической смерти 26 бакинских комиссаров, о побеге политических заключенных из Шлиссельбурга. Внимание рецензента также привлекли произведения о новом советском крестьянском быте («Русь советская»), который критик приветствовал и поддерживал.

Кроме отзывов на книги стихов современники Есенина также обращали внимание и на отдельные стихотворения, опубликованные в рассматриваемых сборниках.

Неподдельный интерес чаще других вызывали есенинские «маленькие поэмы»: «Русь уходящая», «Стансы», «Письмо к женщине».

Г. Бениславская в письме С. Есенину признавалась, что ей «Русь уходящая» «очень нравится» [6, с. 255], а о «Письме к женщине» близкий друг поэта отзывалась несколько раз, резюмируя: «до чего хорошее оно!» [6, с. 262]. Критик журнала «Книгоноша» В. Красильников назвал «Письмо К женщине» «автобиографической исповедью» [3, с. 17]. Позже, в 1967 году, сестра поэта Е. Есенина, выступая на вечере в г. Москве в Центральном доме актера, свидетельствовала о том, что адресатом «Письма к женщине» была жена поэта З.Н. Райх.

С. Есенин, создавая свои новые стихи на Кавказе, конечно, предпринимал попытки знакомить с ними также и столичного читателя, публикуя произведения в периодической печати.

Ф. Раскольников, поддерживавший напостовцев и работающий в редакции журнала «Красная новь» с А. Воронским, в письме к С. Есенину с восторгом откликнулся на последние стихи поэта «Русь уходящая», «Песнь о великом походе», «Письмо к женщине», обещая их опубликовать в журнале. Идеологический противник А. Воронского отмечал в творчестве С. Есенина происходящий «здоровый перелом» [6, с. 267].

Итак, за 1924-1925 годы С. Есенин создал около 100 стихотворений и несколько поэм. Поэт набирал поэтическую мощь и достигал пика творческого мастерства. Советская тема, которая была тогда важной для каждого писателя, с последние годы жизни становилась органичной в творчестве С. Есенина. В целом литературная критика 1920-х годов становилась предельно идеологизированной и отстаивала интересы власти. Современные поэту критики выражали недоверие к тем есенинским произведениям, в которых поэт искренне выражал свою любовь к советской России.

Библиографический список

1. *Воронский А.* На разные темы: (О марксизме и плохих стихах) // Наши дни. М.; Л., 1925. № 5.
2. *Есенин С.А.* Полн. собр. соч.: В 7 т. Т. 6. Письма. Составление и общая редакция С.И. Субботина. М.: «Наука» – «Голос», 1999.
3. *Красильников В.* [Рецензия] // Книгоноша. М., 1925. № 26. Рец. на кн.: Есенин С.А. Русь советская. Стихи. [Баку]: Бакинский рабочий. 1925. 81 с.; Есенин С.А. Берёзовый ситец. М., 1925. 100 с.; Есенин С.А. О России и революции. М., 1925. 80 с.; Есенин С.А. Персидские мотивы. М., 1925. 48 с.
4. *Лежнев А.* [Рецензия] // Правда. М., 1925. № 61. 15 марта. Рец. на кн.: Есенин С.А. Страна Советская. Тифлис, 1925. 63 с.
5. *Оксенов И.* Ленин в русской поэзии // Ленинград. Л., 1925. № 2.
6. Сергей Есенин в стихах и жизни: Письма. Документы / Общ. Ред. Н.И. Шубниковой-Гусевой. – М.: ТЕРРА; Республика, 1997.
7. *Субботин С.И.* Комментарии // Есенин С.А. Полн. собр. соч.: В 7 т. М.: «Наука» – «Голос», 1997. Т. 2. Стихотворения (Маленькие поэмы). Подгот. текста и коммент. С.И. Субботина.
8. *Цинговатов А.* Есенин на переломе // Комсомолия. М., 1925. № 7.
9. *Чагин П.* Предисловие // Есенин С.А. Русь Советская. [Баку]. 1925.

Refertnces

1. *Voronsky A.* on different themes: (about Marxism and bad poems) // Our days. M.; L., 1925. No 5.
 2. *Yesenin S. A.* Full. Coll. works: In 7 t. T. 6. Letters. Compilation and General edition of S. I. Subbotin. M.: “Science” - “Voice”, 1999.
 3. *Krasilnikov V.* [Review] // Bookseller. M., 1925. No 26. REC. on kn.: Esenin, S. A., Soviet Russia. Poems. [Baku]: Baku worker. 1925. 81 p.; Esenin S. A. Birch calico. M., 1925. 100 p.; Esenin S. A. on Russia and the revolution. M., 1925. 80 p.; S. A. Esenin’s Persian motifs. M., 1925. 48 p.
 4. *Lezhnev A.* [Review] / Pravda. M., 1925. No 61. March 15. Retz. on kN.: Yesenin S. A. Soviet Country. Tiflis, 1925. -63 p.
 5. *Oksenov I.* Lenin in Russian poetry // Leningrad. L., 1925. No 2.
 6. Sergei Yesenin in poetry and life: Letters. Documents / General Ed. By N. I. Shubnikova-Guseva. M.: TERRA; Republic, 1997.
 7. *Subbotin S. I.* Comments // Yesenin S. A. Poln. Coll. Op.: In 7 vols. M.: “Science” - “Voice”, 1997. Vol. Poems (Small poems). Podgot. text and comment. S. I. Subbotina.
 8. *Cingovatov A.* Yesenin at the turn // Komsomol. M., 1925. No 7.
 9. *Chagin P.* Preface // Yesenin, S. A. Soviet Russia. [Baku.] 1925.
-

УДК 94 (3)

UDC 94 (3)

ГЛАДКОВ А.К.

кандидат исторических наук, старший научный
сотрудник, Институт всеобщей истории РАН
E-mail: gladkov2010@yandex.ru

GLADKOV A.K.

Assistant Professor, Senior Scholar of the Institute of World
History of the Russian Academy of Sciences
E-mail: gladkov2010@yandex.ru

**“VIRIS BONIS VERA AMICITIA EST”: ПРЕДСТАВЛЕНИЕ ОБ ИДЕАЛЬНОМ ОБЩЕСТВЕ
В СРЕДНЕВЕКОВОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ**

“VIRIS BONIS VERA AMICITIA EST”: NOTION OF AN IDEAL SOCIETY IN MEDIEVAL POLITICAL LITERATURE

Статья посвящена анализу концепций дружбы и представлений об идеальном обществе в политической литературе Средневековья, и прежде всего в трактате «Поликратик, или о забавах света и заветах философов» (1159) английского мыслителя и дипломата Иоанна Солсберийского (1115/1120–1180).

Ключевые слова: идеальное общество, дружба, средневековая политическая литература, «Поликратик».

The article is devoted to analysis of the concepts of friendship and notions of ideal society in medieval political thought, and first of all – in English thinker and diplomat John of Salisbury’s (1115/1120–1180) treatise “Policraticus, or On the frivolities of courtiers and the footprints of philosophers” (1159).

Keywords: ideal society, friendship, medieval political literature, “Policraticus”.

Наверное, не будет преувеличением сказать, что в каждую историческую эпоху общественная мысль, интерпретирующая действительность под определенным культурным углом зрения, генерирует идеи, которые нередко уместно назвать «утопическими», иными словами – формирует особые представления об идеальном социуме, отвечающие не только потребностям и тщаниям своего времени, но и во многом устремленные в будущее. С древности и по сию пору человечество пытается не столько предвосхитить на уровне воображения процессы, способные привести к «всеобщему благоденствию», сколько сконструировать интеллектуальную модель «совершенного общества равных», универсальную для всех поколений людей. Естественно, что и Средневековье, воспринявшее богатейшие античные культурные традиции и с успехом перенесшее их на новую – христианскую – почву, не осталось в стороне от разработки столь важных и занимательных сюжетов. В эпоху «Ренессанса XII в», которую справедливо считают периодом исключительного расцвета науки, литературы и искусства, из-под пера самобытных мыслителей вышли тексты, свидетельствующие об очевидных поисках путей социального совершенствования и формулировании идеи «идеального общества».

В эпистоле, датируемой осенью 1159 г. и адресованной давнему товарищу и соратнику Петру из Целлы (Petrus Cellensis), Иоанн Солсберийский (1115/1120–1180) – блестящий английский интеллектуал, дипломат и писатель, автор трактатов «Поликратик или о забавах света и заветах философов» (“Policraticus sive de nugis curialium et vestigiis philosophorum”), «Металогик» (“Metalogicon”/“Metalogicus”), «Энтетик» (“Entheticus”)

и др. – коснулся темы дружбы (“amicitia”) [17, p. 97–106], которая при поверхностном рассмотрении всецело принадлежит к сфере межличностных отношений и едва ли может быть осмыслена в контексте «социального моделирования». Однако сам схоласт воспринимал дружбу не столь односторонне, как представляется на первый взгляд [12, p. 153–165; 16, p. 165–180; 18, p. 385–397; 19, p. 140–156]; для Солсберийца “amicitia”, как следует из анализа ряда его текстов, и прежде всего фундаментального произведения «Поликратик», выступает центральной категорией описания идеальных с точки зрения моральной философии и христианского вероучения общественных и политических отношений.

Авторы XII в. – богословы, философы и мистики – размышляли об “amicitia” главным образом в связи с толкованием Священного Писания, особенно же – Нового Завета. Дружба, товарищество, преданность и верность рассматриваются ими не как отвлеченные понятия, но как своеобразная сила, сплачивающая людей и делающая их единомышленниками [14, p. 103–106]. “Amicitia” объединяла в «мистическое сообщество» (Элред из Риво) всех тех, кто искал подлинности и безыскусности в отношениях, подражая апостолам – «друзьям» Христа. Дружба уже тогда представляла собой альтернативу социальным связям, построенным на идеях выгоды и корысти. Не случайно Иоанн Солсберийский пишет о том, что дружба возможна только между добродетельными людьми: “...et quod amicitia non nisi in bonis est” [13, vol. I, lib. III, cap. 12, p. 209]; “Sed tandem placuit eam nisi in bonis esse non posse” [13, vol. I, lib. III, cap. 12, p. 211].

Знаменитый трактат Цицерона «О дружбе» (“De Amicitia”) был одним из наиболее авторитетных и популярных источников в Средние века [11, p. 25–26],

однако латинские писатели также хорошо знали диалоги Платона («Тимей» Платона известен Иоанну по «Комментариям» Калкидия [15, №. 111, р. 180]), «Никомахову этику» Аристотеля (полностью переведенную в XIII в., впрочем, видимо, доступную в более раннее время во фрагментах и комментариях) и труды Отцов церкви. Таким образом, культурное своеобразие эпохи определило представление о дружбе, вообравшее в себя как классическое, так и христианское понимание.

«Любовь» (привязанность («*caritas*»)) или «дружба» («*amicitia*»)) едва ли могут возникнуть, по мнению Иоанна, между неправедными, порочными людьми [13, vol. I, lib. III, cap. 12, р. 211]. И хотя согласие крайностей достижимо, но и оно будет так же далеко от настоящей дружбы, как свет от тьмы [13, vol. I, lib. III, cap. 12, р. 211]. Схоласт даже приводит слова Саллюстия и Цицерона о том, что «истинная дружба» только у добрых мужей («*viris bonis vera amicitia est*»), а у злых – шайка (клика) («*factio*») [13, vol. I, lib. III, cap. 12, р. 211].

В эпистоле от 1159 г. Иоанн продолжает рассуждать о ценности дружбы и ее значении в жизни каждого человека [15, №. 111, р. 180-182]. Размышления об «*amicitia*» вписываются Иоанном в тему «тела государства», в котором каждому члену отведена своя уникальная роль [15, №. 111, р. 181]. Видимо, мысль о связи дружбы и общества схоласт почерпнул из Священного Писания. В Послании апостола Павла к Колоссянам сказано: «И да владевает в сердцах ваших мир Божий, к которому вы и призваны в одном теле, и будьте дружелюбны». Именно поэтому человеческое общество, скрепленное союзом, созданным на идеалах любви и дружбы и уподобленное, тем самым, общине христиан (т.е. Церкви), перестает, по мнению Иоанна, тяготеть ко греху и предпочитает праведную жизнь. В его основе лежит не принцип «земной справедливости» («*justitia*»), а идея «небесного равенства» («*aequitas*») всех перед законом. Благодаря этому люди разного происхождения и положения могут преодолеть свои многочисленные разногласия, объединиться ради общей высшей цели, которая состоит в защите здоровья единого тела государства [№. 111, р. 181]. Любопытно отметить, что Платон считал дружбу одним из необходимых условий объединения неба и земли, богов и людей, т.е. явлений разного, диаметрально противоположного плана. В итоге такого объединения рождается «порядок» (космос) [5, 508b, с. 552].

Христианская идея любви, объемлющей поколения верующих и ведущей их (или уже приведшей) ко спасению, получает в эпистоле Иоанна новое звучание. «*Agape*» греческих и «*amor*» («*amor fraternus*» – «братская любовь») латинских писателей и Отцов церкви преобразуется в «*amicitia*» как новый тип отношений. Любовь, понимаемая в Библии, как «узы единения» [Кол. 2, 2; Филипп. 2, 2; 1 Петр. 3, 8; Рим. 12, 10, 16; Римл. 15, 5, 6; 1 Кор. 1, 10.], именуется в текстах Иоанна «истинной дружбой» («*amicitia vera*»), ведущей к согласию («*concordia*») [8, VI, с. 36].

Наряду со знанием Платона и Цицерона, мыслитель, несомненно, опирался на «Никомахову этику»

Аристотеля. Главным принципом дружбы, которую Иоанн понимает и как «моральную», и как «политическую» категорию [7, с. 222-229], он считает, помимо взаимного уважения и доверия, единство интересов [15, №. 111, р. 180]. Схоласт отрицает возможность поддерживать отношения ради выгоды [15, №. 111, р. 180] или «телесного» наслаждения.

Как известно, в античной культуре существовало представление о двух видах дружбы. Первый предполагал взаимовыгодные, но недолговечные [8, 32, с. 40] условия общения между людьми (Эпикур) [3, X. 120, с. 432; 10, XX. 66, с. 69], а второй – любовь к человеку ради него самого [1, 1156b9-1156b10, с. 223]. Безусловно, именно под последним видом Иоанн, как Аристотель и Цицерон, понимал «истинную дружбу». Однако «*amicitia vera*» – это прежде всего дружба праведных и мудрых мужей [1, 1156b 7-8, с. 223; 8, 18, с. 35; 9, I. 49, с. 104].

Следуя за Стагиритом, Иоанн Солсберийский усматривает в дружбе отношения, построенные на равенстве. «Государь философов» («*princeps philosophorum*») различает два вида справедливости: первый – «уравнивающая справедливость», в основе которой лежит идея «уравнивания того, что составляет предмет обмена» [4, с. 133], и второй – «распределяющая справедливость», передающая блага гражданам пропорционально их достоинству. «Уравнивающая справедливость» Аристотеля – есть середина между ущербом и выгодой [4, с. 133]. «*Justitia*» Иоанна, в большинстве контекстов соответствующая «земной справедливости», которую отстаивает правитель и его подданные, это «уравнивающая справедливость». В идеальном же государстве преобладает не «*justitia*», а «*aequitas*» (или «*justitia Dei*», «*justitia Domini*») [2, с. 9-16], т.е. «распределяющая справедливость» («равенство» у Иоанна). Такой тип воздаяния, как пишет С.Ф. Кечекьян, предполагает «переход от абстрактной единицы... к конкретно-му человеку» [4, с. 134].

Используя рассуждения Аристотеля о справедливости в контексте отношений отдельных людей, Иоанн также применяет его доводы ко всему обществу. Только дружба, ведущая к *единомыслию*, способна сплотить государство и сохранить «политическое тело» от распада. Цель власти, таким образом, состоит в устранении «разногласий» членов «*corpus rei publicae*». Аристотель прямо пишет о том, что «ничто так не свойственно друзьям, как проводить жизнь сообща» [1, 1157b15-1157b20, с. 226]. Иоанн полностью поддерживает эту мысль [15, №. 111, р. 180], почерпнутую, видимо, из доступных ему «антологий» (гипотеза М. Райтли), содержавших фрагменты «Никомаховой этики».

Итак, прав Л.В. Успенский, отмечавший, что «дружба <...> может стать подлинным началом социальной жизни, действительной политической добродетелью» [6, с. 10]. «*Amicitia*» «Поликрата» выступает главным критерием политического и социального объединения подданных; ведь, как многократно подчеркивал схоласт, материальное – переходящее, а духовные узы, нерушимые

скрепы – вечны.

Примечательно в этой связи напомнить об известном противопоставлении друзей, которым Иоанн вслед за античными авторами запрещает лстить, и тиранов, коим можно рассыпать незаслуженные похвалы; их и убить позволительно [13, vol. I, lib. III, cap. 15, p. 232]. Друг (“amicus”) в предствлении схоласта – это пример идеального гражданина и государя. Только если прави-

тель стал для своих подданных настоящим другом, он может предать «политическому телу» первоизданную и ранее утерянную гармонию членов. «Идеальным» для Иоанна Солсберийского является то общество, которое основано на священных узах дружбы, обладает не только единомыслием, но и прежде всего живет по «закону любви», сторонясь «тщеты мира сего», следует заветам Бога и установлениям природы.

Библиографический список

1. *Аристотель*. Никомахова этика / Пер. Н.В. Брагинской // *Аристотель*. Сочинения в четырех томах. М., 1984. Т. IV. 830 с.
2. *Гладков А.К.* “Aequitas servus est princeps”: античные правовые категории в английской политической мысли XII в. // *Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология*. 2018. Т. 17. № 1. С. 9-16.
3. *Диоген Лаэртский*. О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов / Пер. М.Л. Гаспарова. М., 1979. 629 с.
4. *Кечекьян С.Ф.* Учение Аристотеля о государстве и праве. М.; Л., 1947. 223 с.
5. *Платон*. Горгий / Пер. С.П. Маркиша // *Платон*. Собрание сочинений в четырех томах. М., 1990. Т. I. 860 с.
6. *Успенский Л.В.* О дружбе, как добродетели политической. К вопросу о социальной солидарности // *Юридический Вестник. Журнал Московского Юридического Общества*. М., 1916. Кн. XIV. (II). С. 5-13.
7. *Утченко С.Л.* Политические учения Древнего Рима III-I вв. до н. э. М., 1977. 256 с.
8. *Цицерон*. О дружбе / Пер. В.О. Горенштейна // *Цицерон*. О старости. О дружбе. Об обязанностях / Изд. подгот. В.О. Горенштейн, М.Е. Грабарь-Пассек и С.Л. Утченко. М., 1974. 247 с.
9. *Цицерон*. О законах / Пер. В.О. Горенштейна // *Цицерон*. Диалоги / Изд. подгот. И.Н. Веселовский, В.О. Горенштейн и С.Л. Утченко. М., 1994. 223 с.
10. *Цицерон*. О пределах добра и зла / Пер. Н.А. Федорова // *Цицерон*. О пределах добра и зла. Парадоксы стоиков / Пер. Н.А. Федорова. М., 2000. 474 с.
11. *Guillaume de Conches*. Das Moraliū dogma philosophorum / Hrsg. von J. Holmberg. Paris, 1929. 278 p.
12. *Hirata Y.* John of Salisbury, Gerard Pucelle, and “Amicitia” // *Friendship in Medieval Europe* / Ed. by J. Haseldine. Sutton, 1999. Pp. 153-165.
13. *Ioannis Saresberiensis episcopi Carnotensis. Policratici sive de nugis curialium et vestigiis philosophorum libri VIII* / *Recognovit et Prolegomenis, Apparatu Critico, Commentario, Indicibus Instruxit Clemens C.I. Webb* / *Introd. by P. McNulty*. N.Y., 1979. Vol. I-II (1 изд. – 1909). 511 p.
14. *Jaeger S.C.* The Envy of Angels. Philadelphia, 1994. 515 p.
15. *John of Salisbury*. The Letters of John of Salisbury / Ed. by W.J. Millor, S.J. and H.E. Butler. London, 1955. Vol. I. 296 p.
16. *McLoughlin J.* “Amicitia” in Practice: John of Salisbury (c. 1120-1180) and His Circle // *England in the Twelfth Century* / Ed. by D. Williams. Woodbridge, 1990. Pp. 165-180.
17. *Morris C.* The Discovery of the Individual, 1050-1200. Toronto, 1991. 188 p.
18. *Nederman C.J.* Friendship in Public Life during the Twelfth Century: Theory and Practice in the Writings of John of Salisbury // *Viator*. 2007. Vol. 38. Pp. 385-397.
19. *Pepin R.E.* “Amicitia Jocosa”: Peter of Celle and John of Salisbury // *Florilegium*. 1983. Pp. 140-156.

References

1. *Aristotle*. Nicomachean ethics / Transl. by N.V. Braginskaya // *Aristotle*. Opera omnia in four volumes. M., 1984. T. IV. 830 p.
2. *Gladkov A.K.* “Aequitas servus est princeps”: Antique law categories in English political thought of the 12th Century // *Vestnik of Novosibirsk State University. Series: History, Philology*. 2018. T. 17. № 1. Pp. 9-16.
3. *Diogenes Laertius*. Lives and Opinions of Eminent Philosophers / Transl. by M.L. Gasparov. M., 1979. 629 p.
4. *Kechek'yan S.F.* Aristotle's doctrine of state and law. M.; L., 1947. 223 p.
5. *Plato*. Gorgias / Transl. by S.P. Markish // *Plato*. Omnia in four volumes. M., 1990. T. I. 860 p.
6. *Uspensky L.V.* On the friendship as a political virtue. To the quæstion of social solidity // *Juridical Vestnik. Journal of Moscow Juridical Society*. M., 1916. B. XIV. (II). Pp. 5-13.
7. *Utchenko S.L.* Political doctrines of Ancient Rome of the III-I centuries B.C. M., 1977. 256 p.
8. *Cicero*. On friendship / Transl. by V.O. Gorenstain // *Cicero*. On old age. On friendship. On obligations / Ed. by V.O. Gorenstain, M.E. Grabar'-Passek, S.L. Utchenko. M., 1974. 247 p.
9. *Cicero*. On the laws / Transl. by V.O. Gorenstain // *Cicero*. Dialogues / Ed. by I.N. Veselovsky, V.O. Gorenstain, S.L. Utchenko. M., 1994. 223 p.
10. *Cicero*. On the ends of good and evil / Transl. by N.A. Fiodorov // *Cicero*. On the ends of good and evil. Stoic paradoxes / Transl. by N.A. Fiodorov. M., 2000. 474 p.
11. *Guillaume de Conches*. Das Moraliū dogma philosophorum / Hrsg. von J. Holmberg. Paris, 1929. 278 p.
12. *Hirata Y.* John of Salisbury, Gerard Pucelle, and “Amicitia” // *Friendship in Medieval Europe* / Ed. by J. Haseldine. Sutton, 1999. Pp. 153-165.
13. *Ioannis Saresberiensis episcopi Carnotensis. Policratici sive de nugis curialium et vestigiis philosophorum libri VIII* / *Recognovit et Prolegomenis, Apparatu Critico, Commentario, Indicibus Instruxit Clemens C.I. Webb* / *Introd. by P. McNulty*. N.Y., 1979. Vol. I-II (1 изд. – 1909). 511 p.
14. *Jaeger S.C.* The Envy of Angels. Philadelphia, 1994. 515 p.
15. *John of Salisbury*. The Letters of John of Salisbury / Ed. by W.J. Millor, S.J. and H.E. Butler. London, 1955. Vol. I. 296 p.
16. *McLoughlin J.* “Amicitia” in Practice: John of Salisbury (c. 1120-1180) and His Circle // *England in the Twelfth Century* / Ed. by D. Williams. Woodbridge, 1990. Pp. 165-180.
17. *Morris C.* The Discovery of the Individual, 1050-1200. Toronto, 1991. 188 p.
18. *Nederman C.J.* Friendship in Public Life during the Twelfth Century: Theory and Practice in the Writings of John of Salisbury // *Viator*. 2007. Vol. 38. Pp. 385-397.
19. *Pepin R.E.* “Amicitia Jocosa”: Peter of Celle and John of Salisbury // *Florilegium*. 1983. Pp. 140-156.

УДК 82.0

UDC 82.0

ДЖ. ЛИ

аспирант, кафедра теоретической и исторической поэтики, Российский государственный гуманитарный университет
E-mail: jhlee312777@gmail.com

J. LEE

Postgraduate Student, Department of Theoretical and Historical Poetics, Russian State University for the Humanities
E-mail: jhlee312777@gmail.com

**ПЕРЕЛОМ ПОЭТИЧЕСКОГО ЯЗЫКА И ПЕРФОРМАТИВНОСТЬ ЛИРИКИ
(НА МАТЕРИАЛЕ МЕТАЛИРИЧЕСКИХ СТИХОТВОРЕНИЙ Б.Л. ПАСТЕРНАКА)**

**FRACTURE OF POETIC WORD AND PERFORMATIVITY OF LYRIC POETRY
(ON THE MATERIAL OF METALYRIC POEMS OF B.L. PASTERNAK)**

Данная работа посвящена проблеме соотношений поэтического языка и жанровой стратегии лирики. Для этого анализируются металирические стихотворения Б.Л. Пастернака с начала 1910-х гг. до начала 1930-х гг. В результате исследования автор статьи приходит к выводу о том, что в стихотворениях о творчестве у этого поэта перформативная стратегия перешла с волюнты на балладу.

Ключевые слова: поэтический язык, коммуникативная стратегия, перформативность лирики, Б.Л. Пастернак, металирика.

The purpose of this article is to show the correlations of poetic word and genre strategy of lyric poetry on the material of metalyric poems of B.L. Pasternak from 1910's until 1930's. The author demonstrates that, while in the early poems dominates the performative strategy of volunta, in the later poems – ballade.

Keywords: poetic word, communicative strategy, performativity of lyric poetry, B.L. Pasternak, metalyric.

Противопоставление «простоты» и «сложности» поэтического языка является одной из самых традиционных проблем в истории поэтики. Уже в средневековой поэтике, как указывает П.А. Гринцер, концепция «двух видов поэтической речи: “серьезной” и “легкой”» или по-другому «“цветистого” и простого стиля» [5, с. 178] служила критерием для оценки литературного произведения. Также в истории русской литературы нередко встречается категория «простоты» как шкала настоящей художественности: «Простота есть красота истины, – и художественные произведения сильны ею» (В.Г. Белинский) [2, с. 37]; «от прозрачного элегического стиля Пушкин шел не к повышенной образности, а, напротив, к “нагой простоте”» (Л.Я. Гинзбург) [4, с. 234].

Книга стихов Б.Л. Пастернака «Второе рождение» (1932) заслуживает внимания тем, что в ней поэт провозгласил свое стремление к «неслышанной простоте». Ориентация поэта на «простоту» изучалась в разных направлениях. В философском ракурсе Г. Померанц отмечает, как «неслышанно прост только разговор о Едином, Бесконечном, Целом» [10, с. 19], и видит в страсти поэта к «Бесконечному» «традиционное русское антикрасноречие, толстовское отвращение к европейской риторике» [10, с. 21]. Б. Гаспаров также отмечает философский смысл сборника «Второе рождение» в плане органического развития творчества поэта: «Второе рождение возникает в самый момент “смерти”, действительной или символической, непосредственно из нее самой» [3, с. 121]. Н. Фатеева, тщательно проследив изменения

языковых структур в творчестве Пастернака, считает «естественность» простого поэтического слова результатом «развития мира поэта и “вглубь”, и “настежь целиком”» [15, с. 180].

Не менее интересна трактовка сдвига к простому стилю с точки зрения коммуникации с читателями. М.И. Шапир, обращая внимание на то, что в начале 1930-х гг. «поэт во многом потерял аудиторию, с которой его связывал <...> общий язык» [17, с. 133], находит причину поворота в поэтическом стиле Пастернака в его литературной изоляции. Таким образом, «неслышанная простота» у Пастернака 1930-х гг. трактовалась с позиции творческого замысла поэта или окружающих его внешних обстоятельств.

В данной статье предлагается объяснение резкого поворота Б.Л. Пастернака от сложного поэтического языка к простому с точки зрения анализа жанровой стратегии лирического дискурса с учетом предыдущих исследований. Отметим, что под «поэтическим языком» понимается «язык, ориентированный не <...> на содержание сообщения, но на смыслы, “опредмечиваемые” писателем в тексте» [12, с. 314]. При этом понятие жанра, как «картина или “образ” мира» [13, с. 70], тесно связано с поэтическим языком, понятым в смысле «словесного стиля», который, по мысли М.М. Бахтина, «работает не словами, а моментами мира, ценностями мира и жизни» [1, с. 251]. Для рассмотрения соотношений перелома поэтического языка и жанровой стратегии анализируются металирические стихотворения поэта с

начала его литературной деятельности до книги стихов «Второе рождение» включительно, так как архитектура этих стихотворений показывает осмысление поэтом художественного языка и творческих установок.

В российском литературоведении «металирика» еще не является общепризнанным термином: речь может идти о литературных явлениях под наименованиями «поэзия поэзии», «стихотворение стихотворения» и «поэтологическая поэзия» [См.: 6, с. 73–76]. Ф.Х. Исапова в монографии, посвященной уточнению теоретического объема этого понятия и истории развития металирики в русской литературе с середины XIX в. до начала XX в., знакомит читателей с определениями металирики в немецкоязычном литературоведении, обращая особое внимание на определение металирики в монографии австрийской исследовательницы Е. Мюллер-Цеттельманн «Лирика и металирика (Lyrik und Metalyrik)». Согласно выводам этого ученого, металирика представляет собой лирическое стихотворение, в рамках которого реализуется «эстетико-автороферентный метадискурс» [20, s. 170], под которым подразумевается рефлексия лирического субъекта над поэтической традицией и собственно процессом творчества. Кроме того, определение Мюллер-Цеттельманн можно дополнить мыслью Р. Брандмейера о том, что «поэтологическое стихотворение может высказываться об авторе, произведении и читателе» [19, s. 158]. Таким образом, понятие «металирика» охватывает и коммуникативный процесс лирики, и ее субъектную организацию.

Для анализа коммуникативной модели металирики также важным является понятие «перформатив». Как считает Джон Остин, в «перформативном высказывании» говорящий «не просто *говорит* (здесь и далее курсив Дж. Остина – Л.Дж.), но *делает* нечто» [8, с. 264]. В.И. Тюпа предлагает свою концепцию перформативности лирического дискурса. По мысли ученого, лирика, происшедшая от магического слова, представляет собой «непосредственное действие словом (здесь и далее курсив В.И. Тюпы – Л.Дж.), осуществляющее изменение <...> на саму коммуникативную ситуацию общения» [14, с. 114].

Таким образом, лирический дискурс определяется двумя стратегическими характеристиками. Во-первых, поскольку в лирическом стихотворении актуализируется действие словом, кругозор лирического субъекта «совпадает с актуальной для данного высказывания ценностной архитектурой мира» [14, с. 120]. Ценностная архитектура лирического мира, определяющая не столько место действия, сколько ментальный жест миротворчества, осуществляется в различных лирических жанрах. К примеру, в оде обнаруживается архитектура вертикального откровения, в идиллии же – архитектура вечного повторения [См.: 14, с. 125, 132].

Во-вторых, в лирическом дискурсе решающим фактором выступает «суггестивность коммуникативного события». В силу перформативной суггестии, понимаемой как «подсказка», стихотворение вовлекает адресата в актуальное коммуникативное событие. При этом

происходит «сопряжение рецептивной и креативной позиций», «ответное внутреннее проговаривание, *исполнение*» [14, с. 119] лирического текста. Иными словами, субъект и адресат лирического дискурса вступают в диалогические отношения, подобные хоровым. И если лирический субъект обладает «авторитетом хора», как указывает М.М. Бахтин, то адресат предлагаемого дискурса представляет ему «хоровую поддержку» [1, с. 231, 232].

Связав вышеизложенные понятия, можно дать характеристику перформативной стратегии металирики следующим образом: основной темой высказывания в металирике является творческая деятельность. В определенной жанровой стратегии эта тема реализуется в соответствующей жанру ценностной архитектонике и суггестии. Если поэтический язык стремится «воплотить в слове “индивидуально-неповторимый целостный образ бытия, который существует только в авторском воображении”» [12, с. 314], то адресат металирического дискурса вовлекается в этот образ на уровне языка и при чтении стихотворения задается вопросом о сущности творчества. Субъект и адресат металирики вступают в специфическое сотворчество, в рамках которого адресат вовлекается в рефлексии творческого процесса.

При анализе металирических стихотворений, в соответствии с идеей Мюллер-Цеттельманн, для выявления метатекстуальности требуется введение понятий «тематизирования» и «инсценирования»: «эксплицитные формы актуализируют “рассказывание”, а имплицитные – “инсценирование”, “показывание” металирического элемента в тексте стихотворения» [6, с. 68]. В металирике размышление над природой творчества осуществляется либо непосредственной демонстрацией тематики, либо с помощью опосредованного обозначения соответствующих образов. Эти две формы служат инструментарием для выстраивания перформативных стратегий металирики. Различные перформативные стратегии металирики Б.Л. Пастернака реализуются во взаимодействии инсценирования и тематизирования.

В этом контексте внимание привлекает стихотворение «Лирический простор», включенное в первую книгу стихов поэта «Близнец в тучах» (1913), в котором абсолютно преобладает инсценирование, однако, как справедливо отмечает Д.М. Сегал, «семантическая связность <...> недостаточна для образования единого семантического сюжета» [11, с. 673]: лишь в последней строфе мы с трудом можем угадать, что в данном произведении выражается похвала поэту, который обозначается образом монгольфера:

Прирученный не вытерпит беркут,
И не сдержит твердынь карантин.
Те, что с тылу, бескрыло померкнул, —
Окрыленно вспыхнешь ты один [9, с. 442].

В предыдущих пяти строфах дается вид с высоты птичьего полета, а лирический субъект идентифицирует себя с окрыленным «ты». Инсценирование в сложных

лексических и синтаксических оборотах не столько активно вовлекает читателя, сколько усиливает антитезу «те без крыльев» и «ты с крыльями».

Если в «Лирическом просторе» лирический субъект под маской «Ты» выступает на переднем плане, то в стихотворении «Определение поэзии» (1917) лирический субъект выражен имплицитно посредством метапоэтических высказываний. Тем не менее, в этом стихотворении обнаруживается одна из перформативных стратегий лирики – волюнта. По концепции В.И. Тюпы, волюнта (от лат. *voluntas*) является «перформативом волеизъявления (воления, хотения, чаяния, стремления, мечтания, искания) как речевого действия: “да будет так!”» [14, с. 141]. В этом стихотворении речевой акт говорящего субъекта можно причислить к типу волеизъявления, так как здесь каскад определяющих высказываний организуется как творческий прием, отражая субъективную волю лирического «я». Инсценирование (сказуемое после указательного местоимения «Это –») неразрывно сочетается в одном предложении с тематизированием («Это (Поэзия) – ...»). Зачастую сложно обнаружить мотивировку субъективных ассоциаций инсценирования, так как «между отдельными поэтическими актами определения», как отмечает А. Хан, «каждый акт определения и сам по себе самодостаточен» [18, с. 171].

Следует отметить, что в данной волюнте «“Я” раскрывается <...> в своих интенциях самореализации» [14, с. 141–142]. Несмотря на имплицитное выражение лирического «я» в «Определении поэзии», сам акт определения превращается в декларацию надежд и мечтаний субъекта. При таком позиционировании адресат находится под напором «индивидуализированной суггестии позитивной солидарности с лирическим героем» [14, с. 142]. Иными словами, читатель должен сознательно стараться найти свое место в коммуникации, чтобы разделить единый образ языка с субъектом речи.

Также и в стихотворении «Поэзия» (1922) можно обнаружить волюнту:

Поэзия, я буду клясться
Тобой и кончу, прохрипев:
Ты не осанка сладкогласца,
Ты – лето с местом в третьем классе,
Ты – пригород, а не припев [9, с. 220].

В первых двух строках обнаруживается перформативное высказывание «я буду клясться», в котором лирический субъект подкрепляет это обещание упоминанием именно «поэзии». В следующих строках его клятва оказывается определением поэзии («Ты – ...»), что позволяет считать это стихотворение программным. За этим волеизъявлением стоит своеобразное заклинание: лирический субъект не столько определяет поэзию вообще, сколько желает, чтобы его поэзия была такой, как он определяет в своей клятве. По этой причине лирический субъект закликает свою поэзию периферийными предметами («лето с местом в третьем классе», «пригород», «предместье» и т.д.), а также мечтой пре-

ображать природу («Отростки ливня <...> / Кропают с кровель свой акростих, / Пуская в рифму пузыри.» [9, с. 220]). В последней строке это заклинание усиливается словами: «Тетрадь подставлена, – струись!». Обращение к архаичным формам образного языка выражает синкретизм природы и поэзии в заклинании лирического субъекта.

Такие языковые акты в металирических стихотворениях раннего Пастернака, как декларация, определение, заклинание и клятва, направлены односторонне: от субъекта речи к адресату или предмету. К тому же, движения по пространственной оси идет сверху вниз: вид с высоты птичьего полета («Лирический простор»); «Figaro / Низвергается градом на грядку» («Определение поэзии»); «Поэзия, когда под краном <...> / Тетрадь подставлена, – струись!» («Поэзия»). Следовательно, субъект речи выступает оракулом природы и передает ее слова адресату. Такая ослабленная рецептивная компетентность у раннего Пастернака исходит из того факта, что «категория “читателя”», как указывает Л. Флейшман, «вообще не представлена в поэтическом мире Пастернака – по крайней мере, до конца 1920-х гг.» [16, с. 566].

В стихотворении «Февраль. Достать чернил и плакать!..» (1912/1928) обнаруживается, как с течением времени изменяется весомость лирического субъекта. Ф.Х. Исапова отмечает, что его «окончательный вариант с исчезновением Я и отказом от подобной причинно-следственной связи приводит к формулировке закона творчества («чем случайней, тем вернее»»)» [6, с. 228]. В частности, неопределенная форма глагола в первой строке («достать чернил и плакать») «становится действием, которое “одинаково присваивается адресантом как желаемое и предписывается адресату как требуемое к исполнению”» [6, с. 229]. И движения, требуемые говорящим субъектом, не однонаправлены: горизонтальное – «Перенестись туда ...»; вертикальное – «Сорвутся в лужи и обрушат / Сухую грусть на дно очей»; вверх – «Под ней проталины чернеют.» [9, с. 47]).

Здесь наблюдается разделение текста на тематизирование и инсценирование. В отличие от ранних металирических стихотворений Пастернака, где неразрывно сплетены эксплицитные и имплицитные формы металирики, здесь инсценирование служит поводом для тематизирования размышлений над поэзией. В последних двух строках, подытоживающих стихотворение («И чем случайней, тем вернее / Слагаются стихи навзрыд»), обнаруживается то, что все образы инсценирования мотивированы этим поэтологическим тематизированием.

Такая тенденция сохраняется и в металирических стихотворениях сборника «Второе рождение». В этой книге программным является стихотворение «Здесь будет все; пережитое...», первая строка которого служит заклинанием, чтобы все пережитое субъектом стало поэзией. В третьей и четвертой строках разыгрывается самостоятельная сцена. («Еще ты здесь, и мне сказали / Где ты сейчас и будешь в пять» [9, с. 381–382]). Этот микронарратив в поэзии вовлекает читателя в про-

странство поэтической ситуации и стимулирует к свидетельству о ней. В связи с этим, следует отметить, что нарративный компонент в лирическом стихотворении позволяет «определить “пуант” стихотворения, – пишет П. Хюн, – и решительные поворотные моменты в ходе стихотворения» [21, р. 44]. На фоне такого микронарратива в предпоследней строфе стихотворения нарастает напряженность лирического «я»:

В родстве со всем, что есть, уверясь
И знаясь с будущим в быту,
Нельзя не впасть к концу, как в ересь,
В неслыханную простоту [9, с. 381].

Провозглашение быть «В родстве со всем, что есть, уверясь / И знаясь с будущим в быту», подготовлено отчасти в предыдущей строфе («Есть в опыте больших поэтов / Черты естественности той»). Литературные традиции «естественности» и «простоты» выстраиваются по вертикально-временной оси, а «родство со всем, что есть» – по горизонтально-пространственной оси. Таким образом, субъект вступает в тесную связь с традиционным языковым сообществом и современностью (Ср.: «не как бродяга, / Родным войду в родной язык» [9, с. 400]). Показательно, что в последней строфе лирический субъект обращается к первому лицу во множественном числе, вероятно указывающему на своих единомышленников, вместе с которыми поэт впадает в «неслыханную простоту» («Но мы пощажены не будем, Когда ее не утаим» [9, с. 381]).

Такая установка на поэтическую традицию может привести нас к мысли о том, что в этом стихотворении обнаруживается жанровая стратегия идиллии, для которой характерно «лирическое “я” как экзистенциальный повтор» [14, с. 131]. Однако здесь лирический субъект переживает не повтор, а экзистенциальный кризис: «Нельзя не впасть к концу, как в ересь / В неслыханную простоту». Творческий кризис и «второе рождение», которым подвергается лирический герой, являются двумя стадиями «обрядов перехода» для преодоления пограничной ситуации. На этом основании мы можем сказать, что здесь явлена стратегия баллады, которой свойственна «катастрофическая самоактуализация лирического субъекта» [14, с. 133, 134].

Стихотворение «Красавица моя, вся стать...» любопытно тем, что «лиминальность» (переходность), присущая балладной архитектонике, подчеркивается словом «порог», рифмующемся со словом «строк» («И рифма не вторенье строк, / Но вход и пропуск за порог...»), из чего следует, что стихотворение является способом преодолеть катастрофический рок. Так и в стихотворении «Стихи мои, бегом, бегом...» обнаруживается балладная стратегия, в которой лирический субъект стремится спастись от кризиса с помощью стихов. В первой строке говорящий субъект вызывает стихи посредством заклинания. С третьей строки первой строфы он показывает посредством инсценирования, почему он чувствует «нужду» в стихах:

С бульвара за угол есть дом,
Где дней порвалась череда,
<...>
Есть дом, где хлеб как лебеда,
Есть дом, – так вот бегом туда [9, с. 414].

Здесь тематизирование («Стихи мои, бегом, бегом...») мотивирует различные образы кризиса («Где дней порвалась череда, / Где пуст уют и брошен труд / И плачут, думают и ждут» [9, с. 414]).

В металирических стихотворениях из «Второго рождения» инсценирование служит сюжетным фоном для балладной стратегии. Однако было бы ошибочно считать балладу нарративным жанром, так как ее «яркая нарративность», согласно В.И. Тюпе, является лишь «кластерным признаком исторически конкретной модификации жанра» [14, с. 132]. В ряде балладных стихотворений у Пастернака функция инсценирования осуществляется, видимо, на основе диалогического начала баллады. По формулировке Д.М. Магомедовой, «балладный диалог, повторяя вопросно-ответную структуру ритуала, движется в противоположную сторону: от устроенного миропорядка к его нарушению» [7, с. 127]. Инсценирование подготавливает читательское восприятие к переходу к подытоживающим строкам. При этом тематизирование не «восстанавливает миропорядок» [7, с. 127], а только лишь обобщает ситуацию и дает читателю возможность «переопределить» инсценирование. Таким образом, субъект и адресат лирического дискурса оказываются в рамках своего рода «вопросно-ответной структуры», в которой чередуются инсценирование и тематизирование. Для этого говорящему субъекту нужно выйти за рамки своей субъективности и избавиться от немотивированных высказываний, которые обнаруживаются в ранней лирике Б.Л. Пастернака.

Таким образом, в металирических стихотворениях Б.Л. Пастернака с начала 1910-х гг. до начала 1930-х гг. перформативная стратегия переходит с волонты на балладу. В волонтерских ранних стихотворениях поэта инсценирование и тематизирование неразрывно связаны, что позволяет рефлексировать над языком, что непосредственно реализуется в подражании субъекта природе. При этом и адресату требуется принять поэтический язык, который отличается от нормативного литературного языка [См.: 12, с. 314].

Уже в стихотворениях книги «Второе рождение» лирический субъект стремится общаться с адресатом дискурса и этим преодолеть катастрофическую ситуацию. Здесь субъект дискурса создает сюжетное инсценирование, где образы связаны с размышлением над языковым творчеством и ведется ритуальный диалог с адресатом. При этом поэтический язык во «Втором рождении» имеет две противоположные цели: «поиск новых выразительных возможностей» и «общепонятный (облегченный) пересказ, повторение, популяризация» [12, с. 314]. Решение этого вопроса заложено в творческой адаптации поэтом жанра баллады.

Библиографический список

1. Бахтин М.М. Автор и герой в эстетической деятельности // Собрание сочинений: В 7 т. М.: Издательство «Русские словари»; Языки славянской культуры, 2003. Т. 1. С. 69–263.
2. Белинский В.Г. Полное собрание сочинений А. Марлинского // Полн. собр. соч.: В 13 т. М.: Изд-во АН СССР, 1954. Т. 4. С. 21–53.
3. Гаспаров Б. Борис Пастернак: По ту сторону поэтики (Философия. Музыка. Быт). М.: Новое литературное обозрение, 2013. 272 с.
4. Гинзбург Л.Я. О лирике. М.; Л.: Советский писатель, 1964. 378 с.
5. Гринцер П.А. Стиль как критерий ценности // Историческая поэтика. Литературные эпохи и типы художественного сознания / отв. ред. Гринцер П.А. М.: Наследие, 1993. С. 160–221.
6. Исапова Ф.Х. Металирика в смене художественных парадигм. М.: Изд-во Буки Веди, 2015. 298 с.
7. Магомедова Д.М. Жанр лирики // Теория литературных жанров / под ред. Тамарченко Н.Д. М.: Издательский центр «Академия», 2011. С. 92–173.
8. Остин Дж. Перформативное высказывание // Три способа пролить чернила. Философские работы / пер. с англ. Кирющенко В. СПб.: Изд-во «Алетейя»; Изд-во С.-Петерб. ун-та., 2006. С. 262–281.
9. Пастернак Б.Л. Собрание сочинений: В 5 т. М.: Художественная литература, 1989–1992. Т. 1. 751 с.
10. Померанц Г. Неслышанная простота // Литературное обозрение. 1990. № 2. С. 19–24.
11. Сегал Д.М. Заметки о сюжетности в лирической поэзии Пастернака // Литература как охранная грамота. М.: Водолей Publishers, 2006. С. 655–676.
12. Степанов А.Г. ЯЗЫК ПОЭТИЧЕСКИЙ // Поэтика: слов. актуал. терминов и понятий / гл. науч. ред. Тамарченко Н.Д. М.: Издательство Кулагиной; Intrada, 2008. С. 313–314.
13. Тамарченко Н.Д. ЖАНР // Поэтика: слов. актуал. терминов и понятий / гл. науч. ред. Тамарченко Н.Д. М.: Издательство Кулагиной; Intrada, 2008. С. 69–71.
14. Тюпа В.И. Дискурс / Жанр. М.: Intrada, 2013. 211 с.
15. Фатеева Н. От «сложного» к «простому» и обратно: об эволюции художественной системы Бориса Пастернака // Синтез целого. На пути к новой поэтике. М.: Новое литературное обозрение, 2010. С. 167–180.
16. Флейшман Л. Фрагменты «футуристической» биографии Пастернака // От Пушкина к Пастернаку. Избранные работы по поэтике и истории русской литературы. М.: Новое литературное обозрение, 2006. С. 544–585.
17. Шапир М. Эстетика небрежности в поэзии Пастернака (Идеология одного идиолекта) // UNIVERSUM VERSUS. Язык – стих – смысл в русской поэзии XVIII – XX веков. Книга вторая. М.: Языки славянской культуры, 2015. С. 100–144.
18. Хан А. Поэтическая вселенная. Анализ стихотворения Б. Пастернака «Определение поэзии»: предварительные итоги к анализу цикла «Занятие философией» // Studia Russica XIX. Будапешт, 2001. С. 169–188.
19. Brandmeyer R. Poetologische Lyrik // Handbuch Lyrik. Theorie, Analyse, Geschichte / hrsg. von Dieter Lamping. Stuttgart; Weimar: Verlag J.B. Metzler, 2011. S. 157–162.
20. Müller-Zetzelmann E. Lyrik und Metalyrik. Theorie einer Gattung und ihrer Selbstbespiegelung anhand von Beispielen aus der englisch- und deutschsprachigen Dichtkunst. Heidelberg: Universitätsverlag C. Winter, 2000. 270 s.
21. Hühn P. Plotting the lyric: forms of narration in poetry // Literator. 2010. № 31(3). P. 17–47.

References

1. Bakhtin M.M. Author and Hero in Aesthetic Activity // Collected Works: in 7 Volumes. M.: Izdatel'stvo «Russkie slovari»; Yazyki slavyanskoi kul'tury, 2003. Vol. 1. Pp. 69–263.
2. Belinskii V.G. Complete Works of A. Marinskii // Complete Works: in 13 Volumes. M.: Izd-vo AN SSSR, 1954. Vol. 4. Pp. 21–53.
3. Gasparov B. Boris Pasternak: On the Other Side of Poetics (Philosophy. Music. Daily Life). M.: Novoe literaturnoe obozrenie, 2013. 272 p.
4. Ginzburg L.Ya. On Lyric. M.; L.: Sovetskii pisatel', 1964. 378 p.
5. Grintser P.A. Style as the Criterion of Value // Literary Epochs and Types of Artistic Consciousness / ed. Grintser P.A. M.: Nasledie, 1993. Pp. 160–221.
6. Israpova F.Kh. Metalyric in the Change of Artistic Paradigms. M.: Izd-vo Buki Vedi, 2015. 298 p.
7. Magomedova D.M. Lyric Genres // Theory of Literary Genres / ed. Tamarchenko N.D. M.: Izdatel'skii tsentr «Akademiya», 2011. Pp. 92–173.
8. Ostin Dzh. Performative Utterances // Austin J. Three Ways of Spilling Ink. Philosophical Papers / trans. Kiryushchenko V. SPb.: Izd-vo «Aleteiya»; Izd-vo S.-Peterb. un-ta., 2006. Pp. 262–281.
9. Pasternak B.L. Collected Works: in 5 Volumes. M.: Khudozhestvennaya literatura, 1989–1992. Vol. 1. 751 p.
10. Pomerants G. Unheard-of Simplicity // Literary Observer. 1990. № 2. Pp. 19–24.
11. Segal D.M. Notes on Plots in Lyric Poems of Pasternak // Literature as Safe-conduct. M.: Vodolei Publishers, 2006. Pp. 655–676.
12. Stepanov A.G. Poetic Word // Poetics: Dictionary of Actual Terms and Concepts / ed. Tamarchenko N.D. M.: Izdatel'stvo Kulaginoi; Intrada, 2008. Pp. 313–314.
13. Tamarchenko N.D. Genre // Poetics: Dictionary of Actual Terms and Concepts / ed. Tamarchenko N.D. M.: Izdatel'stvo Kulaginoi; Intrada, 2008. Pp. 69–71.
14. Tyupa V.I. Discourse / Genre. M.: Intrada, 2013. 211 p.
15. Fateeva N. From «the Complex» to «the Simple» and vice versa: on the Evolution of Boris Pasternak's Artistic System // Synthesis of the Whole. Toward New Poetics. M.: Novoe literaturnoe obozrenie, 2010. Pp. 167–180.
16. Fleishman L. Fragments of «Futuristic» Biography of Pasternak // From Pushkin to Pasternak. Selected Works on Poetics and History of Russian Literature. M.: Novoe literaturnoe obozrenie, 2006. Pp. 544–585.
17. Shapir M. Aesthetics of Negligence in the Poetry of Pasternak (Ideology of an Idiolect) // UNIVERSUM VERSUS. Language – Verse – Meaning in Russian Poetry of 18–20 Centuries. Book 2. M.: Yazyki slavyanskoi kul'tury, 2015. Pp. 100–144.
18. Khan A. Poetic Cosmos. Analysis of the Poem of B. Pasternak «Definition of Poetry». Preliminary Conclusions for the Analysis of the Serial Poems «An Exercise in Philosophy» // Studia Russica XIX. Budapest, 2001. Pp. 169–188.
19. Brandmeyer R. Poetological Lyric Poetry // Handbook of Lyric. Theory, Analysis, History / ed. by Dieter Lamping. Stuttgart; Weimar: Verlag J.B. Metzler, 2011. Pp. 157–162.
20. Müller-Zetzelmann E. Lyric and Metalyric. Theory of Genre and its Self-reflection in Examples of English and German poetry. Heidelberg: Universitätsverlag C. Winter, 2000. 270 p.
21. Hühn P. Plotting the lyric: forms of narration in poetry // Literator. 2010. № 31(3). Pp. 17–47.

УДК 821

UDC 821

ДУДКО А.Э.

доцент кафедры иностранных языков, Орловский
институт культуры (ОГИК)
E-mail: dudko-88@inbox.ru

DUDKO A.E.

Associate Professor, Department of Foreign Languages, of
Orel State Institute of Culture
E-mail: dudko-88@inbox.ru

ИСТОРИЯ ПЕРЕВОДОВ СОНЕТА П.Б. ШЕЛЛИ «OZYMANDIAS» НА РУССКИЙ ЯЗЫК
В АСПЕКТЕ СРАВНИТЕЛЬНОГО СТИХОВЕДЕНИЯ
Статья 1

HISTORY OF P.B. SHELLEY'S «OZYMANDIAS» SONNET TRANSLATIONS
INTO RUSSIAN LANGUAGE IN COMPARATIVE PROSODY ASPECT
ARTICLE 1

В цикле статей анализируются переводы сонета П.Б. Шелли «Ozymandias», ставшего в разное время объектом внимания многих русских переводчиков. В рамках сравнительного стиховедения исследуется имагологический статус жанра сонета в английской и русской литературе.

Ключевые слова: Шелли, сонет, поэтический перевод, русско-английские литературные связи, метр, ритм, система рифмования.

In the series of articles, the translations of P.B. Shelley's sonnet «Ozymandias», which at different times became the attention object of many russian translators, are analyzed. Within the framework of comparative prosody, the imagological status of the sonnet genre in English and Russian literature is investigated.

Keywords: Shelley, sonnet, poetic translation, Russian-English literary connections, meter, rhythm, system of rhyming.

Сонет П.Б. Шелли «Ozymandias» был написан в 1817 году под влиянием чрезвычайно популярной в то время «Исторической библиотеки» Диодора Сицилийского и археологических открытий наполеоновских ученых в Египте [7, с. 69–70]. Выходившие в начале XIX века энциклопедические тома «Путешествий по Верхнему и Нижнему Египту» и «Описаний Египта» с рисунками Вивана Денона и особенно – изданный в 1809 году альбом гравюр «Египетские памятники» англичанина У.Р. Хэмилтона, не могли оставить равнодушными начинающих литераторов Горация Смита и Перси Биши Шелли. Биографы последнего отмечают, что предлогом для написания стихотворения «Озимандия» стало поэтическое соревнование двух друзей¹, которые активно интересовались историей Египта. В комментариях к собранию стихотворений Шелли отмечается: «Непосредственным стимулом, возможно, была статья в Quarterly Review (октябрь 1816) – Томаса Лега – «Повествование о Путешествии в Египет и за пределы страны Катаракта» (1816). В этой статье упоминаются все важные, повторяющиеся детали в описании статуи Ozymandias, в том числе надпись, вместе с размышлениями о самых известных путешественниках. Эта статья в «Quarterly», кажется, определенно была основным источником сонета Горация Смита. Оба сонета, весьма вероятно, имеют одну и ту же особенность: в обоих странно пишется слово «Ozymandias» с «z», а не «s»; никакой другой известный источник не прибегал к такому написанию [19, р. 309].

Стихотворение Смита, опубликованное под за-

тейливым названием «On a Stupendous Leg of Granite, Discovered Standing by Itself in the Deserts of Egypt, with the Inscription Inserted Below» [На нахождение громадной гранитной ноги, одиноко стоящей в пустынях Египта, с посланием, приведенным ниже]², представляет собой сонет так называемого псевдоклассического типа. Написанный 5-стопным ямбом с использованием графически не выделенных катренов со сквозной рифмовкой кольцевого и перекрестного типа (abba baba³) и слитыми в секстет терцетами на две рифмы (ccdcdd), сонет Смита явно не придерживается канонов жанра, согласно которым соблюдаются «общие схемы развертывания содержания по четырем строфам сонета, например, тезис – развитие тезиса – антитезис, синтез, или: завязка – развитие – кульминация – развязка» [4, стб. 67]. Это выражается и в игнорировании автором синтаксической законченности строф, когда секстет представляет собой развертывание одного сложного предложения, а катрены вообще «разрывают» прямую речь, весьма своеобразно воспроизводящую знаменитую луксорскую надпись:

«In Egypt's sandy silence, all alone,	a
Stands a gigantic Leg, which far off throws	b
The only shadow that the Desert knows:	b
«I am great OZYMANDIAS», saith the stone,	a
«The King of Kings; this mighty City shows	b
«The wonders of my hand». The City's gone,	a

Nought but the Leg remaining to disclose	b
The site of this forgotten Babylon.	a
We wonder, – and some Hunter may express	c
Wonder like ours, when thro' the wilderness	c
Where London stood, holding the Wolf in chace,	d
He meets some fragment huge, and stops to guess	c
What powerful but unrecorded race	d
Once dwelt in that annihilated place» [18, p.73].	d

Мы обращаем особенное внимание на эту часть сонета Смита потому, что в ней сосредоточен центр лирической композиции в виде исторического тезиса, воспроизведение которого и составляло, по всей видимости, основу поэтического задания. У Шелли эта надпись на пьедестале статуи фараона отодвинута в середину первого терцета, что существенно изменяет темо-рематическую структуру его произведения.

Оценка критикой этого «соревновательного» сонета за почти двести лет была не в пользу Смита, хотя по своим формообразующим параметрам он практически не уступает тексту-«конкуренту»⁴ в плане романтического волюнтаризма по отношению одному из самых устойчивых жанров европейской поэзии.

Текст стихотворения П.Б. Шелли, получившего жанровое определение «сонет» только в последующих публикациях, представляет собой четырнадцатистишие, также написанное 5-ст. ямбом. Но при этом графического членения сонетного типа в нем не наблюдается, как и отчетливого выделения катренов и терцетов. Кроме того, текст стихотворения, особенно в начале, насыщен анжамбманами (enjambement) всех трех основных модификаций [5, с. 274]:

«I met a traveller from an antique land	a	rejet
Who said: Two vast and trunkless legs of stone	b	double-rejet
Stand in the desert. Near them on the sand	a	double-rejet
Half sunk, a shatter'd visage lies, whose frown	b	double-rejet
And wrinkled lip and sneer of cold command	a	
Tell that its sculptor well those passions read	c	
Which yet survive, stamp'd on these lifeless things,	d	double-rejet
The hand that mock'd them and the heart that fed;	c	
And on the pedestal these words appear:	e	
«My name is Ozymandias, king of kings:	d	
Look on my works, ye Mighty, and despair!»	e	
Nothing beside remains. Round the decay	f	contre-rejet
Of that colossal wreck, boundless and bare,	e	
The lone and level sands stretch far away» [16, p.851].	f	

Такая структура с переплетением рифменных цепей по-разному оценивается исследователями творчества Шелли. Так, например, И.Г. Гусманов видит в этом контраст «эпического спокойствия» и «внутреннего драматизма»: «Образная структура сонета стремится разделить его на две части, но вторая выходит из первой, как бы накладываясь на нее и образуя еще одну, срединную, общую часть. Внешним выражением такой структуры становится система рифм. Самостоятельными рифмами скреплены первые пять строк (ababb) и последние четыре (efef). Остаются пять средних строк, которые представляют собой четверостишие с перекрестной рифмой и добавленной строкой (между третьей и четвертой), рифмующейся с первой строкой последнего катрена сонета (cdced). Эта добавленная рифма девятой строки играет роль связующего звена, присоединяющего последнюю часть сонета к средней. С другой стороны, если пренебречь совпадением рифм 11 и 13 строк, то, начиная с шестой строки, получим три правильные терцины, то есть нечто целостное. Таким образом, сонет как бы меняет свою форму в зависимости от нашего угла зрения: то он предстает как комбинация 5–3–3–3, то как 5–5–4, и эта неопределенность рождает ощущение неустойчивости всей конструкции. Это ощущение, рождаемое на подсознательном уровне, подкрепляется не только сюжетной основой сонета, но и ее образным решением. Рассказ путника при всей его эпичности, все же сопровождается нагнетанием напряженности, которая достигает кульминации в словах фараона» [6, с. 170].

По мнению Стефана Бугрейва, сонет Шелли представляет собой художественную структуру так называемого «открытого типа»: «Рамки октавы и секстета строго не установлены. Рифма things–kings связывает две половины сонета. Действительно, нет никакого существенного разделения между октавой и секстетом. Сдвиг, если и есть таковой, наблюдается между 11 и 12 строками. Но скорее, чем “соединяя” или подводя итоги октавы афоризмами, как мы ожидаем в жанре сонета, в заключительных строках «Ozymandias» представляет нам эпизод, требующий дальнейшей интерпретации» [15, p. 54].

Нам представляется, что в структуре этого стихотворения заложена более сложная система взаимодействий между формой и содержанием. Если стихотворение Шелли можно вслед за комментаторами считать сонетом, то необходимо оценить трансформацию его канонов, так как по форме он отличается как от итало-французской модели, так и от шекспировского сонета.

Шелли, как и Смит, игнорирует принцип синтаксической законченности строф: начало и конец текста он усложняет за счет многочисленных анжамбманов, придающих стиху прозаизирующий импульс. И это не отменяет действие сонетных канонов, а только усложняет их, заставляя вспомнить определение Ц. Тодорова, данное им в статье «Понятие литературы»: «...сонет – это тип дискурса, характеризующийся дополнительными ограничениями, накладываемыми на его метрику и рифмы <...> с точки зрения оформления определенного дискурса дело всегда идет об увеличении, а не об умень-

шении числа правил; доказательством служит то, что в любом «отклоняющемся от нормы» поэтическом высказывании мы имеем возможность без труда восстановить нарушенное языковое правило, потому что оно было не столько отменено, сколько оспорено другим, новым правилом» [12, с. 367].

Нарушение строфической целостности (хотя о строфах в классическом смысле здесь говорить не приходится, так как один из релевантных признаков сонета – это четырнадцать строк, «которые распадаются на две группы по 8 и 6 стихов – восходящая и нисходящая часть» [8, с. 449]) и обилие поэтических переносов придают тексту «Ozymandias» некоторое подобие синкопического ритма, когда формальное членение на строки уступает фразовому. Именно потому, очевидно, рифмирование в сонете Шелли последовательно усложняется от 5-стишия к 9-стишию с терцинным строем. Все это свидетельствует об изменении сонетного дискурса. При этом нельзя не отметить, что индивидуальный почерк сонета Шелли настолько своеобразен, что можно было бы говорить о новой жанрово-строфической форме или о сознательном разрушении жанрового канона, что подтверждает наблюдение Джеймса Риджера о вольности Шелли в обращении с сонетными канонами [17, р. 167].

Парадоксальным образом отмеченные особенности сонета П.Б. Шелли практически не были учтены первыми русскими переводчиками. Из всех «только Ч. Ветринский точно воссоздал рисунок английского оригинала» [7, с. 73]. И это несмотря на то, что, по данным К.Д. Вишневского, с XVIII-го по начало XX века в русской поэзии «отмечено 108 различных принципиальных способов построения строфы сонета» [3, р. 463]. Все это разнообразие, свидетельствующее о том, что, «вопреки распространенному мнению о жесткой регламентации формы сонета, на самом деле русские стихотворцы не были связаны строгими правилами и предписаниями» [3, р. 466], не способствовало вниманию переводчиков к индивидуальным трансформациям сонета Шелли.

Первый по времени подступ к переводу «Озимандия» сделала известная поэтесса и детская писательница Анна Павловна Барыкова: в 1886 году в журнале «Северный вестник» был опубликован ее перевод сонета П.Б. Шелли [11, с. 172], перепечатанный позже в посмертном издании «Стихотворения и прозаические произведения» (1897) в подборке «Из английских и американских поэтов», включающей переводы оды «Западному ветру», отрывков из поэм «Королева Мэб», «Восстание Ислама», «Освобожденный Прометей». Просветительская установка А.П. Барыковой была связана с традициями демократической литературы, выступавшей за простоту и естественность в поэзии. По данным Т.В. Ковалевой, поэты старшего поколения (1840–1850 г. р.), к которому принадлежала и А.П. Барыкова, в основном «игнорировали сонетную форму» [10, с. 157]. Поэтому совершенно не удивительно, что в интерпретации поэтессы 14-строчный текст превратился в 16-строчный, написанный 6-ст. ямбом со специфической системой рифмования

– AAbbCCddEEfGGfHH⁵. Такое удлинение художественного объема, однако, не способствовало точности перевода: переводчица не только изменила трехуровневую форму повествования⁶, в результате чего исчез образ скульптора, но и «расширила описание колосса, дополнив его при характеристике пустыни эпитетом «безбрежный», а также образом высокого полуразрушенного пьедестала» [7, с. 74]:

«Громадный памятник, былых времен святыня,

Стоит в волнах песков безбрежной пустыни:

Две каменных ноги, высокий пьедестал,

Полуразрушенный; а рядом в прах упал rejet

Безногий истукан с разбитой головою.

В лице, воссозданном искусною рукою,

В холодных, дышащих презрением чертах,

В усмешке злобной и надменной на устах,

Застыли жившие в жестоком сердце страсти,

Сияет торжество несокрушимой власти.

На пьедестале надпись гордая гласит:

«Я – Озимандия. Я – царь царей – великий.

Вот рук моих дела! Завидуйте, владыки!»

И все безжизненно, все пусто, все молчит rejet

Кругом него. Пустыня стелется немая, rejet

Осколки прошлого песками засыпая».

Нагнетание метафорических конструкций, амплификационное расширение системы образов, образующих кольцевую композицию (от «волн песков» в пустыне до немой пустыни, которая засыпает «осколки прошлого песками»), – все это создает эффект монументальности, сродни гигантомании архитекторов Древнего Египта, и вызывает устойчивые ассоциации с «египетской темой» в европейской и русской поэзии XIX века. При этом в воспроизведении луксорской надписи А.П. Барыкова оказывается довольно точной, несмотря на то, что составляется она из четырех предложений, ритмически отчетливо делящих строки на полустихия, в противоположность синкопированному ритму 5-ст. ямба в соответствующем композиционном фрагменте у П.Б. Шелли. Начиная с 11-й строки, изменяющей ритм сдвоенных строк на перевернутую тернарную систему рифмования с усложненной ритмической организацией (в последних 6-ти строчках ритмическая схема ни разу не повторяется), стихотворение А.П. Барыковой словно бы возвращается к структуре претекста, восстанавливая эквилинеарность в этой части перевода: и прямая речь, и описания пустыни соответственно располагаются друг за другом и обладают соотносимым художественным объемом. Создается впечатление, что, отказавшись в начале от воспроизведения формальных параметров сонета, переводчица в процессе работы подпала под влияние уникального и емкого поэтического слога Шелли, что отразилось даже на синтагматическом членении строк: если в первых строчках ее перевода анжамбманы практически не встречаются, в отличие от оригинала, то в

последних их рисунок уже отчетливо напоминает концовку «Озимандия».

Таким образом, «псевдосонет» Барыкиной, при всех свойственных ему амплификационных и структурных изменениях, все же можно признать переводом, выполнившим в истории переводов Шелли очень важную имагологическую функцию: создание образа египетской культуры через призму европейского сознания, что особенно актуально в контексте английского культурно-археологического «освоения» этого уникального региона.

Второй появившийся в печати перевод «Озимандия» принадлежал Ч. Ветринскому⁷ и представлял собой экстраполяцию на собственную практику принципов – «дословность в передаче мысли автора, точное воспроизведение стихотворной формы подлинника и самоограничение в смысле безграничного уважения к подлиннику», – сформулированных им в статье «Жуковский, как переводчик Шиллера» [13, с. 170–171]. Это выгодно отличает его перевод сонета Шелли:

«От путешественника я	3.31.0	a	rejet
слыхал			
Рассказ. – В степи стояла пара	1.111.0	b	double-rejet
ног			
Огромных каменных. Близ	1.131.0	a	contre-rejet
них лежал			
Разбитый лик, зарывшийся в	1.113.0	b	
песок.			
Презреньем лоб морщини-	1.113.0	a	
стый дышал,			
Змеился смех холодный на	1.113.0	c	
губах...			
Изобразить умел весь мир	3.111.0	d	enjambement
страстей			
Художник в этих каменных	1.113.0	c	
чертах...			
И надпись на подножии	1.33.1	E	
гласила:			
«Я Озимандиас, я царь царей!	3.31.0	d	
Глядите! Все моя создала	1.111.1	E	
сила!»			
И все... Вокруг останков	1.113.1	F	contre-rejet
колоссальных			
В даль без границ пустыня	3.13.1	E	
уходила,			
Желтея грудами песков пе-	1.131.1	F	
чальных...» [1, с.669]			

Как видно из текста перевода, в нем сохранена система рифмования оригинала⁸ и даже сложная структура анжамбманов, что придает русскому тексту довольно специфическое звучание в контексте того обстоятельства, что выполнен он 5-ст. ямбом: вместить содержание сонета П.Б. Шелли в такой художественный объем без смысловых потерь практически невозможно. Так, например, в первой строке переводчику пришлось отказаться от воспроизведения эпитета «antique» (античный, старинный), в 4-й строке вместо хмурого лица, складок губ, таящих насмешку холодной власти («frown, / And wrinkled lip, and sneer of cold command») появляется морщинистый лоб, дышащий презреньем, тогда как на губах «змеится смех холодный», в самом конце сонета пески приобретают желтый цвет, но почему-то становятся печальными. Все это – признаки ультраромантической традиции, связанной прежде всего с лермонтовской поэтикой. И хотя эквилинеарность образов остается достаточно высокой, все же нельзя не отметить, что в таком переводе неминуемо изменяются пропорции художественных образов и их характеристики, что отчетливее всего заметно в переводе слов Озимандия:

My name is Ozymandias, king of kings:

Я Озимандиас, я царь царей!

Look on my works, ye Mighty, and despair!

Глядите! Все моя создала сила!

Воспроизводя греческую транслитерацию имени «Озимандий», Ветринский изменяет содержание луксорской надписи в интерпретации Шелли, нивелируя объект обращения и тон превосходства, заключенные в строке «Look on my works, ye Mighty, and despair!» [Взгляните на мои дела, вы, Всесильные, и падите духом! (*пер. нап. – А.Д.*)]. В результате на первый план выходит однозначно понятый образ, лишенный аллюзий с новейшей историей эпохи наполеоновских войн [7, с.75]. Еще заметнее этот прием упрощения и одновременного расширения контекста переводчик реализует в конце своего перевода сонета Шелли, когда заменяет знаменательную фразу «Nothing beside remains» [Ничего, кроме обломков] на сверхлаконичное «И все...», что дает ему возможность расширить финальное описание пустыни без границ.

Таким образом, добиваясь эквилинеарности за счет семантических и лексических трансформаций, второй переводчик «Ozymandias» создал не самый выразительный, но зато довольно точный по форме переводной аналог знаменитого сонета П.Б. Шелли.

Примечания

1. Подобного рода состязания были у Шелли с Китсом и Ли Хантом в 1818 году.
2. Перевод А.А. Золотаревой [9, с.134]
3. Здесь происходит и недопустимая смена рифмокомпонентов, выводящая во втором катрене на первые позиции в строфе подчиненный рифмокомпонент «shows – disclose».
4. В качестве недостатков сочинения Смита называются дидактичность, монолинейность [], версификационная простота, меньшая нагруженность «глубинными смыслами» [] и т.д.
5. В тексте этого перевода отсутствует деление на строфы, что позволяет оценивать его с позиций классической строфики как астрофический.
6. Ср.: ««Ozymandias» has an elusive, sidelong approach to its subject. The poem begins with the word «I» – but the first person here is a mere framing device. The «I» quickly fades away in favor of a mysterious «traveler from an antique land». This wayfarer presents the remaining thirteen lines of the poem» [14, p.126]. [В «Ozymandias» есть неуловимый, «боковой» подход к его субъекту. Стихотворение начинается со слова «Я» – но первое лицо здесь – простой прием обрамления. «Я» быстро уступает место в пользу таинственного «путешественника из старинной земли». Этот

странник и представляет остальные 13 строк сонета (пер. наш. – А.Д.)]

7. Псевдоним Всеволода Евграфовича Чешихина – русский писатель, публицист, музыкальный критик, педагог и переводчик. В 1892 году в журнале «Колосья» опубликовал к 100-летию английского поэта литературно-критический очерк о его жизни и творчестве, в котором, в частности, отмечал «два основных элемента поэзии Шелли, гармонически слитых: всеобщей безграничной любви и стремления к свободе» [2, с.224].

8. Единственное отступление заключается в том, что рифмы в конце сонета у Ветринского оказываются сплошь женскими.

Список литературы

1. Ветринский Ч. Озимандиас (из Шелли) // Газета А. Гатцука. 1890. № 39. С. 669.
2. Ветринский Ч. Шелли // Колосья. 1892. № 9 (октябрь). С. 223–256.
3. Вишневецкий К.Д. Разнообразие формы русского сонета // Russian verse theory / Ed. B.P. Scherr, D. S. Worth. Columbus, Ohio, 1989. Pp. 455–471.
4. Гаспаров М.Л. Сонет. // Краткая литературная энциклопедия. М.: Советская энциклопедия, 1972. Т. 7. Стб. 67–68.
5. Гаспаров М.Л. Перенос // Литературный энциклопедический словарь. М., 1987. С.274.
6. Гусманов И.Г. Лирика Шелли. II. (1811–1817 гг.). Орел: «Орлик». 2007. 280 с.
7. Жаткин Д.Н., Рябова А.А. Стихотворение П.-Б.Шелли «Озимандия» в русских переводах конца XIX – начала XX в. // Вестник МГОУ. Сер. «Русская филология». 2011. № 1. С. 69–77.
8. Жирмунский В.М. Теория стиха. Л.: Советский писатель, 1975. 664 с.
9. Золотарева А.А. Два сонета об одном царе царей // Новый мир. 2016. №4. С.134–135.
10. Ковалева Т.В. Русский стих 80-90-х годов XIX века: дисс. ... канд. филол. наук. Алма-Ата, 1993. 193 с.
11. Северный вестник. 1886. № 6. С.172.
12. Тодоров Ц. Понятие литературы // Семиотика. М. : Радуга, 1983. С. 355–369.
13. Чешихин-Ветринский В.Е. В.А. Жуковский как переводчик Шиллера. Критический этюд. Рига: Типо-литография Б. Серенсена, 1895. 172 с.
14. Burt St., Mikics D. The Art of the Sonnet. Harvard; Belknap, 2010. 455 p.
15. Bygrave St. Versions of British Romantic writing // Romantic Writings / Ed. by Stephen Bygrave. London, 1996. 368 p.
16. English Poetry. From Collins to Fitzgerald / The Harvard classics, edited by Charles W. Eliot. New York: P.F. Collier & Son Corporation, 1910. Vol. II. Pp. 851.
17. Rieger J. The Mutiny Within. The Heresies of Percy Bysshe Shelley. N.Y., 1967. 283 p.
18. The Examiner. 1818. February 1. P. 73.
19. The Poems of Shelley: 2 vol. Vol.2. 1817–1819 / Ed. by K. Everest, G. Matthews. London: Longman, 2000. 920 p.

References

1. Vetrinsky Ch. Ozymandias (from Shelley) // A. Gatzuk's Newspaper. 1890. № 39. 669 p.
2. Vetrinsky Ch. Shelley // Kolosya. 1892. No. 9 (October). Pp. 223–256.
3. Visniewsky K.D. Variety of Russian sonnet form // Russian verse theory / Ed. by B.P. Scherr, D. S. Worth. Columbus, Ohio, 1989. Pp. 455–471.
4. Gasparov M.L. Sonnet // Brief literary encyclopedia. - M.: Soviet Encyclopedia, 1972. V. 7. Spb. Pp. 67–68.
5. Gasparov M.L. Transfer // Literary encyclopedia dictionary. M, 1987, 274 p.
6. Gusmanov I.G. Shelley's Lyrics II. (1811–1817). Orel: Orlik. 2007. 280 p.
7. Zhatkin D.N., Ryabova A.A. Poem by P.-B.Shelli «Ozymandias» in Russian translations of the late 19th – early 20th century // MGOU Journal. «Russian Philology.» 2011. № 1. Pp. 69–77.
8. Girmunsky V.M. Theory of verse. L.: Soviet writer, 1975. 664 p.
9. Zolotarev A.A. Two sonnets about one king of kings // New world. 2016. №4. Pp. 134–135.
10. Kovaleva T.V. Russian verse of the 1800s-1900s of the XIXth century: diss.... edging. Phil. Sciences. Alma-Ata, 1993. 193 p.
11. Northern Vestnik. 1886. № 6. Pp. 172.
12. Todorov K. Concept of literature//Semiotic. M.: Raduga, 1983. Pp. 355–369.
13. Cheshichin-Vetrinsky V.E. V.A. Zhukovsky as Shiller's translator. Critical sketch. Riga: B. Serensen Publ.h., 1895. 172 p.
14. Burt St., Mikics D. The Art of the Sonnet. Harvard; Belknap, 2010. 455 p.
15. Bygrave St. Versions of British Romantic writing // Romantic Writings / Ed. by Stephen Bygrave. London, 1996. 368 p.
16. English Poetry. From Collins to Fitzgerald / The Harvard classics, edited by Charles W. Eliot. New York: P.F. Collier & Son Corporation, 1910. Vol. II. Pp. 851.
17. Rieger J. The Mutiny Within. The Heresies of Percy Bysshe Shelley. N.Y., 1967. 283 p.
18. The Examiner. 1818. February 1. Pp. 73.
19. The Poems of Shelley: 2 vol. Vol.2. 1817–1819 / Ed. by K. Everest, G. Matthews. – London: Longman, 2000. 920 p.

УДК 821.111(73)

UDC 821.111(73)

ЗИНОВЬЕВА Р.В.

аспирант, Балтийский Федеральный университет
имени И. Канта
E-mail: regina46@list.ru

ZINOVEVA R.V.

PhD Student, I. Kant Baltic Federal University
E-mail: regina46@list.ru

ИГРОВАЯ ПОЭТИКА ЭДВАРДА ОЛБИ В ДРАМЕ «КТО БОИТСЯ ВИРДЖИНИИ ВУЛЬФ»

PLAYING POETICS OF EDWARD ALBEE'S DRAMA «WHO IS AFRAID OF VIRGINIA WOLF»

В статье изучается механизм реализации игрового модуса в пьесе Эдварда Олби «Кто боится Вирджинии Вульф». Анализируются принципы авторской поэтики, проявляющиеся на вербальном, сюжетно-композиционном и характерологическом уровнях. Исследуются интертекстуальные включения, представляющие собой заимствования из Библии и классических произведений литературы, музыки и философии. Выявляется синтез комического и трагического начал в концептуализации основных проблем пьесы: кризис западной культуры и крушение американской мечты.

Ключевые слова: Олби, «Кто боится Вирджинии Вульф», трагикомическое, игра, интертекстуальность.

The article researches the realization of a play mode in Edward Albee's play "Who is afraid of Virginia Woolf". The author analyzes the poetics principles, manifested on verbal, narrative, compositional and characterological levels. Intertextual inclusions from the Bible and classical works of literature, music and philosophy are studied. The author reveals the synthesis of the comic and tragic principles in the conceptualization of the main problems of the play, such as: the crisis of Western culture and the collapse of the American dream.

Keywords: Albee, "Who is afraid of Virginia Woolf", tragicomic, play, intertextuality.

Игра, по словам Йохана Хейзинга, – это основополагающая категория, которая «сама по себе выступает как основа и фактор культуры» [15, с. 24-25]. В этой связи феномен игровой поэтики, понимаемый, согласно О. А. Корниенко, как «художественная система, элементы которой обладают повышенным игровым модусом и нацелены на игру с читателем» [5], занимает одно из центральных мест в современном литературоведении.

В отечественном литературоведении проблема игровой поэтики художественного текста исследована достаточно глубоко, о чём свидетельствуют работы А.М. Люксембург [6], М.М. Гиршман [3], И.С. Скоропановой [12], О.А. Корниенко [5], И.В. Александровой [1]. Исследование проблематики и поэтики пьесы Эдварда Олби «Кто боится Вирджинии Вульф» («Who is afraid of Virginia Wolf», 1962) сквозь призму игры как структуро-, стиле- и смыслообразующего явления позволит раскрыть игровую природу пьесы и по-новому взглянуть на стиль и творчество американского драматурга в целом. Цель данной статьи – проанализировать принципы игровой поэтики, осмыслив формально-содержательное значение игровых приёмов. Научная новизна нашего исследования заключается в том, что до настоящего времени в рамках отечественного литературоведения (М.М. Коренева [4], Б.А. Смирнов [13], В.Б. Шамина [16], В.М. Паверман [9]) рассматривалась проблематика пьес Эдварда Олби в рамках соотношения реализма и модернизма в его творчестве, тогда как вопросы игровой поэтики до сих пор оставались неизученными.

Игровая поэтика включает большой спектр приёмов, направленных на художественный текст. По мнению А.М. Люксембург, игровой текст характеризуется рядом таких особенностей, как: «амбивалентность» [7], «принцип недостоверного повествования» [7], «интертекстуальность» [7] и «текстовый плюрализм, комбинирующийся с игрой повествовательных инстанций (предполагающий лабиринтовый характер игрового текста, «текст в тексте»)» [7, с. 5-6]. По словам О.А. Корниенко, литературная игра сводится к «внутри-текстовой игре» [5], где основным принципом выступает взаимодействие «языкового, характерологического, сюжетно-композиционного и повествовательного типов: игра слов, каламбуры; приёмы «qui pro quo» [6].

В пьесе «Кто боится Вирджинии Вульф» обнаруживаются крипто- и квазичитаты, принципы недостоверного описания; уводящие в сторону сюжетные ходы; принципы «игры в игре» и «qui pro quo»; широко используется потенциал устной речи: «крылатые выражения», игра слов, каламбуры, шутки, нецензурная лексика, фрагменты песен. В тексте пьесы прослеживается широкий спектр заимствований: Библия, жития святых, литературные и философские произведения, исторические, мультипликационные и музыкальные источники.

Пьеса «Кто боится Вирджинии Вульф» является, по словам Т. Цинмана, «глубоким исследованием излюбленной темы американского театра – темы дисфункциональных семейных отношений [22]. В отечественном

литературоведении В. Паверман, затрагивая проблемы американского общества, верно пишет о том, что в пьесе речь идёт «не просто о распаде человеческих связей и деградации личности, но о кризисе целой цивилизации» [9, с. 174], сказывающимся на «судьбе семьи как символе целой культуры» [9, с. 174]. По мнению О.Г. Сидоровой, в пьесе Эдварда Олби представлена «картина американской действительности в формах самой жизни» [11]. Определяя жанр пьесы как трагикомедию, исследователь отмечает присутствие в пьесе стихии комического, выраженного в одном из её важнейших структурообразующих элементов – игре. «Игра одновременно принадлежит стихии комического, которое, постоянно переплетаясь в пьесе с серьёзным, оттеняет его и оттеняется им» [11] – пишет О. Г. Сидорова.

Игра охватывает всё художественное пространство произведения – сюжет, язык и стиль писателя. Главные герои, супружеская пара, Марта и Джордж, на протяжении всей пьесы играют в игры, вовлекая в этот процесс своих гостей, Ника и Хани. Игра как основной принцип драмы реализуется в трёх планах. Во-первых, это принцип авторской стратегии, применяемый в процессе художественного взаимодействия автора и читателя, вынуждённого пробираться сквозь «дебри» мотивно-аллюзивного пространства пьесы. Во-вторых, это организация сюжета, в котором на первый план выносятся некая игра в реальность, наподобие игры «Правда и ложь» (*Truth and Illusion*) [17, с. 284], в виде головокружительного «калейдоскопа» подлинных и вымышленных историй, «атакующих» сознание читателя/зрителя. И в-третьих, это речевая игра агонального типа [2], характеризующаяся выбором персонажами пьесы, Мартой и Джорджем, сопернической (агональной) стратегии поведения. Эдвард Олби, вводя в пьесу такой вид состязания как «агональная игра» [15, с. 61], обращается к своей излюбленной теме «войны полов», заимствуя её из драматургии Стриндберга. Внутри общей агональной игры главными героями по очереди проводится ещё четыре «микроигры» («*Humiliate the Host*» [18, с. 273] («Хами хозяину») [8, с. 148], «*Get the guests*» [18, с. 249] («Громи гостей») [8, с. 149], «*Hump the Hostess*» [18, с. 249] (вульг. «Хочу хозяйку») [8, с. 149], «*Bringing up baby*» [18, с. 293] («Расти ребёнка») [8, с. 184]), которые будучи провокационными, представляют собой поочередный вызов героев друг другу. Такое соотношение различных игровых планов в пьесе порождает в тексте пьесы «игровой лабиринт».

«Вербальная часть игрового кода» [17] в анализируемой пьесе включает клишированные выражения, маркирующие начало и конец игры – «Well! That's one game. What shall we do now, hunh?» [18, с. 247] («Ну-с, так. В одну игру сыграли. А что будем делать дальше?» [8, с. 148]) / «You wanna play Hump the Hostess?» [18, с. 248] («Согласны в «Хочу хозяйку?» [8, с. 148]) / «One more game, and then beddie-bye» [18, с. 288] («Ещё одна игра, а потом бай-бай» [7, с. 185]), / «No more games ... please» [18, с. 288] («Довольно нам играть» [7, с. 185]), а также договорённость об игре – «Just don't start in on

the bit about the kid, that's all» [18, с. 165] («Не заводись о сыне, вот и всё» [8, с. 81]) / «You broke our rule, baby. You mentioned him ... to someone else» [18, с. 307] («Ты сама нарушила наши правила, детка. Ты заговорила о нём...с другими» [8, с. 203]). По словам И.Е. Шейгал и Ю.М. Ивановой, любой игровой код предусматривает, помимо клишированных формул, «необлигаторную игровую идиоматику разговорного стиля» [17], например: прибаутки и шуточные выражения, служащие для оживления речи [17]. Важной функцией игровой идиоматики, по словам исследователей, является «маркирование принадлежности игры к узкому кругу посвящённых» [17].

Такая необлигаторная игровая идиоматика отражена в языковых аспектах речи главных героев. Обращают на себя внимание различные приёмы вербальной игры, такие, как например, каламбуры, иронически обыгрывающие эмоциональное состояние героев. Так, Джордж, рассказывая о своей неудавшейся жизни, о несбывшихся мечтах, прибегает к аграмматизму, языковой игре, базирующейся на обыгрывании грамматических форм. Джордж: «Good, better, best, *bested*» [18, с. 174] («Поруганные надежды, благие надежды. Благие, наиболее, самые благие, благословили по лбу» [8, с. 89]). Нарушение грамматических норм в степени сравнения прилагательных придаёт речи персонажа экспрессивность и добавляет нотку сарказма. Или, например, в следующем примере, Джордж: «Martha's father's second wife ... was a very old lady with warts who was very **rich**». / Ник: «She was a **witch**» [18, с. 227] (Джордж: «Вторая жена Мартинового отца...была совсем дряхлая старушенция с бородавками и очень богатая»/ Ник: «Она была ведьма» [8, с. 132]). С целью создания комического эффекта Олби пользуется такой разновидностью словесной игры, как паронимазия, которая основывается на намеренном сближении слов «warts», «rich», «witch» «вследствие сходства в звучании и частичного совпадения морфемного состава» [5].

Игровая идиоматика, формирующая иронический и комический подтекст, проявляется также в употреблении героями каламбуров с сексуальным подтекстом, например: Джордж: «SNAP WENT THE DRAGONS!!» [18, с. 287] («Фуксии сказали: фук!» [8, с. 183]). Смысл каламбура строится на умелом обыгрывании многозначности слова и выражения «snapdragon», которое имеет три значения – «львиный зев», название цветка, который приносит Джордж Марте; популярная святочная игра XVI века и сексуальный акт. Или, например, использование приёма зооморфизации на основе инвективы. Чтобы показать своё негативное отношение к отцу Марты, Джордж даёт ему следующую характеристику: «Your father has tiny red eyes... like a white mouse» [18, с. 204] («У твоего отца маленькие красные глазки... как у белой мыши» [8, с. 114]). Таким же образом он отзывается и о Хани и сравнивает её с зайчиком, прибегая при этом к аллитерации: «Bunny funny? Good for bunny» [18, с. 290] («Прыг-скок, и в мешок? Молодец, зайчик» [8, с. 187]). С помощью инвективной лексики и

сексуального подтекста для выражения саркастического отношения к происходящему обыгрывается также паронимия в названии цветов и растений: Марта: «Pansies! Rosemary! Violence! My wedding bouquet!» [17, с. 285] («Педерастры! Незабудки! (в значении «проститутки»)¹ Гладиолухи! Мой свадебный букет!» [8, с. 179]).

Ради достижения комического эффекта, Олби проводит стилистическую игру с читателем, спутывая реплики персонажей. Например, «George... Where's Martha? / Nick. She's making coffee... in the kitchen. She ... gets sick quite easily. / George. Martha? Oh no, Martha hasn't been sick a day in her life... / Nick. ... No, no; my wife ... my wife gets sick quite easily. Your wife is Martha» [18, с. 213]. («Джордж. ... Где Марта? / Ник. Она варит кофе... на кухне. Ей чуть что... так сразу нездоровится. / Джордж. Марте? Да Марта в жизни своей не жаловалась на здоровье ... / Ник. ... Я про свою жену... Ваша жена – Марта» [8, с. 121-122]).

При создании образов Марты и Джорджа драматург намеренно вводит в действие ложные сюжетные ходы, начиная с вымышленных историй из жизни главных героев: смерти родителей Джорджа, его путешествия на Майорку и участия в Пунических войнах, наследства мачехи Марты и заканчивая несуществующим сыном супружеской пары. Таким образом, Олби создаёт игровой лабиринт текста, в котором ни одно утверждение или сообщение не может быть воспринято как достоверное, а сама реальность в пьесе выходит за рамки читательского понимания.

Примечательным в этой связи является игровой приём «qui pro quo», который, по мнению О. А. Корниенко, является «мощным средством характерологии времени, картины окружающей жизни и фактором структурообразования сюжетной динамики» [5]. Марта и Джордж выдают себя за родителей воплощённого образа американской мечты, который по факту оказывается вымышленным, а мечта – бесплотная.

Вершина жанровой специфики Олби заключается в сопряжении комического игрового уровня с уровнем трагическим в напряжённой динамике пьесы. В шуточной форме проявляется подтекстовый слой, в котором отражается трагическая сторона первичной реальности и негативное отношение автора к ней. Nick: «And I'll bet your wife's the biggest goose in the gangle... I'd just better get her off in a corner and mount her like a goddamn dog, eh? / George: Why, you'd certainly better. Nick: You know, I almost think you're serious. George: No, baby ... you almost think you're serious, and it scares the hell out of you» [18, с. 230] (Ник. «И держу пари, ваша жена самая крупная гусыня в этом гусином стаде... Так вот я, пожалуй, прижму ее где-нибудь в уголке и оседлаю, как дворовая псина? / Джордж. Действуйте, прижимайте. / Ник. ... Знаете, мне кажется, что вы это серьезно. / Джордж. Нет... это ВАМ кажется, что вы это серьезно, и вы обмираете от страха» [8, с. 135]).

Таким образом, в процессе игры, которая является основным поэтологическим и сюжетообразующим принципом, Олби вынуждает своих героев столкнуться

с правдой жизни и выйти из плена иллюзии, раскрывая раз за разом нелюбимые факты из их прошлого и настоящего.

Игровая стратегия Эдварда Олби проявляется также в интертекстуальной организации текста. Пьеса «Кто боится Вирджинии Вульф», по нашему мнению, является своего рода центонным текстом, который, по словам Н. А. Фатеевой, «представляет собой целый комплекс аллюзий и цитат (в большинстве своём неатрибутированных),... и речь идёт о создании некоего сложного языка иносказания, внутри которого семантические связи определяются литературными ассоциациями» [14, с. 137].

Рассказ Вирджинии Вульф «Лапин и Лапина» (англ. «Lappin and Lapinova», 1938) становится своего рода интертекстом в пьесе Олби «Кто боится Вирджинии Вульф». Этот рассказ, мы можем назвать, пользуясь формулировкой Н. Пьеге-Гро, «своеобразным шарниром» [10], посредством которого объединяются другие интертекстуальные включения в рамках реализации художественного замысла автора. «Аллюзийная нагруженность» [14, с. 139] заглавия пьесы создаётся путём «сращения» имени писательницы Вирджинии Вульф с песней трёх поросят «Who is afraid of the Big Bad Wolf?» (англ. «Кто боится большого серого волка?») из диснеевского мультфильма и «заменой» большого злого волка на Вирджинию Вульф. Сам Олби признаётся, что «Кто боится Вирджинии Вульф» означает «кто боится большого серого волка», т.е. «кто боится жизни без лживых иллюзий» [21, с. 52].

Олби заимствует у Вирджинии Вульф идейную составляющую её рассказа – тему иллюзии и реальности. Тематическое сходство двух произведений реализуется путём сближения образов главных героев. Основная сюжетная линия заключается в изображении обеих семей, которые боятся столкнуться с проблемами реальной жизни и ради сохранения брака пребывают в мире собственных иллюзий.

Главные персонажи Вульф Эрнест и Розалинда создают собственный воображаемый мир, дают себе новые имена, Лапин и Лапина, и представляют себя счастливой кроличьей парой. Их жизнь сводится к обсуждению нереальных фактов, якобы происходивших с их вымышленными прототипами. Вне иллюзорного мира их брак обречён. В пьесе «Кто боится Вирджинии Вульф» Эдвард Олби идёт намного дальше и выходит за рамки семейно-бытового конфликта, обрисовывая характеры главных персонажей, обращая внимание на их духовную составляющую и конфронтацию с окружающей социальной действительностью. Джордж и Марта, так же как и герои Вульф, замкнуты в собственном иллюзорном мире, в котором центральное место занимает история об их воображаемом сыне.

В пьесе также раскрывается апокалиптическая тема краха цивилизации. Здесь обнаруживаются культурологические отсылки к истории Карфагена, который был уничтожен римлянами, но впоследствии был ими восстановлен. Согласно мнению К. Бигсби, винить за раз-

рушение древнего города следует его обитателей за их алчность и стяжательство [19, с. 7]. Само действие пьесы проходит в университетском городке, именуемом в драме уже Новым Карфагеном. Драматург помещает в этот город своих главных героев, являющих собой, по мнению М. Эсслина, пародийную аллюзию на образы первого президента США, Джорджа Вашингтона, и его жены Марты, считавшиеся эталоном любви и партнерства [20]. Э. Олби противопоставляет образы главных героев пьесы, сломленных людей, мифологизированным национальным образам Марты и Джорджа Вашингтона, претворившим в жизнь «американскую мечту».

Тема краха цивилизации «подкрепляется» отсылками к музыкальным источникам, которые задают минорную тональность пьесе. Так, например, «Dies Irae» (лат. «День гнева») – секвенция в католической мессе, в тексте которой описывается Судный день, или проявляющее черты траурного шествия знаменитое Allegretto 7-ой симфонии Бетховена.

Атмосфера конца западной цивилизации создаётся также с помощью псевдоцитации фрагмента одного из трактатов: «Закат Европы» Освальда Шпенглера либо «История упадка и разрушения Римской империи» Эдварда Гиббона, либо «Взлёт и падение Третьего Рейха» Уильяма Ширера. Ложное неатрибутированное цитирование, к которому прибегает герой Эдварда Олби, «становится парадоксальным способом утверждения оригинальности» [14, с. 23]. «And the west, encumbered by crippling alliances, and burdened with a morality too rigid to accommodate itself to the swing of events, must ... eventually ... fall. [*He rises, with the book in his hand... he hurls it at the chimes*»]/[18, с. 272] («И Запад, обременённый непосильными для него союзами, скованный устаревшей моралью, недостаточно гибкой в применении к стремительному ходу событий, должен... в конце концов рухнуть» [*Он встаёт с книгой в руках... швыряет её в дверные колокольчики*] [8, с. 168]).

Наглядным примером центонного «текстопорождения» служит конец вышеупомянутого отрывка, который как бы «цепляется» за стихотворение «Колокольчики и колокола» (англ. «The Bells») Эдгара По. «Bells. Ringing. I've been hearing bells... the bells started ... they BOOMED! Poe-bells» [18, с. 272] («Колокольчики. Звенят. Я слышала звонок... Вдруг колокольчики... И так громко. Как у Эдгара По... Колокола» [8, с. 168]) – говорит Хани. Звон колокольчиков становится ключевым лейтмотивом драмы. Ономастическое стихотворение Эдгара По состоит из четырех частей, в каждой из которых передается разнообразие человеческих состояний: в первых двух – радость, восхищение и праздник, связанные с оптимистической надеждой на будущее, в последних – ужас и смерть, ожидающие человека в самом конце пути, в котором его сопровождают похоронным звоном всё те же колокола. Эдгар По не строит утешительных прогнозов по поводу будущего человечества. Эту грустную ноту подхватывает Олби и в своей пьесе предупреждает западную цивилизацию о надвигающейся

опасности. Нельзя не согласиться с мнением К. Бигсби, что пьеса «Кто боится Вирджинии Вульф» – это своего рода «пророческое предупреждение» [19, с. 8] об угрозе «скатывания» человечества в иллюзорный мир, грозящий ему уничтожением.

Кроме интертекстуальных связей с литературными произведениями, в пьесе обнаруживаются отсылки к философскому и библейскому текстам. В третьем кульминационном акте под названием «Exorcism» (англ. «Изгнание беса») от темы краха цивилизации Олби приводит нас к теме крушения американской мечты как одной из главных иллюзий Марты и Джорджа. Воображаемый сын как раз и является, по словам главных героев, той «our own little all-American something-or-other» [18, с. 280] («исконной всеамериканской мечтой» [8, с. 179]), «the one light in all this hopeless... darkness...» [18, с. 302] («единственным светом в этой безнадежной тьме» [8, с. 198]). Сцена «жертвоприношения» несуществующего сына, которое совершает Джордж, напоминает ветхозаветную историю Авраама, получившего приказание от Бога принести в жертву единственного своего сына Исаака. Эта библейская сцена является по своей сути экзистенциальной префигурацией абсурда, о котором писал Кьеркегор в своём трактате «Страх и трепет». Неслучайно, сына главных героев зовут Джимми [8, с. 179] («Jimmy» [18, с. 280]), т.е. Иаков, сын Исаака. Сцена жертвоприношения сопровождается текстом католической заупокойной службы. Марта: «... beautiful, beautiful boy. ((Наш сын) ... такой красавец, такой красавец» [8, с. 193]) / Джордж: «Absolve, Domine, animas omnium fidelium defunctorum ab omni vinculo delictorum»² [18, с. 297]. Посредством такой аллюзии драматург расширяет пространство текста и углубляет философскую проблематику драмы: крушение иллюзий сочетается с погребальной песней по американской мечте и по всему человечеству в целом. Джордж вербально «убивает» своего воображаемого сына, Иакова, решив тем самым исполнить «Божью» волю и «изгнать» беса иллюзии.

Тема краха иллюзий тесно связана с христианским мотивом победы над дьяволом, предстоящим в образе чудовища либо змея. Имя главного персонажа, Джордж, отсылает нас к христианскому герою, победителю чудовищ, святому Георгию. По сути «война» Джорджа и Марты – это отражение христианского георгиевского мифа, мифа о змееборце, победителе чудовища. Ведь неслучайно Джордж в своих прениях с Мартой довольно часто называет свою жену «monster» [18, с. 128] («чудовищем» [8, с. 158]), «Cyclops» [18, с. 164] («циклопом» [8, с. 127]) или «satanic bitch» [18, с. 247] («дьяволом» [8, с. 147]), иногда переходит к угрозам (от шуточных до серьёзных), а то и до рукоприкладства. Так, например, Джордж говорит: «Нет более отвратительного зрелища, чем когда ты напьешься и задерешь юбку на голову... правильнее сказать, задерешь на головы» [8, с. 80] («... your skirt up over your head ... your heads» [18, с. 164-165]). Джордж побеждает Марту и тем самым утверждает право на жизнь без фальшивых иллюзий. Главная героиня

Марта, имя которой также имеет евангельское происхождение, отсылает читателя к христианской притче о Марии и Марфе. Марта в ремарках к пьесе названа «boisterous woman» [18, с. 151] (шумливой), что отвечает такой особенности евангельской Марфы как «хлопотливости». Марта, не способная воспринять «благовест», представляет собой человечество, обреченное на смерть. Джордж в противоположность Марте несёт в себе надежду на новую жизнь без иллюзий и веру в человека и обновление общественной жизни. Однако, смогут ли главные герои в дальнейшем противостоять самообману и научиться жить в реальности так же, как и проблема будущего всего человечества – всё это во-

просы, на которые автор не даёт однозначного ответа.

Таким образом, игра как принцип поэтики и основа структурообразования пьесы «Кто боится Вирджинии Вульф» соединила в себе элементы комического и трагического. Игровое начало расширило сюжетно-композиционное поле драмы, что позволило углубить философскую проблематику пьесы и выделить несколько основополагающих тем: тема краха человеческой цивилизации, крушения иллюзий и утраты американской мечты. Рассмотрение данного тематического спектра в рамках цельной поэтологической системы сделало возможным осмысление феномена игры как новаторской художественной стратегии Олби.

Примечания

- 1 Примеч. наше – Р. З.
- 2 Разреши, Господи, души всех усопших христиан от уз прегрешений (лат.).

Библиографический список

1. Александрова И. В. Новые стратегии в комедиях И. А. Крылова начала XIX века. URL: <http://journals.hnpu.edu.ua/index.php/literature/article/view/2409> (дата обращения: 09.10.2019).
2. Анисимова А. Т. Агональная речевая игра в драматургии А. П. Чехова и Дж. Б. Шоу. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/agonalnaya-rechevaya-igra-v-dramaturgii-a-p-chehova-i-dzh-b-shou> (дата обращения: 07.10.2019).
3. Гиришман М., Дарвин М., Магомедова Д., Махов А., Тюпа В., Фоменко И. Поэтика: Словарь актуальных терминов и понятий / гл. науч. ред. Н. Д. Тамарченко. М.: Изд-во Кулагиной; Intrada, 2008. 67-68 с.
4. Коренева М. М. Драматургия // Основные тенденции развития современной литературы США. М.: Наука, 1973. 57 с.
5. Корниенко О. А. Игровая поэтика в литературе. URL: <http://enpuir.npu.edu.ua/bitstream/123456789/18299/1/Kornienko%20Game%20Poetry%20in> (дата обращения: 23.08.2019)
6. Корниенко О. А. Типология форм игровой поэтики в литературе. URL: <http://dspace.nbuv.gov.ua/bitstream/handle/123456789/16594/51-Kornienko.pdf?sequence=1> (дата обращения: 24.08.2019).
7. Люксембург А. М. Лабиринт как категория набоковской игровой поэтики (на примере романа «Бледное пламя») // Набоковский вестник. Петербургские чтения. 1999. №4. С. 5.
8. Олби Э. Смерть Бессии Смит и другие пьесы. М.: Изд-во «Прогресс», 1976.
9. Паверман В. М.. Драматургия Э. Олби 60-х гг. XX века. Екатеринбург: Изд-во Уральского университета, 2004. 27 с.
10. Пьеге-Гро Н. Введение в теорию интертекстуальности: Пер.с фр. общ. ред. и вступ. ст. Г. К. Косикова. М.: Изд-во ЛКИ, 2008. 124 с.
11. Сидорова О. Г. Драматургия Эдварда Олби (70-е годы XX века). Автор. дисс... канд.филог.наук, Екатеринбург, 1996. 11 с.
12. Скоропанова И. С. Русская постмодернистская литература: новая философия, новый язык : монография. СПб.: Невский Простор, 2001. 12 с.
13. Смирнов Б. А. Театр США XX века. Л.: Министерство культуры РСФСР, ЛГИТМиК, 1976. 43 с.
14. Фатеева Н. А. Интертекст в мире текста. Контрапункт в интертекстуальности. Изд.3-е, стереотипное. М.: КомКнига, 2007.
15. Хейзинга Й. Человек играющий: Ст. по истории культуры. - [2-е изд., испр.]: М.: Айрис-пресс, 2003.
16. Шамина В. Б. Американская драма XX века: основные тенденции развития. Казань: Изд-во Казанск. Ун-та, 2000. 123 с.
17. Шейгал И. Е., Иванова Ю. М. Игровой дискурс: игра как коммуникативное событие. URL: <http://naukarus.com/igrovoy-diskurs-igra-kak-kommunikativnoe-sobytie> (дата обращения 28.09. 2019)
18. Albee E. The collected Plays of Edward Albee. Vol.1. New York. London: Overlook Duckworth, 2007.
19. Bigsby C. W. E. Introduction // Edward Albee. A collection of critical essays / Под. ред. C. W. E. Bigsby. Englewood Cliffs, N.Y.: Prentice-Hall, Inc, 1975.
20. Esslin M. The Theater of the Absurd: Edward Albee // Edward Albee. A collection of critical essays / Под. ред. C. W. E. Bigsby. - Englewood Cliffs, N.Y.: Prentice-Hall, Inc, 1975. 24 p.
21. Flanagan W. An Interview // Conversations with Edward Albee / Под.ред. Ф. К. Колина. - Jackson and London: University Press of Mississippi, 1988. 52 p.
22. Zinman T. Edward Albee. - Ann Arbor: University of Michigan Press, 2008. 39 p.

References

1. Aleksandrova I. V. New strategies of the comedies of I. A. Krylov of the beginning of the XIX century. Available at: <http://journals.hnpu.edu.ua/index.php/literature/article/view/2409> (Accessed 9 October 2019).
2. Anisimova A. T. Agonal verbal game in playwrights of A. P. Chekhov and J. B. Shaw. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/agonalnaya-rechevaya-igra-v-dramaturgii-a-p-chehova-i-dzh-b-shou> (Accessed 7 October 2019).
3. Girshman M. Darvin M., Magomedova D., Makhov A., Tyupa V., Fomenko I. Poetics: Dictionary of topical terms and definitions/ Ed. by N.D. Tamarchenko. - Moscow: Kulagina Publishing House; Intrada. 2008. 67-68 p.
4. Koreneva M. M. Dramatic Art // Main tendencies of modern literature development in the USA. Moscow: Nauka Publishing House. 1973. 57 p.
5. Korniyenko O. A. Playing poetics of literature. Available at: <http://enpuir.npu.edu.ua/bitstream/123456789/18299/1/Kornienko%20Game%20Poetry%20in> (Accessed 23 August 2019)
6. Korniyenko O. A. Typology of forms of playing poetics in literature. Available at: <http://dspace.nbuv.gov.ua/bitstream/handle/123456789/16594/51-Kornienko.pdf?sequence=1> (Accessed 24 August 2019).
7. Luksemburg A. M. Labyrinth as a category of Nabokov's playing poetics (on the example of the novel "Pale Fire") // Nabokovskiy vestnik. Peterburgskiy chteniye. 1999. №4. Pp. 5.
8. Albee E. The Death of Bessie Smith and other plays. Moscow: Progress Publishing House. 1976.

9. *Paverman V. M.* Playwrights by E. Albee in the 1960s. Ekaterinburg: Ural University Publishing House . 2004. 27 p.
 10. *Piege-Gro N.* Introduction to the theory of intertextuality. Moscow: LKI Publishing House. 2008. 124 p.
 11. *Sidorova O. G.* Edward Albee's Playwrights (1970s). Candidate thesis in Philology, Ekaterinburg. 1996. 11 p.
 12. *Skoropanov I. S.* Russian postmodern literature: new philosophy, new language: monografiya / Saint-Petersburg: Nevskiy Prostor Publishing House. 2001. 12 p.
 13. *Smirnov B. A.* Theatre of the USA of the XX century. Leningrad: Ministerstvo kultury RSFSR. 1976. 43 p.
 14. *Fateyeva N.A.* Intertext in the world of text. Counterpoint in intertextuality. Moscow: KomKniga. 2007.
 15. *Huizinga J.* Homo Ludens: On the history of culture . [2nd edition, edited]. Moscow, 2003.
 16. *Shamina V. B.* American drama of the twentieth century: main development trends. Kazan. 2000. 123 p.
 17. *Sheygal I. E., Ivanova Yu. M.* Playing Discourse: Play as a Communicative Event. Available at: <http://naukarus.com/igrovoy-diskurs-igra-kak-kommunikativnoe-sobytie> (Accessed at 28 September 2019).
 18. *Albee E.* The collected Plays of Edward Albee. Vol.1. New York. London: Overlook Duckworth, 2007.
 19. *Bigsby C. W. E.* Introduction // Edward Albee. A collection of critical essays / Под. ред. C. W. E. Bigsby. Englewood Cliffs, N.Y.: Prentice-Hall, Inc, 1975.
 20. *Esslin M.* The Theater of the Absurd: Edward Albee // Edward Albee. A collection of critical essays / Ed. by C. W. E. Bigsby. Englewood Cliffs, N.Y.: Prentice-Hall, Inc, 1975. 24 p.
 21. *Flanagan W.* An Interview // Conversations with Edward Albee / Ed. By F. C. Kolin. - Jackson and London: University Press of Mississippi, 1988. 52 p.
 22. *Zinman T.* Edward Albee. - Ann Arbor: University of Michigan Press, 2008. 39 p.
-

УДК 821.161.1

UDC 821.161.1

ИЗОТОВ В.П.

доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой журналистики и связей с общественностью, Орловский государственный университет имени И.С. Тургенева

E-mail: vpizotov@yandex.ru

IZOTOV V.P.

Doctor of Philological Sciences, Professor, Head of the Department of Journalism and Public Relations, Orel State University

E-mail: vpizotov@yandex.ru

ОТРАЖЕНИЕ ЖУРНАЛИСТИКИ, РЕКЛАМЫ И PR В ТВОРЧЕСТВЕ ВЫСОЦКОГО

REFLECTION OF JOURNALISM, ADVERTISING AND PR IN THE WORK OF VYSOTSKY

В статье рассматривается проблема отражения медиатехнологий в творчестве В.С. Высоцкого: речь идёт о ретроспективном отражении.

Ключевые слова: творчество В.С. Высоцкого, технологии журналистики, рекламы, PR, отражение.

The article deals with the problem of reflecting media technologies in the work of V.S. Vysotsky: it is about retrospective reflection.

Keywords: Creativity of V.S. Vysotsky, technology of journalism, advertising, PR, reflection.

В.В.Маяковский в лозунгах для спектакля по пьесе «Баня» написал: «Театр не отображающее зеркало, а – увеличительное стекло». С полным правом это высказывание можно отнести и к литературе, слегка расширив его: литература – это и отображающее зеркало, и увеличительное стекло.

Эта сентенция вполне применима и к творчеству В.С. Высоцкого, и не случайно А.Е. Крылов и А.В. Кулагин назвали свою книгу «Высоцкий как энциклопедия советской жизни. Комментарии к песням поэта» (2010). Одной из составляющих всеобъемлющего комментария к произведениям Высоцкого является рассмотрение отражения журналистики, рекламы и PR в творчестве поэта.

Следует сразу отметить, что в художественных текстах Высоцкого слово журналистика не упоминается ни разу, однако изображение профессиональной деятельности журналистов и представителей смежных и близких к журналистике видов деятельности встречаются в нескольких текстах, из числа которых следует обратить внимание на два.

В самом начале своей творческой деятельности поэт написал «поэму-песню в сорока девяти днях» «Сорок девять», которая имела подзаголовок «Пособие для начинающих и законченных халтурщиков». Предметом сатиры поэта был, конечно же, не героический сорокадневный дрейф четырёх солдат на неуправляемой барже, а то, как это событие отражалось в советской прессе. В этой связи представляет интерес «Заключение»:

«Окончены все переплёты –

Вновь служат, – что, взял океан? –

Поплавский, Крючковский, Федотов,

А с ними Зиганшин Асхан!

Все отступления в прозе можно рифмовать по принципу:

океан – Асхан – Иван;

картошку – гармошку – крошку – ножку;

чаще упоминать фамилии героев;

герои должны петь и помнить о доме;

Зиганшин – старший, – его употреблять чаще.

Таким же образом могут быть написаны поэмы о покорителях Арктики, об экспедиции в Антарктиде, о жилищном строительстве и о борьбе против колониализма. Надо только знать фамилии и иногда читать газеты» [3, с. 11-12].

Поэма-песня Высоцкого типологически напоминает эпизод из романа «Золотой телёнок» Ильфа и Петрова, когда Остап Бендер вручает журналисту Ухудшанскому «Торжественный комплект. Незаменимое пособие для сочинения юбилейных статей, табельных фельетонов, а также парадных стихотворений, од и тропарей». Этот комплект включал в себя 2 раздела: словарь и творческую часть, в которой были представлены передовая статья, художественный очерк-фельетон, художественное стихотворение, составленные из слов первого раздела. Завершался этот документ «Добавлением»: «При помощи материалов раздела 1-го по методам раздела 2-го сочиняют также: романы, повести, поэмы в прозе, рассказы, бытовые зарисовки, художественный репортаж, хроника, эпопея, пьесы, политобозрения, игра в политфанты, радиооратории и т.д.» [7, с. 588; 591].

И «Сорок девять», и «Торжественный комплект» – это и сатира на журналистско-литературную халтуру, и своеобразный рецепт по конструированию текстов (насколько известно, последнее даже не рассматривалось

применительно к этим текстам, так что здесь есть перспектива исследования).

Весьма интересной в плане отражения журналистских технологий является песня «Я все вопросы освещу сполна...». Ситуация достаточно проста: поэт отвечает на вопросы интервьюера. Однако вопросы эти касаются жареных тем: потребление алкоголя, измены жёнам, наличие любовниц и т.д. Понятно, что представители советской прессы априори не могли задавать таких вопросов в интервью, и это проекция западных методов жёлтой прессы (хотя можно говорить и о том, что поэт предвидел нашу теперешнюю бульварную прессу). Задавался интервьюером и вопрос о творчестве, но тоже с определённым подтекстом:

А что имели вы виду

В такой-то песне и в такой-то строчке? [2, т. 1, с. 256]

Позитивного изображения представителей журналистского корпуса в творчестве Высоцкого нет, что объясняется травлей поэта в печати в 60-е годы и замалчиванием его творчества в прессе.

В большинстве случаев слово реклама у Высоцкого употребляется в значении «объявление, плакат, содержащее оповещение о ком-либо, чём-либо»: «Моё имя не встретишь в рекламах Популярных эстрадных певцов» («У меня было сорок фамилий...»); «Без реклам, без эмблем, В пимах косолапых» («То ли – в избу и запеть...»); «А теперь – что ж сигналить рекламным щитам?!» («Песня о двух красивых автомобилях») [2, т. 1, с. 31, 192, 190]; «Он, правда, не подтянутый, и лет ему раза в два с половиной больше, чем тебе, но у него – вот они, эти самые журналы с рекламами «Мальборо», и курят их голубоглазые морщинистые ковбои в шляпах и джинсах, сильные и надежные самцы, покорители Дикого Запада, фермеры и миллионеры» («Роман о девочках»); «Я работал, Максим Григорьевич, я рекламу рисовал, а драка та – случайная» («Роман о девочках») [2, т. 2, с. 456, 476].

В значении же «распространение сведений о ком-либо, чём-либо с целью создания известности, популярности» зафиксировано одно употребление: «Муром занялась прокуратура. Что ему – реклама! – он и рад» («Комментатор из своей кабины...») [2, т. 1, с. 246]. Эта песня посвящена чемпионату мира по футболу 1970 года. В этом конкретном эпизоде речь идёт о следующем: капитан английской сборной Бобби Мур незадолго до чемпионата мира был обвинён в краже из ювелирного магазина. Соответственно его имя стало активно фигурировать в прессе.

Следует также отметить, что в данном случае происходит определённая корректировка значения, поскольку распространение сведений о ситуации с Муром не имело целью создания ему популярности, но по факту оно подогревало интерес к фигуре этого футболиста.

У Высоцкого есть 2 песни, о которых можно с уверенностью сказать, что они связаны с рекламой напрямую, что они являются реализацией своего рода рекламного задания. Это песни «О знаках зодиака» и «Через 10 лет».

Написание песни «О знаках зодиака» было предложено поэту авторами рекламного фильма о планировавшихся к выпуску золотых ювелирных изделиях с зодиакальными знаками ленинградским заводом «Русские самоцветы» (об истории создании песни, о её судьбе см. статьи Ю.А. Куликова [9] и В.А. Петрова [10]). С точки зрения поэтической техники можно отметить, пожалуй, два обстоятельства: 1) в песне виртуозно описаны все 12 знаков; 2) обыграны названия большинства знаков зодиака по принципу либо омонимичных столкновений, либо столкновений тематических, например: «Декабрьский Стрелец отстрелялся вконец»; «Нежнейшие девы созвездия Дев Весы превратили в качели» [2].

Вторая песня – «Через десять лет» (1979). Как сообщает А.В. Скобелев, соответствующий договор с Высоцким о рекламе Аэрофлота был заключён 6 июля 1978 года Центральным рекламно-информационным агентством (ЦРИА) Министерства гражданской авиации СССР (МГА) [11]. Однако текст этой песни далёк от собственно рекламы. Это бурлеск, гротеск, алогизм: перенос рейсов на 33 декабря, застрявший в Красноярске «сам Новый год» и т.д. По ассоциации вспоминается фрагмент из стихотворения А.А. Вознесенского «Новогодние ралли-стоп»:

С работы и на работу

Летайте самолётами Аэрофлота,

Из Фрунзе в Саранск

Не летайте самолётами Аэрофранс [1].

Есть у Высоцкого сценарий «Где Центр?», который можно рассматривать как своеобразную рекламу новых кинотехнологий. Вот как об этом пишет автор в начале и конце сценария: «Короткометражный сюжет. Съёмки производились новым способом. В фильме не занят ни один профессиональный актёр»; «Авторы фильма не ставили своей целью показать детективный сюжет. Карты раскрыты с самого начала. Это был эксперимент. Зрители могли убедиться, как правдиво действуют обыкновенные люди, которые занимаются делом и не подозревают, что идёт съёмка. Недалеко то время, когда этим способом будут сниматься настоящие полнометражные фильмы». (Речь идёт о революционной для 1960-70-х годов кинотехнологии, когда брались сюжеты из жизни, снимались непрофессиональные актёры, съёмка велась скрытой камерой).

Что касается отражения PR в творчестве поэта, то здесь, естественно, можно говорить именно и только об отображении, поскольку самой такой сферы деятельности в Советском Союзе не было.

Безымянная заметка «Как Высоцкий Бышовца раскручивал» [8] – первое рассмотрение пиар-технологий через призму творчества поэта. Речь идёт о следующем фрагменте из песни «Комментатор из своей кабины...»:

Но недаром клуб «Фиорентина»

Предлагал миллион за Бышовца [2, т. 1, с. 246].

Впоследствии эта проблематика рассматривалась в статьях В.П. Изотова [5], [6] (проанализированы технологии выборов, технологии создания и распространения

слухов), М.В. Зайцевой [4] (рассмотрена технология отрицательного позиционирования).

Представляется достаточно интересным исследование территориального брендинга в творчестве поэта (это касается не только широко представленных описаний Москвы, Одессы, Парижа и т.д., но и территорий, упомянутых единожды, но это упоминание весьма вы-

разительно: «Тбилиси – там всё ясно, там тепло, Там чай растёт...»; «закрытый порт Владивосток» в песне «Москва – Одесса», и т.д.).

Творчество В.С.Высоцкого представляет собой богатый источник для изучения различных сфер нашей жизни, в том числе и отражённых медиатехнологий.

Библиографический список

1. *Вознесенский А.А.* Новогодние ралли-стоп // [www. http://voznosolog.ru/rally-stop.htm](http://voznosolog.ru/rally-stop.htm)
2. *Высоцкий В.С.* Сочинения в двух томах. Екатеринбург: У-Фактория, 1997. 544 с.; 544 с.
3. *Высоцкий В.С.* Собрание стихотворений в четырёх томах. Т.3. М., Время, 2009. 592 с.
4. *Зайцева М.В.* Отрицательное позиционирование семьи в творчестве В.С.Высоцкого // РРостранство текста. Коллективная монография. Орёл, 2014. С.47-48.
5. *Изотов В.П.* Элементы PR-деятельности в творчестве В.С.Высоцкого: предварительные материалы // Connect-Универсум 2009: Сборник материалов III Всероссийской научно-практической Интернет конференции с международным участием. Томск: ТГУ, 2010. С.96-97.
6. *Изотов В.П.* Слухи как PR-технология в творчестве В.С.Высоцкого // РРостранство текста. Коллективная монография. Орёл, 2014. С. 26-36.
7. *Ильф И., Петров Е.* Двенадцать стульев. Золотой телёнок. Одесское книжное издательство, 1960. 655 с.
8. Как Высоцкий Бышовца раскручивал // Пресс-служба, 2007. № 2. С. 62.
9. *Куликов Ю.А.* «Знаки Зодиака» в творческой судьбе поэта // Мир Высоцкого: альманах. Вып. VII/ сост. С.И.Бразжникова, Г.Б.Урвачёва, Е.Л. Девяткина, М.Э.ууск. М.: ГБУК г.Москвы ГКЦМ В.С.Высоцкого «Дом Высоцкого на Таганке», 2012. С.250-269.
10. *Петров В.А.* Владимир Высоцкий и съёмка рекламного фильма «Знаки Зодиака» // Мир Высоцкого: альманах. Вып. VII/ сост. С.И. Бразжникова, Г.Б. Урвачёва, Е.Л. Девяткина, М.Э. Кууск. М.: ГБУК г. Москвы ГКЦМ В.С. Высоцкого «Дом Высоцкого на Таганке», 2012. С. 245-249.
11. *Скобелев А.В.* Материалы к комментированию произведений В.С.Высоцкого // Владимир Высоцкий: исследования и материалы 2009-2010 гг.: сб. науч. тр. / редкол.: А.Е.Крылов, А.В.Скобелев, Г.А.Шпилевая. Воронеж: «Эхо», 2011. С.115-154.

Refereces

1. *Voznesensky A.A.* New Year rally-stop // [www. ttp://voznosolog.ru/rally-stop.htm](http://voznosolog.ru/rally-stop.htm)
2. *Vysotsky V.S.* Works in two volumes. - Yekaterinburg: U-Factoria, 1997. 544 p; 544 p.
3. *Vysotsky V.S.* The collection of poems in four volumes. V.3. M., Time, 2009. 592 p.
4. *Zaytseva M.V.* Negative positioning of the family in the work of V.S.Vysotsky//Space of the text. Collective monograph. Orel, 2014. Pp. 47-48.
5. *Izotov V.P.* Elements of PR-activity in the work of V.S. Vysotsky: preliminary materials//Connect-Department 2009: Collection of materials of the III All-Russian scientific and practical Internet conference with international participation. Tomsk: TSU, 2010. Pp.96-97.
6. *Izotov V.P.* Rumors as PR-technology in the work of V.S. Vysotsky//Space of the text. Collective monograph. Orel, 2014. Pp.26-36.
7. *Ilf I., Petrov E.* Twelve chairs. Golden Calf. - Odessa Book Publishing House, 1960. 655 p.
8. As Vysotsky Byshovets spun out//Press Service, 2007. № 2. Pp.62.
9. *Kulikov Y.A.* «Signs of the Zodiac» in the creative fate of the poet//World of Vysotsky: almanac. Rel. VII/Origin.. S.I.Brazhnikov, G.B.Urvachyova, E.L.Devyatkina, M.E.Kuusk. M.: GBUK of Moscow GKCM V.S.Vysotsky «The House of Vysotsky on Taganka», 2012. Pp.250-269.
10. *Petrov V.A.* Vladimir Vysotsky and shooting of the advertising film «Signs of the Zodiac»//World of Vysotsky: almanac. Rel. VII/Origin. S.I. Brazhnikov, G.B. Urvachyova, E.L. Devyatkina, M.E. Kuusk. M.: GBUK of Moscow GKCM V.S.Vysotsky «The House of Vysotsky on Taganka», 2012. Pp. 245-249.
11. *Skobelev A.V.* Materials for commenting on the works of V.S. Vysotsky//Vladimir Vysotsky: research and materials 2009-2010: coll/ of sc. works/edit.: A.E. Krylov, A.V. Skobelev, G.A. Shpilevaya. Voronezh: «Echo», 2011. Pp.115-154.

УДК 821.161.1. 82-1

UDC 821.161.1. 82-1

КОВАЛЕВА Т.В.

доктор филологических наук, профессор, кафедра истории русской литературы XI-XIX вв., Орловский государственный университет имени И.С. Тургенева

E-mail: Tatko1986@mail.ru

СИМОНЕНКОВА С.Н.

соискатель, кафедра истории русской литературы XI-XIX вв., Орловский государственный университет имени И.С. Тургенева

E-mail: svetiana.simonenckova@yandex.ru

KOVALEVA T.V.

Doctor of Philology, Professor, Department of the History of the XI-XIX Centuries of the Russian Literature, Orel State University

E-mail: Tatko1986@mail.ru

SIMONENKOVA S.N.

Aspirant, Department of the History of the XI-XIX Centuries of the Russian Literature, Orel State University

E-mail: svetiana.simonenckova@yandex.ru

ОСОБЕННОСТИ ЖАНРА СТИХОТВОРНОЙ МОЛИТВЫ В ЛИРИКЕ К.М. ФОФАНОВА

PECULIARITIES OF THE POETIC PRAYER GENRE IN K.M. FOFANOV'S LYRICS

В статье рассматриваются особенности стихотворных молитв, созданных поэтом К.М. Фофановым. Установлено, что в лирике поэта молитвенный дискурс включает произведения трех типов: стихотворения, восходящие к канонической просительной молитве, стихотворения, основу которых составляет событийное начало, поэтому они отнесены к типу нарративно-просительных стихотворных молитв, и стихотворение, в котором поэт использовал особый способ выражения авторского сознания – ролевую лирику.

Ключевые слова: К.М. Фофанов, жанр, стихотворная молитва, просительная молитва, нарративно-просительная стихотворная молитва, ролевая лирика.

In the article the peculiarities of poetic prayers composed by K.M. Fofanov are examined. It has been stated that in poet's lyrics prayerful discourse includes works of three types: poems going back to canonical asking prayer, poems based on the event sequence, they are classified as a type of narrative-asking poetic prayers and poems in which poet used a special way of expressing author's consciousness – role lyrics.

Keywords: K.M. Fofanov, genre, poetic prayer, asking prayer, narrative-asking poetic prayer, role lyrics.

Творчество К.М. Фофанова – поэта эпохи русского безвременья – удивительно разнообразно и в тематическом, и в жанровом отношении. В русской лирике 80-90-х годов XIX века не было поэта, который бы с такой легкостью переходил от освещения личных и семейных проблем к философским размышлениям о человеке и его месте во Вселенной, от эстетизированных пейзажных зарисовок к осмыслению сущности небытия.

Не менее разноплановым был и жанровый диапазон поэзии К.М. Фофанова: элегии, переложения псалмов, притчи, стансы, сонеты, эпиграммы, лирические миниатюры, поэмы, баллады и т.д. Каждый из перечисленных жанров творческого наследия поэта требует обстоятельного изучения, однако цель нашего исследования заключается в анализе стихотворной молитвы К.М. Фофанова, жанра, к которому литературоведение обращалось, но целостного представления о его особенностях не сформировало.

Произведением, наиболее часто привлекавшим внимание исследователей, стало стихотворение «Отче наш», восходящее к молитве из Нагорной проповеди.

Е.З. Тарланов назвал этот фофановский текст переложением, в котором используются «жанровые традиции христианской молитвы-исповеди» [8, с.290]; отметил в нем «христианский мотив покаяния» и

«раздвоенность авторского мироощущения, разорванность его поэтической концепции мира» [8, с. 290]. К «молитве-мольбе» исследователь отнес стихотворную молитву «Ободри меня, подыми меня...» с ее «тягостно-надломленным стоном смертельно уставшего «земного странника»» [8, с. 290].

Стихотворная молитва «Отче наш» была проанализирована Т.В. Малыгиной, выявившей прямые соответствия между канонической молитвой и одноименным произведением К.М. Фофанова. Сопоставление текстов позволило исследовательнице сделать вывод об использовании «прямых реминисценций из текста Евангельской молитвы» [6, с. 58] в произведении поэта.

Принцип сопоставления текстов был использован и Е.Е. Завьяловой, которой, помимо заимствований из Евангелия от Матфея, были установлены «примеры не прямой цитации» [2, с. 129], восходящие к притче о мудрых и неразумных девах (Мф.25: 1-13). В целом же автор монографии считает, что стихотворная молитва К.М. Фофанова «вмещает в себя благословение, поклонение, признание своих грехов, просьбу о помощи (в том числе «ходатайство» «всех сохрани») и прославление. При всем этом произведение нельзя назвать парафразом церковной молитвы. Оно наполнено исповедальными нотками и, несмотря на обилие «общих

мест», очень интимно» [2, с. 129].

К типу «молитв-подражаний» отнесла «Отче наш» поэта О.А. Перевалова. Данный тип, как указывается в диссертационном исследовании, предполагает отказ от «установки на точный перевод смысла прецедентного текста при сохранении его структурных особенностей» [7, с. 124]. К особенностям произведения «Отче наш» К.М. Фофанова О.А. Перевалова отнесла то, что в стихотворении «полностью не передается смысл ни одного прошения канонической молитвы: в тексте актуализируется значимый для лирического субъекта смысл понятий «хлеб» и «лукавый», а прошение об отпущении «долгов» заменяется их описанием <...> При этом структура молитвы сохраняет трехчастность: формула призывания Бога, мольба и славословная концовка» [7, с. 129].

Кроме того, Т.В. Малыгиной была проанализирована «Молитва» («Дева Пречистая, Матерь Господняя...») как образец ролевой лирики, раскрывающий «внутренний мир страдающей женщины, особенности ее сознания» [6, с. 164].

Рассмотренные исследования, с одной стороны, позволяют сделать вывод о неослабевающем интересе к жанру, а с другой, доказывают, отсутствие целостности в изучении особенностей стихотворной молитвы К.М. Фофанова.

Молитвенный «цикл» К.М. Фофанова открывается текстом стихотворения «Отче наш», восходящим к самому древнему из христианских сакральных текстов. История произнесения молитвы передана в двух Евангелиях от Матфея: «Сие бо молитесь вы: Отче наш, иже еси на небесех, да святится имя Твое:/ да придет Царствие Твое: да будет воля Твоя, яко на небеси, и на земли:/ хлеб наш насущный даждь нам днесь:/ и остави нам долги наша, яко и мы оставляем должником нашим:/ и не введи нас в напасть, но избави нас от лукаваго: яко Твое есть Царствие и сила и слава во веки. Аминь» (Мф. 6: 9-13); и в более кратком варианте от Луки (Лк. 11: 2-4).

Смысл молитвы был объяснен святителем Игнатием (Брянчаниновым): «*Прошения, из которых состоит молитва Господня, – прошения даров духовных, приобретенных человечеству искуплением. Нет слова в молитве о плотских, временных нуждах человека*» [1, с. 241].

Стихотворную молитву «Отче наш» К.М. Фофанова мы относим к типу просительной молитвы, которую традиционно считают обращением к Богу за поддержкой в земных делах и прошением о спасении души. В просительной молитве выражаются чаяния духовные, считается, что человек слишком слаб, чтобы спасти свою душу и только Господь укрепляет ее и дарует силы для жизни духовной и внешней. Просительная молитва считается самым распространенным и самым спонтанным видом. В ней выражается осознание связи с Богом, понимание, что человек не властен над бедами, а потому ему и нужна милость высших сил.

Каноническая молитва частично переосмыслива-

ется поэтом и наполняется содержанием, отражающим воззрения и настроения человека, живущего в России в 80-е годы XIX века: она становится размышлением об эпохе, которая разрушает духовность человека, приводит к фатальному разочарованию и, как следствие, пониманию, что спасение возможно только в вере. Именно это и заставляет лирического субъекта каяться и надеяться на прощение грехов.

В стихотворной молитве «Отче наш» К.М. Фофанов использует устойчивые формулы, характерные для литературного жанра: текст открывается призыванием Бога и традиционной для стихотворной молитвы диалогической ситуацией:

Отче наш! Бог, в небесах обитающий,

Оку незримый, но зримый сердцами [9, с. 124].

Лирический субъект испытывает чувство раскаяния, он стремится избавиться от греха уныния, от мрачных мыслей и обращается к Богу со словами покаяния.

Важно и то, что носитель речи в стихотворной молитве представлен местоимением множественного числа – «Мы». Так, лирический субъект выражает общие настроения эпохи, передает ощущение беспросветности и трагического отчаяния, свойственно человеку эпохи безвременья. Как пишет Е.З. Тарланов: «Личная драма фофановского героя – уже не свидетельство исключительности его натуры (в духе романтической апологетики личности), но драма поколения. «Боль времени» звучит в фофановском переложении молитвы «Отче наш» при разработке христианского мотива покаяния» [8, с. 290].

Изменение содержания канонической молитвы «Отче наш» вызваны глубоко личными переживаниями самого поэта, который чувствовал беспомощность перед жестоким миром, осознавал свою неспособность противостоять злу, поэтому в произведении поэта Бог – «всё созидующий» и «всё разрушающий». Созидание в стихотворной молитве воспринимается как великое творение всего сущего.

В трактовке разрушительного начала К.М. Фофанов обращается к эпизоду из Ветхого Завета, приписывая Господу деяния, которые в соответствии с сакральным текстом совершает Иеремия: «се, поставих тя днесь над языки и над царствами, да искорениши и разориши, и расточиши и разрушиши, и паки созиждеша и насадиши» (Иер.1:10). Изменение канона связано с общей концепцией стихотворения, в котором несчастья, в том числе и разочарование, представляются как наказание человечества за грехи.

При этом лирический субъект не ощущает своей оторванности от Бога. В соответствии с православной традицией он чувствует связь с ним, причем не на уровне разума, а связь духовную («Оку незримый, но зримый сердцами»), а Бог воспринимается как сила, дарующая человеку гармонию, смысл бытия и надежду.

Лирический субъект ощущает фатальное разочарование, избавление от которого, он находит в молитве. Бог становится для него воплощением сострадания и человеколюбия:

Отче наш, Бог безутешно страдающих,
Солнце вселенной! к Тебе мы с молитвою –
Всех сохрани за любовь погибающих... [9, с. 124]

В тексте стихотворной молитвы находит свое прямое отражение эпоха середины 80-х годов XIX века – сложное время для тех, кто искренне верил возможность преобразований мира, но полностью утратил надежды. Общий эмоциональный спад в демократически настроенных слоях общества, разочарование в политической борьбе, связанное с крахом народничества, нашли отражение в строках:

В годы сомнения, в годы ненастные
Нам изменили мечты неизменные;
Мы загасили светильники ясные,
Мы расплескали елеи священные [9, с. 124].

Лирический субъект стихотворения К.М. Фофанова целью своей жизни считал служение людям, но он не находит сил сопротивляться обстоятельствам и хочет укрепить свою душу в вере, обрести гармонию, избавиться от внутренней раздвоенности и приблизиться к вечности.

Не случайно в словах, обращенных к Богу, возникает мотив соблазна: «И отстрани от соблазна лукавого». Трактовка мотива восходит к Новому Завету: «соблазн Ми еси: яко не мыслиши яже (суть) Божия, но человеческая (Мф. 16: 23). Желание освободиться от страданий – греховно, потому что человек лишенный душевной боли, отстраняется от истины. Молитва же должна укрепить силы и веру в высшую справедливость, в торжество правды.

Похожая идея выражена в стихотворной молитве К.М. Фофанова: «О, Боже, загляни в измученную душу...», также восходящий к простительному канону. Человек в ней, как и во всем поэтическом мире поэта, неизменно обречен на бесконечные мучения и страдания, поскольку внешний мир становится по отношению к нему враждебным и безучастным. Как справедливо отмечал Е.З. Тарланов, трагизм мироощущения в лирике К.М. Фофанова обусловлен «пониманием неизбежности смерти и даже предчувствием всеобщего конца».

В центре «Молитвы» оказывается эмоционально-психологическое состояние лирического субъекта, разувверившегося в смысле жизни и мечтающего обрести его в обращении к Богу:

О, Боже, загляни в измученную душу, –
И озари ее приветственным лучом!
Войди ко мне, войди!...

Я пред тобой склонюсь со страхом и стыдом [9, с. 312].

Стихотворная молитва проникнута элегической тоской и тревожными предчувствиями. Лирический субъект остро ощущает свое одиночество не только среди людей, но и вообще в мироздании. В тексте присутствует мотив бессмысленности жизни, связанный с образом сомнений, которые полностью подчинили себе сознание лирического субъекта: «...напрасно бесполезным/Сомненьям и тоске я думы отдаю...» Разочарование и чувство внутренней неудовлетворенности доминируют

и определяют эмоциональное состояние носителя речи.

Основным средством, передающим трагическое мироощущение лирического субъекта, выступают эпитеты, подчеркивающие дисгармонию и разлад в его душе: «разверзнувшие бездны», «падший дух», «борение мятежное». Лирический субъект воспринимает себя бесприютным скитальцем в мире, всеми покинутый и брошенный. Однако состояние космического пессимизма преодолевается молитвой. С одной стороны, у него появляется надежда на духовное возрождение и обретение любви к миру и человечеству, а с другой стороны – он хочет обрести покой, который дает вера. Именно поэтому для первой части характерен пессимистический пафос, а для второй – оптимистический, жизнеутверждающий. Если в первой части стихотворения духовный мир человека предстает как абсолютно дисгармоничный, то во второй части, напротив, лирический субъект начинает осознавать, что «святыня и любовь» возможны, и эта мысль помогает ему обрести гармонию.

Особый смысл в стихотворении несет строка: «О Ты, блеснувший нам сияньем на Востоке...» Совершенно очевидно, что для К.М. Фофанова – это не обозначение стороны света, а сакральный образ, восходящий к Библии. Это и страны от Палестины до Месопотамии, и жители этих стран: «сыны востока» (Быт. 29:1; Суд. 6:3; Иов. 1:3; Ис. 41:2 и др.). Это и Рай, который также был создан Богом «на востоке» и где обитал первый человек (Быт. 2:8).

«Восток» в христианской традиции всегда соединял в себе представление об особой мудрости, таинственности и богобоязненности, стремлении познать божественное и подчинить все Высшей силе (Ис. 41:2). Не случайно, пророк Иезекииль говорит: «... слава Бога Израилева шла от востока» (Иез. 43:2). И это не просто потому, что храм был ориентирован на восток, а потому, что в этом есть глубокий смысл. И пророк Исаия говорит: «Итак, славьте Господа на востоке...» (Ис. 24:15). О Господе нашем Иисусе Христе, явившем Собою высшую Божию Любовь и Премудрость, сказано: «...посетил нас Восток свыше» (Лк. 1:78).

Упоминание о сиянии Востока необходимо было автору стихотворной молитвы для реализации важной для него мысли: духовное обновление человечества стало возможным с появлением Бога на востоке, и если Высшие силы помогли людям измениться и найти веру, то и каждый конкретный человек способен к возрождению.

Эта идея завершает стихотворную молитву:

Да смолкнут вопль души, в борении мятежной,
Да воцарится в ней святыня и любовь, –
И сердце обретет прощенья голос нежный...

В душе воскреснешь Ты – и я воскресну вновь... [9, с. 312].

Так, в стихотворении К.М. Фофанова лирический субъект приходит к обретению высших ценностей земного существования «святыни» и «любви», которые

оказываются нравственными категориями, способными поддержать человека во всех испытаниях. Лирический субъект понимает несовершенство мира и собственное несовершенство, как части этого мира, и обращается к Богу с просьбой о спасении души.

Стихотворение «В дороге» является типичным для молитвенного дискурса К.М. Фофанова. Это прошение, выраженное формулой: «О боже мой, внемли страданиям/ Души, идущей за тобой!» [9, с. 356]

В тексте поэт использовал традиционные для его лирики образы и мотивы: ночь, звезды, тени, потеря ориентиров и жизненных сил.

Центральное место в стихотворении занимает характеристика состояния души творческой личности, неспособной противостоять действительности. Он, как и в других стихотворных молитвах, предстает человеком своей эпохи, разочарованным в окружающем мире, в себе самом, в своей миссии творца. Причем традиционное для поэта представление о ночи как источнике поэтического вдохновения претерпевает существенные изменения. Как правило, это время суток несло ощущение высшей гармонии, а окружающий мир воспринимался совершенным. Например, в стихотворении «Звезды ясные, звезды прекрасные» именно ночная природа дарует возможность творить и дает силы сохранять присутствие духа «в эти дни многотрудные» [9, с. 69].

В стихотворении «В дороге» характеристика ночи приобретает абсолютно трагический смысл: «А ночь глуха...», «Вокруг безлюдье...» Лирический субъект ощущает уже не только духовную пустоту, но и физическую слабость. Причем данный мотив возникает в нечетных строфах стихотворения:

Иду неверною ногой.

.....

Слабеет взор, дрожат колени,

Скользит над пропастью нога [9, с. 355]

Точно так же во второй и четвертой строфах возникают христианские образы и мотивы. Однако основной в стихотворной молитве является проблема творчества. Лирический субъект осознает свою неспособность освещать жизнь людей своим поэтическим словом: «Мой голос слаб, мой факел темен...», а потому жизнь теряет свой смысл.

Стихотворная молитва вызывает прямые ассоциации с Притчей о сеятеле. В Евангелии от Матфея передается слова Иисуса о семенах, брошенных на дорогу, на камни и «на земли добрей» (Мф. 13: 8). И только «на доброй земле» семена принесли плоды. Значение притчи объяснил протоиерей Лев Липеровский: «В этой притче ясно, что СЕМЯ означает слово о Царствии Божию. СЕЯТЕЛЬ – Христос. ПОЧВА, на которую падает семя: души человеческие, их ум, сердце, внимание, воля. Но почва бывает разная – плодородная, средняя и дурная. В зависимости от качества почвы и семя прорастает по-разному» [5, с. 7].

Поэтическое слово, по мысли поэта, должно вызывать прямые ассоциации со словом Христа. Однако

именно этот посыл раскрывает внутреннюю противоречивость лирического субъекта, которая обусловлена тем, что он испытывает потребность к творческому самовыражению, но не видит тех, кому может быть адресовано творчество. Интенсивность размышлений лирического субъекта передается в тексте системой вопросов, которые не являются риторическими, так как адресованы Богу:

Где сеять мне? Какое семя?

Кого мне зернами питать?

Господь! Пошли иное время,

Чтобы посеять и пожать [9, с. 355].

Нагнетание вопросительных конструкциями подчеркивает их важность для лирического субъекта и их неразрешимость.

Основной причиной страданий творческой личности, по мысли автора стихотворения, является эпоха, которая разрушает все лучшие устремления души. Мысль о трагическом положении творческой личности и невозможности противостоять «тьме» окружающего мира проходит через весь текст. Особенно явно это подчеркивается упоминанием о безлюдье, что можно трактовать, как отсутствие единомышленников, людей готовых разделить взгляды лирического субъекта.

Максимальная степень трагизма передается образом физических страданий человека, который ощущает себя на краю гибели. И только в конце произведения возникает типичная для жанра стихотворной молитвы формула – прошение к Богу, который может помочь страдающему:

О Боже мой, внемли страданиям

Души, идущей за тобой!

Не усыпи ее молчаньем,

Не разбуди ее грозой! [9, с. 355]

Следует отметить и то, что К.М. Фофанов перефразирует основные идеи, выраженные в стихотворении М.Ю. Лермонтова «Парус». Как и в тексте предшественника, лирическим субъектом отрицается и буря, и покой, и подчеркивается, что бунт бессмыслен, а молчание для творческой личности разрушительно.

В молитвенном дискурсе поэзии К.М. Фофанова есть явно экспериментаторские тексты. Так, произведение «Весной запахло» является примером нарративно-просительной стихотворной молитвы, структура которой определяется наличием событийности и обращением к Богу.

Как отмечает О.В. Зырянов, одной из форм жанровой парадигмы лирического нарратива является драматизация (внутренний монолог): «Драматическое звучание монолога усиливается за счет особой философии пространства и времени, а также особого типа субъектной организации: в пространственном отношении это детализация, индуктивный способ развития сюжета; во временном измерении – акцентировка возрастных изменений личности; в субъектном плане – диалогическая установка сознания» [3, с. 150].

Стихотворение «Весной запахло» характеризуется скрытым диалогизмом, по основным характеристикам

восходящим к внутренней молитве:

Слеза невольно навернулась... «Боже! –

Подумал я, как это все *похоже*

На прошлое!...О, если б можно было... [10, с.179]

Стихотворение, как и большая часть творчества поэта, построено на антитезе. Состояние пробуждающейся природы, времени года традиционно связанного с чувством радости, обновлением и пробуждением всего живого, противопоставлено состоянию лирического субъекта, ощущающего «грусть немую».

В текст стихотворения вводятся описания природного мира, обусловленные пасхальной темой. Природа во всех проявлениях показана живой и одухотворенной: «торжественный, пасхальный перезвон» органично соединяется в стихотворении с «чириканьем» воробьев.

Пространственные характеристики текста являются значимыми для художественной концепции стихотворения, в котором представлены два локуса: мир внешний и внутренний. Их своеобразным разграничением является окно, которое «выступает определенным рубежом между замкнутым бытовым жизненным пространством человека и безграничностью мироздания» [6, с. 28] Целостность и гармония мира порождает крайнюю степень смятения лирического субъекта, которому недоступно ощущение радости бытия.

Дисгармоничность внутреннего состояния носителя речи раскрывается подчеркнутым несовпадением интонационно-синтаксической организации текста с метрическим рядом. Enjambement маркирует 11-ть строк из 18-ти строк, что не только создает иллюзию несвязной звучащей речи, но и передает иступленность лирического субъекта, его душевное волнение:

Сегодня утром дрались воробьи,

Чириканьем задорным оглашая

Весенний воздух. Сердца грусть немая

Вдруг охватила... [10, с. 179]

Состояние лирического субъекта вызвано тем, что он не ощущает связи с пробуждающимся миром. Особую значимость в этом контексте приобретают временные характеристики. Чувство неудовлетворенности обусловлено бесконечной повторяемостью одних и тех же жизненных ситуаций, обновление в природе никак не связано с обновлением человеческой жизни, настоящее ничем не отличается от прошлого, и в перспективе, как считает лирический субъект, точно таким же будет и будущее.

Мысль о смерти тоже не является спасительной для носителя речи. Именно поэтому используется форма сослагательного наклонения: «Я б счастлив стал!» И, напротив, обращение к Богу позволяет лирическому субъекту осознать, что жизнь необходимо принимать такой, какая она есть. Внутренняя молитва помогает ему не только осознать, к чему должна стремиться его душа, но и ощутить гармонию с окружающим его миром.

Стихотворение К.М. Фофанова «Весной запахло» практически лишено традиционных молитвенных формул, однако и однократное обращение является примером того, что вера может излечить душу человека.

Произведение «Ободри меня, подыми меня...» относится к типу нарративно-покаянных стихотворных молитв, а его основной пафос заключается в признании грехов и прошении о духовной поддержке.

Нарратив вводится в текст стихотворения для раскрытия обстоятельств жизни лирического субъекта, причин, которые привели его к духовному кризису: растраченные на мирское годы и «тайные муки». Если в ранних стихотворениях поэта причиной разочарования оказывалась нереализованность мечты о преобразовании мира и неспособность бороться за идеалы, то в стихотворной молитве «Ободри меня, подыми меня...» основной причиной называется отказ от служения общему благу и борьбы, ради личностного, индивидуалистического.

В стихотворении раскрывается парадоксальность сознания носителя речи. С одной стороны, он не отделяет себя от современников: «Отцвели цветы ясных грез моих.../Словно тень бреду заодно с толпой...» [10, с. 288], а с другой, не хочет уподобляться толпе, живущей без мечты и надежды.

В стихотворные молитвы К.М. Фофанова всегда вводилась формула обращения. В стихотворении «Ободри меня, подыми меня...» она вынесена за рамки текста, но это не делает общение с Богом менее интенсивным. Напротив, элементы прошения проходят через весь текст и усиливаются использованием анафоры: «Исцели меня и наставь на путь!/ <...> Исцели меня, *подыми меня!*!» и «Дай мне *тешиться в роковой борьбе!*,/ Дай мне *верить в блеск золотого дня!*...» [10, с. 288].

Как и в других произведениях молитвенного дискурса поэта его лирический субъект – человек, испытывающий чувство колоссальной внутренней дисгармонии. Он разуверился с тех ценностях, которые являются незыблемыми. В тексте это выражено словами: «Я не верю в блеск золотого дня...», по сути, во вселенскую гармонию.

При этом прошлое противопоставляется настоящему, в котором появляется осознание ошибок и стремление изменить собственное душевное состояние ради будущего и борьбы. Хотя, и в обращении к Богу есть и понимание того, что противостояние порокам мира может и не принести к торжеству гармонии.

Обращение к высшим силам необходимо лирическому субъекту для укрепления собственных сил. Вопрос о вере и безверии в стихотворной молитве поэта не ставится: лирический субъект изначально осознает значимость общения с Богом, поэтому и обращается к нему.

Еще одним творческим экспериментом поэта можно считать стихотворение «Молитва» («Дева Пречистая, Матерь Господняя...»), представляющее собой образец ролевой лирики. Следует отметить, что к данному способу отражения авторского сознания К.М. Фофанов обращался несколько чаще, чем его современники. По данным Т.В. Малыгиной, поэтом было создано шесть текстов, в которых структура определяется «чужим» сознанием.

Тексты подобной структуры О.В. Зырянов относит к драматизированным монологам, или стихотворениям с ролевым героем. Данный тип лирического нарратива предполагает «монолог от лица вымышленного персонажа – мужского или женского, нередко представителя иного, не авторского, этноконфессионального мира» [3, с. 150]. Понятно, что в стихотворении К.М. Фофанова героиня – носительница православного сознания. Именно поэтому она и обращается к Богородице, которая воспринимается в национальной духовной культуре заступницей и просительницей за весь человеческий род.

Однако, в стихотворной молитве «Дева Пречистая, Матерь Господняя...» используется «лирический способ овладения эпическим материалом» [4, с.165] и привлекаются «резко-характеристические средства социально-речевой типизации» [4, с.172].

В стихотворении поэта речь отражает народное сознание. Но героиня не является представительницей крестьянской общины. В системе отношений конца XIX века потеря невинности до свадьбы в среде деревенских жителей была абсолютно недопустимой. И героиня воспринимала бы «гонения» как естественное наказание, она понимала бы, что соединение с любимым человеком до свадьбы является грехом и обращалась бы к Богородице со словами покаяния, а не с прошением о заступничестве.

В городской среде отношения были более свободными, поэтому и героиня стихотворения К.М. Фофанова не считает добрачную физическую близость с любимым человеком абсолютным грехом. Тем более, что чувства являются искренними и одобренными матерью:

Чем же, Владычица, я опорочена?

Тем ли, что ложе слезами омочено?

Тем ли, что сердце любви исполнено?

Тем ли, что с милым родимой помолвлена? [11, с. 62]

Принадлежность героини к простонародной городской среде передается на лексическом уровне: «протерпела», «забитою», «душу сосут» и т.д.

Следует отметить, что стихотворная молитва «Дева Пречистая, Матерь Господняя...» относится к типу нарративно-просительных молитв, основным показателем которого является соединение формулы обращения в первом стихе и событийности в остальной части текста.

Для К.М. Фофанова интерес представляло отражение женского сознания, мыслей и чувств героини, принадлежащей к определенному слою общества, с жизнью которого К.М. Фофанов был хорошо знаком. Героиня стихотворной молитвы представляется невинной духовно, человеком чистым и неиспорченным. Ее доброе отношение к миру и людям сталкивается с обыденностью, жестокостью и пустотой людей, которые ее окружают. Высокое чувство, не понятое и не принятое окружающими, противопоставляется ничтожеству людей приземленных. Именно поэтому и возникает у героини стихотворения потребность просить заступничества у Богородицы.

В «ролевом» стихотворении К.М. Фофанова наиболее точно передана форма канонической просительной молитвы и ее функции. Так раскрывается стремление героини укрепить душевные силы и противостоять злу.

Анализ стихотворных молитв К.М. Фофанова позволяет сделать вывод о безусловном стремлении поэта воссоздать форму канонической молитвы в поэтическом слове. Обращение к жанру на протяжении большей части творчества доказывает интенсивность духовных исканий поэта.

Библиографический список

1. *Брянчанинов Д.А.*, Игнатий, еп. Кавказский и Черноморский. Сочинения епископа Игнатия Брянчанинова. Т. 4: Аскетическая проповедь и Письма к мирянам. 2 изд., исправ. и попол. СПб.: Изд. И.Л. Тузова, 1886. 549 с.
2. *Завьялова Е.Е.* Жанровые модификации в русской лирике 1880-1890-х годов : монография. Астрахань: Астраханский ун-т, 2006. 350 с.
3. *Зырянов О.В.* Своеобразие лирического нарратива в поэзии Я.П. Полонского//Я.П. Полонский: Творчество, судьба, эпоха. Рязань, РГУ, 2015. С.148-160.
4. *Корман Б.О.* Лирика Н.А. Некрасова. Воронеж: ВГУ, 1964. 390 с.
5. *Липеровский Л.*, протоиерей. Царство Небесное и пути к нему. М.: Изд-во Московской Патриархии РПЦ, 2011. 128 с.
6. *Мальгина Т.В.* Авторское сознание в лирике К.М. Фофанова: диссер. ... кандидата филологических наук: 10.01.01. Орел, 2005. 196 с.
7. *Перевалова О.А.* Стихотворная молитва в русской поэзии XIX века: жанровая динамика и типология: диссертация ... кандидата филологических наук: 10.01.01. Екатеринбург, 2015. 207 с.
8. *Тарланов Е.З.* Христианские мотивы в поэзии К. Фофанова//Проблемы исторической поэтики. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 1994. Вып. 3. С.285-293.
9. *Фофанов К.М.* Стихотворение и поэмы/ Вступ. статья, состав., подгот. текста и прим. С.В. Сапожкова. СПб.: Изд. Пушкинского Дома, 2010. 592 с.
10. *Фофанов К.М.* Тени и тайны. Стихотворения Константина Фофанова. СПб.: Изд. М.В. Попова, 1892. 352 с.
11. *Фофанов К.М.* Стихотворения (1880-1887). СПб.: Изд. Германа Гоппе, 1887. 182 с.

References

1. *Bryanchaninov D.A.*, Ignatius, bishop of Caucasus and black sea coastal area. Works of bishop Ignatius Bryanchaninov. Vol. 4: Austenitic sermon and letters to the laity. 2 ed., edded. SPb.: Publ. house - Tuzova, 1886. 549 p.
2. *Zavyalova E.E.* Genre modifications in Russian lyrics of 1880-1890s: monograph. Astrakhan: Astrakhan State University, 2006. 350 p.
3. *Zyryanov O.V.* The uniqueness of lyrical narrative in Y.P. Polonsky's poetry //Y.P. Polonsky: Creativity, destiny, era. Ryazan, RSU, 2015. pp 148-160.
4. *Corman B.O.* N.A. Nekrasov's lyrics. Voronezh: VSU, 1964. 390 p.
5. *Liperowski L.*, archpriest. Kingdom of Heaven and the way to it. M.: Publ. house of Moscow Patriarchy of ROC, 2011. 128 p.
6. *Malygina T.V.* Author 's consciousness in K.M. Fofanov's lyrics: disser.... Candidate of Philology: 10.01.01. Orel, 2005. 196 p.
7. *Transvalova O.A.* Poetic prayer in Russian poetry of the 19th century: genre dynamics and typology: disser... Candidate of Philology: 10.01.01. Yekaterinburg, 2015. 207 p.

8. *Tarlanov E.Z.* Christian motifs in K. Fofanov's poetry //Problems of historical poetry. Petrozavodsk: Publ. house of Petrozavodsk State University, 1994. Issue. 3. Pp. 285-293.
 9. *Fofanov K.M.* Poem and Poems/Book. Article, composition., compiled by S.V. Sapozhkova. SPb.: Pushkinsky House, 2010. 592 p.
 10. *Fofanov K.M.* Shadows and Secrets. Poems by Constantine Fofanov. SPb.: Ed. by M.V. Popova, 1892. 352 p.
 11. *Fofanov K.M.* Poems (1880-1887). SPb.: Ed. by Hermann Goppe, 1887. 182 p.
-

УДК 82.09:821.161.1

UDC 82.09:821.161.1

КОКОВИНА Н.З.

доктор филологических наук, доцент, профессор
кафедры литературы, Курский государственный
университет
E-mail: natzak@rambler.ru

KOKOVINA N.Z.

Doctor of Philological Sciences, Professor, Department of
Literature of Kursk State University
E-mail: natzak@rambler.ru

ТИПОЛОГИЧЕСКАЯ ПАРАДИГМА ЭПИСТОЛЯРНО-ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИХ ТЕКСТОВ А.И. ГЕРЦЕНА

TYPOLICAL PARADIGM OF THE EPISTOLARY AND JOURNALISTIC TEXTS OF A. I. HERZEN

Актуальность статьи определяется необходимостью осмыслить жанровые особенности эпистолярного очерка в творчестве А.И. Герцена. А.И. Герцен обращается к форме письма достаточно часто, используя разнообразные возможности этого синтетического жанра, способного совмещать в себе разнородные элементы путевого очерка, политической декларации, литературной рецензии, аналитического репортажа, философской и естественно-научной статьи.

Герцен, опираясь на устойчивые жанровые принципы письма, разрабатывает жанр художественной публицистики, в которой отчетливо проступают автобиографические черты. В многочисленных эпистолярных очерках воссоздан образ современной ему действительности, пропущенной через эмоциональный и интеллектуальный опыт автора.

Ключевые слова: эпистолярный очерк, жанровые принципы письма, А.И. Герцен, типологическая парадигма.

The relevance of the article is determined by the need to understand the genre features of the epistolary essay in the works of Herzen. A. I. Herzen refers to the form of the letter frequently, using a variety of synthetic possibilities of this genre, able to combine the disparate elements of the travel narrative, the political Declaration, literature reviews, analytical reportage, philosophical and scientific articles.

Based on the stable genre principles of writing, Herzen created and developed a specific form of his creative writing – the genre of artistic journalism of autobiographical character. In his books of essays and notes on the journey, and epistolary give an image of reality, passed through the prism of individual perception, which colors in the tone of subjective individual thoughts or emotions any fact of reality.

Keywords: epistolary essay, genre principles of writing, Herzen, «Letters from France and Italy».

Яркая, образная, умная, порой парадоксальная публицистика А.И. Герцена всё больше привлекает внимание исследователей. Она становится объектом анализа в целом ряде диссертационных работ и статей, где рассматриваются его автобиографическая публицистика, сатирический портрет, философская публицистика, восприятие русской критикой деятельности А.И. Герцена, типологические особенности его художественной публицистики. Эти исследования позволяют увидеть художественное своеобразие публицистики Герцена, оригинальность его философии и идеологии, уточнить его роль в литературном процессе XIX века. Задача настоящей статьи определяется необходимостью осмыслить жанровые особенности эпистолярного очерка в творчестве А.И. Герцена.

А.И. Герцен обращается к форме письма достаточно часто, используя разнообразные возможности этого синтетического жанра, способного совмещать в себе разнородные элементы. Так, в «Письме из провинции» (1840) проявляются черты путевого очерка («Вы хотите, друзья, чтоб я вам сообщал мои наблюдения, замечания о дальнем крае, куда меня забросила судьба, – извольте»), развёрнутые затем в «Письмах из Франции и

Италии», ставшие и политической декларацией публициста; в Письме о «Москвитянине» 1845 года, статье «Еще раз Базаров» очевидны черты литературной рецензии, в письмах, посвященных публичным лекциям Грановского (1843, 1844) – аналитического репортажа; анализу философских, мировоззренческих, политических проблем посвящены «Письма об изучении природы», «Концы и начала», «Письма к путешественнику», «Письма к противнику», «Письма к будущему другу», «К старому товарищу».

Письмо представляет собой особый тип текста, обладающий рядом характерных структурно-семантических черт. В 1830–40-е годы оно становится «своеобразной литературно-философской формой дружеского общения», сформировавшейся в личной дружеской переписке [7, с. 48]. Жанр письма дает возможность свободного, легкого изложения материала, и серьезную работу «Письма об изучении природы», ставившую актуальные вопросы философии и естествознания, Герцен начинает с описания своего состояния: «Я, наконец, не с вами, любезные друзья! – я один в деревне. <...> дождь льет день и ночь, ветер рвет ставни, шагу нельзя сделать из комнаты, и – странное дело! – при всем этом я ожил,

поправился, веселее вздохнул – нашел то, за чем ехал. Выйдешь под вечер на балкон, ничто не мешает взгляду; вдохнешь в себя влажно-живой, насыщенный дыханием леса и лугов воздух, прислушаешься к дубравному шуму – и на душе легче, благороднее, светлее; какая-то благочестивая тишина кругом успокаивает, примиряет...» [3, с. 91].

«Вводные места – мое счастье и несчастье», – скажет А.И. Герцен в «Концах и началах» и пояснит: «Я за отступления и за скобки всего больше люблю форму писем, и именно писем к друзьям: можно не стесняясь писать, что в голову придет» [1, с. 159]. («До того заболтался, что не помню, на чем мы остановились и к чему следует теперь возвратиться...») [2, с. 27].

Заканчивая пятое письмо из Рима, автор делает своеобразное «заключение»: «Письма эти вовсе не отчет о путешествии, не результат, выведенный из посильного изучения Европы, не последнее слово не весь собранный плод – ничего подобного у меня не было в помышлении; мне просто хотелось передать первое столкновение с Европой; в них вылилось местами, рядом с шуткой и вздором, негодование, горечь, которая поневоле переполняла душу, ирония, к которой мы столько же привыкли, как Езоп, раб Ксанфа, к аллегории. У меня не было задней мысли, не было заготовленной теории ничему не удивляться или всему удивляться, а было желание уловить мелькающие, летучие впечатления откровенно, добросовестно – вот и все» [2, с. 88]. Но и гораздо позже в серьезном споре с «*практическими* противниками» для объяснения своей манеры письма, далекой от «догматического изложения», Герцен находит яркий художественный образ: «заклучения, которые передавал, как сорванные яблоки, не упоминая ни о лестнице, которую приставлял к дереву, ни о ножницах, которыми стриг» [1, с. 196]. Автор сравнивает письмо с женской блузой, которая «нигде не шнурует и нигде не жмёт».

В очерках Герцена мы встречаемся с использованием устойчивых приемов, способствующих созданию текстового единства, но их гораздо меньше, чем у предшественников. Автор учитывает их опыт и отталкивается от него: «Но с чего начать? В каком порядке передавать вам мысли? Хорошо в старину писали путешествия, с большим порядком; например, Плано Карпини мало того что в предисловии говорит, о чем речь в главах, но даже в самых главах систематически предрасполагает порядок изложения. За Плано Карпини не угоняешься». Начиная описывать свое путешествие по Европе, автор обращается к читателю: «не стану описывать виденного мною: я слишком порядочный человек, слишком учтивый человек, чтобы не знал, что Европу все знают, что всякий образованный человек по крайней мере состоит в подозрении знания Европы, а если ее не знает, то невежливо ему напоминать это. Да и что сказать о предмете битом и перебитом – о Европе? С легкой руки Фонвизина, и особенно с карамзинских «Писем русского путешественника» у нас всё рассказали о Европе в замечательных письмах русского офицера, сухопутного офицера, морского офицера,

овер-офицера и унтер-офицера; наконец, гражданские *деловые* письма его превосходительства Н.И. Греча и приходо-расходный дневник М.П. Погодина договорили последнее слово» [2, с. 15–16].

По существу, Герцен называет наиболее известные к тому времени путевые заметки в форме писем, попутно давая им ироничные характеристики.

Начиная рассказ об Италии, он вновь называет наиболее яркие отзывы путешественников: «давно ли было то время, в которое Гейне говорил, что в письмах из Италии можно говорить обо всем, кроме Италии? И все находили, что он прав, и весь талант Диккенса не спас его пустого рассказа. В Италии вновь ничего не происходило, а что было прежде, то было все высказано с гением Гёте и с негодованием леди Морган, с огненным словом Байрона и с плоскостью Фулширона» [2, с. 78]. С годами ему становится ясно, что «...мы являемся в Европу с ее собственным идеалом и с верой в него. Мы знаем Европу книжно, литературно, по ее праздничной одежде, по очищенным, перегнанным отвлеченностям, по всплывшим и отстоявшимся мыслям, по вопросам, занимающим верхний слой жизни, по исключительным событиям, в которых она не похожа на себя» [2, с. 219].

В своих описаниях он как бы вынужденно себя останавливает. Восторгаясь Генуей, неожиданно прерывает рассказ: «С какой охотой я бы вам рассказал что-нибудь об этих домах, вышиною с наши колокольни, об этих узких переулках, покрытых народом, который тут работает, шумит, ест, поет, беспрестанно кричит и размахивает руками; да все это столько раз сказано, что стыдно повторять» [2, с. 75]. Но при этом яркое, оригинальное описание уже есть. Интересные и глубокие размышления о картине Микеланджело автор заканчивает словами: «Но я себе дал слово не утомлять вас описанием изящных произведений, – кого интересует *читать* картины – тот найдет источники» [2, с. 88], но этим словам предшествует проникновенное описание «Страшного суда» Микеланджело. Это становится своего рода художественным приемом.

Такие отсылки позволяют самому Герцену освободиться от условности формы письма и сосредоточиться на основном материале очерка. Исчезают уже привычные устойчивые композиционные элементы – обращения к адресату, заверения в дружбе и уважении в конце послания, следы обратной связи (развивающегося диалога). Попытки вести диалог с читателем встречаются лишь в первых письмах, предназначенных для публикации в «Современнике», например: «Знаете ли, что мне пришло в голову вас спросить? Вы так и ждете, что я, увлеченный Жирарденом и Варнери, спрошу вас: «Что ваши часы – краденые или купленные?», – совсем напротив, я хочу вас спросить, случилось ли вам после долгой разлуки встретить женщину, которую вы любили издали...» [2, с. 232]. Но и этот пассаж Герцен убирает, готовя письма к изданию книгой.

Он обращается к широкому кругу читателей: «Господа! помните, как он («Москвитянин» – К.Н.) вдохновенно объявил, что мы спим, а он не спит за нас (иные

думали, что мы именно потому и спим, что он не спит!)?» [4, с. 135]. Лишь изредка можно предположить обращение к определенному дружескому кругу: «Помните ли вы наши бесконечные споры студенческой эпохи, в которых обыкновенно с двух отвлеченных точек зрения мы стремились понять явление жизни и не могли никогда дойти не только до дельного результата, но даже до того, чтоб вполне понять друг друга?» [3, с. 93].

В определенной мере элементы диалога в виде отдельных фраз и отсылок к предшествующим письмам или разговорам участников эпистолярного диалога присутствуют там, где существовал конкретный оппонент, как например, фигура Ю.Ф. Самарина в «Письмах к противнику» или И.С. Тургенева в «Концах и началах». Но и здесь, как справедливо отмечает С.Д. Лищинер, Герцен «постепенно отрешается от субъективных пристрастий», работая над письмами «К старому товарищу», идет «от личной полемики с Бакуниным на первых стадиях творческой истории произведения <...> к обобщению проблематики и типизации оппонента», лишенного бытовой детализации, но обладающего определенной духовно-политической конкретностью [8, с. 196].

Но не только свобода изложения привлекала публициста в форме письма. Она еще и позволяла свободно членить материал, преобразовывать его в циклы, поскольку большинство очерков предполагало журнальную публикацию, ограничивающую объем статьи.

Для литературного письма характерно стремление к циклизации, и Герцен изначально задумывает свои очерки как циклы. Так, статья о Казани (Письмо из провинции) входила в утраченный цикл «Письма о Казани, Перми и Вятке», о котором Герцен в письме к Н.А. Полевому сообщает: «К моей статье о Вятке я прибавил Казань и Пермь...» [5, с. 498]. Своеобразным их продолжением можно считать замысел ежемесячных отзывов о «Москвитянине», входившие в цикл «Письма из провинции».

Под эпистолярным циклом мы будем понимать «сверхжанровое единство», связанное концептуально, в котором изначально присутствует установка на множественность [6, с. 135]. Автор стремился придать особую целостность циклическим формам, повествовательность и даже сюжетное движение. Структурированность формальной организации подчинена созданию единого макротекста, состоящего из отдельных микротекстов, определенным образом связанных между собой. Например, заканчивая Письмо пятое «Концов и начал», Герцен пишет: «Дай мне объяснить мою мысль в следующем письме». И следующее письмо начинается словами: «Мы остановились на том, что не надобно сердиться на белок за то, что они линяют, и за то, что всякий год зима следует за летом» [1, с. 173]. Как отмечает С.И. Гиндин, «здесь актуализируется та же проблематика, что и при рассмотрении такой жанровой структуры, как художественный цикл. Это вопрос сложного соотношения части и целого, вопрос о последовательности и цикличности, о принципах объединения микротекстов в составе единого макротекста» [5, с. 63–76].

В метациклическое образование как особый тип текстопостроения складывается и книга писем-очерков «Письма из Франции и Италии», которая создавалась Герценом в течение четырех с лишним лет (1847–1852). «Эти письма <...> составляют целый цикл моего путешествия, мою странническую «Одиссею», – писал Герцен в предисловии к изданию 1858 года [2, с. 10]. Книга включает три цикла писем. Первоначально письма предназначались для журнала «Современник», где и были напечатаны первые четыре письма цикла «Письма из Avenue Marigny», следующие семь писем уже писались без оглядки на цензуру и изданы в Гамбурге. Остальные письма увидели свет только в составе книги «Письма из Франции и Италии». Письма, достаточно разные по содержанию и форме, тем не менее, обладают внутренним тематическим единством, что и позволило издать их единой книгой.

В «Письмах из Avenue Marigny» встреча с Европой в начале 1847 г., «веселая сначала» вскоре тускнеет, сменяется «зловещим раздумьем и патологическим разбором» состояния общественной жизни Франции, её быта и культуры.

Второй цикл «Писем из Франции и Италии» составили письма-статьи, написанные Герценом в Риме и Неаполе с декабря 1847 г. по март 1848 г. В цикле «Писем с via del Corso» описывалось путешествие Герцена в Италию, обстановка в Италии перед революцией и события начальных недель революции в этой стране.

И в «Письмах из Avenue Marigny» и «Письмах с via dei Corso» присутствуют все жанровые признаки художественно-публицистического путевого очерка: перемещение автора в пространстве и его дорожные знакомства, впечатления от природы, архитектуры, зарисовки событий и новых лиц, сюжетов, сопоставляющих «свое» и «чужое». В то же время жанр путевого очерка позволял соединить дорожные впечатления с социально-философским их осмыслением, анализом политической ситуации и государственного устройства Франции и Италии. Поэтика письма в свою очередь обогащает очерк, трансформирует его, сообщает ему исповедальность, политематичность, которая сопряжена с достаточной протяженностью, большим объемом пути, а также мозаичностью и пестротой тем, открывающихся автору путешественнику.

Картины быта, нравов, выразительные уличные и театральные сценки соседствуют с рассуждениями об искусстве, описаниями памятников архитектуры, что соответствует канону «сборного» жанра, где «этнографический, исторический и географический материал перемешан со сценками, рассуждениями, лирическими отступлениями и проч.» [9, с. 48]. Традиционный образ дороги порой расширяется, обретает символический смысл: «Скучное, тяжелое время и чрезвычайно пустое, утомительная дорога между станцией 1848 года и станцией 1852 – нового ничего, разве какое личное несчастье доломает грудь, какое-нибудь колесо жизни рассыпется, шина лопнет...» [2, с. 201]. Соответственно формулируется и образ автора-странника: «я, как старая

почтовая кляча, затянувшаяся в гоньбе, – из хомута в хомут, пока грохнусь где-нибудь между двумя станциями» [1, с. 131]. Интересно, что между этими высказываниями более десяти лет.

Уже на первых страницах неизбежным становится сопоставление своего и чужого пространства, прошлого, культуры: «Иногда как-то не по себе нашему брату, скифу, среди этих наследственных богатств и завещанных развалин; странно положение чужого в семейной зале, где каждый портрет, каждая вещь дороги потомкам, но чужды ему; он смотрит с любопытством там, где свои вспоминают с любовью; ему надобно рассказать то, что те знают с колыбели. <...> И вот у меня в голове не Кёльн, не его собор, а длинный ряд изб да хрустящий снег...» [2, с. 20].

Иногда это лишь ироничный намёк, вполне понятный русскому читателю: «О дороге рассказывать нечего. Ездить во Франции на почтовых лошадях скучно: точно машина, ни разговоров, ни спора, ни станционных смотрителей, ни книг, ни подорожных. Закладывают в один миг, лошади везде есть, шоссе – как скатерть, почтальон скачет от станции до станции – вся поэзия наших дорог не существует» [2, с. 69].

И все-таки книга не только и даже не столько о путешествии по Франции и Италии, сколько хроника надежд и разочарований, становления мировоззрения и нарастания духовного кризиса, связанного с разочарованием в буржуазно-демократической революции в Европе. В предисловии к изданию 1854 г. он отмечает: «Писавши эти письма под шум и гром событий, я часто увлекался, но был откровенен» [2, с. 7].

Решение издать письма спустя двадцать лет Герцен объясняет необходимостью «уяснения «патологии»

революции» и тем, что «они получили исторический интерес, в них сохранились воспоминания времени, которое вдруг отодвинулось от нас; так отодвинулось, что его едва уже видно» [2, с. 245]. Но еще в июне 1848 г., начиная уже свободные от цензуры письма из Парижа, он предупреждает читателя: «Истинные вести о добре и зле, совершающихся здесь, до вас дойдут не скоро, они дойдут до вас, сделавшись хроникой, историей» [2, с. 303]. Таким образом, письма сознательно приобретают черты исторической хроники.

В шестидесятые годы количество очерков-писем в публицистике Герцена не уменьшается. С.Д. Лищинер, дав глубокий анализ эпистолярным циклам этого времени, их отличию от открытых писем и частной переписки, приходит к выводу: «Письма без адреса» отграничивает от открытых писем, помимо своеобразия композиции, широта идейно-тематического задания и качественное отличие в путях их воплощения, в принципах отражения жизни. Жанр выступает как закономерная «внутренняя форма», властно раздвигая – до больших теоретических и художественных обобщений – пределы публицистического и лирического осознания социальных характеров, общественных явлений» [8, с. 197].

Как видим, Герцен, опираясь на устойчивые жанровые принципы письма, разрабатывает жанр художественной публицистики, совмещающей понятийные и художественные принципы познания жизни, публицистики, в которой отчетливо проступают автобиографические черты. В многочисленных эпистолярных очерках воссоздан образ современной ему действительности, пропущенной через эмоциональный и интеллектуальный опыт автора.

Библиографический список

1. Герцен А.И. Концы и начала // Герцен А.И. Собрание сочинений в 30 т. Т. 16. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1954.
2. Герцен А.И. Письма из Франции и Италии // Герцен А.И. Собрание сочинений в 30 т. Т. 5. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1955.
3. Герцен А.И. Письма об изучении природы // Герцен А.И. Собрание сочинений в 30 т. Т. 3. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1954.
4. Герцен А.И. Письмо из провинции // Герцен А.И. Собрание сочинений в 30 т. Т. 1. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1954.
5. Гиндин С.И. Биография в структуре писем и эпистолярного поведения // Язык и личность / Отв. ред. Д.Н. Шмелев. М.: Наука, 1989. С. 63–76;
6. Дарвин М.Н. Проблема цикла в изучении лирики. Кемерово: Кемер. гос. ун-т, 1983.
7. Кузьмина М.Д. Дружеское письмо 1830-х годов: заграничные корреспонденции Т.Н. Грановского // Вестник Череповецкого государственного университета. 2016. Вып. 3 (72). С. 48–51.
8. Лищинер С.Д. Эпистолярные циклы в беллетристике Герцена шестидесятых годов // Проблемы изучения Герцена: Сборник. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1963. С. 189–214.
9. Робели Т. Литература «путешествий» // Русская проза / Под ред. Б. Эйхенбаума и Ю. Тынянова. Л.: Academia, 1926. С. 42–73.

References

1. Voloshina S M. Artistic originality of publicism of A.I. Herzen. The techniques of contrast and metaphor // Journal of Siberian Federal University. 2011. № 6: Journalism: Literary criticism. P. 180-188.
2. Herzen A. I. "Moskvityanin" and the universe // Herzen A. I. Collected works in 30 vols 2. M.: Publishing house of the USSR Academy of Sciences, 1954.
3. Herzen A. I. Letters from France and Italy, 1847-1852 // Herzen A. I. Collected works in 30 Vol. M.: Publishing house of the USSR Academy of Sciences, 1955.
4. Herzen A. I. Letters on the study of nature // Herzen A. I. Collected works in 30 T. T. 3. M.: Publishing house of the USSR Academy of Sciences, 1954.
5. Herzen A. I. a Letter from the province // Herzen A. I. Collected works in 30 vol. 1, etc. M.: Publishing house of the USSR Academy of Sciences, 1954.
6. Gindin S. I. Biography in the structure of letters and epistolary behavior // Language and personality / Resp. edited by D. N. Shmelev. M: Science, 1989. P. 63-76;
7. Darwin M. N. The problem of the cycle is in the study of lyrics. Kemerovo, Kemer. state University, 1983.
8. Kuzmina M.D. Friendly letter of the 1830s: foreign correspondence of T.N. Granovsky // Bulletin of Cherepovets state University. 2016. Vol. 3 (72). Pp. 48-51.
9. Robeli T. Literature of "travel" // Russian / Under the editorship of Boris Eichenbaum and Yuri Tynianov. Leningrad: Academia, 1926. P. 42-73.

УДК 82.091

UDC 82.091

КРИВОЛАПОВ В.Н.

доктор филологических наук, профессор, кафедра литературы, Курский государственный университет
E-mail: vladnik57@rambler.ru

KRIVOLAPOV V.N.

Doctor of Philology, Professor, Department of Literature, Kursk State University
E-mail: vladnik57@rambler.ru

ПРОБЛЕМА «НЕИЗБРАЗИМОГО» В ЛИТЕРАТУРЕ И ЖИВОПИСИ НОВОГО ВРЕМЕНИ И СРЕДНЕВЕКОВЬЯ

THE PROBLEM OF THE “INEXPRESSIBLE” IN LITERATURE AND PAINTING OF THE NEW TIME AND THE MIDDLE AGES

Статья посвящена проблеме воплощения средствами искусства «лиц и событий Священной истории», а также любых «идеальных» сущностей: И.А. Гончаров десятилетиями пытался создать образ «в высшей степени идеалиста», Ф.М. Достоевский – «положительно прекрасного человека». Русские живописцы годами и десятилетиями создавали свои полотна на евангельские сюжеты, многократно переделывая уже написанное с тем, чтобы в очередной раз признать свою неудачу. Сложность проблемы изображения Божества в полной мере осознавалась художниками XIX, произведения некоторых писателей века XX свидетельствуют о том, что и они не остались безучастны к той же проблеме. Волновала она богословов и живописцев с первых веков христианства, когда Византия была раздираема иконоборческими спорами.

Ключевые слова: идеал, идеализация, Божество, религиозное искусство, евангельский сюжет, иконопись, иконопочитание, мистический реализм, мирская святость.

The article is devoted to the problem of embodiment by means of art of “persons and events of the Sacred History”, as well as any “ideal” entities: IvanGoncharov has been trying for decades to create the image of a «highly idealist», FeodorDostoevsky is a «positively wonderful man.» For years and decades, Russian painters created their canvases on gospel stories, repeatedly redoing what was already written so as to once again acknowledge their failure. The complexity of the problem of depicting the Divine was fully recognized by the artists of the XIX century, the works of some writers of the twentieth century indicate that they did not remain indifferent to the same problem. She worried about the blessings and painters from the first centuries of Christianity, when Byzantium was torn apart by iconoclastic disputes.

Keywords: ideal, idealization, deity, religious art, gospel story, icon painting, icon veneration, mystical realism, secular holiness.

Картину Ивана Крамского «Христос в пустыне» И.А. Гончаров увидел в 1874 г. на третьей «Передвижной художественной выставке». Писатель взялся за перо и написал статью, опубликованную в 1921 году [16, с. 191-203]. Если вспомнить о религиозной «теплохладности» Гончарова, не покидая при этом приделов устоявшихся о нем представлений как о «фламандце», для которого обустроенный быт был гораздо интереснее, чем, скажем, интерьер храма, то подобное внимание выглядит весьма неожиданным.

Значение полотна «Христос в пустыне» в творческом наследии Крамского, определяется тем местом, которое занимал в сознании художника образ Христа. «Фигура Христа меня очень давно преследовала» [14, с. 217], – признавался Крамской. Проявлялось это не только в умножении числа набросков, переписывании картины – порой оно сопровождалось визионерством, явлениями то ли мистического, то ли психопатологического плана. «Странное дело, – писал он в 1873 г., – я видел эту думающую, тоскующую, плачущую фигуру, видел как живую» [14, с. 217]. В 1878 г. в письме к В. М. Гаршину то же видение будет описано гораздо об-

стоятельнее: «И вот я, однажды, <...> вдруг увидел фигуру, сидящую в глубоком раздумье. Я очень осторожно начал всматриваться <...> Кто это был? Я не знаю. По всей вероятности, это была галлюцинация <...> Христос ли это? Не знаю. Да и кто скажет, какой он был? <...>. Это есть выражение моих личных мыслей» [14, с. 446-447]. Исследовательница творчества художника, имея в виду ту же ситуацию, заключает: «Образ, одолевавший Крамского многие годы, относился к разряду мыслимых, далеких от эмпирически данного, категорически не выдерживавших точного знания, выходящий за его пределы» [23, с. 191-203].

«Точное знание» о Божестве предлагает религия. Церковь определяет перечень не подлежащих пересмотру представлений о личности Иисуса Христа. У христиан различных традиций они могут и не совпадать, однако воззрения Крамского ставили его вне христианства как такового, ибо, если судить по его письмам, он не верил ни в божественность Христа, ни в догмат непорочного зачатия, ни в реальность воскресения [14, с. 217-218]. Чего стоит его убежденность, будто Христос «есть, в сущности, самый высокий и возвышенный ате-

ист», так как «он перенес центр божества извне в самое средоточие человеческого духа» [14, с. 219]!

Итак, Крамского Христос занимал как образ «самый высокий и возвышенный», именно в этом качестве он его и «преследовал». Гончаров же в каждом из своих романов стремился воплотить образ «в высшей степени идеалиста», десятилетиями его влекло к «*идеалам и идеализации*» [8, с. 319]. Если в данном случае и неуместно говорить о полном совпадении творческих установок, то созвучие таковых вполне очевидно, а это, в свою очередь, определяет неслучайность интереса Гончарова к полотну Крамского.

В рассуждениях о религиозной тематике в искусстве Гончаров не ограничился Крамским: его картина стала поводом для рассуждений о религиозной живописи как таковой – от Рафаэля и Тициана до Крамского и Ге. В комплексе же проблем, порожденных соответствующей тематикой, писателя занимали прежде всего две: значение личной религиозной веры для художника, обратившегося «к изображению лиц и событий Священного писания» [8, с. 62]; и возможность средствами живописи передать не только человеческую, но и божественную природу Иисуса Христа. Гончаров был убежден, что «для изображения правдивости явления», пусть это даже событие евангельской истории, «нет надобности знать, верует или не верует художник» [8, с. 71].

Убежденность Гончарова определялась скорее всего тем, что он хорошо знал, как «верует» Крамской, а поэтому и взялся защищать его, а также Николая Ге, в их праве обращаться к евангельским сюжетам, заявив, что не желает «стать в положение судьи чужой совести» [8, с. 63]. Вместе с тем венчавший статью вывод трудно счесть не противоречащим заявленным мыслям и «естественно вытекающим» из «ранее сказанного»... Засвидетельствовав убежденность в том, что «подобное Сикстинской мадонне произведение могло быть совершено только верующим гениальным талантом» [8, с. 71], и, посетовав, что «не у всех было столько силы таланта, как у *Рафаэля, Рубенса, Тициана и Рембрандта*», Гончаров продолжил: «Современным реалистам остается придерживаться одной исторической правды и ее одну освещать своей художественною фантазиею, что они и делают, без примеси чувства веры – и от этого образы их будут, может быть, верны, выражая событие, но сухи и холодны, без тех лучей и тепла, которые дает чувство. От этого им лучше бы воздержаться от изображения священных сюжетов, которые у них всегда выйдут нереальны, то есть неверны» [8, с. 74-75]. Если сказанное относится к «реалистам» Ге и Крамскому, то обесмысливается вся аргументация в защиту их права на обращение к «священным сюжетам»!

Очевидная противоречивость, продемонстрированная Гончаровым в данном случае, свидетельствует прежде всего об исключительной сложности проблематики, сопутствующей религиозному искусству. В частности, проблемы изображения Божества – для Гончарова, напомним, особенно актуальной. Как явствует из содержания статьи, писатель не сомневался в Богосыновстве

Иисуса из Назарета. Для него Христос, в полном соответствии с халкидонским догматом, был истинным Богом и истинным Человеком.

При всем том изобразить Бога, «божественное», «сверхъестественное», согласно неколебимой убежденности Гончарова, невозможно! Об этом вполне однозначно он тут же и заявлял: «... Все попытки изобразить Божество, то есть его сущность, а не условную форму атрибутов, останутся всегда бессильными попытками – у самых искренних и пламенных христиан, начиная с самого Рафаэля» [8, с. 68]. И далее: «... Всегда окажутся бессильны человеческие попытки изобразить божественность Христа кистью...» [8, с. 68].

Сказанное вовсе не означало, что Христа, следует изображать как простого смертного: по Гончарову, Богосыновство воссоздавать «можно и должно», однако выражать это следует «в чистейших и тончайших *человеческих* чертах! Конечно, – настаивал писатель, – это и будет то, что схватывают в человеке как искру божества. Как же будет идеализировать художник черты высшей мудрости, высшей благодати и кротости, чистоты душевной и высоких помыслов – он должен искать <...> у высших и лучших, пожалуй, особенных, но все же *человеческих* натур!» [8, с. 68].

Иными словами, отвергая традиционную условность в религиозном искусстве, Гончаров предлагал использовать условность другого рода: представлять божественное через человеческое. Следовало искать черт совершенства в человеке с тем, чтобы усвоить их Богочеловеку. Сразу заметим, что, предлагая художнику подобный путь решения проблемы, Гончаров не претендовал на роль первооткрывателя, он просто осмысливал опыт классиков возрожденческой живописи, которые вышли на этот путь несколькими столетиями раньше. Осмысливал вполне адекватно, основывая свои выводы на тонком анализе конкретных произведений. Неправота его состояла лишь в том, что он абсолютизировал этот, «ренессансный» путь, не ведая других.

Проблема изображения Божества сводилась для Гончарова к возможности отвлечения и воссоздания в художественном образе «чистейших и тончайших» проявлений человеческого духа. «...С той самой минуты, – признавался он, – когда я начал писать для печати <...>, у меня был один артистический идеал: это – изображение честной, доброй, симпатичной натуры, в высшей степени идеалиста» [8, с. 318]. Поэтому его, художника, никогда не обращавшегося к религиозной *тематике*, обращение к *проблематике* религиозного искусства выглядит вполне закономерным.

Проблематика эта заявила о себе много раньше того времени, когда русские «передвижники» впервые попытались освоить евангельские сюжеты. И даже тогда, когда гении Возрождения создавали свои полотна, «история вопроса» уже насчитывала многие столетия, ибо ответ на занимавшие Гончарова проблемы был предложен Церковью еще в 787 г. Причем ответ был облечен в форму соборного решения и ему было сообщено достоинство догмата!

Не знать о соответствующих событиях Гончаров не мог, хотя бы потому, что воспоминания о них сохраняются в церковном календаре. Первое воскресенье Великого поста отмечается как неделя Торжества Православия – торжества над последней из великих ересей – иконоборческой. В храмах в этот день читается исповедание православной веры, а в дореволюционные времена анафематствовались еретики – не только иконоборцы. Хотя, смеем предположить, что в сознании Гончарова иконопочитание никак не соотносилось с религиозным искусством, а сама по себе икона не являлась для него объектом эстетического внимания. По крайней мере традиционная иконопись положительных эмоций у него не вызывала! В статье, посвященной картине Крамского, Гончаров засвидетельствует свое несогласие с традиционной, усвоенной «официальной живописью на иконах» манерой изображения Христа «с открытым, никуда не смотрящим равнодушным взглядом, с покойно сложенными устами...» и выплеснет раздражение в адрес старообрядцев, или «сектантов наших» за то, что они «всякую другую иконопись, кроме византийской, старинного стиля, признают ересью» [8, с. 66], а «стало быть» «об искусстве рассуждать» с ними нельзя.

Упрекать писателя за непонимание канонической иконы нельзя уже потому, что первые успешные опыты по раскрытию памятников древнерусской станковой живописи были предприняты лишь в 50-е годы XIX столетия [6, с. 275], лишь через два-три десятилетия после того, как Гончаров написал свой очерк, она перестанет быть достоянием только «сектантов». Поэтому верхом нелепости было бы ожидать, что Гончаров или кто-то из его современников, рассуждая о религиозном искусстве, мог обратиться к деяниям вселенских соборов, хотя именно они могли многое прояснить.

Чтобы убедиться в этом, достаточно обратиться к постановлениям Трулльского собора, состоявшегося в Константинополе в 692 г., когда религиозная живопись впервые стала предметом вероучительного рассмотрения. 82-е правило собора звучит реформаторски: «На некоторых честных иконах изображается, перстом Предтечевым показуемый, агнец, который принят во образ Благодати, чрез Закон показуя нам истинного Агнца, Христа Бога нашего. <...> Сего ради, дабы и искусством живописания очам всех представляемо было *совершенное*, повелеваем отныне образ Агнца, вземлющего грехи мира, Христа Бога нашего, на иконах представляти по человеческому естеству вместо ветхаго агнца...» [13, с. 111-112].

Правило однозначно дает санкцию на то, чтобы «искусством живописания... представляемо было совершенство». Иными словами, за двенадцать столетий до Гончарова отцы вселенского собора признали: божественное можно и должно воссоздавать средствами изобразительного искусства. Трудно предположить, согласился бы Гончаров с этим предписанием безоговорочно, однако то, что правило уводило художника от условности ветхозаветных символов, ориентируя при этом на реалистическое изображение евангельских со-

бытий, вне всякого сомнения, вызвало бы его одобрение.

Далее... Иконописный сюжет, который участники собора сделали главным объектом своего рассмотрения («изображается перстом Предтечевым показуемый агнец»), восходит к тексту первой главы Евангелия от Иоанна: Иоанн Предтеча, увидев идущего к Иордану Христа и указывая на Него пальцем, говорит: «Се Агнец Божий, вземляй грех мира».

По свидетельству знатоков вопроса, ни одного византийского изображения агнца, указуемого Иоанном Крестителем, до нас не дошло [13, с. 69], однако, если заменить «ветхаго агнца» фигурой Иисуса Христа, представленного по «человеческому естеству», то получится известная всем композиция картины Александра Иванова, которую Гончаров тоже не обошел вниманием. Писатель упрекнул живописца за то, что тот «истощился в бесплодных усилиях нарисовать то, чего *нельзя нарисовать* – встречу мира языческого с миром христианским», за то, что «он удалился от прямой цели пластического искусства – изображать – и впал в догматизм» [11, с. 97].

Но ведь отцы собора не только полагали, что *это* (Гончаров ошибался в своей трактовке появления Христа на берегу Иордана, – христианская традиция видит здесь встречу Ветхого и Нового заветов, язычество здесь никак не представлено) «нарисовать» можно, но именно *так* и предписывали «рисовать», не усматривая противоречия между «целью пластического искусства» и «догматизмом».

Гончаров вполне бы принял картину Иванова, если бы не почувствовал в ней претензии на нечто большее, нежели простую фиксацию одного, пускай кульминационного, эпизода проповеди покаяния Иоанна Предтечи. «Тайная вечеря» Николая Ге потому и не вызывала у него нареканий, что на картине был запечатлен лишь один из моментов известного события без претензий на раскрытие его мистического или исторического смысла. А согласно Гончарову, «живопись ограничена временем – она воплощает один момент лица, чувства, страсти, события или просто неподвижное состояние физической природы, как, например, в пейзаже. У картины нет прошлого, нет и будущего <...> время сосредоточено на одной избранной точке» (8, с. 64). У Достоевского в силу тех же причин картина Н. Ге, относимого Гончаровым к «современным реалистам», вызвала резкую отповедь: «... Спрашивается: где же и причем тут последовавшие восемнадцать веков христианства? Как можно, чтоб из этой обыкновенной ссоры таких обыкновенных людей, как у г-на Ге, собравшихся поужинать, произошло нечто столь колоссальное?»

Тут совсем ничего не *объяснено*, тут нет исторической правды; тут даже и правды жанра нет, тут всё *фальшивое*» [10, с. 76-77]. Налицо несогласие двух великих реалистов во взглядах на существо реализма. Но об этом позже – мы не случайно выделили одно слово в цитате из Достоевского. Пока же вновь вернемся во времена вселенских соборов.

По прошествии двадцати с небольшим лет после

завершения Трулльского собора начались иконоборческие гонения, которые, то затихая, то возобновляясь с новою силой, продолжались более ста лет. Ересь и сопутствующие ей гонения возникли не на пустом месте: иконоборчество «вскрыло и выдвинуло один из назревших и давно существовавших вопросов» [12, с. 456]. Претензии иконоборцев к православным были оглашены в оросах собора 753 г., созванного по инициативе императора Константина Копронима – главного идеолога «новоявившейся» ереси. В основу полагались традиционные обвинения в идолопоклонстве, связанные с известным ветхозаветным запретом на всякого рода изображения: «Не делай себе кумира, и никакого изображения того, что на небе вверху, и что на земле внизу, и что на воде ниже земли» (Исход 20, 4; Второзаконие 5, 8); «Не беззаконуйте, и не сотворите себе самим подобия ваянна, всякого образа подобия мужеска пола или женска» (Второзаконие 4, 16).

Вместе с тем подобные обвинения воспринимались в христианской среде VIII столетия как очевидный анахронизм, ибо абсолютно убедительные до пришествия Христова, когда «Бога не видел никто никогда» (Иоанн 1, 18), эти запреты потеряли актуальность после того, как «Слово стало плотью, и обитало с нами, полное благодати и истины» (Иоанн 1, 14). Поэтому, не ограничившись ссылками на Моисеевы книги, иконоборцы обратились к христологической аргументации и заявили о том, что «употребление икон противно основному догмату христианства – учению о Богочеловеке» [12, с. 471], т.е. предприняли попытку лишить православных главного аргумента в отстаивании своего права на иконопочитание. Подкрепляя свои обвинения, участники собора 754 г., связали с иконопочитанием целый букет ересей. Если икона претендует на изображение Божества, то получается Божество ограниченное, «описуемое» – арианство! Если иконописец изображает Божество, слитое с плотью – это монофизитство! Если на иконе представлена только человеческая природа Христа – художник является несторианином. [21, с. 91-97]. Постановления собора были подкреплены жесточайшими гонениями, так что православные святцы во множестве хранят имена исповедников и мучеников, «за святые иконы пострадавших».

Когда 24 сентября 787 г. иконопочитатели собрались в Никее на свой собор, под сводами церкви св. Софии прозвучали и доводы иконоборцев, в ответ на которые специально уполномоченный диакон пункт за пунктом зачитывал опровержения – аргументы противоположной, «чтущей иконы» стороны. Пример – достойно иллюстрирующий то, насколько убедительнее и точнее стало богословие иконы после испытаний и искусов, порожденных иконоборческими спорами.

Если 82 правило Шестого собора довольно туманно обосновывало изображение Спасителя «по человеческому естеству» призвано было являть напоминание о земной жизни Спасителя и Его искупительных страданиях, то суждения Седьмого вселенского собора выглядят гораздо конкретнее: «Христиане, ведая Единого

Иммануила, Христа Господа, изображают Его, ибо “Слово плоть бысть”» [12, с. 475]. Иначе говоря, допустимость изображения Божества определяется событием Боговоплощения.

Если Трулльский собор сообщал иконе достоинство иллюстрации, напоминания о спасительной миссии Христа, то после Седьмого вселенского собора та же икона стала средством богопостижения, *объяснения* и *доказательства* христологических истин. «Иначе говоря, икона содержит и проповедует ту же истину, что и Евангелие, и является, так же, как и Евангелие и святой крест, одним из видов божественного откровения и нашего общения с Богом», – пишет современный истолкователь Деяний Собора и в подтверждение одно из них цитирует: «...Изобразительность неразлучна с евангельским повествованием и, наоборот, евангельское повествование – с изобразительностью. При этом и то, и другое хорошо и достойно почитания потому что они взаимно объясняют друг друга и, несомненно, доказывают друг друга» [21, с. 105].

Орос, как и полагалось, сопровождался анафематизмами, из которых приведем только два, как наиболее созвучные тем проблемам, которые не давали покоя Гончарову, когда он обращался к религиозной живописи: «Кто не исповедует Христа, – читаем в Деяниях, – описуемым по человеческому естеству, тому анафема! Кто не допускает евангельских повествований, представленных живописно, тому анафема!» [9, с. 294]. Гончаров при всех его очевидных иконоборческих устремлениях под эти анафематизмы не попадал.

Здесь уместно вспомнить и о Достоевском... Существо претензий писателя к Н. Ге состояло в том, что на его «Тайной вечере» «совсем ничего не *объяснено*, тут нет исторической правды, ... тут всё фальшивое». Недовольство Достоевского тем, что картина религиозного содержания ничего не *объясняет*, изобличает в нем и ревностного христианина, для которого Тайная Вечера не просто «сюжет», но прежде всего событие, связанное с учреждением центрального таинства церкви – евхаристии, и последовательного иконопочтателя, для которого достоинство священного изображения поверяется не верностью «моменту», как для «иконаборца» Гончарова, а созвучием смыслу божественного Откровения. Различие установок предопределило то, что одно и то же изображение воспринималось Гончаровым и Достоевским по-разному: первым – как вполне достоверное, вторым – как совершенно фальшивое. Два реаллиста декларировали абсолютно разное представление о реализме.

Однако декларациями существо проблемы не исчерпывается... Известно, что в черновиках Достоевского «Сон Обломова» упоминается трижды – об этом писалось неоднократно! [2, с. 191; 20, с. 46-51; 19, с. 316]. Причем в двух случаях упоминание было сопряжено с попыткой Достоевского «изобразить Божество», т.е. соотносено с темой Христа. Первая запись – периода работы над «Преступлением и наказанием»: «Глава Христос (как Сон Обломова) кончается пожаром».

Вторая, 1870 г., имеющая отношение к нереализованному замыслу романа о писателе: «О скоротечности жизни и рассказы – поэтическое представление вроде Сна Обломова о Христе». Иными словами, собираясь изображать Христа, иконописать словом, Достоевский вновь и вновь (записи разделяет временной промежуток в несколько лет) пытался обрести опору в художественном опыте «иконоборца» Гончарова, решительно отвергавшего «условную форму атрибутов» в религиозной живописи, поверяющего достоинство изображения верностью «моменту».

Но одно дело сознательная установка, а другое – бессознательная творческая устремленность (а Гончаров постоянно настаивал на «бессознательности» своего творчества), которая и объясняет парадоксальное тяготение «иконописца» к художественным обретениям «иконоборца». Интерес объясняется тем, что достоинства гончаровского шедевра, «Сна Обломова», который, по словам Достоевского, «с восхищением прочитала вся Россия» и который сам он считал «лучшим эпизодом» романа, определялись вовсе не верностью «моменту», не верностью тем принципам «современных реалистов», которые так ревностно отстаивал Гончаров. Они, эти достоинства, начинались там, где эстетика «современного реализма», «натуральной школы» уступала место принципам «мифологического реализма» (Ю. Лошиц) – художественного метода, если и не тождественного, то весьма близкого иконописному – настолько, что даже формулировки, предлагаемые для определения его существа, удивительно созвучны предложенной Ю. Лошицем.

Реализм иконы представлял парадоксальное, порою до «невместимости» человеческим разумом, явление. Впрочем, в той же мере «невместимы» и основные христианские догматы – тринитарные и христологические. С одной стороны, канонами Шестого собора иконописец был сориентирован на следование исторической правде, постановления Седьмого вселенского собора обязывали его соблюдать верность евангельскому повествованию [9, с. 296], сохраняя достоверность даже в деталях, с другой – он был призван раскрывать правду божественного Откровения. Именно это имел в виду о. Павел Флоренский, когда настаивал на том, что «икона не есть художественное произведение, произведение самодовлеющего искусства, а есть произведение свидетельское» [22, с. 127]. Именно это имел в виду Достоевский, когда негодовал по поводу того, что на картине Ге не представлены восемнадцать веков христианства. Иконное изображение должно было не только соответствовать правде момента, но и являть «свидетельство о подлинности реальности иного бытия» [21, с. 421], не случайно для о. Павла Флоренского таким свидетельством, причем свидетельством *главным*, неоспоримым, стала именно икона: «Из всех философских доказательств бытия Божия наиболее убедительно звучит именно то, о котором даже не упоминается в учебниках; примерно оно может быть построено умозаключением: “Есть Троица

Рублева, следовательно, есть Бог”» [22, с. 67].

Существо парадоксального метода, составляющего основу православной иконографии, определяется в науке с помощью понятий, звучащих подчас тоже весьма парадоксально: «идеал-реализм» [7, с. 7], «евангельский реализм», «символический реализм», [21, с. 122, 143], «мистический реализм» [15, с. 17] (вспомним «мифологический реализм» «Сна Обломова!»). Современному человеку, воспитанному в культурных традициях Нового времени, связывать икону с любой из форм реализма, – по меньшей мере, странно. Здесь нет ни «типичного характера в типических обстоятельствах», ни этнографической точности «физиологического очерка». Здесь одна странность дополняет другую: начиная с непонятно для чего существующего углубления по периметру иконы, так называемого «ковчеха», и кончая очевидной диспропорциональностью человеческих фигур или «обратной перспективой», когда две параллельные линии, которым, согласно законам оптического восприятия, надлежит по мере удаления от зрителя сближаться, с тем, чтобы сойтись на горизонте в одной точке, вдруг начинают расходиться...

Главная причина непонимания – в «языковом барьере», разделившем две эпохи. Человеку, живущему в постренессансное время и нисколько не сомневающемуся в том, что он, *homo sapiens*, и является мерой всех вещей, трудно понять творца иконы, которой жил в иной, теоцентричной системе ценностей и для которого Мерой и Истиной являлся Бог. Особенности языка иконы, вырабатываемого и совершенствуемого веками, и определялись попытками прорваться к этому Центру, превратить икону в окно, через которое видна та подлинная Реальность, к которой восходит «вся видимая и невидимая». И если современному человеку непонятен язык иконы, а всё, что на ней изображено, абсолютно внеположно понятию «реализм», то человек Средневековья, в свою очередь, наверняка бы не принял разговора *всерьез* опроизведениях классической или современной литературы уже в силу того, что в них ведется речь о том, чего заведомо не было. Если человека по имени Андрей Болконский не существовало и никакого резервного полка, которым он якобы командовал во время Бородинского сражения, не было, тогда зачем о нем говорить, спорить, писать книги...

Современный человек удовлетворяет свои эстетические запросы в сфере художественной *иллюзии*, ничуть этим не смущаясь. Он и не думает противиться тому, что практически в каждом произведении ему сообщают заведомую неправду. *Иллюзорность*, которая, согласно о. Павлу Флоренскому, является родовым признаком постренессансного искусства, а следовательно едва ли не главной в наборе принятых им условностей, абсолютно неприемлема для Средних Веков. Вместе с тем современному человеку надлежит объяснять, что обратная перспектива вовсе не свидетельствует о неумении или незнании средневекового иконописца.

То, что произошло с религиозным искусством Византии после того, как оно было осмыслено в качестве

искусства свидетельского, с полным основанием можно назвать переворотом. Для свидетельствования об истинах Откровения, для их уяснения был необходим особый язык, особого рода условности. В течение столетий был выработан язык, вполне адекватный умопостигаемым истинам, но ставший практически непонятным человеку, воспитанному в культурных традициях Нового времени. Зависимость человека, воспитанного в русской культурной среде, от «неправильного» и невнятно звучащего языка Средневековья весьма существенна. С особой очевидностью эта зависимость выявляется именно тогда, когда речь заходит о евангельских темах и сюжетах. В свое время Гончаров язвительно отзывался о тех, кто с недоверием смотрит «на всякую попытку изобразить Христа иначе, как в усвоенном официально живописью на иконах изящном образе» [8, с. 66]. Та манера изображения, которая ассоциировалась у Гончарова с «официальностью», восходила к иконописному канону – о соблюдении самого канона в XIX столетии, увы! говорить не приходилось. Сохранились его отблески, воспоминания о нем. Но именно эти неосознаваемые «воспоминания» и определяют представления не столько о том, как должно изображать Христа, сколько о том, как Его изображать *не* следует.

К примеру, человеку, чье восприятие Евангелия подготовлено иконой, совершенно очевидно, что представлять Христа на киноэкране недопустимо – даже во имя благих намерений. Он откажется признать Христа в том актере, который Его изображает и повторяет Его слова. Такую условность православный или номинально православный человек принять откажется. Но эта условность ничуть не смущает протестантов, которые, сознательно отвергая икону, без всякого смущения принимают киноверсии Евангелия и, более того, используют их в миссионерских целях.

Еще один пример... Мистерия великого князя Константина Романова (К. Р.) «Царь Иудейский», наделавшая много шума в начале XX в., восходит к замыслу, подсказанному П. И. Чайковским и обсуждавшемуся с И.А. Гончаровым [17, с. 210-211]. В 1889 г. в письме к своему августейшему корреспонденту композитор посоветовал избрать для его «ближайшего крупного произведения» «евангельскую тему»: «*А что, если бы, например, всю жизнь Иисуса Христа рассказать стихами? <...> Если же Вас пугает грандиозность задачи, – то можно удовольствоваться одним из эпизодов жизни Иисуса Христа, например, хотя бы Страстями Господними.*» [1, с. X-XI] (курсив автора. – В. К.).

Константин Константинович приступил к реализации подсказанного ему замысла лишь через двадцать лет после того, как были написаны процитированные строки. Пьеса была завершена в ноябре 1913 г. Действие её охватывает события недели: со входа Христа в Иерусалим до ночи воскресения. При этом, будучи человеком глубоко религиозным, Константин целомудренно не включил в число действующих лиц ни Иисуса Назарянина, ни Богоматерь, ни апостолов.

Сами события (вход в Иерусалим, суд Пилата,

крестный путь на Голгофу...), происходящие за ближайшей кулисой, кажется, не могут не выплеснуться на сцену, однако этого не происходит. Зрителю предоставляется возможность созерцать реакцию людей, либо наблюдающих за происходящим (с крыши дома, мимо которого Христос следует к месту казни), либо переживающих или обсуждающих уже происшедшее. Тем самым Константин фактически отказался от воспроизведения евангельских событий, неимоверно усложнив стоявшую перед ним, писателем, драматургом, задачу: как можно изобразить Страсти Господни, не изображая Страждущего?! Но для человека, чье отношение к Господу было воспитано иконным образом, это был единственно возможный путь.

Даже в этом виде пьеса вызвала серьезные нарекания: возмущались правые депутаты Государственной Думы, выражал недовольство петербургский митрополит Владимир, Синод усмотрел очевидное кощунство уже в том, что сочинение соответствующего содержания будет отдано на «современные театральные подмостки и в руки современных актеров». Только после революции, летом 1918 г., спектакль был возобновлен в Москве в декорациях и с костюмами, сохранившимися с довоенных времен...

Проблема напомнит о себе всякий раз, когда художник предпримет попытку воплотить в своем произведении *идеал*, любое явление, к которому русский человек привык относиться трепетно... Со времени знаменитых московских торжеств 1880 г. Россия живет в убеждении, что «Пушкин – наше всё!» Но при этом никого не смущает, что мы практически не видим Пушкина ни на экране, ни на театральных подмостках. Смущение появляется тогда, когда это всё же происходит, хотя, к чести режиссеров, драматургов и сценаристов, случалось и случается такое крайне редко. Обращался к пушкинской теме и Михаил Булгаков.

Автор «Мастера и Маргариты» смотрел спектакль по пьесе К.Р. на сцене одного из киевских театров, а также черпал сведения об интересующей его эпохе из приложений к «Царю Иудейскому», которые публиковались вместе с пьесой и значительно превышали её объем. Булгаков не остановился перед тем, чтобы вывести на страницы своего романа Главного Героя евангельского повествования. Однако даже ему, человеку весьма далекому от ортодоксальной религиозности, пришлось дать этому Герою новое, «нехристианское» имя и решительно отказаться от традиционной, опять же христианской версии евангельских событий. В результате булгаковский Га Ноцри – это вовсе не тот Иисус, которому поклоняются христиане и которого апостол Петр исповедовал Христом и Сыном Бога Живаго.

В задуманной к столетию пушкинской гибели пьесе «Александр Пушкин» (больше известной как «Последние дни») Булгаков должен был представить реального Пушкина, и поэтому он заранее знал, что Пушкина... в ней не будет. Е.С. Булгакова так описывает эту ситуацию: «Как-то в начале 1934 года Михаил Афанасьевич Булгаков сказал, что он решил писать пье-

су о Пушкине. Помолчал, а потом добавил: конечно, без Пушкина. Ему казалось невозможным, что актер, даже самый талантливый, выйдет на сцену в кудрявом парике, с бакенбардами и засмеется пушкинским смехом, а потом будет говорить обыкновенным, обыденным языком» [3, с. 151]. Таким образом, рассказывая о «страстях», душевных и физических, великого поэта, он поступил подобно К. Р. – оставил страждущего героя за сценой. И, конечно, не потому, что к этому его принудила цензура, а потому что Пушкин был для него идеалом» [4, с. 685].

Человек, воспитанный в традициях русской культуры, когда ему предлагают увидеть Пушкина, Гоголя, Достоевского, Толстого, Чехова... на экране или на сцене, как правило, отказывается согласиться с тем, что это Пушкин, Гоголь... Прежде всего потому, что с тех пор, как реформы Петра не только разделили народ и дворянство, но и отделили дворянство от православной церкви, культ литераторов в известной степени заменил для интеллигенции культ святых, которых православный человек традиционно созерцал только через «окно» иконы. А.М. Панченко назвал этот феномен «мирской святостью» [18, с. 361-374]. Уместно вспомнить и о том, что труд иконописца считался не просто богоугодным, но и подвижническим, через иконное писание спасались. С другой стороны, заглянуть в запретный мир мог лишь настоящий подвижник, только человеку, освободившемуся от страстей, достигшему «превышеестественного» состояния обожения, было доступно созерцание Царствия Небесного. Отсюда стойкая убежденность, что подлинными творцами икон, иконописного канона являются монахи-подвижники. Андрей Рублев почитался как местночтимый, московский святой еще в XVI в., за четыре столетия до его общецерковного прославления, а его «Троицу» предание настоятельно связывает с общественной деятельностью и созерцательным опытом преподобного Сергия Радонежского.

Иными словами, иконописание есть духовный подвиг, который, в свою очередь, невозможен без подвига аскетического. Рассуждать о том, что здесь первично, что вторично, вряд ли уместно, но совершенно очевидно, что в традиционном русском восприятии практически все без изъятия отечественные литературные классики являются подвижниками: чаще всего подвижниками духа – «преподобными», или «мучениками» и «исповедниками», даже «бессребренниками». Характер

эпохи или политическая конъюнктура изменяют версию подвижничества, но сам подвиг наличествует в обязательном порядке! Один и тот же художник, в зависимости от различной интерпретации его поведения, может представляться то поэтом, гордо противостоящим «толпе» в своем служении высокому искусству, то борцом с самодержавием, то либеральным фрондером, защитником «прав человека».

Когда Гончаров полагал, что все попытки живописцев-реалистов изобразить Божество заранее обречены на неудачу, он, конечно же, был прав. Но ведь, следует признать, что и каноническая икона, образ в лучшем случае отражает лишь бледный отблеск божественной славы *Первообраза*. Подобно тому, как христианское богословие, начиная с апостольских и святоотеческих времен, никогда не претендовало на исчерпывающую полноту постижения «тайн Царства Божия» (Мк. 4, 11), иконописцы, богословствовавшие не словом, а образом, тоже отдавали себе отчет в ограниченности своих возможностей. «В этом смысле, – размышляет современный богослов, – они (т.е. богословие и иконописание. – В. К.) всегда «неудача», потому что призваны передать в постижимом непостижимое, в изобразимом неизобразимое...» [21, с. 417].

В письме к Софье Никитенко Гончаров тоже сетовал на «неудачу», которая преследовала его всякий раз, когда он пытался воплотить образ «в высшей степени идеалиста». Он завидовал масштабу таланта Шекспира и Сервантеса, причислял себя к числу «пигмеев» от искусства, которые не могут «сладить со своими идеями», а потому вынуждены довольствоваться «намекami» [8, с. 319]. Дело, думается, не столько в таланте, сколько в характере задач, которые ставил перед собой Гончаров: он претендовал на то, чтобы в «изобразимом» представить «неизобразимое», вследствие чего «неудача» действительно становилась практически неизбежной. Однако всё познается в сравнении. «Неубедительность» образов Александра Адуева и Бориса Райского как «идеалистов» проявляется лишь в их сопоставлении с Обломовым. Но подобно тому, как икону, написанную Андреем Рублевым, сопоставлять уже не с чем, а глубина прозрения святого иконописца поверяется непосредственно откровением о Святой Троице, то и Обломова не с кем сравнивать, а, поверяя его идеалистический потенциал, приходится сопоставлять его уже с фольклорными и агиографическими персонажами.

Библиографический список

1. *Бернштейн Ник.* Памяти Великого князя Константина Константиновича // Ежегодник императорских театров. 1915.
2. *Битюгова И.А. Роман И.А. Гончарова «Обломов» в художественном восприятии Достоевского* // Достоевский. Материалы и исследования. Л., 1976. Вып. 2.
3. *Булгаков М., Вересаев В.* Переписка по поводу пьесы «Пушкин» («Последние дни») // Вопросы литературы. 1965. №3.
4. *Булгаков М.А.* Собр. соч.: В 5 т. М., 1990. Т. 3.
5. *Вздорнов Г.И.* История открытия и изучения русской средневековой живописи. XIX век. М., 1986.
6. *Гаврюшин Н.К.* Вехи русской религиозной эстетики // Философия русского религиозного искусства XVI-XXвв. Антология. М., 1993.
7. *Гончаров И.А.* Собр. соч.: В 8 т. М., 1980. Т. 8.
8. *Деяния Вселенских соборов.* Казань. 1892. Т. 7.
9. *Достоевский Ф.М.* Полн. собр. соч. В 30 т. Л., 1980. Т. 21.

10. И.А. Гончаров-критик. М., 1981.
11. *Карташев А.В.* Вселенские соборы. М., 1994.
12. Книга правил. М., 1992.
13. *Крамской И.Н.* Письма и статьи. В 2-х т. М., 1965. Т.1.
14. *Лазарев В.Н.* История византийской живописи. М., 1986.
15. Начала. Журнал истории литературы и истории общественности. 1921. №1. С. 191-203.
16. Новый мир. 1999. №4. С. 210-211.
17. *Панченко А.М.* Русский поэт, или Мирская святость как религиозно-культурная проблема // Панченко А.М. Русская история и культура. СПб., 1999. С. 361-374.
18. *Розенблюм Л.М.* Душевная драма Гончарова в свете психологических открытий Достоевского // И.А. Гончаров. Новые материалы и исследования. Лит. Наследство. М., 2000. Т. 102.
19. *Розенблюм Л.М.* Творческие дневники Достоевского. М., 1981.
20. *Успенский Л.А.* Богословие иконы православной церкви. Б. м., б. г.
21. *Флоренский П.А.* Иконостас. М., 1994.
22. *Юденкова Т.* Еще раз о картине И.Н.Крамского «Христос в пустыне» // Вопросы искусствознания. 1997. №2.

References

1. *Bernstein Nick.* In memory of the Grand Duke Konstantin Konstantinovich // Yearbook of Imperial theaters. 1915.
 2. *Bitugova I. A.* I. Goncharov's novel «Oblomov» in the artistic perception of Dostoevsky // Dostoevsky. Materials and research. Leningrad, 1976. Vol. 2.
 3. *Bulgakov M., Veresaev V.* Correspondence about the play «Pushkin» («Last days») // Questions of literature. 1965. No. 3.
 4. *Bulgakov M.* Collected Works. In 5 vols. Moscow., 1990. Vol. 3.
 5. *Vzdornov G.* History of discovery and study of Russian medieval painting. XIX century. Moscow, 1986.
 6. *Gavrjushin N.* Russian religious aesthetics Milestones // Philosophy of Russian religious art XVI-XX centuries. anthology. Moscow, 1993.
 7. *Goncharov I.* Collected Works. In 8 vols. Moscow, 1980. Vol. 8.
 8. Acts of the Ecumenical councils. Kazan. 1892. T. 7.
 9. *Dostoevsky F.* Complete works in 30 T. L., 1980. Vol. 21.
 10. I. A. Goncharov is a critic. Moscow, 1981.
 11. *Kartashev A.* Ecumenical councils. Moscow, 1994.
 12. Rule book. Moscow, 1992.
 13. *Kramskoy I.* Letters and articles. In 2 vols., 1965. Vol.
 14. *Lazarev V.* History of Byzantine painting. M., 1986.
 15. *Natchala.* Journal of the history of literature and history to the public. 1921. No. 1. Pp. 191-203.
 16. *Novijmir.* 1999. No. 4. Pp. 210-211.
 17. *Panchenko A.* Russian poet, or Worldly Holiness as a religious and cultural problem // A. M. Panchenko Russian history and culture. SPb., 1999. Pp. 361-374.
 18. *Rosenblum L.* Goncharov's Soul drama in the light of Dostoevsky's psychological discoveries. New materials and research. Lit. Inheritance. Moscow, 2000. T. 102.
 19. *Rosenblum L.* Dostoevsky's Creative diaries. Moscow, 1981.
 20. *Uspensky L. A.* Theology of the icon of the Orthodox Church. B. M., B. G.
 21. *Florensky P.* Iconostasis. Moscow, 1994.
 22. *Yudenkova T.* Once again about the painting of I. N. Kramskoy «Christ in the desert» // Questions of art history. 1997. No. 2.
-

УДК 821(4/9).09

UDC 821 (4/9).09

МЕЛЬНИКОВА Л.А.

кандидат филологических наук, старший преподаватель, кафедра русского языка и литературы, Балашовский институт (филиал) ФГБОУ ВО «Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского»
E-mail: lmelnikova5@mail.ru

MELNIKOVA L.A.

Candidate of Philology, Senior Lecturer, Department of Russian Language and Literature Balashov Institute of the Saratov State University
E-mail: lmelnikova5@mail.ru

**ВНУТРЕННИЙ МОНОЛОГ КАК СРЕДСТВО РАСКРЫТИЯ ХАРАКТЕРА ГЕРОЯ В ПОВЕСТИ
Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО «КРОТКАЯ» И РОМАНЕ Г. БЁЛЛЯ «И НЕ СКАЗАЛ НИ ЕДИНОГО СЛОВА»**

**AN INTERNAL MONOLOGUE AS A MEANS FOR DISCLOSING THE CHARACTER OF THE HERO
IN DOSTOYEVSKY'S SHORT STORY "A GENTLE CREATURE" AND H. BÖLL'S NOVEL "AND NEVER SAID A WORD"**

В статье выявляются роль и значение внутренних монологов в художественных мирах повести Ф.М. Достоевского «Кроткая» и романа Г. Бёлля «И не сказал ни единого слова». Автор приходит к выводу, что посредством использования внутреннего монолога писатели не только создают развернутые психологические портреты нарраторов, являющихся центральными персонажами данных произведений, раскрывают сложный мир переживаний последних, но также фиксируют и прослеживают основные этапы их личностной эволюции.

Ключевые слова: внутренний монолог, психологический портрет, характер героя, Ф.М. Достоевский, Г. Бёлль.

The paper reveals the role and significance of the internal monologues in the artistic worlds of F.M. Dostoevsky's short story "A Gentle Creature" and H. Böll's novel "And Never Said a Word". The author comes to the conclusion that through the use of an internal monologue the writers not only create detailed psychological portraits of the narrators who are the central characters of these works, reveal the complex world of their experiences, but also record and trace the main stages of their personal evolution.

Keywords: internal monologue, psychological portrait, character of the hero, F.M. Dostoevsky, H. Böll.

Внутренний монолог – важнейший прием психологизма, заключающийся в прямом, полном и глубоком воспроизведении мыслей и отчасти переживаний литературного персонажа [7, стб. 128]. Внутреннему монологу отведено существенное место в повести Ф.М. Достоевского «Кроткая» и романе Г. Бёлля «И не сказал ни единого слова». Обращение именно к этим авторам в нашем исследовании не случайно. На протяжении многих лет немецкий писатель рассматривал русского классика в качестве одного из своих основных учителей литературного мастерства. Признаки литературного влияния Ф.М. Достоевского присутствуют во многих текстах Г. Бёлля, в том числе и в романе «И не сказал ни единого слова». На наличие художественных перекличек между данным произведением Г. Бёлля и повестью Ф.М. Достоевского «Кроткая» уже указывалось некоторыми зарубежными литературоведами [9, с. 395]. В данной статье мы представим опыт сопоставительного анализа образов повествователей, являющихся центральными персонажами названных выше произведений, с целью выявления роли и значения внутреннего монолога в раскрытии их характеров. В этом аспекте попытки изучения поэтик повести русского

классика и романа немецкого писателя до настоящего времени в отечественном литературоведении не принимались. Это и составит актуальность и новизну нашего исследования.

Действие в обоих произведениях представлено с точки зрения персонажа-непосредственного участника описываемой истории. Писатели уделяют особое внимание изучению психологических нюансов взаимоотношений между главным героем и его женой. Внутренний монолог в этой связи становится одним из ведущих приемов раскрытия внутреннего мира центральных персонажей исследуемых текстов. И Ф.М. Достоевский, и Г. Бёлль используют внутренние монологи преимущественно исповедального характера. Рассказчики последовательно освещают перед читателем некоторые периоды собственной биографии и делятся с ними своими переживаниями, вызванными определенными событиями.

В обоих произведениях повествователи предстают довольно зрелыми людьми: и Фред Богнер, и Закладчик на момент повествования преодолели возрастной рубеж 40 лет. В романе «И не сказал ни единого слова» попеременно чередуются внутренние монологи Фреда Богнера

и его жены Кэты. В повести «Кроткая» приведены преимущественно внутренние монологи повествователя.

Подобно герою Ф.М. Достоевского, который, по словам писателя (в предисловии «От автора»), «мало-помалу <...> действительно уясняет себе дело, собирает «мысли в точку» [6, с. 463], беллёвский персонаж также посредством напряженной внутренней работы приходит к пониманию необходимости решения семейных проблем, а не ухода от них.

Л. Гроссман считал, что повесть «Кроткая» – «это едва ли не наилучший образец внутреннего монолога во всем творчестве Достоевского» [4, с. 398]. Обращаясь к изучению данного приема психологизма в других произведениях этого русского классика (в частности, в романе «Идиот»), исследователи отмечали, что «внутренние монологи чаще всего логически упорядочены, построены в форме внутреннего говорения» [1, с. 108]. По всей видимости, «отказ автора от изображения душевной жизни персонажей через внутреннюю речь в ее нерасчлененном, спутанном виде, детального показа зарождения мыслей и их «хаоса» диктуется убеждением Достоевского, что «другой» человек закрыт для полного проникновения и не поддается конечному определению» [1, с. 108]. Данная характеристика справедлива и по отношению к внутренним монологам в повести «Кроткая», которые, несмотря на эмоциональность рассказчика, также отличаются логической стройностью. Логическая упорядоченность внутренних монологов Закладчика позволила исследователям предположить, что в художественном мире повести «Кроткая» фигурирует особый персонаж – стенограф. Это объясняется тем, что «у героя нет времени и моральных сил вести запись своих мыслей самостоятельно – Достоевский дал ему возможность просто говорить, а с целью записи его живой речи автор ввел в произведение воображаемого стенографа и рассказ «Кроткая» превратился в своеобразный стенографический протокол [2, с. 159]. Говорить о наличии фигуры стенографа в романе «И не сказал ни единого слова» не представляется возможным. Г. Бёльль, в отличие от Достоевского, не сопровождает свое произведение предисловием и не делает никаких намеков на ведение стенографического протокола в своем романе. Упорядоченность внутренней речи Богнера, по-видимому, во многом объясняет избранная немецким писателем форма повествования «Ich-Erzählung», «рассказ от 1-го лица уже предполагает известный самоконтроль, самоотчет» [8, с. 41]. Однако, художественный опыт Ф.М. Достоевского Г. Бёльль, безусловно, учитывает в своем романе.

Внутренний монолог позволяет писателям создать цельные психологические портреты повествователей, которые преобладают над внешними в обоих произведениях. Представленные в рассматриваемых текстах внешние портреты повествователей являют собой преимущественно собственный взгляд нарраторов на самих себя «со стороны». В повести «Кроткая» Закладчик, обращаясь к самому себе, констатирует: «<...> ты высок, строен, воспитан <...> ты недурен собой» [6, с. 472].

В романе «И не сказал ни единого слова» внешность Фреда отражает его угнетенность и усталость. Видя себя в зеркале сосичной, Богнер удивляется своему внешнему облику: «Сперва я не узнал себя: из зеркала на меня смотрело худое, серое лицо в потрепанном берете» [3]. Описание внешности обоих героев, по сути, представляет собой рассредоточенное в тексте перечисление отдельных деталей-штрихов. При этом психологизм в романе Г. Бёльля в ряде случаев соседствует с подчеркнутым натурализмом. Размышления рассказчика относительно собственной внешности сменяются описанием ртов его соседей в сосичной.

Ни Закладчик, ни Фред не нуждаются в реальном собеседнике, для них первостепенным является сам процесс «исповеди» как таковой, поскольку для каждого из них важно, в первую очередь, разобраться в себе самом. Богнер понимает, что во многом поворотным событием в его жизни стала война, которая лишила его собственного жилья. Последнее, в свою очередь, повлекло череду бытовых неурядиц, в результате которых Фред в итоге покидает семью, хотя и не рвет с ней окончательно и бесповоротно. Большинство размышлений о своей жизни герой помещает в контекст рассуждений о семье, сначала о той, в которой он родился, затем о той, которую он сам создал. Богнер покинул жену и детей, будучи не в силах выносить тесноту их комнаты и ужасных соседей. Бёльль в романе попеременно чередует точку зрения жены и мужа, стремясь тем самым создать полноту картины семейной жизни, не выдержавшей испытания бедностью. Писатель делает попытку глубокого погружения во внутренний мир героя, пытаясь изучить последнего и «изнутри», и «снаружи». Особое значение в связи с этим в романе приобретает образ зеркала, которое позволяет Богнеру взглянуть на себя своими собственными глазами: «<...> зеркало бесчисленное число раз отбросило мою хрупкую, маленькую фигурку, словно шарик в каком-то воображаемом кегельбане <...> Я увидел в зеркале крошечного человечка, который, судорожно приглаживая волосы, теребя себя за штаны, беспомощно откатился назад в окружении пирожных» [3]. Определения «хрупкая», «маленькая», «крошечный человечек», с одной стороны, указывают на сложность взаимоотношений героя с окружающей средой, давленность персонажа последней, с другой – подчеркивают проявление героем слабости духа перед лицом жизненных испытаний, его внутреннюю растерянность.

Фред Богнер осознает, что его падение на «дно жизни» началось гораздо раньше, чем думают окружающие: «Я начал пить еще до войны, но, кажется, теперь об этом успели забыть, и к моему падению окружающие относятся с известной снисходительностью, потому что про меня можно сказать: “Он был на войне”» [3]. Понимает он и свои внутренние противоречия: «<...> что-то все время заставляет меня действовать, совершать поступки, бессмысленность которых я сам сознаю» [3].

Ключевым эпизодом в биографии Закладчика, коренным образом изменившим его судьбу, стал так называемый «случай в полку». В результате своего отказа

участвовать в дуэли по надуманному обвинению он лишился офицерской должности, а также на некоторое время опустился на самую низшую ступень социальной иерархии (в течение 3 лет он вел бродяжнический образ жизни). В разговоре с Кроткой Закладчик дает свою беспристрастную оценку этому периоду своей жизни: «Это было лишь падение воли моей и ума и было вызвано лишь отчаянием моего положения» [6, с. 481]. Однако исповедуясь перед читателем, Закладчик признается, что его память и спустя годы продолжала хранить воспоминания об этом происшествии «мрачное прошлое и навеки испорченная репутация моей чести навеки томили меня каждый час, каждую минуту» [6, с. 488].

Пережитая им тогда обида накладывает впоследствии свой отпечаток на характер его взаимоотношений с будущей женой. Так же, как и беллевский персонаж, герой Достоевского демонстрирует понимание человеческой психологии: «Добрые и кроткие недолго сопротивляются и хоть вовсе не очень открываются, но от разговора увернуться никак не умеют: отвечают скупой, но отвечают, и чем дальше, тем больше, только сами не уставайте, если вам надо» [6, с. 466]. Эти знания во многом становятся определяющими для его последующей тактики поведения. Закладчик последовательно излагает перед читателем историю своего знакомства и женитьбы на Кроткой, отмечая то обстоятельство, что с самого начала между ними возникла своеобразная психологическая борьба. Размышляя о своей женитьбе, Закладчик констатирует: «<...> вводя ее дом, я думал, что ввожу друга, мне же слишком надобен был друг. Но я видел ясно, что друга надо было приготовить, доделать и даже победить» [6, с. 488]. Особенностью взаимоотношений Закладчика и Кроткой является то, что «в стремлении каждого из них идти до конца, в невозможности принять другого и понять его, в желании (неосознанном и – одновременно – осознаваемом) унижить друг друга персонажи строят свои отношения как поединок» [5, с. 388]. Закладчик с самого начала понимает нежелание Кроткой полностью подчиниться ему, он ощущает с каждым днем все более нарастающее внутреннее сопротивление с ее стороны, которое со временем перерастает в настоящий психологический бунт. Герой слишком увлечен выработкой стратегии собственного поведения, он не проявляет необходимой духовной чуткости отношению к своей супруге. Чрезмерная сосредоточенность на себе мешает Закладчику объективно оценивать ситуацию. Неодобрительная реакция Кроткой на поведение ее мужа во время «случая в полку», восприятие ею вследствие этого Закладчика как странного человека не вызывают у него особого беспокойства, а лишь вдохновляют на новые мечтания: «<...> я нарочно отдалил развязку: того, что произошло, было слишком пока довольно для моего спокойствия и заключало слишком много картин и матерьяла для мечтаний моих» [6, с. 489]. В результате он не замечает того коренного перелома в их отношениях, который впоследствии приведет к трагическому концу. Спустя время Закладчик признает: «В том-то и скверность, что я мечтатель: с меня хватило матерьяла,

а об ней я думал, что *подождет*» [6, с. 489]. Нарратор строит иллюзии относительно значимости собственной персоны в жизни Кроткой. Ослепленный гордостью он не проявляет должного внимания к супруге и после ее болезни, убеждая себя: «Нет, лучше выжди и – “и она вдруг сама подойдет к тебе...”» [6, с. 489].

В сознании Закладчика периодически стирается граница между реальностью и воображением: «<...> иногда я как будто нарочно разжигал себя самого и действительно доводил свой ум и дух до того, что как будто впадал на нее в обиду <...> Но ненависть моя никогда не могла созреть и укрепиться в душе моей. Да и сам я чувствовал, что как будто это только игра» [6, с. 489]. Жалость по отношению к Кроткой соседствует в душе Закладчика с удовольствием, получаемым им от созерцания состояния ее униженности и подавленности. Герою нравится осознавать факт социального и материального неравенства, присутствующего в их браке.

По мере понимания персонажем ошибочности подобного поведения в его внутренних монологах возникают упоминания о спящей его ум пелене, которые приобретают впоследствии характер лейтмотивных. Закладчик упрекает себя за отупевшую душу и бесовскую гордость, продемонстрированные им в браке.

Все это позволяет сделать вывод, что эгоцентричность, гордость, склонность к иллюзиям рассказчика относятся к числу основных причин, приведших его брак с Кроткой к трагической развязке.

Ключевыми для раскрытия образа Фреда являются мотивы бедности и нужды. Задавленный бедностью он признается, что люди, с которыми он встречается или общается заранее знают, что он будет просить у них деньги. Просьбу одолжить денег он старается выразить во время не личных встреч, а разговора по телефону, делая это намеренно, с учетом знаний особенностей психологии поведения большинства людей: «Иногда, когда я говорю по телефону, мне удается придать голосу оттенок небрежности и тем самым укрепить свой предмет, ибо не секрет, что действительная нужда, которую можно сразу понять по тону или заметить по лицу человека, закрывает кошельки» [3].

Именно бедностью рефлексирующий персонаж объясняет свое неоднозначное восприятие им собственных детей. Двойственность отношения Фреда к ним проявляется в том, что он, с одной стороны, не мыслит своей жизни без них, с другой – тяготеет к ним, воспринимая их как тяжкое бремя.

Г. Бёльл показывает, как материальная нужда может изменить психологию и характер человека. Фред признается, что его всегда возмущало физическое насилие над людьми, он не мог спокойно реагировать, если в его присутствии били человека. Однако последние несколько месяцев с ним часто случаются приступы агрессии, в том числе и по отношению к собственным детям, своим шумом мешающим ему отдыхать после работы: «Я бил их <...> очень сильно, зная, что совершаю несправедливость по отношению к ним: и сам пугался, чувствуя, как теряю власть над собой» [3].

Страдая от жестокости мира по отношению к себе, Фред вымещает свою злость из-за этого на детях, заставляя их страдать от своей жестокости. Страх перед ужасающим дыханием бедности вызывает у Фреда злобную раздражительность. Герой признается, что бедность делает его больным.

Закладчик же на момент повествования обладает финансовой стабильностью, поэтому для него проблема материальной нужды не актуальна. Кроткая же, напротив, согласилась на неравный брак с Закладчиком из-за сложных жизненных обстоятельств, в которых она оказалась из-за своей бедности. Не выдержав состояния униженности и зависимости, она решает свести счеты с жизнью.

Характерной особенностью образов главных персонажей в обоих произведениях является присущее им ощущение внутреннего кризиса, внутренних противоречий, непонимание того, как правильно вести себя в отношениях с супругой. В повести Ф.М. Достоевского семейный конфликт разрешается трагически, гибелью жены главного героя, в романе Г. Бёлля – примирением и возвращением Фреда в семью. Внутренние монологи Закладчика и Фреда Богнера отличаются разной степенью эмоциональной напряженности, это объясняется тем, что произведения отличаются остротой конфликта между их центральными персонажами.

Персонаж Достоевского рассказывает свою историю постфактум, после того, как его жена совершила самоубийство. Герой Бёлля же переживает события в настоящем времени, совпадающим с моментом повествования, в его истории нет трагической развязки, поэтому монологи Богнера более сдержанны по сравнению с монологами Закладчика.

Закладчик приходит к трагическому осознанию того, что в угоду собственному самолюбию он потерял самого дорогого и любимого ему человека. В повести Достоевского это подчеркивают названия некоторых глав: «Пелена вдруг упала», «Слишком понимаю». Демонстрация собственного превосходства, попытки героя самоутвердиться за счет Кроткой приобретают трагические последствия и приносят Закладчику вместо успокоения отчаяние, страдание и тоску.

Фред также понимает эгоистичность своего поведения по отношению к близким ему людям. Проявленное им малодушие, нежелание преодолевать возникающие перед семьей различного рода трудности доводят их взаимоотношения с Кэтой до «последней черты», за которой может последовать развод. Такой поворот событий заставляет Фреда внести изменения в собственную

систему ценностей и понять важность семьи в своей жизни.

Необходимо отметить, что определение «кроткая» справедливо применимо к женским героиням обоих произведений. Они обе относятся к категории «маленьких людей» и в течение долгого времени смиренно переносят выпавшие на их долю моральные, физические и финансовые испытания. Но, оказавшись в состоянии у «последней черты», каждая из них по-своему начинает бунтовать против неустраивающего ее поведения мужа. Одним из ключевых в раскрытии образов женских героинь в рассматриваемых текстах становится мотив отчаяния. Им обоим оказываются присущи чувства подавленности, беспомощности, внутренней опустошенности. Однако брак Кэты изначально был основан на любви, а не на страдании и стремлении избежать безысходности, как у Кроткой. Любовь и необходимость заботы об общих детях помогают в итоге супружеской чете Богнер обрести взаимопонимание. В повести же Ф.М. Достоевского показан процесс отчуждения персонажей друг от друга, обусловленный их желанием доминировать и сопротивляться вместо того, чтобы искать компромиссы и принимать совместные решения.

На основании всего вышесказанного можно заключить, что в обоих произведениях внутренний монолог является основным средством создания целостных образов центральных персонажей, их развернутых психологических портретов. Оба мужских персонажа испытывают в финале произведений то состояние, которое можно назвать «внутренним прозрением». Внутренние монологи позволяют проследить различные этапы этого состояния.

Посредством ведения внутреннего монолога и Закладчик, и Фред не только излагают свою жизненную философию, исповедуются перед читателем, но и осуществляют анализ и оценку своего поведения, открывают неожиданно для самих себя истинные причины многих своих поступков. Внутренние монологи способствуют самопознанию героев. Подробная рефлексия позволяет им пересмотреть шкалу личной системы ценностей, осознать значимость любви и взаимопонимания в их жизни, задуматься о достоинствах и недостатках своего характера, а также о тех последствиях, к которым могут привести их эгоистическое поведение и пренебрежение близкими людьми. Перечисленные сходства свидетельствуют о рецепции Г. Бёллем в романе «И не сказал ни единого слова» художественного опыта Ф.М. Достоевского в аспекте психологизма.

Библиографический список

1. Акимов Н.В. Роль внутреннего монолога и несобственно-прямой речи в создании образов героев в романе Ф.М. Достоевского «Идиот» // Ученые записки Орловского государственного университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2016. № 3 (72). С. 104–109.
2. Андрианова И.С. Образ стенографа в «фантастическом рассказе» «Кроткая» Ф.М. Достоевского // Проблемы исторической поэтики. 2018. Т. 16. № 1. С. 155–172.
3. Бель Г. И не сказал ни единого слова [Электронный ресурс]. URL: <https://www.litmir.me/br/?b=116078&p=1> (дата обращения: 20.10.2019)
4. Гроссман Л.П. Достоевский-художник // Творчество Ф. М. Достоевского. М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1959. С. 330–416.
5. Денисова А.В. «Страдание тут очевидное...» («Кроткая» Ф.М. Достоевского в контексте «Дневника писателя» за 1876 год) //

Российский гуманитарный журнал. 2014. Т. 3. № 5. С. 388–393.

6. *Достоевский Ф.М.* Кроткая // Достоевский Ф.М. Собрание сочинений в 12 томах. Т.12. М.: Правда, 1982. С. 463–501.
7. *Есин А.Б.* Внутренний монолог // Литературная энциклопедия терминов и понятий. М.: НИП «Интелвак», 2001. 1600 стб.
8. *Есин А.Б.* Психологизм русской классической литературы. М.: ФЛИНТА, 2017. 176 с.
9. *Леман Ю.* Русская литература в Германии. Восприятие русской литературы в художественном творчестве и литературной критике немецкоязычных писателей с XVIII века до настоящего времени. М.: Издательский Дом ЯСК, 2018. 480 с.

References

1. *Akimova N.V.* The role of the internal monologue and improperly direct speech in creating the images of the heroes in the novel by F.M. Dostoevsky's "The Idiot" // Scientific notes of Orel State University. Series: Humanities and Social Sciences. 2016. No. 3 (72). Pp. 104–109.
 2. *Andrianova I.S.* The image of the stenographer in the "fantastic short story" "A Gentle Creature" by F.M. Dostoevsky // Problems of historical poetics. 2018. V. 16. No. 1. Pp. 155–172.
 3. *Böll H.* And never said a word [Electronic resource]. URL: <https://www.litmir.me/br/?b=116078&p=1> (Accessed: 10/20/2019)
 4. *Grossman L.P.* Dostoevsky-artist // The works of F. M. Dostoevsky. M.: Izd-vo Acad. nauk SSSR, 1959. Pp. 330–416.
 5. *Denisova A.V.* "The suffering here is obvious ..." ("A Gentle Creature" by F. M. Dostoevsky in the context of "The Diary of the Writer" for 1876) // Russian Humanitarian Journal. 2014. V. 3. No. 5. Pp. 388–393.
 6. *Dostoevsky F.M.* A Gentle Creature // Dostoevsky F.M. Collected Works: In 12 V. M.: Pravda, 1982. V.12. Pp. 463–501.
 7. *Esin A.B.* An internal monologue // Literary encyclopedia of terms and notions. M.: NPK "Intelvak", 2001. 1600 p.
 8. *Esin A.B.* The psychologism of Russian classical literature. M.: FLINTA, 2017. 176 p.
 9. *Leman Yu.* The Russian literature in Germany. The perception of Russian literature in the works and literary criticism of German-speaking writers from the 18th century to the present. M.: Izdatelsky Dom YASK, 2018. 480 p.
-
-

УДК 82. 095(470.323) "1900/1910 "

UDC 82. 095(470.323) "1900/1910"

МИХАЙЛОВА И.П.

кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка и общеобразовательных дисциплин для иностранных граждан, Юго-Западный государственный университет
E-mail: mihailovairin@mail.ru

MIKHAILOVA I.P.

Candidate of Philological Sciences, Associate Professor of the Department of Russian Language and General Education Disciplines for Foreign Citizens, South-West State University
E-mail: mihailovairin@mail.ru

КРЕСТЬЯНСКИЙ МИР В ТВОРЧЕСТВЕ ЛЕОНТИЯ ЧЕМИСОВА

THE PEASANT WORLD IN LEONTY CHEMISOV'S CREATIVITY

Статья посвящена курскому писателю Леонтию Гавриловичу Чемисову. В ней рассматриваются особенности крестьянского мира в художественной системе творчества Чемисова. Актуальность данного исследования обусловлена тем, что наследие писателя в обозначенном аспекте еще не становилось предметом отдельного изучения. В статье впервые вводятся в научный оборот тексты произведений Чемисова 10-х годов XX века. В ходе работы выявлено, что для Чемисова свойственен реалистический стиль письма, для которого характерно использование конкретных деталей в изображении жизненных ситуаций, повседневного деревенского уклада.

Ключевые слова: Леонтий Чемисов, личность писателя, реалистический стиль, русский крестьянин.

This article is devoted to the Kursk writer Leontiou Gavrilovich Chemisov. It discusses the features of the peasant world in the Chemisov. The relevance of this study is due to the fact that the writer's work in this aspect has not yet become the subject of a separate study. For the first time introduced into scientific circulation the text of Chemisov 10-ies of XX century. In the course of the work it was revealed that Chemisov is characterized by a realistic style of writing, which is characterized by the use of specific details in the reflection of life situations, in the image of everyday village way of life.

Keywords: Leonty Chemisov, the identity of the writer, realistic style, russian peasant.

История развития региональной литературы, являющаяся неотъемлемой частью отечественной литературы, органично вписывается в литературный процесс. Она имеет в своем активе достаточно обширную библиографию, время от времени пополняемую вновь открываемыми именами писателей, которые по тем или иным причинам оказались неизвестны широкой читательской аудитории и научной общественности. Несомненно назрела необходимость пристального прочтения и осмысления наследия региональных авторов, которые, по словам С.П. Гудковой, «не претендуя на общероссийский масштаб, опосредованно внесли свой вклад в российскую словесность» [2, с. 163].

В числе писателей, заслуживающих внимания, не без оснований можно назвать Леонтия Гавриловича Чемисова (1856 – 1939) – курского поэта, прозаика, публициста (псевдонимы: Захолустный; Игла; Коготь; Л. Ч.; Печальный; Тембр; Хмурый; Ч.; Ч - ми-с-в, Л.).

Данная статья посвящена рассмотрению особенностей крестьянского мира в художественной системе творчества Чемисова. Необходимо отметить, что в статье впервые вводятся в научный оборот тексты произведений писателя, вышедшие в свет в 10-е годы XX века, и в связи с тем, что они малоизвестны, используется подробное их цитирование.

Литературный путь Чемисова связан с Курским краем. Писательский дебют состоялся в газете «Свет»

от 15 июня 1883 года, где было напечатано стихотворение «Минувших дней очарование», позже Чемисов активно сотрудничал с газетами, издававшимися в Курской губернии: «Курянин», «Курские губернские ведомости», «Курский листок», а также публиковался в столичных газетах и журналах: «Родина», «Родная нива», «Иллюстрированный мир», «Новой Столичной газете», «Северное утро» и других. Чемисов был плодотворным автором, его творческая деятельность представлена весьма разносторонне: рассказы, стихи, басни, эпиграммы, очерки. В Петербурге вышли в свет книги писателя: «Искорки: Стихотворения» (СПб., 1901), «Рассказы, очерки и стихотворения» (СПб., 1901), «Юмористические очерки и стихотворения» (СПб., 1904), водеvil «По предсказанию» (СПб., 1904). Чемисов вошел в авторский коллектив сборников «Проблески» (Курск, 1904), «Отражения» (Курск, 1904), издателем и редактором которых был И.Д. Стрельский. В эти скромные собрания сочинений, изданные по примеру сборника московских «суриковцев» «Рассвет», были включены тексты преимущественно начинающих курских авторов из народной среды. Произведения Чемисова (рассказ «Не вернулся», стихи «Утешение», «Желание», «В пасхальное утро» и др.), к тому времени уже опытного литератора, отличаясь художественным мастерством, вписывались в обозначенную парадиг-

му издания. После революции 1917 года Чемисов печатался менее активно: его стихи появлялись в газете «Курская правда» и других местных изданиях.

Как отмечал Чемисов, почти за полувековой период литературного творчества им было написано около 300 стихотворений и свыше 70 рассказов и очерков. К сожалению, сборники произведений писателя, а также его публикации, размещенные в различных журналах и газетах, в дальнейшем не переиздавались. Они ждут своего времени для републикации, им ещё предстоит стать известными современному читателю и найти ценностное отражение в литературоведении. Понятно, что творческое наследие основательно забытого литератора не удостоилось полновесных исследований и не становилось предметом изучения, если не считать отдельных упоминаний о нем в книге «Современные рабоче-крестьянские поэты в образцах и автобиографиях с портретами», составителем которой был П.Я. Заволокин», а также в литературно-краеведческих очерках И.З. Баскевича «Курские вечера».

Приход в литературу в начале XX столетия одаренных литераторов из народной среды, «низовой России» (В.А. Чалмаев) – явление неординарное во всех отношениях. Пришедшие с Алтая (Г.Д. Гребенщиков) и Олонецкой губернии (Н.А. Ключев), из Архангельской (А.П. Чапыгин), Тамбовской (А.С. Новиков-Прибой) и Тверской губерний (С.Д. Дрожжин, С.А. Клычков, В.Я. Шишков), они привнесли в литературу неповторимый колорит своей малой родины, «утвердили <...> особый облик этих мест и краёв, цвета и запахи их лесов и полей, их вёсны и зимы, жары и метели, отголоски их исторических судеб, отзвуки их песен, своеобразную прелесть иного местного словечка, звучащего отнюдь не в разладе с законами единого великого языка» [7, с. 37]. И если нельзя не согласиться со справедливым утверждением М.В. Строганова, что «народная поэзия представляла собой периферию литературного процесса вне зависимости от художественной и общественной ценности созданий того или иного поэта» [6, с. 21], то нельзя и не отметить, что именно региональные литераторы смогли осветить такие локальные аспекты жизни, которые выпали из поля зрения столичных писателей. «Периферийным» автором, сумевшим найти свой стиль для мироизображения, был и Чемисов. Надо сказать, что, с одной стороны, художественные искания Чемисова находились под влиянием традиций И.С.Никитина, А.В. Кольцова, Н.А. Некрасова, Г.И. Успенского, а также крестьянских писателей-самоучек – И.З. Сурикова, С.Я. Дерунова, А.Е. Разоренова, М.А. Козырева, в творчестве которых темы русской деревни и положение народа занимали исключительно важное место. С другой стороны, они были связаны теснейшими узами со ставшим для него родным Курским краем, испокон веков славившимся и своими знаменитыми соловьями, и заливыми лугами, изрезанными многочисленными речушками, и богатыми черноземами, и, конечно же, с народом-тружеником, работавшим на необозримых просторах среднерусской равнины, жившим заботами о землематушке, о «скотинушке-кормилице», о посевах и урожаях.

Поэтому вполне закономерно, что с наибольшей полнотой присущий писателю дар раскрылся в произведениях, посвященных именно крестьянской теме, в фокусе его внимания на протяжении всего жизненного и творческого пути всегда находилась судьба крестьянина, зависимая от настоящего и будущего русской деревни.

Для Чемисова был свойственен реалистический стиль письма, одной из особенностей которого являлось использование конкретных деталей в отражении жизненных ситуаций, в изображении повседневного деревенского уклада. В качестве иллюстраций подойдут многие произведения писателя. Так, в рассказе «Не вернулся» автор обращает внимание на условия жизни деревни Тумановки, которую «поздней осенью непрерывные дожди превратили в невылазное болото» [10, с. 8]; или на отдельные подробности в описании избы бедняка с отвратительным ликом нужды в стихотворении «В деревенской избе»:

«Мокрого снега в тусклые окна
Слышен порывистый стук.
Пыльные бросив свои там волокна,
К низу спустился паук.
Свет разливая слабый, лампада
Красною точкой дрожит.
В ящике грязном в виде кровати
Крошка больная лежит.
Охая кашлял рядом со свечкой,
Спит на полу старичок
Пилит назойливо, прячась за печкой,
Звонкую песню сверчок.
Бедная утварь, дырявые свитки
Старый негодный комут:
Всё здесь богатство, все и пожитки
В этом имуществе тут» [9, с. 2].

Создаваемые писателем зарисовки, содержащие правдивые штрихи, приобретают характер типических обобщений, отражая в комплексе бытие деревни рассматриваемого периода. Они с фактической достоверностью дают информацию, подтверждение которой можно найти в архивных источниках. Например, в «Материалах по крестьянскому и частному землевладению в Курской губернии» приводятся сведения о том, что в начале XX века Курская губерния была аграрной, основное занятие населения было земледелие: «из 369 267 крестьянских дворов 329 464 были заняты сельским хозяйством» [4].

Не случайно главным героем произведений Чемисова предстает крестьянин-землепашец, смысл жизни которого всецело связан с работой на земле, зависит от того, какой урожай даст ему «кормилица надежная». В стихотворении «Нива» автор передает чувство безмерной радости, которое испытывает «пахарь, забыв время трудное» работ полевых, когда видит, как «золотую на просторе – нива стелется стеной»:

«Нива тучная, безбрежная
На тебя гляжу с отрадою
Ты кормилица надежная, –
Возвратишь труды с наградою» [8, с. 102].

Как показывает анализ текста, рассеянные по прозаическим и поэтическим произведениям писателя детали и факты позволяют воссоздать реальную картину условий жизни крестьян Курской губернии начала XX века. Таким образом, быт в произведениях Чемисова как объемное понятие, включающее в себя и досуг крестьян, и ежедневные их занятия, и традиции, и верования, отразившиеся в преданиях, является важнейшим показателем региональной идентичности.

Вместе с тем, Чемисов не оставался на позициях бытописателя. В центре его внимания напряженная жизнь людей из народа: «трудящийся мужик», со своей неотступной «думой горькой», крестьянка с «тоской беспощадной», которой приходится «целый век горевать, тужить», деревенские «бедные, жалкие дети», рано познавшие тяготы жизни, «пахарь-кормилец», который, умирая, благословляет старшего сына и дает ему наказ:

«Будь же ты хозяин,
Мой сынок родной...

.....
Чаще и усердней
Ты молись Творцу;
Приходи порою
Навестить к отцу...
Обо мне ты много,
Друг мой, не тужи;
Слушай мать родную,
Честью дорожи!» [8, с. 93].

Через призму повседневности автором открываются характер крестьянина во всех его проявлениях, а также «основы народной жизни и народного сознания <...>, познается целостность картины крестьянского миропорядка <...> и его собственная к нему причастность» [5, с. 45]. Присутствие факта, быта определяли манеру письма Чемисова, что являлось отражением новых художественных веяний, возникших в русской литературе в конце XIX начале XX века. Испытывая непреходящий интерес к судьбе деревенских жителей, пропуская через своё сердце их беды и слезы, радости и утечи, Чемисов сочувствовал их трудной доле. В произведениях писателя, с одной стороны, крестьянин предстал тружеником, с другой – мучеником, чья горькая жизнь им оплакивалась. Конечно, тема страдания народа («тема старая страдания народа») не нова для русской литературы, обращение к народной жизни было одной из важнейших составляющих литературного процесса на протяжении всего XIX столетия, но впервые голос заступничества за «униженных и оскорбленных» настойчиво и убедительно звучал из курской глубинки.

Состраданием наполнены строки стихов и прозы Чемисова, посвященные русской женщине из народа, он с болью писал о том, что она от тяжелого труда «рано утратила силы», что ее гнетут беспросветная бедность и нужда, приходится переносить неслыханные муки, которых с избытком хватило бы не на одного человека. Это могли быть и потеря мужа-кормильца, и смерть детей, и подчас сложные взаимоотношения с родственниками, которые складывались в мужниной семье:

«Знаю от тяжелой работы
Грудь ты свою надломила;
Хлеб добывая, трудилась,
Нас, сиротинок, кормила.
Горек был хлеб тот порою
Весь он облит был слезами;
Много и скорби и горя
Ты приняла с сиротами» [10, с. 242].

Чемисов открывает мир душевных переживаний своих героев, который проникнут духом трагической безысходности. Одна зарисовка сменяется другой. Испытывает «глубоко-горестное чувство» Никанор Бесталанный, «крестьянин с бледно-печальным лицом» (автор часто использует этот эпитет, характеризуя своих героев), который не смог защитить ни себя, ни семью от хитрого прасола-купца Якова Егоровича Оплетнева, «достаточно разбогатевшего за счет крестьянских карманов» и теперь нещадно обирающего односельчан. Он, по просьбе Никанора, дает ему денег на похороны жены, а в итоге за свое «благоденствие» забирает у него за бесценок корову: «Безжалостный этот паук отлично знал, что несчастная муха, в лице Никанора Бесталанного, не минет его сетей и не хотел дешево помириться с своей жертвой <...> которая волей-неволей решалась согласиться на бесчеловечные условия бесчувственного кулака» [10, с. 123]. Страдает «старичок из деревни Ободрановки», сына которого за воровство отправили в тюрьму. Он и жалеет своего Митюшу, единственного, любимого, и одновременно осуждает за то, что, «у сынка ветер свищет в пустой башке и путного из него ничего не выйдет» [10, с. 97]. Не видит выхода из жизненного тупика и гибнет «славная, скромная Малаша, с печально-виновным лицом» Двоюродная тетка, отобрав у нее последние деньги, «безжалостно, немилосердно, – буквально вытолкала слабую полубольную на улицу, выкинув ей вслед несколько грязных лоскутьев» [10, с. 63]. Малаша, недавно «родившая сына, не думавшая с ним расстаться», принимает страшное решение: уйти из жизни, оставив ребенка на крыльце богатого дома. Остаются без кормильца жена и дети Никифора Горевалова, «бедного, хилого здоровьем, хотя еще и не старого мужичка <...> обремененного многочисленной семьей и беспощадною нуждою» [10, с. 13]. Никифор, отправившись на заработки, умирает от горячки. Жене приходится хоронить его на деньги, вырученные от продажи единственной лошади.

В то же время Чемисов не идеализировал крестьян. Были среди них не только страдальцы и праведники, но и те, кто был способен на обман, на безответственные шаги, кто стремился к легкой жизни и не желал трудиться, кто шел на преступление. Писатель не обелял неблагоприятные поступки крестьян, не оправдывал их пьянства ни грубой средой, ни тяжелыми жизненными обстоятельствами. Так, герои в стихотворении «На постоялом дворе», в рассказе «Кабак-разоритель» вызывают осуждение автора, потому что «полюбили уж больно сивуху» и тем самым принесли горе в свои семьи. С чувством омерзения писатель повествует о встрече в этап-

ном доме с преступником-убийцей Иваном Проломовым («Преступник»), «долго наводившим панику на два уезда <...> безжалостные руки которого пролили много человеческой крови» [10, с. 69] Автор, пытаясь понять психологию «головореза», «дикую логику» преступлений, не находит ответа на мучившие его вопросы: «ведь этот нравственный урод тоже человек, но какой человек? Мне страшно стало; безотрадная и безотчетная грусть сжимала сердце» [10, с. 73].

Смежной темой в творчестве Чемисова была тема детства. Персонажами многих его произведений стали дети и подростки из бедняцких семей. Трагизмом проникнуты сюжетные картины, повествующие об их безрадостном существовании, о том, что рано на них легло «забот житейских горьких бремя». Например, в стихотворении «Шарманщик» автор с позиции стороннего, но не безразличного наблюдателя рассказывает об унижении детей шарманщика, которые под «жалкие звуки» стонущей шарманки, под хохот и шутки развлекают зрителей и прохожих, «прыгают, кружатся, пляшут»:

«Худы их бледные лица,
Ласки им нет и приюта;
Бедный ребенок – «певица» –
В жалких лохмотьях, разута...
Ночью шарманщик напьется,
Все позабудет на свете;
Есть им не даст, подерется:
Бедные, жалкие дети» [8, с. 5].

Но «среди жизни тягостной и серой» настоящего автор заметил чуть забрезживший свет завтрашнего дня. Эти «проблески» он связал со стремлением деревенских ребятишек «грамоту учить» («В школу»), что само по себе уже свидетельствовало о пробуждении сознания в народной среде, и, по мысли автора, должно привести к улучшению бытия.

Стоит сказать, что крестьянский мир в творчестве Чемисова – это не замкнутое пространство, наполненное только страданием, это мир, где человек органично связан с природой, опирается «на коренные устои русской жизни, ее обычаи, традиции, веками выстраданные нравственные ценности» [3, с.168]. Писателя привлекают невероятная устойчивость духа и неприязнательность, трудолюбие и физическая выносливость

человека, живущего на земле:

«Неболтлив – молчалив,
Часто скучен, угрюм;
Но не робок в беде
Его сметливый ум.
С аппетитом жует
Черствый хлеб лишь с водой;
И доволен и сыт
Этой скромной едой.
Он незлобен в душе,
Ласков, добр, как дитя;
Страшный холод и зной –
Переносит шутя» [8, с. 106].

Чемисов убежден в том, что крестьяне достойны лучшей доли. Ему, как представителю народного миропонимания, в котором сочетались демократический и православный компоненты, чужды были революционные настроения. Он полагал, что изменения в жизни должны произойти сами собой, без участия в том самих крестьян. Поэтому, прежде всего, призывал русского человека к терпению: «вооружись щитом терпенья», «потерпи... – все душевные боли, как и счастье и радость, – не вечны»; главное, чтобы «было б силы побольше и веры»:

«Душе, уставшей в тяжких битвах,
Среди житейских частых бед,
Есть утешение в молитвах,
Как есть от тьмы отрадный свет» [8, с. 68].

Итак, проведенное исследование показывает, что наследие Леонтия Чемисова, несущее отпечаток незаурядной личности автора и передающее ощущение времени, заслуживает пристального внимания. Творчество Чемисова, характеризующееся крестьянской направленностью, оказалось своеобразным зеркалом того, что происходило в русской деревне в начале XX века. И хотя не все произведения писателя отличались высоким художественным уровнем, можно утверждать, что его проза и поэзия вошли в число тех творений, успех которых, пусть и негромкий, «был обусловлен точным ответом их авторов на духовные и эстетические запросы определенных социокультурных слоев читательской аудитории» [1, с. 584] и желанием наиболее объективно воспроизвести реальную действительность.

Библиографический список

1. Грачёва А.М. Русская беллетристика 1900-1910-х гг.: идеи и жанровые формы / Поэтика русской литературы конца XIX – начала XX века. Динамика жанра. Общие проблемы. Проза. М.: ИМЛИ РАН, 2009. С. 543–587.
2. Гудкова С.П. Изучение региональных аспектов развития современной русской литературы как специальная проблема // Русское литературоведение на современном этапе. Материалы VI Международной конференции в 2-т. Том 1. М.: РИЦ МГТУ им. М.А. Шолохова, 2007. С.162–165.
3. Коковина Н.З. Категория памяти в русской литературе XIX века. Курск: Изд-во Курск. гос. ун-та, 2003. 235 с.
4. Материалы по крестьянскому и частному землевладению в Курской губернии. Курск, 1908–1909.
5. Михайлова И.П. «Своеобразие черт народной души» в творчестве Пимена Карпова. // Известия Юго-западного государственного университета. Серия: Лингвистика и педагогика, 2016. № 4. С. 41–47.
6. Строганов М.В. Литературное краеведение. Тверь: Твер. гос. университет, 2009. 196 с.
7. Твардовский А.Т. Статьи и заметки о литературе. М., 1961. С. 37–38.
8. Чемисов Л.Г. Искорки. Стихотворения. Спб.: Товарищество художественной печати, 1901. 160 с.
9. Чемисов Л.Г. В деревенской избе / Курский листок. 1901. № 52. С. 2.
10. Чемисов Л.Г. Рассказы, очерки и стихотворения. Спб.: Товарищество художественной печати, 1901. 254 с.

References

1. *Grachyova A.M.* Russkaya belletristika 1900-1910-x gg.: idei i zhanrovye formy / Poe'tika russkoj literatury` koncza XIX–nachala XX veka. Dinamika zhanra. Obshhie problemy`. Proza. M.: IMLI RAN, 2009. Pp. 543–587.
 2. *Gudkova S.P.* Izuchenie regional'ny'x aspektov razvitiya sovremennoj russkoj literatury` kak special'naya problema // Russkoe literaturovedenie na sovremennom e'tape. Materialy` VI Mezhdunarodnoj konferencii v 2-t. Tom 1. M.: RICz MGGU im. M.A. Sholoxova, 2007. Pp. 162–165.
 3. *Kokovina N.Z.* Kategoriya pamyati v russkoj literature XIX veka. Kursk: Izd-vo Kursk. gos. un-ta, 2003. 235 p.
 4. Materialy` po krest'yanskomu i chastnomu zemlevladieniyu v Kurskoj gubernii. Kursk, 1908–1909.
 5. *Mikhailova I.P.* «Svoeobrazie chert narodnoj dushi» v tvorchestve Pimena Karpova. // Izvestiya Yugo-zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Lingvistika i pedagogika, 2016. № 4. Pp.41–47.
 6. *Stroganov M.V.* Literaturnoe kraevedenie. Tver': Tver. gos. universitet, 2009. 196 p.
 7. *Tvardovskij A.T.* Stat'i i zametki o literature. M., 1961. Pp. 37–38.
 8. Materialy` po krest'yanskomu i chastnomu zemlevladieniyu v Kurskoj gubernii. Kursk, 1908 – 1909.
 9. *Chemisov L.G.* Iskorki. Stixotvoreniya. Spb.: Tovarišhestvo xudozhestvennoj pečati, 1901. 160 p.
 10. *Chemisov L.G.* Rasskazy`, ocherki i stixotvoreniya. Spb.: Tovarišhestvo xudozhestvennoj pečati, 1901. 254 p.
-

УДК 821.161.1ШОЛОХОВ7ТИХИЙ ДОН030=222.1

UDC 821.161.1ШОЛОХОВ7ТИХИЙ ДОН030=222.1

ПАРВАНЕ ПУЛАКИ

аспирантка. Каф. Истории новейшей русской литературы и современного литературного процесса, филологический факультет, МГУ им. Ломоносова, г. Москва
E-mail: parvanehpoulaki33@gmail.com

PARVANEH POULAKI

Graduate Student at Department of History of Russian Literature of the XX-XXI Centuries, Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University,
E-mail: parvanehpoulaki33@gmail.com

СУДЬБА РОМАНА М. А. ШОЛОХОВА «ТИХИЙ ДОН» В ИРАНЕ

THE FATE OF THE NOVEL "AND QUIET FLOWS THE DON" BY M. A. SHOLOKHOVIN IRAN

В статье подробно анализируется история рецепции великого русского романа в ираноязычном литературном сообществе с учётом сложного исторического и общественно-политического контекста, что является малоизученным вопросом в современной русистике и определяет новизну данной работы. Автор статьи поднимает вопрос о значимости романа Шолохова, а также русского реализма в целом для становления персидской «ответственной литературы» и распространения коммунизма усилиями иранской интеллигенции и политической партии «Тудэ».

Рассматривается история и предыстория публикации первого перевода на фарси, сделанного в 1965 году Бех-Азином в условиях острой политической борьбы 1960-х годов; проводится параллель между рецепцией «Тихого Дона» в Иране и положением левоцентристских идей в иранском обществе.

Кроме того, анализируется критика, высказанная в адрес Бех-Азина автором будущего новаторского перевода «Тихого Дона» А. Шамлу, который объявил о долге писателя не только перед обществом, но и перед самим языком. Используя переводческую стратегию доместикизации, Шамлу на основе перевода русского романа смог создать шедевр персидской литературы, в котором запечатлено богатство персидского простонародного языка. В статье подчёркивается значимость противостояния этих двух переводов для иранского литературного сообщества.

Отдельно говорится о влиянии «Тихого Дона» на современную иранскую литературу, в частности на роман «Келидар» М. Дулатабади и роман «Нулевая параллель» А. Махмуда.

Методологической основой работы является литературно-исторический метод в его связи с культурно-историческим и биографическим методами, широко используется сравнительный анализ. В качестве теоретической базы выступают не переведённые на русский язык фундаментальные разработки ираноязычных исследователей в области истории литературы, сравнительного литературоведения и переводоведения.

Результаты исследования могут быть полезны историкам литературы, востоковедам и шолоховедом и использованы для дальнейшего анализа переводов «Тихого Дона» на фарси.

Ключевые слова: Переводы, «Тихий Дон» М. А. Шолохова, персидский язык, фарси, Иран, современная иранская литература.

The article is dedicated to exploring the fate of the novel by M. A. Sholokhov "And Quiet Flows the Don" (literally "The Quiet Don") in Iran. We analyse the history of interpretation of the great Russian novel in Irani speaking literary community considering the complex historical and socio-political context which is a uncommonly studied topic in modern Russian studies, and therefore, this is the principle novelty of our research. We discuss the importance of "The Quiet Don" and Russian realism in general for the establishment of Persian so-called "responsible literature" and communism's spread by Iranian intelligency and The Tudeh Party of Iran.

We review the history of the first published translation of this novel to Farsi made in 1965 by Behazin while confronting the regime of Shah in the 1960s; we draw a parallel between the interpretation of the Russian novel in Iran and the position of left-centrist ideas in the Iranian society.

Apart from that, we review the critical works by the famous translator of "The Quiet Don" by A. Shamlu dedicated to it, who proclaimed the writer's duty to the language itself. Using the translation strategy of domestication, Shamlu, on the basis of Russian roman, created a masterpiece of Persian literature that reflects the richness of the vulgar Farsi. It is important for us to compare these two translations because of their controversy in the Irani speaking community. Also in this article we talk about the influence of "The Quiet Don" on the modern Irani literature including "Kelidar" by M. Dovlatbadi and "The Null Parallel" by A. Mahmud.

The literary-historical approach (and also biographical criticism) serves as the methodological framework of the research, also the comparative analysis is widely used in the article. The crucial Persian researches on the history of literature, comparative literature studies and translation studies which have not yet been translated into Russian language, are used as the theoretical basis of this article.

The research results may be useful to literary critics, orientlists and specialists in Sholokhov studies; they can be used to further analysis of the translations of "The Quiet Don" into Persian.

Keywords: translations, “*And Quiet Flows the Don*” by M. A. Sholokhov, Persian language, Iran, Iranian modern literature.

Введение. История рецепции романа М. А. Шолохова «Тихий Дон» в Иране представляет значительный интерес для современного литературоведения и включает в себя непростую историю перевода «Тихого Дона» на фарси. Законченный в 1940 году, «Тихий Дон» в переводе на персидский начинает публиковаться в Иране только с 1965 года. С тех пор в Иране было издано четыре перевода русского романа, причём большая часть персидского текста «Тихого Дона» представляет собой опосредованный перевод. Речь идёт о первом переводе с французского, выполненном М. Этемад-Заде¹ (Бех-Азином) в 1965 г., о переводе А. Бигдели-Хамсе² 1989 года с английского, о наиболее выдающемся переводе А. Шамлу 1990-х гг., законченном в 2003 году после семи лет упорной работы, а также о последнем на данный момент переводе 2012 года, сделанном Э. Гахрамани-Пур³ на основании английского перевода Гарри Стивенса.

Методология и методы исследования. Методологической основой работы является литературно-исторический метод в его связи с культурно-историческим и биографическим методами, широко используется сравнительный анализ. В качестве теоретической базы выступают не переведённые на русский язык фундаментальные разработки ираноязычных исследователей в области истории литературы, сравнительного литературоведения и переводоведения.

Роман «Тихий Дон» входит в число литературных произведений, которые из-за культурной политики литературного сообщества Ирана были переведены на фарси с большим опозданием, а именно в 1960-е гг., причём с других языков. Впрочем, иранский читатель впервые познакомился с Шолоховым задолго до этого, в 1940-е гг., наряду с другими русскими писателями, которые были представлены иранскому литературному сообществу, благодаря стараниям партии «Тудэ»⁴, имевшей значительное влияние не только в политическом пространстве, но и в области культуры и особенно в области литературы и издания литературных произведений. Эта партия собрала большое число интеллигенции и деятелей литературы вокруг таких изданий, как *مايه نو* [maïe no] (Новое послание), которые занялись переводом произведений русской литературы и теоретического дискурса с точки зрения русского коммунизма. Кроме того, они надеялись с помощью перевода русских литературных произведений идеологически определить «законный стиль культурного производства» с точки зрения русского реализма [9, с. 4-5].

Интеллигенция, интеллектуально поддерживающая этот журнал, будучи социально ответственной, имела убеждение, что «литература должна быть на службе общества и его развития» [2, с. 11]. Такой процесс пропаганды в представлении русской литературы имел место в литературном сообществе Ирана в течение 12 лет

(1941–1953 гг.) и привел к «определению ответственной литературы с точки зрения русского реализма» [9, с. 4].

В этой среде такие люди, как Сайях, увлечённые распространением русского реализма, предоставляли вниманию читателя статьи о соцреалистических писателях – такой была статья о Шолохове 1946 г. По словам Сайях, «дорога, избранная М. Горьким и пройденная всеми советскими писателями, была избрана и продолжена Шолоховым самым лучшим образом. Этот путь представляет собой реализацию принципов демократии как среди читателей, так и в определении и описании героев» [12, с. 66].

К сожалению, в то время, когда в Иране были переведены основные произведения так называемых левоцентристских писателей из разных стран (Н.Г. Чернышевского, А.Н. Островского, М. Горького; Дж. Лондона; Анатоля Франса, Анри Барбюса и т.д.), главное произведение Шолохова переведено не было. Единственное, что было сделано, так это прямой перевод с русского на фарси части «Поднятой целины», выполненный К. Кешаварзи и опубликованный в том же номере *مايه نو* [maïe no] (Новое послание), где была публикация статьи Сайях.

Процесс пропаганды соцреализма прервался из-за переворота 1953 г., а после роспуска партии «Тудэ» власть приступила к «масштабной очистке страны от русских произведений искусства» [10, с. 21], так что иранская интеллигенция, идейно близкая Сайях, ушла в затворничество. Действие цензуры и контроль в области социальной и культурной сфер создали атмосферу безнадежности и пассивности, так что в литературном сообществе уже не было востребовано предписание писателю социальной миссии.

После государственного переворота 1953 года и жестокого притеснения партии «Тудэ» спецслужба САВАК⁵ лично контролировала значительную часть крупных издательств страны. Советская литература, обвиняемая в коммунистической пропаганде, была под особо пристальным контролем САВАК, а наличие и издание подобных книг было строго запрещено. По словам К. Деланова, «наличие книги М. Горького „Мать“ для владельца могло стоить 7 лет тюрьмы. В 1975 году члены одной театральной труппы из-за постановки пьесы М. Горького „На дне“ были приговорены к лишению свободы сроком от 2 до 11 лет» [5, с. 139].

В 1960 г., после того как «Судьба человека» Шолохова была переведена на фарси З. Форушани, членом совместной для Ирана и СССР культурной организации, в Иране опять вспомнили о романе «Тихий Дон». Переводчик во введении к своей работе обращает внимание читателя на то, что на самом деле главный литературный шедевр Шолохова – это роман «Тихий Дон», который посвящён Первой мировой войне, Великой Октябрьской революции и Гражданской войне в России. Здесь он ставит Шолохова в ряд великих писателей на-

ряду с Толстым, Достоевским и Горьким [14, с. 4-5].

Но и такое представление не стало мотивацией для перевода «Тихого Дона» на фарси. Только после того как в 1965 г. Нобелевская премия была присуждена этому произведению и его автору, о чем сообщили иранские газеты, такие как *تاعالط* [etelaat] (Эттелаат)⁶, обнаружилась потребность в переводе этого произведения, уже переведённого на разные языки мира.

Результаты исследования и их обсуждение. Многие в Иране также соотносят перевод романа «Тихий Дон» с возрождением левоцентристских тенденций. Как отмечает М. Бахарлу, «на „Тихий Дон“ в Иране было обращено внимание в связи с устремлениями партии „Тудэ“ и наличием актуальной потребности в примере к подражанию... Не только у левоцентристов Ирана, но и у левоцентристов мирового сообщества была потребность в переводе романа с целью литературной борьбы с так называемой „империалистической литературой“ и для демонстрации потенциала левоцентристского писателя» [3, с. 14].

Не случайно в качестве переводчика был выбран Бех-Азин – видный представитель партии «Тудэ». По словам Б. Хоррамшахи: «Шолохов написал это произведение с социалистическим и общественным, если не сказать коммунистическим, настроем и Бех-Азин именно с этим же настроем перевёл его» [8, с. 195].

Воспоминание издателя «Тихого Дона» Дж. Мансура красноречиво говорит о том, насколько трудным делом оказалось издание произведения в подобном общественно-политическом контексте. Изначально планировалось опубликовать роман Шолохова в переводе Бех-Азина в издательстве *ریبکری* [amirkabir] (Амир-Кабир), однако это издательство отказалось от публикации. Отношения между Ираном и СССР в то время были неясными и наладились только в результате событий, связанных со сталелитейным заводом. Благодаря удачному моменту, за короткое время удалось напечатать и сверстать четыре тома романа. Узнав об этом, представители САВАК тут же изъяли книгу у заведующего публикацией, однако изъять весь тираж они уже не могли. Благодаря помощи З. Фрушани, работавшего в Культурном обществе Ирана и СССР, и генерала Джаханбани, главы организации, новость о задержании дошла до самого шаха. Тот ответил, что читал книгу во французском переводе и не увидел в ней ничего опасного, затем «шах дал указание направить в САВАК письмо и снять запрет на книгу. Таким образом „Тихий Дон“ получил свободу» [6, с. 181].

Таким образом, Бех-Азин, будучи известным переводчиком и писателем, а также отлично владея французским языком и обладая особым мастерством, окончил работу над переводом этого романа мирового значения. Во время одного из выступлений в Союзе писателей, которое было посвящено шестидесятилетию со дня рождения Шолохова и проведено в июле 1956 года, Бех-Азин представил писателя и его произведения публике, сравнив «Тихий Дон» с «Войной и миром» Л. Толстого и легендарным персидским эпосом «Шахнаме», создан-

ным Фирдоуси, и сообщил слушателям, что он перевёл «Тихий Дон», но, к сожалению, его перевод не удостоился быть изданным, и выразил надежду на то, что это вскоре произойдёт.

Когда «Тихий Дон» в переводе Бех-Азина в 1965 г. впервые поступил на прилавки книжных магазинов Ирана, он сразу же занял свою нишу. Популярность романа среди иранских читателей объясняется в первую очередь социально-политической обстановкой тех лет.

1960-е гг. в истории политической борьбы иранского народа – это один из важнейших исторических периодов. В начале 1960-х гг. последствия экономического кризиса дали о себе знать, в конце концов начались забастовки рабочих и широкие народные протесты в обществе. В то время как дух протеста захватил все сферы жизни, активисты-литераторы также присоединились к политической борьбе.

В переводческой среде родилось общественное движение, направленное на просвещение масс, развитие у них самосознания и стремления к переменам в обществе. З. Рухи, рассматривая миссию литературы в эту декаду, убежден в том, что в данный временной промежуток особое внимание было направлено на современные гуманистические произведения западной литературы, и в этой связи он указывает на перевод Бех-Азином произведений Ромена Роллана и Шолохова в 1960-е гг. [11].

Однако перевод Бех-Азина был несовершенен, о чем заявилный переводчик романа А. Шамлу. Шамлу (1925–2000) был поэтом, журналистом, переводчиком, литературным критиком, исследователем, лексикографом и одним из основателей и членов конгресса писателей Ирана до и после исламской революции. Он, имея в своем арсенале около 170 томов изданных и неизданных книг, выдержавших до 18-ти переизданий, занимает уникальное место в истории литературы Ирана [4, с. 3].

После публикации «Тихого Дона» в переводе Бех-Азина Шамлу был одним из первых, кто выступил с критикой данного перевода. Свою позицию он выразил в статье, опубликованной в газете «*نادی*» [Кейхан] за 1972 г., затем издал новую статью под названием «*مدنسیون یی عاقتجا دهعت زا یمین، نابز لابق رد دهعت رگم؟*» («Разве обязательство перед языком – не половина общественного долга писателя?»), которая была опубликована в журнале «*عجم باتک*» [Кетаб-е Джомъэ] в 1979 г.

Отметим, что 1960-е–1970-е гг. мало кто мог написать и опубликовать такую критическую статью. Шамлу издаёт свой критический очерк, будучи главным редактором еженедельника «*عجم باتک*» [Кетаб-е Джомъэ]⁷. Вначале для представления очерка он мастерски подготавливает почву, публикуя отрывок из книги Л.Г. Якименко⁸, переведённой М. Сагарния в виде статьи под названием «Взгляды Шолохова на литературу и жизнь: творческие записки и литературная критика».⁹ Таким образом Шамлу намерен привлечь читателя к изучению самих взглядов

Шолохова относительно своих произведений сделать свой критический очерк более понятным.

Шамлу указывает на то, что его оригинальная, не сохранившаяся статья 1972 года в два или три раза превышала переписанную копию и имела более серьёзную тональность. В финальном варианте статьи Шамлу, выступающий как критик, умалчивает об оплошностях и недочётах Бех-Азина, допущенных при переводе «Тихого Дона». В то же время он не хочет дискредитировать переводчика, который принадлежал к борцам с режимом и по отношению к переводчику, имени которого он даже не называет, принимается за обмен любезностями. В данной статье он многократно указывает на тот факт, что старания, приверженность долгу и ответственность перед своей задачей Бех-Азина не вызывают никакого сомнения. Вместе с тем Шамлу открыто заявляет: «Заниматься писательской деятельностью, будучи безязыким, а также коверкать язык и заниматься обобщениями в таком благозвучном и живописном языке (фарси) непростительно. Наличие идейных, идеологических, самоотверженных, прочных обязательств – не достаточный повод для его оправдания» [17, с. 65].

Шамлу считал, что долг писателя как «хранителя языка» ничуть не ниже по значимости, чем другие его обязательства. В указанной статье Шамлу утверждает, что обязательства писателя перед родным языком неотделимы от его морального и общественного долга. Пятно, которое писатель или переводчик ставит на своем языке и литературе в результате «беспечности» и «невнимательности» – это пятно на его «личном долге и обязательствах». В то же время Шамлу приводит множество примеров того, как Бех-Азин небрежно обращается с персидским языком, допуская неточности и игнорируя образный язык простонародья с его разноречием.

Недовольство переводом Бех-Азина побудило Шамлу сделать свой собственный перевод романа «Тихий Дон», чему были посвящены последние годы жизни поэта.

Однако стоит отметить, что в промежутке между переводом романа «Тихий Дон», выполненным Бех-Азином, и новым, спорным, скандальным переводом Шамлу, то есть с 1965 по 2002 гг., с английского языка был выполнен еще один перевод «Тихого Дона» на фарси, осуществленный М. Бигдели-Хамсе. Однако, по сравнению с переводами Бех-Азина и Шамлу, которые пользовались авторитетом и снискали народную любовь, этот перевод не получил высокой оценки у публики, остался незамеченным критиками и разошелся небольшим тиражом, несмотря на то что переводчик имел в своем послужном списке переводы таких великих произведений, как «Анна Каренина» и «Идиот». Шамлу, по словам М. Парса, об этом переводе даже не слышал.

Удивительная судьба «Тихого Дона» в Иране, включающая противостояние двух переводов – М. Бех-Азина и А. Шамлу – объясняется тем, что в 1950–е–60–е гг., когда в Иране наблюдался бум переводов с европейских языков, многие литературные авторитеты, такие как

А. Деххода, С. Хедаят, А. Анджави и А. Шамлу, выразили озабоченность тем, что из-за переводов разговорный язык придёт в упадок и самобытное фольклорное начало уйдёт из литературы. Жд. Моджаби писал: «Когда мы познакомились с европейской литературой, неожиданно пришли в такой восторг, что забыли всё, что считали своим историческим наследием, включая басни, молитвы, воспевания, гимны и форму танца и театрального представления» [13].

Шамлу был одним из первых исследователей, имеющих научный подход к культуре всего иранского народа, корни которого лежат в укоренённости поэта в народной культуре и связи с простыми людьми.

М. Хадем-Наби убежден, что Шамлу в противовес языку перевода зарубежной литературы, получившему распространение в 1950–х–1960–х гг. в Иране и формировавшемуся на основе официального литературного языка, попытался использовать стратегию доместики (*domestication*; русс. *одомашнивание*), используя при этом язык, непривычный для переведённой литературы [15, с. 48–49].

Слова Шамлу в предисловии к роману «Тихий Дон» относительно его мотивов и целей перевода, а также высказывания других великих людей в этой связи свидетельствуют о том, что у переводчика было намерение использовать язык просторечья и местные говоры. Он пишет: «С самого начала я не ставил целью дословный перевод. С помощью «Тихого Дона» я намеревался предложить новый повествовательный язык иранским авторам. По той причине, что в ученых кругах, непонятно, на какой такой законной основе, использовали язык, не имеющий отношения к живому динамичному языку народа» [18, с. 7]. Шамлу призывал использовать возможности разговорного персидского языка без учета ограничений, введённых в него академическими структурами. Он много раз был раскритикован за выбор текстов для перевода (в том числе и за «Тихий Дон»), но всегда забывалось, что причина выбора Шамлу не обязательно состояла в литературной значимости оригинального текста, а в его потенциальной ценности для языка, на который делается перевод. С помощью «Тихого Дона» Шамлу удалось создать настоящее пособие по уличной речи и воплотить в жизнь те принципы, о которых он говорил ранее, собирая материал для «کتابه کuche» [ketabe kuche] (Книги просторечья)¹⁰.

Влияние романа «Тихий Дон» на художественную литературу Ирана также является темой, которую не стоит игнорировать. Это влияние настолько удивительно, что многие критики считают, что «повествовательный» и «деревенский» реализм таких важных иранских произведений, как «Келидар» М. Доулатабади, «Нулевая параллель» А. Махмуда и «Ненастные годы» А. Дарвишиана, испытал на себе влияние романа «Тихий Дон». Так, иранский литературный критик А. Дастгейб считает известный роман М. Доулатабади «Келидар», состоящий из 2 тысяч страниц, подражанием роману Шолохова «Тихий Дон» и убеждён, что основная струк-

тура «Келидара» была перенята у «Тихого Дона» и Довулатабади шаг за шагом подражает роману «Тихий Дон» [16, с. 28].

Именно литературная критика А. Дастгейба, вызвавшая протест против его умозаключений у самого писателя, может стать поводом для проведения сравнительного анализа обоих произведений. В частности, можно указать на статью Н. Маджиди «Отображение „Тихого Дона“ в романе „Келидар“», где рассматриваются сходства структуры и содержания произведений. Автор обращает внимание на то, что литературные герои обоих произведений похожи и говорит, что «Келидар» по содержанию и происходящим событиям подражает «Тихому Дону». В частности, выделяются такие сходства, как: храбрость двух народностей – курдов в Иране и казачества в России, с их простотой, честностью, самоотречением и верностью идеям любви и доблести; господство древних традиций, вера, иногда с примесью суеверия в жизни обеих народностей; изображение жизни сельского, многострадального слоя общества, а также концептуализация нескольких романов в одном великом романе [7, с. 4-17].

С. Гахремани в качестве своей дипломной работы¹¹ изучает сопоставление тем природы, человека и его эволюции в романах «Келидар» М. Доулатабади и «Тихий Дон» М. Шолохова на примере сравнительного анализа жизни, целей и судеб Г. Мелехова и Голь Мохаммада Кальмиши – центральных персонажей двух произведений. Также в работе рассматривается сходство географических зон у обоих писателей. С. Гахремани указывает на тот факт, что природа с самого начала обращает на себя внимание в названии обоих произведений: в романе Шолохова это река Дон, в романе Доулатабади – гора Келидар.

Роман в 3-х томах «Нулевая параллель», изданный в Иране в 1993 году, по мнению литературных критиков, тоже был написан под влиянием всемирно известного романа М. Шолохова «Тихий Дон». В «Нулевой параллели» описывается жизнь одной среднестатистической иранской семьи из южного города, которая сталкивается с событиями 1970–1979 гг., и их дальнейшая судьба разворачивается на фоне общественно-политических событий того времени. В рассказе описываются действия персонажей, основанные на жизненных реалиях простого народа. Автор произведения А. Махмуд, современный иранский романист, который входит в число писателей, принадлежащих соцреализму, описывает в своем произведении жизнь простого народа, его потребности и переживания с изображением атмосферы, царящей в обществе.

Дж. Набати-Котбийе входит в число исследователей, посвятивших свою дипломную работу анализу и социологическому сопоставлению данного романа с романом «Тихий Дон» М. Шолохова.¹² Он проводит сравнительный анализ текущих событий двух романов, происходящих в 1970-е годы в городе Ахваз и в 1913–1922 гг. в районе проживания придонского казачества, а также рассматривает сходства и различия этих двух со-

обществ. Вопросы, рассматриваемые исследователем, сводятся к следующим пунктам: в обоих произведениях женщины играют весьма незначительную общественную роль; оба правительства являются патриархально-деспотичными; в обоих обществах отсутствуют двусторонние конструктивные взаимоотношения между народом и правящей верхушкой; народ рассматривается правительством как подчиненный и покорный. Существующее насилие в «Тихом Доне» приводит к Гражданской войне и сравнивается с протестами и притеснениями в дореволюционном Иране.

В последние годы вышел еще один перевод романа, выполненный Э. Гахрамани-Пур с английского языка на основании перевода Гарри Стивенса (Стефана Гарри), анализу которого могут быть посвящены дальнейшие исследования в области рецепции романа Шолохова в Иране.

Заключение. Не стоит недооценивать того значения, которое имеет «Тихий Дон» М.А. Шолохова для иранского читателя и писателя начиная с 40-х гг. XX века, то есть со времён Второй мировой войны, когда войска СССР вторглись на территорию Ирана и способствовали усилению там коммунистических, марксистско-ленинских, настроений. Судьба «Тихого Дона» в Иране, история его перевода, критического и творческого осмысления может стать образцом коммуникации персидской и русской (советской) литератур в XX веке.

«Тихий Дон» стал важной вехой не только в истории персидского переводоведения, но и в истории персидской литературы и культуры. При этом можно сказать, что в Иране роман интерпретируется более-менее однозначно и до сих пор господствует устоявшаяся хвалебная интерпретация, основанная на литературной репутации Шолохова. Во-первых, в глазах персидского литературного сообщества роман Шолохова является выдающимся произведением русской реалистической школы, наследуя романам Толстого, Достоевского, Горького (несмотря на различия между стилями этих писателей, для иранского читателя они представляют определенное единство). Во-вторых, роман Шолохова ставят в один ряд с другими реалистическими произведениями мирового масштаба, такими как произведения Диккенса, Бальзака, Флобера, Роллана. Наконец, знаком высшего признания становится сравнение русского романа с национальным иранским эпосом «Шахнаме».

Помимо этого, «Тихий Дон» рассматривается преимущественно как идеологическое советское произведение в русле соцреализма – его общественно-политическая, и при этом революционная, составляющая выходит на первый план, отодвигая на задний план мировоззренческие сомнения главного героя, а также вопросы формы. Первый и наиболее влиятельный из существующих на данный момент четырех переводов на фарси осуществлен Бех-Азином – активистом коммунистической партии «Тудэ», история которой оказывается тесно связана с судьбой «Тихого Дона» в Иране.

Роман оказывается прочно соединён с такими поня-

тиями, как «революция», «социализм», «диктатура пролетариата» и т.д. и фактически становится орудием не столько литературной, сколько политической борьбы в руках «Тудэ», которая до переворота 1953 г. достаточно успешно продвигала свои идеи и пропагандировала русскую реалистическую литературу в условиях сопротивления шахскому режиму. Сама фигура Шолохова использовалась в 40-е годы (до издания на персидском его главного труда) как пример борца за свободу простого человека и образец писателя, служащего обществу. Так под влиянием русской литературы, в том числе Шолохова, был сформирован персидский идеал «ответственной литературы», заботящейся об общественной пользе.

Данная трактовка русского романа и его связь с партией «Тудэ» негативно сказалась на его судьбе в Иране: по политическим причинам, из-за цензуры и давления на книгоиздателей роман был опубликован с большим опозданием, спустя 37 лет после издания первого тома эпопеи, когда уже были сделаны переводы более чем на 70 языков мира, в том числе на урду (1941) и арабский (1958). Это произошло только в 1965 году, после вручения Шолохову Нобелевской премии, когда невозможно было и дальше препятствовать публикации. Заметим, что, хотя Нобелевский комитет неоднократно подчеркивал художественную мотивацию своего выбора и независимость от политики, история перевода «Тихого Дона» в Иране вынуждает нас, пусть и с несколько иной стороны, признать сильную зависимость романа от политического контекста.

Издание перевода сопровождалось большими трудностями, однако перемены в умах иранского общества к 1965 году достигли той точки, что запретить перевод «Тихого Дона» стало затруднительно. Общество нуждалось в кардинальных изменениях, и почти дословный, художественно несовершенный перевод Бех-Азина стал своего рода знаменем революции и доказательством того, что масштабные сломы исторических эпох подвластны человеку. Надо понимать, что подобная утилитаристская трактовка сама по себе является до-

стижением иранской литературы XX века и следствием модернизации и европеизации, которая проникала во все сферы персидской культуры.

Второй известный перевод «Тихого Дона», выполненный А. Шамлу (законченный только в 2003 г.) и изначально противопоставленный переводу Бех-Азина, представляет собой другую сторону иранской модернизации, связанную с демократизацией литературы. В условиях европеизации и роста переводов в 1960-е годы Шамлу задумывается о сохранении живого народного языка и национальной культуры, наполняет «Тихий Дон» персидским фольклором и разноречием и вводит таким образом разговорный язык в персидскую прозу, что также является своего рода литературной революцией. Несмотря на то что перевод Шамлу в языковом отношении богаче своего предшественника, он вызвал много критики в свой адрес и породил настоящую полемику в литературном сообществе Ирана.

Кроме проблемы перевода, при рассмотрении рецепции «Тихого Дона» в Иране встает также вопрос литературного влияния. Сегодня благодаря серьёзным компаративистским исследованиям нескольких иранских учёных несомненным фактом является связь крупнейших произведений персидской литературы XX века (в первую очередь многотомной эпопеи «Келидар» (1984) М. Дулатабади, а также романов «Нулевая параллель» А. Махмуда и «Ненастные годы» А. Дарвишиана), повествующих о судьбе простого человека из народа на фоне масштабных исторических событий, с «Тихим Доном» Шолохова. Были выявлены сходства как на уровне содержания, так и на уровне формы (структуры). Несмотря на то что такие критики, как Дастгейб, фактически обвинили автора «Келидара» в плагиате, открытым для дальнейшего исследования остается вопрос о характере литературного взаимодействия (заимствование, подражание, типологическое сходство и т.д.).

Перспективы данной работы связаны с углубленным анализом творческого усвоения современными персидскими писателями традиций русского реализма, и в частности соцреализма.

Примечания

- 1 Этемад-Заде М. (Бех-Азин). Тихий Дон М. А. Шолохова. Тегеран: Фердос, 1965. 1767с.
- 2 Бигдели-Хамсе М. Тихий Дон М. А. Шолохова. Тегеран: Голшаи, 1989. 2447с.
- 3 Гахрамани-Пур Э. Тихий Дон М. А. Шолохова. Тегеран: Самир, 2012. 862с.
- 4 «Народная Партия Ирана (НПИ, ТУДЭ) создана по инициативе и при политическом содействии Москвы в октябре 1941 года, после ввода советских войск в Иран» [1, с. 773].
- 5 Министерство государственной безопасности Ирана в годы правления шаха Мохаммеда Реза Пехлеви (1957–1979)
- 6 Был напечатан вопрос: «Кто такой автор „Тихого Дона“?»
- 7 Еженедельник, издававшийся с 1979 по 1980 гг. в Тегеране при сотрудничестве совета писателей Ирана, имел политическое и искусствоведческое содержание и был издан в 36 выпусках.
- 8 Якименко Л. Г. «Тихий Дон» М. Шолохова. О мастерстве писателя. М., 1954.
- 9 Сагарния М. Взгляды Шолохова на литературу и жизнь: творческие записки и литературная критика. Кетаб-е-Джомъе. 1979. № 19. С. 50-64.
- 10 "دچوک باتک" [ketabe kuche] (Книги просторечья) — энциклопедия народной культуры и фольклора Ирана, которая представляет собой сборник из нескольких томов. А. Шамлу десять лет собирал тексты и составлял книгу, и четырнадцать томов были опубликованы при его жизни.
- 11 Гахрамани С. Сопоставительный анализ темы природы, человека и его эволюции в романах-эпопеях „Келидар“ М. Дулатабади и „Тихий Дон“ М. А. Шолохова. Дипломная работа. Тегеран, 2013.
- 12 Набати-Котбийе Дж. Анализ и социологическое сопоставление романа „Нулевой параллели“ А. Махмуда с романом „Тихий Дон“ М. А. Шолохова. Дипломная работа. Тегеран, 2014.

Библиографический список

1. Балаев Х.А. О процессе по объединению азербайджанской демократической партии и народной партии Ирана (1952 – 1994) // История государства и права. 2012. № 2. С. 773-779.
2. Балаи К., Парастеш Ш. Появление романа в Иране – это знак модернизации // Кетаб-е-улу-м-эджтемайи. 2004. № 78. С. 9 – 13.
3. Бахарлу М. Реакция на сокращения в языке // Шарг. 2003. № 3456.
4. Гаэди М. Дневник воспоминания и амнезии // Воспоминания о А. Шамлу. Тегеран: Тарх-е-ноу, 2009. С. 3.
5. Деланова К. SAVAK в переводе А. Ник-Гохар. Тегеран: Тарх-е-ноу, 2013. 55с.
6. Дехбашии А., Азаранг А. Разговоры про издательство и культуру – одиннадцатая беседа с Дж. Мансуром об издательстве НИЛ // Бохара. 1990. № 16. С. 171 – 193.
7. Маджиди Н. Отображение „Тихого Дона“ в романе „Келидар“ // Оурмозд. 2018. № 45. С.4 – 17.
8. Мозафари-Саводжи М. От Бамдада. Тегеран: Морварид, 2007. 624с.
9. Моради Ф. Анализ переводов, сделанных с 50-х до 70-х гг. в Иране на основе идеи П. Бордо // Кавошнаме. 2017. № 31. С. 1 – 14.
10. Моради Ф. История печати и издательства книг в Иране. Тегеран: Хане-кетаб, 2015. 792с.
11. Рухи З. Литературное благородство и пророчество в 1960-е гг. [Электронный ресурс] // Антропология и культура. 2016. Режим доступа: [https://anthropologyandculture.com/fa/%D9%87%D9%86%D8%B1%D9%88%D8%A7%D8%AF%D8%A8%DB%8C%D8%A7%D8%AA/3148%D8%A7%D8%B5%D8%A7%D9%84%D8%AA%D9%88%D8%B1%D8%B3%D8%A7%D9%84%D8%AA%D8%A7%D8%AF%D8%A8%DB%8C%D8%AF%D8%B1%D8%AF%D9%87%D9%87-40-2\(дата обращения: 11. 08. 2019\).](https://anthropologyandculture.com/fa/%D9%87%D9%86%D8%B1%D9%88%D8%A7%D8%AF%D8%A8%DB%8C%D8%A7%D8%AA/3148%D8%A7%D8%B5%D8%A7%D9%84%D8%AA%D9%88%D8%B1%D8%B3%D8%A7%D9%84%D8%AA%D8%A7%D8%AF%D8%A8%DB%8C%D8%AF%D8%B1%D8%AF%D9%87%D9%87-40-2(дата обращения: 11. 08. 2019).)
12. Сайях Ф. Михаил Шолохов // Пайям-е-ноу. 1946. № 11. С. 56 – 66.
13. „Тихий Дон“ от Бех-Азина к Шамлу. [Электронный ресурс]. Режим доступа: [http://www.pyknet.net/1383/hafteh/06shahrivar/hafteh_page/99done_aram.htm / 2004.\(дата обращения: 11.08.2019\).](http://www.pyknet.net/1383/hafteh/06shahrivar/hafteh_page/99done_aram.htm / 2004.(дата обращения: 11.08.2019).)
14. Фрушани З. Судьба человека М. А. Шолохова. Тегеран: НИЛ, 1960. С. 4-5.
15. Хадем-Наби М. Что такое перевод? // Фаслнаме Тарджоме. 2015. № 58. С. 41 – 49.
16. Хосрави Ш. Литература революции и войны одной природы // Адабиат-е-дастани. 2016. № 106. С. 22 – 28.
17. Шамлу А. Разве обязательство перед языком – не половина общественного долга писателя? // Кетаб-е-Джомье. 1979. № 19. С. 64 – 74.
18. Шамлу А. Тихий Дон М. А. Шолохова. Тегеран: Мазияр, 2003. 1959с.

References

1. Balaev Kh. A. On the process of unification of the Azerbaijan democratic party and the people's party of Iran. storia gosudarstva i prava, no. 2, pp. 773-779, 2012. (In Rus.)
2. Balaii K., Parastesh Sh. The appearance of the novel in Iran is a sign of modernization. Ketabe-Jome', no. 78, pp. 9-13, 2004. (In Pers.)
3. Bakharlu M. Reaction to the cuts in language. Shargh, no. 3456, 2003. (In Pers.)
4. Ghaedi M. Diary of recollection and amnesia: recollections of A. Shamlu. Tegeran: Tarkh-e-nou, 2009. (In Pers.)
5. Delanova K. SAVAK translated by A. Nick-Gohar. Tegeran: Tarkh-e-nou, 2013. (In Pers.)
6. Dekhbashi A., Azarang A. The talk about publishing and culture – the eleventh conversation with J. Mansour, about the publisher NIL. Bokhara, no. 16, pp. 171-193, 1990. (In Pers.)
7. Majidi N. Displaying the “The Quiet Don” in the novel “Kelidar”. Orumzad, no. 45, pp. 4-17, 2018. (In Pers.)
8. Mozafari-Savoji M. From Bamdad. Tegeran: Morvarid, 2007. (In Pers.)
9. Moradi F. Analysis of translations made from the 50s to the 70s in Iran based on the idea of P. Bordeaux. Kavoshname, no. 31, pp. 1-14, 2017. (In Pers.)
10. Moradi F. History of printing and publishing in Iran. Tegeran: Khane-ketab, pp. 21, 2015. (In Pers.)
11. Ruhki Z. Literary nobility and prophecy in the 1960s. Ensanshenasi va farhang. Web. 11. 08. 2019. [https://anthropologyandculture.com/fa/%D9%87%D9%86%D8%B1%D9%88%D8%A7%D8%AF%D8%A8%DB%8C%D8%A7%D8%AA/3148%D8%A7%D8%B5%D8%A7%D9%84%D8%AA%D9%88%D8%B1%D8%B3%D8%A7%D9%84%D8%AA%D8%A7%D8%AF%D8%A8%DB%8C%D8%AF%D8%B1%D8%AF%D9%87%D9%87-40-2\(In Pers.\)](https://anthropologyandculture.com/fa/%D9%87%D9%86%D8%B1%D9%88%D8%A7%D8%AF%D8%A8%DB%8C%D8%A7%D8%AA/3148%D8%A7%D8%B5%D8%A7%D9%84%D8%AA%D9%88%D8%B1%D8%B3%D8%A7%D9%84%D8%AA%D8%A7%D8%AF%D8%A8%DB%8C%D8%AF%D8%B1%D8%AF%D9%87%D9%87-40-2(In Pers.))
12. Sayah F. M. Sholokhov. Payame-nou, no. 11, pp. 56-66, 1946. (In Pers.)
13. Forushani Z. The fate of the manby M. A. Sholokhov. Tegeran: NIL, , 1960. (In Pers.)
14. “The Quiet Don” from Behazin to Shamlu. Web. 11. 08. 2019. [http://www.pyknet.net/1383/hafteh/06shahrivar/hafteh_page/99done_aram.htm \(In Pers.\)](http://www.pyknet.net/1383/hafteh/06shahrivar/hafteh_page/99done_aram.htm (In Pers.))
15. Khademonabi M. What is translation? Faslname Tarjome, no. 58, pp. 41-49, 2015. (In Pers.)
16. Khorasani Sh. Literature of revolution and war are both of the same kind. Adabiat- dastani, no. 106, pp. 22-28, 2016. (In Pers.)
17. Shamlu A. Is a commitment to the language – half of the public debt of the writer? Kenade-Jome', no. 19, pp. 64-74, 1979. (In Pers.)
18. Shamlu A. “The Quiet Don” by M. A. Sholokhov. Tegeran: Maziar, 2003. (In Pers.)

УДК 82'06

UDC 82'06

СЕРЯГИНА Ю.С.

кандидат филологических наук, кафедра романо-германской филологии, НИ Томский государственный университет

E-mail: seriagina@gmail.com

НИКОНОВА Н.Е.

доктор филологических наук, доцент, кафедра романо-германской филологии, НИ Томский государственный университет

E-mail: nikonat2002@yandex.ru

SERIAGINA Yu.S.

Candidate of Philology, Department of Romano-Germanic Philology, National Research Tomsk State University

E-mail: seriagina@gmail.com

NIKONOVA N.E.

Doctor of Philology, associate professor, Department of Romano-Germanic Philology, National Research Tomsk State University

E-mail: nikonat2002@yandex.ru

НЕМЕЦКАЯ ДРАМА КОНЦА XIX – НАЧАЛА XX ВВ. В ПЕРИОДИКЕ РЕГИОНОВ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ:

Р. ФОСС, А. ШНИТЦЛЕР, Г. БАР*

GERMAN DRAMA ON THE REGIONAL STAGE IN RUSSIA OF THE LATE XIX – EARLY XX CENTURIES:

R. FOSS, A. SCHNITZLER, G. BAR

Статья посвящена особенностям рецепции немецкой драматургии в региональных дореволюционных газетах на примере постановок Р. Фосса, А. Шнитцлера и Г. Бара в Сибири, Юго-Западном крае и в Прибалтике. Выявляется специфика выбора зарубежных постановок для местной сцены. В период с 1895 по 1912 год в газетах «Сибирский вестник», «Сибирская жизнь», «Южное обозрение», «Одесские новости» и «Рижский вестник» публикуются не менее 26 критических статей и библиографий, посвященных театральным постановкам произведений данных авторов. Репертуар региональных театров и его восприятие местным зрителем характеризует особенности культурной идентичности регионов.

Ключевые слова: театр, рецепция, критика, немецкая драматургия, Р. Фосс, А. Шнитцлер, Г. Бар, литературная периодика регионов Российской империи 1880-1910-х годов.

The article is devoted to the German drama reception in regional newspapers (R. Foss, A. Schnitzler and G. Bar). We consider the choice specifics of foreign productions for the scene. Between 1895 and 1912, the Tomsk newspapers “Sibirsky Vestnik”, “Sibirskaya Zhizn”, “Juzhnoe obozrenie” and “Odesskie novosti” published at least 26 critical articles and bibliographies on theatrical productions of the specified authors. The repertoire of the regional theater and its perception by the local viewers characterizes the features of the cultural identity in the region.

Keywords: theater, reception, critics, German drama, R. Foss, A. Schnitzler, G. Bar, periodicals of 1880-1910.

Периодические издания рубежа XIX–XX веков представляют собой ценный материал для изучения тех или иных исторических или культурных феноменов Российской империи, они выступали основным средством трансляции культурного развития регионов. Наряду с новостями о важнейших событиях в стране и за рубежом, в крупных газетах или приложениях к ним публиковались оригинальные и заимствованные переводы зарубежных авторов, рецензии на театральные постановки, библиографические и литературно-критические обзоры, связанные с русской или зарубежной культурой.

В процессе изучения дореволюционной периодики регионов Российской империи на данный момент нами просмотрено 7 изданий культурных центров Сибири (Томска и Тобольска), среди которых крупнейшие газеты региона «Сибирская жизнь», «Сибирский вестник», «Сибирская газета», «Сибирский листок» и др.; а также

2 киевские газеты: «Киевская мысль» и «Киевлянин», 2 крупные ежедневные газеты Одессы: «Одесские новости» и «Южное обозрение» и два рижских издания: «Рижский вестник» и «Рижское обозрение». В них обнаружены многочисленные литературно-критические материалы: около 2200 переводов с различных языков, из которых более 570 – переводы с немецкого языка. Рассмотрено также около 400 литературно-критических публикаций и театральные рецензии, посвященных наследию немецких авторов.

В крупнейших ежедневных газетах Томска «Сибирский вестник» и «Сибирская жизнь» в период с 1895 по 1912 год выходят не менее 20 критических заметок о драмах современных немецких и австрийских драматургов. Первым из трех обозначенных в заглавии статьи центральных фигур был представлен **Рихард Фосс** (Richard Voß; 1851–1918) – драматург и романист,

* Исследование выполнено при поддержке Совета по грантам Президента РФ для государственной поддержки молодых российских ученых. Проект МД 852.2019.6 “История русской переводной литературы рубежа XIX–XX вв.: на материале периодики регионов Российской империи”.

© Серягина Ю.С., Никонова Н.Е.

© Seriagina Yu.S., Nikonova N.E.

представитель немецкого натурализма, ставший известным в Европе до начала Первой мировой войны, о чем говорят многочисленные литературоведческие труды того времени (К. Goldman, O. Pach, W. Thamm, P. Strengel и др.).

Литературное наследие Р. Фосса разнообразно: его роман «Два человека» (“Zwei Menschen”) стал в 1911 году бестселлером, однако ранее, в 70-е годы автор был более известен как драматург. В своих драмах Р. Фосс обращался к острым проблемам современности, эпохи культуркампфа (нем. «Kulturkampf»), он же представил конфликт между Бисмарком и католической церковью 1872–1880 годов. От исторических драм Фосс переходит к социальным акцентам, создав специфический тип драмы, в центре которой оказывается образ женщины эпохи fin de siècle (“Magda”, 1879; “Mutter Gertrud”, 1885; “Alexandra”, 1886; “Eva”, 1889). Именно женский вопрос и женские образы в пьесах Фосса вызвали интерес сибирских критиков, рецензентов и обозревателей, занявших собственную позицию по отношению к новым тенденциям в европейском обществе и культуре.

Первое упоминание Фосса появляется в томских газетах, в № 130 «Сибирского вестника» за 1895 год, где помещается библиографическая заметка сибирского поэта и критика Ивана Северного о социальной драме Фосса «Ева» (“Eva: Schauspiel in fünf Aufzügen”, 1889). Автор считает пьесу неподходящей для русского театра, признавая при этом ее «сравнительно большой успех» в Германии. Причины того, что произведение «никогда не дожидается того же на русской сцене», он видит как в несоответствии уровня выразительности, глубины характеров, изображенных Фоссом в целом, так и в различиях ментальности «немецкой бюргерской публики» и «русского зрителя», «характере художественных запросов русской натуры» [15]. И. Северный отмечает, что русскому зрителю нужно что-то более правдоподобное и приближенное к действительности. Ему более близки положительные женские образы русской литературы – тонкие, глубокие натуры, способные к сочувствию, самопожертвованию и состраданию. Героиня Фосса, отстаивавшая свои представления о социальной и гендерной справедливости и решившаяся на убийство обидчика, видится ему чуждой и неприятной. Действительно, немецкий натуралист отразил в своих произведениях феминистические идеи европейской современности, что во многом и обеспечило успех его пьесам. Социально-бытовая и идейная проблематика, актуальная для западного театра, рассматривается местным критиком как атрибут «слащавой мелодрамы».

Такая стратегия восприятия не соответствует публикациям о драме Фосса в центральной печати, о чем свидетельствует, к примеру, отзыв в журнале «Исторический вестник» за 1890 год. Автор театрального обозрения положительно высказывается о драмах Фосса «Ева» и «Александра» «из жизни среднего класса» [9].

Драма «Ева» была поставлена на томской сцене в 1899 году, о чем сообщает в своем обзоре извест-

ный местный критик Всеволод Долгоруков в № 47 «Сибирского вестника». По его мнению, пьеса «страдает и растянутостью и сентиментальностью, – недостатками, присущими многим драматическим произведениям немецких авторов» [16].

И. Северный и В. Долгоруков оказываются единоголосны в выводах об излишней «сентиментальности» драмы. Однако под сентиментальностью критики, очевидно, понимают прямолинейное и одновременно гротескное изображение эмоций, которое противоречит поэтике чувства, принятой в русской классике. Именно к традициям русской классической литературы тяготел И. Северный в своем оригинальном и переводном, поэтическом и прозаическом творчестве, выбирая для перевода произведения из польской, французской и немецкой литератур с лирическим, мистико-романтическим или элегическим сюжетами.

Томичи достаточно последовательны в своем критическом отношении к популярному роду драмы. Так, пьеса Фосса «Чужой грех» (“Schuldig”, 1892), поставленная в 1898 году в томском театре Королева, по мнению того же В. Долгорукова, «своим окончанием производит впечатление мелодрамы», «смотрится тяжело, так как содержание ее растянуто». В то же время местный критик благосклонен к содержательной стороне постановки, замечая, что «идея драмы, собственно, благодарная и действительно заключающая истинные трагические сцены и положения» [17]. Концовка пьесы видится рецензенту неправдоподобной, искусственной. Сюжет о невинно осужденном или раскаявшемся преступнике в целом является одним из самых популярных при выборе произведений для перевода в сибирской печати, и драма «Чужой грех» вписывается в имагологическую парадигму местного социокультурного самосознания, реализуя понятный читателю сюжет.

В печати центрального региона встречаются положительные отзывы на эту пьесу, связанные также с мотивом преступления и наказания. Например, в журнале «Труд: вестник литературы и науки» за 1895 год она характеризуется как «потрясающая история человека, доведенного до преступления по причине несправедливого приговора» [14].

В журнале “Das Magazin für Literatur” на родине драматурга в 1891 году вышла подробная статья о постановке “Schuldig” в берлинском театре. Пьеса получила оценку, сходную с замечаниями томского рецензента. Автор считает, что в новой пьесе проявилась типичная для итальянской литературы «напыщенная сентиментальность» («pathetische Sentimentalität»), которая «так непереносима для немцев» («die uns Deutschen so unerträglich ist») [38]. Примечательно, что отзывы на произведения Р. Фосса в других просмотренных региональных газетах не были найдены, что свидетельствует об исключительности рецепции немецкого драматурга в Сибири.

Таким образом, постановки пьес Р. Фосса в Томске и отзывы о них местных рецензентов, свидетельствуют о стремлении сибирской интеллигенции к включенности

в современный культурный процесс, непосредственной причастности к актуальным тенденциям в литературе и театральном искусстве. Судя по характеру сибирской региональной рецепции социальных драм Фосса, можно говорить о достаточной степени зрелости художественно-эстетического уровня и самостоятельности суждений рецензентов, и объективности критических оценок. Сибиряки чутко воспринимают новаторство немецкого автора в изображении женских характеров в новом социокультурном контексте эпохи, благосклонно относятся к сюжету о невиновном преступнике, но с высокой долей объективности отзываются о поэтико-композиционных недостатках пьес Фосса.

Оригинальное отражение в сибирской дореволюционной печати наследие австрийского писателя, драматурга и представителя венского импрессионизма **Артура Шницлера** (*Arthur Schnitzler*, 1862–1931). Проза и драматургия Шницлера были широко известны и популярны, многократно переделывались для современной сцены, активно ставились в России и за рубежом. Благодаря периодическим изданиям местный читатель имел полное представление о его месте на литературной арене и о переводах его произведений на русский язык. В томских газетах находятся 12 упоминаний об А. Шницлере, которые представляют собой не только театральную критику, но и библиографические статьи о прозе австрийского автора.

Показательным примером восприятия региональными публицистами творчества А. Шницлера является библиографическая заметка в № 128 «Сибирской жизни» за 1903 год о романе «Фрау Берта Гарлан» («*Frau Berta Garlan*», 1900). Автор, подписавшийся криптонимом «Л.С.», пишет: *«Это, ..., интересный роман, взятый из очень неинтересной жизни: из жизни средней немецкой женщины. В Германии есть такие замечательные женщины, как Клара Цеткин; в Германии обсуждается вопрос об участии женщин в предстоящих выборах в рейхстаг, но в общем – средняя германская женщина занимает роль только жены и матери, хозяйки и няньки, ее права ограничены, ее умственный кругозор узок. Фрау Берта – героиня романа Шницлера – типичная немецкая женщина: даже ее бунт против женской доли выражается только в любовной авантюре. Более широких рамок для своей жизни она не ищет, ни о каких политических правах, ни о какой общественной деятельности она не думает. И она еще лучшая из худших»* [31]. Немецкая героиня не соответствует представлению критика об образе женщины в обществе и литературе. Подобная точка зрения не является исключительной, напротив, реализует характерную для сибирского культурного самосознания стратегию восприятия женского вопроса и консервативного понимания роли сильной женщины в современном обществе. Сибиряки ориентировались во многом ретроспективно, акцентируя образ женщины, счастливой в своем жертвенном страдании, сглаживая острый социально-критический пафос европейской литературы.

Не менее интересная библиографическая заметка

выходит в 1904 году в № 22 «Сибирской жизни» и посвящается сразу трем произведениям А. Шницлера: пьесам «В погоне за легкой добычей» («*Freiwild*»), «Завещание» («*Das Vermächtnis*», 1897) и «Сказка» («*Das Märchen*», 1891). По мнению автора статьи, *«Артур Шницлер – один из выдающихся современных драматургов Европы. Драмы его читаются с величайшим интересом. Они всегда освещены значительной и глубоко человеческой идеей, темы, выводимые в них, всегда жизненны, а выполнение – отличается изяществом и художественностью»* [28]. Больше внимание в статье уделяется пьесе «В погоне за легкой добычей», в которой *«задет и чрезвычайно сильно выдвинут жгучий, болезненный вопрос о «чести» и о «дуэли»*. О двух других пьесах говорится только, что *«в них обеих чрезвычайно сильно обрисовано то, как предрассудки буржуазного кодекса морали, разбивают истинное человеческое счастье»*. Автор обзора дает подробный пересказ понятного русскому читателю дуэльного сюжета. Критик форенизирует социально-бытовую драму, выставляя ее в виде чуждых нравов европейцев, что соответствует социально-политическому контексту региона после 1904 года.

Библиографические обзоры, посвященные произведениям Шницлера, позволяют сделать вывод о том, что местная печать достаточно полно отразила место талантливого австрийского писателя и драматурга в мировой литературе. Томский читатель имел представление об основных темах его произведений, связанных с женским вопросом и моралью современного социума. Театральная рецепция творчества А. Шницлера в Томске начинается в 1903 году с негативных отзывов критиков. Гастролирующая московская труппа ставит на томской сцене комедию Шницлера «Литература», о чем сообщают в «Сибирском вестнике» критик Всеволод Долгоруков под псевдонимом «Неизменный театрал» и в «Сибирской жизни» автор под псевдонимом «N». Оба критика не выражают восторга от представления. Неизменный театрал сообщает, что: *«...пьеса, несмотря на то, что принадлежит перу даровитого автора, решительно не представляет из себя ничего выдающегося и смахивает на водевиль...»* [24]. «N» пишет: *«Одноактная комедийка Шницлера, незамысловатая по содержанию – очень изящна по построению, и требует хороших исполнителей и детальной отделки игры, иначе публика, смотря ее, уснет»* [23].

Комедия А. Шницлера «Литература» («*Literatur*», 1902) представляет собой четвертую часть цикла одноактных пьес «Часы жизни: Тетралогия» («*Einakterzyklus Lebendige Stunden*», 1902), которые объединены между собой темой взаимосвязи творчества и смысла жизни. На немецкой сцене они, как правило, ставились вместе, как 4-актный цикл. Очевидно, что негативные отзывы в Томске «Литература» получила в том числе и из-за неполноты художественного контекста в связи с постановкой ее отдельно от остальных произведений цикла. Кроме того, сюжет пьесы не был принят во многом потому, что выражал идею разрушения незыблемости традиционных культурных ценностей,

выраженных не в последнюю очередь в национальной литературе. Декадентский пафос оставил двух местных критиков равнодушными, заставив сконцентрироваться на внешней архитектонике постановки. В отличие от них Л. Троцкий, ориентировавшийся более на центральную прессу, сообщил в омском «Восточном обозрении» о выходе четырех пьес „Lebendige Stunden“ («Часы жизни») одним изданием 1902 года и отметил «водевильность» пьес Шницлера в позитивном ключе, как способ показать смесь игры и действительности [13].

Театральная рецепция Шницлера продолжилась в Томске постановкой 1906 года. Пьеса «Фарисеи» (в оригинале «Das Vermächtnis» – «Завещание», 1898) была встречена благосклонно – отчасти благодаря созвучию острой социальной проблематики усилению политической ангажированности региона. Автор отзыва на спектакль передвижников, Б. Стрилько, отмечает, что *«фабула „Фарисеев“ Шницлера не нова и не сложна. Автор обнажает одну из тех традиционных язв, которая в продолжение многих веков давит человечество – гнет среды и общественного мнения»* [30]. Фарисеи – олицетворение главных проблем современного общества, волновавших сибиряков: неравенство общества, высокомерие, отсутствие общественной морали, сочувствия к ближнему и т.д. В заключении рецензии критик резюмирует: *«Талантливый драматург в художественных красках осветил один из тех пережитков современного буржуазного общества и дал целую галерею типов, являющихся яркими носителями пресвященного фарисейства. Вся разница только в степенях»* [30].

Положительно отзывались о драме «Das Vermächtnis» и в других регионах Российской империи. Так, например, в крупной одесской газете «Южное обозрение» в 1899 году публикуется обширная статья, которая подробно передает сюжет и подчеркивает высокую «гуманность» драмы. Местный критик, однако, категоричен в высказываниях о героях пьесы: *«мы чувствуем, что автора возмущает фарисейское лицемерие этих самодовольных, чопорных эгоистов. Его симпатии всецело на стороне бедной Тони Вебер, так мало видевшей счастья в жизни и погибающей по вине тех людей, которые бессердечно оттолкнули ее, хотя она была лучше и выше их всех»* [18]. В то же время он искренне сопереживает главной героине драмы, которую характеризует как «сердечную, благородную и любящую натуру», и всецело поддерживает позицию Шницлера с его стремлением затронуть вопрос об «участи женщины» и обличить некоторые взгляды современного общества на вопросы морали.

Тематика произведения Шницлера не нова для русской литературы, она перекликается, к примеру, с «Грозой» Островского: в основе сюжета – бездушное общество, в котором на первом месте внешние приличия. Подобное созвучие, основанное на христианских мотивах и чистом женском образе, очевидно, импонило региональным корреспондентам.

В 1908–1910 гг. Шницлера продолжают преподносить как одного из бесспорных лидеров европейской

литературы на страницах сибирских периодических изданий, хотя оценки его произведений не становятся более однозначными. О творчестве австрийского автора высказывается один из самых активных литераторов и общественных деятелей Георгий Вяткин. В 1908 г. в «Сибирской жизни» он публикует объемный очерк в рубрике «Литература и жизнь», который начинается с перечисления выдающихся фигур пантеона современной литературы. Г. Вяткин критикует модернизм с его склонностью к излишнему самолюбованию. Выход из литературного тупика критику представляется в соблюдении золотой середины – балансировании на границе между реализмом и символизмом. Одним из писателей, по мнению критика соответствующим этому принципу, является А. Шницлер [10].

В рубрике фельетон «Сибирской жизни» в 1909 году печатается подробная статья П. Николаева под заголовком «Литературные миниатюры». Публикация представляет собой обзор современной европейской литературы. Автор вслед за Г. Вяткиным отмечает, что *«каждая страна выставила по крупному таланту с такой необъемлющей популярностью, <...> что весь интерес к литературе сосредоточен только на нем, об этом писателе говорят всюду, его новые произведения ожидают с жгучим интересом, словом он бесспорный корифей своего народа. Во Франции – Октав Мирбо, в Германии – Густав Френзен, в Австрии – Артур Шницлер»* [11]. Интересно намерение автора «вызвать у читателя желание, поглубже ознакомиться с этими бесспорно талантливыми писателями и при том весьма интересными, особенно для нас, русских, так как каждый из этих литературных корифеев Запада для момента, переживаемого Россией, является глубоко интересным по своему мировоззрению; только нужно выбирать их сообразуясь со своим настроением» [11]. В данном высказывании отражена типичная для сибиряков стратегия избирательного восприятия «чужого» с целями, сообразными собственным интересам. Шницлер предстает в обзоре Николаева как «изящный психолог-импрессионист», который «покоряет нас необычайной мягкостью своего таланта». Автору импонирует именно эта «мягкость ощущения, которое разработано автором с редкой грацией экспрессии», отсутствие намерения «вызвать у читателя чувство негодования и протеста». Поэтика чувства «грусти и немного раскаяния», согласно мысли критика, «может заинтересовать русского читателя в произведениях Шницлера» [11]. Из произведений А. Шницлера критик советует читателям прочесть «Смерть», «Берту Герлан», «Путь жизни», чтобы оценить «блестящий ум» писателя.

В то же время в отзыве на последнюю из известных томских постановок А. Шницлера, пьесу «Забава» («Liebele», 1895) в исполнении любительской труппы, Вяткин отмечает, что австрийскому драматургу лучше удастся жанр миниатюр, чем крупные пьесы. С одной стороны, 3-актная «Забава», по мнению критика, является «сложной и длительной структурой», которая «не идет к характеру творчества» Шницлера, «не вяжется с

его нервной, изысканно капризной и ежеминутно меняющейся натурой». С другой стороны, Вяткин признает, что автор «и в длинных вещах то и дело дает такие великолепные тонкие моменты, такой изысканно-изящный рисунок, что положительно очаровывает зрителя» [22].

Схожий отзыв о пьесе «Забава» встречается также в одесской газете «Южное обозрение» в 1900 году. Впервые поставленная в Одессе, драма представляется автору обзора интересной, изобилующей «любопытными сценическими положениями», но при этом она «особенного ценного вклада в литературу не представляет». Виною тому, по мнению критика, «некоторая неясность и беглость фабулы» и «неопределенный конец пьесы», что не способствует усилению впечатления, и подобная постановка «врядли удовлетворит зрителя» [21]. Таким образом, одесский обозреватель оказывается солидарен с томским в том, что интересное содержание пьесы Шницлера испорчено непонятной и сложной формой. Пьеса “Liebele” за рубежом, напротив, была очень популярна и обеспечила Шницлеру прочные позиции в немецкоязычном театре и литературе [43].

Интересно, что в одесских и киевских газетах публиковались и переводы прозы Шницлера: в «Южном обозрении» и «Одесских новостях» по одному переводу, и шесть переводов в «Киевлянине». Среди этих публикаций обнаруживается факт переводной множественности. Рассказ «Цветы» («Blumen», 1894), повествующий о призраках прошлого и былой любви, которые воплотились в увядающем букете цветов, терзающем главного героя, в 1899 году переводится для «Киевлянина», и в 1900 другой анонимный перевод этого произведения появляется также в «Южном обозрении».

Примечательно, что в данных публикациях рассказа делится на несколько частей, что делает повествование похожим на дневниковые записи. Полное совпадение разделяемых частей в обоих вариантах рассказа может свидетельствовать о том, что вышедшая в 1894 году оригинальная публикация в журнале “Wiener Literatur-Zeitung” имела подобное членение текста, которого нет в более поздних изданиях.

Формат короткого рассказа позволил разместить его в одном номере газеты, не прибегая к сокращениям. Однако, переводчики иногда достаточно вольно преобразуют художественный стиль австрийского писателя по своему литературному вкусу. Так, например, характерные короткие безличные предложения и эллипсы Шницлера значительно распространяются в переводах местных авторов. Ср.:

„Schmerz?“ – Nein. Es ist ja doch nur der allgemeine Schauer, der uns faßt, wenn etwas ins Grab sinkt, das uns einmal gehört hat, und dessen Wesen uns noch immer ganz deutlich vor Augen steht, mit dem Leuchten des Blickes und mit dem Klang der Stimme [42].

«Киевлянин»: **Вы думаете, во мне говорит боль, тоска? – Нет. Это просто такое обыкновенное чувство ужаса, которое охватывает каждого человека, когда опускается в могилу что-то, что некогда принадлежало ему и чей образ еще до сих пор стоит перед его**

глазами, со всей полнотой и отчетливостью, от выражения глаз до звука голоса [32].

«Южное обозрение»: **«Жгучая боль!.. Нет. Только ужас, охватывающий нас, когда опускают в могилу то, что нам некогда принадлежало, когда восстает перед нами его образ, с блестящим взором, с звучащим голосом [33].**

Следующий рассказ под названием «Последнее прощание» (“Ein Abschied”, 1896) публикуется в «Киевлянине» в 1898 году [26]. Оригинальный заголовок – «Прощание» – изменяется переводчиком и сообщает читателю чуть больше о содержании произведения: речь вновь идет о скорой смерти возлюбленной, но главный герой, зная о болезни девушки, не может с ней проститься, поскольку она замужем за другим. И после ее смерти, его мучает чувство, что он предал ее, не найдя сил проститься с ней в открытую.

Известно, что в том же году журнал «Мир божий» опубликовал данную новеллу в переводе Лидии Давыдовой [27]. Таким образом, киевское издание не отстает от центра в стремлении предоставить читателю актуальные новинки литературного мира.

Схожий сюжет о прощении встречается и в рассказе «Жена Мудрого» (“Die Frau des Weisen”, 1898), напечатанном в «Киевлянине» в год его дебюта на родине Шницлера [20]. Муж уличает жену в неверности, но прощает ее и ничем не выдает своей осведомленности о ее любви к другому. Возлюбленный женщины сбегает от ее признаний в любви, чтобы не оскорбить мудрого мужа, нашедшего в себе силы простить ее и в одиночестве нести этот груз. Назидательный пафос рассказа соответствует формату газеты, поскольку может служить не только просветительским, но и морально-назидательным задачам издания.

Перевод «Один час жизни» (“Um eine Stunde“, 1899), опубликованный в 1899 году, вновь повествует о страхе смерти. Как известно, Л. Троцкий в своем труде о А. Шницлере охарактеризовал его как «философскую сказку». Герой просит у смерти еще один час жизни для умирающей возлюбленной, на что смерть предлагает забрать его у того, кому осталось жить всего час. Когда все отказываются, юноша хочет отдать всю свою жизнь, но смерть не забирает ее, так как видит, что внутри него живет сильное желание жить дальше. Л. Троцкий утверждал, что «страх смерти разлит тонким эфиром по всем произведениям Шницлера» [13]. Подобная философско-бытовая проблематика представляется редакторам подходящей для читателя региональной периодики.

Самый поздний перевод выходит в «Одесских новостях» в 1906 году. Новелла «Эксцентрик» (“Exzentrik“, 1902) в комичной форме повествует о неудавшейся любви мужчины из «лучшего общества» к эксцентричной певице, которую всегда окружали мужчины из ее круга. Переводчик, подписавшийся псевдонимом «В.И.Л.» придерживается форенизирующей стратегии перевода. Он сохраняет в тексте фразы героев и некоторые названия на французском (“*Tu sais, mon chéri, je ne comprends*

pas un mot de ce, ce qu'il dit!" и т.п.), английском ("Good morning, Sir", "The two Darlings" и др.) и немецком (песня "Hab' ich nur deine Liebe" [34]) языках, снабжая все иноязычные вкрапления сноской с переводом или объяснением реалии. Таким образом, колорит рассказа и комический эффект от встречи персонажей разных национальностей не упущены при переводе.

Самыми крупными произведениями, помещенными в «Киевлянина», являются новелла «Триумф» ("Der Ehrentag", 1897), опубликованная в 1899 году [29], и новелла «Два брата» ("Der blinde Geronimo und sein Bruder", 1900/01), опубликованная в 1901 году [19]. Несмотря на большой объем повестей, их помещают в газете, разделяя на несколько номеров, не допуская сокращений в переводе.

В отличие от киевского издания, которое выбирает для публикации новеллы с философско-притчевым пафосом, одесская газета предлагает читателю более легкое, позитивное произведение с сюжетом из жизни театра и высшего света.

Таким образом, читателю газет Украины предлагалась достаточно полная картина творчества австрийского писателя и драматурга за счет переводов на русский язык. Некоторые переводы выходят в тот же год, что и новеллы на родине писателя, что говорит о высокой заинтересованности его произведениями в регионе.

В томских газетах переводы не публиковались, но литературный талант А. Шницлера не остался незамеченным. Сибирские критики и литераторы считали его ведущим современным австрийским писателем. Рецензенты советовали к прочтению его повести и романы, хвалили глубокий психологизм произведений, критику буржуазной морали, с интересом воспринимали описанный им образ женщины. Авторы статей о Шницлере восхищаются жизненностью тем, затронутых писателем, часто «жгучих и болезненных», но описанных при этом с высокой художественностью. Томская театральная рецепция пьес Шницлера, несмотря на неоднозначные оценки сценического воплощения, имеет одобрительную окраску.

Еще одним австрийским автором, привлечшим внимание региональных обозревателей и театралов, является **Герман Бар** (*Hermann Bahr*, 1863–1934) – известный писатель, драматург, эссеист и критик; один из основателей и теоретик австрийского импрессионизма, организатор литературного направления «Молодая Вена». В 5 статьях, вышедших в газете «Сибирская жизнь», Г. Бар предстает только в качестве драматурга. Первое упоминание австрийского автора находится в № 218 за 1903 год, где читателю предлагается библиографическая заметка, речь в которой идет о комедии в 3 действиях «Апостол» ("Der Apostel. Schauspiel in 3 Aufzügen", 1901). Пародия Г. Бара на парламентский строй приходится не по вкусу сибирскому критику [3]. В виду обостренной социально-политической ситуации в 1903 году сибиряки проявляют большой интерес к политической тематике, а в пьесе Бара критик видит некоторую наивность и примитивность художественного вымысла.

Г. Бар отражал в своих произведениях дух времени, и в «Апостоле» он предпринял попытку изобразить критику нового строя с точки зрения европейского сознания, но со свойственным ему человеколюбием и анализом человеческой души.

В западных регионах комедия Бара была воспринята иначе. Например, в № 217 «Рижского вестника» за 1905 год она была анонсирована как «сенсационная трехактная драма ..., идущая с таким шумным успехом в Петербурге в Малом театре» [1]. Позднее, в № 221, был опубликован театральный обзор, в котором отмечается, что венский писатель «затронул много весьма серьезных, можно даже сказать основных вопросов жизни». Автор статьи, подписавшийся криптонимом «И. В-кий», подробнее разбирает содержание пьесы и ее постановку, с восхищением описывает лучшие моменты сюжета. Далее следует заметка от редактора, в которой говорится об успехе пьесы. В конце заметки автор заключает: «Какая это прекрасная, здоровая и высоко-идейная пьеса» [2].

Следует отметить также, что премьерная постановка «Апостола» в венском Бургтеатре была очень тепло воспринята зрителями и собрала положительные отзывы критиков, которые отмечают, что пьеса полна любви и человечности. Например, газета «Reichspost» в 1901 году писала: «*Wer das Parlament noch nicht in natura gesehen, braucht es sich nur im Burgtheater anzuschauen, wie es lebt und lebt mit seinen Abgeordneten, den Ministern, dem Präsidium, den Stenographen, den Journalisten, der doppelten Galerie, den Ordnern und Dienern, bis zum Glase Bier, das der Stenograph ab und zu zum Munde führt...*» [36] (досл.: Тот, кто еще не видел парламент вживую, может увидеть его в Бургтеатре, как он живет со своими заместителями, министрами, президиумом, стенографистами, журналистами, двойной галереей, дежурными и служащими, вплоть до кружки пива, которую стенографист то и дело подносит ко рту). Примечательно, что авторы статей положительно отзываются и об описании парламента Г. Баром.

Другая комедия Бара, «Звезда» ("Der Star. Ein Wiener Stück in vier Akten", 1898), получает в томской печати положительный отзыв, подписанный псевдонимом «Родриго» и опубликованный в «Сибирской жизни» в 1909 году [5]. Под данным псевдонимом театральные рецензии публиковала актриса Е.И. Кирова, уроженка Киева, некоторое время проживавшая в Томске и организовавшая городской театральный кружок. Пьеса о судьбе актрисы произвела положительное впечатление на рецензента. В немецкой же рецепции пьесы получила более сдержанные оценки.

В австрийских газетах пьесу Бара о театральной жизни называли неправдоподобной, а последний ее акт, положительно охарактеризованный Е.И. Кировой, критики посчитали избыточным и требующим сокращения. В 1898 г. в газете «Новый венский ежедневный листок» (Neues Wiener Tagblatt) о пьесе Бара благосклонно писали: «*Der Verfasser hat die schöne Fähigkeit, Menschen in der Kompliziertheit ihres Wesens zu zeigen. Seine Figuren*

sind immer noch etwas anders als sie zu sein glauben» [41] (досл.: Автор прекрасно показал людей во всей сложности их существования. Его фигуры представляют собой всегда немного больше, чем кажется).

В центральной российской прессе «Звезда» Бара описывалась критиками как «бессодержательная» комедия нравов, «в которых даются картины то поведения литераторов, то художников, то нефтяных дельцов, сановников и депутатов» [8]. Оценка же, данная пьесе в сибирской газете, представляет собой взгляд человека заинтересованного, непосредственно связанного с темой, описанной Баром, в связи с чем оценка эта недостаточно объективна. Актриса видит в «Звезде» знакомые мотивы, узнаваемых персонажей, но при этом она упоминает и главную особенность творчества Г. Бара, которая была отмечена и зарубежными критиками – его способность живо и глубоко отражать человеческие характеры и судьбы.

В 1910 году была поставлена комедия Г. Бара «Концерт» (*“Das Konzert: Lustspiel in drei Akten”*, 1909) на томской сцене. В № 224 «Сибирской жизни» вышла рецензия того же Г. Вяткина, где в характерной для него поэтической манере указывалось на практическую ценность пьесы для современного общества. Г. Вяткин восхищается не только изящностью и остротой сюжета, но литературным талантом Г. Бара в целом [6]. Впервые пьеса была поставлена в Берлинском театре в 1909 году. О том, что «Концерт» заслужил высших оценок публики, свидетельствуют, например, следующие строки в «Новом венском журнале» (*“Neues Wiener Journal”*): *«Man kann also ein volles Gelingen des Stückes konstatieren. <...> Direktor Brahm tret zum Schlusse nach dem minutenlangen Beifall, der das Haus durchdröhnt hatte, vor die Rampe, um dem Publikum im Namen des nicht anwesenden Autors für die warme Aufnahme des Stückes zu danken»* [35] (досл.: Итак, можно констатировать полный успех пьесы. <...> Директор [театра] Брам вышел в заключении после минутных аплодисментов, которые сотрясали здание, чтобы поблагодарить публику от лица отсутствующего автора за теплый прием пьесы).

В немецкоязычной газете «Новая свободная пресса» (*“Neue Freie Presse”*) в 1910 пьеса также получила высокую оценку. Отмечается современность пьесы, ее положительный настрой, а также талант писателя, что привело к громкому успеху в Германии и Австрии [37]. Тема брака, нетривиально описанная Баром, находит одобрение не только на родине писателя, но и в Сибири. Комедия «Концерт» содержит в себе все те компоненты, которые были важны для Вяткина-критика: острая, актуальная тема, назидательный пафос, но при этом в изящном, высокохудожественном воплощении. Здесь можно также говорить о тематическом комплексе пьес на сюжеты из жизни театра, актеров, музыкантов, которые дополняют мотивы из будней педагогов, студентов и учителей, характерные для других постановок немецких драматургов.

Отзыв о комедии «Властелин жизни» (*“Der Meister”*, 1904) появляется в «Сибирской жизни» в № 110 за 1912

год. Авторство статьи принадлежит Иосифу Иванову, который не дает своей оценки пьесе, а только пересказывает читателю ее содержание. В Австрии пьеса была удостоена специальной премии. На сценах Германии она также имела успех. В «Новом венском ежедневном листке» (*„Neues Wiener Tagblatt“*) в 1903 году помещается рецензия на постановку «Мастера» в Берлинском театре: *«Der Verfasser nennt das dreiaktige Stück eine Komödie, aber eine Komödie ist es nur so, wie das bunt verworrene Leben eine ist, wenn man mit bitterem Humor nach Schicksalen, die das Innerste aufwühlen, erkennt, dass sich der Weltlauf nicht nach unseren klugen Prinzipien richten will, dass das Elementare mächtiger ist als die Vernunft. Bahr hat sehr viel in dies herbe Drama hineinlegen wollen, und so ist es ein ziemlich kompliziertes Gebilde geworden»* [40] (досл.: Автор называет трехактную пьесу комедией, но комедия заключается только в разнообразно запутанной жизни, когда человек с горьким юмором думает о судьбе, которая будоражит самое сокровенное, то, что мир не следует нашим разумным принципам, что стихия сильнее, чем разум. Бар, пожалуй, слишком многое вложил в эту суровую драму, и поэтому она представляет собой довольно сложную картину).

Самое позднее упоминание Г. Бара встречается в «Сибирской жизни», в № 136 за 1912 год. В рубрике «Театр» Иосиф Иванов дает краткий обзор постановки на томской сцене комедии «Наполеон и Жозефина» (*“Josephine. Ein Spiel in vier Akten”*, 1897). Отмечается, что комедия имела успех и театр был полон [7]. Следует подчеркнуть, что в Германии и Австрии пьеса также была воспринята с интересом. В 1913 году в австрийской газете «Новая свободная пресса» (*“Neue Freie Presse”*) комедия сравнивается с «Избранником судьбы» Б. Шоу. Автор отмечает недостаточно высокое качество пародии в пьесах, но образ Жозефины и сюжет комедии Бара о том, что все люди подвластны простым человеческим слабостям и соблазнам, приходятся немецким критикам по вкусу [39].

Таким образом, из разнообразного творчества Бара региональные авторы выбирали его комедии, восхваляющие талант и стремление к успеху, и раскрывающие разные стороны личности находчивого героя. Примечательно, что сибирская рецепция произведений австрийского драматурга не всегда соответствовала аутентичному восприятию, на родине Бара.

Публикации в региональных периодических изданиях рубежа веков свидетельствуют о высокой осведомленности местного зрителя и читателя литературной периодики. Важно отметить, что среди библиографических статей и театральных рецензий в региональной печати мы наблюдаем исключительно оригинальную рецепцию, без перепечаток из других газет. Авторами статей выступают известные местные критики, литературные и общественные деятели, переводчики и писатели. В томских газетах предпочтение отдается комедиям, затрагивающим как бытовые темы, так и острые философские вопросы. Сентиментальные драмы критиками не принимаются. Наиболее важной в местной рецепции

представляется социальная проблематика произведений: о семье, о браке, морали, нравственных ценностях.

Публикации в газетах, посвященные популярным вопросам психоанализа, заметки о З. Фрейде, Ф. Ницше, Ч. Ломброзо, споры о браке, личности женщин и мужчин, их отношениях – все это имело важное просветительское значение для читателей, в тоже время освещало собственные взгляды региональных критиков на указанные вопросы. В региональном сознании акцент делается на бытовые и социальные аспекты. В одесских газетах рецепция немецких драматургов расширяется переводами новелл Шницлера, восприятие его драматургии во многом совпадает с мнением сибиряков. Рижские газеты в оценках творчества Бара созвучны с центральной российской прессой. Следует также отметить, что, несмотря на отсутствие упоминаний Р. Фосса

и некоторых других немецких драматургов, популярных в Томске (О. Эрнст, Л. Фульда, М. Дрейер [12]), в одесских и рижских изданиях присутствуют многочисленные отзывы на постановки известнейших немецких авторов – Ф. Шиллера, Г. Зудермана, Т. Герцля, М. Гальбе и др., специфику которых еще предстоит рассмотреть. Целью театральных постановок в региональных театрах и публикаций библиографических статей и произведений зарубежных авторов в газетах, очевидно, являлось создание собственной региональной культуры посредством освоения «чужого» опыта в соответствии со своими потребностями. Многогранное восприятие региональными критиками немецкой драматургии говорит об их вовлеченности в обсуждение философских идей современности.

Библиографический список

1. *Бар Г. Апостол / Театр и музыка // Рижский вестник* 1905. № 217. С. 3.
2. *Бар Г. Апостол / Театр и музыка // Рижский вестник* 1905. № 221. С. 3.
3. *Бар Г. Апостол // Сибирская жизнь*. 1903. № 218. С. 2.
4. *Бар Г. Властелин жизни / Театр // Сибирская жизнь*. 1912. № 110. С. 3.
5. *Бар Г. Звезда / Театр «Буфф» // Сибирская жизнь*. 1909. № 127. С. 2.
6. *Бар Г. Концерт / Театр // Сибирская жизнь*. 1910. № 224. С. 2.
7. *Бар Г. Наполеон и Жозефина / Театр // Сибирская жизнь*. 1912. № 136. С. 3.
8. *Боярский Я. О. Сто лет Александринский театр-театр Госдрамы 1832-1932*. 1931. С. 335.
9. *Исторический вестник*. 1890. Т. 42. С. 33.
10. *Литература и жизнь // Сибирская жизнь*. 1908. № 46. С. 3.
11. *Литературные миниатюры / Фельетон «Сибирской жизни» // Сибирская жизнь*. 1909. № 20. С. 2.
12. *Серягина Ю.С. Театральный дискурс в сибирской периодике к. XIX – нач. XX века: немецкая драматургия (М. Дрейер, Л. Фульда, О. Эрнст) / Язык и культура*, 2018. № 44. С. 87-105.
13. *Троцкий Л. Проблемы культуры. Культура старого мира / Сочинения*. Москва-Ленинград, 1926. Т. 20. С. 114-115.
14. *Труд: вестник литературы и науки*. Вып. 7. 1895. Т. 27. С. 2.
15. *Фосс Р. Ева / Театр и музыка // Сибирский вестник*. 1895. № 130. С. 3.
16. *Фосс Р. Ева / Театр и музыка // Сибирский вестник*. 1899. № 47. С. 3.
17. *Фосс Р. Чужой грех / Театр и музыка // Сибирский вестник*. 1898. № 252. С. 3.
18. *Шницлер А. Das Vermächtnis / Маленький фельетон // Южное обозрение*. 1899. № 791. С. 3.
19. *Шницлер А. Два брата // Киевлянин*. 1901. № 66-69, 72. С. 2.
20. *Шницлер А. Жена Мудрого // Киевлянин*. 1898. № 320-322. С. 1.
21. *Шницлер А. Забава / Театр // Южное обозрение*. 1900. № 1163. С. 3.
22. *Шницлер А. Забава / Театр и музыка // Сибирская жизнь*. 1910. № 237. С. 4.
23. *Шницлер А. Литература / Театр и музыка // Сибирская жизнь*. 1903. № 121. С. 3.
24. *Шницлер А. Литература / Театр и музыка // Сибирский вестник*. 1903. № 121. С. 3.
25. *Шницлер А. Один час жизни // Киевлянин*. 1899. № 356. С. 4-5.
26. *Шницлер А. Последнее прощание // Киевлянин*. 1898. № 297-299. С. 2.
27. *Шницлер А. Прощание // Мир Божий*. 1898. № 10. С. 169-180.
28. *Шницлер А. Пьесы. В погоне за легкой добычей. Завещание. Сказка. / Библиография // Сибирская жизнь*. 1904. № 22. С. 2.
29. *Шницлер А. Триумф // Киевлянин*. 1899. № 15-17, 20-21. С. 2.
30. *Шницлер А. Фарисей / Театр // Сибирская жизнь*. 1906. № 131. С. 2.
31. *Шницлер А. Фрау Берта Герлан. Роман / Библиография // Сибирская жизнь*. 1903. № 128. С. 3.
32. *Шницлер А. Цветы // Киевлянин*. 1899. № 47, 48. С. 2.
33. *Шницлер А. Цветы // Южное обозрение*. 1900. № 1121. С. 2.
34. *Шницлер А. Эксцентрик // Одесские новости*. 1906. № 6985. С. 3.
35. *Das Konzert von Hermann Bahr. Erstaußführung im Berliner Lessing-Theater // Neues Wiener Journal*. 1909. № 5810. Pp. 9–10.
36. *Die Reichspost*. 1901. № 259. Pp. 9–10.
37. *Ein Lustspiel // Neue Freie Presse*. 1910. № 16346. Pp. 1-3.
38. *Literarische Chronik // Das Magazin für Literatur. Begründet von Joseph Lehmann*. № 14. 1891. Pp. 222.
39. *Neue Freie Presse*, 1913. № 17516. Pp. 1-3.
40. *Neues Wiener Tagblatt*. 1903. № 342. Pp. 12.
41. *Neues Wiener Tagblatt*. 1898. № 314. Pp. 1-2.
42. *Schnitzler A. Gesammelte Werke. Die erzählenden Schriften, 2 Bände. Band 1*. Frankfurt a.M.: 1961. Pp. 220-228.
43. *Urbach R. Schnitzler Kommentar. Zu den erzählenden Schriften und dramatischen Werken*. Munich: Winkler, 1974. Pp. 22.

References

1. *Bahr H. Apostol / Theater and Music // Rzhskij vestnik*. 1905. № 217. Pp. 3.
2. *Bahr H. Apostol / Theater and Music // Rzhskij vestnik*. 1905. № 221. Pp. 3.
3. *Bahr H. Apostol // Sibirskaja Zhisn*. 1903. № 218. Pp. 2.
4. *Bahr H. Master / Theater // Sibirskaja Zhisn*. 1912. № 110. Pp. 3.

5. *Bahr H.* Star / Theater «Buff» // *Sibirskaja Zhisn.* 1909. № 127. Pp. 2.
 6. *Bahr H.* Concert / Theater // *Sibirskaja Zhisn.* 1910. № 224. Pp. 2.
 7. *Bahr H.* Napoleon and Josephine / Theater // *Sibirskaja Zhisn.* 1912. № 136. Pp. 3.
 8. *Bojarskij Ya. O.* 100 years of Aleksandrinskij Gosdram Theater 1832-1932. 1931. Pp. 335.
 9. Historical bulletin. 1890. B. 42. Pp. 33.
 10. Literature and life // *Sibirskaja Zhisn.* 1908. № 46. Pp. 3.
 11. Literature miniature // *Sibirskaja Zhisn.* 1909. № 20. Pp. 2.
 12. *Seriagina Yu.S.* German deramaturgy in the imagological paradigm of the Siberian periodics of the end of the XIX - the beginning of XX century: M. Dreyer, L. Fulda, O. Ernst / *Language and Culture*, 2018. № 44. Pp. 87-105.
 13. *Trotskij L.* Culture Issues. Culture of the old world / Works. Moskow-Leningrad, 1926. B. 20. Pp. 213.
 14. Trud: bulletin of literature und science. Ed. 7. 1895. B. 27. Pp. 2.
 15. *Foss R.* Eva / Theater and Music // *Sibirskij vestnik.* 1895. № 130. Pp. 3.
 16. *Foss R.* Eva / Theater and Music // *Sibirskij vestnik.* 1899. № 47. Pp. 3.
 17. *Foss R.* Guilty / Theater and Music // *Sibirskij vestnik.* 1898. № 252. Pp. 3.
 18. *Schnitzler A.* Das Vermächtnis // *Yuzhnoe obozrenie.* 1899. № 791. Pp. 3.
 19. *Schnitzler A.* Two brothers // *Kievlianin.* 1901 № 66-69,72 Pp. 2.
 20. *Schnitzler A.* The wife of the wiseman // *Kievlianin.* 1898 № 320-322 Pp.1.
 21. *Schnitzler A.* The game / Theater // *Yuzhnoe obozrenie.* 1900. № 1163. Pp. 3.
 22. *Schnitzler A.* The game / Theater and Music // *Sibirskaja Zhisn.* 1910. № 237. Pp. 4.
 23. *Schnitzler A.* Literature / Theater and Music // *Sibirskaja Zhisn.* 1903. № 121. Pp. 3.
 24. *Schnitzler A.* Literature / Theater and Music // *Sibirskij vestnik.* 1903. № 121 Pp. 3.
 25. *Schnitzler A.* One hour of life // *Kievlianin.* 1899 № 356 Pp. 4-5.
 26. *Schnitzler A.* The last sorry // *Kievlianin.* 1898 № 297-299 Pp. 2.
 27. *Schnitzler A.* Goodbuy // *Mir Bozhij.* 1898. № 10. Pp. 169-180.
 28. *Schnitzler A.* Plays / Bibliography // *Sibirskaja Zhisn.* 1904. № 22. Pp. 2.
 29. *Schnitzler A.* Triumph // *Kievlianin.* 1899 № 15-17, 20-21 Pp. 2.
 30. *Schnitzler A.* Farisei / Theater // *Sibirskaja Zhisn.* 1906. № 131. Pp. 2.
 31. *Schnitzler A.* Frau Berta Gerlan / Bibliography // *Sibirskaja Zhisn.* 1903. № 128. Pp. 3.
 32. *Schnitzler A.* Flouers // *Kievlianin.* 1899 № 47,48 Pp. 2.
 33. *Schnitzler A.* Flouers // *Yuzhnoe obozrenie.* 1900. № 1121.Pp. 2.
 34. *Schnitzler A.* Exzentkic // *Odesskie novosti.* 1906. № 6985 Pp. 3.
 35. Das Konzert von Hermann Bahr. Erstaufführung im Berliner Lessing-Theater // *Neues Wiener Journal.* 1909. № 5810. Pp. 9–10.
 36. Die Reichspost. 1901. № 259. Pp. 9–10.
 37. Ein Lustspiel // *Neue Freie Presse.* 1910. № 16346. Pp. 1-3.
 38. Literarische Chronik // *Das Magazin für Literatur.* Begrundet von Joseph Lehmann. – №14. – 1891. – S. 222.
 39. *Neue Freie Presse,* 1913. № 17516. Pp. 1-3.
 40. *Neues Wiener Tagblatt.* 1903. № 342. Pp. 12.
 41. *Neues Wiener Tagblatt.* 1898. № 314. Pp. 1-2.
 42. *Schnitzler A.* Gesammelte Werke. Die erzählenden Schriften, 2 Bände. Band 1. Frankfurt a.M.: 1961. Pp. 220-228.
 43. *Urbach R.* Schnitzler Kommentar. Zu den erzählenden Schriften und dramatischen Werken. Munich: Winkler, 1974. Pp. 22.
-

УДК 821.161.1. 82-1

UDC 821.161.1. 82-1

СИМОНЕНКОВА С.Н.

соискатель, кафедра истории русской литературы XI-XIX вв, Орловский государственный университет имени И.С. Тургенева
E-mail: svetiana.simonenckova@yandex.ru

SIMONENKOVA S.N.

Aspirant, Department of the History of the XI-XIX Centuries of the Russian Literature, Orel State University
E-mail: svetiana.simonenckova@yandex.ru

ПРИЗЫВНО-ПРОСИТЕЛЬНЫЕ СТИХОТВОРНЫЕ МОЛИТВЫ В РУССКОЙ ПОЭЗИИ 80-90-Х ГОДОВ XIX ВЕКА

POETIC PRAYERS ON ENCOURAGEMENT AND FORGIVENESS IN RUSSIAN POETRY OF 80 S-90 S OF 19 ST CENTURY

В статье рассматривается призывно-просительная стихотворная молитва как одна из разновидностей жанра. Доказывается, что содержание стихотворений не только восходит к существующему Православному канону, но и подвергается существенной трансформации, вызванной идеологическими установками эпохи и стремлением авторов осмыслить причины духовного кризиса эпохи 80-90-х годов XIX века.

Ключевые слова: призывно-просительная стихотворная молитва, жанр, канон, переложение, К.Р. (Константин Романов), Л.Н. Афанасьев, М.А. Лохвицкая, О.Н. Чюмина.

The article examines poetic prayers on encouragement and forgiveness as one of the genre varieties. It is stated that the content of poems not only goes back to the existing Orthodox canon, but also undergoes a significant transformation caused by the ideological principles of the era and authors' desire to understand the causes of the spiritual crisis of the 1880s-1890s era.

Keywords: poetic prayers on encouragement and forgiveness, genre, canon, appendix, K.R. (Konstantin Romanov), L.N. Afanassjew, M.A. Lokhvitskaya, O.N. Chyumina.

Стихотворная молитва является одним из наименее исследованных жанров современного литературоведения. Системное изучение жанровых особенностей текстов данной структурно-семантической организации проводилось только в диссертационных исследованиях Э.М. Афанасьевой [2] и О.А. Переваловой [7], а стихотворные молитвы 80-90-х годов XIX века как целостное литературное явление не рассматривались. Отдельные произведения поэтов эпохи русского безвременья, тем не менее, становились предметом анализа в работах Т.В. Малыгиной, Е.Е. Завьяловой, Ю.Е. Павельевой, Е.З. Тарланова.

Цель нашего исследования заключается в выявлении жанровых особенностей стихотворений, восходящих к канонической просительной молитве.

Рассматриваемый тип стихотворной молитвы – призывно-просительные молитвы. Они включают не только просьбу о помощи, но и многократное обращение к Богу.

К типу призывно-просительных молитв относится стихотворение К.Р. (Константина Романова) «Молитва». Оно открывается обращением к Богу: «Научи меня, Боже, любить/ Всем умом Тебя, всем помышленьем,/ Чтоб и душу Тебе посвятить/ И всю жизнь с каждым сердцем биеньем» [3, с. 72].

Как и в других текстах стихотворных молитв, поэт воспроизводит традиционную ситуацию, предполагающую диалогизм и выражающую стремление лирического героя обрести в молитве внутреннюю гармонию.

В основе стихотворения лежит Новый Завет, событие, описанное во всех четырех Евангелиях, но наиболее подробно в Евангелии от Матфея. Традиционно оно называется: «Столкновение с фарисеями» и повествует о том, как фарисеи послали к Иисусу одного из знатоков закона Моисея, чтобы тот задал вопрос о самой значимой заповеди. Иисус ответил, главное – это Возлюбите Господа Бога всем сердцем и всею душою, и всем разумением (Втор. 6:5), второй заповедью Иисус назвал «любить ближнего<...> как самого себя (Лев. 19:18), т.е. нужно любить Бога и ближних, сотворенных по образу Божию («На сих двух заповедях утверждается весь закон и пророки» (Мф. 22: 40)).

На первый взгляд кажется, что К.Р. максимально точно воспроизводит евангельские наставления. Его мольба почти точная цитата из Евангелия: «возьмите иго Мое на себя и научитесь от Меня, ибо Я кроток и смирен сердцем, и найдете покой душам вашим» (Мф. 11: 29).

В первой строфе поэт называет те качества, без которых невозможна настоящая любовь к Богу: чувствительное сердце, живая душа и «разуменье». Константин Романов не случайно разделяет «ум» и «помышление» («Всем умом Тебя, всем помышленьем»). Подобное разграничение восходит к Библии: «И видев Иисус помышления их, рече: вскую вы мыслите лукавая в сердцах своих» (Мф. 9: 4), разграничиваются способность мыслить и намерения, разум и сердце.

В этой же строфе возникает основной мотив «Молитвы» – спасение души лирического героя. Однако оно возможно только в том случае, если человек готов к смирению, к пониманию того, что ни один смертный не может уцелеть, не обратившись к Богу. В «Молитве» К.Р. выражает мысль, что истинная любовь к Господу – это смирение и покаяние.

Вторая строфа также начинается с просьбы: «Научи Ты меня соблюдать/ Лишь Твою милосердную волю,/ Научи никогда не роптать/ На свою многотрудную долю» [3, с. 72].

Лирический герой в этой просьбе выражает свое стремление спокойно и мудро переносить все жизненные испытания. В Библии аналогов этой мысли нет, но само ее наличие в тексте доказывает, что даже при самом точном следовании за каноническим текстом литература предполагает свободу творческого высказывания. Становится очевидным, что поэт создает не переложение, а самостоятельное художественное произведение, обращенное к Библии.

Завершается стихотворение еще одной просьбой-молением: «Всех, которых пришел искупить/ Ты Своєю Пречистою Кровью,/ Бескорыстной, глубокой любовью/ Научи меня, Боже, любить!» [3, с. 72]

В завершающей части К.Р. вновь стремится максимально точно воспроизвести сакральный текст. Для поэта важно подчеркнуть, что Господь искупил своей мученической смертью грехи человечества: «Кровь Моя Нового Завета, за многих изливаемая во оставление грехов» (Мф. 26: 28), а значит и любовь – это то чувство, которое укрепляет веру, а истинная вера пробуждает любовь к человеку. Идея, выраженная в стихотворении Константина Романова, заключается в том, что человек просит любви, потому что только она придает душевные силы, в бескорыстной любви к ближнему человек становится нравственным.

Основу стихотворной молитвы Л.Н. Афанасьева составляет притча, которую рассказывает Иисус своим ученикам. Это повествование о долге, прощенном рабу и рабе, который не умел прощать. На вопрос Петра: «Господи! сколько раз прощать брату моему, согрешающему против меня? до семи ли раз?», Иисус ответил: «До семи, но до седмижды семидесяти раз» (Мф. 18: 21-22), т.е. бесконечно.

В Евангелие от Иоанна приводятся слова Иисуса: «Как возлюбил Меня Отец, и Я возлюбил вас; пребывайте в любви Моей./ Если заповеди Мои соблюдете, пребудете в любви Моей, как и Я соблюл заповеди Отца Моего и пребываю в Его любви. / Сие сказал Я вам, да радость Моя в вас пребудет и радость ваша будет совершенна. / Сия есть заповедь Моя, да любите друг друга, как Я возлюбил вас. / Нет больше той любви, как если кто положит душу свою за друзей своих./ ...Сие заповедаю вам, да любите друг друга» (Ин. 15: 9 -17).

Смысл заповеди Иисуса заключается в том, что человек должен идти на любые жертвы ради любви к ближнему, а высшее проявление любви – это самопожертвование.

Текст стихотворной молитвы Л.Н. Афанасьева включает не только передачу отдельных идей Нового Завета, но и изложение эпизодов жизни Христа: смерть на кресте, умение прощать и любить.

Следует признать, что «Молитва» Л.Н. Афанасьева – одно из самых эмоциональных произведений, написанных в рассматриваемом жанре. Его главная мысль передается анафорой: «Прощать, как Ты, Христос, нам, людям, заповедал./Прощать, как Ты прощал, не можем мы, Христос!/<...> Прощать лишь может Тот, Кто Сам умел страдать! <...> Прощать!.. О, научи же нас, Великий Гений света...» [1, с. 9]

Нарративная часть – это перечисление того, что вызывает благоговейный восторг у лирического героя: это сила духа Христа, его несомненность в страданиях, твердость и целомудрие.

Возвеличивание Христа выполняет в стихотворении еще одну функцию. Автор подчеркивает, что человечество растеряло все те духовные ценности, которые были завещаны ему Христом. Люди бессильны, не способны к душевной стойкости, лживы, а мир тонет во вражде и преступлениях. Причину этого автор видит в том, что люди забыли Священное писание, отреклись то веры.

Не случайна и выбранная Л.Н. Афанасьевым форма выражения авторского сознания – это распространенная в молитвенном дискурсе обобщенная форма «мы»: «нам, людям, заповедал», «не можем мы», «никто из нас», «О, кто из нас», «научи же нас».

Стихотворная молитва Л.Н. Афанасьева – произведение большого трагического звучания. Поэт полностью разочарован в человечестве, он убежден, что люди не способны самостоятельно возродиться к жизни, не способны обрести утраченные ценности, потому все надежды он возлагает на Иисуса Христа, который может простить неразумных и спасти человечество силой своей любви: «Ты правды и любви великий идеал!/ Дай нас постичь слова Священного Завета/ И так же, как и ты, любить и умирать!» [1, с. 9]

Пафос последних строк заключается в том, что люди должны научиться любить ближнего.

«Молитва» М.А. Лохвицкой – одно из самых проникновенных произведений поэтессы. Лирическая героиня, обращаясь к Богу, просит за тех, кто разуверился в Боге и разочаровался в жизни, утратил основы, дающие ощущение радости бытия.

Исследователь Е.З. Тарланов отмечал, что в этом тексте, как и во всем творчестве поэтессы, проявляется «один важнейший атрибут художественной платформы модернизма – гендерная поэтика. Ее развитие сопровождается размыванием психологических контуров автора и введением имморалистического компонента» [8, с. 314].

С исследователем не согласилась Ю.Е. Павельева. С ее точки зрения вывод Е.З. Тарланова об имморализме творчества М.А. Лохвицкой слишком категоричен. «В ее поэзии приоритет эстетического перед этическим не оказывается абсолютным <...> По нашему мнению, имморалистическая тенденция побеждается совершенно другой – поисками своего пути к Богу» [6, с. 75].

Однако в стихотворной молитве М.А. Лохвицкой важны не личностные поиски истины, а стремление спасти человечество. Отрицание моральных принципов не является не только доминантой, но и предметом осмысления в стихотворении. Напротив, весь текст построен на противопоставлении «духом кротких» и «глубоко павших».

«Молитва» М.А. Лохвицкой – произведение, имеющее четкую композицию: каждая из трех частей является законченной по своему содержанию и могла бы быть отдельным текстом. Первая – это моление обо всех, утративших веру и потому тоскующих и страдающих.

Вторая – признание ценности веры: «Не вам, смиренные,/ Чья жизнь – молчание,/ Молю покорности/ И упования./ Вам, духом кроткие,/ Вам, сердцем чистые,/ Легки и радостны/ Тропы тернистые [5, с. 13].

При этом в стихотворении нарушаются канонические представления. Истинно верующий человек не делит род человеческий, он сострадательно относится ко всем. По мнению лирической героини, люди, способные к умалению своей гордости и «сердцем чистые», не нуждаются, в ее молении, так как испытания, выпадающие на их долю, принимаются со смирением и радостью.

Трагическую окрашенность приобретают строки, посвященные тем, кто стремился к активному переустройству жизни, то есть взявшими на себя функции Бога.

Лирическая героиня глубоко сочувствует им и понимает, что спасти их может только Бог, который даст мятежным душам осознание истинных ценностей:

«Но вам, мятежные,
Глубоко павшие,
Восторг с безумием,
И злом смешавшие;
За муки избранных,
За боль мгновения –
Молю познания
И откровения!» [5, с. 13]

По сути, первая и последняя строфы посвящены той части русского общества, которая пришла к утрате всех ценностей и разочарованию в возможности изменить жизнь. По мысли поэтессы, они не только не поняли, но и никогда не осознавали бессмысленности своей борьбы, которая в тексте стихотворения уподоблена греху.

Следует отметить, что в художественном мире М.А. Лохвицкой текст подобного содержания – это явление единичное. Очевидно, его возникновение в лирике поэтессы можно объяснить своеобразным влиянием эпохи, общими настроениями творческой интеллигенции.

Несколько нетрадиционной для стихотворной молитвы по своей архитектонике является «Молитва» О.Н. Чюминой. Большую часть текста составляет передача лирической героиней ощущений от собственной жизни. Она осознает ее бессмысленность, так как убеждена, что не смогла реализовать свои главные стремления – служение людям, сломилась, отказалась от борьбы

за благо людей. Все в произведении построено на передаче состояния сумрачного тоски, уныния и бессилия, что, безусловно, отражало и общую атмосферу эпохи. Подобное душевное состояние нашло воплощение не только в творчестве О.Н. Чюминой, но и произведениях большей части ее современников.

Особую роль в контексте стихотворной молитвы приобретает ее центральный образ – сон, который проходит через все произведение и оказывается связанным с образами кладбища («Тишина вокруг») и могилы («И спокойствие могилы/ Охватило вдруг»), возникающими в центральной строфе стихотворения.

Собственно именно образом сна определяется композиция текста, включающего две структурно-семантические части: в первой передается состояние бессилия и разочарования, которое трактуется как сон, а во второй звучит моление, связанное с ощущениями лирической героини, ее внутренним состоянием.

В стихотворении возникает оппозиция прошлого и настоящего: жизнь в борьбе предстает прошлым, сон – настоящее:

«Тучи темные нависли
Низко над землей,
Сон оковывает мысли
Непроглядной мглой» [9, с. 71].

Большая часть произведения построена на описании эмоционально-психологического состояния лирической героини. Осознав трагичность существования, она приходит к мысли о бессмысленности борьбы:

«Замирают в сердце муки...
На борьбу опять
Опустившиеся руки
Нет сил поднять» [9, с. 72].

Стихотворная молитва О.М. Чюминой наполняется сложными ассоциациями. Человеческая жизнь, с одной стороны, столь же скоротечна, как и сон. С другой стороны, она неизменно соотносится со страданиями («Замирают в сердце муки...»).

В начале стихотворения эмоциональный и семантический акцент делается на передаче внутреннего состояния человека, отдавшего все силы бессмысленной, как оказалось, борьбе и неспособности к обретению истины.

Инверсионный порядок слов в первой и третьей строках первой строфы указывает на сосредоточенность лирической героини на своих собственных мыслях и чувствах. Она даже не пытается осмыслить причины возникновения в душе трагического мироощущения. Предчувствие надвигающейся катастрофы, выраженное в тексте образами «туч» и «сна», вынесенными в начало строк, – это художественный прием, позволяющий поэтессе создать ощущение неотвратимости надвигающейся беды.

Общим эмоциональным тоном стихотворения обусловлен его лексико-семантический уровень, в котором преобладают лексемы, связанные с мотивом сна: «оковывает мысли», «непроглядной мглой», «замирают в сердце муки», «Опустившиеся руки/ Нет сил поднять»,

«Голова в изнеможенье/Клониться на грудь...»

Синтаксический уровень также оказывается значимым в изображении крайней степени подавленности лирической героини. В трех строфах из пяти поэте использует многоточие, передающее неспособность продолжать анализ внутреннего состояния. Причем каждый из знаков препинания соотношен с мотивом смерти: «Тишина вокруг.../ И спокойствие могилы...», «Замирают в сердце муки...»

В тексте полностью переосмысливаются традиционные христианские каноны. Молитва не несет очищения, не воспринимается лирической героиней как соприкосновение со светлым началом, напротив, она рождает еще большие сомнения и усиливает трагическое начало:

«Боже мой! Услышь моление,
О, не дай заснуть.
Этот сон души мертвящий
Бурей разгони

И зажги во тьме царщей
Прежние огни» [9, с. 72].

Трагизм не исчезает из стихотворной молитвы и после обращения к Богу, не возникает ощущения, что молитва будет услышана.

Следует отметить и еще одну важную для текста деталь – это использование символики эпохи романтизма, где буря воспринималась как активное преобразование действительности. Так, поэте в стихотворной молитве выходит за рамки «личных» просьб и обращается к Высшим силам за поддержкой в борьбе.

В целом же, призывно-просительные стихотворные молитвы обладают относительно устойчивой идейной основой. Во всех рассмотренных текстах, относящихся к данной разновидности, поэты обращаются к духовному состоянию своего современника. За исключением «Молитвы» К.Р., во всех других произведениях лирический герой – это глубоко разочарованная и поэтому страдающая личность.

Библиографический список

1. Антология одного стихотворения. Христианство в русской поэзии второй половины XIX века / Сост. и прим. И.А. Книгина. Саратов, 2013. 80 с.
2. Афанасьева Э.М. «Молитва» в русской лирике XIX в.: Логика жанровой эволюции : диссер. ... кандид. филол. наук : 10.01.01. Томск, 2000. 253 с.
3. К.Р. Стихотворения К.Р. СПб.: Тип. Имперской Академии наук, 1911. 509 с.
4. Кырлежев А.И. Молитва// Новая философская энциклопедия: в 4 т. / Ин-т философии Рос. акад. наук, Нац. обществ.-науч. фонд ; Науч.-ред. совет.: В. С. Степин, А.А. Гусейнов, Г.Ю. Семин. 2 изд. Т.2: Е-М. М.: Мысль, 2010. С. 603-604.
5. Лохвицкая М.А. Стихотворения: в 5 т. Т.4: 1900-1902. СПб: тип. М.М. Стасюлевича, 1903. 236 с.
6. Павельева Ю.Е. Творческие искания М.А. Лохвицкой и «женская поэзия» 1880-1890-х годов// Филология и человек, 2008. № 4. С. 75-81.
7. Перевалова О.А. Стихотворная молитва в русской поэзии XIX века: жанровая динамика и типология: диссер. ... кандид. филол. наук : 10.01.01. Екатеринбург, 2015. 207 с.
8. Тарланов Е.З. Между золотым и серебряным веком. Петрозаводск: Изд-во Петрозаводского гос. ун-та, 2001. 400 с.
9. Чюмина О.Н. Стихотворения 1892-1897 гг. 2-е изд. СПб.: Новости, 1900. 328 с.

References

1. Anthology of one poem. Christianity in Russian poetry of the second half of the 19th century/Ed.by Prof. I.A. Knigin. Saratov, 2013. 80 p.
2. Afanassjew E.M. "Prayer" in Russian lyrics of the 19th century: Logic of genre evolution: dissertation of philological sciences: 10.01.01. Tomsk, 2000. 253 p.
3. K.R. Poems by K.R. SPb.: Type. Imperial Academy of Sciences, 1911. 509 p.
4. Kirlzev A.I. Prayer//New philosophical encyclopedia: in 4 V./ Russian Academy of Sciences.: V. S. Stepin, A. A. Huseynov, G.Y. Semigin. 2 ed. Vol.2.: Thought, 2010. Pp.603-604.
5. Lokhvitskaya M.A. Poems: in 5 V. Vol. 4:1900-1902. SPb: Type. M.M. Stasyulevich, 1903. 236 p.
6. Paveleva Y.E. M.A. Lokhvitskaya's creative searches and "female poetry" of 1880s -1890s//Philology and man, 2008. № 4. Pp. 75-81.
7. Perevalova O.A. Prayer poem in russian poetry of the 19th century: genre dynamics and typology: dissertation of philological sciences: 10.01.01. Yekaterinburg, 2015. 207 p.
8. Tarlanov E.Z. Between the golden and silver age. Petrozavodsk: Petrozavodsk State University, 2001. 400 p.
9. Chyumina O.N. Poems 1892-1897 2nd ed. SPb.: News, 1900. 328 p.

УДК 821.161.1

UDC 821.161.1

СМИРНОВ К.В.

кандидат филологических наук, преподаватель русского языка, литературы и философии, АПОУ «Вологодский колледж связи»

E-mail: kirill_smirnov_1989@list.ru

ЧЕРКАСОВ В.А.

доктор филологических наук, доцент, кафедра теории, педагогики и методики начального образования и изобразительного искусства, Белгородский государственный национальный исследовательский университет

E-mail: cherkasov.valeri@mail.ru

SMIRNOV K.V.

Candidate of Philology, teacher of Russian, Literature and Philosophy, College of Communication and Information Technology

E-mail: kirill_smirnov_1989@list.ru

CHERKASOV V.A.

Doctor of Philology, Associate Professor, Department of Theory, Pedagogics and Methodics of Elementary Education And painting, Belgorod State National Research University

E-mail: cherkasov.valeri@mail.ru

АРХЕТИП КОРЫ И ЕГО ВОПЛОЩЕНИЕ В РАССКАЗЕ И.С. ТУРГЕНЕВА «ТРИ ПОРТРЕТА»

THE ARCHETYPE EMBODIMENT IN TURGENEV'S STORY «THREE PORTRAITS»

Статья посвящена анализу образа Ольги – главной героини рассказа И.С.Тургенева «Три портрета». Через описание личной драмы героини писатель актуализирует проблему женской эмансипации – одну из основных проблем русской литературы «золотого века». Мечты о счастье, которые оказываются иллюзорными, – вот причина смерти героини. Тип «тургеневской девушки», реализованный в образе Ольги, восходит к архетипу Кору, находящем свое воплощение в произведении и проанализированный в настоящей статье.

Ключевые слова: женская эмансипация, трагедия, тургеневская девушка, архетип Кору, иллюзия.

The article is devoted to the analysis of the image of Olga – the main character of Turgenev's story «Three portraits». Through the description of the personal drama of the heroine, the writer actualizes the problem of female emancipation – one of the main problems of Russian literature of the «Golden age». Dreams of happiness, which are illusory – that's the cause of death of the heroine. The type of «Turgenev girl», realized in the image of Olga, goes back to the archetype, which is embodied in the work and analyzed in this article

Keywords: female emancipation, tragedy, Turgenev girl, archetype of Kora, illusion.

Тема архетипов в литературе является довольно разработанной в литературе. Применительно к творчеству разных писателей ее поднимали Ермолаева, Краснова, отчасти затрагивал ее В.Н. Топоров, говоря об идеализме в романах И.А. Гончарова. Архетип Кору как один из шести архетипов, проанализированных К.Г.Юнгом, находит свое воплощение практически во всех произведениях русской литературы XIX века. Причиной того является интерес русских писателей к положению женщины в обществе и ее последующему изменению. Основой данной типологии выступает образ Татьяны Лариной, героини романа в стихах А.С. Пушкина «Евгений Онегин». В творческом наследии И.С. Тургенева прослеживается подробная ось. Схожесть с пушкинской героиней можно обнаружить, например, в образе Анны Сергеевны Одинцовой. Специфическое воплощение архетипа Кору получает образ Ольги, героини рассказа Тургенева «Три портрета». Об амбивалентности персонажа и особенно в реализациях некоторых архетипов в произведении пойдет речь в настоящей статье, основу которой составили работы К.Г. Юнга, К. Кереньи, Ю.М. Лотмана, А.Е. Наговицына и др.

В совместной работе К. Кереньи и К.Г. Юнга «Шесть архетипов» архетип Кору выделен как один из основных. «Дева часто описывается как существо, которое нельзя считать человеческим в обычном смысле; она либо неизвестного, либо особенного происхождения, либо странно выглядит, либо попадает в странные происшествия, из чего приходится заключить о ее необычной мифологической природе» [5, с. 182], – пишет К. Кереньи. Образ Ольги всецело подходит под данную характеристику. Тургенев указывает на отличие героини от прочих: «Грудным ребенком привезли ее в Луциновку; она чуть-чуть не умерла по дороге. Ольга Ивановна была воспитана, как говорится, в страхе божием и родительском... надобно сознаться, что Иван Андреевич и Анна Павловна – оба обращались с ней, как с дочерью» [3, с. 88-89]. Писатель акцентирует внимание на особый статус героини – она не является родной дочерью Ивана Андреевича и Анны Павловны, но воспитывается в их доме как приемная. Потустороннее начало, заложенное в Ольге, отделяет ее от всех прочих персонажей, делая ее уникальной. Похожими характеристиками отличается и Татьяна Ларина, которая, в свою очередь, значительно отличалась от своей

сестры. В связи с этим уместно говорить о дуализме: персонажный уровень разделен на героев одной семьи, одного рода и Ольгу, которая, являясь «дочерью» Ивана Андреевича и Анны Павловны, фактически обособлена от них контекстуально. Однако, в отличие от Татьяны Лариной, Ольга не развивается духовно. Причиной тому является ее сближение с Павлом Афанасьевичем, человеком исключительных человеческих качеств, но довольно посредственного в плане интеллектуального развития. Следовательно, Тургенев создает закрытое пространство дома Павла Афанасьевича, в котором царят гармония и взаимоуважение между супругами. Но оно статично. Нарушение гармонии связано с появлением Василия Ивановича, брата Ольги. Герой противопоставлен Павлу Афанасьевичу как начало темное началу светлому. Дихотомия «добро-зло» становится основой конфликта произведения. Василий начинает активно ухаживать за Ольгой и, спустя некоторое время, она влюбляется в него. После этого герой отказывает Ольге в продолжении отношений и рассказывает о произошедшем Павлу Афанасьевичу. Очевиден отсыл к «Евгению Онегину»: Онегин ставит в неловкое положение Ольгу, после чего убивает ее жениха Ленского на дуэли. У Тургенева подобная модель буквально продублирована: Василий после отказа Павла Афанасьевича жениться на Ольге вызывает его на дуэль и убивает. Далее герой отправляется к Ольге, сообщает о смерти ее жениха и преспокойно уезжает. Следовательно, образ Василия можно рассматривать как реализацию комплекса тени, одну из архетипических моделей: «Тень представляет собой моральную проблему, бросающую вызов личностному эго в целом, ибо ни один человек не в состоянии осознать свою тень, не приложив серьезных усилий морального характера» [4, с. 20]. Василий не просто разрушает привычный уклад жизни Ольги и Павла – он делает это осознанно, одновременно не преследуя каких-либо целей. В этом он близок Онегину и вполне может претендовать на статус «лишнего человека». Василий выступает, фактически, как змий-искуситель. Тургенев указывает на это: «он отличался такой неограниченной смелостью, такой змеиной изворотливостью, таким непостижимым хладнокровием, таким ловким и тонким умом, что, признаюсь, я понимаю неограниченную власть этого безнравственного человека над самыми благородными душами...» [3, с. 88]. Бинарная оппозиция «свое-чужое» на персонажном уровне представлена противопоставлением Павла и Василия как архетипов Белого и Черного богов соответственно. А.Е. Наговицын пишет: «При соприкосновении Белого и Черного богов появляются время и движение. Царство любого из них – смерть и стагнация. Поэтому поединок между ними необходим, как условие развития мира, поэтому, в конечном счете, ни один из них не может окончательно победить» [2, с. 539]. К смерти Павла приводит дуэль с Василием, которой тот всячески добивался. Стагнация в данном случае – застой, который связан с каждым из героев. Павел готов был жениться на Ольге, но никак не мог решиться, оправ-

дывая свою нерешительность стечением обстоятельств. Героиня, став его супругой, окончательно остановилась бы в своем духовном развитии, навсегда распрощавшись со светской жизнью, к которой она была готова бессознательно. Что же касается Петра, то здесь развитие событий складывается похожим образом: роман между ним и Ольгой был фикцией, созданной героем. Преследуя цель разрушения брака, Василий не собирался вовсе жениться на Ольге и уж тем более продолжать с ней отношения. Следовательно, Ольга оказывается в состоянии выбора: неустойчивые отношения с Василием, которые полны соблазнов больших городов, или брак с Павлом, который ничего не может предложить кроме стабильности и уюта в «закрытом» пространстве своей усадьбы.

И все-таки, будучи невестой, почему же Ольга выбрала Василия и отказала в любви Павлу? Ольга оказалась жертвой своего времени и своего социального положения: «при всех ее хороших качествах, она все-таки была порядочным дичком – и, пожалуй, в простоте сердца своего из собственных рук не раз наказывала какую-нибудь злополучную горничную...» [3, с. 90]. Тургенев указывает на общественную ситуацию времени развития действия, замечая: «Двадцать лет спустя русские девицы начали почитать романы вроде походов маркиза Глаголя, Фанфана и Лолиты, Алексея, или Хижины в лесу; начали учиться на клавинох и петь песни» [1, с. 89]. Ю.М. Лотман, анализируя женское положение в обществе, писал: «Мужчинам нравилось, чтобы в печальных, мечтательных голубых женских глазах блестели слезы и чтобы женщина, читая стихи, уносила душой куда-то вдаль – в мир более идеальный, чем тот, который ее окружает» [1, с. 53]. Также литературовед указывает на то, что в начале двадцатого века идеальная девушка перестает быть полной, пышущей здоровьем и становится кроткой и молчаливой. Под данную характеристику подходит образ Ольги: «ее красота состояла более в необыкновенной нежности и свежести тела, в спокойной прелести движений, чем в строгой правильности очертаний» [3, с. 92]. Василий замечает Ольгу, когда «она сидела боком у окна и задумчиво гладила полосатого котенка»; «ее голые, бледно-розовые, не вполне развитые плечи и руки дышали свежестью и здоровьем; небольшой чепчик осторожно сжимал ее густые, мягкие, шелковистые локоны; лицо слегка пылало: она недавно проснулась. Ее тонкая и гибкая шея так мило подавалась вперед» [3, с. 93-94]. Данное описание в точности подходит под описание «нового типа» русской девушки: таковы и Вера, героиня романа «Обрыв» И.А. Гончарова, и Вера Павловна Н.Г. Чернышевского из романа «Что делать?» и, разумеется, Татьяна Ларина А.С. Пушкина. Но все ранее упомянутые могли самостоятельно вершить свою судьбу, в то время как у Ольги свободы не было и в помине. В закрытом пространстве усадьбы Ольга тотчас ослабла при напоре петербургского франта Василия, который показал ей другую жизнь, не сжатую однообразием постоянства и стабильности. Контекстуально ги-

бель Ольги была предсказуема: она просто родилась не в том месте и не в то время.

Подводя итог выше сказанному, необходимо отметить: Ольга воплощает в себе архетип Керы, представленный К.Г. Юнгом и предполагающий неспособность самостоятельно выстраивать свою жизнь ввиду стечения обстоятельств. Проекцией подобной аналогии в мифологиях выступает образ Персефоны. Героиня, оказавшаяся в состоянии выбора: свободы или покой – вы-

бирает свободу, что и становится причиной ее гибели. Василий как разрушающее начало и воплощение комплекса тени есть ни что иное, как реализация темного начала, выступающего оппозиционно Павлу, – дихотомия добра и зла. Ольга погибает не из-за своей ошибки, а из-за того, что общество XIX века не способно было воспринимать личностные факторы женщин как стоящие внимания. Проблема женской эмансипации и ее последствия в очередной раз находят свое воплощение, к

сожалению, едва ли утрачивая свою актуальность.

Библиографический список

1. *Лотман Ю.М.* Беседы о русской культуре: Быт и традиции русского дворянства (XVIII – начало XIX века). СПб.: «Искусство – СПб», 2011. 413 с.
2. *Наговицын А.Е.* Древние цивилизации: общая теория мифа. М.: Академический проект, 2005. 656 с.
3. *Тургенев И.С.* Три портрета // Тургенев, И.С. Собр.соч. в 10 т. Т.5. М.: Художественная литература, 1978. С.78-104.
4. *Юнг К.Г.* Архетип и символ. М.: «Канон+», РООИ «Реабилитация», 2016. 336 с.
5. *Юнг К.Г.* Душа и миф: шесть архетипов. Киев: Государственная библиотека Украины для юношества, 1996. 384 с.

References

1. *Lotman Yu.M.* Besedy o russkoj kul'ture: Byt i tradicii russkogo dvoryanstva (XVIII – nachalo XIX veka). SPb.: «Iskusstvo – SPB», 2011. 413 p.
 2. *Nagovicyn A.E.* Drevnie civilizacii: obshchaya teoriya mifa. M.: Akademicheskij projekt, 2005. 656 p.
 3. *Turgenev I.S.* Tri portreta // Turgenev, I.S. Sobr.soch. v 10 t. T.5. M.: Hudozhestvennaya literatura, 1978. S.78-104.
 4. *Yung K.G.* Arhetip i simvol. M.: «Kanon+», ROOI «Reabilitaciya», 2016. 336 p.
 5. *Yung K.G.* Dusha i mif: shest' arhetipov. Kiev: Gosudarstvennaya biblioteka Ukrainy dlya yunoshestva, 1996. 384 p.
-
-

УДК 821.161.1

UDC 821.161.1

ЧЕВТАЕВ А.А.

кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка и литературы, Российский государственный гидрометеорологический университет
E-mail: achevtaev@yandex.ru

CHEVTAEV A.A.

Candidate of Philological Sciences, Associate Professor of Department of Russian Language and Literature, Russian State Hydrometeorological University
E-mail: achevtaev@yandex.ru

**ОНТОЛОГИЧЕСКИЙ СИНКРЕТИЗМ М. ЗЕНКЕВИЧА
(О ПОЭТИКЕ СТИХОТВОРЕНИЯ «МЫ НОСИМ ВСЕ В ДУШЕ – СТАЛЬ И АЛТАРЬ НАРЯДНЫЙ...»)**

M. ZENKEVICH'S ONTOLOGICAL SYNCRETISM (ON THE POETICS OF THE POEM "WE CARRY EVERYTHING IN THE SOUL – THE STEEL AND THE GRACEFUL ALTAR ...")

В статье рассматривается структурно-семантическая организация раннего стихотворения М. Зенкевича «Мы носим все в душе – сталь и алтарь нарядный...» (1908) как художественное воплощение идеологемы онтологического синкретизма. Анализ поэтики данного текста свидетельствует об утверждении конвергенции противоположных начал макрокосма в человеческом микрокосме в качестве основы бытийного самоопределения субъектного «я». Совмещение антиномичных аспектов мироздания в «душе» человека мыслится М. Зенкевичем залогом событийного движения личности в многомерной реальности тварного мира и становится исходной точкой формирования концепции адамизма.

Ключевые слова: адамизм, лирический субъект, М. Зенкевич, неомифологизм, «свернутый» нарратив, синкретизм, художественная онтология.

The article deals with the structural-semantic organization of the early poem "We Carry Everything in The Soul – The Steel and The Graceful Altar..." (1908) by M. Zenkevich as the artistic embodiment of the ideologeme of ontological syncretism. The analysis of the poetics of this text reveals about the assertion of the convergence of the opposite principles of the macrocosm in the human microcosm as the basis of the existential self-determination of the subject "I". The combination of the antinomic aspects of the universe in the "soul" of man is thought by M. Zenkevich as the key to the event-driven movement of personality in the multidimensional reality of the created world and becomes the starting point for the formation of the concept of adamism.

Keywords: adamism, lyrical subject, M. Zenkevich, neomythologism, "folded" narrative, syncretism, artistic ontology.

В основе художественного мира М.А. Зенкевича лежит представление об изначальной органичной целостности вселенского миропорядка, предполагающей наличие концептуальных соответствий между внутренним и внешним проявлениями бытия человека. Поэтому в творчестве поэта магистральным вектором смыслопорождения и рефлексивного самополагания лирического субъекта в моделируемой реальности оказывается жажда постижения «вещественной» сущности разнообразных феноменов природы, истории и культуры как модусов развертывания тварного начала в эмпирической структуре мироздания.

«Вещественная» уплотненность макромира и микромира в поэзии М. Зенкевича обуславливает идею возвращения к абсолютным первоисточкам бытия, и именно необходимость их осмысления и ценностной верификации продуцирует попытку проникновения поэтического «я» в материально-телесное состояние мира, явленного в доисторическом, архаическом и универсально-космическом аспектах существования. Концептуализируемое в творчестве поэта желание реконструировать миропорядок в его первозданном облике и репрезентация на темати-

ческом, сюжетном и предметно-образном уровнях организации поэтического текста погружения в глубины природной и исторической действительности отчетливо сопрягаются с идеологемой адамизма, утверждаемой в лирике М. Зенкевича в акмеистический период его творческого пути.

Понятие «адамизм», формулируемое и провозглашаемое в статьях-манифестах 1913 года «Наследие символизма и акмеизм» Н.С. Гумилева и «Некоторые течения в современной русской поэзии» С.М. Городецкого, используется поэтами-акмеистами как обозначение сущностных оснований нового художественного мировидения и порождает идеологему реонтологизации универсума посредством явления нового Адама, способного возратить первородную соразмерность и упорядоченность микрокосма и макрокосма. Специфика адамистических воззрений М. Зенкевича состоит в том, что в его поэтике адамизм предстает обращением не только к первочеловеческой архаике бытия, но и к доисторической (до- и внечеловеческой) стадии становления и развития мироздания. Так, по мысли О.А. Лекманова, смысловым основанием миропонимания поэта явля-

ется «не возвращение к Адаму, и даже не возвращение к первозданной Материи, но возвращение к диалогу с первозданной Материей» [10, с. 64]. Соответственно, стремление постичь и осмыслить генезис всего сущего, воплощенного во множестве эмпирических феноменов, обуславливает, с одной стороны, акцентирование онтологических границ между природным и человеческим, телесным и духовным, низким и высоким, профанным и сакральным началами некогда целостного миропорядка, а с другой – жажду ментального преодоления этих рубежей, которое позволит увидеть микромир и макромир в их принципиальном единстве.

Адамизм М. Зенкевича как целенаправленная попытка проникновения «темного родства» с первоматерией максимально полно и многомерно проявляется в его первой книге стихов «Дикая порфира» (1912). В ее поэтике эксплицируются структурные и идеологические параметры индивидуально-авторского восхождения к сущностным основам бытия в его вещественно-природном измерении, предстающем, в соответствии с логикой адамистического диалога «я» и мира, подлинной шкалой ценностей. «Дикая порфира» оказывается опытом концептуальной верификации того, что являют собой природа, история и человеческая душа как феноменальные реализации изначального материального хаоса. Однако своеобразными «пролегоменами» к адамистическому мировидению предстают первые (доакмеистические) стихотворения поэта, в которых ощутима связь с символистской поэтикой и которые только намечают пути к познанию бытийных первоисточков. Как отмечает Л.А. Озеров, «первая книга Михаила Зенкевича была подготовлена его стихотворными пробами 1906–1909 годов», которые «из первобытной туманности приводят автора к реальности бытия» [12, с. 13]. Конечно, в предакмеистических стихах поэта доминирует неоромантическая абсолютизация слова и жеста субъектного «я», и его приобщение к глубинным смыслам существования определяется смутными прозрениями, улавливаниями намеков и колебаниями между явью и сновидением (Ср.: «Бывают минуты... Как красные птицы / Над степью раздольной в лиловом кругу, / Махают крылами глухие зарницы / В разгульно-кроваво шумящем мозгу» («Бывают минуты» (1909)) [5, с. 41]). Вместе с тем, уже в ранних стихотворениях М. Зенкевича обнаруживаются «уплотнение» и «овеществление» субъектных ощущений и попытка выявления их «посюстороннего» потенциала. Адамистическое предвосхищение материи как незыблемого условия жизни и смерти начинает проступать в символистской модели мира, корректируя ее эмпирической реальностью и намечая путь к конвергенции микрокосма и макрокосма не как преодоление земного начала небесным, а как их смысловое совмещение в единой точке самоактуализации человеческого «я». Поэтому уже в стихах 1906–1909 гг. причастность материальной стороне бытия становится для М. Зенкевича залогом обретения целостности миропорядка во всей его полноте и динамическом развитии.

Жажда обрести единство внешнего и внутреннего,

низкого и высокого, телесного и духовного в художественном сознании поэта продуцирует снятие их вертикального соположения и перемещение в принципиально горизонтальное позиционирование. Этот акт, в свою очередь, ведет к постижению бытийных «зияний» и попытке примирения антиномий посредством их сведения к общему онтологическому знаменателю, которым мыслится человеческое «я», способное и вобрать в себя эмпирическую многомерность бытия, и узреть его изначальную гомогенность. В ранних стихах М. Зенкевич стремится найти и осознать равновесие между микромиром и макромиром как соразмерность действенной самоактуализации человека в мироздании.

Движение к конвергенции противоположных начал и онтологическому синкретизму полярных проявлений человеческого «я» в творчестве поэта согласуется с общими установками художественной парадигмы, формирующейся на рубеже XIX–XX веков и утверждающей неосинкретическую модель универсума. Именно синкретизм как структурное и смысловое соединение разнородных и, нередко, противоположных феноменов бытия определяет магистральный вектор развития русской поэзии 1890-х–1910-х годов и тем самым маркирует возвращение поэтического миромоделирования к мифологическому постулированию отношений на оси «человек – универсум». Как показывает С.Н. Бройтман, в основе неклассической системы лирического творчества, заданной символистской поэтикой и вариативно продолженной в постсимволизме, находится последовательно проводимое в текстовой структуре и интенсифицируемое представление о «нераздельности-неслиянности „я“ и „другого“ и представление лирического субъекта в качестве „человека с душой мира“» [2, с. 266]. «Нераздельность» и «неслиянность» как принцип актуализации «я» в миропорядке вскрывает онтологическое родство внутреннего и внешнего измерений бытия, их тяготение к взаимообратимости, но при этом подчеркивает их ценностную самостоятельность и акцентирует волевые самополагания лирического субъекта в мире. Микрокосм, стремящийся к слиянию с макрокосмом, не только не утрачивает своей бытийной идентичности, как в архаическом мифе, но, напротив, отчетливо заявляет о способности вобрать в себя иные «точки зрения» и соотнести их с собственным видением многомерной вселенной.

Такой неосинкретический принцип субъектной репрезентации, в той или иной степени присущий большинству модернистских художественных формаций и способствующий порождению индивидуально-авторских неомифологических концепций, первоначально проявляется в идеологии и поэтике символизма. Так, З.Г. Минц указывает, что одним из истоков формирования символистского неомифологизма являются «идеи универсальных мировых „соответствий“ (универсального изоморфизма разных выявлений бытия друг другу, а также любой части мира – мировому целому)», которые аккумулировались «символом с его <...> неисчислимостью значений» [11, с. 69]. Представляется, что именно

утверждаемая символизмом поэтика «соответствий» и со-противопоставлений как путь к обретению мировой гармонии инспирирует поиск М. Зенкевичем в ранних стихотворных произведениях той «органической» (и органичной) концепции мировидения, которая станет основанием адамизма в «Дикой порфире». Если в первой книге стихов поэта сопряжение и родство разных аспектов вселенского существования раскрываются как «взаимодействие и противостояние трех миров: макромира (земли и космоса), “среднего мира” (человека) и “нижнего мира” (природно-биологического)» [6, с. 27], то в стихотворениях 1906–1909 годов обнаруживается восходящая к символизму попытка синкретического соединения «я» (микрокосма) и «других» (макрокосма), позволяющего выявить витальный потенциал бытия.

В предлагаемой статье мы обратимся к рассмотрению онтологического синкретизма как концептуальной основы художественного мировоззрения М. Зенкевича, сосредоточив внимание на поэтике его стихотворения «Мы носим все в душе – сталь и алтарь нарядный...», написанном в 1908 году и до сих пор не становившегося объектом исследовательского внимания. Конечно, это произведение отмечено явным влиянием символистского неомифологизма, однако в его структурно-семантической организации проступают смысловые параметры будущей «Дикой порфиры», в которой, при всей ее «акмеистичности», также сохраняется ориентированность М. Зенкевича на символизм в его брюсовском варианте, что отмечено в рецензиях на первую книгу стихов поэта многими критиками, такими, как Г.И. Чулков, И.И. Ясинский, Б.А. Садовской [13, с. 338]. Данное стихотворение нам представляется матрицей того многомерного развертывания бытийных позиций и движений человека в темпоральном (историческом) и пространственном (природно-географическом) измерениях мироздания, которое эксплицируется в структуре «Дикой порфиры» и образует смысловой центр художественной онтологии М. Зенкевича.

Итак, в стихотворении «Мы носим все в душе – сталь и алтарь нарядный...», обладающем астрофическим построением, можно выделить четыре композиционные части, каждая из которых акцентирует сущностные черты сопряжения микрокосма и макрокосма. В начальной точке сюжетного развития текста лирический субъект, предстающий в облике коллективного «мы», декларирует фундаментальную антиномию человеческого мировосприятия:

Мы носим все в душе – сталь и алтарь нарядный,
И двух миров мы воины, жрецы.
То пир богам готовим кроважадный,
То их на бой зовем, как смелые бойцы [5, с. 40].

Как видно, жизненное самоосуществление человека здесь предстает разомкнутым в противоположные сферы бытия, репрезентируемые противопоставлением двух онтологических моделей поведения в мире: воинственного бунта против божественных сил миропорядка и религиозного служения им. На первый взгляд, субъектная позиция в моделируемой реальности, явленная

«воинской» и «жреческой» ипостасями лирического «мы», напоминает ролевого героя, всегда соотносимо-го «с определенной социально-бытовой и культурно-исторической средой» [8, с. 375]. Однако близость ролевой поэтике здесь иллюзорна, так как очевидно, что самоидентификация субъектного «мы» обусловлена не разграничением авторского сознания и принципиально-го «другого», а принятием масок «воинов» и «жрецов» как ценностно значимых принципов взаимодействия человека и мироздания. Универсализация утверждаемой «точки зрения» в качестве всечеловеческого видения собственной бытийной природы маркируется соединением на синтагматической оси текста внешней множественности («мы») и внутренней единичности («душа») субъектной позиции: в микрокосме каждого человека обнаруживается причастность антиномичным аспектам жизненного самоопределения.

Поляризация в человеческой «душе» именно «воинского» и «жреческого» мировидения указывает на укорененность стихотворения М. Зенкевича в контекст символистской поэтики В.Я. Брюсова и Н. Гумилева, в художественных системах которых «воин» и «жрец» наделяются сакральным статусом в силу устремленности к волевому преобразению реальности. Так, в брюсовском стихотворении «Жрец» (1894) молитвенное обращение героя к божеству мыслится актом приближения к сверхчеловеческим тайнам мироздания (Ср.: «Тебе, о Сириус, не знающий людей, / Я возношу моления / Среди толпы, и в хижине своей, / И в миг последний упоенья!» [3, с. 72]), а в гумилевском стихотворении «Любовники» (1907) жреческий ритуал пробуждает к жизни явления потустороннего мира (Ср.: «Когда вставал туман над водной степью, / Великий жрец творил святой обряд, / И танцы гибких, трепетных наяд / По берегу вились жемчужной цепью» [4, с. 147]). В свою очередь, «воинский» путь аксиологически возвышается возможностью вступить в роковое противоборство с высшими силами бытия, являющееся мерилем человеческого духа в ранней поэзии Н. Гумилева (Ср.: «Это верная дорога, / Мир иль наш, или ничей, / Правду мы возьмем у Бога / Силой огненных мечей» («Сказка о королях» (1905)) [4, с. 62]; «Как всегда, был дерзок и спокоен / И не знал ни ужаса, ни злости. / Смерть пришла, и предложил ей воин / Поиграть в изломанные кости» («Старый конквистадор» (1908)) [4, с. 188]).

В стихотворении М. Зенкевича «воины» и «жрецы» как со-противопоставленные ипостаси человеческого «я» также сакрализируются, однако в них на первый план выводится причастность двум онтологически противоположным мирам: миру жизни и миру смерти. При этом витальное измерение «воинского» и «жреческого» уделов задается постулированием самой субъектной позиции (лирическое «мы» конвенционально являет собой мир живых), тогда как их мортальный аспект воплощается в атрибутах («стали» как носители смерти и «алта-ре нарядном» как жертвеннике) и деяниях (ритуальной «кроважадности» жреческого служения и бесстрашном вызове на воинский поединок). Соответственно, чело-

веческая «душа» становится средоточием и двойственности самоопределения, и двойственности измерений бытия. Вместе с тем, акцентированная здесь дихотомия обрядовой покорности и воинственной дерзости, одновременно устремленных к полюсам жизни и смерти, продуцирует идеологему их синкретизма, так как первостепенным оказывается не противопоставление ипостасей «воина» и «жреца», а их онтологически уравновешенное наличие в микрокосме каждого человека.

Утверждение синкретической сущности человеческого «я» получает сюжетное развертывание в условно выделяемой второй части стихотворения, в которой субъектная «точка зрения» фокусируется на явлениях макрокосма и тем самым расширяет спектр конвергентного взаимодействия человека и мироздания:

Мы носим все в душе: смрад душный каземата,
И дикий крик орлов с кремнистой высоты,
И похоронный звон, и перебой набата,
И гной зеленый язв столетнего разврата,
И яркие зарницы и мечты [5, с. 40].

Человеческая «душа», обладающая способностью запечатлеть в памяти различные нюансы бытийного движения универсума, предстает вместилищем природно-вещественных феноменов, а точнее – их ценностных следов. Лирический субъект акцентирует многомерность тварного мира, и сюжетная динамика здесь определяется своеобразным ритмом субстанциональных оппозиций, в которых сконцентрированы принципиально значимые для человека параметры существования. Так, «смрад душный каземата», обозначающий нижние пределы земного миропорядка и утрату свободы противопоставляется «дикому крику орлов», символизирующему пространственный «верх» и волевое преодоление границ и условностей эмпирической реальности. Отметим, что актуализация в сюжетной структуре текста именно «орла» как воплощения свободы и восхождения к небесному полюсу мира обусловлена влиянием мифопоэтики русского символизма, в которой, как констатирует А. Ханзен-Лёве, данная птица наделяется «даром “прозрачности” и “прозрения”», в силу ее способности «незащищенным глазом смотреть на солнце и даже приблизиться к нему и не сгореть» [16, с. 530]. Соответственно, символистский «след» «орлиной» семантики здесь имплицитно указывает на способность человеческой «души», интериоризирующей «птичье» бытие, приобщаться к грядущему.

Оппозиция «звуковых» явлений макрокосма («похоронный звон» – «перебой набата») эксплицирует сопряжение скорбно-прощального (мортального) и тревожно-волевого (витального) движений миропорядка, свидетельствуя о смысловом единстве смерти и жизни. В свою очередь, противопоставление предельной натуралистичности порока («гноя зеленого язв столетнего разврата») и романтически возвышенных стремлений («яркие зарницы и мечты») обозначает пределы нравственного самосознания человека в его амбивалентном тяготении и к телесно-физиологическому, и к духовно-божественному полюсам существования. Эти

антиномичные пары эмпирических проявлений внешнего мира, внеположного человеческому «я», призваны вскрыть неизбежное родство противоположностей и онтологическую причастность «души» каждого человека противостоящим друг другу началам.

Как видно, микрокосм лирического субъекта расширяется до масштабов макрокосма и в то же время предстает вбирающим в себя всю полноту сотворенного универсума. При этом интериоризируемые сознанием лирического субъекта феномены бытия оказываются не только знаками природных и антропологических «соответствий», но и маркерами деятельного взаимодействия человека и мироздания. Каждое из акцентированных явлений макромра («смрад каземата», «дикий крик орлов», «похоронный звон», «перебой набата», «гноя язв столетнего разврата», «яркие зарницы и мечты»), с одной стороны, мыслится универсальным параметром человеческого самоосуществления, а с другой – предполагает возможность событийной конкретизации, то есть представляет собой своеобразный «свернутый» нарратив, суммирующий потенциальную множественность частных событий и сводящий некую частную историю в художественный знак, который репрезентирует ее онтологический смысл.

Такая латентная нарративность усиливается в третьей композиционной части стихотворения, в которой на первый план выдвигаются актантные возможности синкретической «души» человека и эксплицируются его динамические состояния и поступки:

Смеяться, как дитя, с беспечной, острой шуткой
И тайно изнывать в кошмарах и тоске,
Любить стыдливо, – с пьяной проституткой
Развратничать в угарном кабаке;
Подняться высоко, как мощный, яркий гений,
Блеснуть кометою в тумане вековом;
И воспаленно грезить средь видений,
Как выродок в бреду безумном и больном [5, с. 40–41].

Дихотомия «высокого» и «низкого», витального и мортального здесь утверждается посредством акцентирования потенциальной событийности тех отношений с миром, в которые может вступить обобщенное человеческое «я». При этом использование инфинитивной формы предиката («смеяться», «изнывать», «любить», «развратничать», «подняться», «блеснуть», «грезить») наделяет репрезентируемые в лирическом высказывании действия вневременным (а точнее – «всевременным») статусом, представляя их как свершившиеся, свершающиеся и предвосхищаемые.

Как и в предыдущей части текста, бытийная активность лирического субъекта представлена тремя оппозициями, вскрывающими ключевые для миропонимания М. Зенкевича аспекты существования. Со-противопоставление «детской беспечности», отсылающей к евангельскому восприятию ребенка как носителя божественной благодати (Ср.: «Истинно говорю вам, если не обратитесь и не будете как дети, не войдете в Царство Небесное» (Мф. 18: 3)), и погружен-

ности в хтонический мир «кошмаров и тоски» обнаруживают равновесное тяготение человеческой «души» к полюсам чистого, неискушенного принятия жизни и демонического познания тайных законов мироздания. Переживание радости («смеяться») и томительного страдания («тайно изнывать») мыслятся в равной степени присущими жизненному пути человека.

Постижение любовных чувств также размыкается в две противоположные сферы отношений с женским началом: романтически-возвышенную («Любить стыдливо») и натуралистически-порочную («<...> с пьяной проституткой / Развратничать в угарном кабаке»). При этом акцентирование плотской страсти здесь обнаруживает принципиально важный для будущей адамистической поэтики М. Зенкевича смысл. «Блудница», являющаяся в традиционных оккультно-эзотерических практиках воплощением «*prima materia*, погруженного во тьму неискупленного тела» [9, с. 25], в творчестве поэта связывается с возможностью познания «темного родства» с изначальным хаосом в его материально-природных проявлениях. Поэтому в зенкевичевской лирике греховное женское начало часто предстает в качестве проводника в глубины первоматерии (Ср.: «Пусть только звенит гимн ночных вакханалий / И блещут открытые груди гетер...» («Бывают минуты» (1909)) [5, с. 41]; «И в блеске мазей, в позолоте / Величественна поступь жен, — / Но уж давно бесплодем плоти / Огонь их чрева поражен» («Вавилон» (1912)) [5, с. 61]; «Как Христово причастие, в сосуде / Всем доступны для блудного сева / И ее не кормящие груди, / И ее не носящее чрево» («Что дневные все радости ваши...» (1912)) [5, с. 80]). Соответственно, духовно-эмоциональная («стыдливая») любовь и чувственно-телесная («развратная») страсть в сознании лирического субъекта предстают онтологически тождественными, так как ведут к обретению опыта человеческого существования.

Творческое самоопределение человека раскрывается в двух полярных возможностях претворения своего «я» в мироздании: волевого восхождения к высшим пределам универсума («подняться высоко») или блуждания в лабиринте собственного сознания («воспаленно грезить средь видений»). Со-противопоставление «гения» и «выродка», с бытийными уделами которых сравнивается потенциал духовной реализации личности, маркирует ее причастность и витальной сфере освоения макрокосма («Блеснуть кометою в тумане веком»), и мортальной области замыкания в границах микрокосма («в бреду безумном и больном»). Отметим, что в этой оппозиции возвышенной мощи и инфернального безумия имплицитно представлены две модели символистского миропонимания: религиозно-мифопоэтическая, нацеленная на преображения бытия, и «дьяволическая», обращенная к созерцанию автономного «я». Такое уравнивание противоположных концепций русского символизма можно рассматривать как попытку М. Зенкевича преодолеть их идеологический конфликт и сформировать на их основе новое мировидение, которым впоследствии становится его адамизм.

Явленный в этих антиномиях событийный потенциал, наделяющий их статусом «свернутых» нарративов, способствует утверждению открытости перед человеком принципиальной множественности жизненных свершений. Возможность же их осуществления обусловлена способностью «души» вобрать в себя все мироздание и совместить в микрокосме взаимоисключающие векторы постижения макрокосма. Именно констатация перспективы совершения любого (возвышенного или низменного) деяния и воплощения «я» в любой ипостаси как ценностного основания человеческого бытия эксплицировано в финальной части стихотворения:

Мы можем все... И быть вождем-предтечей...

Просить на паперти, как нищие слепцы...

Мы сотканы из двух противоречий.

И двух миров мы воины, жрецы [5, с. 41].

В этой точке сюжетного развертывания текста эксплицирован возврат к изначальной декларации сопряжения в субъектном сознании онтологических противоречий и антиномичных жизненных путей. Однако к акцентированным прежде со-противопоставлениям самополагания человека в миропорядке добавляется еще одна оппозиция, определяющая потенциал его стези: «царственное» величие и «нищенское» прозябание. Эти противоположные варианты бытийного удела, укорененные и в социокультурное, и в мифопоэтическое измерения репрезентации лирического «мы», вскрывают логику становления адамистической поэтики М. Зенкевича и предвосхищают образные константы «Дикой порфиры». Актуализированное здесь противопоставление «вождей» и «нищих» в структуре книги стихов реализуется в ряде лирических нарративов, осмысляющих «высший» («царственный») («Марк Аврелий» (1910), «Коммод» (1910), «Навуходоносор» (1912), «Поход Александра в Индию» (1909)) и «низший» («нищенский») («Слепцы» (1912)) маршруты человека в земном мире. Великие цари прошлых эпох предстают персонализированными проводниками к «темным» глубинам материи (Ср.: «Что если кровожадным нюхом / В истоки солнц — глухой тайник — / Ты, темный зверь, ясней проник, / Чем твой отец крылатым духом?» («Марк Аврелий») [5, с. 60]; «Отравленный страной чумной, / Ее дыханием сожжен, / Он ночью криком, как безумный, / Все гонит прочь какой-то сон. // <...> Но не Ворота Геркулеса — / Пределы покоренных стран, / Ворота темного Айдеса / Ему откроют океан» («Поход Александра в Индию») [5, с. 65]), а «нищие слепцы» намечают эсхатологический предел земного мира (Ср.: «Все мы, Боже, девы безрассудные, / Где лампы наши, маслом полные? / Уж подняты кверху трубы судные, / И архангелы одеты в молнии» [5, с. 72]).

При этом использование ряда умолчаний в утверждении оппозиции «царственности» и «нищенства» («Мы можем все... И быть вождем-предтечей... / Просить на паперти, как нищие слепцы...») сигнализирует о пределах постижения и предвосхищения человеком своей судьбы и бытийного предназначения. Лирический субъект утверждает принципиально широкий спектр

возможных витальных реализаций каждого человека в универсуме, но отказывается от их пророческой оценки, констатируя онтологическое тождество любого жизненного пути. Поэтому в финальных строках стихотворения его сюжетное развертывание замыкается в композиционное «кольцо», вновь эксплицирующее двойственность и неизбывную противоречивость человеческой «души» как бытийной универсалии: «Мы сотканы из двух противоречий. / И двух миров мы воины, жрецы».

Очевидно, что ключевые структурно-семантические параметры данного стихотворения М. Зенкевича, определяющие его художественную концепцию («душа» и «два мира») обнаруживают переключки и смысловое родство со стихотворением Ф.И. Тютчева «О вещая душа моя!..» (1855), в котором микрокосм лирического субъекта также мыслится причастным двум противоположным бытийным сферам: «О вещая душа моя! / О, сердце, полное тревоги, / О, как ты бьешься на пороге / Как бы двойного бытия!.. // Так, ты – жилища двух миров, / Твой день – болезненный и страстный, / Твой сон – пророчески-неясный, / Как откровение духов...» [15, с. 75]. Однако если в тютчевском восприятии противоречия «души» вскрывают трагическое расщепление лирического «я», что наделяет это стихотворение, по мысли В.И. Тюпы, жанровым статусом «анарративной» баллады [14, с. 133], то у М. Зенкевича «душевное» двоемирие оказывается знаком конвергенции противоположных начал. В рассматриваемом тексте также присутствует трагизм «балладного» характера, проявляющийся как лирическое «откровение одновременной причастности личности двум мирам: светлому и темному, живому и мертвому, повседневно покойному «миру сему» и тревожно загадочному, пугающему миру «потустороннего» бытия» [14, с. 133]. Но в то же время универсализация субъектной «точки зрения» («мы», тождественное всему человечеству) редуцирует трагические коннотации принадлежности человеческой «души» «двум мирам» и представляет ее двойственность в качестве бытийного «ключа» к тайнам мироздания.

Итак, в стихотворении М. Зенкевича «Мы носим все в душе – сталь и алтарь нарядный...» акцентирована не катастрофичность противоречий самополагания человека в мире, а, напротив, их сведение в целостное единство мировой «души». Как замечает В.И. Козлов, «ядром лирики» является «озарение, в котором «лирическое „я“ открывает себя» [7, с. 187]. В данном случае таким «озарением» оказывается осознание со-вмещения противоположностей, образующих смысло-

вой каркас тварного мира, в микрокосме человеческой личности. Множественность и разветвленность бытийных потенций, обусловленная антиномичной природой «душевной» организации человека, становится залогом постижения глубинных оснований универсума. Онтологический синкретизм со-противопоставленных «ролевых» ипостасей «души» как магистральных способов освоения и присвоения многомерной действительности («воины – жрецы», «гений – выродок», «вожди-предтечи – нищие слепцы»), вскрывает неомифологический характер художественного мира М. Зенкевича, в котором человек оказывается извечным Адамом, вбирающим в собственное «я» всю феноменальную и событийную полноту мироздания. Именно адамистическое «ощельнение» миропорядка получает здесь статус «единого и единственного события бытия» [1, с. 233], которое составляет сущность отношений на ценностно-смысловой оси «человек – вселенная».

Безусловно, стихотворение «Мы носим все в душе – сталь и алтарь нарядный...» отмечено серьезным влиянием символистской поэтики и идеологии и может восприниматься как индивидуально-авторская версия неоромантического максимализма. Однако постулирование в нем материально-вещественных феноменов эмпирического мира и событийного потенциала жизненного пути человека свидетельствуют о начальной стадии претворения символизма в акмеистическую картину мира. Представляется, что данное стихотворение можно рассматривать как своеобразный поэтический манифест М. Зенкевича, в котором утверждается возможность согласовать и примирить фундаментальные противоречия миропорядка посредством их конвергенции в мировой душе человечества. Примечательно, что в поэтике «Дикой порфиры» «душевное» измерение субъектного «я» трансформируется в «дух» как высшее проявление человеческой воли. Так, и в начальном, и в финальном стихотворениях книги лирический субъект актуализирует именно «духовное» измерение своей личности (Ср.: «И ты, мой дух слепой и гордый, / Познай, как солнечная мгла, / Свой круг и бег алмазотвердый / По грани зыбкого стекла» («Пары стущая в алый кокон...» (1910)) [5, с. 43]; «Сумрачный бог многоцветного мира, / Творческий дух, не познавший себя, / Мчусь я по гуще тягучей эфира, / Сонную волну на токи дробя» («Сумрачный бог» (1912)) [5, с. 84]). Такое восхождение от «души» к «духу» становится возможным за счет осознания человеческим «я» синкретизма противоположных начал мироздания.

Библиографический список

1. Бахтин М.М. Автор и герой в эстетической деятельности // Бахтин М.М. Собрание сочинений: В 7-ми томах. Т. 1. М.: Языки славянской культуры, 2003. С. 69–263.
2. Бройтман С.Н. Русская лирика XIX – начала XX века в свете исторической поэтики. Субъектно-образная структура. М.: РГГУ, 1997. 307 с.
3. Брюсов В.Я. Собрание сочинений: В 7-ми томах. Т. 1. Стихотворения. Поэмы. 1892–1909. М.: Художественная литература, 1973. 672 с.
4. Гумилев Н.С. Полное собрание сочинений: В 10-ти томах. Т. 1. Стихотворения. Поэмы (1902–1910). М.: Воскресенье, 1998. 502 с.
5. Зенкевич М.А. Сказочная эра: Стихотворения. Повесть. Беллетристические мемуары. М.: Школа-пресс, 1994. 688 с.
6. Кихней Л.Г. Акмеизм: Миропонимание и поэтика. М.: МАКС-пресс, 2001. 183 с.

7. Козлов В.И. Архитектоника мира лирического произведения. Saarbrücken: LAP Lambert Academic Publishing, 2011. 196 с.
8. Корман Б.О. Лирика Н.А. Некрасова // Корман Б.О. Избранные труды. История русской литературы. Ижевск: УдГУ, 2008. С. 253–601.
9. Купер Дж. Энциклопедия символов. М.: «Золотой век», 1995. 398 с.
10. Лекманов О.А. Книга об акмеизме // Лекманов О.А. Книга об акмеизме и другие работы. Томск: «Водолей», 2000. С. 7–184.
11. Минц З.Г. О некоторых «неомифологических» текстах в творчестве русских символистов // Минц З.Г. Поэтика русского символизма. СПб.: «Искусство – СПб», 2004. С. 59–96.
12. Озеров Л.А. Михаил Зенкевич: тайна молчания // Зенкевич М.А. Сказочная эра: Стихотворения. Повесть. Беллетристические мемуары. М.: Школа-пресс, 1994. С. 5–34.
13. Тименчик Р.Д. Зенкевич Михаил Александрович // Русские писатели. 1800–1917. Биографический словарь. Т. 2. М.: Большая Росс. энциклопедия, 1992. С. 337–339.
14. Тюпа В.И. Дискурс / Жанр. М.: Intrada, 2013. 211 с.
15. Тютчев Ф.И. Полное собрание сочинений и письма: В 6-ти томах. Т. 2. Стихотворения 1850–1873. М.: Издательский центр «Классика», 2003. 640 с.
16. Ханзен-Лёве А. Русский символизм. Система поэтических мотивов. Мифопоэтический символизм. Космическая символика. СПб.: Академический проект, 2003. 816 с.

References

1. Bakhtin M.M. Author and Hero in Aesthetic Activity // Bakhtin M.M. Collected Works: In 7 Volumes. Vol. 1. Moscow: Languages of Slavic Culture, 2003. Pp. 69–263.
 2. Broitman S.N. Russian Lyrics of XIX–Early XX Century in The Light of Historical Poetics. Subject-imagery Structure. Moscow: RSGU, 1997. 307 p.
 3. Bryusov V.Y. Collected Works: In 7 Volumes. Vol. 1. Verses. Poems. 1892–1909. Moscow: Artistic Literature, 1973. 672 p.
 4. Gumilev N.S. Complete Works: In 10 Volumes. Vol. 1. Verses. Poems (1902–1910). Moscow: Sunday, 1998. 501 p.
 5. Zenkevich M.A. Fairytale Era: Poems. Story. The Fictional Memoir. Moscow: School-press, 1994. 688 p.
 6. Kikhney L.G. The Acmeism: The World Understanding and Poetics. Moscow: MAKS-press, 2001. 183 p.
 7. Kozlov V.I. Architectonics of The Lyrical World. Saarbrücken: LAP Lambert Academic Publishing, 2011. 196 p.
 8. Korman B.O. Lyrics by N.A. Nekrasov // Korman B.O. Selected Works. History of Russian Literature. Izhevsk: UdSU, 2008. P. 253–601.
 9. Cooper J. The Encyclopedia of Symbols. Moscow: “The Golden Age”, 1995. 398 p.
 10. Lekmanov O.A. The Book About The Acmeism // Lekmanov O.A. The Book About The Acmeism and Other Works. Tomsk: “Aquarius”, 2000. Pp. 7–184.
 11. Mints Z.G. About Some of The “neo-mythological” Texts in The Works of Russian Symbolists // Mints Z.G. Poetics of Russian Symbolism. St. Petersburg: “Art – SPB”, 2004. Pp. 59–96.
 12. Ozerov L.A. Mikhail Zenkevich: The Secret of Silence // Zenkevich M.A. Fairytale Era: Poems. Story. The Fictional Memoir. Moscow: School-press, 1994. Pp. 5–34.
 13. Timenchik R.D. Zenkevich Mikhail Aleksandrovich // Russian Writers. 1800-1917. Biographical Dictionary. Vol. 2. Moscow: Great Russian Encyclopedia, 1992. Pp. 337–339.
 14. Tyupa V.I. Discourse / Genre. Moscow: Intrada, 2013. 211 p.
 15. Tyutchev F.I. Complete Works and Letters: In 6 Volumes. Vol. 2. Poems 1850-1873. Moscow: Publishing Center “Classics”, 2003. 640 p.
 16. Hanzen-Löve A. Russian Symbolism. The System of Poetic Motives. Mythopoetical Symbolism. Space Symbolics. St. Petersburg: Academic project, 2003. 816 p.
-

УДК 821.161.1

UDC 821.161.1

ЧЕРКАСОВ В.А.

доктор филологических наук, доцент, кафедра теории, педагогики и методики начального образования и изобразительного искусства, Белгородский государственный национальный исследовательский университет
E-mail: cherkasov.valeri@mail.ru

CHERKASOV V.A.

Doctor of Philology, Associate Professor, Department of Theory, Pedagogics and Methodics of Elementary Education and Painting, Belgorod State National Research University
E-mail: cherkasov.valeri@mail.ru

«ВОЙНА В РУССКОЙ ЛИРИКЕ» В.Ф. ХОДАСЕВИЧА: К ВОПРОСУ О КРИТЕРИЯХ АНТОЛОГИЧЕСКОГО ОТБОРА

THE V.F. KHODASEVICH'S "WAR IN THE RUSSIAN LYRIC POETRY": THE PROBLEM OF CRITERIA OF ANTHOLOGICAL SELECTION

В статье рассматриваются критерии отбора материала в антологию «Война в русской лирике» (1914), составленной В.Ф. Ходасевичем. В результате исследования выясняется ключевая роль биографического метода при отборе Ходасевичем образцов военной лирики для своей антологии. По Ходасевичу, участие в боевых действиях таких поэтов, как Г.Р. Державин и М.Ю. Лермонтов напрямую повлияло на пацифистские идеи их стихотворений, тогда как для военной лирики А.С. Пушкина характерны агрессивные идеи стихотворений «Война», «Клеветникам России», «Бородинская годовщина» и т.д.

Ключевые слова: В.Ф. Ходасевич, А.С. Пушкин, Г.Р. Державин, М.Ю. Лермонтов, биографический метод

In this issue are analyzed criteria of selection of the poetry in the V.F. Khodasevich's anthology "War in the Russian lyric poetry". As a result of the research is clarified the key role of the biographical method by Khodasevich's selection of poetry for his anthology. In compliance with his opinion, the war experience of G.R. Derzhavin and M.Yu. Lermontov has influenced their pacifist ideas in poetry, but for the war poetry of A.S. Pushkin are characteristic aggressive ideas of verses "Vojna", "Klevetnikam Rossiji", "Borodinskaja Godovchina" and others.

Keywords: V.F. Khodasevich, A.S. Pushkin, G.R. Derzhavin, M.Yu. Lermontov, biographical method.

Наша работа выходит в восьмидесятилетнюю годовщину кончины видного поэта и критика Серебряного века В.Ф. Ходасевича. Заявленная в заголовке статьи антология русских стихов о войне, составленная этим замечательным знатоком русской литературы, на наш взгляд, является весомым вкладом в создание объективной картины такого сложного и неоднозначного феномена, как писательские представления и размышления о войне, так как открывает новые перспективы в изучении традиций и ценностей в русской литературе рубежа XIX-XX вв., реализованных в жизни и творчестве ее творцов.

Антология В.Ф. Ходасевича «Война в русской лирике» вышла из печати в начале 1915 г. В переписке составителя с Б.А. Садовским и Г.И. Чулковым зафиксированы его собственные оценки своего труда и русской военной лирики в целом. Сравнить:

Из письма к Б.А. Садовскому от 9 ноября 1914 г.: «Вышла моя «Война». Ужасно плохая книжонка. Да некогда было сделать ее получше – и не из чего: плохо пишут русские поэты о войне. Посылаю Вам ее только по долгу признательности, – а то стыдно и показать» [5].

Из письма к Г.И. Чулкову от 15/28 декабря 1914 года: «Литературы нет, не взыщите. Впрочем, все, (ах и я!) пишут плохие стихи на военные темы. На военные темы, оказывается, русские поэты всегда писали

неважно. Я это узнал, составив по заказу «Пользы» антологию: «Война в русской лирике». Скучная вышла книжка» [6, т. 4, с. 392].

Очевидно, что эти оценки должны были прозвучать, по замыслу Ходасевича, интригуяюще, ибо в антологию им были включены многие стихотворения, признанные классическими, а в отношении первого адресата – едва ли не иронично, ибо подборку стихов замыкает стихотворение Б.А. Садовского «Памяти А.В. Самсонова» («Орлиным взором ты следил...»). Кроме того, о некоторых из включенных в сборник стихотворений, таких как «Певец во стане русских воинов» В.А. Жуковского, «Бородино» М.Ю. Лермонтова, Ходасевич отозвался с должным пиететом в предисловии к сборнику. Здесь же он обозначил основные критерии антологического отбора. Во-первых, его интересовали «стихи о самом процессе войны, о ее прекрасном и отвратительном образе, и о чувствах, ей возбуждаемых», и, во-вторых, он брал «лишь то, что относится к войнам, разразившимся при жизни авторов: в настоящую минуту нас более привлекает свидетельство современника, нежели воображение художника» [7, т. 1, с. 601]. Единственное, специально оговоренное, однако непрокомментированное, исключение было сделано для лермонтовского «Бородино». Главным достоинством антологии Ходасевич считал ее «своевременность» [7, т. 1, с. 601]. Таким образом,

критик подчеркнул структурообразующую роль биографического фактора в композиции составленной им антологии. По его мысли, жизненные впечатления поэтов накладывают особый отпечаток на творимые ими тексты, и именно это их качество придает им драгоценную в глазах грядущих поколений духовную насущность. Отсюда следует огромное значение биографической личности поэта, необходимость ее изучения для адекватного восприятия того или иного с технической стороны безупречного литературного текста.

Мысли, выраженные в предисловии к антологии «Война в русской лирике», характерны для всего творческого наследия Ходасевича. В нашей статье мы намерены проанализировать некоторые из текстов критика, тематически и проблемно связанные с данным предисловием и, как таковые, открывающие новые перспективы для более глубокого взгляда на принципы антологического отбора.

В 1938 г. Ходасевич напечатал статью «Война и поэзия», посвященную теме пацифизма в русской поэзии. В ней критик назвал Державина единственным из всех русских поэтов, кто «осудил войну прямо и без обиняков» [4]. То обстоятельство, что Державин прославлял в своих одах «русских воинов и их вождей» [4] и, в частности, воспел взятие Измаила, критик объясняет государственным пафосом его поэзии: «... он славил их <воинов и вождей> как певец российского великодержавия», а взятие Измаила мыслилось им как «победа над общим „супостатом“» России и Европы. К самой же войне Державин относился негативно и «ставил себе в заслугу, что „проповедовал мир миру“» [4]. В качестве примера такой «проповеди» Ходасевич приводит следующую цитату оды «На взятие Измаила»:

«Война, как северно сиянье,
Лишь удивляет чернь одну;
Как светлой радуги блистанье,
Всяк мудрый любит тишину» [4].

Ходасевич подчеркивает, что в реальности бой, которым сопровождалось взятие Измаила, был «одним из самых кровопролитных, какие дотоле знала военная история» [4]. Другими словами, более подходящего оселка для проверки идейного содержания поэзии Державина на «жестокость» – не найти, и эта проверка такого пафоса не обнаружила.

С Державиным Ходасевич сопоставляет Лермонтова как автора знаменитого включенного в рассматриваемую нами антологию антивоенного стихотворения «Валерик». При этом критик уточняет отмеченный выше как структурообразующий для антологии принцип «синхронности» впечатлений поэта о войне и творимого им текста о войне. По его словам: «“Бородино” Лермонтов писал еще не понюхав пороха. Но тотчас после сражения при Валерике, отличившись в бою и будучи представлен к награде, он глубоко усомнился в разумности войны. Эпически-спокойным тоном повествования и шутливой концовкой эти сомнения зама-

скированы, но тем пронзительнее звучат знаменитые и, конечно, центральные строки стихотворения, ради которых оно и писано:

«Я думал: Жалкий человек.
Чего он хочет!.. небо ясно,
Под небом места много всем,
Но беспрестанно и напрасно
Один враждует он – зачем?» [4].

Таким образом, по Ходасевичу, Лермонтов, став участником боевых действий, кардинально изменил свои взгляды на войну, пусть и считающуюся справедливой и даже священной, каковой является Отечественная война 1812 г. В этой связи напомним, что цитированные критиком стихи непосредственно связаны со сценой смерти капитана, выделенной на фоне ужасающих результатов резни как наиболее характерный их пример. Кажется, впервые в русской литературе Лермонтов столь отчетливо ставит вопрос, впоследствии акцентированный Достоевским: стоит ли все завоевание Кавказа, пусть и исторически необходимое, смерти хотя бы одного человека? Гуманистический, общечеловеческий аспект этого вопроса акцентируется одинаково сочувственным отношением лирического героя к жертвам резни со стороны горцев: их кровь, так же как и русская, сделала воду ручья «теплой» и «красной»: «... Резались жестоко, / Как звери, молча, с грудью грудь, / Ручей телами запрудили. / Хотел воды я зачерпнуть... / <...> / ... но мутная волна / Была тепла, была красна» [1, т. 1, с. 204].

В концовке статьи Ходасевич сопоставляет антивоенные стихи «Валерика» с явно контрастными мыслями по тому же поводу биографического Лермонтова. В частности, он цитирует письмо Лермонтова к А.А. Лопухину от 12 сентября 1840 года: «Я вошел во вкус войны и уверен, что для человека, который привык к сильным ощущениям этого банка, мало найдется удовольствий, которые бы не показались приторными» [4]. По Ходасевичу, то обстоятельство, что в этом письме Лермонтов «даже не намекает» [4] на мысли, высказанные в стихотворной форме, совсем не опровергает искренности того, что высказано в «Валерике». Это лишь значит, что мысль «Валерика» принадлежала к числу тех дорогих и сокровенных, которые «поэты готовы выразить стихами всему миру, но в разговоре или письме – никому» [4]. То есть, по Ходасевичу, отмеченный контраст означает, что в жизни Лермонтов руководствовался законами реальности. Например, в данном письме говорил о своем самочувствии так, чтобы не огорчать любимую женщину, – Вареньку, сестру Лопухина; на войне – был храбрым офицером и выполнял все возложенные на него поручения. В творчестве же он предельно искренно говорил о том, что думал на самом деле, то есть следовал фундаментальному, с точки зрения Ходасевича, закону истинной поэзии. Другими словами, литературная и биографическая личности Лермонтова не совпадают. Но это не означает, что

биографическая личность «хуже» литературной. Она ей вполне адекватна.

В рассматриваемых рассуждениях Ходасевича обращает на себя внимание игнорирование им таких стихотворных текстов Лермонтова, как баллада «Спор» (1841) и поэма «Мцыри» (1839), в которых однозначно выражено понимание поэтом исторической необходимости присоединения Кавказа к России. В антологии «Война в русской лирике» эти тексты также отсутствуют. Зато включено стихотворение «В рядах мы стояли безмолвной толпой...» (1833), тематически связанное с «Валериком». На наш взгляд, данное игнорирование призвано подчеркнуть концептуальность историко-литературных построений Ходасевича, что нашло отражение и в композиции сборника «Война в русской лирике».

Таким образом, Ходасевич в статье «Война и поэзия», как и в антологии «Война в русской лирике» показал, что Лермонтов в своей поэзии проповедовал «мир миру». При этом он исходил из общечеловеческой, вариант – христианской, общеевропейской точки зрения на проблему войны: жизнь всех людей для него бесценна, без различия национальностей и вероисповедания, принадлежности к дружественной или вражеской армии. Ему дорог каждый отдельный человек: победные результаты всех войн не могут искупить гибели этого человека. Он осуждает захватническую политику царского правительства и выражают сочувствие к покоряемым народам. При этом его пацифистские идеи носят не умозрительный характер, а являются результатом тяжелого боевого опыта.

С другой стороны, он понимает, что его душевные мысли носят надмирный характер, что их реализация немислима, ибо развязывает войну и революцию. Поэтому его поэтические идеи гораздо человечнее многих, признанных таковыми, идей прославленных «друзей человечества». В жизни поэты, подобные Лермонтову, руководствуются ее законами, например, не пишут в письмах то, что затем выражают в стихах. Другими словами, они не культивируют жителворческое поведение.

На первый взгляд, тот же самый критерий участия в боевых действиях релевантен и для антологической подборки стихотворений А.С. Пушкина. Сюда Ходасевич включил следующие стихотворения, расположив их по хронологическому принципу: «Мне бой знаком – люблю я звук мечей...» (1819), «Война («Война!.. Подъяты наконец...»)» (1821), «Золото и булат» (1827), «Делибаш» («Перестрелка за холмами...»)» (1829). То есть провозглашенные настроения поэта, отразившиеся в первых трех стихотворениях, канули в Лету, как только тот увидел войну своими глазами. Памятником данного изменения взглядов стало стихотворение «Делибаш». Именно такая схема творческой эволюции Пушкина принята в современной науке. Так, Ю.М. Лотман писал по этому поводу: «Путешествие на Кавказ в 1829 г. вызвало у Пушкина совершенно другие мысли. Война предстала как безусловное зло. В равной мере злом рисовалась и ее психологическая основа – атмосфера взаимной

вражды и нетерпимости, стремление решать исторические задачи в обстановке ненависти, силой оружия. Ю.Н. Тынянов обратил внимание на стихотворение «Делибаш», где схватка приводит не к победе какой-либо стороны, а к взаимному истреблению обеих:

«Мчатся, сшиблись в общем крике.

Посмотрите! каковы?...»

Делибаш уже на пике,

А казак без головы» [2, с. 303].

Однако в статье «Война и поэзия» Ходасевич даже не упоминает Пушкина в числе русских поэтов, осудивших войну. Это заставляет присмотреться к ходасевичевскому сопоставлению мирных установок Державина и Лермонтова в новом аспекте: что в этих установках есть такого, чего нет у Пушкина? другими словами, почему поэтическая и биографическая позиция Пушкина не заслужила приобщения к ряду поэтов-миролюбцев? А как же ставшие хрестоматийными «милость к падшим» и «не приведи Бог видеть русский бунт...», не говоря уже об упомянутом «Делибаше»? В таком свете игнорирование имени Пушкина представляется сознательным приемом.

Во-первых, акцентированием контраста между боевым опытом Державина и Лермонтова и их проповедью мира Ходасевич указывает на симметричный эпизод из кишиневской биографии Пушкина, когда тот, по выражению боевого генерала М.Ф. Орлова, «мальчишка, не выигравший никакой победы» [2, с. 77], призывал к революции и к войне. Эти умонастроения поэта отразились, в частности, в стихотворении «Война» (1821), вошедшем в рассматриваемую антологию Ходасевича.

Указание на следующий эпизод пушкинской биографии, когда проявились уже не революционные, но такие же радикальные антипольские настроения поэта, нашедшие свое выражение в стихотворениях «Клеветникам России» и «Бородинская годовщина» (оба датируются 1831 годом) содержится в акцентировании Ходасевичем, во-вторых, негативного отношения Лермонтова к захватническим действиям русских войск; в-третьих, его подхода к проблеме мира с общечеловеческой (общеевропейской) точки зрения; в-четвертых, его христианско-гуманистического, милосердного отношения ко всем без исключения, в том числе и к побежденным, участникам войны.

В стихотворении «Клеветникам России» Пушкин мотивировал военные действия русских войск в Польше исторической необходимостью единения славян ради их безопасности:

«Кто устоит в неравном споре:

Кичливый лях, иль верный россе?

Славянские ль ручьи сольются в русском море?

Оно ль иссякнет? вот вопрос» [3, т. 3, с. 269].

«Гамлетовский» вопрос Пушкина означает, что «быть» мир как политическая система и как политическое состояние (в смысле отсутствия войны) может только при условии его однополярного устройства. В

частности, насильственное присоединение Польши к России гарантирует сохранение мира (в обоих значениях этого слова) среди славян.

Далее. В отличие от Лермонтова, который, по Ходасевичу, подходил к проблеме войны и мира с общечеловеческих (общеевропейских) позиций, в рассматриваемом стихотворении Пушкин судит о решении русско-польского конфликта с точки зрения национальных и государственных интересов России. Он утверждает сугубо внутренний характер войны, называя ее «семейной враждой», проявлением «домашнего, старого спора», вмешательство в который третьей стороны не только бесполезно, но и, возможно, приведет к общеевропейской, а то и мировой войне, во всяком случае, только способствует эскалации напряженности.

Эти же мотивы Пушкин развивает в стихотворении «Бородинская годовщина». Однако здесь, по сравнению со стихотворением «Клеветникам России», особенно ярко проявляется враждебное отношение поэта к покоренным, «падшим», как он их называет, полякам. О «косяках» погибших повстанцев, о «раздавленном бунте» поэт пишет с торжествующей интонацией победителя. По его мнению, они должны быть еще довольны, что остались «невредимы», что русские, например, не сожгли Варшавы в отместку за сожжение Москвы.

Как известно, еще более резко беспощадное отношение Пушкина к восставшим полякам выразилось в письме к П.А. Вяземскому от 1 июня 1831 г.: «... их надобно задушить, и наша медленность мучительна» [3, т. 14, с. 169]. Здесь же излагается та же самая мысль о сугубо внутреннем характере русско-польского конфликта, что и в упомянутых стихотворениях. Однако отношение к возможному французскому военному вмешательству далеко не воинственно: поэт опасается общеевропейской войны: «Того и гляди, навяжется на нас Европа». Таким образом, литературная личность Пушкина оказывается в некотором отношении даже более воинственной, чем личность биографическая.

Итак, Ходасевич обнажает противоречие между христианско-гуманистическими декларациями Пушкина,

выраженными, в частности, в стихотворении «Делибаш», в IV-й строфе «Я памятник себе воздвиг нерукотворный...» и в «Капитанской дочке», и конкретными агрессивными идеями, которые были представлены в других текстах поэта и реализовались в его житетворческом поведении. По Ходасевичу, актуальными для характеристики взглядов Пушкина на войну и на убийство остаются «жестокости» и агрессивные идеи стихотворений «Мне бой знаком – люблю я звук мечей...», «Война», «Клеветникам России», «Бородинская годовщина» и т.д. Эти идеи связаны с реальными переживаниями и поступками Пушкина. Следовательно, литературная и биографическая личности Пушкина в данном аспекте совпадают. Они равно «жестокости», будучи укоренены не в царстве Бога с его евангельским заветом милосердия, а в царстве Кесаря с его уважением к победителям и презрением к побежденным. Мы приходим к выводу, что Ходасевич не включил в свою антологию таких стихотворений Пушкина, как «Клеветникам России» и «Бородинская годовщина», руководствуясь не своими представлениями о пацифизме поэта, как это произошло в случае с подборкой лермонтовских стихотворений, а, скорее всего, сложившимися к началу Первой мировой войны определенными общественно-политическими обстоятельствами.

Рассмотрев статью Ходасевича «Война и поэзия» в ее соотношении со сборником «Война в русской лирике», мы обнаружили в отборе антологического материала центральное значение биографического метода и таких связанных с ним понятий как житетворческое поведение, литературная и биографическая личность. При этом критерий участия в боевых действиях играет служебную роль: по Ходасевичу, Пушкин остался верен своим взглядам на войну даже после Арзрумской кампании, чего не скажешь о Лермонтове после Валерика. Представляется целесообразным дальнейшее рассмотрение в биографическом плане критериев антологического отбора в сборнике «Война в русской лирике», своеобразной истории русской поэзии в исполнении одного из самых значительных ее знатоков и ценителей.

Библиографический список

1. Лермонтов М.Ю. Сочинения. В 2 т. М.: Правда, 1988.
2. Лотман Ю.М. Пушкин. СПб.: Искусство–СПб, 1995. 845 с.
3. Пушкин А.С. Полн. собр. соч. В 19 т. М.: Воскресение, 1994–1999.
4. Ходасевич В.Ф. Война и поэзия // Возрождение. 21 октября 1938. № 4154. С. 4.
5. Ходасевич В.Ф. Письма Б.А. Садовскому [Электронный ресурс]: http://az.lib.ru/h/hodasewich_w_f/text_1100.shtml
6. Ходасевич В.Ф. Собр. соч. в 4 т. М.: Согласие, 1996–1997.
7. Ходасевич В.Ф. Собр. соч. в 8 т. М.: Русский путь, 2009.

References

1. Lermontov M.Yu. Works. In 2 vv. M: Pravda, 1988.
2. Lotman Yu.M. Pushkin. SPb.: Iskustvo–SPb, 1995. 845 p.
3. Pushkin A.S. Complete Works. In 19 vv. M: Voskresenije, 1994–1999.
4. Khodasevich V.F. War and lyric poetry // Vozrozhdenije. 21 october 1938. № 4154. P. 4.
5. Khodasevich V.F. Letters to B.A. Sadovskoj [Elektronic resource]: http://az.lib.ru/h/hodasewich_w_f/text_1100.shtml
6. Khodasevich V.F. Works. In 4 vv. M: Soglasije, 1996–1997.
7. Khodasevich V.F. Works. In 8 vv. M: Russkij put', 2009.

УДК 821.161.1

UDC 821.161.1

ЧЕРКАСОВ В.А.

доктор филологических наук, доцент, кафедра теории, педагогики и методики начального образования и изобразительного искусства, Белгородский государственный национальный исследовательский университет
E-mail: cherkasov.valeri@mail.ru

СМИРНОВ К.В.

кандидат филологических наук, преподаватель русского языка, литературы и философии, АПОУ «Вологодский колледж связи»
E-mail: kirill_smirnov_1989@list.ru

CHERKASOV V.A.

Doctor of Philology, Associate Professor, Department of Theory, Pedagogics and Methodics of Elementary Education and Painting, Belgorod State National Research University
E-mail: cherkasov.valeri@mail.ru

SMIRNOV K.V.

Candidate of Philology, Teacher of Russian, Literature and Philosophy, College of Communication and Information Technology
E-mail: kirill_smirnov_1989@list.ru

ЖЕРТВА И ЕЕ НАКАЗАНИЕ (О РАССКАЗЕ И.С. ТУРГЕНЕВА «ПОСТОЯЛЫЙ ДВОР»)

THE VICTIM AND HER PUNISHMENT (ABOUT THE STORY OF I.S. TURGENEV «THE INN»)

В статье «Жертва и ее наказание (о рассказе И.С. Тургенева «Постоялый двор»)» анализируется образ Авдотьи – героини, чью судьбу предопределили обстоятельства. Катарсис как основной критерий трансформации образа выражен через душевные метания героини, пытающейся найти свое счастье. Трагедия Авдотьи актуализируется после роковой ошибки, совершенной ей из-за жажды жить своей жизнью. Развивая образ героини, И.С.Тургенев создает тип русской женщины, вынужденной страдать в мире, подчиненном законам крепостного права.

Ключевые слова: катарсис, трансформация, срединное и периферийное пространства, женский вопрос.

The article «the Victim and her punishment (about Turgenev's story «The Inn»)» analyzes the image of Avdotya – the heroine, whose fate was predetermined by circumstances. Catharsis as the main criterion of transformation of an image is expressed through sincere throwing of the heroine trying to find the happiness. The tragedy of Avdotya is actualized after the fatal mistake made to her because of her thirst to live her life. Developing the image of the heroine, Turgenev creates a type of Russian woman forced to suffer in a world governed by the laws of serfdom.

Keywords: catharsis, transformation, middle and peripheral space, women's issue.

Иван Сергеевич Тургенев известен в достаточной степени созданием типа «тургеневской девушки». Героини, представленные автором, в достаточной степени стали открытием русской литературы «золотого века». Вслед за Н.Г. Чернышевским, Тургенев представляет русскую девушку как самостоятельную, независимую от мужчин (и мужа в частности) капиталистку, умеющую представить себя в обществе и знающую себе цену. Однако не все тургеневские героини подходят под данную категорию. Отличным является образ Авдотьи, одного из центральных персонажей рассказа «Постоялый двор». Об ошибках и их стоимости пойдет речь в настоящей статье, в основу которой легли труды В.Н. Топорова и Ю.М. Лотмана.

Центральный конфликт рассказа «Постоялый двор» определяется абсурдностью денежных отношений между помещиком и крестьянином. Помещица Лизавета Прохоровна Кунце продала постоялый двор, расположенный на ее земле, Науму Ивановичу, несмотря на то, что хозяином его считался Аким Семенович, ее бывший крестьянин. Фактически, здесь явно просматривается линия бесправия крестьян в крепостнической России, – когда помещику все дозволено и ничего не запрещено.

Однако Тургенев не просто описывает данный инцидент: писатель создает особую композиционную модель, в которой все происходящее подвержено определенной системности – любое действие имеет противодействие.

Аким, дожив до весьма солидных лет и обзаведясь постоялым двором, неожиданно влюбляется в Авдотью (Дуняшу, как ее изначально называли), девушку, которая годится ему в дочери. «Она была недурна собой, стройна и ловка; черты ее, хотя неправильные, могли понравиться: свежий цвет кожи, густые белокурые волосы, живые серые глазки, маленький, круглый нос, румяные губы и особенно какое-то развязное, полунасмешливое, полувывышающее выражение лица – все это было довольно мило в своем роде» [3, с. 268]. Он просит позволения у помещицы Лизаветы Прохоровны взять ее в жены. И, несмотря на противоление Авдотьи, главная горничная Кирилловна сумела убедить девушку в выгоды брака. Таким образом, Авдотья становится законной супругой Акима и семейная жизнь их складывается довольно удачно: «Со всем тем дела Акима и жены его шли очень хорошо – они жили ладно и слыли за примерных супругов» [цит. раб.: 271-272]. Но неожиданно гармоничные отношения были нарушены. На по-

стоялый двор приезжает пожилой разносчик с двумя работниками. В одного из них, Наума, *«молодого, видного, красивого малого лет двадцати»* [цит. раб.: 272], Авдотья влюбляется. Наум начинает все чаще посещать постоялый двор и все чаще бывать с Авдотьей. Аким, ослепленный любовью к молодой супруге, не замечает происходящего и отбрасывает все толки на этот счет, полностью доверяя Авдотье. Проходит время. Однажды Наум приезжает к Акиму и буквально выгоняет его из дома, сообщая, что выкупил постоялый двор в собственность у Лизаветы Прохоровны. Аким идет к помещице для того, чтобы разобраться в произошедшем, однако в аудиенции ему Лизавета Прохоровна отказывает по настоянию Кирилловны. Горничная буквально указывает крестьянину на его место и выстраивает диалог таким образом, что Аким еще должен быть благодарен. Возвращаясь в уже не свой дом, Аким встречается с дьячком Ефремом, который усаживает его с телегу с целью помочь добраться до постоялого двора. Через некоторое время Аким замечает Авдотью, которая бежит к нему через поле. Девушка, раскаиваясь, признается в том, что изменяла мужу и в том, что отдала их семейные сбережения Науму, на которые тот и выкупил постоялый двор. Аким решает ехать переночевать к Ефрему, а Авдотья идет к Науму, который, впрочем, не желает видеть ее рядом и выгоняет. Спустя сутки, Аким пытался поджечь постоялый двор, но Наум его поймал и хотел отправить под трибунал, однако по просьбе Ефрема простил. Аким вернулся в свою старую избу, где его уже ожидала Авдотья, пробыл там некоторое время, после чего пошел странствовать, посвятив свою жизнь вере в Бога. Авдотья вернулась к Лизавете Прохоровне. Кирилловна выкупила себя, после чего вышла замуж, но счастья не нашла. Наум же продал постоялый двор мещанину, который недолго пробыл хозяином: во время пожара все сгорело.

Таким образом, можно проследить единую идейно-тематическую линию, на которой строится композиция произведения: ошибаясь с женитьбой, Аким теряет супругу, деньги и дом; изменив мужу, Авдотья теряет любовника и разрушает свое будущее; Кирилловна, корыстно манипулируя Лизаветой Прохоровной, оказывается несчастной в браке; Наум, обманом завладев постоялым двором, теряет все. Следовательно, за любым действием героев, носящим аморальный характер, следует наказание. У Тургенева герои последовательно страдают – каждый следующий герой разрушает жизнь предыдущего. Уникальными в данном контексте являются образы Лизаветы Прохоровны и дядьки Акима Петровича, на идейном уровне в значительной степени функционирующие за счет хронотопа. По терминологии В.Н. Топорова (применительно к романам Ф.М. Достоевского), пространство подразделяется на срединное и периферийное. Срединное пространство – то место, в котором происходит действие; периферийное – расположено за пределами основного действия [2, с. 399]. Барский дом, в котором живет Лизавета Прохоровна, расположен, как и изба Петровича, до-

вольно далеко от постоянного двора Акима. Героиня ни разу на протяжении всего произведения не выходит за его пределы. Все вопросы, которые ставятся перед ней (сватовство Акима и Авдотьи, продажа Науму постоянного двора), решает Кирилловна, причем сама помещица довольно скептически относится к принятым горничной решениям – нехотя. Фактически она не владеет ситуацией – героиня находится вне действия и ее непосредственное присутствие определено лишь статусом помещицы. Отчасти схож с ней Петрович, дядя Акима, заматерелый бессемейный старик-бобыль. Он отговаривает Акима от женитьбы. Сходство между персонажами в том, что они единственные из всех наблюдатели, но не участники. При этом их поступки продиктованы человечностью и уважением к ближнему, в то время как все остальные руководствуются исключительно рациональным фактором. В конце рассказа Тургенев сообщает, что *«она жива до сих пор и, как это часто бывает с людьми такого рода, ни в чем не изменилась, даже не слишком постарела, только как будто суше стала; притом скупость в ней чрезвычайно усилилась, хотя трудно понять, для кого это она все бережет, не имея детей и не будучи ни к кому привязана»* [3, с. 307-308]. Лизавета Прохоровна наказана одиночеством за неспособность брать ответственность на себя. Петрович умирает. Казалось бы, почему – он должен быть счастлив, исходя из идейного замысла произведения. Однако смерть его – смерть особая. Герой будто бы покидает этот мир, оставляя зло, творцами которого являются люди. Его образ – образ мудреца, не испорченного меркантильностью обыденности.

В данной системе образом особое место занимает образ Авдотьи. Героиня изначально представлена как отличная от прочих, о чем свидетельствуют ее манеры и модель поведения. Она, *«несмотря на свое сиротство, держала себя строго, почти надменно: она происходила от столбовых дворовых; ее покойный отец Арефий лет тридцати был ключником, а дед Степан служил камердинером у одного давно умершего барина, гвардии сержанта и князя»* [цит. раб.: 268]. Внешний вид Авдотьи также отличался: *«Одевалась она опрятно и щеголяла своими руками, которые действительно были чрезвычайно красивы»* [цит. раб.: 268]. На лицо типаж классической тургеневской девушки в лучших проявлениях. О новом типе русской женщины писал Ю.М. Лотман, рассуждая о женщинах эпохи романтизма: *«Мужчинам нравилось, чтобы в печальных, мечтательных голубых женских глазах блестели слезы и чтобы женщина, читая стихи, уносила душой куда-то вдаль – в мир более идеальный, чем тот, который ее окружает»* [1, с. 53]. Романтическая грусть свойственна и Авдотье: *«Дуняша оказалась плохой хозяйкой, плохой подпорой мужу. Она ни во что не входила, грустила, скучала»* [3, с. 270]. Конечно, лишь отчасти данные характеристики применимы к образу Авдотьи в силу ее социального статуса. Чуждая окружающему обществу, Авдотья вынуждена принять его реалии. Тургенев через образы-символы неоднократно акцентирует на этом внимание

читателя. В частности, на портрете Авдотья изображена в белом платье, но с черными глазами. Данный цветовой контраст указывает на гротеск образа: внешняя чистота противоречит внутреннему хаосу. Другой важный аспект – поведение внутри дома: «В барском доме она отдыхала; там ее окружали свои; девушки завидовали ее нарядам» [цит. раб.: 270]. Так или иначе, складывается целостный образ героини, которая будто бы вбирает в себя черты «лишнего человека», более свойственные мужским персонажам. Отчуждение и навязанное счастье становятся роковыми для Авдотьи. Ее измена мужу не ошибка и не предательство – у нее просто не было выбора. Оставаться жить с пожилым мужем, с которым у них не было совместных детей – тяжелое испытание для молодой девушки. Виновата ли Авдотья в том, что вышла за Акимом замуж? Тоже довольно нелогичный упрек – фактически, все было решено за нее заранее. Поэтому уместно говорить об амбивалентности образа: из отличной от прочих девушки в доме Лизаветы Прохоровны героиня преображается в несчастную пленницу своего социального положения, итогом чего становится ее падение как неминуемая расплата. Только расплачиваться

пришлось не ей, а ее мужу, который виновен не только в разорении, но и в предательстве супруги.

Подводя итог ранее сказанному, необходимо уточнить: образ Авдотьи на протяжении рассказа трансформируется в значительной степени. Если в начале произведения она представлена как особенная, уникальная и контрастная в сравнении со своим окружением, то в конце – страдающая и стареющая. Ее раскаяние особенное, не такое, как раскаяние Аким. В отличие от него, Авдотья начала стареть слишком рано, тогда как Аким было слишком поздно. Причиной того были реалии крепостнического общества России середины века, в которых крестьянство оставалось бесправным. Своеобразие образа Авдотьи сближает ее с Лизаветой Прохоровной и Петровичем, но лишь в статусе «особенных». Ее тип – тип жертвы. Разделение персонажного уровня на два яруса: отстраненные и действующие – выявляет еще один аспект – дуализм темного и светлого, о чем писал Н.А. Добролюбов применительно к «Грозе» А.Н. Островского. Впрочем, это тема для совершенно другой статьи.

Библиографический список

1. Лотман Ю.М. Беседы о русской культуре: быт и традиции русского дворянства (XVIII – начало XIX века). СПб.: Искусство-СПБ, 2011. 413 с.
2. Топоров В.Н. О структуре романа Достоевского в связи с архаическими схемами мифологического мышления («Преступление и наказание») // Петербургский текст. М., 2009. С. 391-452.
3. Тургенев И.С. Постоялый двор. Собр. соч. в 12 т. Т. 5. М.: Художественная литература, 1977. С.263 – 308.

References

1. Lotman Yu. M. Conversations about Russian culture: the life and traditions of Russian nobility (XVIII – beginning of XIX century). SPb.: Art-SPB, 2011. 413 p.
2. Toporov V.N. On the structure of Dostoevsky's novel in connection with archaic schemes of mythological thinking ("Crime and punishment") // Petersburg text / M., 2009. Pp. 391-452.
3. Turgenev I. S. The Inn // Turgenev I. S. Coll. Op. 12 vol. 5. Moscow: Fiction, 1977. Pp. 263 – 308.

АБРАМОВА И.Е.

доктор филологических наук, доцент, заведующая кафедрой иностранных языков гуманитарных направлений, Петрозаводский государственный университет
E-mail: lapucherabr@gmail.com

ШИШМОЛИНА Е.П.

кандидат педагогических наук, доцент кафедры иностранных языков гуманитарных направлений, Петрозаводский государственный университет
E-mail: elena.shishmolina@yandex.ru

ABRAMOVA I.E.

Doctor of Philology, Associate Professor, Head of the Chair of Foreign Languages for Students of Humanities Petrosavodsk State University

E-mail: lapucherabr@gmail.com

SHISHMOLINA E.P.

Candidate of Pedagogy, Associate Professor of the Chair of Foreign Languages for Students of Humanities, Petrosavodsk State University

E-mail: elena.shishmolina@yandex.ru

ПОВЫШЕНИЕ МОБИЛЬНОСТИ СТУДЕНТОВ-НЕЛИНГВИСТОВ: КОНКУРС РЕЗЮМЕ И СОПРОВОДИТЕЛЬНОГО ПИСЬМА

INCREASING MOBILITY OF NON-LINGUIST STUDENTS: RESUME AND COVER LETTER CONTENT

Профессиональная и академическая мобильность стала жизненно необходимым качеством современного успешного человека, давая возможность найти работу в международных компаниях, обучаться в зарубежных университетах. Первым шагом на пути к поставленной цели является грамотно составленное резюме и сопроводительное письмо. Цель статьи заключается в описании опыта решения данной задачи посредством организации специального конкурса на английском языке для студентов нелингвистических специальностей.

Ключевые слова: мобильность, академическое письмо, конкурс на иностранном языке.

Professional and academic mobility has become a vital quality of highly successful people, giving the opportunity to find an international job or to study abroad. The first step towards this goal is an eye-catching resume and a great cover letter. The purpose of the article is to describe the experience of organizing a specialized content in English for non-linguistic students in order to solve this problem.

Keywords: mobility, academic writing, content in English.

Глобальные тенденции современного мира демонстрируют, что одним из жизненно необходимых качеств успешного человека является способность эффективно функционировать в постоянно меняющихся условиях. Профессиональная мобильность на мировом рынке труда проявляется, прежде всего, в ситуациях поиска и смены работы за рубежом или в международных компаниях, в которых миллионы людей ежегодно сталкиваются с жёсткими процедурами отбора в условиях конкурентной борьбы с другими соискателями при попытке найти новую должность. Мобильность в академической сфере предполагает возможность обучения не только в одном вузе, но и в зарубежных университетах через магистерские и обменные программы, двойные дипломы, стажировки. Первым шагом на пути к поставленной цели в учёбе или в профессиональной карьере является грамотно составленное резюме, от качества которого зависит, заметят ли в кадровом агентстве автора документа, выделится ли он из числа многих других или не сможет привлечь к себе внимание и получить шанс для трудоустройства или учёбы в другом вузе. Исследование The Ladders (Служба подбора рабочих мест и сайт занятости в Нью-Йорке) отмечает, что рекрутерам требуется всего около 6 секунд, прежде чем принять положительное

или отрицательное решение при отборе резюме соискателей должности, поэтому важно знать, как правильно составить данный документ. В этой связи представляется полезным формирование у студентов-бакалавров в процессе обучения иностранному языку в вузе умения составления резюме (CV) и сопроводительного письма (Cover letter). Цель статьи заключается в описании опыта решения данной задачи посредством организации конкурса на английском языке в Петрозаводском государственном университете.

Проблема академической мобильности в российских вузах. В российском высшем образовании академическая мобильность студентов стала объективной реальностью после принятия Болонской конвенции и является необходимым критерием формирования Европейского образовательного пространства. Гафурова, Н.В. и Т.В. Твердохлебова, рассматривая практику реализации Болонского процесса, отмечают возможности перехода российского образования на новый уровень развития, а также необходимость институциональных, целевых, содержательных и технологических преобразований для достижения позитивных результатов [1]. Отечественные и зарубежные специалисты анализируют мобильность современных студен-

тов, преподавателей, исследователей, администраторов университетов с разных позиций, так как она служит одним из индикаторов успешности вуза, показатели по мобильности определяют места университетов в рейтингах учебных заведений России и мира. Так, В.А. Галичин считает академическую мобильность средством повышения качества человеческого капитала, отмечая, что международный обмен в области науки и образования содействует как расширению и укреплению межнационального сотрудничества в данной сфере, так и усилению конкурентоспособности национальных систем образования [2]. Шакирова А.А., анализируя академическую мобильность в контексте интеграционных процессов в сфере высшего образования, выделяет академическую мобильность студентов в качестве необходимого условия сетевой формы взаимодействия вузов [3; 4]. В зарубежных исследованиях отмечается, что современные студенты должны быть вооружены навыками 21-го века, выходящими за рамки традиционных знаний и ценностей. К примеру, в образовательной системе Китая академическая мобильность рассматривается как фактор социальной справедливости, поскольку социальное равенство проявляется, в том числе, в предоставлении всем доступных и равных возможностей для реализации восходящей мобильности [5].

Конкурс по написанию резюме (CV) и сопроводительного письма (Cover letter) на английском языке как способ формирования профессиональных и академических навыков студентов. С целью развития у студентов навыков, необходимых в профессиональной и академической жизни, в Петрозаводском государственном университете проводится ежегодный конкурс по написанию резюме (CV) и сопроводительного письма (Cover letter) на английском языке, в котором участвуют студенты бакалавриата и магистратуры гуманитарных направлений подготовки. Основная цель проведения данного конкурса заключается в моделировании условий для самооценивания студентами своих профессиональных и личностных качеств, умений и навыков, а также способности их грамотно представить для внешнего оценивания. Рефлексия по поводу профессиональных компетенций и личных качеств с последующим отражением этой информации в профессиональном резюме способствует конкретизации целей обучения, привлекает внимание к различным аспектам саморазвития, помогает оценить свои достоинства и недостатки в тех или иных сферах

Первый этап подготовки к конкурсу предусматривает организацию самостоятельной работы обучающихся, в ходе которой они анализируют ситуации возможной академической мобильности, понимая её как важный фактор личностного и профессионального развития, обуславливающий необходимость применения своих знаний и умений в реальных жизненных ситуациях. Далее, студенты изучают роль резюме как документа, по которому принимается решение о дальнейшей судьбе заявителя, так как чаще всего ведущая роль при просмотре резюме принадлежит визуальным

средствам, что определяет решающее значение структуры документа. Важно, чтобы резюме имели чёткую визуальную иерархию и представляли соответствующую информацию там, где специалисты по кадровым вопросам ожидают её найти. Основное правило написания хорошего резюме состоит в предоставлении достаточного объёма информации, соответствующей предъявляемым требованиям. В качестве источников по составлению своего резюме студентам рекомендуется использовать материалы сети Интернет, где они могут найти разнообразные требования к резюме для каждой конкретной цели. Например, колледж Бейтса г. Мэн нацеливает студентов на подачу краткого резюме (как правило, для соискателей в области бизнеса, промышленности, правительственных и некоммерческих рабочих мест), уточняя, что его цель состоит в том, чтобы соискателя пригласили на собеседование. В то же время, Университет штата Сан-Франциско указывает, что резюме может быть более подробным: от двух-трех страниц резюме аспиранта до семи-восьми страниц резюме человека с большим профессиональным опытом. Подобные требования предъявляются, в основном, в ходе отбора соискателей на получение места для обучения в аспирантуре, стажировки, гранта, стипендии или в случае отправки резюме специалистом в зарубежные компании без указания конкретной должности. Основным вывод, к которому приходят студенты на этом этапе ознакомления с Интернет-источниками, состоит в том, что они осознают важность профессионально составленного резюме, которое действует как первый контакт с потенциальными работодателями, демонстрирует навыки соискателя и может легко стать причиной неудачи, если не было хорошо подготовлено.

Далее, **на втором этапе** подготовки к конкурсу, обучающиеся знакомятся с лучшими технологиями и методиками написания резюме и сопроводительного письма [6] и изучают основные виды резюме, такие, как:

- *Хронологический тип составления резюме:* работа, учёба или другие виды занятий перечисляются, начиная с последних.

- *Резюме с акцентом на навыки в качестве элементов структуры:* предшествующий опыт обобщается под тематическими заголовками навыков, при этом другие сведения о соискателе представлены кратко.

- *Академический тип резюме:* используется для подачи заявки на обучение и содержит сведения, представляющие интерес для академических институтов, включая научные интересы соискателя, его публикации и опыт преподавания. Каждая разновидность резюме детально анализируется на конкретных примерах [7].

Особое внимание при подготовке уделяется стилю написания резюме, поскольку это, по сути, маркетинговый инструмент, в котором следует избегать туманных и пассивных заявлений, например, вместо формулировки «работал на компьютере» можно использовать фразу «разработана новая база данных». Студентам рекомендуется просмотреть уже готовое резюме и убедиться, что его личный стиль написания резюме помогает вы-

делиться среди конкурентов. Последним шагом при составлении резюме является проверка того, определяет ли оно ключевые навыки, опыт, качества и достижения; ясно ли изложено содержание и соответствует ли оно требуемому объёму; охватывает ли резюме достижения в области образования, опыт работы, знание иностранных языков, ИТ-навыки, другие интересы, а также содержит ли необходимые рекомендации. Кроме того, студентам рекомендовано проверить как оформлена структура, какие использованы шрифты; наконец, является ли эта версия резюме самой актуальной на данный момент времени. После проверки своего резюме студенты задают себе контрольный вопрос: есть ли в резюме именно то, чего хочет работодатель и сможет ли он увидеть все достоинства за 20 секунд и захотеть узнать больше о соискателе? Данный этап подготовки конкурсных работ можно проводить в группе в виде ролевой игры «Job Interview», в ходе которой студенты оценивают резюме друг друга с точки зрения работодателя.

На третьем этапе конкурса студенты самостоятельно работают над подготовкой своего резюме и сопроводительного письма в соответствии с требованиями к найденной самостоятельно реальной или вымышленной вакансии. Подготовленные конкурсные работы отправляются организаторам для оценивания компетентным жюри, в состав которого входят преподаватели кафедры

и представители организаций – потенциальных работодателей. В конкурсе резюме и сопроводительных писем, проведённого в Петрозаводском государственном университете в 2019 году, приняли участие более 330 студентов разных курсов. В финал вышли 43 работы студентов, составленных участниками для получения вакантной должности в международной компании или получения стипендии (гранта) для обучения за рубежом. Студенты-финалисты творчески подошли к выполнению конкурсного задания и продемонстрировали свои навыки в иноязычной письменной речи, а также показали высокий уровень самопрезентации, проявив свой творческий потенциал.

В целом, наш опыт проведения практико-ориентированных конкурсов на иностранном языке свидетельствует о положительном влиянии включения подобных заданий в образовательный процесс на его эффективность. Проведение конкурса по написанию резюме и сопроводительных писем создает для студентов ситуацию, стимулирующую их к применению своих знаний в практической личностно ценной ситуации, подготавливая их к дальнейшей профессиональной жизни, в которой будут востребованы полученные знания и умения, обеспечив конкурентоспособность и успешность выпускника в современном мире.

Библиографический список

1. Гафурова Н.В. Возможности реализации Болонского процесса / Н. В. Гафурова, Т. В. Твердохлебова // Сибирский педагогический журнал. 2010. № 8. С. 25–32.)
2. Галичин В.А. Академическая мобильность в условиях интернационализации образования. М.: Университетская книга, 2009. 460 с., С. 8.
3. Шакирова А. А., Валеева, Р. А. Финансовая сторона академической мобильности: зарубежный опыт / А.А. Шакирова, Р.А. Валеева // Проблемы современного педагогического образования. 2016. №52-5. С. 342-350.
4. Шакирова А.А. Академическая мобильность студентов как инструмент сетевого взаимодействия вузов // Современные проблемы науки и образования. 2017. № 4.
5. Lee Sh., Hung D., Woon L. T. (2014) Toward 21st Century Learning: An Analysis of Top Performing Asian Education Systems' Reforms // Asia-Pacific Edu Res 23(4):779–781 DOI 10.1007/s40299-014-0218-x
6. How to write an effective CV: The do's and don'ts [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://www.roberthalf.co.uk/advice/cv-and-cover-letters/how-write-effective-cv-best-practice-tips-job-success> (дата обращения: 06.06.2019)
7. Writing an effective CV and Covering Letter: University of Birmingham. [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://intranet.birmingham.ac.uk/as/employability/careers/apply/cv/index.aspx> (дата обращения: 06.06.2019)

References

1. Gafurova N.V. Possibilities of the Realization of the Bologna's process / N. B. Gafurova, T. V. Tverdokhlebova // Siberian pedagogical journal. 2010. № 8. Pp. 25-32.
2. Galichin V.A. Academic mobility in conditions of education internationalization. Moscow: University book, 2009. 460 p., Pp. 8.
3. Shakirova A.A., Valeeva R.A. Financial side of academic mobility: foreign experience / A. Shakirova, R. A. Valeeva // Problems of modern pedagogical education. 2016. №52-5. Pp. 342-350.
4. Shakirova A. A. Academic mobility of students as a tool of network universities interaction // Modern problems of science and education. 2017. № 4.
5. Lee Sh., Hung D., Woon L. T. (2014) Toward 21st Century Learning: An Analysis of Top Performing Asian Education Systems' Reforms // Asia-Pacific Edu Res 23(4):779–781 DOI 10.1007/s40299-014-0218-x
6. How to write an effective CV: The do's and don'ts [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://www.roberthalf.co.uk/advice/cv-and-cover-letters/how-write-effective-cv-best-practice-tips-job-success> (дата обращения: 06.06.2019)
7. Writing an effective CV and Covering Letter: University of Birmingham. [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://intranet.birmingham.ac.uk/as/employability/careers/apply/cv/index.aspx> (дата обращения: 06.06.2019)

УДК 004.92

UDC 004.92

АМЕЛИНА О.Ю.

кандидат педагогических наук, доцент кафедры
дизайна, Орловский государственный университет
имени И.С. Тургенева
E-mail: amelol@yandex.ru

AMELINA O.YU.

Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor of
Design, Orel State University
E-mail: amelol@yandex.ru

СЛОЖНОСТИ ПРЕПОДАВАНИЯ WEB-ДИЗАЙНА В СИСТЕМЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ПОДГОТОВКИ ГРАФИЧЕСКИХ ДИЗАЙНЕРОВ

DIFFICULTIES OF TEACHING WEB-DESIGN IN THE SYSTEM OF PROFESSIONAL TRAINING OF GRAPHIC DESIGNERS

В современном мире мы сталкиваемся с большим объемом информации с сети интернет, затрагивающим все сферы нашей жизни. Это отражается на востребованности в специалистах по Web-дизайну, способных обеспечить для широких масс удобный доступ к информации. В связи с чем возникает вопрос о качестве и трудностях подготовки специалистов в этой области.

Ключевые слова: web-дизайн, графический дизайн, дизайн-образование, компьютерные технологии.

In today's world, the total amount of information that affects all areas of our lives is growing every day. The information technology industry is called upon to understand this flow and put it in order. This is reflected in the demand for specialists in Web-design, able to provide convenient access to information for the masses. This raises the question of the quality and difficulties of training specialists in this field.

Keywords: web-design, graphic design, design education, computer technology.

В сфере дизайн-образования процесс обучения направлен на развитие творческих способностей студентов и формирование компетентного специалиста, способного к самостоятельному решению профессиональных задач и умеющего правильно организовать свое время. Эти цели достигаются дисциплинами профессиональной направленности: в теоретических курсах обучения, в практических и лабораторных курсах по обработке и закреплению практических навыков, а также в процессе выполнения курсовых и дипломных работ. Вопрос подготовки дизайнеров активно поднимается различными учеными и непосредственно практикующими дизайнерами. В научных трудах отражены результаты исследований художников-педагогов, дизайнеров и архитекторов, преподающих в вузах страны, а также самих студентов, обучающихся по направлению подготовки 54.03.01 «Дизайн». В результате обсуждений, многие сходятся во мнении применения новых технологий обучения студентов. Изменения касаются преподавания художественных, проектных, технических дисциплин в системе высшего образования при подготовке дизайнеров разных профилей.

Одной из задач современного как педагогического, так и дизайн-образования является овладение будущими графическими дизайнерами новейшими информационными технологиями.

В результате стремительного роста глобальной сети Интернет, появился Веб-дизайн (Web-дизайн) – одна из самых динамично развивающихся область информационных технологий, которая ориентирована на создание

графической информационной среды, или другими словами, веб-сайтов и интернет-страниц.

Многочисленные вопросы, касающиеся профессиональной ориентации и подготовки создателей интернет-страниц, общих принципов их разработки, дизайн-решений и оформления, отличия и сходства веб-дизайна с графическим дизайном регулярно звучат в профессиональных кругах. К теме веб-дизайна отмечается большой интерес: организуются круглые столы, конгрессы и конференции графиков-дизайнеров, создаются ассоциации рекламистов. Главным вопросом обсуждения становится актуальность и сложности веб-дизайна в современной дизайнерской деятельности.

Одной из форм обучения веб-дизайну выступают онлайн-курсы. В большинстве случаев, подобные курсы дают достаточно узкую картину специальности – урок смотрится с телефона, планшета или ноутбука, с возможностью общения с преподавателем в режиме реального времени.

Помимо, онлайн-курсов, знания о данной профессии можно получить на курсах от ведущих образовательных центров или частных школ, с практикующими дизайнерами в качестве преподавателей.

Другой формой получения профессии веб-дизайн являются программы бакалавриата и специалитета. Это варианты получения высшего образования.

Действительно, отмечается широкий интерес к веб-дизайну и в сфере высших учебных заведений: Веб-дизайн рассматривают как дисциплину, играющую

важную роль в профессионально-ориентированном образовании графических дизайнеров. Благодаря данной учебной дисциплины можно говорить о специальной подготовке студентов, так как веб-дизайн объединяет в себе знания по разным смежным дисциплинам графического дизайна, как теоретические, так и практические.

Не вызывает сомнения, что умение работать с графической и визуальной информацией, является одним из обязательных составляющих компонентов обучения графического дизайнера. Начиная с первого курса бакалавр, будущий профессионал в области графического дизайна, изучает информационные технологии и компьютерную графику (компьютерный дизайн). В учебном плане направления подготовки Дизайн (профиль: графический дизайн) в качестве одной из базовых дисциплин с недавнего времени выступает Web-дизайн.

Необходимость включения в обучение студентов художественно-графического факультета дисциплины «Веб-дизайн» была рассмотрена Блудновым Г.П. [1, с. 4]. Кроме того, в своем исследовании он предлагает методику обучения студентов, которая опирается на использование программного обеспечения.

В связи с развитием веб-дизайна как профессиональной деятельности, к системе образования дизайнеров предъявляются новые требования: после окончания ВУЗа выпускники должны владеть технологиями веб-пространства. Web-дизайн становится важным компонентом образования современных графических дизайнеров и введение данной дисциплины в учебные планы учебных заведений указывает на необходимость совершенствования методики обучения студентов с тем, чтобы быть профессионально востребованными на рынке труда.

Но следует отметить, что существуют определенные трудности в практике обучения данной дисциплине студентов в высших учебных заведениях.

Выявление особенностей и сложностей преподавания веб-дизайна в высших учебных заведениях следует начинать с рассмотрения имеющихся точек зрения на область профессиональной принадлежности такого вида деятельности, как веб-дизайн.

В настоящее время одной из точек зрения является позиционирование веб-сайта как объекта в графическом дизайне.

В то время, как другие практики считают веб-дизайн и графический дизайн разными видами профессиональной деятельности.

Нередко, веб-дизайн и дизайн графический считаются понятиями взаимозаменяемыми. Эти направления имеют общее начало, а именно, базируются на основах колористики (умение сочетать цвета и оттенки), пропедевтики, основах проектной графики, шрифтовой культуре. Кроме того, и веб, и графический дизайн, помимо художественного вкуса, подразумевает отличное знание пакета графических редакторов (например, Photoshop, Illustrator) и программ, предназначенных для верстки. Тем не менее, оформление веб-сайтов и материалов для полиграфии (графический дизайн) имеют рядprin-

ципальных отличий, касающихся в большей степени технического аспекта, но также затрагивающих и сам творческий процесс.

Веб-дизайнер – это специалист в области компьютерных технологий, который отвечает за то, как будет выглядеть и восприниматься сайт. Он придумывает различные элементы графики для сайта, логотипы, баннеры, продумывает функционал навигации по сайту, ведет работу с типографикой – определяет как должен выглядеть текст и где его следует разместить. Дизайнеру необходимо не только создавать интересный и профессиональный сайт, но и необходимо учитывать время его загрузки. При этом веб-дизайнер сосредотачивается не только на визуальном оформлении, он должен заботиться и об удобстве пользования сайтом – его юзабилити.

В своей работе, согласно данной точки зрения, графический дизайнер работает в тесном контакте со специалистами программистами, что позволяет создавать эффективный сайт.

Согласно второй точки зрения, графический дизайнер применяет в своей работе знания языка разметки документов HTML, языка оформления стилей документов CSS, основы HTML-вёрстки. Именно поэтому, Веб-дизайн рассматривается как процесс создания сайтов, где ключевое слово – сайт, который состоит из технической разработки, создания удобной структуры веб-страницы, графического оформления и передачи информации в сеть.

И в этом состоит первая сложность обучения веб-дизайну для графических дизайнеров – рассматривать ли веб-дизайн как самостоятельное направление, или же как одну из профессиональных областей деятельности графических дизайнеров.

Мы придерживаемся точки зрения, что в современном мобильном мире дизайн в интернете или веб-дизайн становится одним из направлений в графическом дизайне, и ввиду технологической универсализации результатов часто выходит за рамки профессионального продукта [2]. Ввиду сложности современных технологий, процесс создания Web-ресурсов ложиться на плечи различных специалистов. Помимо Web-дизайнеров в этом процессе участвуют инженеры телекоммуникационных специальностей, программисты, PR-специалисты и другие. Выполнить сложный проект одному человеку практически не под силу, поэтому каждый специалист должен сосредоточиться на выполнении своих задач. Такое сочетание профессиональных интересов на наш взгляд, наиболее эффективно для процесса разработки сайта от создания дизайн-концепта до финальной верстки сайта, так как каждый профессионал занимается своим делом, каждый решает конкретную задачу в командной работе.

Второй сложностью на наш взгляд, является отсутствие специальных исследований, посвященные содержанию и методике обучения Веб-дизайну для студентов высших учебных заведений. Научно-методические исследования, в основном, посвящены близким к Веб-дизайну мультимедийным средствам обучения,

возможностям Интернет в дистанционном обучении (Н.В. Клемешова, О.Ф. Велислава., И.В. Симонова, Н.В. Майкевич и др.).

В статье «Особенности преподавания Web-дизайна студентам отделения дизайна» автор Р. Филенко приводит список «учебников и методических пособий по созданию Web-сайтов, которые можно порекомендовать к применению в процессе обучения основам Web-дизайна» [7]. Автор указывает на то, что «часто в таких изданиях рассматриваются методы и технологии создания сайтов с учетом ситуации на момент написания книг. К сожалению в них редко указываются перспективы и тенденции будущего развития, с прицелом на новые технологии взаимодействия пользователя с Web-ресурсами».

Исследование Филенко Р. «выявило существование недостаточной обеспеченности методическим материалом и специальной литературой»

Пронализировав, имеющиеся самоучители профессионально-ориентированные практикумы, мы можем говорить, что основное внимание уделяется технической подготовке, изучению программ компьютерной графики. Книги, статьи, Веб-сайты затрагивают проблему эффективного использования компьютерной графики как инструмента работы графических дизайнеров, в то время как вопросы художественной культуры и графического языка, осмысления творческих процессов работы в веб-дизайне и, в частности, при создании веб-сайтов в литературных источниках не рассматриваются.

Вопросы содержания и методики обучения веб-дизайну студентов – будущих графических дизайнеров нуждаются в систематической научной базе. «Веб-дизайн в настоящее время еще не нашел свое достойное место в практике обучения студентов ...» [1].

Веб-дизайнер – профессия, которую в настоящее время можно получить в художественных училищах, на специализированных авторских курсах. Мы рассматриваем в данной статье, что навыки в области веб-дизайна можно получить в вузах в рамках направления «Дизайн» (профиль «Графический дизайн»). В данном случае, можно говорить о третьей трудности преподавания веб-дизайна в вузе, которая заключается в реализуемых компетенциях.

Целью образовательной программы графических дизайнеров по направлению подготовки 54.03.01 Дизайн является формирование у будущего специалиста различных компетенций (общекультурных, общепрофессиональных и профессиональных), а также компетентностей, позволяющих графическому дизайнеру эффективно решать профессиональные задачи, связанные с проектированием полиграфической продукции, рекламных технологий, мультимедиа и визуальных коммуникаций, и способствующих его профессиональной мобильности, конкурентоспособности и устойчивости на рынке труда.

В полной мере реализуются следующие компетенции:

«– способность применять современную шрифтовую культуру и компьютерные технологии, применяемые в дизайн-проектировании (ОПК-4);

– способность решать стандартные задачи профессиональной деятельности на основе информационной и библиографической культуры с применением информационно-коммуникационных технологий и с учетом основных требований информационной безопасности (ОПК-6);

– способность осуществлять поиск, хранение, обработку и анализ информации из различных источников и баз данных, представлять ее в требуемом формате с использованием информационных, компьютерных и сетевых технологий (ОПК-7);

– способность применять современные технологии, требуемые при реализации дизайн-проекта на практике (ПК-6)» [6].

Компетенции по освоению профессиональных вопросов веб-дизайна не отражены в стандарте по направлению подготовки 54.03.01 Дизайн. На формирование и введение в ООП компетенции по освоению данной области деятельности оказывают влияние несколько факторов: тенденции развития веб-дизайна; тенденции изменений требований рынка труда; совокупность научно-методологических подходов и принципы профессиональной подготовки современных графических дизайнеров.

На основе проведенного теоретического анализа специализированной литературы, где говорится об умении свободно ориентироваться в среде Internet; умении создавать базовые логические структуры сайта; умении стилистически прорабатывать проект, требования к специалисту, умеющего работать с графической информацией в интернет-пространстве можно указать, как:

– способность к разработке веб-сайтов с использованием различных графических редакторов; знание особенностей продвижения веб-сайта.

Другими словами, графическому дизайнеру необходимо владеть основными навыками дизайна интерфейса (как целой авторской дизайн-концепции, так и отдельных элементов), с применением современных технических и программных средств (понять как устроена работа дизайнеров, сколько часов нужно для создания сайта или баннера и как правильно вести разработку сайта).

«Уделяя должное внимание обучению использования современных программ графического дизайна, способствующих повышению компетентного уровня веб-дизайнера, нужно не забывать о развитии умения создавать стилевое единство веб-сайтов и о развитии художественного вкуса. Что, в конечном счете, будет способствовать повышению качества визуальных коммуникаций» [7]. Формирование у студентов вузов такой специальной компетенции в области веб-дизайна позволит установить логические связи структурных компонентов дисциплин профессионально-ориентированных, что отразится на целостности построения педагогического процесса.

Трудности заключаются и в техническом оснащении учебного процесса. Не все профильные кафедры могут обеспечить должное образование по данной дис-

циплине за счет отсутствия современной материально-технической базы, а также возможности выхода в сеть интернет. В учебном процессе используется достаточно большое количество программного обеспечения (графические редакторы). Информационные технологии – настолько динамично развивающаяся область, для которой характерна частая смена программного обеспечения. И в большинстве случаев, эта смена происходит с кардинальными изменениями. Это может приводить к отставанию процесса обучения графического дизайнера от насущной потребности в определенных навыках на текущий момент обучения. Получается так, что выпускник ВУЗа не может применить свои способности, так как они, к моменту начала его профессиональной деятельности, могут считаться устаревшими.

Содержание программы необходимо ориентировать не только на изучение графических редакторов. Знание особенностей работы каждого редактора недостаточно. Нельзя, зная программу сразу приступить к выполнению практической работы по разработке сайта. Важно понять, что такое веб-дизайн, как устроена работа дизайнера, чего ждут клиенты и как искать идеи; работать с модульными сетками и создавать свои; знать особенности цвета и шрифтовой композиции; работать с UX и UI, знать разницу мобильного и веб-дизайна и много другое. А для этого, на наш взгляд, необходимо отдельное внимание уделить вопросу отведению на изучение данной дисциплины соответствующего количества часов. Мы отметили, что в имеющихся программах по изучению дисциплины «Веб-дизайн» отсутствуют лекционные часы. Имеются лишь одни практические занятия, да и те в малом объеме. Для повышения эффективности обучения Web-специалистов, необходимо вве-

сти в учебный план теоретическую часть с добавлением лекционного материала, кроме того увеличить количество часов, отведенных на практические занятия.

Кроме всего прочего, одной из самых важных проблем обучения по данной дисциплине, является уровень профессионализма профессорско-преподавательского состава. Как правило, преподаватели не имеют достаточного представления о современных информационно-технических возможностях использования компьютеризированной подготовки, специалисты в области компьютерных технологий не имеют представление о специфике использования современных информационных технологий в учебном процессе, поэтому преподаватели, обучающие дисциплине «веб-дизайн», должны обладать знаниями в области сетевых технологий и обширными знаниями о различных видах дизайна, знать основные принципы методики обучения при проектировании в области дизайна. На соответствующие кафедры необходимо приглашать профессиональные кадры – практикующих дизайнеров, программистов, а также постоянно направлять педагогов на курсы повышения квалификации или курсы профессиональной переподготовки в вузы смежной направленности или в ведущие дизайнерские фирмы.

Исходя из этого можно говорить о том, что в системе подготовки графических дизайнеров должен быть включен курс веб-дизайна. Это позволит говорить о системном подходе к профессиональной подготовке будущих специалистов. Необходимость разработки методики обучения студентов веб-дизайну и наполнения содержания данной дисциплины конкретно для графических дизайнеров позволит повысить эффективность их профессиональной мобильности в контексте требований современного общества.

Библиографический список

1. Блуднов Григорий Павлович. Веб-дизайн как средство специальной подготовки студентов художественно-графических факультетов : Дис. ... канд. пед. наук : 13.00.02 : Москва, 2004 186 с.
2. Бородаев Д.В. Веб-сайт как объект графического дизайна. Монография. Х.: «Септима ЛТД», 2006. 288 с.
3. Вестник Учебно-методического объединения по профессионально-педагогическому образованию. Дизайн-образование: специализированный выпуск / Под ред. Е. В. Ткаченко и др. Екатеринбург: Издательство РГППУ, 2007. 295 с.
4. Проектирование основных образовательных программ, реализующих федеральные государственные образовательные стандарты высшего профессионального образования / Под ред. Н.А. Селезневой. М.: Исслед. центр пробл. кач. подгот. спец., 2010. 92 с.
5. Суслова И.А. Методика обучения студентов компьютерных специальностей с использованием интеллектуальных информационных систем / И.А. Суслова: автореф. дис. канд. пед. наук : 13.00.02: РГППУ. Екатеринбург, 2008. 26 с.
6. Федеральный государственный образовательный стандарт высшего образования (ФГОСВО, стандарт) по направлению подготовки 54.03.01 Дизайн.
7. Филенко Р. Е. Особенности преподавания Web-дизайна студентам отделения дизайна / Р. Е. Филенко // Актуальные проблемы современного искусства: история, теория и практика: материалы Международной научно-практической конференции / под ред. С.П. Машовец. - Хабаровск: Издательство ДВГТУ, 2009. - С. 292-294.

References

1. Bludnov Grigory Pavlovich. Web design as a means of special training of students of art and graphic faculties: Dis. ... Cand. PED. Sciences: 13.00.02: Moscow, 2004 186 p.
2. Borodaev D. V. Website as an object of graphic design. Monograph. H.: "Septima LTD", 2006. 288 p.
3. Bulletin of the Educational and methodical Association for professional and pedagogical education. Design education: specialized issue / ed. E. V. Tkachenko et al. Ekaterinburg: Publishing house of RSPU, 2007. - 295 PP.
4. Design of basic educational programs implementing Federal state educational standards of higher professional education / ed. H.A. Selezneva. M.: No. center prob. SW. podgot. spets., 2010. 92 92 PP.
5. Suslova I. A. Methods of teaching students computer specializations using intelligent information systems / I. A. Suslova: abstract. dis. Cand. PED. Sciences: 13.00.02: rgppu. Ekaterinburg, 2008. 26 p.
6. Federal state educational standard of higher education (FGOSVO, standard) in the direction of training 54.03.01 Design.
7. Filenko R.E. Features of teaching Web-design to students of the Department of design / R. E. Filenko // Actual problems of modern art: history, theory and practice: materials of the International scientific and practical conference / ed. - Khabarovsk: Publishing house of duggu, 2009. Pp. 292-294.

УДК 372.851

UDC 372.851

БАРАКОВА Е.А.

учитель математики, ГБОУ Школа № 1985, г. Москва
E-mail: barakova_e@mail.ru

BARAKOVA E.A.

Mathematical Teacher, School № 1985, Moscow
E-mail: barakova_e@mail.ru

РЕАЛИЗАЦИЯ МЕТОДИКИ ФОРМИРОВАНИЯ РЕГУЛЯТИВНЫХ УЧЕБНЫХ ДЕЙСТВИЙ ОБУЧАЮЩИХСЯ СРЕДСТВАМИ МЭШ

IMPLEMENTATION OF THE METHODIC FOR FORMATION REGULATORY EDUCATIONAL ACTIONS BY MEANS OF MES

В статье представлены результаты апробации методики формирования регулятивных универсальных учебных действий (РУУД) учащихся через ресурсы Московской электронной школы (МЭШ). Сопровождение исследовательской учебной деятельности учащихся на уроке с целью оказания точечного воздействия на отдельные регуляторные компоненты при индивидуальном подходе способствует развитию саморегуляции собственной деятельности, успешному учению.

Ключевые слова: учебно-познавательная деятельность (УПД), регулятивные универсальные учебные действия (РУУД), процесс обучения математике, Московская электронная школа (МЭШ).

The article presents the results of testing the methodology for the formation of regulatory universal educational actions (RUUD) of students through the resources of the Moscow Electronic School (MES). Accompanying students' research and teaching activities in the lesson with the aim of exerting a targeted effect on individual regulatory components with an individual approach promotes the development of self-regulation of their own activities, successful learning.

Keywords: educational and cognitive activity (ECA), regulatory universal educational activities (RUEA), the process of teaching mathematics, Moscow Electronic School (MES).

Московская электронная школа (МЭШ) открывает новые педагогические возможности, позволяет расширить образовательное пространство, обеспечить его эффективное использование участниками учебно-образовательного процесса.

В библиотеку МЭШ загружено большое количество аудио-, видео-, текстовых файлов, сценариев уроков, учебных пособий, учебников, тысячи приложений. Все материалы МЭШ проходят модерацию. Критерии модерации детализированы и все требования к сценарию обязательно должны быть выполнены автором. Ресурсы МЭШ доступны для всех и в любое время. Учителя активно используют ресурсы МЭШ в работе, делятся своими педагогическими находками, создавая сценарии, приложения, атомики. МЭШ для учителя – это возможность реализации своего творческого потенциала, обмена опытом работы.

Мы поставили перед собой вопросы: возможно ли использовать ресурсы МЭШ при формировании РУУД учащихся?; какова методика формирования РУУД учащихся в сценариях МЭШ?; вызовет ли интерес такой сценарий у педагогического сообщества? – ответы на которые дадим в данной статье.

Начнем с конкретизации регулятивных универсальных действий (РУУД) учащихся, [1] – [4]. РУУД обеспечивают организацию учащимися своей учебной деятельности. Это умения:

– ставить цель при решении задач, проблем,

- прогнозировать результаты,
- составить план действий,
- действовать по плану,
- сравнить план с замыслом,
- оценивать и корректировать свою деятельность.

В качестве критериев сформированности регулятивных действий перечисляют способности:

- выбора средства реализации своих целей (мы бы отнесли это скорее к личностным универсальным действиям),
- планирования,
- контроля и выполнения действия по заданному образцу, правилу, с использованием норм,
- планирования результатов своей деятельности,
- предвосхищения возможных ошибок,
- начала и завершения действий в нужный момент [3].

Мы систематизировали ресурсы МЭШ для понимания возможности их использования при формировании РУУД учащихся. Результаты отражены в таблице 1.

МЭШ для нашего исследования – это уникальная возможность апробации методики формирования РУУД учащихся на уроках математики на базе общеобразовательных учреждений г. Москвы ввиду того, что появляется возможность проанализировать её эффективность, разработать сценарии уроков, где данная методика реализуется в содержательном и в процессуальном компонентах. Основными критериями оценивания качества

Таблица 1.

Ресурсы МЭШ для формирования РУУ

Ресурсы МЭШ	Формируемые универсальные учебные действия	Формы организации деятельности учащихся
Сценарии уроков	Самопознание, саморазвитие, самосовершенствование и саморегуляция собственной деятельности	Организация исследовательской деятельности, индивидуальный подход в обучении, организация командной работы, дифференцированный подход в обучении
Приложения	Мотивация к учению, самопроверка знаний и навыков	Индивидуальная, работа в парах, командная, коллективная
Тесты	Целеполагание, самостоятельность, самоконтроль	Самостоятельная работа, выполнение заданий с взаимопроверкой, сравнение с эталоном
Учебники	Все виды РУУД	Работа с учебником, выполнение тренировочных заданий, интерактивных заданий. Частично поисковая, исследовательская деятельность
Художественная литература	Поиск информации, обработка информации, анализ текста, выводы и умозаключения	Диалог, эссе, презентации
Атомики	Интерес к предмету, осмысление практического применения знаний в жизни, прогнозирование результата, планирование действий	Конвергентный подход в обучении
Учебные пособия	Работа с информацией, креативное мышление, проектирование учебной деятельности	Самостоятельное индивидуальное образование, разноуровневые домашние задания, задания по выбору, творческие и поисковые задания
Лаборатории	Практические навыки применения знаний, исследовательские умения, опыт проведения эксперимента в виртуальной лаборатории	Эксперимент, лабораторная работа, практическая работа, исследование

предложенных материалов стали оценка модератора; востребованность сценария участниками образовательного процесса; оценивание сценария коллегами, учителями г. Москвы.

Было предложено 9 сценариев:

– 7 сценариев (Математика, Наглядная геометрия, 5-6 классы, общеобразовательные, математические классы и классы Математической вертикали):

1. «Замечательные кривые» (ID 1244868).
2. «Ось симметрии фигуры» (ID 1109145).
3. «Пространство и размерность» (ID 1104757).
4. «Натуральные числа и ноль» (ID 1079337).

– 3 сценария (Алгебра, 8-9 общеобразовательные классы):

5. «Квадратный трёхчлен» (ID 1221521),.
6. «Построение графика квадратичной функции» (ID 1311498).
7. «Решение неравенств второй степени» (ID 1344063).

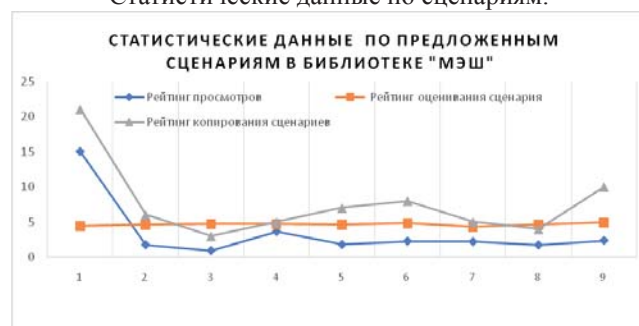
– 2 сценария (Алгебра и начала математического анализа, 10 профильные классы):

8. «Симметрические многочлены» (ID 1273700),
9. «Схема Горнера» (ID 1116971).

Эти сценарии прошли модерацию и находятся в базе МЭШ (<https://uchebnik.mos.ru>).

Диаграмма 1.

Статистические данные по сценариям.

По рейтингу востребованности из предложенных сценариев привлек внимание педагогов сценарий для 5-6 классов по Наглядной геометрии «Замечательные кривые», [10]. Этот сценарий за месяц просмотрели более 1400 раз, десятки раз урок скопировали для работы; высокую оценку уроку – «5» – поставили 45, просмотревших сценарий, человек, ещё 12 поставили «4», и 4 – оценку «1».

Такой противоречивый спектр оценивания урока позволил сделать выводы:

- проблема мотивации к изучению предмета существует;
- педагогическая общественность в поиске ин-

струмента для решения этой проблемы;

– потенциал математики – возможность для формирования регулятивных учебных действий учащихся, для приобретения обучающимися метапредметных умений, необходимых для успешного обучения, учения, развития;

– методика формирования регулятивных учебных действий учащихся «работает» на практике, в процессе обучения.

На примере фрагмента сценария урока «Замечательные кривые» (этап закрепления нового материала) познакомим читателя с сущностью методики формирования регулятивных учебных действий учащихся при обучении математике и её возможностями.

Другими словами, ответим на вопросы:

– как на уроке можно согласовывать все уровни регуляции деятельности учащегося (последовательности действия восприятия и мышления, способы для реализации индивидуальных способностей, индивидуальные темпы деятельности, акцент на трудность (обратное), другое);

– как постепенно увеличивать долю самостоятельности и ответственности учащихся в деятельности;

– как осуществлять постепенный переход к самоуправлению своей учебно-познавательной деятельностью у каждого из учащихся [8].

После актуализации знаний и объяснения новой темы (по сценарию) учащимся предлагается выполнить практическую работу с целью первичного закрепления знаний. Такой прием вызывает у учащихся интерес и любопытство, ведь это не урок физики, химии, информатики, биологии, географии. Это урок математики – царства чисел, функций, графиков, таблиц, диаграмм, теорем, формул. И привычнее постановка задачи: найдите..., решите..., докажете..., постройте график..., другое.

На планшете у учащегося появляются сразу три практические работы с инструкциями по выполнению. Практическая работа №1 (Построить кардиоиду), Практическая работа № 2 (Построить циклоиду) и Практическая работа № 3 (Построить синусоиду).

Пример 1. Практическая работа №1 (Кардиоиды).

Внимательно прочитайте указание и выполните практическую работу.

Указание:

1. вырежьте два одинаковых картонных круга;
2. один из них закрепите неподвижно;
3. второй приложите к первому, отметьте на его краю точку А, наиболее удаленную от центра первого круга;
4. прокатите без скольжения подвижный круг по неподвижному, отмечая, как можно чаще, положение точки А;
5. соедините плавной линией отмеченные положения точки А (сравните с эталоном) [11].

Рис. 1. Кардиоиды.

Учащийся самостоятельно соотносит все, что увидел и услышал на уроке до практической работы, со своими возможностями, оценивает степень восприятия нового материала и делает выбор: какую кривую он будет строить. Выполняет он только одну из предложенных практических работ.

Принятие решения в результате переработки полученной новой информации – важный момент на уроке, где обозначены временные рамки для выполнения задания, 12 минут. Для принятия решения учащийся может вернуться на предыдущие этапы урока и просмотреть все, что происходило на уроке до практической работы. Решение принято, выбор сделан.

В классе происходит условное разбиение на группы по выбору практической работы. Это дает возможность получить помощь одноклассника при возникновении затруднений при выполнении задания и, наоборот, оказать помощь однокласснику. Чувства ответственности и значимости, единения и желания не отставать – способствуют внутренней самоорганизации для выполнения работы.

Учащийся ставит перед собой задачу, в соответствии с инструкцией: подбор необходимых инструментов. Таким образом он проектирует свою деятельность по выполнению задачи, планирует действия, прогнозирует результат. И опять принимает значимое решение: вид и степень помощи. Это может быть изучение эталона (результата, который должен получиться) на планшете, вопрос педагогу (или просьба о дополнительном разъяснении), помощь одноклассника (сверяются и обсуждаются действия), другое.

После конкретизации для себя поставленной учителем задачи, принятия её и осмысления порядка выполнения действий до получения результата, учащийся приступает к конкретным действиям. Сценарий предполагает выполнение построения *циклоиды, кардиоиды, синусоиды* с помощью бумаги, ножниц, линейки, картона, карандаша. Следуя инструкции, учащийся выполняет работу, ощущая степень моторики пальцев, сравнивая свой результат с результатом соседа по парте и эталоном, анализируя его, делает вывод о необходимости потренироваться. И МЭШ ему такую возможность предоставляет.

После выполнения практической работы у ребят

есть возможность посмотреть, что получилось у другой группы. Появляется желание попробовать это сделать самому. И вот здесь бесценны возможности МЭШ. Зная ID сценария, учащийся может дома ещё и ещё раз сами или с родителями вернуться к уроку, просмотреть, изучить, потренироваться, закрепить приобретенные знания и навыки. Но в измененных условиях, с помощью нового набора средств, что и приведет к совершенствованию приобретенных на уроке навыков [7].

На следующем этапе учащиеся смотрят видео, сюжет о применении замечательных кривых в жизни, что закрепляет интерес к изучаемому материалу и желание научиться строить замечательные кривые, узнать о них из дополнительных источников информации побольше. Тем более, что домашнее задание такого урока: мини-проект «Спираль Архимеда». На уроке звучит лишь экскурс в историю, легенда об этой кривой, связанная с именем знаменитого ученого. Но формат мини-проекта уже сформирован в голове учащегося – это прототип Практической работы, с интересным рассказом из истории и практическим применением в жизни.

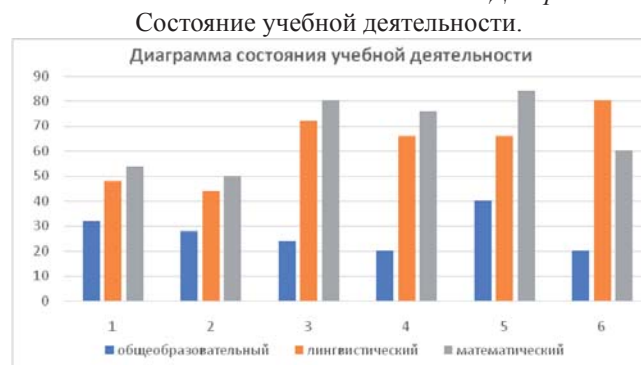
«Ничего нового и особенного», – скажет педагог, который не ставит своей целью на уроке целенаправленное формирование регулятивных учебных действий учащихся. И он, действительно, не поймет, что организация такой деятельности учащихся – это пиковый момент на уроке для оказания индивидуального точечного воздействия на развитие отдельных регуляторных компонентов у учащихся: ценностно-мотивационного, смыслового, опыта рефлексии, опыта привычной активизации, операционального опыта и опыта сотрудничества. На наш взгляд, формировать регулятивные учебные действия учащихся возможно лишь в структуре полной осознанной саморегуляции.

Исследованиями О.А. Конопкиной – автора психологической теории осознанной саморегуляции, установлено, что регуляторные процессы изучаются во всех тех случаях, когда когнитивные процессы рассматриваются с точки зрения решения задачи переработки информации [5]. В структуру саморегуляции О.А. Конопкин включает: принятую субъектом цель деятельности; субъективную модель значимых условий; программу исполнительских действий, систему субъективных критериев достижения цели, контроль и оценку реальных результатов, решение о коррекции системы саморегулирования [5]. Формой произвольной активности субъекта является, в частности, его учебно-познавательная деятельность.

Предлагаем результаты диагностики состояния учебной деятельности на предложенном этапе урока в 6-х классах (общеобразовательном, лингвистическом и математическом) Школы №1985, г. Москвы. Определялся уровень сформированности регулятивных

УУД (в %): способность учащегося находить связь между изменениями содержательных и операциональных характеристик действия с изучаемым объектом.

Диаграмма 2.

1 – состояние учебной задачи: понимает, принимает и сохраняет учебную задачу, понимает смысл деятельности;

2 – состояние ориентировочной основы: умеет самостоятельно поставить задачу, определить цель деятельности, позволяющую решить эту задачу, понимает исходные данные, правила, принципы, алгоритмы;

3 – состояние учебных действий: планирует свои действия, прогнозирует результат, находит способ контроля решения;

4 – состояние учебных действий: осуществляет необходимые действия, применяет понятия в новой реальной ситуации;

5 – состояние результата учебной деятельности: проявляет инициативу (выбирает уровень, рациональный способ решения, видит ошибки или упущения в логике, другое);

6 – состояние самоконтроля, самооценки: умеет соотносить цель и результат своей деятельности, вносить коррективы в действие [6].

Имея такой результат на первом уроке изучения данной темы, проанализировав состояние аспектов учебной деятельности учащихся, учитель приходит к пониманию, как конструировать следующие уроки, какие задания необходимы.

При использовании ресурсов МЭШ учитель имеет возможность наблюдать за работой учеников на каждом этапе урока, и, имея банк данных об индивидуальных особенностях каждого учащегося, фиксировать затруднения, своевременно оказывать помощь; сопровождать направлять деятельность учащихся, индивидуально изменять (усложнять или добавлять элемент творчества) задания с учетом уровня развития регулятивных учебных действий [9]. Для учеников использование МЭШ позволяет реализовывать собственную образовательную траекторию, работать над формированием РУУД в индивидуальном темпе.

Библиографический список

1. Божженкова Л. И. Методика формирования универсальных учебных действий при обучении геометрии. 2-е изд. М. : БИНОМ. Лаборатория знаний, 2014. 205 с.
2. Божженкова Л. И. Методика формирования универсальных учебных действий при обучении алгебре. М. : БИНОМ. Лаборатория

знаний, 2016. 240 с.

3. Колесник Л. М. Формирование универсальных учебных действий на уроках математики / <http://diplomba.ru/work/99688>.
4. Формирование универсальных учебных действий на уроках математики / <https://infourok.ru/formirovanie-universalnih-uchebnih-deystviy-na-urokah-matematiki-380763.html>.
5. Конопкин О. А. Общая способность к саморегуляции как фактор субъектн. развития // Вопросы психологии. 2004. № 2. С. 128 – 136.
6. Маркова А. К. Формирование мотивации учения / А. К. Маркова, Т. А. Матис, А. Б. Орлова. М.: Изд-во «Просвещение», 1990. 192 с.
7. Методы организации и осуществления учебно-познавательной деятельности // Педагогика / Под редакцией Ю. К. Бабанского. М.: Просвещение, 1983. 479 с.
8. Баракова Е. А. Сущность методики формирования регулятивных учебных действий учащихся общеобразовательной школы (на примере обучения математики) // Педагогический журнал. Ногинск, 2018. Т. 8, № 4А. С. 47 - 52.
9. Баракова Е. А. Учебная исследовательская деятельность — основа формирования регулятивных УУД (на примере обучения математике) // Наука и Школа. МПГУ, 2018. № 6. С. 95 – 100.
10. Баракова Е. А. Сценарий «Замечательные кривые» // Библиотека МЭШ. ID 1244868.
11. Шарыгин И. Ф. Математика: Наглядная геометрия. 5-6 кл. : учебник / И. Ф. Шарыгин, Л. Н. Ерганжиева. 2-е изд., стереотип. М.: Дрофа, 2015. 189с.

References

1. Bozhenkova L.I. The methodology of the formation of universal educational actions in teaching geometry. 2nd ed. M.: BINOM. Laboratory of Knowledge, 2014. 205 p.
 2. Bozhenkova L.I. Methods of formation of universal educational actions in teaching algebra. M.: BINOM. Laboratory of Knowledge, 2016. 240 p.
 3. Kolesnik L.M. Formation of universal educational actions in the lessons of mathematics / <http://diplomba.ru/work/99688>.
 4. The formation of universal educational activities in mathematics / <https://infourok.ru/formirovanie-universalnih-uchebnih-deystviy-na-urokah-matematiki-380763.html>.
 5. Konopkin O.A. The general ability to self-regulation as a factor in subjective development // Psychology Issues. 2004. No. 2. Pp. 128 - 136.
 6. Markova A.K. Formation of the motivation of learning / A. K. Markova, T. A. Matis, A. B. Orlova. M.: Publishing House "Education", 1990. 192 p.
 7. Methods of organization and implementation of educational and cognitive activities // Pedagogy / Edited by Yu. K. Babansky.-M.: Education, 1983. 479 p.
 8. Barakova E.A. The essence of the methodology for the formation of regulatory educational actions of students in secondary schools (for example, teaching mathematics) // Pedagogical journal. Noginsk, 2018. T. 8, No. 4A. Pp. 47 - 52.
 9. Barakova E.A. Educational research activity - the basis for the formation of regulatory UUD (on the example of teaching mathematics) // Science and School. - IPGU, 2018. No. 6. Pp. 95 - 100.
 10. Barakova E.A. Scenario "Wonderful Curves" // MES Library. ID 1244868.
 11. Sharygin I.F. Mathematics: Visual Geometry. 5-6 cells : textbook / And. F. Sharygin, L.N. Yerganzhieva. 2nd ed., Stereotype. M.: Bustard, 2015. 189p.
-
-

УДК 666.018 (470.3)

UDC 666.018 (470.3)

БАРАНОВА-ШИШКОВА Л.И.

кандидат географических наук, доцент, кафедры географии, экологии и общей биологии, Орловский государственный университет имени И.С. Тургенева

E-mail: lilib-sh@yandex.ru

ЗВОНАРЕВА Е.А.

кандидат химических наук, доцент, кафедры химии, Воронежский государственный педагогический университет

E-mail: zvolena@yandex.ru

BARANOVA-SHISHKOVA L.I.

Candidate of Geographical Sciences, Associate Professor, Departments of Geography, Ecology and General Biology, Orel State University

E-mail: lilib-sh@yandex.ru

ZVONAREVA E.A.

Candidate of Chemistry, Associate Professor, Departments of Chemistry, Voronezh State Pedagogical University

E-mail: zvolena@yandex.ru

ГЕОГРАФИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ПРОИЗВОДСТВА СТЕКОЛЬНОЙ ОТРАСЛИ В КОНТУРЕ ЦФО РФ НА ЛАБОРАТОРНЫХ ЗАНЯТИЯХ ПО ПРИКЛАДНОЙ ХИМИИ

GEOGRAPHICAL ASPECTS OF THE GLASS INDUSTRY IN THE CONTOUR OF THE CENTRAL FEDERAL DISTRICT OF THE RUSSIAN FEDERATION IN THE LABORATORY OF APPLIED CHEMISTRY

В данной научной статье на основе географических аспектов производства стекольной отрасли Центрального Федерального Округа в качестве примера приведено исследование химической стойкости стекла на лабораторном практикуме по прикладной химии при обучении студентов высших учебных заведений. Подготовка грамотных квалифицированных специалистов в области прочных знаний на стыки междисциплинарных подходов естествознания обуславливает в дальнейшем его применение. В статье детально описан процесс изучения гидролитического класса стекла и рассмотрена методика его определения. В то же время, освоены современные методы промышленного производства с наименьшими затратами энергии, минимизирующие экологические риски.

Ключевые слова: географические аспекты, стекольная отрасль, территориальное размещение, производство и приготвление стекла, химическая стойкость стекла, гидролитическая классификация стекол, модернизация учебного процесса.

In this scientific article, on the basis of geographical aspects of production of glass branch of the Central Federal District as an example the research of chemical resistance of glass on laboratory practical work on applied chemistry at training of students of higher educational institutions is resulted. The training of competent qualified specialists in the field of solid knowledge at the junctures of interdisciplinary approaches of natural science determines its further application. The article describes in detail the process of studying the hydrolytic class of glass and the method of its determination. At the same time, modern methods of industrial production with the lowest energy costs, minimizing environmental risks, have been mastered.

Keywords: geographical aspects, glass industry, territorial location, production and preparation of glass, chemical resistance of glass, hydrolytic classification of glasses, modernization of the educational process.

В настоящее время вузы России стоят на пути создания общеевропейского образовательного пространства, поэтому модернизируя российское образование необходимо сохранять достижения отечественной системы. Естественные науки, в частности дисциплины географического и химического циклов, отвечая на вызовы времени, стремятся решать сложнейшие проблемы, направленные на развитие востребованных обществом компетенций у обучающихся.

В целом образование XXI-го века подвержено существенным изменениям. Они обусловлены хозяйственной практикой людей, нарушившей пропорции в переносе энергии, вещества и информации о природно-территориальных комплексах. Это поставило под угрозу устойчивость развития человечества, что требует

новых решений для исправления ситуации, в том числе и в геохимической подготовке будущих квалифицированных специалистов и населения в целом. Для России и отдельных её регионов исключительно актуальное значение имеет вариативный подход к изучению той или иной территории, что становится наиболее актуальным в современных рыночных условиях [4, с. 172].

География является неким симбиозом, состоящим из достижений естественных и общественных познаний, возникающих из функционирования самостоятельных сложных многоуровневых систем, которые прогрессируют в своей самоорганизации и усложнении [1].

В науке и в образовании определена система знаний для характеристики территории – будь то страна, эко-

номический район, область или отрасль. Отрасль, как таковая, характеризуется сложностью своей структуры [6, с. 193].

Для исследования указанных объектов познания используют две группы методов. Первая основана на традиционных измерениях явлений, вторая включает специфические приёмы и способы, которые используются для выделения и применения приготовления чего-либо, в данном случае стекла состоящего из определенных и последовательных стадий.

Стекло и изделия на его основе находят применение во многих областях современной науки и техники. При этом надо понимать, что в составе ЦФО Российской Федерации 17 областей и город федерального значения Москва, общей численностью 38 миллионов человек, из состава которого только четыре области, являющиеся самостоятельными субъектами РФ, не имеют предприятия стекольной промышленности. При этом крайне востребовано производство листового стекла и стекольной тары, размещение которых зависит от наличия и запасов, соответствующих по качеству песков.

Однако нельзя забывать и о том, что предприятия данной отрасли национальной экономики помимо сырьевого фактора еще энергозатратны и экологически токсичны. В связи с этим, особую значимость имеют знания не только технологии производства стекла, хрусталя, но и территориальное размещение имеющихся предприятий и производств стекольной индустрии, динамично развивающиеся в условиях, как внутренней, так и внешней конкуренции со стороны иностранных производителей, увеличивающих импортные поставки стеклоизделий на российский рынок.

Рассматривая эволюцию промышленного производства стекла, нельзя не сказать о технологии производства и, конечно, о конкуренции предприятий. Всё это позволяет стекольной промышленности эволюционировать и идти только вперед. Состав стекла определяет область его применения, так как его свойства напрямую зависят от входящих в него компонентов [2, с. 182].

Различают три основных вида стекла:

- 1) содово-известковое $\text{Na}_2\text{O} \cdot \text{CaO} \cdot 6\text{SiO}_2$;
- 2) калийно-известковое $\text{K}_2\text{O} \cdot \text{CaO} \cdot 6\text{SiO}_2$;
- 3) калийно-свинцовое $\text{K}_2\text{O} \cdot \text{PbO} \cdot 6\text{SiO}_2$.

Содовое стекло легкоплавкое, мягкое, чистое и светлое, легко поддается обработке. Поташное стекло более тугоплавкое, твердое и не такое пластичное, но зато обладает сильным блеском, лучшим цветовым оттенком и низкой склонностью стекла к кристаллизации [2, с. 183]. Свинцовое стекло (хрусталь) довольно мягкое и плавкое, но весьма тяжелое. Отличается сильным блеском, высоким коэффициентом преломления.

На производстве применяют четыре последовательные стадии приготовления стекла: дробление и помол с просевом реагентов; расчет массы взаимодействующих компонентов и отбор оксидов; перемешивание шихты; и собственно варка [5].

В настоящее время производство стекла и хрусталя требует значительного количества энергии, так как осу-

ществляется при высокой температуре, что приводит к образованию продуктов сжигания топлива, поступающих в атмосферный воздух. Следовательно, стеклоизделия целесообразно вырабатывать из вторичного сырья, каковым является стеклобой и стеклянная посуда, бесспорно остающиеся менее энергозатратными и минимизирующими экологические риски [7].

Силикатное стекло химически инертно и непроницаемо для газов и жидкостей. Оно обладает высокой химической стойкостью к большинству агрессивных сред, за исключением плавиковой HF и ортофосфорной кислот H_3PO_4 . В отдельных случаях в качестве агрессивного вещества может выступать и вода [5].

Концентрированные растворы кислот приводят к выщелачиванию поверхности стекла без изменения pH раствора. Разбавленные же растворы кислот выщелачивают поверхность таким образом, что это приводит к росту значений pH, и вероятности протекания реакции нейтрализации.

Воздействие щелочных растворов на стекло протекает иначе. Сначала они растворяют и смывают поверхностный слой стекла, разрывая при этом связи Si-O-Si и приводя к образованию групп Si-O-Na , при этом поверхность стекла разрушается.

Несмотря на это, разрушающее влияние воды на стекло не столь заметно, и в сравнении с действием кислот, практически не заметно, что делает стекло гигиеничным материалом. Из него не переходят в продукт химически опасные вещества, и оно не придает продуктам посторонних запахов, поэтому его часто используют в пищевой промышленности для изготовления тары.

Приготовление стекла можно осуществить и на лабораторном практикуме по прикладной химии со студентами, на котором проводятся следующие лабораторные опыты: опыт с жидким стеклом, приготовление легкоплавких стекол, демонстрационный школьный химический эксперимент [3].

В результате работы студенты способны оценить качество стекла, определить его свойства, рационализировать технологию получения легкоплавкого стекла в лаборатории. Помимо того, на лабораторном практикуме по прикладной химии можно исследовать химическую стойкость стекла при этом необходимо учитывать материалы, необходимые для изготовления, потому, как зачастую они имеют вид естественных соединений. Наиболее распространенным видом сырья является кварцевый песок или как его еще называют стекольный песок, запасы, которого в значительной степени сосредоточены в ЦФО России, поэтому наибольшая часть предприятий стекольной отрасли размещена в контуре округа, что в дальнейшем определяет область применения произведенной готовой продукции.

Так, среди семнадцати субъектов ЦФО запасами стекольных песков выделяются тринадцать областей, а именно: Белгородская, Брянская, Владимирская, Воронежская, Ивановская, Курская, Липецкая, Орловская, Рязанская, Тамбовская, Тверская, Тульская и Ярославская. Соответственно в этих регионах целе-

сообразно пропагандировать и проводить лабораторные практикумы по предложенной тематике.

При выполнении данного тематического лабораторного практикума студентами, предусмотрена работа с методическими пособиями по выбору предлагаемых уже имеющихся методик, направленных на подготовку к выполнению экспериментальной части. Помимо того, определены цели, задачи химического эксперимента и последовательность действий при выполнении работы. Обязательными, являются, изучение правил техники безопасности, умения сравнивать, анализировать и обобщать методику проведения эксперимента и формулировать выводы по лабораторному практикуму. В качестве примера приведем структуру лабораторной работы по теме: «Определение химической стойкости стекла».

Под химической стойкостью стекла подразумевается его способность сохранять устойчивость к воздействию химических реагентов и воды.

Цель работы: сравнить химическую стойкость, определить гидролитический класс стекол различного назначения.

Задания: Какие реакции могут протекать при взаимодействии стекла с: водой; кислотами; щелочами? Объясните, какие химические реагенты более агрессивны по отношению к используемому в лабораторной работе стеклу и почему?

Ход работы

Стекло массой 4–5 г измельчается в фарфоровой ступке до получения частиц сферической формы [8].

Полученное стекло разделяется на фракции на ситах с последовательно уменьшающимися значениями. Затем, посредством деревянной дощечки производится гравитационное деление крупной фракции. Для этого на наклонную дощечку высыпается полученный стеклянный порошок и производится постукивание рукой по ее верхнему краю. При этом шарообразные зерна должны скатываться вниз, а плоские задерживаться на дощечке.

Масса шарообразных зерен доводится до 2 г. Полученная фракция взвешивается с точностью до 10 мг и помещается в коническую колбу объемом 100 мл. Проводится отмывание образцов стекла от пыли дистиллированной водой трехкратной декантацией без потерь.

Для последующего исследования используется кипящая дистиллированная вода, которая наливается в колбу объемом 50 мл. К ней присоединяется обратный холодильник с хлоркальциевой трубкой и нагревается в течение 1 часа на постоянно кипящей водяной бане.

После этого горячий, неостывший раствор сливается в коническую колбу объемом 250 мл и титруется раствором HCl с концентрацией 0,01 М, в качестве индикатора используется раствор метилового красного.

По количеству израсходованного на титрование 0,01 М раствора соляной кислоты на 1 г зерновой пробы стекла определяется гидролитический класс испытуемого образца на основании $V(\text{HCl})$, мл: неизменяемые водой ($\leq 0,32$), устойчивые (0,32–0,65), твердые аппаратные (0,65–2,8), мягкие аппаратные (2,8–6,5), неудовлетворительные ($\geq 6,5$).

После проведения химического эксперимента на лабораторном практикуме полученные студентом результаты оформляются в виде протокола испытаний согласно ГОСТ 33202-2014 [9].

Таким образом, выполнив лабораторный практикум, студенты способны оценить химическую стойкость стекла и определить гидролитический класс стекол различного назначения. Подобные лабораторные практикумы можно также использовать при работе научно-исследовательского студенческого общества. Более того, студенты обязаны знать и учитывать географические аспекты территориального размещения предприятий по производству стеклоизделий и продукции хрусталя на примере Центрального Федерального Округа Российской Федерации.

Библиографический список

1. Баранова-Шишкова Л.И. Вариативный подход к изучению территорий в довузовской и школьной географии / Л.И. Баранова-Шишкова. «Инновационные технологии довузовского образования»: материалы IV Всероссийской научно-практической конференции с международным участием / под ред. Е.Н. Пузанковой. Орёл: ФГБОУ ВО «Орловский государственный университет имени И.С. Тургенева», 2017. С. 74–76.
2. Баранова-Шишкова Л.И. и др. Техногенное воздействие производства хрусталя и стекла / Л.И. Баранова-Шишкова, Е.А. Звонарева, К.С. Симпольская. В сборнике: Актуальные вопросы современной науки. Сборник статей по материалам XIII международной научно-практической конференции. В 3-х частях. 2018. С. 182–186.
3. Баранова-Шишкова Л.И. и др. Модернизация учебного процесса обучения студентов посредством приготовления легкоплавких стекол на лабораторном практикуме по прикладной химии. / Л.И. Баранова-Шишкова, Е.А. Звонарева, К.С. Симпольская. Ученые записки Орловского государственного университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2018. № 4 (81). С. 248–250.
4. Баранова-Шишкова Л.И. Применение вариативного подхода к изучению территорий в географии / Л.И. Баранова-Шишкова // «Современная географическая картина мира и технологии географического образования». Сборник статей IX Всероссийской научно-практической конференции, посвященной памяти знаменитого российского океанолога, исследователя Арктики и Антарктики, академика А.Ф. Трещникова, 28–29 марта 2019 г. – Ульяновск: ФГБОУ ВО «Ульяновский государственный педагогический университет имени И.Н. Ульянова», 2019. С. 172–173.
5. Baranova-Shishkova L.I. et al. Research methods of making glass and its physico-chemical properties. / L.I. Baranova-Shishkova, K.S. Simpolskaya, E.A. Zvonareva, V.V. Goncharenko. Actual Problems of Engineering Mechanics. Materials Science Forum. Odessa, Ukraine, 2019. Vol. 968, pp. 168–175.
6. Замятин Д.Н. Образ страны: структура и динамика. / Д.Н. Замятин. – Материалы международной научно-практической конференции, посвященной 160-летию со дня рождения Н.М. Пржевальского. «Н.М. Пржевальский и современное страноведение». Смоленск: Изд-во СГУ, 1999. 152 с.
7. Мелконян Р.Г. Экологические и экономические проблемы использования стеклобоя в производстве стекла: учебное пособие / Р.Г. Мелконян, С.Г. Власова. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2013. 100 с.
8. Ключников Н.Г. Практические занятия по химической технологии / Н.Г. Ключников. М.: Просвещение, 1972. 296 с.

9. ГОСТ 33202-2014. Упаковка стеклянная. Стекло. Гидролитическая стойкость стекла при 98°C. Метод испытания и классификация.

Reference

1. *Baranova-Shishkova L. I.* Variative approach to the study of territories in pre-University and school geography / L. I. Baranova-Shishkova «Innovative technologies of pre-University education»: materials of the IV all-Russian scientific and practical conference with international participation / ed. E. N. Puzankova-Orel: Orel STATE University named after I. S. Turgenev, - 2017. Pp. 74-76.
 2. *Baranova-Shishkova L.I. et al.* Technogenic impact of the production of crystal and glass / L.I. Baranova-Shishkova, E.A. Zvonareva, K.S. Simpolskaya. In the collection: Actual issues of modern science. Collection of articles on the materials of the XIII International Scientific Conference. In 3 parts. 2018. Pp. 182-186.
 3. *Baranova-Shishkova L.I. et al.* Modernization of the educational process of teaching students through the preparation of fusible glasses at a laboratory workshop on applied chemistry / L.I. Baranova-Shishkova, E.A. Zvonareva, K.S. Simpolskaya // UZ Orly State University. Science Magazine. -Orel: OGU, December 2018. № 4 (81). Pp. 248-251.
 4. *Baranova-Shishkova L. I.* Application of the variative approach to the study of territories in geography / L.I. Baranova-Shishkova // «Modern geographical picture of the world and technologies of geographical education». Collection of articles of the IX all-Russian scientific and practical conference dedicated to the memory of the famous Russian oceanologist, Arctic and Antarctic researcher, academician A. F. Treshnikov, March 28-29, 2019-Ulyanovsk: ULYANOVSK state pedagogical University named after I. N. Ulyanov, 2019. Pp. 172-173.
 5. *Baranova-Shishkova L.I. et al.* Research methods of making glass and its physico-chemical properties. / L.I. Baranova-Shishkova, K.S. Simpolskaya, E.A. Zvonareva, V.V. Goncharenko. Actual Problems of Engineering Mechanics. Materials Science Forum. - Odessa, Ukraine, 2019. Vol. 968, Pp. 168-175.
 6. *Zamyatin D. N.* Image of the country: structure and dynamics. / D. N. Zamyatin. Materials of the international scientific and practical conference dedicated to the 160th anniversary of the birth of N. M. Przhevalsky. «N. M. Przhevalsky and modern country studies». Smolensk: Publishing house of SSU, 1999. 152 p.
 7. *Melkonyan R.G.* Environmental and economic problems of the use of cullet in the production of glass: textbook / R.G. Melkonyan, S.G. Vlasov. Yekaterinburg: Publishing house Ural. UN-TA, 2013. 100 p.
 8. *Klyuchnikov N.G.* Practical classes in chemical engineering / N.G. Klyuchnikov. - Moscow: Education, 1972. 296 p.
 9. ГОСТ 33202-2014. Glass packaging. Glass. Hydrolytic resistance of glass at 98°C. Test method and classification.
-

УДК 796.088

UDC 796.088

БОЙКО В.В.

кандидат педагогических наук, кафедра теории и методики избранного вида спорта, Орловский государственный университет имени И.С. Тургенева

E-mail: f.fks@mail.ru

МУЗАЛЕВСКИЙ А.А.

аспирант, Орловский государственный университет, имени И.С. Тургенева

E-mail: mailamyz@mail.ru

BOYKO V.V.

Candidate of Pedagogics, Department of Theory and Methodology of the Chosen Sport, Orel State University

E-mail: f.fks@mail.ru

MUZALEVSKY A.A.

Postgraduate, Orel State University

E-mail: mailamyz@mail.ru

ПРИМЕНЕНИЕ РОУП-СКИППИНГА В СРЕДНИХ И ВЫСШИХ УЧЕБНЫХ ЗАВЕДЕНИЯХ ПО УПРАВЛЕНИЮ МАССОВЫМ СПОРТОМ НА РЕГИОНАЛЬНОМ УРОВНЕ

THE USE OF ROPE-SKIPPING IN SECONDARY AND HIGHER EDUCATIONAL INSTITUTIONS FOR THE MANAGEMENT OF MASS SPORTS AT THE REGIONAL LEVEL

В статье рассмотрены аспекты применения роуп-скиппинга в средних и высших учебных заведениях по управлению массовым спортом на региональном уровне, в частности в Орловской области. В результате исследования подготовки занимающихся в роупскиппинге (спортивной скакалке) представлена совокупность различных сторон специальной подготовки, а именно скоростных и силовых способностей. Для региона описаны задачи, способствующие поддержанию специальной физической формы спортсменов в роуп-скиппинге. Предложены рекомендации в виде методических указаний для организации учебно-тренировочного процесса спортсменов-скипперов.

Ключевые слова: управление, регион, роуп-скиппинг, спортивная скакалка, тренировка, задачи.

The article discusses the aspects of the use of rope-skipping in secondary and higher educational institutions for the management of mass sports at the regional level, in particular in the Orel region. As a result of the study of training engaged in rope skipping (sports skipping rope) presents a set of different aspects of special training, namely speed and strength abilities. The factors causing manifestations of these abilities are described. For the region describes the tasks that contribute to the maintenance of special physical fitness of athletes in the rope skipping. Recommendations in the form of methodical instructions for the organization of educational and training process of athletes-skippers are offered.

Keywords: management, region, rope-skipping, sports jump rope, training, tasks.

Современная ситуация в области высшего и среднего образования в рамках федеральных государственных образовательных стандартов характеризуется необходимостью использования изучения как широко известных видов спорта, так и новых, получивших признание в России. Таким видом спорта с недавнего времени стал роуп-скиппинг (спортивная скакалка) Приказ № 784 от 1.10.2019 Министерства Спорта РФ. Для популяризации здорового образа жизни и управления массовым спортом в Орловской области применяется роуп-скиппинг на базе высших и средних учебных заведений.

Роупскиппинг (спортивная скакалка) – это индивидуальный и командный вид спорта, в котором с использованием одной или двух длинных скакалок проводятся соревнования в скорости, силе, выносливости, а так же в вольных упражнениях (фристайл). По сути роупскиппинг (спортивная скакалка) – это комплекс упражнений, который выполняется с помощью не хитрого, очень простого спортивного инвентаря – скакалки. В переводе с английского (gore-верёвка, skipping- пропускать) Как отдельный самостоятельный вид спорта имеет до-

статочно большую популярность в мире. Кто и где придумали прыгать через веревку доподлинно не известно. Есть несколько версий: в Китае, в Египте, в Голландии. Но в начале с 80-х годов прошлого века, в США два полицейских стали проводить соревнования с использованием двух длинных веревок среди школьников с целью уберечь детей от пагубных влияний улиц. Популярность роупскиппинга начала стремительно расти. В 1985 году роупскиппинг был выделен в отдельный вид спорта. С этого же года стали проводиться официальные соревнования, где молодые люди стали демонстрировать свои умения в прыжках на скорость, силу, выносливость, а также выполнять вольные упражнения со скакалкой. В дальнейшем соревнования по роупскиппингу (спортивной скакалке) приобрели статус всемирных и среди них выделили 2 категории соревнований индивидуальные, в которые вошло 4 дисциплины и командные, в которые вошло 14 дисциплин, но вид спорта не стоит на месте и с 2020 командных дисциплин стало 15, так как была заменена одна скорость ДаблДатч 3х40 секунд на скорость ДаблДатч 4х30секунд и добавлена новая

выносливость ДаблДатч x 60 секунд: – скорость – где спортсмену необходимо совершить большее количество прыжков, нежели его соперникам за специально отведённое время – сила – подразумевающая выполнение наибольшей серии тройных прыжков подряд – выносливость – требующая исполнить максимально возможное число прыжков за промежуток времени в 3 минуты – фристайл – дисциплина, где спортсмен демонстрирует комбинацию прыжков различной сложности под музыку, в которую обязательно входят акробатические прыжки, манипуляции со скакалкой и мультипрыжки (двойные, тройные, четвертные). Соревнования в скорости, силе и выносливости проводятся в командных дисциплинах, но есть и специфические, такие как «Китайское колесо», «Дабл-Датч», «Дабл-Датчконтест», «Командное шоу». Система судейства в этом виде спорта отличается от всех других, так как в роупскиппинге есть как результаты стационарные – количество прыжков, так и оценки, которые на данный момент не имеют ограничения – это баллы за выступления во фристайле, где оценки ставятся за сложность и презентацию.

В Орловской области практически нет учебно-методических пособий по теории и методике спортивной тренировки в роупскиппинге (спортивной скакалке). Поэтому мы считаем актуальным освещать практические подходы разных тренеров, которые занимаются данным видом спорта и могут поделиться своим опытом.

Роупскиппинг (спортивная скакалка) относится к видам спорта, которые направлены на аэробную нагрузку, развития скоростных качеств занимающегося, его силы и выносливости. Однако, как и в любом другом виде спорта роупскиппинге (спортивной скакалке) необходимым является специальная подготовка: навыки манипуляции со скакалкой, мультипрыжков, силовых (гимнастика и акробатика), которые делают его очень разнообразным, динамичным, атлетическим и зрелищным.

В роупскиппинге (спортивной скакалке) навык определяется как движение скакалки или спортсмена, когда скакалка проходит под ногами один и более раз, наматывается один или более раз на часть тела, вращение с боку, бросок ручки (ручек) скакалки, которым присваивается определенный уровень сложности.

Все эти технические навыки у скипперов реализуются через мышечные усилия путем создания простой схемы (Рис 1.).

Рис. 1. Реализация технических навыков у скипперов.

Специальная подготовка скипперов предполагает четко выраженную структурированную работу над силовыми и скоростными качествами, которые имеют свои определенные особенности:

- при скорости вращения скакалки и набора максимальной мощности прыжка проявляется статико-динамическая работа;

- при интенсивности постепенного нарастания усилий во время выполнения серии прыжков проявляются скоростно-силовые способности;

- при сохранении устойчивой позы скиппера в прыжках проявляется силовая выносливость, что характерно величине приложенных усилий.

В значительной степени уровень проявления данных показателей скипперов определяется конкретными факторами. При отборе в секцию роупскиппинга (спортивной скакалки) стоит обращать внимание на строение мышечных волокон, антропометрические данные занимающегося, энергетические возможности организма и морфофункциональные особенности силовых и скоростных способностей. Необходимо также руководствоваться профессиональными качествами тренера и рациональной организацией тренировочного процесса. Главной задачей на тренировках является развитие специальных качеств, которые необходимы в роупскиппинге. Последующей задачей является развитие необходимой координации движений для выполнения акробатических прыжков. Техническая оснащенность скиппера также важна в последующей подготовке.

Для решения поставленных задач мы предполагаем увеличение соответствующих величин показателей скоростных, силовых, а также специальных возможностей спортсмена при выполнении специальных упражнений на скорость введя дополнительные приемы и методы тренировки, тренировки силовых прыжков из основных положений: стойка на руках, стой в упоре лежа, в полном приседе. Наблюдения на тренировках показали, что силовые качества скипперов реализуются чуть больше чем на 60% от их возможных.

В роупскиппинге решаются два направления: повышение специальных качеств в специальной подготовке и развитие акробатических элементов в сочетании с силовыми и скоростными качествами. Часто применяются упражнения из системы «Кроссфит». Она предполагает учет индивидуальных особенностей скиппера.

Предлагаем вам несколько практических советов, на основе которых нами были проведены исследования в группе спортсменов скипперов разных возрастов по увеличению скоростных способностей.

В роуп-скиппинге в личных дисциплинах есть две скоростные дисциплины. Прыжки через скакалку на скорость – это степ-шаг для сжигания калорий и потрясающий способ кардио тренировки. По сути, прыжки на скорость – это шаги на месте с молниеносным поочередным отталкиванием стоп от пола. Это одна из основных дисциплин соревнований в роуп-скиппинге и отличный способ быстро сбросить лишнее.

Лучшие «скоростные скипперы» в мире совершают около 7 прыжков в секунду. На чемпионате мира по роуп-скиппингу в Гонконге Zongfei Duan из Китая установил новый мировой рекорд 210 прыжков за 30 секунд.

Тремя самыми эффективными методами тренировки скорости для вас делится бывший национальный чемпион в дисциплине скорость, тренер нескольких национальных чемпионов по скоростным прыжкам Мэт

Хопкинс.

Представим метод № 1. Скорость удара.

Просто «бит скорости»- это звуковые дорожки, которые устанавливают скорость прыжка. Это техника, впервые внедренная китайскими спортсменами, которые используют ее в своих тренировках. Трек с быстрыми битами можно загружать в mp3 и воспроизводить через наушники или на любом цифровом музыкальном проигрывателе.

Как это работает: вы выполняете свои шаги с ритмом. По мере того, как ваша скорость улучшается, вы постоянно увеличиваете скорость бит и пытаетесь бежать в этом темпе. Например, если вы хотите выполнить 100 прыжков за 30 секунд, вам будет достаточно музыкальный бит, например 60 прыжков за 30 секунд. По мере того, как ваша скорость и тренированность увеличивается, вы постепенно увеличиваете темп до тех пор, пока не достигнете 100 прыжков за 30 секунд. Музыкальный ритм помогает вам следить за темпом, вместо того, чтобы «гадать», сколько прыжков вы делаете.

Представим метод № 2 Скоростные шары

Рис. 2. Скоростные шары.

Придуманные «шары скорости» считаются «секретным оружием». Мэт их применял, когда сам тренировался в качестве спортсмена-скиппера. Эта беспроводная скакалка (рис. 2) уже давно используется самыми быстрыми спортсменами-скипперами в мире, чтобы увеличить силу и координацию рук, но это система, которая по-прежнему остается относительно неизвестной из-за недостаточных исследований влияния тренировок с данным тренажером.

Вот как описывает Мэт опыт использования шаров скорости. В момент когда он тренировался для соревнований на скорость, он понял, что его правая рука чуть быстрее левой. Она не успевала за темпом правой руки. После курса тренировок с шарами скорости, увеличились его показатели в скорости, за счет того, что его левая рука из всех сил старалась идти с темпом правой руки, улучшилась координация и сила обеих рук, и его результаты значительно улучшились.

Действующие спортсмены-скипперы скажут вам, что это руки, устают намного сильнее во время прыжков на скорость, чем ноги. Шары скорости позволяют вам работать над силой, координацией, техникой и выносливостью рук, не беспокоясь о том, что вы наступите на скакалку. Кроме того, шнуры не будут вращаться должным образом или в унисон, если у вас неправильно

выставлены руки, что приводит к улучшению координации рук.

Представим метод № 3. Используйте FastRope!

Рис. 3. Скоростная скакалка.

Использование специализированной «скоростной скакалки» будет иметь огромное значение для ваших скоростных показателей. Стандартные скакалки из веревки, бисера более медленны, просто потому, что веревка не может прорезать воздух достаточно быстро (рис. 3).

Самые быстрые скоростные скакалки имеют металлических трос (без или с оплёткой) диаметром 2-4 мм., который имеет вес, аэродинамику и жесткость, чтобы вращаться так же быстро, как ваши запястья смогут вращать. (Будьте осторожны: металлический трос определенно оставит ожог (красную полосу), если вы зацепите им голую часть вашего тела (спина, руки, ноги).

Для соревнований по прыжкам на скорость или тренировок существует множество вариантов применения, Мэт рекомендует использовать скакалки Ultra Light Speed или Elite Surge. Припрыжках на скорость, как уже было сказано ранее усталость рук – наш самый большой враг. Скакалки, такие как UltraLight, специально предназначены для скорости.

Вот основные характеристики скоростных скакалок:

Прочный металлический трос (с оплёткой или без нее), как описано выше, делают скакалки такого типа (конфигурации) самые быстрые.

Легкий вес: вес рукоятки оказывает большое влияние на усталость рук, главный враг, когда скорость проскальзывает. Ищите трос весом менее 4 унций (113 грамм) (вышеупомянутый «сверхлегкий» канат + кабель весит всего 2,4 унции (56,7 грамм)).

Угол вращения троса к рукоятке: найдите скакалку, которая прикрепляет кабель к ручке под углом 90 градусов. Это сделает ваше положение руки и скакалки более эффективной, чем скакалки, которые торчат концы ручки.

Шариковые подшипники: использующиеся в ручках скакалок, например, такие как шарикоподшипники Elite Surge, помогают уменьшить трение, поскольку трос вращается, делая быстрое вращение более легким. Уменьшенная нагрузка на спину – уменьшает усталость рук и, следовательно, увеличивает скорость.

Общая физическая подготовка для скиппера важна, но специальные упражнения со скакалкой имеют огромное значение. Здесь чередуются упражнения в коман-

де, индивидуально, с усложнением. Одним из главных условий развития скоростно-силовых способностей скипперов является выполнение серии прыжков (50-70-100-100-70-50). Время между серией должно быть 1 минута. Или смена веса скакалок: скоростная – бисерная.

Повышение уровня ОФП и специальной осуществляется в условиях аэробно-силовых тренировок при увеличении количества прыжков в сериях до 300.

Для эффективной организации тренировочного процесса требуется соблюдение определенных условий, направленных на совершенствование тренировочного процесса:

- «концентрированное распределение средств и методов силовой направленности в микро и мезоциклах» [2, 4];

- «периодичность и сменность преимущественной направленности нагрузки на разных этапах годового цикла» [5, 6];

- «обеспечение необходимых условий и требований к организации учебно-тренировочного процесса, оснащенного оборудованием контроля и восстановления» [1, 3];

- обязательный учет календаря соревнований в течении подготовки скипперов.

Если учитывать все практические рекомендации и условия подготовки, то можно повысить эффективность подготовительного и соревновательного периода скипперов. Главное учитывать рекомендации и повышать мотивацию спортсменов в роупскиппинге.

Мы провели исследование в Орловском регионе. Здесь активно на протяжении нескольких лет проводится секция по роупскиппингу. Участники секции участвуют в различных соревнованиях и пропагандируют занятия этим видом спорта.

В исследовании участвовали 14 спортсменов-скипперов женского пола в возрасте от 7 до 15 лет. Время проведения с 1 сентября 2018 года по 1 сентября 2019 года. Результаты исследования эффективности представленной методики в рамках учебно-тренировочных занятий показано в таблице 1.

Статистические методы значение каждой исследуемой переменной описывается путем анализа их стандартного отклонения. Для внутригрупповой оценки применяется зависимый t-критерий. Для всех статистических тестов, уровень значимости считался равным $P \leq 0,05$. Для статистических расчетов использовалось статистическое программное обеспечение SPSS версии 16.

Основываясь на результатах этого исследования, используемые методы для развития скорости спортсменов-скипперов улучшились в пределах от 14% до 32%. По результатам силы результаты еще выше от 89% до 100%.

Проведено исследование и в высшем учебном заведении. В Орловском государственном университете скоростные и силовые качества у студентов в течении

учебного года повысились на 38 %. Так как результаты в скорости и силе зависят от индивидуального типа количества структурных волокон мышц, то такой результат закономерен. Кроме того, все результаты согласно формуле Усакова, позволяют говорить, что данные получены в результате правильного подбора индивидуальных программ учебно-тренировочного процесса и распределенной нагрузки в течении обучения. Наше исследование также подтверждает выводы исследовательской группы, возглавляемой Мэтом Хопкинсом из США и опубликованные ими результаты исследования.

Таблица 1.

Результаты скорости до эксперимента были следующими

№	Возраст (полных лет)	Пол	Результат скорость Кол-во прыжков способом «спринт» за 30 секунд		Результат сила Кол-во прыжков двойных до падения скакалки	
			До эксперимента	После эксперимента	До эксперимента	После эксперимента
1	8	ж	86	106	0	58
2	8	ж	94	118	0	94
3	10	ж	96	116	0	15
4	10	ж	102	120	0	23
5	10	ж	81	118	3	34
6	11	ж	90	108	10	112
7	11	ж	100	120	10	154
8	11	ж	110	152	30	256
9	12	ж	102	118	12	98
10	12	ж	94	112	0	33
11	12	ж	86	110	0	48
12	12	ж	104	120	10	54
13	14	ж	108	140	25	250
14	14	ж	104	134	20	176

По полученным результатам можно сделать заключение о том, что различные средствароуп-скиппинга можно эффективно применять для увеличения скоростных и силовых способностей занимающихся при правильном использовании вспомогательных методик и специальной подготовки. Показано комплексное влияние средств роуп-скиппинга на повышение некоторых факторов физической подготовленности школьников и студентов (координация, баланс, ловкость) во многих исследованиях зарубежных ученых.

Библиографический список

1. Влияние занятий скиппингом на физическую подготовленность студентов БМСИ. Режим доступа: <http://bmsi.ru/doc/b222bc79-7c14-47cd-859d-4a9950d1de7a.ru/> (дата доступа 12.10.2019 г.).
2. Ларченко Л.Ю. Методические рекомендации при обучении прыжкам на скакалке / Л.Ю. Ларченко. Режим доступа: <http://nsportal.ru/shkola/fizkultura-i-sport/library/metodicheskie-rekomendacii-pri-obuchenii-pryzhkam-na-skakalke> (дата доступа 14.10.2019 г.).
3. Петров В. Скиппинг – новая форма физических упражнений / В. Петров // Спорт в школе. 2005 № 1 (январь). С. 38–39.
4. Правдов М.А. Повышение эффективности занятий физической культурой со студентами на основе скиппинга / М.А. Правдов, М.А. Корнева // Развитие физической культуры детей и учащейся молодежи: материалы международной научно-практической конференции. Шуя: Изд-во ГОУ ВПО «ШГПУ», 2010 С. 174–176.
5. Хоули Э.Т. Оздоровительный фитнес / Э.Т. Хоули, Б.Д. Френкс. Киев: Олимпийская литература, 2000 46 с.
6. Шарабова И.Н. Упражнения со скакалкой / И.Н. Шарабова. М.: Советский спорт, 1991. 109 с.

References

1. The influence of skipping classes on the physical fitness of BMSI students. Access mode: <http://bmsi.ru/doc/b222bc79-7c14-47cd-859d-4a9950d1de7a.ru/>.
 2. Larchenko L.Yu. Methodical recommendations at training to jumps on a skipping rope / L. Yu.Larchenko. Mode of access: <http://nsportal.ru/shkola/fizkultura-i-sport/library/metodicheskie-rekomendacii-pri-obuchenii-pryzhkam-na-skakalke>.
 3. Skipping – a new form of exercise // Sport in school. 2005 No. 1 (January). Pp. 38-39.
 4. Pravdov M.A. Improving the effectiveness of physical culture with students on the basis of skipping / M. A. Pravdov, M. A. Korneva // Development of physical culture of children and students: materials of the international scientific and practical conference. Shuya: Publishing house GOU VPO “SHGPU”, 2010 Pp. 174-176.
 5. Hawley E.T. Health fitness / E. T. Hawley, B. D. Franks. Kiev: Olympic literature, 2000 46 p.
 6. Sharabova I.N. Exercises with a rope / I. N. Sharabova. Moscow: Sovietsport, 1991. 109 p.
-

УДК 796.011.3

UDC 796.011.3

ГОРБАЧЕВА О.А.

кандидат педагогических наук, доцент, кафедра теории и методики физического воспитания и спорта, Орловский государственный университет имени И.С. Тургенева

E-mail: ol8591@mail.ru

СОРОКИНА Е.В.

кандидат педагогических наук, доцент, кафедра теории и методики физического воспитания и спорта, Орловский государственный университет имени И.С. Тургенева

E-mail: linariss@mail.ru

БОРОВИКОВА А.С.

учитель физической культуры ЧОУ Школа Виндзор

E-mail: nastya-pb@mail.ru

GORBACHEVA O.A.

Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor of the Department Theory and Methodology of Physical Training and Sports, Orel State University

E-mail: ol8591@mail.ru

SOROKINA E.V.

Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor of the Department Theory and Methodology of Physical Training and Sports, Orel State University

E-mail: linariss@mail.ru

BOROVIKOVA A.S.

Teacher of Physical Education Private School Windsor

E-mail: nastya-pb@mail.ru

ИСПОЛЬЗОВАНИЯ СРЕДСТВ ГИМНАСТИКИ ХАТХА-ЙОГА В НАЧАЛЬНОЙ ШКОЛЕ ДЛЯ ПОВЫШЕНИЯ УРОВНЯ ЗДОРОВЬЯ, ФИЗИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ И ДВИГАТЕЛЬНОЙ ПОДГОТОВЛЕННОСТИ ДЕТЕЙ

THE USE OF HATHA YOGA GYMNASTICS IN PRIMARY SCHOOL FOR IMPROVING THE LEVEL OF HEALTH, PHYSICAL DEVELOPMENT AND PHYSICAL FITNESS OF CHILDREN

В последнее время все чаще сталкиваемся с различными нарушениями и отклонениями в состоянии здоровья детей младшего школьного возраста: плоскостопие, сколиоз и прочие нарушения, отсюда – слабо развитые дыхательная и сердечная системы, недостаточность развития физических способностей, психологическая подавленность и множество других негативных факторов. Традиционная система физического воспитания детей младшего школьного возраста требует постоянного совершенствования. В связи с этим на уроке физической культуры использовались средства гимнастики хатха-йоги, что привело к значительному повышению уровню здоровья, физического развития и двигательной подготовленности детей в начальной школе.

Ключевые слова: хатха-йога, начальная школа, здоровье, функциональное состояние, физическое развитие, двигательная подготовленность.

In recent years, we are increasingly faced with various disorders and deviations in health of children of primary school age: flat feet, scoliosis and other disorders, which lead to under developed respiratory and cardiac systems, insufficiency of development of physical abilities, psychological depression and many other negative factors. The traditional system of physical education of children of primary school age requires constant improvement. In this regard, the means of Hatha yoga gymnastics were used at the lesson of physical education which led to significant increase in the level of health, physical development and physical fitness of children at primary school.

Keywords: Hatha yoga, primary school, health, functional state, physical development, motor readiness.

В настоящее время все больше внимания уделяется внедрению нетрадиционных средств физического воспитания, позволяющим добиваться положительных результатов в сохранности и укреплении здоровья обучающихся школ и дошкольных учреждений. В этом смысле особое внимание начинают уделять оздоровительным системам йоги и прочим восточным направлениям. Йога – это единение всех существенных сфер человеческого бытия, это и духовное составляющее, и физическое, и психологическое. У индийских йогов (основателей данного течения) существует мнение о том, что человек здоров лишь до тех пор, пока сохраняется гибкость его позвоночника [1, 2]. Нельзя дать однозначный ответ, касаясь достоверности подобных

суждений, однако, истина в этом явно проглядывается, ведь позвоночный столб отвечает не только за нашу осанку, но и за здоровье нашего тела, а также здоровье нашего организма в целом (сюда относятся и работа дыхательной, и пищеварительной, и нервной, сердечно-сосудистой систем, и это только основной перечень). Йога, как комплекс физических и духовных практик, имеет несколько течений и направлений. Одно из них: Хатха-йога [2].

Хатха-йога – это комплексная оздоровительная система, позволяющая проводить работу не только с физической составляющей нашего организма, но и с умственной, и духовной. Однако в общеобразовательном учреждении было решено отказаться от духовной

составляющей в полном объеме, дабы не провоцировать конфликт между детьми разных религиозных взглядов. Основатели данного направления йоги утверждают, что, когда наш разум и органы тела начинают функционировать гармонично и поддаются контролю и управлению над ним, человек может быть абсолютно здоров и счастлив [2, 3]. По мнению специалистов по физическому воспитанию, хатха-йога совершенствует тело, внутренние системы ребёнка, является хорошей психологической тренировкой, которая используется как средство расслабления ума и тела и сосредотачивает внимания на внутренних ощущениях и внешних явлениях бытия. Такое суждение поддерживают ряд известных специалистов, таких как Московченко О.Н., Пономарев В.В., Антонов В.В., Игнатова Т.П. и другие [3].

Планируя ход проведения педагогического эксперимента, была включена нестандартная форма проведения уроков по физической культуре, с использованием гимнастики «хатха-йога» с целью профилактики дыхательной системы, патологий опорно-двигательного аппарата, а также повышения уровня здоровья, физического и эмоционального состояния у учеников частной школы Виндзор. Внедрение асан (поз) йоги в процесс физического воспитания способно оказывать положительное воздействие на системы дыхания, кровообращения и физическое состояние ребёнка. Дыхательные упражнения (пранаямы) способны оказывать влияние на межреберные мышцы и диафрагму, укрепляя и улучшая их, тем самым совершенствуя дыхательный механизм, в целом. В занятиях хатха-йогой важная роль отводится так же психофизической тренировке, позволяющей развить и улучшить воображение путем создания мысленных образов, и оказывая тем самым влияние на соматическую и физиологическую сферы организма. В данном оздоровительном направлении контролируются и оберегаются всевозможные потоки энергии в организме посредством контролируемого дыхания и особенности выполнения статических упражнений (асан), что, в свою очередь, необходимо для правильного использования сил организма занимающихся [2].

Таким образом методы, применяемые в гимнастике «хатха-йога» позволяют проводить параллельную работу со всеми системами организма: мышечной, дыхательной, опорно-двигательной, сердечно-сосудистой, кровеносной и нервной, и позволяют воздействовать не только на биологическую составляющую здоровья занимающихся, но и психическую и психологическую сферы их восприятия.

Посредством эксперимента, провели поисковое исследование влияния хатха-йоги на осанку детей младшего школьного возраста. Исследование проводилось в естественных условиях школы. Первоначальное обследование детей было в начале 2018/2019 учебного года и затем в конце текущего учебного периода. В течение учебного года на уроках физической культуры использовались элементы упражнений хатхи-йоги. В начале эксперимента были выявлены некоторые нарушения опорно-двигательного аппарата. Различные отклонения

имели место у 56 % учеников. У 43% учеников частной школы Виндзор выявлен сколиоз, у 25% патологическое уплощение стопы. В течение года, использованная на уроках физической культуры новая форма занятий с применением хатха-йоги, дала положительные результаты. У 23 % детей были выявлены незначительные нарушения. При этом нарушения осанки снизилось на 28 %, а патологическое уплощение стопы – на 18%.

На основании исследования дана оценка о том, что 13 % учеников ЭГ и 12 % учеников КГ частной школы Виндзор имеют недостаток массы тела, а 18 % и 16 % учеников страдают ожирением. К концу эксперимента у большинства учеников ЭГ частной школы Виндзор состояние массы тела стало с нормой предельно допустимой от общепринятой. Дефицит массы тела снизился на 7%, а избыток – на 10% при том, что в контрольной группе показатели существенно не изменились. Наибольшие изменения положительного характера оказались в улучшении осанки и снижении избыточной массы тела, в ЭГ осанка на 20%, а избыток массы тела на 19,3%. В КГ 7% и 0 %. Таким образом, упражнения с применением гимнастики хатха-йогина уроке физической культуры способствовало улучшению осанки, физического развития и уменьшения плоскостопия у детей, а также улучшает обменные процессы организма, что в свою очередь помогает бороться с дефицитом и избытком в весе. В контрольных группах изменения были незначительны.

Полученные данные говорят о том, что упражнения с применением гимнастики хатха-йоги укрепляют двигательный аппарат учеников, а также оказывает положительное воздействие на пищеварительные системы, что позволяет сохранять здоровое тело. В ходе эксперимента также решено было выявить влияние гимнастики хатха-йога на ЧСС и ее адаптацию к физической нагрузке по методике Гарвардского степ-теста. Так же учитывался уровень ЧСС при выполнении и время, необходимое для полного восстановления. Средние величины ЧСС, полученные в состоянии покоя, не имели достоверных различий в группах, однако, ЧСС под воздействием и влиянием физической нагрузки оказалась значительно выше у детей контрольной группы нежели детей экспериментальной. Проанализировав показатели ЧСС у учеников частной школы Виндзор, выявили, что у 36 % учеников ЭГ значение пульса не выходило за рамки 145-150 ударов в минуту, 30 % имели ЧСС 156-162 ударов в минуту, а 35 % – 170 ударов в минуту. Отсюда следует, что 65 % детей успешно справились с физической нагрузкой. В КГ: только у 26 % детей пульс был в интервале от 157 до 164 ударов в минуту, у 25 % детей ЧСС превышало 169 ударов в минуту, а у 52 % и вовсе была выше 185 ударов в минуту. Время, затраченное на восстановление ЧСС до исходного уровня, было в каждой группе различным. В ЭГ у 44 % детей восстановление наблюдалось уже к 3 минуте. В КГ только у 34 % детей ЧСС восстановилась к 5 минуте.

Таким образом, у детей экспериментальной группы, в два раза чаще, чем в контрольной группе, происходит реакция сердечно-сосудистой и дыхательной

систем организма на выбранную физическую нагрузку. Из этого следует, что физическая нагрузка оказывает положительное влияние на развитие работы сердечно-сосудистой системы с учетом использования гимнастики хатха-йога в физическом воспитании детей младшего школьного возраста.

Для оценки показателей двигательной активности и подготовленности детей использовались следующие тесты: бег на выносливость (1000 м), бег 30 метров, челночный бег (3х10) прыжок в длину с места, метание малого мяча, подъем туловища за 30 секунд и наклон к ногам [1]. Оценивая исходный уровень подготовленности детей в экспериментальной группе, и сравнивая его с уровнем подготовленности детей в контрольной – не замечено существенных отличий и преимуществ одной из групп, однако, в конце учебного года, после проведенного эксперимента, данные существенно изменились. С результатами проведения тестирования в начале и конце эксперимента, можно ознакомиться ниже (Таблица 1). В данной таблице вынесены средние показатели группы по каждому из видов тестирования. Стоит отметить, что бег на выносливость выполнялся без учета времени: задачей учеников было преодолеть дистанцию, не переходя на шаг и правильно подобрав ритм и темп бега, потому данный показатель оценивался в процентном соотношении. В таблице указан процент детей, справившихся с этим испытанием на «отлично».

Рассматривая уровень показателей двигательной активности детей, можно отметить существенные изменения в экспериментальной группе, при том, что результаты контрольной группы остались практически неизменны. Особое отличие в таких видах тестирования, как гибкость и выносливость, Рис 1-2.

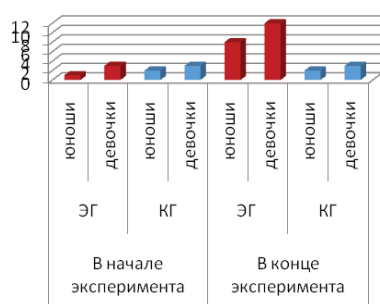

Рис. 1. Наклон вперед из положения сидя.

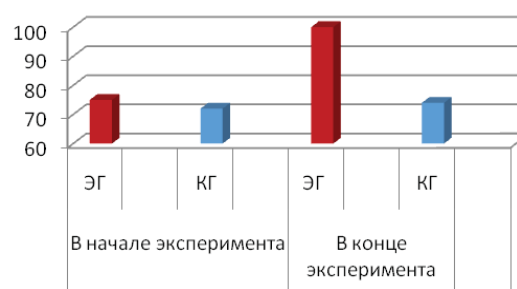

Рис. 2. Бег на выносливость.

Из показанных рисунков видно, что эти показатели у детей экспериментальной группы, по сравнению с контрольной, значительно возросли. Такое преимущество связано с особенностью выбранного направления – Хатха-йога. Дыхательные упражнения (пранаяма), которые выполнялись с детьми в течение эксперимента оказали благотворное влияние на выносливость детей: они научились лучше контролировать свое дыхание во время длительной двигательной активности, а, следовательно, стали меньше уставать и с большой легкостью преодолевать расстояние в 1000 метров. Показатель гибкости так же на прямую связан с теми асанами (упражнениями хатха-йоги), которые выполняли в течение учебного года. Невооруженным глазом заметно, что дети стали более гибкими и способными.

Для того, чтобы результат был более наглядным, полученные данные представлены в виде еще одной таблицы, где оценивали разницу между контрольной и экспериментальной группами по их среднему значению. Данные представлены в табл. 2.

Таким образом, можно сделать вывод, что применение упражнений хатха-йоги значительно повышает уровень двигательных навыков, таких как – бег на скорость, метание, прыжок в длину, сгибание туловища, а в особенности – бег на выносливость и наклон к ногам (тест на гибкость). Освоение детьми младшего школьного возраста доступных им упражнений хатха-йоги положительно влияет на формировании у них основных движений и двигательных навыков. Анализируя показатели учеников в начале и конце эксперимента, можно утверждать о положительном улучшении уровня физической подготовленности. Анализ развития основных движение на конец учебного года (эксперимента) между экспериментальной

Таблица 1.

Уровень подготовленности детей младшего школьного возраста в начале и конце эксперимента

Вид тестирования	Данные начала эксперимента				Данные конца эксперимента			
	ЭГ		КГ		ЭГ		КГ	
	юноши	девочки	юноши	девочки	юноши	девочки	юноши	девочки
Спринт 30 м (с)	6,3	6,6	6,2	6,8	6,1	6,3	6,2	6,6
Челночный бег 4х9(с)	10,4	10,5	10,7	10,5	10,3	10,4	10,1	10,8
Бег на выносливость (1000)(%)	75		72		100		74	
Метание малого мяча на дальность (м)	9		8		11		9	
Наклон вперед (см)	1	3	2	3	8	12	2	3
Прыжок в длину (с места) (см)	134	120	136	120	144	130	140	126

Таблица 2.

Среднее значение уровня ФП детей экспериментальной и контрольной группы после проведенного эксперимента

Вид тестирования	ЭГ	КГ	Преимущество ЭГ над КГ
Спринт 30 м (с)	6,4	6,55	+ 0,15
Челночный бег 4х9(с)	10,4	10,55	+ 0,15
Бег на выносливость (1000) в (%)	100	76	+ 24
Метание малого мяча на дальность (м)	9	7	+ 2
Наклон вперед (см)	10	2,5	+ 7,5
Прыжок в длину (с места) (см)	140,6	132	+ 8,6

и контрольной группами выявил следующее: уровень двигательной подготовленности экспериментальной группы выше по всем показателям, в особенности это заметно по показателям двух видов тестирования: бег на выносливость (1000 м) и наклон вперед.

Исходя из полученных данных и анализа развития

и использования основных движений, делаем вывод, что внедрение хатха-йоги в учебный процесс учеников частной школы Виндзор, оказывает положительный эффект на подготовленность детей младшего школьного возраста, а именно: на их здоровье, физическое и функциональное состояние.

Библиографический список

1. Баранов А.А. Состояние здоровья детей и подростков в современных условиях: проблемы, пути решения // Российский педиатрический журнал. 1998. № 1. С. 5-8.
2. Игнатьева Т.П. Практическая Хатха-йога для детей. Гармонизирующие комплексы. СПб.: Нева, 2003. 127 с.
3. Липень А.А. Детская оздоровительная йога. Пособие для инструкторов по йоге. СПб.: Питер-пресс, 2009. 250 с.

References

1. Baranov A. A. the State of health of children and adolescents in modern conditions: problems, solutions // Russian pediatric journal. 1998. № 1. Pp. 5-8.
2. Ignatieva T. P. Practical Hatha yoga for children. Harmonizing complexes. SPb.: Neva, 2003. 127 c.
3. Lipen A.A. Children's health yoga. Manual for yoga instructors. SPb.: Peter press, 2009. 250 c.

УДК 378.016

UDC 378.016

ГОРЛОВА Ю.И.

кандидат педагогических наук, доцент, кафедра теории и методики физического воспитания и спорта, Орловский государственный университет имени И.С. Тургенева

E-mail: uli1506@yandex.ru

АЛТУНИНА О.Е.

старший преподаватель, кафедра теории и методики физического воспитания и спорта, Орловский государственный университет имени И.С. Тургенева

E-mail: Piton9791@mail.ru

GORLOVA Y.I.

Candidate of Pedagogical Sciences, associate Professor, Department of Theory and Methods of Physical Education and sports, Orel State University

Email: uli1506@yandex.ru

ALTUNINA O.E.

Senior Lecturer, Department of Theory and Methods of Physical Education and Sports, Orel State University

E-mail: Piton9791@mail.ru

ФОРМИРОВАНИЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ КОМПЕТЕНТНОСТИ СТУДЕНТОВ ФИЗКУЛЬТУРНОГО ПРОФИЛЯ

FORMATION OF PROFESSIONAL COMPETENCE OF STUDENTS OF PHYSICAL CULTURE PROFILE

В статье охарактеризована модель формирования профессиональной компетентности тренеров в период обучения в вузе. Выявлены ведущие факторы и основные этапы формирования профессиональной компетентности, внедрена кредитная система оценивания, разработанная на основе индивидуального подхода, позволяющего целенаправленно воздействовать на уровень самообразования.

Ключевые слова: профессиональная компетентность, профессионально-педагогические умения, организационно-педагогическая модель, кредитная система оценки.

The article characterized a model of formation of professional competence of coaches during their studies at the University. The characteristic of the main conditions and stages of formation of professional competence, credit system of assessment developed on the basis of an individual approach is given, in order to selectively influence the level of self-education.

Keywords: professional competence, professional and pedagogical skills (PPU), organizational and pedagogical model, credit rating system.

Совокупность овладения взаимосвязанными теоретическими знаниями и практическими навыками и умениями является основой обучения в вузе. Уровень сформированности коммуникативной компетентности в спортивной деятельности является основополагающим в определении профессиональных задач в области спорта, влияющим на результативность и качество образования [1, 3, 5].

Личность тренера эта целостная система, представляющая собой совокупность отдельных компонентов коммуникативной направленности, таких как «ориентация на человека как ценность», «преобладание мотивов общения», «познание себя и других людей», формирующая профессиональную культуру тренера в период обучения в ВУЗе.

Большое количество исследований [1, 3], проведенных в последнее время свидетельствуют о том, что только после 7-8 лет индивидуальной тренерской работы достигается должный уровень профессиональной компетентности в области физической культуры и спорта профессиональной компетентности в области физической культуры и спорта. Долгосрочная адаптация, являющаяся главным недостатком классической системы образования, обуславливает необходимость переосмыс-

ления теоретической и методической базы учебного процесса, через формирование у студентов профессиональных компетенций.

Профессиональную компетентность тренера можно рассматривать как комплексное интегрируемое проявление знаний, умений и навыков, сформированных на значимых личностных качествах, отражающих уровень профессионализма, способность реализовывать поставленные цели и задачи при достижении максимальных результатов. Разработке модифицированной модели развития профессиональной компетентности будущего тренера на этапе обучения в вузе способствовал проведенный анализ учебного плана по специальности 43.01.09 «Физическая культура» и комплексное тестирование по профильным дисциплинам базовой части.

Интегрированное взаимодействие целевого, содержательного, организационного, процессуального и результативного компонентов, критериев и уровней профессиональной компетентности легло в основу модифицированной модели способствующей, формированию структурных компонентов, необходимых для эффективной и успешной профессиональной деятельности тренера. Теоретико-методологическое обоснование, включающее принципы формирования профессио-

нальной компетентности тренера раскрывает целевой компонент, реализующий главную цель. Комплекс интегрирующих компетенций: личностной, когнитивной, деятельностно-результативной, рефлексивной представлен содержательным компонентом. Применяемые для формирования профессиональной компетентности принципы, формы, методы и средства отражены в организационном компоненте. Этапность процесса реализации формирования профессиональной компетентности будущих тренеров отражает процессуальный компонент, а уровни сформированности профессиональной компетентности, промежуточные данные, конечный результат отражает результативный компонент [5].

Организационно-педагогические факторы, выявленные на начальном этапе нашего исследования, способствующие формированию профессиональной компетентности можно расположить в следующей последовательности: первый фактор – профессиональный отбор на этапе вступительных экзаменов в вуз (экзамен по физической культуре, позволяющий отсеять абитуриентов с низким уровнем профессионально важных качеств); второй – положительная мотивация к будущей профессиональной тренерской деятельности, носящая индивидуальный характер, так как предусматривает личную заинтересованность, в процессе которой студент добивается выполнения образовательной траектории, выбранной им в ходе учебного процесса; третий фактор – индивидуальная траектория, разработанная на основе индивидуальных результатов диагностики и самодиагностики; четвертый фактор – внесение в учебный план дисциплин, содействующих направленному развитию структурных компонентов профессиональной компетентности тренера на всем протяжении обучения в вузе. В нашем исследовании в рамках дисциплины «Совершенствование спортивного мастерства в избранном виде спорта» с параллельным прохождением практики по получению профессиональных умений и опыта профессиональной деятельности. Пятый фактор – интерактивные методы активного обучения в сочетании с традиционными средствами и методами.

В период обучения в вузе процесс формирования профессиональной компетентности можно условно разделить на три этапа:

1-ый этап – подводящий, охватывающий период обучения студентов на 1 курсе, на котором происходит формирование личностной, когнитивной и деятельностно-результативной компетенций. Стимуляция познавательной деятельности студентов является главной целью этого этапа, проведение самодиагностики, для выявления степени предрасположенности к выбранной спортивной деятельности;

2-ой этап – академическо-деятельностный, способствующий начальному формированию рефлексивных способностей, в ходе которого происходит интенсивное поиск и накопление знаний, формирование прикладных и профессиональных умений и навыков, оптимизация процесса формирования личности, когнитивной и деятельностно-результативной компетенций (2-3 курс);

3-ий этап – адаптационный этап (4 курс) формируется умение анализировать передовой опыт и переносить его на профессиональную деятельность, происходит самооценка профессиональной пригодности, в ходе практики по получению профессиональных умений и опыта профессиональной деятельности

Точно воздействовать на степень самообразования и творческого усвоения знаний студентами позволяет кредитная система оценивания, так как учитывает индивидуальные особенности и выполняется в соответствии с индивидуальной педагогической траекторией, что особенно важно для студентов данного направления, так как большинство из них являются действующими профессиональными спортсменами и не имеют возможности в полном объеме посещать учебные занятия.

Учебно-методический комплекс (УМК) является на протяжении всего обучения звеном, связывающим во единую цель, задачи, содержание, технологии и результаты, в основу которого были положены следующие подходы:

- балльно-рейтинговой система являющаяся стимулятором систематической работы студентов;
- акцентирование внимания студентов на функциональный продукт;
- мониторинг теоретических знаний, практических умений и навыков, психологическая готовность к профессиональной деятельности на разных этапах обучения;
- развитие творческих способностей на основе моделирования будущих условий педагогической деятельности и формирование умения решать ситуационные задачи профессионально-спортивной деятельности;
- выявление основных индивидуальных закономерностей развития, способствующих максимальному достижению результатов деятельности;
- при выполнении курсовых работ умение организовывать и проводить эксперимент.

Уровень профессиональной компетентности оценивался с помощью метода экспертной оценки, основу которого составила дифференциация компонентов по четырем уровням сформированных компетенций. В качестве экспертов выступили ведущие преподаватели, работающие с данными группами, руководители производственных практик от организаций. Результаты исследования в работе представлены динамикой показателей личностной, когнитивной, рефлексивной и деятельностно-результативной компетентности.

Результаты исследования представленные в таблице 1 свидетельствуют, о том, что наибольший прирост наблюдался в уровне сформированности деятельностно-результативной компетентности, которая зависит от степени сформированности практических умений и навыков.

Полученные итоговые данные позволяют утверждать, что у студентов значительно возрос уровень сформированности профессиональной компетентности.

Таким образом, результаты проведенного исследования говорят о том, что разработанная нами модификационная

модель с выделенными организационно-педагогическими факторами способствует более эффективному формированию профессиональной компетентности будущего

педагога-тренера Орловского государственного университета имени И.С. Тургенева.

Таблица 1.

Профессиональная компетентность студентов факультета «Академия физической культуры и спорта» Орловского государственного университета имени И. С. Тургенева в динамике исследования (%)

№	Составляющие профессиональной компетентности	Уровень сформированности (%)							
		критический		средний		достаточный		эталонный	
		начало	конец	начало	конец	начало	конец	начало	конец
1.	Личностная	33	3	34	47	32	44	1	6
2.	Гностическая	22	15	46	40	13	32	11	13
3.	Деятельностно-результативная	34	20	50	33	12	28	4	19
4.	Рефлексивная	45	35	35	29	11	22	9	14

Библиографический список

1. *Абрамова В.В.* Формирование профессиональной компетентности будущих учителей физической культуры: Дис. ...канд.пед. наук. Тирасполь, 2006, 229 с.
2. *Двоеглазов А.Н.* Формирование профессионально-педагогических умений у студентов ИФК в условиях практической деятельности: Дис. ...канд.пед. наук. Омск, 1991, 201 с.
3. *Зимняя И.А., Лаптева М. Д., Морозова Н. А.* Социальные компетентности выпускников вузов в контексте государственных образовательных стандартов высшего профессионального образования и проекта TUNING // Высшее образование сегодня. 2007. № 11. С. 22-27.
4. *Иссурин В.Б.* Спортивный талант: прогноз и реализация: монография /пер. с англ. И. В. Шаробайко. М.: Спорт, 2017. - 240 с. URL: [http://www.studentlibrary.ru/book/ ISBN9785906839831.html](http://www.studentlibrary.ru/book/ISBN9785906839831.html) (дата обращения: 09.05.2019).
5. *Кривко О.А.* Педагогические условия формирования профессиональной компетентности тренера по спорту в процессе профессиональной подготовки // Мир науки, культуры, образования. 2011. №4 (29). - С.49-51.

References

1. *Abramova V.V.* Formation of professional competence of future teachers of physical culture : Dis. .candidate of pedagogics sciences?. Tiraspol, 2006, 229 p.
2. *Dvoeglazov A.N.* Formation of professional and pedagogical skills of students of IFK in the conditions of practical activity: Dis candidate of pedagogics sciences?. Omsk, 1991, 201 p.
3. *Zimnyaya I.A., Lapteva M.D., Morozova N.A.* Social competencies of University graduates in the context of state educational standards of higher professional education and the TUNING project //Higher education today. 2007. №11. Pp. 22-27.
4. *Issurin V.B.* Sports talent: forecast and implementation: monograph /lane. with English. I. V. Sharobaiko. M.: Sport, 2017. 240 p. URL: <http://www.studentlibrary.ru/book/ISBN9785906839831.html> (date accessed: 09.05.2019).
5. *Krivko O. A.* Pedagogical conditions of formation of professional competence of the sports coach in the process of professional training // World of science, culture, education. 2011. №4 (29). Pp. 49-51.

УДК 378.147.13

UDC 378.147.13

ГРЯДУНОВА Е.Н.

кандидат технических наук, доцент, кафедра мехатроники, механики и робототехники, Орловский государственный университет имени И.С. Тургенева
E-mail: gryadunova65@mail.ru

САВИН Л.А.

доктор технических наук, профессор, кафедры мехатроники, механики и робототехники, Орловский государственный университет имени И.С. Тургенева
E-mail: savin3257@mail.ru

ГОРИН А.В.

кандидат технических наук, доцент, кафедра мехатроники, механики и робототехники, Орловский государственный университет имени И.С. Тургенева
E-mail: gorin57@mail.ru

ТОКМАКОВА М.А.

аспирант, Орловский государственный университет имени И.С. Тургенева
E-mail: gorin57@mail.ru

ТОКМАКОВ Н.В.

студент, Орловский государственный университет имени И.С. Тургенева
E-mail: stalker2013@yandex.ru

GRYADUNOVA E.N.

Doctor of Technical Sciences, Associate Professor, Department of Mechatronics, Mechanics and Robotics, Orel State University
E-mail: gryadunova65@mail.ru

SAVIN L.A.

Doctor of Technical Sciences, Associate Professor, Department of Mechatronics, Mechanics and Robotics, Orel State University
E-mail: savin3257@mail.ru

GORIN A.V.

Doctor of Technical Sciences, Associate Professor, Department of Mechatronics, Mechanics and Robotics, Orel State University
E-mail: gorin57@mail.ru

TOKMAKOVA M.A.

Graduate Student, Orel State University
E-mail: gorin57@mail.ru

TOKMAKOV N.V.

Student, Orel State University
E-mail: stalker2013@yandex.ru

ПРОГРАММИРОВАННОЕ ОБУЧЕНИЕ ВОЗМОЖНОСТИ И ОГРАНИЧЕНИЯ*

PROGRAMMED LEARNING CAPABILITIES AND LIMITATIONS

В статье рассматривается краткий анализ программного обучения, выявлены его недостатки. Предложены методы улучшения качества образования студентов по общетехническим дисциплинам с помощью компьютерных технологий.

Ключевые слова: *программированное обучение, обучающие программы, педагогическая система, образование, общетехнические дисциплины, компьютерные технологии.*

The article discusses a brief analysis of program training, its shortcomings are identified. Methods are proposed for improving the quality of students' education in general technical disciplines using computer technology.

Keywords: *programmed training, training programs, pedagogical system, education, general technical disciplines, computer technology.*

Введение

В современной России так же, как и во всех высокоразвитых странах мира формируется единая глобальная техногенная среда. Материалистическое мировоззрение верит только в научно-технический прогресс – этот идол современного человечества [1]. При этом главным источником знаний молодого человек становится сеть Интернет. Это ставит новые задачи обучения и образования. Поэтому в настоящее время преподавание всех дисциплин включает в себя методы и средства электронного обучения. Широко разрекламированные в литературе методы программированного обучения [2, 3, 4] основаны на идеях бихевиоризма, согласно кото-

рым поведение человека – это психологическая категория, подлежащие научному исследованию, как и любое физическое явление, не дали ожидаемого положительного результата обучения. Это связано с недостаточно обоснованным выбором технологий и средств обучения, то есть разработкой е-дидактики (компьютерной дидактики).

Советский ученый и кибернетик Аксель Иванович Берг еще в 1966 году ввел в педагогику термин «кибернетическая педагогика». Он исходил из того, что «для эффективного и оперативного управления обучением нужны специальные устройства, которые должны автоматизировать важнейшую функцию педагога – функ-

* Представленный материал выполнен в рамках проекта №9.2952.2017/4.6. государственного задания.

цию взаимодействия каждого обучающего в процессе его обучения» [5].

Основная часть

Компьютерную дидактику нельзя рассматривать в разрыве с традиционной дидактикой: они не просто пересекаются друг с другом, они взаимно влияют друг на друга. Практически любая педагогическая задача решается сегодня с применением в той или иной мере компьютерных технологий [6]. Классическая модель обучения в виде дидактического треугольника (Рис.1), включающего ученика, учителя и учебное содержание, на сегодняшнее время считается не то, что устаревшей, а просто не соответствующей используемым в педагогике новым дидактическим принципам. Так как главным элементом, реализующего методику обучения в дидактическом треугольнике, является преподаватель.

Рис. 1. Дидактический треугольник.

Однако, мы не можем представить процесс обучения в современной не только высшей, но и средней школе без применения компьютерных технологий. Введение в дидактический треугольник четвертой точки дает уже объемную фигуру – тетраэдр, имеющую четыре одинаковые грани представленный на рисунке 2.

Рис. 2. Дидактический тетраэдр.

Теперь обучающий может получать знания без непосредственного присутствия Учителя с помощью обучающих программ. Основание тетраэдра – «Учитель»-«Содержание»-«Компьютерные технологии», говорит о том, что и тот, кто обучает большой объем знаний получает, используя информационные технологии и чем моложе преподаватель, тем больше это объем. При разработки любого программного продукта очередность этапов и последовательность разработки закреплена требованием ГОСТов [7, 8]. Эти этапы должны быть правильно распределены между педагогами и системотехниками [9].

К сожалению, большинство электронных обучающих программ ориентированы на репродукцию знаний, а не на развитие интеллектуальных способностей. На практике в большинстве ВУЗах страны программированное обучение осуществляется путем показа мультимедийных лекций и проведения рубежного и текущего тестирования студентов по конкретному пред-

мету. Учебный материал: лекции, практические занятия строятся так, чтобы знания были структурированы, дозированы и доступны для запоминания. Главная задача обучающего освоить необходимый объем информации по данной дисциплине и успешно сдать тестирование. Методика создания и проведения тестов хорошо разработаны и освещены в литературе [10, 11, 12]. Педагоги пошли по простой и удобной схеме внедрения информационных технологий: проведение уроков, лекций и практических занятий проводятся с мультимедийным сопровождением. Но несмотря на яркие информативные слайд, уникальные анимации, обучающие не показывают большую усвояемость предмета. Так после просмотра мультимедийной лекции по деталям машин на тему «резьбовые соединения», только 20% студентов смогли ответить на вопрос в каких соединениях используется прямоугольная и трапецидальная резьба.

Таким образом, программированное обучение не лишено недостатков. Вспомним, что основа методики советского педагога А.С. Макаренко – это коллектив, в котором обучающие связаны одной общей целью, общими интересами. А ведь его методика признана одной и выдающихся методик мира наряду с Д. Дьюи, Г. Кершенштейнером и М. Монтессори. Программированное обучение не позволяет создать комфортную для русских студентов, имеющих исторически сложившийся опыт коллективного обучения, среду. Поэтому, при проведении промежуточного тестирования нужно разрешить студентам общаться друг с другом. И превратить тестирование из процесса контроля в процесс обучения. Студент дающий объяснение сокурснику, не только повторяет пройденный материал, но в процессе объяснения начинает глубже понимать смысл формул. А обучающий, получая информацию от ровесника, порой лучше и быстрее запоминает новые понятия.

Программированное обучение не способствует развитию самостоятельности в обучении. Обучающий осваивает только тот материал, который заложен в данной программе. Если мы коснемся таких фундаментальных общинженерных дисциплин, как теоретическая механика и сопротивление материалов, то с помощью программированного обучения можно научить решать задачи простого и среднего уровня сложности. Чем сложнее задача, тем больше вариантов решения она имеет. Так определение ускорений точек системы, состоящей из нескольких тел (Рис. 3,) можно решить, как минимум тремя способами.

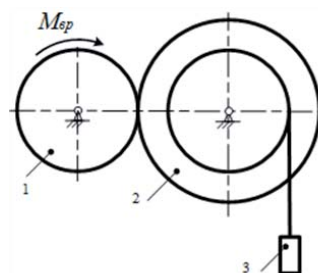

Рис. 3. Задача по динамике системы тел.

Исходные данные: Механизм под действием пары сил с моментом $M_{\text{вп}} = 300 \text{ Н}\cdot\text{м}$ приходит в движение из состояния покоя. $m_1 = 25 \text{ кг}$, $m_2 = 40 \text{ кг}$, $m_3 = 10 \text{ кг}$, $R_1 = 3 \text{ м}$, $R_2 = 6 \text{ м}$, $r_2 = 3 \text{ м}$. Звено 1 – однородный диск, звено 2 – ступенчатый диск с радиусом инерции $J_2 = 3 \text{ м}$. Принять $g = 10 \text{ м/с}^2$.

Требуется определить ускорение груза 3.

При решении этой задачи с помощью различных теорем динамики, кинематические зависимости между перемещениями, скоростями и ускорения будут одними и теми же:

$$\begin{aligned} \varphi_2 &= \frac{S_3}{r_2}; & \varphi_1 &= \frac{\varphi_2 R_2}{R_1} = S_3 \frac{R_2}{r_2 R_1}; \\ \omega_2 &= \dot{\varphi}_2 = \frac{V_3}{r_2}; & \omega_1 &= \dot{\varphi}_1 = \frac{\omega_2 R_2}{R_1} = \frac{S_3 R_2}{r_2 R_1}; \\ \varepsilon_2 &= \frac{a_3}{r_2}; & \varepsilon_1 &= \varepsilon_2 \frac{R_2}{R_1} = a_3 \frac{R_2}{r_2 R_1}. \end{aligned}$$

При решении **первым** способом расчлняем систему на три тела, проставляем силы и составляем дифференциальные уравнения движения, как показано на рисунке 4.

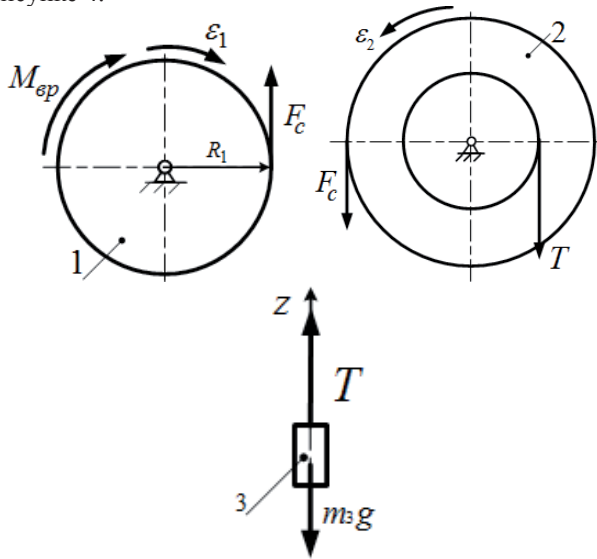

Рис. 4. Схема решения задачи первым способом с помощью дифференциальных уравнений движения тел.

Решение задачи первым способом будет иметь вид:

$$a_3 = \frac{M \frac{R_2}{R_1 r_2} - m_3 g}{J_{x1} \left(\frac{R_2}{R_1 r_2} \right)^2 + \frac{J_{x2}}{r_2^2} + m_3} \quad (1)$$

Для второго способа записываем теорему об изменении кинетической энергии:

$$T - T_0 = \sum_{k=1}^n A_k^e + \sum_{k=1}^n A_k^i.$$

Обозначаем на схеме скорости тел и внешние силы, действующие на тело, как показано на рисунке 5.

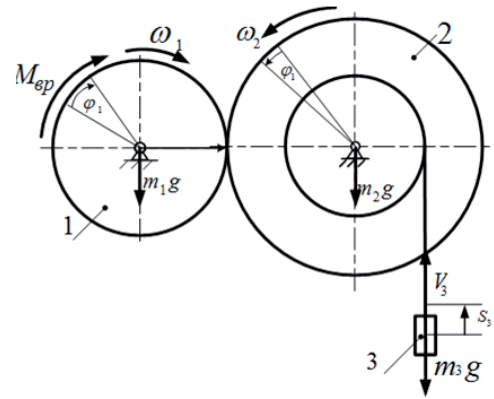

Рис. 5. Схема решения задачи вторым способом с помощью теоремы об изменении кинетической энергии.

Определяем кинетический момент системы в начале и конце движения T_0 и T . Так как в начальный момент система находилась в покое, то $T_0 = 0$. Величина T равна сумме энергий всех тел системы:

$$T = T_1 + T_2 + T_3 = T_1 = T_2 = \frac{1}{2} J_{x1} \omega_1^2 + \frac{1}{2} J_{x2} \omega_2^2 + \frac{1}{2} m_3 V_3^2.$$

Учитывая кинематические зависимости, кинетическая энергия системы тел равна:

$$T = \frac{J_{x1}}{2} \left(\frac{R_2}{R_1 r_2} \right)^2 V_3^2 + \frac{J_{x2}}{2 r_2^2} V_3^2 + \frac{1}{2} m_3 V_3^2$$

Согласно теореме, об изменении кинетической энергии системы, можно записать:

$$\frac{J_{x1}}{2} \left(\frac{R_2}{R_1 r_2} \right)^2 V_3^2 + \frac{J_{x2}}{2 r_2^2} V_3^2 + \frac{1}{2} m_3 V_3^2 = M \frac{R_2}{R_1 r_2} S_3 - m_3 g S_3.$$

Выразим требуемое ускорение

$$a_3 = \frac{M \frac{R_2}{R_1 r_2} - m_3 g}{J_{x1} \left(\frac{R_2}{R_1 r_2} \right)^2 + \frac{J_{x2}}{r_2^2} + m_3} \quad (2)$$

Третий способ решения задачи характеризуется заданием системе возможного перемещения. Обозначим внешние силы и силы инерции, как показано на рисунке 6.

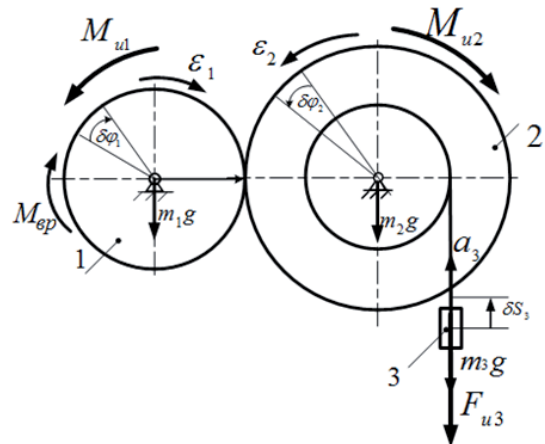

Рис. 6. Схема решения задачи вторым способом с помощью общего уравнения динамики механической системы.

Составляем общее уравнение динамики для данной механической системы:

$$M_{\varphi} \cdot \delta\phi_1 - M_{u1} \cdot \delta\phi_1 - M_{u2} \cdot \delta\phi_2 - F_{u3} \cdot \delta S_3 - m_3 g \cdot \delta S_3 = 0.$$

Сила инерции третьего тела и моменты сил инерции колес рассчитываются по формулам:

$$F_3^u = m_3 a_3; \quad M_{u2} = J_{x2} \varepsilon_2; \quad M_{u1} = J_{x1} \varepsilon_1;$$

Тогда уравнение примет вид:

$$M_{\varphi} \cdot \frac{R_2}{R_1 r_2} - J_{x1} \left(\frac{R_2}{R_1 r_2} \right)^2 a_3 - J_{x2} \frac{1}{r_2^3} a_3 - m_3 a_3 - m_3 g = 0.$$

Выразим из полученного уравнения требуемое ускорение. Оно запишется следующим образом:

$$a_3 = \frac{M \frac{R_2}{R_1 r_2} - m_3 g}{J_{x1} \left(\frac{R_2}{R_1 r_2} \right)^2 + \frac{J_{x2}}{r_2^2} + m_3} \quad (3)$$

Проанализировав выражения (1), (2) и (3) видим, что результат получен одинаковым, при различных способах решения.

Обычно, в тесте нужен только правильный ответ и преподаватель не знает каким способом студент к нему пришел. Если же в программе предусмотрена пошаговая инструкции, то есть сначала определяем кинетическую энергию первого тела, затем второго и т.д., то мы лишаем обучающего самостоятельного выбора способа решения. Такое обучение игнорирует учет психологии человека, так как одному студенту легче решить систему из трех простых уравнений, а другому продифференцировать одно сложное. Поэтому в программе должны быть предусмотрены вопросы по конкретизации используемой теоретической базы обучающего.

Поэтапное тестирование изучаемого материала, облегчает обучающему процесс запоминания и сдачи данного предмета, но не дает целостной картины об изучаемом предмете, как науки неразрывно связанной с математикой, физикой. И тем более не обеспечивает развитие обще культурной составляющей, а ведь, изучение «теоретической механике» должно развивать способность к самоорганизации и самообразованию. Поток новой информации, который обрушивается на сегодняшнего студента несоизмеримо больший, чем несколько десятилетий назад. И есть опасность, что в определенный момент человеческий мозг просто заблокируется и откажется принимать, кажушие ему ненужными сведения. Программированное обучение, в этом случае, может только констатировать факт об отсутствие усвояемости знаний, но ни о причинах.

Введение гуманитарного контекстного содержания в программированное обучение обеспечивает смягчение информационного потока. При живом чтении лекции талантливы педагог чувствует аудиторию и дает возможность ей отдохнуть. Вспомним рассказ А.П. Чехова «Скучная история», его герой старый профессор в таких случаях действует следующим образом: «...Это значит, что внимание утомлено. Нужно принять меры. Пользуясь первым удобным случаем, я говорю какой-нибудь каламбур. Все полтора лица широко улыбаются, глаза весело блестят, слышится недолгий гул моря... Я тоже смеюсь. Внимание освежилось, и я могу продолжать» [13]. И это не прихоть Учителя, это особенности физиологии головного мозга: общеизвестно, что при изучении технических дисциплин работу запоминания, логического мышления и анализа выполняет левое полушарие, а обращение к эмоциям, переключает работу мозга на правое полушарие. Это ведет к уменьшению утомляемости обучаемого, а значит к лучшей усвояемости нового материала. Как же в электронный учебник по механике включать гуманитарные составляющие. Но ведь и Паскаль, и Декарт были прежде всего философами, их взгляды на мир различны. Р. Декарт, обосновал ведущую роль разума в познании, выдвинул учение о субстанции и модусах, он утверждал: «для того, чтобы усовершенствовать ум, надо больше размышлять, чем заучивать» [14]. Паскаль развил это положения: «Мы познаем истину не только разумом, но и сердцем. Именно сердцем мы познаем начальные понятия, и тщетно рассудок, к этому непричастный, пытается их оспорить» [15]. Можно дать краткий экскурс в историю, привести высказывания и афоризмы ученых-механиков. Это не только повышает интерес к изучаемому предмету, но способствует формированию общекультурной компетентности будущего специалиста. Для защиты от информационной перегрузки необходимо обеспечить быстрый доступ обучаемого к знаниям предшествующего уровня: должны быть ссылки на тригонометрические зависимости, элементы векторной алгебры и т.д.

Заключение

Программированное обучение должно обеспечить не только пакет знаний по конкретному предмету, но и стать основой для дальнейшей творческой деятельности обучающего. Даже изучение общетехническим дисциплинам может содержать гуманитарную составляющую, способствующую развитию разносторонней личности. Обучающие, работающие в коллективе объединённым одной познавательной целью, быстрее и надежнее добиваются результата.

Библиографический список

1. Сергеев С.Ф. Глобальные техногенные среды в эволюции человеческой цивилизации // Журнал вестник Московского университета имени С.Ю. Витте. Серия 1: Экономика и управление. 2013. С. 113.
2. Сертакова И.Н. Новые технологии в сфере образования и образовательных услуг / Аналитика культурологии. 2010. №6. С.79–81.
3. Талызина Н.Ф. Педагогическая психология: учеб. пособие для студ. сред. пед. учеб. заведений / Н.Ф.Талызина. М.: Издательский центр «Академия», 1998. 288 с.
4. Прокофьева Н.О. Модели и методы компьютерной оценки знаний обучаемых // Материалы Международной научно-практической конференции Информационные технологии в многоуровневой системе образования. Казань: ЗАО «Новое знание», 2005. С.139–143.

5. Маркова Е.В. Кибернетический период творчества академика А.И. Берга // Аксель Иванович Берг/ Сборник: Информатика. Неограниченные возможности и возможные ограничения. М.: Наука. 2007. С. 52-89.
6. Башмаков А.И. Интеллектуализация как средство повышения доступности технологий разработки компьютерных средств обучения // Всероссийская науч.- прак. Конференция Образовательная среда: сегодня и завтра. (Москва ВВЦ, 2004) Тезисы докладов С. 204-205.
7. ГОСТ 24.602-86 Единая система стандартов автоматизированных систем управления. Автоматизированные системы управления. Состав и содержание работ по стадиям создания.
8. ГОСТ 34.601-90 Информационная технология (ИТ). Комплекс стандартов на автоматизированные системы. Автоматизированные системы. Стадии создания. <https://files.stroyinf.ru/Index/10/10698.htm>
9. Печников А.Н. Е-дидактика: кому, зачем и каком виде она нужна / Андрей Николаевич Печников // Народное образование. Педагогика №5 С.157.
10. Чельшкова М.Б. Теория и практика конструирования педагогических тестов: учебное пособие / М.Б.Чельшкова. М.: Логос. 2003. 363с.
11. Сосновский В.И., Тесленко В.И. Вопросы управления в обучении. Часть 1 (Педагогическое тестирование) / В.И.Сосновский, В.И. М.: Высшая школа. 1995. 273с.
12. Зайцева Л.В., Прокофьева Н.О. Модели и методы адаптивного контроля знаний // Educational Technology & Society. Nr.7(4), 2004 ISSN 1436-4522 (Международный электронный журнал). / Интернет. - <http://ifets.ieee.org/russian/periodical/journal.html>
13. Чехов А.П. Собрание сочинений в 8-ми томах. Том 5. С. 287
14. Рене Декарт. Сочинения / Рене Декарт: Наука. Ленинградское отделение. 2015. 656с.
15. Блез Паскаль. Мысли. Афоризмы. <https://iknigi.net/avtor-blez-paskal/64055->

References

1. Sergeev S.F. Global technogenic environments in the evolution of human civilization // Journal of Bulletin of Moscow University named after S.Yu. Witte. Series 1: Economics and Management. 2013. Pp.113.
 2. Sertakova I.N. New technologies in the field of education and educational services / Analytics of cultural studies. 2010. No.6. Pp.79 - 81.
 3. Talyzina N. F. Pedagogical psychology: textbook. allowance for students. wednesday ped textbook. institutions / N.F. Talyzina. M.: Publishing Center "Academy", 1998. 288 p.
 4. Prokofiev N.O. Models and methods of computer assessment of student knowledge // Materials of the International scientific-practical conference Information technology in a multi-level education system. Kazan: CJSC "New Knowledge", 2005. Pp. 139 - 143.
 5. Markova E.V. The Cybernetic Period of the Work of Academician A.I. Berg // Axel Ivanovich Berg / Collection: Computer Science. Unlimited possibilities and possible limitations. M.: Science. 2007. Pp 52-89.
 6. Bashmakov A.I. Intellectualization as a means of increasing the availability of technology for the development of computer training tools // All-Russian scientific and practical. Conference Educational environment: today and tomorrow. (Moscow All-Russian Exhibition Center, 2004) Abstracts pp. 204-205.
 7. GOST 24.602-86 Unified system of standards for automated control systems. Automated control systems. The composition and content of work at the stages of creation.
 8. GOST 34.601-90 Information Technology (IT). Set of standards for automated systems. Automated systems. Stages of creation. <https://files.stroyinf.ru/Index/10/10698.htm>
 9. Pechnikov A.N. E-didactics: to whom, why, and in what form it is needed / Andrei Nikolaevich Pechnikov // Public Education. Pedagogy No. 5 P.157.
 10. Chelyshkova M.B. Theory and practice of constructing pedagogical tests: a training manual / M.B. Chelyshkova. M.: Logos. 2003.363s.
 11. Sosnovsky V.I., Teslenko V.I. Management issues in training. Part 1 (Pedagogical testing) / V.I. Sosnovsky, V.I. M.: Higher school. 1995.273 s.
 12. Zaitseva L.V., Prokofieva N.O. Models and methods of adaptive knowledge control // Educational Technology & Society. Nr. 7 (4), 2004 ISSN 1436-4522 (International Electronic Journal). / The Internet. - <http://ifets.ieee.org/russian/periodical/journal.html>
 13. Chekhov A.P. Collected works in 8 volumes. Volume 5. Pp. 287
 14. Rene Descartes. Works / Rene Descartes: Science. Leningrad branch. 2015.656s.
 15. Blaise Pascal. Thoughts Aphorisms. <https://iknigi.net/avtor-blez-paskal/64055->
-

УДК 373.55

UDC 373.55

ЗВОНАРЕВА Е.А.

кандидат химических наук, доцент, кафедра химии,
ФГБОУ ВО «Воронежский государственный педагогический университет»

E-mail: zvolena@yandex.ru

ЖУКОВА М.И.

кандидат педагогических наук, доцент, кафедра химии,
ФГБОУ ВО «Воронежский государственный педагогический университет»

E-mail: marina.zhukova.1961@list.ru

ZVONAREVA E.A.

Candidate of Chemistry, Associate Professor, Departments of
Chemistry, Voronezh State Pedagogical University

E-mail: zvolena@yandex.ru

ZHUKOVA M.I.

Candidate of Pedagogy, Associate Professor, Departments of
Chemistry, Voronezh State Pedagogical University

E-mail: marina.zhukova.1961@list.ru

ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ ТЕХНОЛОГИИ В РЕЖИМЕ СЕТЕВОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ

PEDAGOGICAL TECHNOLOGIES IN THE MODE OF NETWORKING

В данной научной статье рассматриваются вопросы сетевого взаимодействия образовательных учреждений и организации сетевого обучения как современного подхода к подготовке педагога и влияние сетевого обучения на традиционный мониторинг качества знаний учащихся, его достоинства и недостатки. Предполагается, что это позволит обновить формы и методы работы учителей, развить информационную компетентность педагогов, повысить качество их профессиональной деятельности.

***Ключевые слова:** сетевое образование, сетевое взаимодействие образовательных учреждений, контроль знаний обучающихся, качество образования, фундаментальность знаний.*

In this scientific article it is offered to consider questions of network interaction of educational institutions and the organization of network education as modern approach to preparation of pedagogical shots. The influence of network education on the traditional monitoring of the quality of students' knowledge, its advantages and disadvantages is considered. It is supposed allows to renew forms and methods of work of teachers, to develop the teachers' information competence to raise quality of their professional activity.

***Keywords:** network education, networking of educational institutions, control of students knowledge, quality of education, fundamental knowledge.*

Современная школа стремится создавать условия для развития и максимальной реализации способностей и интересов ребенка, предоставлять возможности для формирования умения осуществлять выбор [4].

Нужна особая, деятельностная среда, позволяющая обучающемуся быть активным, самостоятельным, творческим, уметь создавать, представлять, оценивать, анализировать, выбирать... Чем шире будут ее границы, чем больше педагогов-партнеров будут в ней взаимодействовать, обсуждая, дискутируя, обмениваясь опытом, тем больше вероятность получить новый результат. Режим сетевого взаимодействия как раз и предоставляет такие возможности.

Основной задачей сетевого взаимодействия в рамках школьной образовательной деятельности является оптимизация образовательного процесса по освоению современных знаний без потерь их фундаментальности на фоне развития современного гражданина – творца [1].

Актуальность проекта заключается в формировании новых учебных компетенций и их развитии участниками образовательного процесса при сетевом обучении [6].

В сетевом взаимодействии в отличие от традиционного образовательного процесса при мониторинге

качества образования наравне с существующими, используются инспекторские проверки. При этом самому процессу обучения уделяется достаточно мало внимания, так как балльно-рейтинговая система оценивания знаний обучающихся не учитывает индивидуальный подход к обучающимся, что негативно сказывается на восприятии у них знаний по предмету [7].

Основная идея проекта заключается в повышении эффективности управления сетевым взаимодействием, а также в качестве и результатах образовательной деятельности.

Реализация образовательной модели школы индивидуального выбора требует изменений в системе оценивания индивидуальных достижений обучающихся с целью корректировки образовательного процесса и условий, влияющих на конечный результат (портрет выпускника):

- работа в качестве регионального центра оценки качества (общеобразовательное учреждение имеет системный и проанализированный опыт в рамках решения большинства задач и готово его предложить остальным участникам сети);

- построение индивидуальных маршрутов обуча-

ющихся 10, 11 классов в рамках работы в качестве региональной инновационной площадки;

- оказание психолого-педагогической поддержки по выстраиванию индивидуальных маршрутов обучающихся «старшей школы» на основании их достижений и возможностей;

- подавляющее большинство преподавателей применяют в преподавании предмета демократический стиль: приветствуют самостоятельность суждений и личное мнение обучающихся, учитывают их индивидуальные особенности [5].

Исследовательский проект направлен на корректировку деятельности педагогов, а также на сопровождение обучающихся при достижении конечных результатов.

Цель проекта: создание сетевой системы диагностики и контроля состояния образовательного процесса, который бы обеспечил качественное обучение учащихся [1].

К основным задачам относятся:

1. Создать балльно-рейтинговую систему оценивания знаний обучающихся, которая позволила бы результативно осуществлять основные цели оценки качества образования.

2. Увеличить качество и эффективность деятельности педагогов, учитывая при этом результаты мониторинга качества образования, для осуществления стимулирующих выплат педагогам, работающим в сети.

3. Сформировать автоматическую систему мониторинга качества образования и общего банка информации.

4. Для того чтобы развивать механизмы общественной и общественно-профессиональной экспертизы, необходимо подготовить независимых аудиторов и общественных экспертов по мониторингу качества образования.

5. Оптимизировать сочетание процедур внутренней и внешней независимой экспертизы.

Реализация сетевого (межшкольного) ресурсного центра оценки качества состоит из четырех секторов [2].

Первый проводит мониторинг качества индивидуальных достижений обучающихся на всех ступенях обучения [3].

Объектом оценивания является обучающийся.

Состав сектора: классные руководители, тьюторы, учителя-предметники, сетевые педагоги-психологи.

Функция сектора – исследование и оценивание: достижений обучающегося по предметам; степени их участия в образовательной деятельности; результатов комплексных работ.

Задачи сектора:

- анализ и коррекция индивидуальных образовательных маршрутов обучающихся в соответствии с индивидуальными достижениями обучающихся;

- анкетирование, психолого-педагогическое тестирование, проведение индивидуальных и коллективных занятий;

- построение рейтинга (само- или взаимосравнение обучающихся).

Второй сектор – мониторинг качества профессиональной компетентности педагогов. Объектом оценивания является учитель [3].

Состав сектора: завучи и директора общеобразовательных учреждений, входящих в структуру сетевого взаимодействия. Функция сектора – исследование: индивидуальных достижений обучающихся в динамике; психолого-педагогических затруднений учителей.

Задачи:

- апробация и корректировка инструментов оценки метапредметных результатов учащихся;

- оценка результатов учащихся;

- принятие управленческих решений (стимулирующие выплаты, стажировка и повышение квалификации преподавателя, кадровые перестановки) на основании анализа работы педагогов;

- оценивание образовательных достижений обучающихся и развитие влияющих на них факторов.

Третий сектор оценивания качества образовательных рабочих программ [3].

Объектом оценивания являются рабочие программы дисциплин, курсов и основных образовательных программ.

Состав сектора: председатель педагогического совета (директор образовательного учреждения или председатель сетевого (межшкольного) ресурсного центра), руководители методических объединений школ.

Функции сектора: сравнение и анализ показанных результатов достижения обучающихся с фактическими результатами; мониторинг соответствия рабочих программ дисциплин федеральному государственному образовательному стандарту (ФГОС) [1].

Задачи сектора: подготовка и апробация рекомендаций по корректировке сетевой образовательной программы, а также рабочих программ на основании достижения результатов учащихся в соответствии с ФГОС.

Четвертый сектор оценки качества образовательного процесса. Объектом оценивания являются общеобразовательные организации сетевого (межшкольного) ресурсного центра [3].

Состав сектора: учредители сетевого ресурсного центра, Совет центра, органы управления образовательных организаций, которые входят в сетевое объединение.

Функция сектора – сравнение и анализ: удовлетворенности качеством образования и соответствия условий образовательного процесса современным требованиям.

Задачи:

- организация участия учащихся в конференциях и олимпиадах на региональном, федеральном и международном уровне;

- проведение опроса, анкетирования участников образовательной деятельности;

- принятие рекомендаций для руководителей общеобразовательных организаций, которые входят в сетевое объединение (таблица 1).

Таблица 1.

Реализация проекта (технологическая фаза)		
№ п/п	Мероприятия	Результаты
Подготовительный		
1	Сбор и выявление факторов, определяющих сложившийся уровень качества	Аналитический отчет
2	Обсуждение проблемного поля, информирование участников образовательных отношений	Публикации, семинары, совещания и т.д.
3	Управленческая команда – опубликование идеи. «Создание инструментария, основанного на инновационных формах оценивания: контекстные задачи; кейс – измерители (портфолио); тесты (оценивание знаний на уровне применения в нестандартной ситуации); междисциплинарный экзамен; самооценка, самоконтроль предметной обученности и т.д.»	Утверждение рабочих групп проекта по разработке рекомендаций; мастер-классы; утверждение рекомендаций
4	Разработка методических рекомендаций для педагогов по оценке индивидуальных достижений обучающихся (индивидуальная карта развития)	Утверждение рекомендаций
5	Общественное предъявление «модели внутришкольного оценивания» родительской общественности и органам государственно-общественного управления	Публикации, семинары
6	Аудит «Оценивание адаптированности образовательной программы образовательным потребностям обучающихся, социальным требованиям, требованиям ФГОС»	Результаты аудита
7	Разработка информационной среды для перевода оценки качества в электронный формат	Электронная система
8	Управленческая команда – опубликование идеи «Разработка критериев оценки ключевых компетенций обучающихся при переходе к компетентностному образованию»	Утверждение критериев и показателей
9	Организация обсуждения проекта локального акта, регламентирующего систему контроля качества образования	Публичное обсуждение; положения системы контроля качества образования с привлечением органов государственно-общественного управления и Совета сети
Апробация инновационной образовательной модели		
10	Апробация и внедрение новых процедур, показателей системы контроля качества образования в рамках реализации системы контроля качества образования	Посещение занятий, аналитика
11	Промежуточный мониторинг реализации проекта	Аналитика, корректировка
12	Повышение квалификации педагогов – в форме стажировки	
13	Проведение процедуры по оценке качества удовлетворенности участников образовательных отношений реализацией образовательной модели «Школа индивидуального выбора в режиме сетевого взаимодействия»	Опубликование результатов
14	Итоговый мониторинг реализации проекта, составление новых проектов по возникшим затруднениям	
Диссеминация инновационной образовательной модели		
15	Формирование сообщества Сети педагогов-наставников (оплата через компенсационные выплаты)	
16	Организация и проведение мастер-классов и семинаров	Семинары
17	Создание идеи формирования управленческой команды	Утверждение и создание рабочей команды
18	Подготовка материалов к публикации	Публикация инновационной образовательной модели

В результате реализации сетевого обучения рассматриваются возможные риски со стороны обучающихся, родителей и педагогического коллектива, а также способы их преодоления и предотвращения (таблица 2).

Обсуждение результатов и выводы

1. Повышение качества и доступности образовательных услуг для всех участников сетевого взаимодействия.

2. Повышение ответственности педагогов за конечный результат.

3. Совершенствование содержания и способов организации образовательного процесса в образовательных организациях сети для достижения соответствия

результатов освоения образовательных программ современным требованиям в соответствии с ФГОС.

4. Повышение мотивации обучающихся к учению. Возникновение нового отношения к учению – стремление к самообразованию.

5. Эффективное введение современных образовательных технологий. В том числе, индивидуализация образования через построение индивидуальной образовательной программы обучающегося, в том числе в режиме сетевого взаимодействия.

6. Продолжение формирования положительного имиджа образовательного учреждения в образовательном пространстве.

Таблица 2.

Возможные риски и варианты их преодоления

Возможные риски	Варианты преодоления рисков
Отторжение к нововведениям, непонимание правил оценивания	Поэтапное введение. Максимальное информирование через различные формы педагогических мероприятий: семинары, круглые столы, индивидуальные консультации, родительские собрания. Повышение квалификации
Боязнь обучающихся и родителей новой системы оценивания, падение формальной успеваемости	Ориентир только на поддержание успешности и мотивации обучающегося. Нельзя запугивать обучающихся потенциальными плохими оценками и допускать увеличение количества проверочных работ
Низкий уровень подготовки педагогов по вопросам комплексного оценивания образовательных результатов обучающихся	Введение системы непрерывного профессионального образования педагогов, которая обеспечила бы усвоение и понимание инноваций всеми участниками образовательного процесса
Небольшой уровень мониторинга внедрения и апробации проекта может повлиять на объективность принятия решений и его эффективность	Внедрение и апробация системы мониторинга, разработка балльно-рейтинговой системы оценивания в процесс образования в рамках реализации проекта сетевого взаимодействия. Внутренняя и внешняя независимая экспертиза. Сопровождение инновационного образовательного процесса в общеобразовательном учреждении, как участника реализации проекта сетевого взаимодействия

Библиографический список

1. Федеральный Закон от 29.12.2012 № 273-ФЗ (ред. от 26.07.2019) «Об образовании в Российской Федерации».
2. Алексахина Н.В., Бойцова Е.Г., Чичев Е.М. Организация образовательного процесса средствами сетевых технологий // Управление качеством образования: теория и практика эффективного администрирования. Санкт-Петербург: Эффектико групп, 2014. № 3. С. 58-67.
3. Василевская Е.В. Повышение профессиональной компетентности: сетевой подход на основе использования ИКТ // Народное образование. Москва: Народное образование, 2013. № 9. С. 141-146.
4. Глубокова Е.Н., Кондракова И.Э. Сетевое взаимодействие в сфере образования как развивающийся процесс в теории и практике // Педагогика в современном мире: сборник статей всероссийской научной конференции. Санкт-Петербург: Лема, 2011. С. 123-129.
5. Зубарева Т.А. Эффективность модели сетевого открытого взаимодействия образовательных учреждений как ресурс инновационного развития // Мир науки, культуры, образования. Горно-Алтайск: Горно-Алтайский ГУ, 2009. № 5 (17). С. 178-184.
6. Организация сетевого взаимодействия общеобразовательных учреждений, внедряющих инновационные образовательные программы, принимающих участие в конкурсе на государственную поддержку / под ред. Адамского А.И. Москва: Эврика, 2006. С. 8-11.
7. Чучкевич М.М. Основы управления сетевыми организациями. Москва: Издательство Института социологии РАН, 1999. 37 с.

References

1. Federal Law of 29.12.2012 № 273-FL (edition of 26.07.2019) «On education in the Russian Federation».
2. Aleksakhina N.V., Boytsova E.G., Chichew E.M. Organization of educational process by means of network technologies // Quality Management of education: theory and practice of effective administration. St. Petersburg: Effectice groups, 2014. V. 3. Pp. 58-67.
3. Vasilevskaya E.V. Improving professional competence: network approach based on the use of ICT // Public education. Moscow: Public education, 2013. V. 9. Pp. 141-146.
4. Glubokova E.N., Kondrakova I.E. Network interaction in education as a developing process in theory and practice // Pedagogy in the modern world: collection of articles of the Russian scientific conference. St. Petersburg: Lema. 2011. Pp. 123-129.
5. Zubareva T. A. Efficiency of model of network open interaction of educational institutions as a resource of innovative development // World of science, culture, education. Gorno-Altaysk: Gorno-Altai state University, 2009. V. 5 (17). Pp. 178-184.
6. Organization of network interaction of educational institutions that implement innovative educational programs that participate in the competition for state support. Edited by Adamski, A. I. Moscow: Eureka, 2006. Pp. 8-11.
7. Chuchkevich M.M. Osnovy upravleniya setevymi organizacijami. Moscow: Publishing house of the Institute of sociology Russian Academy of Sciences, 1999. 37 p.

УДК 372.851

UDC 372.851

КОВАЛЕВА Г.И.

доктор педагогических наук, доцент, профессор кафедры методики преподавания математики и физики, ИКТ, Волгоградский государственный социально-педагогический университет

E-mail: kovaleva-gi@mail.ru

МИЛОВАНОВ Н.Ю.

кандидат педагогических наук, учитель, ГБОУ Школа №2048 города Москвы

E-mail: milovanoff89@yandex.ru

KOVALEVA G.I.

Doctor of Education, Associate Professor, Professor of the Department of Methods of Teaching Mathematics and Physics, ICT, Volgograd State Socio-pedagogical University

E-mail: kovaleva-gi@mail.ru

MILOVANOV N.YU.

Candidate of Pedagogical Sciences, Teacher, School №2048 of Moscow

E-mail: milovanoff89@yandex.ru

МОТИВАЦИОННЫЙ РЕСУРС ДОПОЛНИТЕЛЬНЫХ ТЕМ ДИФФЕРЕНЦИАЛЬНОГО ИСЧИСЛЕНИЯ ШКОЛЬНОГО КУРСА МАТЕМАТИКИ

MOTIVATIONAL RESOURCE OF ADDITIONAL THEMES OF THE FLUXIONAL CALCULATION OF THE MATHEMATIC SCHOOL COURSE

Проводя анализ Федерального государственного образовательного стандарта среднего общего образования по математике параллельно со школьными учебниками по алгебре и началам анализа можно отметить некоторые дополнительные темы дифференциального исчисления. Но возникает вопрос: зачем нужны дополнительные темы? Раскрывая их содержание через системы задач, можно показать прикладной характер темы «Производная функции». Но каким требованиям должна отвечать такая система задач?

Ключевые слова: математическое понятие, графическое представление понятия, система задач, математический анализ, функция, производная функции.

Conducting an analysis of the Federal State Educational Standard of Secondary Education in Mathematic in parallel with school algebra textbooks and the beginning of analysis, we can mention some additional themes of fluxional calculation. But here appears a question: why do we need additional themes? Revealing their content through the task system, it is possible to show the applicable nature of the theme «Derivative of function». But what conditions should such a system be in accord with?

Keywords: mathematical concept, graphical representation of the concept, task system, mathematical analysis, function, derivative of function.

Основными понятиями дифференциального исчисления являются функция и производная функции, которые связаны операцией дифференцирования. Содержание данного раздела в школьном курсе математики: понятие о производной функции, физический и геометрический смысл производной, уравнение касательной к графику функции, производные суммы, разности, произведения и частного, производные основных элементарных функций, производные сложной и обратной функций, вторая производная функции и ее физический смысл, применение производной к исследованию функций и построению графиков, использование производных при решении уравнений и неравенств, текстовых, физических и геометрических задач, задач на нахождение наибольших и наименьших значений, примеры использования производной для нахождения наилучшего решения в прикладных задачах, нахождение скорости для процесса, заданного формулой или графиком.

Содержание объемное, однако, анализ учебников по алгебре и началам анализа показывает, что в современных УМК по математике представлены (в некоторых

учебниках и не одна) дополнительные темы.

Результат анализа учебников на наличие дополнительных тем дифференциального исчисления школьного курса математики следующих авторов: Алимов Ш.А. [1], Колмогоров А.Н. [3], Колягин Ю.М. [4], Мордкович А.Г. [5], Муравин Г.К. [6], Нелин Е.П. [7], Никольский С.М. [8], Шабунин М.И. [10], представлен в таблице (таблица 1).

На вопрос «Зачем нужны дополнительные темы дифференциального исчисления школьного курса математики?» можно получить типичный ответ: «Для подготовки учащихся, решивших получить специальность, требующая высокой математической компетентности».

Однако дополнительные темы можно использовать для мотивации изучения дифференциального исчисления школьного курса математики. Каким образом? Представив содержание через системы задач. Такой подход позволит сделать изучаемый материал доступным, а полученные знания структурированными. При этом такая система задач будет раскрывать прикладной характер изучаемых тем.

Таблица 1.

Анализ учебников по алгебре и началам анализа на наличие дополнительных тем дифференциального исчисления школьного курса математики

Дополнительная тема дифференциального исчисления школьного курса математики	Алимов Ш.А.	Колмогоров А.Н.	Колягин Ю.М.	Мордкович А.Г.	Муравин Г.К.	Нелин Е.П.	Никольский С.М.	Шабунин М.И.
Выпуклость и вогнутость графика функции, точки перегиба	+		+		+	+	+	+
Производные высших порядков				+		+	+	
Приближенные вычисления		+					+	
Формула Тейлора							+	
Понятие о дифференциальных уравнениях		+						+

Каким требованиям должна отвечать система задач?

Первое требование – наличие проблемной задачи. Например, при изучении темы «Выпуклость и вогнутость графика функции, точки перегиба» учащимся уже известно, что производная функции позволяет ответить на вопрос о ее монотонности и наличие у нее экстремумов в конкретной точке. Благодаря этим знаниям, учащиеся могут построить график функции. Но необходимо сформулировать проблему – зачем изучать вторую производную функции? То есть необходимо начать изучение данной темы с такой функции, которая не имеет проблем в свойствах по первой производной, но вторая производная функции эту проблему поставит.

Такой функцией, к примеру, является $y = (x^2 - 1)^3$. Заметим, что данная функция определена для любого значения аргумента и является четной, то есть акцент следует перенести на симметрию относительно оси ординат. Проведем исследование функции по ее первой производной (таблица 2) и схематично построим график (рисунок 1).

$$y = (x^2 - 1)^3 \Rightarrow y' = 6x(x^2 - 1)^2; y' = 0 \Rightarrow x = 0, x = \pm 1.$$

Таблица 2.

Исследование функции $y = (x^2 - 1)^3$ по ее первой производной

	$(-\infty; -1)$	-1	$(-1; 0)$	0	$(0; 1)$	1	$(1; +\infty)$
y'	-	0	-	0	+	0	+
y	убывает		убывает	min	возрастает		возрастает

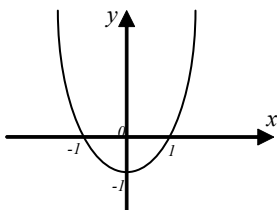

Рис. 1. График функции после исследования ее первой производной.

Как только получили график функции (рисунок 1), учащимся следует предложить проверить правильность его построения при помощи образовательных матема-

тических приложений построения графиков функций. Это позволит убедиться в том, что график построен некорректно, поэтому необходимо рассмотреть причины несоответствия.

Для этого вводим понятия выпуклая функция на интервале, вогнутая функция на интервале и точка перегиба функции. Определения следует формулировать на основе их графического представления (таблица 3).

Таблица 3.

Выпуклость и вогнутость графика функции, точки перегиба

Понятие	Графическое представление понятия	Определение понятия
В ы п у к л а я функция на интервале		Функция называется выпуклой на интервале, если в любой точке из этого интервала график функции лежит выше проведенной касательной к этому графику в заданной точке интервала.
В о г н у т а я функция на интервале		Функция называется вогнутой на интервале, если в любой точке из этого интервала график функции лежит ниже проведенной касательной к этому графику в заданной точке интервала.
Точка перегиба функции		Это такая точка непрерывной функции, в которой существует касательная и при переходе через которую функция меняет выпуклость на вогнутость или наоборот.

И получаем требования к выпуклости и вогнутости функции на интервале, наличие точек перегиба. Эти требования также выводим на основе графического представления рассматриваемых понятий.

Достаточное условие выпуклости функции: если на

заданном интервале дважды дифференцируемая функция имеет положительную вторую производную, то на нем функция выпукла.

Достаточное условие вогнутости функции: если на заданном интервале дважды дифференцируемая функция имеет отрицательную вторую производную, то на нем функция вогнута.

Необходимое условие существования точки перегиба: в точке, подозрительной на точку перегиба, вторая производная функции равна нулю или не существует.

Достаточное условие существования точки перегиба: если на интервале функция дважды дифференцируема, и при переходе через заданную точку интервала вторая производная функции меняет знак, то данная точка является точкой перегиба.

После получения вышеуказанных определений и требований следует вернуться к рассматриваемой функции и проанализировать ее на наличие точек перегиба и числовых промежутков выпуклости и вогнутости (таблица 4).

$$y' = 6x(x^2 - 1)^2 \Rightarrow y'' = (x^2 - 1)(30x^2 - 6);$$

$$y'' = 0 \Rightarrow x = \pm\sqrt{0,2}, x = \pm 1.$$

Таблица 4.

Исследование функции $y = (x^2 - 1)^3$ по ее второй производной

	$(-\infty; -1)$	-1	$(-1; -\sqrt{0,2})$	$-\sqrt{0,2}$	$(-\sqrt{0,2}; \sqrt{0,2})$
y''	+	0	-	0	+
y	выпукла	точка перегиба	вогнута	точка перегиба	выпукла
	$\sqrt{0,2}$	$(\sqrt{0,2}; 1)$	1	$(1; +\infty)$	
y''	0	-	0	+	
y	точка перегиба	вогнута	точка перегиба	выпукла	

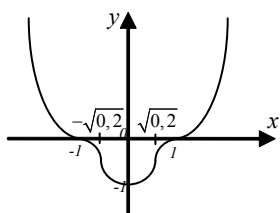

Рис. 2. График функции после исследования ее второй производной.

Таким образом, констатируем факт, что первая производная функции не смогла передать точность поведения графика функции, то есть необходим более глубокий анализ – выпуклость и вогнутость функции на интервале, и наличие точек перегиба. На этот вопрос и позволяет ответить вторая производная функции. На этом примере раскрывается смысл изучения данной темы (рисунок 2).

Далее следует рассмотреть те элементарные функции, которые были известны ранее, чтобы сделать вывод об их выпуклости и вогнутости на числовом промежутке и наличие точек перегиба, и только после этого переходить на сложные функции. В качестве при-

мера, можно рассмотреть функцию $y = \ln(x^2 + 1)$.

Следует отметить, что любая система характеризуется соподчиненностью элементов, их иерархией. Поэтому целесообразно рассматривать тему «Производные высших порядков» после изучения второй производной функции, так как вполне нормально, что у учащихся может возникнуть вопрос: а можно ли продолжать находить производные функции? Данная тема позволяет закрепить правила дифференцирования функции, так как если сначала задание может звучать: найдите производную пятого порядка функции $y = x^5 + 3x^4 - 7x + 1$, то вполне разумно далее предложить найти производную, к примеру, третьего порядка функции $y = x^4 \cos x$.

То есть в данной теме не обязательно предлагать учащимся вычислять производные «более высшего» порядка, а достаточно ограничиться, к примеру, производной третьего порядка, но, чтобы функция была составлена из произведения или частного элементарных функций.

Система задач на отработку техники дифференцирования может быть составлена по-разному. Одним из способов конструирования такой системы задач может являться метод «снежного кома», который предполагает при решении каждой задачи системы использование результата решения предыдущей задачи [2]. Приведем пример «снежного кома» для темы «Производные высших порядков»:

Пусть дана функция $y = \sin x + \cos x$.

- 1) Найдите производную функции.
- 2) Является ли точка $x = -\frac{\pi}{4}$ точкой перегиба функции?
- 3) Чему равна разность $y - y^{(IV)}$?
- 4) Можно ли вывести общую формулу для нахождения производной данной функции n-го порядка?

Методически грамотное введение понятия производной функции как скорости её изменения опирается на графические представления – поведение касательной в каждой точке графика функции. Тем не менее, при изучении дополнительной темы «Приближенные вычисления», следует еще раз построить график функции и провести касательную в заданной точке, после чего предложить посчитать значение функции в точке, которая не так далека от заданной (находится в ее окрестности). Визуально будет понятно, что касательная будет иметь приближенно такое же значение, что и функция в заданной точке. Такой подход дает вывод формулы приближенного вычисления: $y(x) \approx y(x_0) + y'(x_0) \cdot \Delta x$, где Δx – расстояние от заданной точки до точки x_0 , в которой удобнее считать значение функции.

Вообще говоря, геометрический смысл производной функции – это и есть графическое представление данного понятия. Именно с него необходимо начинать изучение тем дифференциального исчисления школьного курса математики, так как через графическое пред-

ставление производной функции в точке можно вывести интуитивно понятное определение и свойства. Тема «Приближенные вычисления» не является исключением, а наоборот, позволяет показать прикладной характер изучения производной функции, при этом вывод формулы получен на основе графического представления последнего. Таким образом, при конструировании системы задач на данную тему, в нее следует включить задачи, решаемые на основе графического представления производной функции.

Далее система задач нацелена на отработку алгоритма нахождения приближенного значения функции от некоторого аргумента: выделить функцию, определить x_0 таким, чтобы удобно вычислялось значение функции в данной точке, найти Δx и вычислить приближенное значение $y(x)$ при x , достаточно близких к x_0 , по формуле.

Пусть нам необходимо вычислить $\sqrt{9,003}$. Очевидно, что учащимся удобно простое вычисление $\sqrt{9} = 3$, но требуется найти более точное приближенное значение. Поэтому обратимся к полученной формуле, считая, что первоначально задана функция $y = \sqrt{x}$, следовательно, $y' = \frac{1}{2\sqrt{x}}$ и $y'(9) = \frac{1}{2\sqrt{9}} = \frac{1}{6}$. Подставим полученные числа и получим, что:

$$\sqrt{9,003} \approx 3 + \frac{1}{6} \cdot 0,003 = 3 + 0,0005 = 3,0005.$$

Но одно из требований системы задач – усложнение. Поэтому следующей задачей будет вычисление $\frac{1}{0,996^{40}}$, а затем $\sin 1^\circ$.

Система задач, решаемая на уроке, должна заканчиваться «сложной» задачей, которая покажет, чему научились, а может быть даже «проблемной», которая станет пусковым механизмом освоения содержания следующих уроков или построения индивидуальной образовательной траектории. Например, вычислить $5^{0,001}$, а дальше, чему равно e ?

Ответить на данный вопрос позволяет тема «Формула Тейлора». Одна из тех редких тем, которая встречается в школьном курсе математики на углубленном уровне. В учебнике С.М. Никольского [8] формула Тейлора рассматривается в некоторой окрестности точки $x = 0$, и для функции $f(x)$, дифференцируемой n раз в данной точке:

$$f(x) \approx f(0) + \frac{f'(0)}{1!} \cdot x + \frac{f''(0)}{2!} \cdot x^2 + \dots + \frac{f^{(n-1)}(0)}{(n-1)!} \cdot x^{n-1}.$$

Формулу Тейлора можно отнести к более глубокому изучению приближенных вычислений в математике, а также закрепления вычисления производных функции высших порядков. Следует отметить, что формула Тейлора позволяет рассматриваемую функцию представить в виде многочлена, что и позволит найти ее приближенное значение в заданной точке.

Доктор педагогических наук, профессор, автор

учебников по теории и методике обучения математике Н.С. Подходова [9] рекомендует данную тему для изучения в качестве закрепления навыков применения аппарата математического анализа как для исследования функций, так и для решения прикладных задач.

После введения формулы следует рассмотреть конкретные примеры, которые продемонстрируют необходимость изучения данной темы для приближенных вычислений. Рассмотрим приближенное вычисление числа e .

$$e = e^1 \approx e^0 + \frac{e^0}{1} \cdot 1 + \frac{e^0}{2} \cdot 1^2 + \frac{e^0}{6} \cdot 1^3 + \frac{e^0}{24} \cdot 1^4 = \\ = 1 + 1 + \frac{1}{2} + \frac{1}{6} + \frac{1}{24} = 2\frac{17}{24} \approx 2,7$$

После этого целесообразно рассмотреть примеры приближенного вычисления значений тригонометрических функций.

Рассмотрим тему «Понятие о дифференциальных уравнениях». Данная тема может выступать в качестве закрепления всего раздела математического анализа школьного курса математики, так как включает в себя операции дифференцирования и интегрирования, а с другой стороны, является пропедевтикой к изучению интегрального исчисления – следующий изучаемый раздел начал математического анализа.

Изучение темы следует начать с рассмотрения тех физических и химических процессов, которые приводят к данному понятию. К примеру, в учебнике А.Н. Колмогорова [3] рассматриваются процессы, используемые второй закон Ньютона, показательного роста и показательного убывания, радиоактивного распада, гармонических колебаний, падения тел в атмосферной среде. В учебнике М.И. Шабунина [10], помимо вышеуказанных примеров дифференциальных уравнений, рассматривается геометрический смысл их решения и сообщается задача Коши, о нахождении конкретного решения.

Цель изучения данной темы может варьироваться. Условно можно выделить три варианта:

1) пропедевтика изучения интегрального исчисления. В данном случае, задание может звучать так: проверьте, что функция $y(t) = 2 \cos 4t$ является решением дифференциального уравнения $y'' + 16y = 0$;

2) закрепление дифференциального и интегрального исчисления: решите дифференциальное уравнение $y''' = x^3 + 4x + e^x$;

3) раскрытие межпредметной связи: Одно тело имеет температуру 200° , а другое – 100° . Через 10 мин остывания этих тел на воздухе с температурой 0° первое тело остыло до температуры 100° , а второе – до 80° . Через сколько минут температуры тел сравняются?

Подводя итог, следует заметить, что раздел математического анализа, такой как дифференциальное исчисление, содержит множество дополнительных тем. Но не при всяком их изучении будет раскрыт прикладной характер темы «Производная функции». Раскрытие последует только тогда, когда будет сконструирована система

задач. Поэтому необходима трансформация содержания дополнительных тем дифференциального исчисления в систему задач, с конкретными структурами: включение проблемных задач с последующим решением через анализ графического представления производной функ-

ции; соподчиненность задач внутри системы с использованием ранее полученных результатов; наличие задач метапредметной направленности; усложнение задач внутри системы.

Библиографический список

1. Алимов Ш.А. Алгебра и начала математического анализа. 10-11 классы. Москва: Просвещение, 2018. 463 с.
2. Ковалева Г.И. Теория и методика обучения математике: конструирование систем задач. Волгоград: Перемена, 2008. 156 с.
3. Колмогоров А.Н. Алгебра и начала математического анализа. 10-11 классы. Москва: Просвещение, 2018. 384 с.
4. Колягин Ю.М. Алгебра и начала математического анализа. 11 класс. Москва: Просвещение, 2018. 384 с.
5. Мордкович А.Г. Алгебра и начала математического анализа. 10 класс. Москва: Мнемозина, 2018. 256 с.
6. Муравин Г.К. Алгебра и начала математического анализа. 11 класс. Москва: Дрофа, 2018. 253 с.
7. Нелин Е.П. Алгебра и начала математического анализа. 11 класс. Москва: Илекса, 2018. 432 с.
8. Никольский С.М. Алгебра и начала математического анализа. 11 класс. Москва: Просвещение, 2018. 464 с.
9. Подходова Н.С. Методика и технология обучения математике. Курс лекций: пособие для вузов. Москва: Дрофа, 2005. 416 с.
10. Шабунин М.И. Математика. Алгебра. Начала математического анализа. Москва: БИНОМ. Лаборатория знаний, 2018. 384 с.

References

1. Alimov SH.A. Algebra and the beginning of mathematical analysis. 10-11. Moscow: Enlightenment, 2018. 463 p.
 2. Kovaleva G.I. Theory and methodology of teaching mathematics: designing systems of tasks. Volgograd: Change, 2008. 156 p.
 3. Kolmogorov A.N. Algebra and the beginning of mathematical analysis. 10-11. Moscow: Enlightenment, 2018. 384 p.
 4. Kolyagin Yu.M. Algebra and the beginning of mathematical analysis. 11. Moscow: Enlightenment, 2018. 384 p.
 5. Mordkovich A.G. Algebra and the beginning of mathematical analysis. Grade 10. Moscow: Mnemozina, 2018. 256 p.
 6. Muravin G.K. Algebra and the beginning of mathematical analysis. 11. Moscow: Drofa, 2018. 253 p.
 7. Nelin E.P. Algebra and the beginning of mathematical analysis. 11. Moscow: Ilex, 2018. 432 p.
 8. Nikolsky S.M. Algebra and the beginning of mathematical analysis. 11. Moscow: Enlightenment, 2018. 464 p.
 9. Podkhodov N.S. Method and practice of teaching mathematics. Course of lectures: manual for universities. Moscow: Bustard, 2005. 416 p.
 10. Shabunin M.I. Mathematics. Algebra. The beginning of mathematical analysis. Moscow: BINOM. Knowledge lab, 2018. 384 p.
-

УДК 378.147.31

UDC 378.147.31

КОВЕШНИКОВА Е.Н.

доктор педагогических наук, профессор, кафедра индустрии моды, Орловский государственный университет имени И.С. Тургенева

E-mail: design_97@mail.ru

КОВЕШНИКОВ П.А.

кандидат педагогических наук, доцент, кафедра «Ландшафтная архитектура», Орловский государственный аграрный университет имени Н.В. Парахина

E-mail: koveshnikov13@yandex.ru

KOVESHNIKOVA E.N.

Doctor of Pedagogical Sciences, Professor, Department of Garment Design, Orel State University

E-mail: design_97@mail.ru

KOVESHNIKOV P.A.

Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor, Department of Landscape Architecture, Orel State Agrarian

University named after N.V. Parakhin

E-mail: koveshnikov13@yandex.ru

К ВОПРОСУ О КУЛЬТУРЕ РУЧНОЙ ГРАФИЧЕСКОЙ ПОДАЧИ ПРОЕКТА В ОБРАЗОВАНИИ БАКАЛАВРОВ ИСКУССТВА КОСТЮМА И ТЕКСТИЛЯ

TO THE QUESTION ABOUT THE CULTURE OF MANUAL GRAPHIC FEEDING OF THE PROJECT IN EDUCATION OF BACHELORS OF ART COSTUME AND TEXTILES

Владение культурой графической подачи эскизных и проектных решений при создании авторских коллекций моделей одежды является необходимым условием профессиональной подготовки бакалавров по направлению подготовки «Искусство костюма и текстиля». Сегодня художники по костюму широко используют компьютерные технологии. Однако компьютер не является средством создания эскизов. Он также не решит задач построения композиции. Задача педагога заключается в том, чтобы сформировать у студента навыки уверенного владения ручной графикой. Это особенно важно на стадии выполнения эскизов коллекции моделей одежды или художественного оформления текстиля.

Ключевые слова: бакалавры, искусство костюма и текстиля, графические навыки

The possession of a culture of graphic presentation of conceptual and design solutions when creating author's collections of clothing models is a prerequisite for the professional training of bachelors in the direction of preparation "The Art of Costume and Textile". Today, costume designers make extensive use of computer technology. However, a computer is not a means of sketching. He also will not solve the problems of building the composition. The teacher's task is to develop the student's skills in self-mastery of manual graphics. This is especially important at the stage of performing sketches of a collection of clothing models or decoration of textiles.

Keywords: bachelors, costume art and textile, graphic skills.

Будучи заведующей кафедрой «Дизайн» Орловского государственного технического университета, я собиралась в поездку в Финляндию в университет дизайна Ветерхофф, на стажировку. С собой я везла подборку студенческих портфолио, курсовых и дипломных проектов, выполненных в оригинальной ручной графике. Я хотела продемонстрировать их финским студентам, которые уже тогда выполняли свои проекты в основном на компьютерах и не совсем уверенно владели ручной графикой. Было это более двадцати лет назад, когда мы графическую подачу делали в основном руками и еще только подбирались к персональной компьютерной технике. Сегодня и у нас профессиональная деятельность художника по костюму немыслимо без использования компьютерных технологий при разработке проектных решений. Владение графическими программами является одним из обязательных условий для бакалавров по направлению подготовки «Искусство костюма и текстиля». Студенты, начиная с первого курса выполнять учебные проекты на компьютере, часто под

художественными качествами проекта понимают исключительно свойства его компьютерной графической подачи. При этом, к сожалению, для них на второй план отходит иные, более значимые, требования, предъявляемые к проекту.

Очень важно различать презентационные качества проекта и грамотность его разработки с точки зрения соответствия композиционным, художественным требованиям и понимать, чему отдавать приоритеты. Сегодня мнение на этот счет расходятся и среди преподавателей.

Очень часто приходится наблюдать как студент, выполняя компьютерную подачу проекта, пытается достичь фотографического эффекта, максимального сходства с некой предполагаемой реальностью. Достижение такого сходства часто выдвигается в качестве обязательного требования со стороны руководителей студенческих проектов. Можно предположить, что преподаватель такое требования выдвигает из желания приблизить студента к тем условиям, которые возможны при работе с реальным заказчиком, когда речь идёт

о проектировании промышленных коллекций моделей одежды.

Когда-то фотографичность в подаче творческих эскизов художников по костюму приравнивалась к так называемому «натурализму» и не только не поощрялась, но и расценивалась как проявление китча. Напротив, приветствовалась определенная изобретательность в подаче творческих эскизов моделей одежды, условность и стилизация. При этом достаточно строго выдерживались требования ГОСТа при выполнении рабочих эскизов коллекций моделей одежды. Условность графической подачи часто диктовалась основной идеей коллекций моделей одежды и была направлена на раскрытие художественно-образного решения. Начиная с первых фор-эскизов в графической подаче и переходя к творческим эскизам с колористическим решением моделей одежды художник по костюму добивался предельной эмоциональной выразительности того образа, который был продиктован источником творчества и вдохновения для его авторской коллекции.

Таким источником творчества могли стать русский народный костюм, архитектура, природа, музыка и т.д.

Эскизы моделей одежды, выполненные по такому принципу, всегда были очень индивидуальны с ярко выраженным авторским подчерком художника. Примером могут служить эскизы выдающегося русского модельера Вячеслава Зайцева.

Сегодня такую подачу можно увидеть лишь на проектах, выполненных в мастерских, где сохранились старые традиции или на художественных выставках, где к костюму относятся как к произведению искусства. За таким отношением к костюму просматривается автор, и даже школа. Так, например, на смотрах-конкурсах дипломных проектов, достаточно легко можно было различить работы московской, омской, санкт-петербургской и других дизайнерских школ, готовящих художников по костюму. У каждой школы был свой подчерк, который основывался на высоком уровне ручной графической подачи проектов. За этим стояла большая работа педагогов по классической подготовке студентов по художественным спецдисциплинам, на изучение которых выделялось достаточное количество времени.

Это был очень концентрированный и насыщенный период обучения, в котором студент параллельно осваивал целый ряд профессиональных навыков, таких как:

- знакомство с элементами пластического языка (линия, пятно, плоскость, объем, пространство, фактура, текстура, цвет);
- освоение материалов и технологией творчества (уголь, соус, сангина, пастель, тушь, краска, коллаж, макет), навыков рукоделия и визуализации размышлений;
- открытие явлений культуры (реализм, авангард, конструктивизм, футуризм, экспрессионизм, минимализм);
- изучение понятий профессии (тектоника, композиция, масштаб, метр, ритм, нюанс, контраст, симметрия, асимметрия и т. д.);
- привитие навыков проектного мышления и

анализа;

- и, наконец, попытки нащупать собственную художественную проблематику и открыть в себе творческое начало.

Таким образом за относительно небольшой период времени студент осуществлял масштабное погружение в изучение таких дисциплин как «Рисунок», «Живопись», «Композиция», «Цветоведение», «История искусств», «История костюма», «Скульптура», «Проектирование».

Причем между этими предметами устанавливалась тесная взаимосвязь, которая преследовала одну цель – сформировать у будущего художника по костюму культуру мышления и культуру графической подачи проектных решений коллекций моделей одежды.

Такой подход к обучению студентов позволяет относиться к костюму как к искусству, а творческие эскизы представлять в экспозициях выставок на ряду с живописью, графикой, декоративно-прикладными изделиями.

Включение в учебный процесс подготовки художника по костюму компьютерных технологий открыли новые возможности овладения профессиональным мастерством. Творческий процесс, поддержанный новейшими методами компьютерного проектирования, значительно облегчает и упрощает работу студентов по созданию авторских проектов.

Однако многие студенты младших курсов, компьютерные технологии пытаются использовать уже в процессе эскизирования, минуя карандашную стадию как таковую.

Это, на наш взгляд, очень опасная тенденция. Здесь, конечно, важна роль преподавателя, который должен объяснить студенту, что компьютер не является средством эскизирования, и не поможет в решении композиционных задач, когда речь идет о грамотном пропорциональном членении форм, о соотношении доминанты и соподчиненных элементов. В этом отношении показательно высказывание Кристофера Дзя: «Если я использую компьютер, чтобы изобразить кривую, которую я провел легким движением грифеля, он, конечно, может это выполнить, но нет ничего более разнящегося, чем эти две линии. Когда я рисую кривую, в нее встроено движение тела. Самые живые и сильные изгибы рисуются не одними только пальцами, но и всем телом, начиная со ступни. Чтобы воспроизвести эту линию, компьютер преобразует мое непрерывное, текучее, развивающееся движение в безжизненный двоичный код» [1, с. 84 – 85].

Приходится наблюдать как студенты на ноутбуках, не располагая достаточными ресурсами мощности, огромное время тратят на выполнение так называемых визуализаций в виде красивых трехмерных картинок. Очень часто в компьютерной подаче проектов студентами используются некие «спецэффекты» в виде всевозможных фоновых подкладок. Такие графические приемы вполне допустимы, наверное, при выполнении рекламных буклетов, когда целью изображения является не содержание проекта, а яркая, привлекательная картинка.

Можно уверенно констатировать, что компьютер сегодня используется студентами как «другой карандаш», т.е., исключительно как средство графической подачи эскизов и проектов.

На наш взгляд бакалавр по направлению подготовки искусства костюма и текстиля в обязательном порядке должен обладать приемами ручной графической подачи на всех стадиях эскизирования при создании коллекций одежды. Для художника по костюму это особенно важно. Очевидно, что первый фор-эскиз, «почеркушку», в которой отражается самая яркая и живая мысль художника при создании модели одежды необходимо зафиксировать в ручной графической подаче. Делается это на небольшом вертикальном формате листа, очень быстро.

Из большого числа фор-эскизов, выбирается один наиболее удачный вариант, из которого в последствии получается творческий эскиз, а затем и готовое изделие. Для того, чтобы студенты, приобрели навыки уверенной работы со средствами ручной графики им предлагаются специальные упражнения на изображение линии, пятна, плоскости, объема, с определёнными задачами выявления средств композиции.

Такой подход не только оправдан, но и необходим им и потому, что сегодня наши студенты не имеют довузовской художественной подготовки. Многие из них не умеют рисовать, и они вынуждены «прятаться» за компьютер, а мы, в свою очередь, просто обязаны привить им культуру ручной графической подачи проектов.

Библиографический список

1. Волков Н.Н. Композиция в живописи. М.: Искусство, 1977. 524 с.
2. Дэй К. Места, где обитает душа (архитектура и среда как лечебное средство) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.glazyshev.ru/books/translations/day/day-06.htm> (Дата обращения 25.09.19)
3. Ковешников П.А. Художественно-проектная компетенция бакалавров дизайна: сущность, структура и содержание // Ученые записки Орловского государственного университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2016. № 1 (70). С. 185 – 190.
4. Суздаев П.К. Основы понимания живописи. М.: Искусство, 1964. 86 с.
5. Яковлев Е.В., Яковлева Н.О. Педагогическая концепция: методологические аспекты построения. М.: ВЛАДОС, 2006. 239 с.

References

1. Volkov N.N. Composition in painting. Moscow, 1977. 524 p.
2. Day C. Places of the Soul (Architecture and the Environmental Design as a Healing Art) [Electronic resource]. – <http://www.glazyshev.ru/books/translations/day/day-06.htm>
3. Koveshnikov P.A. Artistic-design competence of the bachelors of design: essence, structure and content // Scientific notes of Orel state university. 2016. № 1 (70). Pp. 185 – 190.
4. Suzdalev P.K. Basics of understanding painting. Moscow, 1964. 86 p.
5. Yakovlev E.V., Yakovleva N.O. Pedagogical concept: methodological aspects of construction. Moscow, 2006. 239 p.

УДК 796.01

UDC 796.01

КУРАСБЕДИАНИ З.В.

доцент кафедры физического воспитания, Юго-Западный государственный университет

E-mail: tim_077@mail.ru

СОЛОМЧЕНКО М.А.

кандидат педагогических наук, доцент, кафедра теории и методики избранного вида спорта, Орловский государственный университет имени И.С. Тургенева

E-mail: marin69@yandex.ru

KURASBEDIANI Z.V.

Associate Professor of Physical Education, South-West State University

E-mail: tim_077@mail.ru

SOLOMCHENKO M. A.

Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor, Department of Theory and Methodology of the Chosen Sport, Orel State University

E-mail: marin69@yandex.ru

ИССЛЕДОВАНИЕ КУЛЬТУРНЫХ ЦЕННОСТЕЙ ОРИЕНТАЦИЙ У БУДУЩИХ РАБОТНИКОВ ТАМОЖЕННОЙ СЛУЖБЫ В ВУЗЕ

THE STUDY OF CULTURAL VALUES ORIENTATIONS OF FUTURE CUSTOMS OFFICERS IN THE UNIVERSITY

В статье рассказывается исследовании ценностных ориентаций у будущих работников таможенной службы в высшем учебном заведении. Физическая культура является одним из основных предметов у студентов, обучающихся по направлению подготовки «Таможенное дело». Преподаватели кафедры физического воспитания составили определенную программу занятий по дисциплине «Физическая культура», основу которой составили подбор средств и методов физического воспитания для укрепления здоровья, повышение стрессоустойчивости и повышение мотивации к занятиям различными физическими упражнениями. Основные средства, применяемые на занятиях, помогли преподавателям в этом: различные беговые упражнения, приемы борьбы, круговая тренировка, элементы спортивных игр.

Ключевые слова: ценности, культура, средства, физическая культура, студенты, здоровье.

The article describes the study of value orientations of future customs officers in higher education. Physical education is a core subject students enrolled in the specialty "Customs Affairs". Teachers of the Department of physical education have made a certain program of classes in the discipline "Physical culture", the basis of which was the selection of means and methods of physical education to promote health, increase stress resistance and increase motivation to engage in various physical exercises. The main tools used in the classroom, helped teachers in this: a variety of running exercises, wrestling techniques, circular training, elements of sports games.

Keywords: values, culture, means, physical culture, students, health.

Современное общество постоянно меняется, это связано с политическими, социальными, технологическими, инновационными и экономическими изменениями [1, 2, 7]. Понятие «культура», которое включает в себя воспитание, развитие, образование тоже постоянно меняется, так как меняется мировоззрение современной молодежи. Культура, на основании литературных источников, может классифицироваться на несколько видов: материальная культура, физическая культура, художественная культура, духовная культура и др. Если рассматривать молодого человека (студента), то его культура состоит в воспитанности, самореализации и социальном наследовании. В процессе обучения в вузе развивается культура речи, культура тела, культура здорового образа жизни, культура умственного труда, эстетическая культура и др.

Физическая культура является одним из основных предметов у студентов, обучающихся по направлению подготовки «Таможенное дело». Они даже при поступлении сдают творческий экзамен по физической культуре. Физическая культура является частью культуры

человека, включающая совокупность ценностей [3, 5].

Таможенная деятельность предъявляет особые требования к коллективистским и волевым чертам таможенника. Важным условием успешной деятельности таможенника является наличие у него следующих способностей: морально-этические требования; уважение к своей профессии; интерес к таможенному делу; высокий уровень правосознания; умение брать на себя ответственность за принимаемые решения; дисциплинированность, высокая исполнительская дисциплина. Будущий специалист таможенного дела должен иметь высокий образовательно-культурный уровень.

В Юго-Западном государственном университете среди студентов 1 курса, обучающихся по направлению подготовки «Таможенное дело» был проведен социологический опрос, который включал ранжирование видов культуры от значимых к менее значимым.

Результаты опроса показали следующее: на первом месте у студентов – культура материальная, на втором месте – культура духовная, на третьем – культура физическая. Материальные ценности преобладали

у студентов, культура здоровья и физическая культура находились ниже по рейтингу. Многие из опрошенных студентов хотят иметь хорошее материальное обеспечение, так как в современном обществе это зависит от их профессиональной активности и окружения. Тем не менее, не связывают вместе такие понятия, как материальные ценности и здоровье, материальные ценности и хорошую физическую подготовленность. Ведь хорошее здоровье и работоспособность им помогут лучше реализовывать профессиональную деятельность. Многие из студентов считают, что занятия физической культурой и карьерный рост несовместимые понятия. Физическая культура и культура здоровья не входит в понятие активный досуг, который несет пользу.

Следовательно, в образовательной деятельности «потребность в формировании ценностного отношения к здоровому образу жизни в свете современной стратегии образования, несомненно, входит в основную сферу профессиональной подготовки студентов» [1, 2, 5].

Рис. 1. Анализ влияния физической подготовки на будущую профессию у юношей 1 курса.

В начале семестра был проведен анализ влияния физической подготовки на будущую профессию у юношей 1 курса (рис. 1). Тест был адаптирован к студентам по методике В.И. Умнова [8].

По мнению студентов 1 курса физическая подготовка имеет важное значение в:

- «стремление осознать способы своего физического самосовершенствования, проектирует развитие своей личности» (8,68);
- «безопасном поведении в критических ситуациях» (8,68);
- «самостоятельной постановки реалистических целей самосовершенствования и самовоспитания, достижения их в ситуациях помех» (8,68);
- «самоконтроля и произвольной саморегуляции» (8,62).

По данным опроса респондентами (юноши-спортсмены, 2-3 курс) было отмечено, что в первую очередь физическая подготовка позволяет быстро ориентироваться и принимать адекватные решения в неожиданных условиях (средняя оценка значимости данной характеристики составила 8,74 из 10) [6].

Анализ влияния физической подготовки на будущую профессию, девочки, 1 курс представлен на рис. 2.

Рис. 2. Анализ влияния физической подготовки на будущую профессию, девочки, 1 курс.

По данным опроса выявлено, что

- 84,5 % респондентов (девочки, 1 курс) считают, что: «окружающие люди считают изуверенным в себе человеком»; «перед началом работы они привыкли анализировать условия, в которых необходимо будет работать»; «при выполнении любой работы они привыкли оценивать не только ее конечный результат, но и те результаты, которые получаются в процессе работы»;
- 73,4 % респондентов считают, что им часто «не хватает упорства для достижения поставленной цели»;
- 75,2 % отмечают, что им часто «бывает трудно заставить себя сосредоточиться на какой-нибудь задаче или работе»;
- 71,9 % респондентов указали, что перед началом работы они привыкли «анализировать условия, в которых мне необходимо будет работать»; даже «при выполнении ответственной работы им не нужен контроль со стороны»; они «обязательно возвращаются к начатому делу даже тогда, когда их никто не контролирует».

Результаты исследования об отношении к физической культуре и спорту показывают, что студенты, которые постоянно тренируются в спортивных секциях высшего учебного заведения, составляют только 13,2 % от опрошенных студентов. Остальные предпочитают посещать занятия по дисциплине «Физическая культура» и только. На четвертом курсе, где уже не проводятся занятия по дисциплине «Физическая культура», показатель посещения секционных занятий равен 1,3 % от общего количества студентов. Получается, что за период обучения в высшем учебном заведении студенты теряют интерес к спортивным занятиям.

Одной из причин отсутствия мотивации к занятиям физической культурой является принудительная форма, обязательное посещение этих занятий [4].

Преподаватели кафедры физического воспитания Юго-Западного государственного университета составили определенную программу занятий по дисциплине «Физическая культура», надеясь поднять рейтинг важной учебной дисциплины. Основу данной программы подбор средств и методов физического воспитания для укрепления здоровья, повышение стрессоустойчивости и повышение мотивации к занятиям различными физиче-

скими упражнениями. Основные средства, применяемые на занятиях, помогали преподавателям в этом: различные беговые упражнения, приемы борьбы, круговая тренировка, элементы спортивных игр. Для повышения коммуникативных качеств применялись упражнения в группах или парные упражнения. Основным стимулом в занятиях было, что хорошая физическая подготовка является залогом успешности в будущей профессиональной деятельности. Функциональная подготовка составляла основу занятий, так как поддержание высокого уровня хорошей работоспособности для их профессии просто необходимо. В противном случае они не смогут сохранять «высокую функциональную активность в условиях воздействия психотравмирующих факторов и успешно выполнять поставленные задачи» [7].

В конце учебного года был проведен опрос о важности культурных ценностей для будущей профессиональной деятельности будущих работников таможенной службы. Физическая культура и культура здоровья была поставлена на первое место 56,2 % студентами от ко-

личества опрошенных. Многие из них соединяли такие понятия, как физическое и психическое здоровье. Появились высокие оценки в межличностных коммуникациях, многие стали посещать секции по борьбе и спортивным играм. Это все свидетельствует, что предложенная программа занятий по дисциплине «Физическая культура» изменила ценности и стимулы у студентов.

Нужно отметить, что многие из опрошенных не созрели к решению самостоятельных проблем. Недостаток культурных ценностей мешает им предъявлять высокие требования к себе, расширять кругозор и свое мировоззрение. Они находятся в постоянном выборе между ответственностью и сформированным кругозором.

Можно считать программу по дисциплине «Физическая культура», разработанную преподавателями Юго-Западного государственного университета эффективной, так как она помогла изменить культурные ценности у студентов и поднять мотивацию к занятиям физическими упражнениями.

Библиографический список

1. Болдов А.С., Волобуев А.Л., Иващенко Е.Э. Развитие личностного потенциала студента в образовательном процессе физической культуры // Физическое воспитание и детско-юношеский спорт. 2016. №1. С.100- 104
2. Волобуев А.Л., Бакулина Е.Д. Специфика учебно-профессиональной деятельности студента в контексте личностно-ориентированного обучения // Психология и педагогика: методология, теория и практика. Сборник статей Международной научно-практической конференции. (10 ноября 2015 г., г. Челябинск). В 2 ч. Ч.1 Уфа:Аэтерна. 2015. С. 96-98.
3. Заплатина О.А., Смык Ф.Д. Физическая культура специалиста как ценностная категория здорового функционирования организма человека // Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований. 2017. № 1-1. С. 138-142.
4. Курасбедияни З.В. Спорт как фактор формирования ценностных отношений к действительности // Духовная ситуация времени. Россия XXI век. 2014. №2(3). С.7-9
5. Пенченков А.В., Соломченко М.А. Влияние мотивации на формирование положительного отношения к занятиям физической культурой и спортом // Наука и инновации в сфере образования и производства / Сб. научных трудов 2016. Орел: Изд-во ОГУ им. И.С. Тургенева, 2016. С. 89-91.
6. Соломченко М.А. Изучение отношения студентов к занятиям физической культурой и ценностям здоровья // Материалы международной науч.-практ. конференции «Проблема адаптации студентов вузов и колледжей к профессиональной подготовке» Орел: ГОУ ВПО «ОГУ», Полиграф. фирма «Картуш», 2009. С. 112-115.
7. Хайруллова Э.Т., Хасанова Г.Б. Организационно-педагогические условия непрерывного развития морально-психологической устойчивости сотрудников органов внутренних дел // Казанский педагогический журнал. т. 105, выпуск 4, август 2014. С.60-68
8. Умнов В.И. Я и моя работа. Тесты для саморазвития. М.:Издательство: Научная книга, 2017 г. 98 с.

References

1. Boldov A., Volobuev L., Ivashkova E. The Development of the student's personal potential in the educational process of physical education, Physical education and youth sport. 2016. №1. Pp. 100 - 104
2. Volobuev, A. L., Bakulina, E. D. the Specifics of the student's educational and professional activity in the context of personality-oriented learning. Psychology and pedagogy: methodology, theory and practice. Collection of articles of the International scientific-practical conference. (10 November 2015, Chelyabinsk). In 2 hours 1-Ufa: Aeron. 2015. Pp. 96-98.
3. Zaplatina O. A., Smyk, F. D. Physical education specialist as prices NOSTA category healthy functioning of the human body // International journal of applied and fundamental research. 2017. No. 1-1. Pp. 138-142.
4. Kurasbediani Z. V. Sport as a factor of formation of value relations to reality // Spiritual situation of time. Russia XXI century. 2014. No. 2 (3). Pp. 7-9
5. Panchenkov A.V., Solomchenko, M. A. Influence of motivation on the formation of positive attitude to physical culture and sports // Science and innovations in the sphere of education and production / Collection. scientific papers in 2016. Orel: publishing house. I. S. Turgeneva, 2016. Pp. 89-91.
6. Solomchenko M. A. The study of students ' attitude to physical house: Scientific book, 2017 98 p.

КУРДЮМОВ С.С.

государственное профессиональное образовательное учреждение Тульской области «Тульский колледж профессиональных технологий и сервиса», директор
E-mail: tkptis@yandex.ru

KURDYUMOV S.S.

State Professional Educational Institution Tula Region «Tula College of Professional Technology and Service», Director
E-mail: tkptis@yandex.ru

ПРОБЛЕМЫ ДЕМОНСТРАЦИОННОГО ЭКЗАМЕНА КАК ИНСТРУМЕНТА ОПРЕДЕЛЕНИЯ УРОВНЯ ГОТОВНОСТИ К ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

PROBLEMS DEMO-EXAM AS A TOOL TO DETERMINE THE LEVEL OF READINESS FOR PROFESSIONAL ACTIVITIES

В данной статье рассмотрены проблемы внедрения демонстрационного экзамена в структуру подготовки специалистов среднего звена, а также квалифицированных рабочих и служащих в системе среднего профессионального образования.

Ключевые слова: демонстрационный экзамен, Ворлдскиллс Россия, компетенции, профессиональное образование, качество подготовки обучающихся СПО.

The article deals with the problems of introduction of the demonstration exam in the structure of training of middle-level specialists, as well as skilled workers and employees.

Keywords: demonstration exam, WorldSkills Russia, competence, professional education, quality of training of College students, problems.

Проблема совершенствования подготовки специалистов среднего звена, квалифицированных рабочих и служащих в системе среднего профессионального образования является крайне актуальной в контексте новых требований к уровню подготовки выпускников. Решение этой проблемы в Российской Федерации носит системный характер и опирается не только на опыт российских исследователей и практиков, но и активно внедряется опыт других государств в подготовке высококвалифицированных кадров, включая внедрение новых форм и методов подготовки и оценивания результатов обучения.

9 декабря 2016 года прошла встреча Президента Российской Федерации с членами национальной сборной России по профессиональному мастерству. По итогам встречи определен перечень поручений Президента Правительству РФ Пр-2582 от 29.12.2016. Одним из важных пунктов указанных поручений является необходимость внедрения демонстрационного экзамена по стандартам «Ворлдскиллс Россия» в качестве формы государственной итоговой аттестации по образовательным программам среднего профессионального образования. При этом предусматривается, что со временем результаты демонстрационного экзамена по стандартам «Ворлдскиллс Россия» и участия в чемпионатах по профессиональному мастерству по стандартам «Ворлдскиллс» должны быть приравнены к результатам государственной итоговой аттестации [1].

Почему так важно умение продемонстрировать уровень сформированности компетенции в форме демон-

страционного экзамена? Дело в том, что в настоящее время стандарты ФГОС СПО по ТОП-50 определяют требования к результатам освоения программы подготовки квалифицированных рабочих и служащих на основе соответствующих профессиональных стандартов. Следовательно, сформированность профессиональных компетенций выпускников на итоговой аттестации должны быть оценены с максимальным учетом требований работодателя соответствующей профессиональной сферы. Понятно, что, любые теоретические знания создают основу для практических умений. Но есть сферы деятельности, где практические умения и опыт ценятся зачастую выше, нежели теоретические. Так, например, практикующий врач-хирург может иметь отличные познания в области теории, но недостаточный опыт проведения хирургических манипуляций. И это создает качественный разрыв, влияющий на профессиональную успешность. Именно поэтому структура образовательной программы, в немалой степени ориентированная на формирование умений и практического опыта, не менее ценна, а может, и более востребована, чем классическая академическая подготовка.

Демонстрационный экзамен – форма аттестационного испытания при государственной итоговой аттестации или промежуточной аттестации по основным профессиональным образовательным программам среднего профессионального образования или по их части, которое предусматривает моделирование реальных производственных условий для решения практических задач профессиональной деятельности в соответствии

с лучшими мировыми и национальными практиками с учетом базовых принципов [2]:

1. применение единых оценочных материалов и заданий;
2. единые требования к площадкам проведения демонстрационного экзамена;
3. независимая экспертная оценка выполнения заданий;
4. применение единой информационной системы при проведении демонстрационного экзамена;
5. выдача паспорта компетенций (SkillsPassport).

Задание для демонстрационного экзамена – комплексная практическая задача, максимально точно воспроизводящая реальную профессиональную деятельность в режиме реального времени.

ФГОС СПО 4 предполагают подведение итогов обучения в форме демонстрационного экзамена. При этом по профессиям и специальностям ТОП-50 закрепляется модель WorldSkills Russia (WSR), при этом не только оценочные средства разрабатываются экспертами WSR, но и сама процедура оценивания проводится экспертами WorldSkills Russia.

Если отвлечься от требований ФГОС 4, то демэкзамен может быть спланирован учебным заведением за пределами образовательной программы как элемент внешней оценки качества образования (в соответствии со статьей 95 ФЗ «Об образовании в «Российской Федерации»). Эта внешняя оценка формально является добровольной и может проводиться в трех формах: конкурс профессионального мастерства; оценка по методике Ворлдскиллс; сертификация квалификаций.

Внутри образовательной программы демэкзамен также может проводиться в трех формах: промежуточная оценка по дисциплине, практике, МДК (при необходимости); промежуточная аттестация по модулю; государственная итоговая аттестация (собственно требование ФГОС 4).

По специальностям СПО из перечня ТОП-50 государственная итоговая аттестация (ГИА) проводится в форме защиты выпускной квалификационной работы (ВКР), которая выполняется в форме защиты дипломной работы (проекта) и демэкзамена.

По профессиям СПО из перечня ТОП-50 ГИА проводится в форме защиты ВКР только в виде демэкзамена. При этом темой ВКР является тема комплекта оценочной документации по компетенции. Тематика ВКР соответствует тематике одного или нескольких профессиональных модулей, входящих в образовательную программу. Призовые результаты «WorldSkills International» могут быть засчитаны в качестве оценки «отлично» по демэкзамену.

Как было отмечено в пятом базовом принципе проведения демэкзамена, лицам, прошедшим процедуру демэкзамена с применением оценочных материалов Союза «Агентство развития профессиональных сообществ и рабочих кадров «Молодые профессионалы (Ворлдскиллс Россия)», выдается паспорт компетенций или Скиллс паспорт, подтверждающий полученный результат.

В 2019 году демонстрационный экзамен по программам СПО прошел в 59 регионах РФ по 27 компетенциям. 36 учебных заведений провели демонстрационный экзамен по комплектам оценочной документации (КОД) максимальной сложности. Внедрение демонстрационного экзамена как формы итоговой аттестации в полном масштабе планируется, начиная с 2020 года.

В Тульской области в 2019 году работает 25 центров проведения демонстрационного экзамена, организовано и проведено обучение 189 экспертов WSR. Данная работа проводится в тесном взаимодействии с работодателями.

Независимый характер оценки результатов обучения можно назвать одним из основных достоинств проведения ГИА в формате демонстрационного экзамена. Но, на наш взгляд, при проведении демонстрационного экзамена можно выявить ряд проблем, которые носят системный характер.

Первая проблема – недостаточный уровень оснащения учебных заведений современным высокотехнологичным оборудованием. Наличие в ряде случаев необходимого, но не достаточного уровня оснащения, позволяющего лишь приблизить, но не полностью обеспечить оценку конкретной компетенции.

Так, например, по состоянию на 2019 год по компетенции «Поварское дело» в Тульской области существует 2 центра проведения демонстрационного экзамена (**организации, располагающие площадкой для проведения демонстрационного экзамена по стандартам Ворлдскиллс Россия, материально-техническое оснащение которой соответствует требованиям Союза «Ворлдскиллс Россия»**). Следовательно, только 2 учебных заведения способны принять обучающихся для сдачи **демонстрационного экзамена** по данной компетенции. Однако при наличии более 200 выпускников по этой компетенции в 2019 году, количество оснащенных рабочих мест для проведения демэкзамена в данных центрах составляет 10 (по 5 на каждый).

Опыт подготовки и внедрения в Тульской области демонстрационного экзамена позволяет нам выделить ряд проблем, затрудняющих переход на новую форму ГИА.

На наш взгляд, первая проблема связана со слишком высокими темпами перехода на процедуру проведения ГИА в данной форме и недостаточной ее научно-методической разработанностью.

Вторая проблема – недостаточная адаптация конкурсных материалов к реализации ГИА в форме **демонстрационного экзамена**. По мнению ряда исследователей и специалистов-практиков, задания, как правило, лишь воспроизводят задания WorldSkills Russia, при этом отсутствует их адаптация к современным требованиям образовательных программ СПО. При этом может возникнуть несоответствие методического обеспечения подготовки к экзаменам (квалификационным) по профессиональным модулям и к ГИА в форме **демонстрационного экзамена**. Данная проблема усиливается, в том числе, и несоответствием между

компетенциями WorldSkills Russia и действующей номенклатурой квалификаций на рынке труда.

Третья проблема – недостаточный уровень готовности педагогических кадров к реализации новых форм, методов и технологий подготовки обучающихся в системе среднего профессионального образования, ориентированных на новый качественный уровень сформированности практических навыков и компетенций. Фактически, многие педагогические кадры не в полной мере готовы к подготовке конкурентоспособного специалиста по стрессовым сценариям. Третья проблема неразрывно связана с двумя предыдущими.

Четвертая проблема – низкий уровень психологической готовности выпускников к прохождению процедуры ГИА в форме демонстрационного экзамена. Часто даже высокий уровень практического мастерства в сочетании с низкой стрессоустойчивостью не позволяют продемонстрировать высокие результаты.

Можно выделить и пятую проблему. Бизнесу, так сказать, все равно, по какой форме аттестации получен диплом о профессиональном образовании. Смысл квалификации от этого не меняется. Бизнесу трудно объяснить, чем выпускник, обучившийся по ФГОС 4 лучше, чем выпускник по ФГОС 3+. Работодатель зачастую проявляет слабый интерес к проведению независимой

оценки и конкурсов профессионального мастерства. Законодательство РФ не предусматривает наличие льгот работодателям за создание ученических рабочих мест и организацию практического обучения, так, как это делается в некоторых странах [3]. Это создает проблему «технологического отрыва» между ресурсной базой профессиональных учебных заведений и предприятий, которая еще не скоро будет преодолена.

Несмотря на наличие указанных выше проблем, у руководителей колледжей и в сфере управления образованием есть четкое понимание важности качественной подготовки выпускников профессиональных образовательных организаций; качественного подхода к организации обучения с включением в структуру подготовки демонстрационного экзамена.

До 2023 года на ГИА в форме демонстрационного экзамена должны последовательно перейти все студенты, обучающиеся по программам среднего профессионального образования из перечня наиболее востребованных профессий [4]. Для реализации поставленных целей потребуются организация и проведение комплекса научных исследований, направленных на преодоление данных противоречий, проработки проблемы на всех уровнях для принятия научно-обоснованных решений.

Библиографический список

1. Перечень поручений Президента Правительству РФ Пр-2582 от 29.12.2016.
2. Распоряжение Министерства просвещения России от 01.04.2019 № Р-42 «Об утверждении методических рекомендаций о проведении аттестации с использованием механизма демонстрационного экзамена».
3. Олейникова О., Муравьева А. Социальное партнерство в сфере профессионального образования в странах Европейского союза // Высшее образование в России. 2006. № 6. С. 111-120.
4. Портал правительства Тульской области. – Форма доступа: https://tularegion.ru/presscenter/press-release/?ELEMENT_ID=152395 (дата обращения: 19.11.2019).

References

1. List of Presidential instructions to the Government of the Russian Federation PR-2582 of 29.12.2016.
2. The order of the Ministry of education of Russia of 01.04.2019 No. R-42 «About the approval of methodical recommendations about carrying out certification with use of the mechanism of demonstration examination».
3. Oleynikova O., Muravyeva A. Social partnership in the sphere of professional education in the countries of the European Union // Higher education in Russia. 2006. No. 6. Pp. 111-120.
4. Portal of the government of the Tula region. – Form of access: https://tularegion.ru/presscenter/press-release/?ELEMENT_ID=152395 (date accessed: 19.11.2019).

УДК 372.881.1

UDC 372.881.1

ЛЕУШИНА И.В.

доктор педагогических наук, доцент, профессор кафедры иностранных языков, Нижегородский государственный технический университет им. Р.Е. Алексеева

E-mail: leushinaiv@yandex.ru

ЛЕУШИНА Л.И.

кандидат педагогических наук, доцент, доцент кафедры металлургических технологий и оборудования, Нижегородский государственный технический университет им. Р.Е. Алексеева

E-mail: kafmto@mail.ru

САЛТЫКОВА А.А.

старший преподаватель кафедры иностранных языков, Нижегородский государственный технический университет им. Р.Е. Алексеева

E-mail: saltykova111@mail.ru

LEUSHINA I.V.

Doctor of Pedagogy, Associate Professor, Professor of the Department of Foreign Language, Nizhny Novgorod State Technical University named after R.E. Alekseev

E-mail: leushinaiv@yandex.ru

LEUSHINA L.I.

Candidate Engineering, Associate Professor, Associate Professor of Department of Metallurgical Technologies and Equipment, Nizhny Novgorod State Technical University named after R.E. Alekseev

E-mail: kafmto@mail.ru

SALTYKOVA A.A.

Senior Lecturer of the Department of Foreign Language, Nizhny Novgorod State Technical University named after R.E. Alekseev

E-mail: saltykova111@mail.ru

ИНОЯЗЫЧНАЯ ПОДГОТОВКА ВЫПУСКНИКА ТЕХНИЧЕСКОГО ВУЗА В КОНТЕКСТЕ ИДЕОЛОГИИ «ИНДУСТРИЯ 4.0»

FOREIGN LANGUAGE TRAINING OF THE GRADUATE OF TECHNICAL UNIVERSITY IN THE CONTEXT OF IDEOLOGY «INDUSTRY 4.0»

В статье изучается проблема повышения качества образования студентов российских технических вузов, совершенствования организации и методического инструментария подготовки выпускников в контексте их иноязычной подготовки. Авторы проводят ретроспективный анализ постановки и решения вопроса о статусе иноязычной подготовки будущих выпускников, уделяя особое внимание периоду перехода к четвертой промышленной революции на базе стратегической платформы «Индустрия 4.0», оценке ее характеристик и перспектив.

Ключевые слова: иноязычная подготовка, технический вуз, промышленная революция, профессиональная компетенция, образовательная программа.

The article studies the problem of improving the quality of education of students of Russian technical universities, improving the organization and methodological tools of preparing graduates in the context of their foreign language training. The authors conduct a retrospective analysis of the formulation and resolution of the issue of the status of foreign language training for future graduates, paying particular attention to the period of transition to the fourth industrial revolution based on the strategic platform «Industry 4.0», assessing its characteristics and prospects.

Keywords: foreign language training, technical college, industrial revolution, professional competence, educational program.

В последние годы руководством страны ставится задача обеспечения существенного импульса экономике, связанного с переходом промышленности к технологическому укладу, соответствующему современным вызовам и угрозам. На это неоднократно в своих выступлениях делает акцент Президент РФ В.В. Путин. Он обращает внимание на то, что без серьезного скачка, предусматривающего подъем производительности труда, широкое применение цифровых технологий, увеличение доли наукоемкой продукции и укрепление экономической безопасности, отечественная экономика рискует оказаться на обочине мирового развития и отстать от ее признанных лидеров. Для решения этой важной задачи федеральный центр предлагает целый ряд

программ и национальных проектов, а региональные власти – стратегии социально-экономического развития отдельных субъектов федерации.

Как следствие, в России активно проходит внедрение в практику работы предприятий линейки профессиональных стандартов. В русле этого процесса движется и отечественная сфера образования. Так, в мае 2015 года внесены коррективы в текст Федерального закона «Об образовании в Российской Федерации» №273-ФЗ. В частности, часть 7 статьи 11 данного закона теперь изложена в следующей редакции: «7. Формирование требований федеральных государственных образовательных стандартов профессионального образования к результатам освоения основных образовательных про-

грамм профессионального образования в части профессиональной компетенции осуществляется на основе соответствующих профессиональных стандартов (при наличии)». Идет доработка действующих в вузах образовательных стандартов во ФГОС ВО 3++, формируются примерные основные образовательные программы.

Очевидно, поиск путей повышения качества образования студентов технических вузов, совершенствования организации и методического инструментария подготовки выпускников в сложившейся ситуации просто обязан находиться в русле задач, поставленных Президентом и Правительством страны.

Все это дает повод для очередного переосмысления целого пакета острых вопросов, касающихся организационного и методического обеспечения образовательного процесса [5]. Одним из них, по-прежнему не потерявшим своей актуальности, представляется вопрос статуса иноязычной подготовки выпускников технических вузов. Рассмотрим его в историческом срезе.

Еще 30 лет назад, по историческим меркам совсем недавно, наша страна в силу известных причин практически находилась вне беспокойного океана мировой экономики. К тем немногим внешним факторам, которые могли бы повлиять на устойчивость ее развития в относительно спокойных условиях политического равновесия со странами Запада в силу сырьевого характера экспорта, относились лишь цены на энергоносители. В то же время самодостаточность народного хозяйства советского периода во многом означала и самоизоляцию от международного сообщества, а потому низкую востребованность иноязычной компетенции выпускников технических вузов.

Как следствие, характерной чертой схемы иноязычной подготовки выпускника технического вуза того времени было отношение большинства студентов к ней как к некой «ненужной дополнительной нагрузке», требующей ничем не обоснованных временных затрат, просто навязанной сверху и не имеющей сколь-нибудь существенной практической пользы. Действительно, непосредственного общения российских технических специалистов с зарубежными коллегами попросту не было, а информационное взаимодействие, максимум, сводилось лишь к чтению статей в профильных иностранных журналах. В структуре почти каждой уважающей себя организации был информационный отдел или бюро, в штат которого обязательно входили специально подготовленные переводчики. К их услугам при необходимости всегда можно было обратиться. Владение техническим специалистом иноязычной компетенцией в тот временной период было скорее исключением, чем правилом, поэтому, несмотря на отличные и хорошие оценки по иностранному языку, полученные во время учебы в технических вузах, подавляющее большинство их выпускников писали в анкетах в соответствующей графе: «читаю и перевожу со словарем».

Со снятием «железного занавеса» ситуация изменилась. Девяностые годы на фоне спада российской промышленности, науки и техники потребовали от

выпускников вузов прежде всего навыков общения с иностранцами по общекультурной, образовательной и бытовой тематике. В первые десятилетия XXI века, пытаясь избавиться от малопривлекательной роли поставщика своих природных ресурсов развитым странам, который в силу различных причин не в состоянии самостоятельно распорядиться ими с максимальным эффектом для себя, и стараясь вернуть статус одной из ведущих индустриальных держав, Россия активно включилась в процессы глобализации мировой экономики и стала позиционировать себя в контексте общеевропейских и общемировых тенденций развития в таких важнейших его направлениях, как наука и производство, где конкуренция всегда проявлялась особенно жестко.

Эти усилия убедительно показали необходимость иноязычной компетентности выпускников технических вузов и в профессиональной области. По этой причине отношение работодателей к иноязычной подготовке будущих технических специалистов полярно изменилось, что, как следствие, повлекло за собой изменения в содержании и регламенте освоения вузовских образовательных программ. Так, например, к числу приоритетных задач стало относиться освоение выпускниками языка специальности, которое должно было бы обеспечить им комфортное общение с коллегами-иностранцами и легкость работы с иноязычными источниками технической информации. Значительно больше внимания в вузах стали уделять проблемам непрерывности иноязычной подготовки, поиску эффективных методик и организационных форм ее проведения.

Однако промышленное производство не стоит на месте. В этой связи в последние годы во главу угла руководством страны ставится практическая реализация концепции «Индустрия 4.0». Ее появление логически связано с общемировым ходом развития промышленности, как известно, пережившим несколько революций [1; 3].

Первая революция в промышленности случилась в конце XVIII века, когда появление паровых машин предоставило возможности перехода от традиционного ручного труда к машинному. Вторую революцию принято связывать с освоением электрической энергии и внедрением конвейеров в массовое производство продукции. Третья промышленная революция, начавшаяся во второй половине XX столетия, ассоциируется с термином «цифровая», поскольку ее начало определили появление цифровых компьютеров и новых технологий работы с информацией, которые эволюционируют по сей день. Мы живем в период перехода цифровой революции в следующую, четвертую. Многие эксперты полагают, что в основе этого перехода лежит платформа «Индустрия 4.0», дающая ориентир на широкое использование киберфизических систем в различных отраслях промышленности.

Изначально в 2011 году эта платформа представляла собой национальную программу развития промышленности Германии, сформулированную сообществом бизнесменов, политиков и ученых этой отдельно взятой

страны [6; 7; 9]. Постепенно идеологию «Индустрии 4.0» подхватили и другие передовые развитые страны, такие, как США, Китай, Япония, привнеся в нее свою специфику, но сохранив приоритеты, превратив ее в мощный глобальный стратегический план подготовки индустриального скачка, базирующийся на идее получения дополнительного эффекта от сложения перспективных решений в области цифровизации экономики (облачные решения, большие данные, 3D-печать, вопросы кибербезопасности, искусственный интеллект, Интернет вещей) с целым спектром инновационных технологий в ее промышленном секторе, прежде всего связанных с рациональным применением имеющихся материальных, энергетических, трудовых и других ресурсов.

Концептуально «Индустрия 4.0» представляет собой высокотехнологичную стратегию повышения конкурентоспособности промышленности, которая стирает границы между всеми возможными сферами жизни современного человека. При этом ко всем промышленным технологиям, планируемым к реализации на базе «Индустрии 4.0», независимо от отраслевой принадлежности предъявляются требования гибкости, адаптивности, и надежности.

Добиться этого помогает подключение всех компонентов производственных систем (как человека, так и неодушевленных предметов) к глобальной сети Интернет, дающее почву для активного информационного обмена. Уже сейчас известны такие «умные» системы, которые способны к такому обмену без участия человека, но не связанные с производством непосредственно, такие, например, как «умный дом», беспилотный транспорт, системы мониторинга экологической обстановки и потребления отдельных видов ресурсов. По прогнозам аналитиков, количество устройств, подключенных к сети, в самое ближайшее время превысит численность населения Земли, а к 2020 году, составит около 26 миллиардов.

Что же касается промышленного производства, то реализация стратегии «Индустрия 4.0» открывает для него широчайшие возможности. Отдельные машины и технологические установки, входящие в «умные производственные системы», не только приобретут способности полноценного внутреннего общения между собой по единому сетевому протоколу без участия человека, но и самостоятельно решать логистические задачи и взаимодействовать в таком формате с внешними бизнес-системами поставщиков и потребителей. На смену огромному имеющемуся парку промышленного оборудования, которое в отсутствие человека представляет собой не более чем груду металлолома, придет линейка интеллектуальных производственных систем, способных не только самостоятельно анализировать поступающую информацию и разумно вмешиваться в технологические процессы, но и проводить диагностику и оптимизацию самих себя.

Такой, на первый взгляд фантастический, сценарий развития событий в ближайшем будущем сделает

будничным и рутинным решение без участия человека непростых производственных задач выбора и прогнозирования, которые до последнего времени относились к его компетенции. Примерами таких задач могут служить задачи выбора материала, способа получения заготовки или детали и операций, необходимых производственной системе для получения конкретного изделия, прогнозирования эксплуатационного ресурса отдельных компонентов системы. Результаты их решения позволят в свою очередь загрузить необходимой информацией смежные системы – транспортные, сервисные, научно-исследовательские, оценить потенциал поставщиков, запланировать необходимые ремонты, своевременно обратиться за помощью к ученым.

Практика использования киберфизических систем создаст условия для замены централизованного управления производственными процессами децентрализованной моделью сбора, обработки информации и принятия решений. При этом все без исключения участники процесса производства приобретут статус первостепенных, реально влияющих на его конечный результат.

По мнению авторов данной статьи, как результат следует ожидать не только эффекты в виде существенного повышения гибкости производства и индивидуализации продукции, о которых говорят многие исследователи этого вопроса [2; 8; 10], но и дополнительный эффект эмерджентности от сложения компонентов платформы «Индустрия 4.0».

Это подтверждается мнением руководителя немецкого исследовательского центра искусственного интеллекта (DFKI) профессора Вольфганга Вальстера (Prof. Dr. Wolfgang Wahlster): «Киберфизические системы в корне изменят традиционную логику производства, поскольку каждый рабочий объект будет сам определять, какую работу необходимо выполнить... Появление у машин способности понимать определенную ситуацию приведет к абсолютно новому уровню качества в промышленном производстве. Взаимодействие между большим количеством отдельных компонентов позволит вырабатывать решения, которые ранее было невозможно запрограммировать на производственных установках ... существенно повысить производительность и гибкость. Наглядный пример этому – муравейник, где каждое насекомое по отдельности не является особо интеллектуальным, но когда одновременно взаимодействует большое количество муравьев, они могут вырабатывать удивительные решения. Это явление также используется в «Индустрии 4.0» [4].

Прогнозы специалистов таковы, что четвертая индустриальная революция на фоне тотальной автоматизации, цифровизации производства и устойчивой тенденции роста качества и снижения цены продукции в итоге вытеснит человека из этого сектора экономики, ограничив его деятельность функциями стратегического менеджмента и планирования. Тем не менее ведущая роль человека в разработке и дальнейшем совершенствовании производственных систем сохранится.

Вернемся теперь к иноязычной подготовке выпускников технических вузов.

На первый взгляд, все изложенное выше имеет к ней весьма отдаленное отношение. Но это совсем не так.

Во-первых, снижение доли рутинного труда человека в промышленности неизбежно ведет к увеличению его творческой составляющей. Это в свою очередь, предполагает необходимость усиления интеллектуального потенциала технического специалиста, нацеленного в новых условиях на решение нестандартных и стратегических задач постоянно меняющегося производства. По мнению авторов данной статьи, такое усиление должно коррелировать с общим трендом «Индустрии 4.0» на индивидуализацию каждого участника производственного процесса, а следовательно, учитывать особенности каждого студента технического вуза, что попросту невозможно без повышения роли иноязычной составляющей в образовательном процессе.

Во-вторых, практическая реализация концепции «Индустрии 4.0» неизбежно перекроит рынок труда, оставив не у дел представителей таких профессий, где на смену человеку могут встать роботы и компьютеры. Это повлечет за собой для многих технических специалистов необходимость переобучения и приобретения новой квалификации, а в условиях глобализации – и миграции в иноязычную среду. Безусловно, в таких обстоятельствах приобретение каждым конкретным человеком профессиональной иноязычной компетенции становится не только острой необходимостью, но и конкурентным преимуществом на международном рынке труда. Только так можно устранить дисбаланс в международном распределении трудовых ресурсов, возникший как следствие стремления ведущих мировых держав по из-

вестным причинам перенести свое промышленное производство в менее экономически развитые страны.

В-третьих, по мнению абсолютного большинства экспертов последствий реализации «Индустрии 4.0», от выпускника технического вуза среди прочего потребуются обладание широчайшим кругозором, умение вести постоянный мониторинг и критический анализ инновационных решений, проявляя при этом профессионализм. Очевидно, что в этой ситуации, которая предполагает расширение области профессиональной деятельности и активный информационный обмен с иностранными партнерами, иноязычная компетенция приобретает принципиально новую, еще более существенную роль.

Подводя итог сказанному, можно с полным основанием сказать, что в условиях перехода к четвертой промышленной революции иноязычная подготовка выпускников технических вузов выходит в ряд важнейших, активно участвующих в формировании профессиональных компетенций будущих технических специалистов.

Все это, по мнению авторов статьи, убедительно доказывает высокий статус иноязычной подготовки выпускников технических вузов в контексте концепции «Индустрия 4.0» и позволяет заключить, что игнорирование сложившихся реалий неотвратимо и негативно скажется как на профессиональной карьере каждого отдельного выпускника технического вуза, так и на судьбе отечественной промышленности в целом. А это значит, что задача обеспечения такого статуса соответствует современным вызовам и угрозам и лежит в русле обозначенного ранее в данной статье стратегического замысла Президента и Правительства РФ.

Библиографический список

1. Максютин Е.В., Головкин А.В. Неоиндустриализация российской экономики на основе технологий четвертой промышленной революции и развития человеческого капитала // Научно-технические ведомости СПбГПУ. Экономические науки. 2017. Том 10, №1, С. 43-52.
2. Прохазка С. Дополнительное профессиональное образование для повышения профессиональной квалификации // Черные металлы. 2018. №2. С. 79-80.
3. Тарасов И.В. Индустрия 4.0: понятие, концепции, тенденции развития // Стратегии бизнеса. 2018. №5. С. 43-49.
4. Управление производством. URL: <http://www.up-pro.ru/library/opinion/industriya-4.0.html> (дата обращения 01.10.2019)
5. Чучалин А.И. Инженерное образование в эпоху индустриальной революции и цифровой экономики // Высшее образование в России. 2018. Т.27. №10. С. 47-62.
6. Hecht M. Industrie 4,0 – der Dillinger Weg // Stahl und Eisen. 2017. №4. S. 61-69.
7. Lange E. Manufaktur mit Industrie-4,0-Produktion // Giesserei. 2016. №4. S. 86-89.
8. Liebermeister B. Digital ist egal: Mensch bleibt Mensch – Führung entscheidet. – Offenbach: Gabal-Verlag GmbH. 2017. 264 S.
9. Schöllhammer O. Digitale Services noch in den Kinderschuhen // Giesserei. 2017. №11. S. 68-71.
10. Rebmann F. Vom Talent – zum Stärkenmanagement // Stahl und Eisen. 2017. №10. S. 64-67.

References

1. Maksytina E.V., Golovkin A.V. Neo-industrialization of Russian economics on the basis of technologies of the fourth industrial revolution and human capital development // St. Petersburg State Polytechnical University Journal. Economics, 2017. Vol. 10. №1, pp. 43-52.
2. Prohaska S. Additional educational for rising the professional skills // Non-ferrous Metals, 2018. №2. pp. 79-80.
3. Tarasov I.V. Industry 4.0: Concept & development // Business Strategies, 2018. №5, pp. 43-49.
4. Production Management. Avialbe at: <http://www.up-pro.ru/library/opinion/industriya-4.0.html> (accessed 01.10.2019).
5. Chuchalin A.I. Engineering Education in the Epoch of Industrial Revolution and Digital Economy // Higher Education in Russia, 2018. №10, pp. 47-62.
6. Hecht M. Industrie 4,0 – der Dillinger Weg // Stahl und Eisen, 2017. №4. S. 61-69.
7. Lange E. Manufaktur mit Industrie-4,0-Produktion // Giesserei, 2016. №4. S. 86-89.
8. Liebermeister B. Digital ist egal: Mensch bleibt Mensch – Führung entscheidet. Offenbach: Gabal-Verlag GmbH, 2017. 264 S.
9. Schöllhammer O. Digitale Services noch in den Kinderschuhen // Giesserei, 2017. №11. S. 68-71.
10. Rebmann F. Vom Talent – zum Stärkenmanagement // Stahl und Eisen, 2017. №10. S. 64-67.

МИШИНА С.В.

старший преподаватель, кафедра бухгалтерского
учета и аудита, Елецкий государственный университет
им. И. А. Бунина
E-mail: dmkornienko@mail.ru

MISHINA S.V.

Senior Teacher, Department of Accounting and Auditing of
the Accounting and Auditing Department, Bunin Yelets State
University
E-mail: dmkornienko@mail.ru

ФОРМИРОВАНИЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНО ЗНАЧИМЫХ КАЧЕСТВ БУДУЩИХ ЭКОНОМИСТОВ ПОСРЕДСТВОМ СКРЫТОГО КУРРИКУЛУМА

DEVELOPMENT OF PROFESSIONALLY SIGNIFICANT QUALITIES OF FUTURE ECONOMISTS BY MEANS OF THE HIDDEN CURRICULUM

Скрытый куррикулум позволяет на уровне содержания и методики решать дополнительные задачи образования, в частности, усиления образовательной деятельности по формированию профессионально значимых качеств будущих экономистов. Скрытый куррикулум представляет собой некое наложение на образовательную деятельность, формализованную посредством образовательной программы и учебного плана. Скрытый куррикулум позволяет эффективно использовать в высшем образовании ресурс учебной и воспитательной деятельности.

Ключевые слова: высшее образование, профессиональная компетентность, профессионально значимые качества, будущие экономисты, скрытый куррикулум.

The hidden curriculum allows solving additional educational problems at the level of content and methodology, in particular, enhancing educational activities to form professionally significant qualities of future economists. Hidden curriculum is a kind of overlap on educational activity, formalized through an educational program and curriculum. Hidden curriculum makes it possible to effectively use the resource of educational and educational activity in higher education.

Keywords: higher education, professional competence, professionally significant qualities, future economists, hidden curriculum.

Одним из ключевых направлений развития высшего образования является поиск эффективных путей профессиональной подготовки конкурентоспособных специалистов. Однако для современного рынка труда характерны стремительные изменения атласа востребованных профессий и набора компетенций конкурентоспособного специалиста. В частности, отмечается трансформация требований к современному профессионалу в связи с цифровизацией мировой и отечественной экономики.

В данном контексте актуален вопрос подготовки конкурентоспособного специалиста в области так называемых «профессий-пенсионеров», к которым во многих атласах профессий будущего, разработанных в ходе форсайтов Агентства стратегических инициатив, Московской школы управления Сколково «Атлас новых профессий», делового журнала «Инвест-форсайт» и пр., относят профессии в сфере экономики.

В этой орбите противоречивых фактов актуальным является поиск решений двух проблем: чем должен обладать будущий экономист, чтобы быть конкурентоспособным, и как сделать образовательный процесс вуза более эффективным и гибким, чтобы качество высшего образования было релевантным требованиям современ-

ного рынка труда? В разрезе настоящего исследования поиск решений данных проблем был сужен локусом профессионально значимых качеств будущего экономиста как основы его профессиональной компетентности.

Теория профессионально важных / значимых качеств активно вошла в научный тезаурус в 30-х годах XX века. В основу современных теорий профессионально важных / значимых качеств, которые разрабатывались учеными Е.А. Климовым [3], В.Д. Шадриковым [8], положен системный подход. В зарубежной психологии и педагогике также есть аналог теории профессионально значимых качеств, представленный в исследованиях и публикациях аббревиатурой KSAO – Knowledge, Skills, Aptitudes, Other characteristic.

В российской науке используются две дефиниции: профессионально важные качества и профессионально значимые качества личности. Ряд авторов рассматривают данные понятия как синонимичные (Э. Ф. Зеер [2], В.Д. Шадриков [8]). Некоторые авторы дифференцируют понятия «профессионально важные качества» и «профессионально значимые качества».

А.К. Маркова профессионально важные качества определяет как необходимые качества и способности для выполнения профессиональной деятельности.

Например, коммуникабельность является профессионально важным качеством для всех профессий, относящихся к типу «человек – человек». Профессионально значимые качества – это качества и способности, желательные для эффективного выполнения профессиональной деятельности [4].

Другая точка зрения содержится в работах А.А. Деркача, Н.В. Кузьминой. Ученый под профессионально важными качествами понимает качества, определяющие результативность и эффективность профессиональной деятельности, однако профессионально значимые качества позволяют личности эффективно осуществлять профессиональное развитие [1].

В настоящем исследовании мы разделяем точку зрения А.К. Марковой [4], согласно которой понятие «профессионально важные качества личности» объединяет качества, способности и направленности личности, являющиеся базовыми, необходимыми для выполнения конкретного вида профессиональной деятельности. В этом смысле их наличие или отсутствие коррелирует с профессиональной пригодностью. Для описания профессионально важных качеств характерно использование модуса долженствования. Профессионально важные качества обеспечивают результативность профессиональной деятельности, то есть ее выполнимость: результат в заданном качестве будет достигнут.

Под профессионально значимыми качествами будущего экономиста в настоящем исследовании понимается система личностных качеств, профессиональных способностей, установок, способов и видов мышления, являющихся фактором эффективности и успешности в различных видах экономической деятельности.

Анализ структурных компонентов профессионально значимых качеств будущих экономистов с учетом действующих профессионального и образовательного стандартов, а также в контексте требований цифровой экономики, что выражается в усилении значения soft skills, позволил выделить кластеры качеств-отношений, индивидуально-личностных качеств и способностей, специальных качеств и способностей, а также социально-личностных качеств и способностей. В рамках каждого кластера конкретные качества и способности дифференцируются по нормативному и сверхнормативному признакам. Нормативные качества обеспечивают профессиональную деятельность будущего экономиста на достаточном уровне, который соотносится с предписываемыми ему должностными обязанностями. Сверхнормативные качества способствуют успешной и эффективной профессиональной деятельности.

Качества-отношения являются контекстными (или периферийными) профессионально значимыми качествами будущего экономиста. Они включают в себя профессиональную мотивацию, отношение к профессии экономиста (профессиональные ценности), гражданскую позицию индивида.

Индивидуально-личностные качества включают в себя качества психики и личности, которые

характеризуют профессиональную пригодность индивида относительно предмета профессиональной деятельности – в данном случае, экономической. Нормативными индивидуально-личностными качествами будущего экономиста являются эмоциональная уравновешенность, стрессоустойчивость, дисциплинированность, объективность, честность. Сверхнормативные индивидуально-личностные качества обеспечивают профессиональный и карьерный рост будущего экономиста, следовательно, способствуют повышению эффективности его профессиональной деятельности. К данным качествам относятся: гибкость мышления, профессиональная мобильность, способность к самообразованию, саморазвитию.

Специальные способности и качества обусловлены особенностями профессиональной деятельности. В частности, профессия экономиста в первую очередь относится к типу профессий «человек – знаковая система», во вторую очередь – к типу «человек – человек». Специальные способности и качества обусловлены расчетно-экономической, аналитической, учетной, расчетно-финансовой, банковской и страховой видами профессиональной деятельности. Следовательно, основой нормативных специальных способностей и качеств будущего экономиста выступают аналитические способности (умение аналитически мыслить, способность из общего выделять детали и составляющие), синтетические способности (абстрагирование, обобщение), прогностические способности (стратегическое планирование, предвидение дефицитов, проблем и ошибок и пр.). К сверхнормативным специальным способностям и качествам на современном этапе развития экономической сферы в нашей стране следует отнести критическое мышление, проектные навыки и бережливое мышление.

Социально-личностные качества детерминируют основные сферы профессионального взаимодействия будущего экономиста: взаимодействие с клиентами, коллегами, руководством и управление коллективом. В качестве нормативных социально-личностных качеств рассматриваются коммуникативные способности (умение работать в команде, устанавливать эффективные модели межличностного взаимодействия, способность к кооперации) и умения разрешать конфликты. К сверхнормативным социально-личностным качествам относятся навыки командообразования и клиентоориентированность.

На основе анализа трудов И.С. Нечитайло [5], А.А. Полонникова [6], А.Н. Тубельского [7] в качестве релевантного механизма формирования профессионально значимых качеств будущих экономистов на уровне управления содержанием образования был определен скрытый куррикулум.

Понятие куррикула нехарактерно для отечественной педагогической науки в силу достаточно неявных причин. М. Елич, В. Зорич отмечают разноплановость в определении понятия куррикула. Ученые выделили следующие виды куррикула, которые были реализованы или реализуются в западной образовательной

практике: рекомендуемый куррикулум, предписанный (официальный) куррикулум, формальный куррикулум, неформальный куррикулум, открытый куррикулум, интегрированный куррикулум, скрытый куррикулум, национальный куррикулум, школьный куррикулум [9].

Однако особый интерес у российских и зарубежных исследователей был вызван явлением скрытого куррикула. М.К. Смит, соглашаясь в целом с трактовкой куррикула как учебного плана или образовательного стандарта, отмечает социальный контекст, реализующийся через образовательный процесс, в действующем скрытом куррикуле. По его мнению, скрытый куррикул призван через содержание образования и образовательный процесс оказать решительное влияние на мировоззрение, систему ценностей, привычки обучающихся [10].

А.А. Полонников определяет скрытый куррикулум как активный социальный контекст, который накладывается на содержание образования и образовательный процесс. Именно благодаря этим качествам – активности и привлечение социального контекста – скрытый куррикулум может быть мощнейшим механизмом формирования мировоззрения личности [6].

Скрытый куррикулум позволяет на уровне содержания и методики решать дополнительные задачи образования, в частности, усиления образовательной деятельности по формированию профессионально значимых качеств будущих экономистов в разрезе быстроменяющихся требований к профессиональной деятельности специалистов на рынке труда. Скрытый куррикулум представляет собой некое наложение на образовательную деятельность, формализованную посредством образовательной программы и учебного плана. Скрытый куррикулум позволяет использовать в формате высшего образования ресурс учебной и воспитательной деятельности.

В этой связи в настоящем исследовании под скрытым куррикулумом понимается контекстная образовательная технология, функционирование которой основано на погружении обучающихся в активный социальный контекст через систематическое внедрение в содержание образования определенного социально-воспитательного содержания, а также через форсированное использование определенного набора методов и средств организации образовательного процесса.

На инструментальном уровне скрытый куррикулум проектируется на уровне содержания и методики обучения студентов – будущих экономистов. На уровне содержания представляется эффективным формализация скрытого куррикула посредством его разработки на основе существующего учебного плана и содержания учебных дисциплин. Содержание скрытого куррикула как бы наслаивается на формализованное содержание. В то же время, содержание скрытого куррикула может быть также формализовано через его разработку в качестве детализированного учебного плана, в котором конкретно указывается, в рамках какой темы какое содержание должно быть реализовано. Формализация

скрытого куррикула позволяет произвести таксономию его содержания согласно принципам системности и согласованности, избежав тем самым неправомерного перераспределения содержательных блоков. В качестве последних в работе рассматриваются качества-отношения, индивидуально-личностные качества и способности, специальные качества и способности, социально-личностные качества и способности в разрезе их нормативности и сверхнормативности.

Эффективность формирования профессионально значимых качеств будущих экономистов посредством скрытого куррикула проверялась в ходе опытно-экспериментальной работы.

Данная работа была проведена в период 2017-2019 годов на базе института права и экономики ФГБОУ ВО «Елецкий государственный университет им. И. А. Бунина». В эксперименте приняли участие 62 человека (44 студента, 11 преподавателей, 7 работодателей). Опытнo-экспериментальная работа включала в себя констатирующий и формирующий эксперименты. В ходе констатирующего эксперимента был разработан диагностический инструментарий оценки профессионально значимых качеств будущих экономистов, включающий в себя критерии, показатели, уровни, методики диагностики, оценочные шкалы.

Недостаточный уровень сформированности профессионально значимых качеств демонстрируют 38,10% студентов контрольной группы и 21,74% студентов экспериментальной группы, достаточный – 61,90% студентов контрольной группы и 78,26% студентов экспериментальной группы. Сверхдостаточный уровень не обнаруживается ни у кого из студентов обеих групп. Эти данные свидетельствуют об относительно устойчивом влиянии традиционного образовательного процесса на формирование нормативных профессионально значимых качеств, однако вызывает обеспокоенность наличие достаточно высокой доли студентов, имеющих недостаточный уровень сформированности профессионально значимых качеств. Кроме того, отмечается ненаправленность традиционного образовательного процесса на формирование сверхнормативных профессионально значимых качеств.

Формирующий эксперимент предполагал организацию образовательного процесса в контрольной группе традиционным способом, а в образовательный процесс экспериментальной группы был внедрен скрытый куррикулум.

В контексте настоящего исследования были задействованы следующие резервы учебной деятельности студентов: учебные дисциплины «Менеджмент», «Финансы», «Эконометрика», «Маркетинг», «Экономика труда», «Деньги, кредит, банки», «Экономика фирмы», «Бухгалтерский финансовый учет», «Макроэкономическое планирование и прогнозирование», «Налоги и налогообложение», «Комплексный анализ хозяйственной деятельности».

Органичной частью учебной деятельности студентов в рамках скрытого куррикула выступила практика

по получению профессиональных умений и опыта профессиональной деятельности. В частности, с социальными партнерами – предполагаемыми работодателями был согласован план практики, в рамках которого предполагалось частичное выполнение студентами обязанностей помощника руководителя компании. На данном уровне подобная практика позволяет тренировать такие социально-личностные качества, как коммуникативные и управленческие способности, умения разрешать конфликты, уверенность в себе, независимость, лидерские качества. В ходе практик был осуществлен тренинг специальных способностей и качеств: аналитических и синтетических способностей, критического мышления, прогностических способностей.

В разрезе воспитательной деятельности в ходе реализации скрытого куррикула был задействован потенциал кураторских часов, а также просоциальной деятельности студентов. Работа, осуществляемая в ходе кураторских часов, была ориентирована на формирование качеств-отношений и социально-личностных качеств. В частности, в процессе активного применения игровых, тренинговых, а также ситуативных технологий подверглись воздействию профессиональная мотивация, инициативность, мобильность, способность к самообразованию, умения разрешать конфликты, лидерские качества. В рамках кураторских часов были организованы переговорные площадки с представителями экономической профессии, добившихся профессионального успеха. В рамках движений волонтерства и добровольчества, куда активно вовлекались студенты, проводились просоциальные акции: обучение финансовой грамотности пожилого населения, воспитанников детских садов, школьников. Участие студентов в просоциальных акциях способствовало формированию индивидуально-личностных качеств: эмоциональной уравновешенности и стрессоустойчивости, настойчивости, самостоятельности, гибкости, инициативности.

В целом динамика развития профессионально значимых качеств студентов контрольной группы показывает следующее: произошло уменьшение доли студентов с недостаточным уровнем и увеличение доли студентов с достаточным уровнем на 19,05%. Это означает, что традиционный образовательный процесс оказывает несомненное влияние на формирование нормативных профессионально значимых качеств, не затрагивая сверхнормативные качества. Динамика развития профессионально значимых качеств студентов экспериментальной группы подтверждает гипотезу исследования:

разработанная модель и педагогические условия позволяют эффективно формировать не только нормативные, но и сверхнормативные профессионально значимые качества. Динамика профессионально значимых качеств студентов следующая: уменьшение доли студентов, демонстрирующих недостаточный и достаточный уровни, на 8,70% и 17,39% соответственно при увеличении доли студентов со сверхдостаточным уровнем на 26,09%.

Для сравнения результатов итоговой диагностики контрольной и экспериментальной группы применялся *t*-критерий Стьюдента для несвязных выборок. В результате применения данного критерия было установлено, что $t_{\text{эмп}}$ находится в зоне значимости ($t_{\text{кр}}(0,05) < t_{\text{кр}}(0,01) < t_{\text{кр}}(0,001) < t_{\text{эмп}}$ при $t_{\text{эмп}}=3,68$; $t_{\text{кр}}(0,05)=2,13$; $t_{\text{кр}}(0,01)=2,95$; $t_{\text{кр}}(0,001)=3,55$; при $k = 42$), следовательно, гипотеза H_0 о сходстве результатов итоговой диагностики контрольной и экспериментальной групп отклоняется, принимается альтернативная гипотеза H_1 о различии между контрольной и экспериментальной группами. Обнаруженные различия статистически значимы более, чем на 0,1% уровне, что подтверждает основную гипотезу исследования: скрытый куррикул оказывает влияние на формирование профессионально значимых качеств.

Исследование сущности и структуры профессионально значимых качеств будущих экономистов в системе профессиональной подготовки является актуальной задачей реализации компетентного подхода в современном высшем образовании. Профессионально значимые качества будущего экономиста выступают одной из ключевых составляющих качества и эффективности экономической деятельности.

В ходе проведения формирующего эксперимента было установлено, что скрытый куррикул оказывает влияние на формирование профессионально значимых качеств, в то время как традиционный образовательный процесс вуза не оказывает решающего воздействия на формирование профессионально значимых качеств будущих экономистов.

Анализ результатов формирующего эксперимента позволил установить две тенденции: показатели аксиологического и социально-личностного критериев развивались равномерно, среди показателей индивидуально-личностного и профессионально-личностного критериев отмечено интенсивное развитие только тех показателей, которые отражают сверхнормативные качества.

Библиографический список

1. Деркач А. А., Кузьмина Н. В. Акмеология: пути достижения вершин профессионализма. М.: РАУ. 1993. 654 с.
2. Зеер Э. Ф. Развитие профессионального образования. Екатеринбург. 2000. 196 с.
3. Климов Е. А. Введение в психологию труда. М.: Изд-во Московского университета. 1988. 196 с.
4. Маркова А. К. Психология профессионализма. М.: Международный гуманитарный фонд Знание. 1996. 312 с.
5. Нечитайло И. С. Исследование приемов реализации скрытой учебной программы с использованием метода «экспериментальной лекции» // Наукові праці. Соціологія. 2015. Випуск 246. Том 258. С. 31-37.
6. Полонников А. А. «Скрытая программа» как предмет образовательных исследований и практик // Relga. Научно-культурологический журнал. 01.04.2011 №6 (224). URL: <http://www.relga.ru/Environ/Webobjects/tgu-www.woa/wa/Main?textid=2875> (дата обращения: 25.07.2018).
7. Тубельский А. Н. Уклад школьной жизни – скрытое содержание образования // Вопросы образования. 2007. № 4. С. 177-180.

8. *Шадриков В. Д.* Профессиональные способности: монография. М.: Университетская книга. 2010. 328 с.
9. *Јелић М., Зорић В.* Савремене концепције курикулума предшколског васпитања у Црној Гори // Иновације у настави. 2017. XXX. №4. С. 14-34.
10. *Smith M. K.* Curriculum theory and practice // Infed. 1996, 2000. URL: <http://www.infed.org/biblio/b-curric.htm/> (дата обращения: 18.05.2018)

References

1. *Derkach A. A., Kuzmina N. V.* Acmeology: the ways to achieve professional heights. Moscow: RAPA, 1993. 654 p.
 2. *Zeer E. F.* Development of professional education: study guide. Yekaterinburg, 2000. 196 p.
 3. *Klimov E. A.* Introduction to the psychology of labor: a studying guide. Moscow: Moscow University Press, 1988. 196 p.
 4. *Markova A. K.* Psychology of professionalism. Moscow: International Humanitarian Fund Znanie, 1996. 312 p.
 5. *Nechitaylo I. S.* Research methods of implementation of a hidden curriculum through the method of “experimental lecture”. // Scientific Works. Sociology, 2015, № 246, Volume 258, Pp. 31-37.
 6. *Polonnikov A. A.* “Hidden curriculum” as a subject of educational research and practice. // Relga. Scientific and Cultural Journal, 01.04.2011, №6 (224), URL: <http://www.relga.ru/Environ/Webobjects/tgu-www.woa/wa/Main?textid=2875> (Access date: 25.07.2018).
 7. *Tubelsky A. N.* The way of school life — the hidden content of education // Educational issues, 2007, No. 4. Pp. 177-180.
 8. *Shadrikov V. D.* Professional competences: monograph. Moscow: Universitetskaya kniga, 2010. 328 p.
 9. *Jelich M., Zorich V.* Current concept of curriculum in preschool education system in Montenegro // Innovations in Education, 2017, XXX, №4. Pp. 14-34.
 10. *Smith M. K.* Curriculum theory and practice // Infed, 1996, 2000, URL: <http://www.infed.org/biblio/b-curric.htm/> (Access date: 18.05.2018)
-

УДК 378

UDC 378

ПАВЛОВА Т.А.

кандидат технических наук, доцент, ФГКОУ Московское суворовское военное училище Министерства обороны Российской Федерации

E-mail: pavlova-tatyana@mail.ru

УВАРОВА М.Н.

кандидат экономических наук, доцент кафедры «Информационные технологии и математика», Орловский государственный аграрный университет имени Н.В. Парахина

E-mail: uvarovamn@mail.ru

PAVLOVA T.A.

Candidate of Technical Sciences, Associate Professor, FSCI Moscow Suvorov Military School of the Ministry of Defence of the Russian Federation

E-mail: pavlova-tatyana@mail.ru

UVAROVA M.N.

Candidate of Economic Sciences, Associate Professor, Department of Information Technologies and Mathematics, Orel State Agrarian University named after N. In. Parakhina

E-mail: uvarovamn@mail.ru

МОНИТОРИНГ ЗНАНИЙ ПО ДИСЦИПЛИНЕ «МАТЕМАТИКА» ПРИ ПРОВЕДЕНИИ ИНТЕРНЕТ ЭКЗАМЕНА

MONITORING OF KNOWLEDGE ON THE SUBJECT «MATHEMATICS» DURING THE INTERNET EXAM

В статье анализируются результаты проведения интернет-экзамена, проводимого на Едином портале интернет-тестирования в сфере образования. Особое внимание уделено вопросам использования результатов тестирования для оценки качества получаемого образования и формирования компетенций. Проанализированы предлагаемые задания для проведения интернет экзамена, приводятся статистические данные.

Ключевые слова: ФЭПО, интернет-экзамен, качество образования, компетенции, тестирование, дидактическая единица, профессиональная направленность.

The article analyzes the results of the Internet exam conducted on a Single portal of Internet testing in the field of education. Particular attention is paid to the use of test results to assess the quality of education and the formation of competencies. Analyzed the proposed tasks for the Internet exam, provides statistics.

Keywords: FEPO, Internet exam, quality of education, competence, testing, didactic unit, professional orientation.

Современные технологии, которые активно внедряются в учебный процесс дают возможность его корректировки, выявления сильных и слабых сторон в подготовке будущего специалиста. Проверка уровня подготовки проходит не только во время аудиторных занятий, но и может осуществляться самим обучающимся через прохождение различного вида тестов, написания контрольных работ, онлайн-тренажеров. При этом наиболее эффективен тот подход к обучению, который дает максимальный результат. Для достижения этого обучающиеся нашего университета имеют возможность получить всю необходимую информацию по лекционным, практическим и лабораторным занятиям если воспользуются личным кабинетом на Образовательном портале вуза. При этом преподаватель имеет возможность отследить степень усвоения материала анализируя уровень выполнения определенных заданий, предложенных при изучении модулей [5, 6].

На наш взгляд такой методический подход дает возможность мобильно корректировать познавательную деятельность обучающихся, уровень и степень усвоения, проанализировать сильные и слабые стороны изложения материала. Проведение интернет экзамена является составной частью подготовки квалифицированного специалиста, который в будущем должен при-

менить полученные в университете знания в своей практической деятельности. Преимущества этого вида контроля состоит в том, что он достаточно объективен, охватывает не только теоретические вопросы, стандартные практические задачи, но позволяет задуматься над применением полученных знаний при решении задач прикладной направленности. Критерием уровня подготовки служит количество освоенных дидактических единиц.

Процесс подготовки многогранен и начинается уже с первого курса. Вот почему проведение «нулевого контроля» на первом практическом занятии по математике позволяет оценить степень подготовки вчерашний абитуриентов, дать практические рекомендации [1].

Форма контроля – «Интернет экзамен» включает в себя прохождение тестов по трем основным блокам. В первый и второй блок охватывают основные разделы математики изучение которых происходит в первом семестре. К ним можно отнести линейную и векторную алгебру, аналитическую геометрию на плоскости и в пространстве, дифференциальное и интегральное исчисления функции одной переменной. Во втором и третьем семестрах основное внимание уделяется рассмотрению таких тем как числовые и степенные ряды, дифференциальные уравнения, математическая стати-

стика, алгебра событий, основные теоремы сложения и умножения вероятностей, закон больших чисел, вычисление гипотез. Вопросы подобраны таким образом, что ответ на них может быть однозначным (такое задание

отмечено значком) или нужно выбрать несколько вариантов ответа (такие задания отмечены знаком) , или необходимо ввести свой вариант ответа. Авторам были проанализированы типовые задания блоков 1 и 2. (Рис.1)

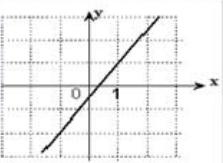
Вопрос	
1	Если $A = \begin{pmatrix} 1 & -3 \\ -2 & 0 \end{pmatrix}$ и $B = \begin{pmatrix} 2 & -1 \\ 1 & 3 \end{pmatrix}$, то матрица $C=A-2B$ имеет вид...
2	Смешанное произведение векторов $\vec{a} = \lambda \vec{i} + \vec{j}$, $\vec{b} = 6\vec{i} + 3\vec{j}$ и $\vec{c} = -3\vec{i} + 2\vec{j} + \vec{k}$ равно 3 при λ равном ...
3	Радиус окружности, заданной уравнением $x^2 + y^2 + 4y + 3 = 0$, равен...
4	График прямой линии, заданной уравнением $Ax + By + C = 0$, имеет вид
	Правильным утверждением является...
5	Определенный интеграл $\int_0^1 x e^x dx$ равен...
6	Из данных дифференциальных уравнений уравнениями Бернулли являются ...
7	Произведение комплексного числа $z = 4 - 3i$ на сопряженное число $\bar{z}$ равно ...
8	Необходимый признак сходимости не выполнен для рядов ...
9	Игральная кость бросается один раз. Тогда вероятность того, что на верхней грани выпадет не менее пяти очков , равна ...
10	Если основная гипотеза имеет вид $H_0: a=9$, то конкурирующей может быть гипотеза...

Рис. 1. Типовые задания Блока 1 и 2.

В третий блок входят кейсовые задания которые носят прикладной характер, отвечая на них нужно ввести или свой вариант ответа или выбрать из предложенных несколько правильных. Примером служат задания 19-21.

В задании 19 необходимо из половины круглого бревна с диаметром $d = 22\sqrt{2}$ см вытесывается балка с прямоугольным поперечным сечением, основание которого равно a и высота b . Оставшаяся часть бревна поступает в отходы. Значение высоты балки b , при котором количество отходов минимально, равно ____ см.

Из центра бревна проведем радиус, тогда по теореме Пифагора

$$R^2 = \left(\frac{a}{2}\right)^2 + b^2, \quad R^2 = \frac{a^2 + 4b^2}{4},$$

$$R = \frac{\sqrt{a^2 + 4b^2}}{2}, \quad (2R)^2 = a^2 + 4b^2$$

Так как $d = 22\sqrt{2}$, то $(22\sqrt{2})^2 = a^2 + 4b^2$.

Выразим из уравнения a . $a = \sqrt{22^2 \cdot 2 - 4b^2}$

Площадь бревна найдем по формуле

$$S = ab. \quad S = b\sqrt{22^2 \cdot 2 - 4b^2}.$$

Для того чтобы количество отходов было минимально надо чтобы площадь сечения бревна была максимальна. Задача свелась к нахождению максимума

функции. Найдем производную

$$S' = \sqrt{22^2 - 4b^2} - \frac{8b^2}{2\sqrt{22^2 \cdot 2 - 4b^2}}$$

Приравняв ее к нулю получим, что $b=11$.

Продолжением этой задачи является нахождение

оптимального значения величины $100 \frac{S_{max}}{S_0}$, где S_{max} – наибольшая возможная площадь поперечного сечения балки, при $a=b$. Учитывая из задачи 19, что $b=11$ имеем

$$a = \sqrt{22^2 \cdot 2 - 4b^2} = \sqrt{22^2 \cdot 2 - 4 \cdot 11^2} = 22$$

$$\text{При этом } S_{max} = b\sqrt{22^2 \cdot 2 - 4b^2} = 11 \cdot 22 = 242$$

Поскольку $a=b$,

$$R^2 = \left(\frac{a}{2}\right)^2 + b^2 = \frac{5}{4}a^2. \quad a^2 = \frac{4}{5}R^2 = 193.6$$

$$S_0 = a^2 = 193. \quad 100 \frac{S_{max}}{S_0} = 100 \frac{242}{193.6} = 125.$$

В задаче 20 необходимо при доходе потребителя, равном $M=4$ у.е., потребление некоторого блага составляет $X=50$ ед. Известно, что скорость изменения спроса по доходу равна

$$\frac{dX}{dM} = \frac{40}{(M+1)^2}$$

Функция спроса по доходу выражается зависимостью. Интегрируя скорость изменения спроса по доходу, получим:

$$X(M) = \int \frac{40}{(M+1)^2} dM = -\frac{40}{M+1} + C$$

Если по условию задачи будет задан объем спроса, например $M=9$, доход потребителя равен 4 у.е., потребление некоторого блага составляет $X=50$ ед. Скорость

изменения спроса по доходу равна $\frac{dX}{dM} = \frac{40}{(M+1)^2}$

$$X(M) = -\frac{40}{M+1} + C = 50, C = 58.$$

$$X(9) = -\frac{40}{9+1} + 58 = 54.$$

По мнению авторов, динамика освоения дисциплины должна быть направлена на поступательное развитие обучения с применением основных математических законов. Развитие способности применения теоретических знаний в прикладных задачах дает возможность более глубокому осмыслению изучаемого предмета, что в дальнейшем поможет в совершенствовании умений и навыков в профессиональной деятельности. (Табл. 1).

По мнению авторов, динамика освоения дисциплины должна быть направлена на поступательное развитие обучения с применением основных математических законов. Развитие способности применения теоретических знаний в прикладных задачах дает возможность более глубокому осмыслению изучаемого предмета, что в дальнейшем поможет в совершенствовании умений и навыков в профессиональной деятельности. (Табл. 1).

Таблица 1.

Результаты интернет экзамена за 2014-2018 г.г.

Уровни обученности (%)	Направление подготовки				
	Агроинженерия				
	2014 г.	2015 г.	2016 г.	2017 г.	2018 г.
первый	-				
второй	23,7	24	12,8	16,7	8,3
третий	76,3	60	43,6	45	52
четвертый	-	16	43,6	38,3	39,7
	Биотехнология				
	2014 г.	2015 г.	2016 г.	2017 г.	2018 г.
	2014 г.	2015 г.	2016 г.	2017 г.	2018 г.
первый		9	5		
второй	15	9	15	16	6
третий	85	82	52	42	35
четвертый			28	42	59
	Экономика				
	2014 г.	2015 г.	2016 г.	2017 г.	2018 г.
	2014 г.	2015 г.	2016 г.	2017 г.	2018 г.
первый		9,7			
второй	22	19,3	20	9	7
третий	52	45,3	40	36,4	38
четвертый	26	25,7	40	54,6	55

По мнению авторов, контрольно-измерительные материалы служат катализатором позволяющим определить компетентность участников обучения. Проведенные исследования являются подтверждением

выдвинутой гипотезы о варьировании уровня обученности [2]. В целом этот показатель достаточно стабилен и достигает 53% для третьего уровня обучения, третья часть участников тестирования достигла четвертого уровня и порядка 14% обучающихся имеют второй уровень при прохождении тестов. (рис.3).

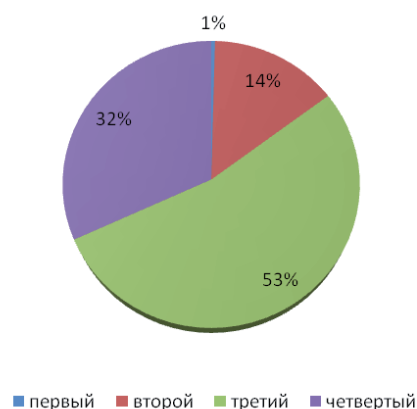

Рис. 2. Уровни обученности за 2014-2018 г.г.

Базовые понятия школьного курса математики служат основой для дальнейшего развития. Так например, тема векторы в дальнейшем широко используется не только в курсе «Физика», но и в «Теоретической механике», с понятием производной функции связаны скорость протекания различных процессов (физических, химических и т.д.). Методы используемые в теории вероятностей нашли свое отражение при статистической обработке полевых опытов, интегральное исчисление позволяет находить площади различного вида фигур от прямолинейных до криволинейных [2, 7].

Интернет экзамен проводится у обучающихся, которые уже закончили изучение дисциплины «Математика». Таким образом осуществляется контроль изученности материала по остаточным знаниям. По мнению авторов, достичь желаемого результата возможно только при контроле каждого этапа обучения, чему будет способствовать планомерное использование тестовых заданий, интернет тренажеров. В связи с этим необходимо корректировать не только рабочую программу, но и методическое обеспечение дисциплины с применением задач прикладной направленности.

Процесс изучения дисциплины «Математика» направлен на формирование таких компетенций по видам деятельности, которые позволяют применять математический аппарат к реальным процессам; использовать аналитические и численные методы решения [3, 4].

Современные технологии во многом способствуют формированию у обучающегося необходимых навыков востребованных в дальнейшем в его будущей профессии. Изучение дисциплины способствует поэтапному формированию необходимых компетенций для получения соответствующих умений и навыков [2]. Максимальный эффект возможен только при взаимодействии всех участников учебного процесса, заинтересованность каждого из них является вектором развития.

Библиографический список

1. Бойко Л.А. Анализ результатов интернет тестирования студентов по математике и теоретической механике. / Л.А. Бойко, Л.С. Ксендзенко.// Труды Дальневосточного государственного технического университета. 2008. №148. С.111-112.
2. Жилина Л.Н. Формирование компетенции при проведении интернет экзамена в аграрном вузе. / Л.Н. Жилина, М.Н. Уварова// В сборнике: Научная библиотека в эпоху перемен. Материалы III научно-практической конференции. 2019. С. 62-67.
3. Камалеева А.Р. Процедура оценки эффективности инновационных технологий по естественно-научным и профессиональным дисциплинам. / А.Р. Камалеева, С.Ю. Грузкова, О.Б. Русскова// Инновации в образовании. 2017. №34. С. 15-28.
4. Кузнецов А.Ю. Онлайн обучение – тенденции и перспективы. / А.Ю. Кузнецов, Е.В. Вершинина//Инновации в образовании. 2018. №4. С. 108-115.
5. Петлина Е.М. Информатизация образования как основной принцип формирования компетенций специалиста. / Е.М. Петлина, С.В. Хатагова.// Инновации в образовании. 2017. №34. С. 124-133.
6. Павлова Т.А. Актуальные проблемы развития и качества образования в высшей школе на примере Орловской области. / Т.А. Павлова, М.Н. Уварова// Инновации в образовании. 2018. №3. С. 42-49.
7. Павлова Т.А. Олимпиада по математике в вузе. / Т.А. Павлова, М.Н. Уварова// Ученые записки Орловского государственного университета. Серия: Естественные, технические и медицинские науки. 2015. №4. С. 67-70.
8. Уварова М.Н. Интернет тестирование как средство подготовки специалиста. / М.Н. Уварова, Т.А. Павлова// Ученые записки Орловского государственного университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2013. №5(55). С.277-280.

References

1. Boyko L.A. Analysis of the results of Internet testing of students in mathematics and theoretical mechanics. / L. A. Boyko, L. S. Ksenzenko.// Proceedings of the far Eastern state technical University. 2008. No. 148. Pp. 111-112.
 2. Zhilina L.N. formation of competence during the in-ternet exam in agricultural University. / L. N. Zhilin, M. N. Uvarova/ / in the collection: Scientific library in the era of change. Materials of the III scientific-practical conference. 2019. Pp. 62-67.
 3. Kamaleeva A.R. the Procedure for evaluating the effectiveness of innovative technologies in natural science and professional disciplines. / A. R. Kamaleeva, S. Y. Hruskova, O. B. Russkova// Innovations in education. 2017. No. 34. Pp. 15-28.
 4. Kuznetsov A.Yu. Online learning-trends and prospects. /A. Yu. Kuznetsov, E. V. Vershinina/ / Innovations in education. 2018. No. 4. Pp. 108-115.
 5. Petlina E.M. Informatization of education as the main principle of formation of competence of a specialist. / E. M. Petlin, S. V. Khatagova.// Innovation sin education. 2017. No. 34. Pp. 124-133.
 6. Pavlova T.A. Actual problems of development and quality of education in higher education on the example of the Orel region. / T. A. Pavlova, M. N. Uvarova/ / Innovations in education. 2018. No. 3. Pp. 42-49.
 7. Pavlova T.A. Olympiad in mathematics at the University. / T. A. Pavlova, M. N. Uvarova/ / Scientific notes of the Orel State University. Series: Natural, technical and medical Sciences. 2015. No. 4. Pp. 67-70.
 8. Uvarova M.N. Internet telefonie as a means of training. / M. N. Uvarova, T. A. Pavlova/ / Scientific notes of the Orel State University. Series: Humanities and social Sciences. 2013. No. 5 (55). Pp. 277-280.
-

УДК 378.016:796.071.4

UDC 378.016:796.071.4

ПРИХОДА И.В.

кандидат медицинских наук, докторант, доцент, кафедра адаптивной физической культуры и физической реабилитации, Луганский национальный университет имени Тараса Шевченко
E-mail: ip-doctor@yandex.ua

PRIKHODA I.V.

Candidate of Medicine, Doctoral Postgraduate, Associate professor Department of Adaptive Physical Culture and Physical Rehabilitation, Lugansk National University named after Taras Shevchenko
E-mail: ip-doctor@yandex.ua

НАУЧНО-МЕТОДИЧЕСКИЙ ПОДХОД К РЕШЕНИЮ АКТУАЛЬНЫХ ПРОБЛЕМ ОРГАНИЗАЦИИ И ПРОВЕДЕНИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ БУДУЩИХ СПЕЦИАЛИСТОВ ПО АДАПТИВНОЙ ФИЗИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЕ

THE SCIENTIFIC AND METHODOLOGICAL APPROACH TO SOLVING ACTUAL PROBLEMS OF ORGANIZATION AND CONDUCT PROFESSIONAL ACTIVITY OF FUTURE SPECIALISTS IN ADAPTIVE PHYSICAL CULTURE

В статье с современных позиций образования, науки и практики исследован, проанализирован и изложен научно-методический подход к решению актуальных проблем организации и проведения профессиональной деятельности будущих специалистов по адаптивной физической культуре, дана его краткая характеристика. Научно-методический подход предполагает алгоритм пошаговых действий, построенный на определенных принципах и требованиях. Использование научно-методического подхода позволяет не только решить актуальные проблемы, но и определить особенности организации и проведения профессиональной деятельности будущих специалистов по адаптивной физической культуре.

Ключевые слова: научно-методический подход, актуальные проблемы, организация и проведение, профессиональная деятельность, будущие специалисты по адаптивной физической культуре.

The article from the modern position of education, science and practice investigated, analyzed and outlines the scientific and methodical approach to solving actual problems of organization and conduct professional activity of future specialists in adaptive physical culture, given a brief description. The scientific and methodical approach assumes the algorithm of step-by-step actions constructed on certain principles and requirements. The use of scientific and methodological approach allows not only to solve urgent problems, but also to determine the features of the organization and conduct of professional activities of future specialists in adaptive physical culture.

Keywords: scientific and methodical approach, actual problems, organization and conduct, professional activity, future specialists in adaptive physical culture.

В современный период перед системой высшего образования Луганской Народной Республики, находящейся на этапе своей сущностной, структурной и содержательной трансформации в реалиях глобализованного общества XXI века, насущной становится проблема такой организации учебно-воспитательного процесса, ключевой доминантой которой является ориентированность на профессиональную подготовку будущих специалистов, компетентных, способных к эффективной работе, профессионально мобильных и конкурентоспособных на рынке труда [6; 9].

В реалиях значительного ухудшения состояния здоровья населения особой остроты приобретают вопросы, связанные с оптимизацией отечественной системы профессиональной подготовки будущих специалистов по адаптивной физической культуре [1; 2]. А учитывая то, что адаптивная физическая культура является новым направлением в учебно-воспитательном, научно-практическом и профессионально-прикладном сегментах системы высшего образования Луганской

Народной Республики (профессиональная подготовка специалистов по этому направлению ведется с 2017 г.), важность вышеуказанных вопросов приобретает первостепенное значение [9].

Нормативно-правовую базу профессиональной подготовки будущих специалистов по адаптивной физической культуре составляют Законы Луганской Народной Республики «Конституция Луганской Народной Республики» (2014) [3], «Об образовании» (2016) [6], «О науке и научно-технической политике» [5] (2018), «Об основах охраны здоровья» (2016) [7], «О физической культуре и спорте» (2019) [8], Государственный образовательный стандарт высшего образования по направлению подготовки 49.03.02 «Физическая культура для лиц с отклонениями в состоянии здоровья (адаптивная физическая культура)» (уровень бакалавриата) (2018) [1], Государственный образовательный стандарт высшего образования по направлению подготовки 49.04.02 «Физическая культура для лиц с отклонениями в состоянии здоровья (адаптивная физическая культу-

ра)» (уровень магистратуры) (2018) [2].

Кроме того, государственная стратегия здоровьесбережения изложена в нормативно-правовых документах, регулирующих развитие сфер физической культуры и спорта, здравоохранения и социального развития в Луганской Народной Республике, в частности в Законе Луганской Народной Республики «О мерах по предупреждению причинения вреда здоровью детей, их физическому, интеллектуальному, психическому, духовному и нравственному развитию» (2018) [4], Программе социально-экономического развития Луганской Народной Республики до 2023 года «Наш выбор» (2018) [10].

Однако говорить исключительно об успехах и достижениях, не замечая трудностей и препятствий, пока рано. К большому сожалению, имеется ряд серьезных проблем, существенно сдерживающих развитие и реализацию здоровьесберегающей государственной стратегии Луганской Народной Республики. Это и несовершенная, находящаяся в процессе становления и развития нормативно-правовая база развивающегося молодого независимого государства, и серьезные социально-экономические трудности затя-

нувшегося периода общественно-политического противостояния и военно-политического конфликта, и значительные сложности адаптации к переходу отечественной системы высшего образования на новые государственные образовательные стандарты, и ощутимый кадровый дефицит различных отраслей народного хозяйства в целом и отрасли образования и науки, физической культуры и спорта в частности...

Все это серьезно ограничивает потенциал здоровьесберегающей государственной стратегии, значительно снижая ее текущую результативность и перспективные возможности.

Вышеуказанные факторы оказывают негативное влияние не только на процесс профессиональной подготовки (о чем мы уже писали ранее) [14], но и на организацию и проведение профессиональной деятельности будущих специалистов по адаптивной физической культуре, вызывая ряд существенных проблем.

Основные проблемы организации и проведения профессиональной деятельности будущих специалистов по адаптивной физической культуре в системе народного хозяйства Луганской Народной Республики, их причины и решения представлены в таблице 1.

Таблица 1.

Проблемы организации и проведения профессиональной деятельности будущих специалистов по адаптивной физической культуре в системе народного хозяйства Луганской Народной Республики, их причины и решения

Проблемы	Причины	Решения
Организация профессиональной деятельности будущих специалистов по адаптивной физической культуре		
Нормативно-правовая	Недостаточный уровень знаний, умений и навыков в области нормативно-правовой деятельности	Повышение уровня знаний, умений и навыков в области нормативно-правовой деятельности
Финансово-экономическая	Недостаточный уровень знаний, умений и навыков в области финансово-экономической деятельности	Повышение уровня знаний, умений и навыков в области финансово-экономической деятельности
Административно-управленческая	Недостаточный уровень знаний, умений и навыков в области административно-управленческой деятельности	Повышение уровня знаний, умений и навыков в области административно-управленческой деятельности
Административно-хозяйственная	Недостаточный уровень знаний, умений и навыков в области административно-хозяйственной деятельности	Повышение уровня знаний, умений и навыков в области административно-хозяйственной деятельности
Контрольно-ревизионная	Недостаточный уровень знаний, умений и навыков в области контрольно-ревизионной деятельности	Повышение уровня знаний, умений и навыков в области контрольно-ревизионной деятельности
Проведение профессиональной деятельности будущих специалистов по адаптивной физической культуре		
Медико-биологическая	Недостаточный уровень знаний, умений и навыков в области медико-биологической деятельности	Повышение уровня знаний, умений и навыков в области медико-биологической деятельности
Физкультурно-спортивная	Недостаточный уровень знаний, умений и навыков в области физкультурно-спортивной деятельности	Повышение уровня знаний, умений и навыков в области физкультурно-спортивной деятельности
Психолого-педагогическая	Недостаточный уровень знаний, умений и навыков в области психолого-педагогической деятельности	Повышение уровня знаний, умений и навыков в области психолого-педагогической деятельности
Научно-исследовательская	Недостаточный уровень знаний, умений и навыков в области научно-исследовательской деятельности	Недостаточный уровень знаний, умений и навыков в области научно-исследовательской деятельности
Социально-гуманитарная	Недостаточный уровень знаний, умений и навыков в области социально-гуманитарной деятельности	Повышение уровня знаний, умений и навыков в области социально-гуманитарной деятельности

Перечисленные проблемы на уровне общества и государства, человека и гражданина в той или иной степени осложняют отрасль физической культуры и спорта в целом и профессиональной деятельности будущих специалистов по адаптивной физической культуре в частности [14].

Мы считаем, что *решения вышеуказанных проблем необходимо осуществлять исключительно на основе научно-методического подхода*, ибо только в таком случае возможно получение максимального результата при минимальных затратах в сложившихся условиях.

По нашему мнению, *научно-методический подход* предполагает теоретико-методологически обоснованный, структурно-содержательно разработанный, понятийно-категориально сформулированный, опытно-экспериментально апробированный, внедренный и предложенный к практической реализации алгоритм пошаговых действий различной количественной (численность, продолжительность, интенсивность, объем и пр.) и качественной (структура, содержание, вид, форма и пр.) характеристик с целью решений тех или иных проблем.

Алгоритм решений актуальных проблем организации и проведения профессиональной деятельности будущих специалистов по адаптивной физической культуре в системе народного хозяйства Луганской Народной Республики представлен в таблице 2.

В основе вышеуказанного алгоритма лежит программа из девяти последовательных, взаимосвязанных и взаимообусловленных шагов. Подобная последовательность (от первого до девятого шага) запрограммированного движения (от начального к конечному, от простого к сложному, от низшего к высшему) является не только теоретической основой, но и главным условием практической реализации научно-методического подхода.

Первый шаг состоит в проведении диагностики проблемы. После установления факта наличия проблемы, определения степени сложности проблемы, выявления причин и механизмов развития проблемы происходит *второй шаг*, заключающийся в определении путей и механизмов решения проблемы. Для этого необходим выбор методов и средств решения проблемы (*третий*

шаг) и подбор методик и технологий решения проблемы (*четвертый шаг*). *Пятый шаг* включает непосредственно осуществление процесса решения проблемы. *Шестой шаг* состоит в получении результата (полной или частичной ликвидации проблемы). *Седьмой шаг* заключается в предупреждении осложнений проблемы (третичная профилактика). *Восьмой шаг* (предупреждение рецидива проблемы, так называемая вторичная профилактика) и *девятый шаг* (предупреждение возникновения проблемы, именуемое первичной профилактикой) завершают алгоритм решений актуальных проблем организации и проведения профессиональной деятельности будущих специалистов по адаптивной физической культуре.

Мы полагаем, что использование в основе научно-методического подхода вышеуказанного алгоритма позволит не только *результативно решить* актуальные проблемы организации и проведения профессиональной деятельности будущих специалистов по адаптивной физической культуре в системе народного хозяйства Луганской Народной Республики, но и *всесторонне предупредить* их.

В этой связи, проведя условную аналогию между медициной и педагогикой (что вполне оправдано в контексте профессиональной подготовки будущих специалистов по адаптивной физической культуре, ибо она органично сочетает в себе знания обеих наук), и, вспомнив пророческое высказывание выдающегося отечественного врача, педагога и просветителя Н.И. Пирогова («будущее принадлежит медицине предупредительной»), можно предположить, что будущее будет принадлежать и предупредительной педагогике.

Предлагаемый нами научно-методический подход строится на определенных *принципах* и *требованиях*, неукоснительное соблюдение и выполнение которых обеспечивает получение необходимого результата.

Принципы научно-методического подхода: 1. Обоснованность. 2. Системность. 3. Комплексность. 4. Целостность. 5. Постоянность. 6. Непрерывность. 7. Этапность. 8. Преемственность. 9. Нацеленность на результат.

Требования к научно-методическому подходу: 1. Эффективность. 2. Безопасность. 3. Простота.

Таблица 2.

Алгоритм решений актуальных проблем организации и проведения профессиональной деятельности будущих специалистов по адаптивной физической культуре в системе народного хозяйства Луганской Народной Республики

Шаги	Действия
1	Проведение диагностики проблемы (установление факта наличия проблемы, определение степени сложности проблемы, выявление причин и механизмов развития проблемы)
2	Определение путей и механизмов решения проблемы
3	Выбор методов и средств решения проблемы
4	Подбор методик и технологий решения проблемы
5	Осуществление процесса решения проблемы
6	Получение результата (полная или частичная ликвидация проблемы)
7	Предупреждение осложнений проблемы (третичная профилактика)
8	Предупреждение рецидива проблемы (вторичная профилактика)
9	Предупреждение возникновения проблемы (первичная профилактика)

4. Понятность. 5. Доступность. 6. Технологичность.
 7. Инновационность. 8. Прогнозируемость.
 9. Контролируемость.

Использование вышеуказанного научно-методического подхода позволяет не только решить актуальные проблемы, но и определить важные особенности организации и проведения профессиональной деятельности будущих специалистов по адаптивной физической культуре.

Основные особенности организации и проведения профессиональной деятельности будущих специалистов по адаптивной физической культуре в системе народного хозяйства Луганской Народной Республики представлены в таблице 3.

Так квалификации «бакалавр по направлению подготовки 49.03.02 Физическая культура для лиц с отклонениями в состоянии здоровья (адаптивная физическая культура)» (квалификация согласно ГОС ВО ЛНР) соответствует профессия «инструктор-методист по адаптивной физической культуре» (профессия согласно ПС ЛНР), а составляющими профессиональной деятельности являются: *специалист, психолог и педагог*.

А квалификации «магистр по направлению подготовки 49.04.02 Физическая культура для лиц с отклонениями в состоянии здоровья (адаптивная физическая культура)» (квалификация согласно ГОС ВО ЛНР) соответствует профессия «тренер-преподаватель по адаптивной физической культуре» (профессия согласно ПС ЛНР), а составляющими профессиональной деятельности являются: *управленец, специалист, психолог, педагог и исследователь*.

Таким образом, существующие в Луганской Народной Республике проблемы на уровне общества и государства, человека и гражданина в той или иной степени осложняют отрасль физической культуры и спорта в целом и профессиональной деятельности будущих специалистов по адаптивной физической культуре в частности. Решения актуальных проблем организации и проведения профессиональной деятельности будущих специалистов по адаптивной физической культуре необходимо осуществлять на основе научно-методического подхода. Научно-методический подход предполагает теоретико-методологически обоснованный, структурно-содержательно разработанный, понятийно-категориально сформулированный, опытно-экспериментально апробированный, внедренный и предложенный к практической реализации алгоритм поэтапных действий, построенный на определенных принципах и требованиях. Конечным итогом применения алгоритма является получение результата (в виде полной или частичной ликвидации проблемы), а также предупреждение осложнений проблемы (третичная профилактика), рецидива проблемы (вторичная профилактика) и возникновения проблемы (первичная профилактика).

Использование вышеуказанного научно-методического подхода позволяет не только решить актуальные проблемы, но и определить особенности организации и проведения профессиональной деятельности будущих специалистов по адаптивной физической культуре.

Таблица 3.

Особенности организации и проведения профессиональной деятельности будущих специалистов по адаптивной физической культуре в системе народного хозяйства Луганской Народной Республики

Особенности организации и проведения профессиональной деятельности будущих специалистов по адаптивной физической культуре (уровень бакалавриата)					
Квалификация согласно ГОС ВО ЛНР	Бакалавр по направлению подготовки 49.03.02 «Физическая культура для лиц с отклонениями в состоянии здоровья (адаптивная физическая культура)»				
Профессия согласно ПС ЛНР	Инструктор-методист по адаптивной физической культуре				
Составляющие профессиональной деятельности	Специалист	Психолог		Педагог	
Особенности организации и проведения профессиональной деятельности будущих специалистов по адаптивной физической культуре (уровень магистратуры)					
Квалификация согласно ГОС ВО ЛНР	Магистр по направлению подготовки 49.03.02 «Физическая культура для лиц с отклонениями в состоянии здоровья (адаптивная физическая культура)»				
Профессия согласно ПС ЛНР	Тренер-преподаватель по адаптивной физической культуре				
Составляющие профессиональной деятельности	Управленец	Специалист	Психолог	Педагог	Исследователь

Примечание: ГОС ВО ЛНР – Государственный образовательный стандарт высшего образования Луганской Народной Республики, ПС ЛНР – Профессиональный стандарт Луганской Народной Республики

Библиографический список

1. Государственный образовательный стандарт высшего образования по направлению подготовки 49.03.02 «Физическая культура для лиц с отклонениями в состоянии здоровья (адаптивная физическая культура)» (уровень бакалавриата) (утвержден Приказом Министерства образования и науки Луганской Народной Республики от 17.07.2018 № 693-од) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: [https://cloud.mail.ru/public/MVET/EY2x1QnLT/49.03.02%20ФИЗИЧЕСКАЯ%20КУЛЬТУРА%20ДЛЯ%20ЛИЦ%20С%20ОТКЛОНЕНИЯМИ%20В%20СОСТОЯНИИ%20ЗДОРОВЬЯ%20\(АДАПТИВНАЯ%20ФИЗИЧЕСКАЯ%20КУЛЬТУРА\).pdf](https://cloud.mail.ru/public/MVET/EY2x1QnLT/49.03.02%20ФИЗИЧЕСКАЯ%20КУЛЬТУРА%20ДЛЯ%20ЛИЦ%20С%20ОТКЛОНЕНИЯМИ%20В%20СОСТОЯНИИ%20ЗДОРОВЬЯ%20(АДАПТИВНАЯ%20ФИЗИЧЕСКАЯ%20КУЛЬТУРА).pdf).
2. Государственный образовательный стандарт высшего образования по направлению подготовки 49.04.02 «Физическая культура для лиц с отклонениями в состоянии здоровья (адаптивная физическая культура)» (уровень магистратуры) (утвержден Приказом Министерства образования и науки Луганской Народной Республики от 17.07.2018 № 693-од) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: [https://cloud.mail.ru/public/MVET/EY2x1QnLT/49.04.02%20ФИЗИЧЕСКАЯ%20КУЛЬТУРА%20ДЛЯ%20ЛИЦ%20С%20ОТКЛОНЕНИЯМИ%20В%20СОСТОЯНИИ%20ЗДОРОВЬЯ%20\(АДАПТИВНАЯ%20ФИЗИЧЕСКАЯ%20КУЛЬТУРА\).pdf](https://cloud.mail.ru/public/MVET/EY2x1QnLT/49.04.02%20ФИЗИЧЕСКАЯ%20КУЛЬТУРА%20ДЛЯ%20ЛИЦ%20С%20ОТКЛОНЕНИЯМИ%20В%20СОСТОЯНИИ%20ЗДОРОВЬЯ%20(АДАПТИВНАЯ%20ФИЗИЧЕСКАЯ%20КУЛЬТУРА).pdf).
3. Закон Луганской Народной Республики «Конституция Луганской Народной Республики» от 18.05.2014 № 1-I (с изменениями, внесенными законами Луганской Народной Республики от 24.09.2014 № 22-I, от 03.12.2014 № 1-II, от 03.03.2015 № 11-II, от 25.11.2017 № 195-II, от 02.02.2018 № 212-II, от 06.09.2018 № 263-II) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://nslnr.ru/zakonodatelstvo/normativno-pravovaya-baza/591/>.
4. Закон Луганской Народной Республики «О мерах по предупреждению причинения вреда здоровью детей, их физическому, интеллектуальному, психическому, духовному и нравственному развитию» от 06.12.2018 № 11-III [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://nslnr.ru/zakonodatelstvo/normativno-pravovaya-baza/7531/>.
5. Закон Луганской Народной Республики «О науке и государственной научно-технической политике» от 05.05.2018 № 226-II [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://nslnr.ru/zakonodatelstvo/normativno-pravovaya-baza/6202/>.
6. Закон Луганской Народной Республики «Об образовании» от 30.09.2016 № 128-II (с изменениями, внесенными законами Луганской Народной Республики от 10.11.2017 № 193-II, от 14.03.2018 № 214-II) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://nslnr.ru/zakonodatelstvo/normativno-pravovaya-baza/3606/>.
7. Закон Луганской Народной Республики «Об основах охраны здоровья» от 15.09.2016 № 300-ПЗ/16 [Электронный ресурс]. – Режим доступа <https://nslnr.ru/zakonodatelnaia-deyatelnost/zakonoproekty/3510/>.
8. Закон Луганской Народной Республики «О физической культуре и спорте» от 21.02.2019 № 24-III [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://nslnr.ru/zakonodatelstvo/normativno-pravovaya-baza/8107/>.
9. Прихода И.В. Актуальные проблемы профессиональной подготовки будущих специалистов по адаптивной физической культуре в системе высшего образования: вопросы и задачи, ответы и решения // Образование Луганщины: теория и практика. 2018. № 6. С. 19-25.
10. Программа социально-экономического развития Луганской Народной Республики до 2023 года «Наш выбор» от 12.05.2018 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://gtrklnr.com/2018/05/12/nash-vybor-leonid-pasechnik-predstavil-pyatiletnyuyu-programmu-razvitiya-lnr/>.

References

1. State educational standard of higher education in the field of training 49.03.02 “Physical culture for persons with disabilities in health (adaptive physical culture)” (bachelor level) (approved by the Order of the Ministry of education and science of the Luhansk people’s Republic of 17.07.2018 № 693-od) [Electronic resource]. – Mode of access: [https://cloud.mail.ru/public/MVET/EY2x1QnLT/49.03.02%20ФИЗИЧЕСКАЯ%20КУЛЬТУРА%20ДЛЯ%20ЛИЦ%20С%20ОТКЛОНЕНИЯМИ%20В%20СОСТОЯНИИ%20ЗДОРОВЬЯ%20\(АДАПТИВНАЯ%20ФИЗИЧЕСКАЯ%20КУЛЬТУРА\).pdf](https://cloud.mail.ru/public/MVET/EY2x1QnLT/49.03.02%20ФИЗИЧЕСКАЯ%20КУЛЬТУРА%20ДЛЯ%20ЛИЦ%20С%20ОТКЛОНЕНИЯМИ%20В%20СОСТОЯНИИ%20ЗДОРОВЬЯ%20(АДАПТИВНАЯ%20ФИЗИЧЕСКАЯ%20КУЛЬТУРА).pdf).
2. State educational standard of higher education in the field of training 49.04.02 “Physical culture for persons with disabilities in health (adaptive physical culture)” (master’s level) (approved by the Order of the Ministry of education and science of the Luhansk people’s Republic of 17.07.2018 № 693-od) [Electronic resource]. – Mode of access: [https://cloud.mail.ru/public/MVET/EY2x1QnLT/49.04.02%20ФИЗИЧЕСКАЯ%20КУЛЬТУРА%20ДЛЯ%20ЛИЦ%20С%20ОТКЛОНЕНИЯМИ%20В%20СОСТОЯНИИ%20ЗДОРОВЬЯ%20\(АДАПТИВНАЯ%20ФИЗИЧЕСКАЯ%20КУЛЬТУРА\).pdf](https://cloud.mail.ru/public/MVET/EY2x1QnLT/49.04.02%20ФИЗИЧЕСКАЯ%20КУЛЬТУРА%20ДЛЯ%20ЛИЦ%20С%20ОТКЛОНЕНИЯМИ%20В%20СОСТОЯНИИ%20ЗДОРОВЬЯ%20(АДАПТИВНАЯ%20ФИЗИЧЕСКАЯ%20КУЛЬТУРА).pdf).
3. The law of the people’s Republic of Lugansk “The Constitution of the people’s Republic of Lugansk”, from 18.05.2014 No. 1-I (as amended by the laws of the people’s Republic of Lugansk from 24.09.2014 № 22-I, from 03.12.2014 No. 1-II 03.03.2015 No. 11-II, from 25.11.2017 No. 195-II, from 02.02.2018 No. 212-II, from 06.09.2018 No. 263-II) [Electronic resource]. – Mode of access: <https://nslnr.ru/zakonodatelstvo/normativno-pravovaya-baza/591/>.
4. Law of the Luhansk people’s Republic “On measures to prevent harm to the health of children, their physical, intellectual, mental, spiritual and moral development” of 06.12.2018 № 11-III [Electronic resource]. – Mode of access: <https://nslnr.ru/zakonodatelstvo/normativno-pravovaya-baza/7531/>.
5. Law of the Luhansk people’s Republic “On science and state scientific and technical policy” dated 05.05.2018 No. 226-II [Electronic resource]. – Mode of access: <https://nslnr.ru/zakonodatelstvo/normativno-pravovaya-baza/6202/>.
6. Law of the Luhansk people’s Republic “On education” dated 30.09.2016 No. 128-II (as amended by laws of the Luhansk people’s Republic dated 10.11.2017 No. 193-II, dated 14.03.2018 No. 214-II) [Electronic resource]. – Mode of access: <https://nslnr.ru/zakonodatelstvo/normativno-pravovaya-baza/3606/>.
7. The law of the people’s Republic of Luhansk “On the basis of health protection” from 15.09.2016 No. 300-PZ/16 [Electronic resource]. – Access mode <https://nslnr.ru/zakonodatelnaia-deyatelnost/zakonoproekty/3510/>.
8. Law of the Luhansk people’s Republic “On physical culture and sport” dated 21.02.2009 № 24-III [Electronic resource]. – Mode of access: <https://nslnr.ru/zakonodatelstvo/normativno-pravovaya-baza/8107/>.
9. Prikhoda I.V. Actual problems of professional training of future specialists in adaptive physical culture in the system of higher education: questions and problems, answers and solutions // Formation of Luhansk region: theory and practice. 2018. No 6. P. 19-25.
10. Program of socio-economic development of the Luhansk people’s Republic until 2023 “Our choice” from 12.05.2018 [Electronic resource]. – Mode of access: <https://gtrklnr.com/2018/05/12/nash-vybor-leonid-pasechnik-predstavil-pyatiletnyuyu-programmu-razvitiya-lnr/>.

УДК 371.38

UDC 371.38

РЕВЕКО Л.С.

кандидат филологических наук, доцент, кафедра иностранных языков, Брянский государственный технический университет.
E-mail: kafinyaz1@mail.ru

REVEKO L.S.

Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Department of Foreign Languages, Bryansk State Technical University
E-mail: kafinyaz1@mail.ru

ТЕКСТ СМИ КАК СРЕДСТВО ОВЛАДЕНИЯ МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОМПЕТЕНЦИЕЙ (НА МАТЕРИАЛЕ НЕМЕЦКОЙ ПРЕССЫ)

MEDIA TEXT AS A MEANS OF MASTERING INTERCULTURAL COMPETENCE (BASED ON THE GERMAN PRESS)

Рассмотрены вопросы приобретения иноязычных знаний на основе печатных материалов социокультурного аспекта. Приведены примеры практической работы с газетно-журнальным текстом с целью овладения межкультурной коммуникацией.

Ключевые слова: социальный контекст, информационный текст, социокультурный потенциал.

The issues of acquiring foreign language knowledge based on printed materials of the socio-cultural aspect are considered. Examples of practical work with newspaper and magazine texts with the aim of mastering intercultural communication are given.

Keywords: social context, informational text, socio-cultural potential.

Одной из стратегических целей обучения являются в настоящее время развитие и освоение межкультурной компетенции. В этой связи следует развивать у обучаемых взаимопонимание в межнациональных контекстах, шире прививать нормы вербального и невербального поведения в иноязычной культуре, а также воспитывать толерантность к инакомыслию у представителей другой культуры.

Межкультурные компетенции предполагают высокий уровень владения межкультурной коммуникацией. Язык воспринимается при этом как зеркальное отражение действительности в сознании определенного языкового и культурного сообщества. Обучение иностранному языку лишь в том случае достигает желаемой цели, если оно осуществляется в тесной взаимосвязи с многочисленными печатными, аудиовизуальными и иными материалами об обществе и если обучаемые получают полную информацию о жизни представителей других культур и о политических, экономических и культурных особенностях и развитии другого народа. Только таким образом можно вызвать и углубить интерес к изучению незнакомого языка и культуры.

Иноязычные знания приобретают лишь тогда особое значение, когда они тесно взаимосвязаны с культурными знаниями, знаниями ценностей, норм, правил поведения представителей и стереотипов носителей языка.

Важным моментом в освоении данной межкультурной компетенции является тесная взаимосвязь в преподавании языка и культуры.

Проблеме обучения языку в тесной связи с культурой уделяется в последнее время большое внимание.

Так, К. Крамш формирует свое отношение к данному вопросу следующим образом: "language teaching is still operating on a relatively narrow conception of both language and culture. Language continues to be taught as a fixed System of formal structures and universal speech functions, a neutral conduit for the transmission of cultural knowledge. Culture is incorporated only to the extent that it reinforces and enriches, not that it puts in question, traditional boundaries of self and other. In practice, teachers teach language and culture, or culture in language, but not language as culture." [1, с. 6].

Ряд лингвистов (Г. Чилл, Г. Мэйн), аргументируя свою позицию о взаимосвязи языка и культуры, считают, что язык не может быть нейтральным: языковыми средствами выражаются и передаются мнения, ценности и отношения любого культурного сообщества. Эти мнения и ценности имеют большое значение для понимания текста: "understanding a text can depend not simply on knowledge a word or sentence meaning, but also, crucially, on cultural frames of reference and meaning." [2, с. 155]

Таким образом, во время анализа текста обсуждаются не только языковые единицы, но и учитывается их роль в построении текста, а также отношения, устанавливаемые между структурами текста и социальным контекстом, в котором они функционируют.

Данный факт выявляет необходимость анализа языка с одной стороны на уровне текста с целью понять культурные и идеологические значения, с другой стороны на уровне слова и предложения, где можно исследовать формы выражения этих значений.

Доминантными средствами освоения межкуль-

турной коммуникации нам представляются газетно-журнальные информационные тексты, поскольку их многие структуры наиболее значимы относительно раскодировки социальных ценностей. Характерной особенностью таких текстов является номинализация, употребление пассивных и активных конструкций, а также лексическая структура текста, включающая клише и фразеологизмы, скрытые цитаты, модные слова, иронию и т.д. Аутентичность текстов, широкий круг затрагиваемых тем и актуальная информация являются мотивирующими факторами в усвоении иностранного языка и способствуют расширению страноведческого кругозора обучаемых.

При анализе такого рода текстов следует принципиально учитывать то, что нет устойчивых корреляций между структурами языка и их функциональными значениями. Поэтому многие языковые структуры будут понятны лишь только с привлечением внеязыковых и контекстуальных факторов. Читатели должны таким образом при анализе газетно-журнальных текстов иметь обширные фоновые знания о политической ситуации в стране, о деталях происходящих событий, а также политических ориентирах того или иного средства массовой информации.

Следует предположить, что у неосведомленных в описываемой ситуации читателей появятся неясности, которые побудят к дальнейшему критичному изучению и осмыслению, что в свою очередь будет способствовать развитию межкультурной компетенции.

Несмотря на эти ограничения значительная роль в понимании текста принадлежит языковому анализу (как семантико-грамматическому, так и лексическому). Лексическую структуру текста составляют отдельные слова или фрагменты предложений, которые можно назвать ключевыми словами. Под ключевыми словами здесь следует понимать те элементы структуры текста, которые содержат основную информацию и, соответственно, необходимы для понимания текста.

Так, работая с обучаемыми над статьей из журнала «Шпигель» “In Deutschland rumort es“, представляющей интервью с руководителем института Рейнгольда в Кёльне, необходимо учитывать, что все новости будут располагаться по принципу убывания важности, как это принято в подобных типах текстов. Эта особенность такого рода текстового материала состоит в том, что ключевые слова стоят уже в первых предложениях, вследствие чего облегчается процесс анализа. Стратегию такого принципа работы показывает следующий пример:

In Deutschland rumort es

SPIEGEL: Herr Grünewald, das Rheingold-Institut hat vor der Wahl wieder eine Tiefenanalyse der deutschen Befindlichkeit vorgenommen. Was haben Sie herausgefunden?

Grünewald: Das Grundmoment war, dass die Wähler von diesem Wahlkampf total enttäuscht sind. Sie haben das Gefühl, dass nicht auf das eingegangen wird, was sie bewegt, und dass vieles schöngefärbt wird. Wir haben uns ge-

fragt: Was ist denn mit den Leuten los?

SPIEGEL: Was fanden Sie heraus?

Grünewald: In den Tiefeninterviews kam immer nur: Flüchtlingskrise, Flüchtlingskrise, Flüchtlingskrise. Was im Wahlkampf so galant ausgespart wird, ist bei den Wählern immer noch ein wunder Punkt, der von der Politik nicht behandelt worden ist.

SPIEGEL: Was genau ist das Wunde daran?

Grünewald: Die Krise vor zwei Jahren hat die Wähler in ein Dilemma gestürzt, zu dem sie bis heute keine klare Haltung entwickeln können. Mache ich die Tür auf, mache ich sie zu? Einerseits will man die Willkommenskultur leben, dann aber gibt es auch Angst, von den Fremden verschlungen zu werden und dass man das eigene Land nicht wiedererkennt. Man hofft daher, dass die Politik einen Umsetzungsplan, eine kompromisshafte Haltung entwickelt. Doch die gibt es nicht, nun fühlen sich die Wähler alleingelassen.

SPIEGEL: Was ist die Folge?

Grünewald: Der Bürger ist labil, in ihm brodeln und rumort es. Deutschland wird wie ein Vexierbild beschrieben: entweder als marodes, verwahrlostes Land oder als sichere Insel des Wohlstands in einem Meer aus Risiken. Das alles ist kippelig und führt zu emotionalen Ausbrüchen. Ich habe solches Toben und Wüten, so viel Hass unter den Probanden noch nie erlebt.

SPIEGEL: Erwarten Sie also eine zunehmende politische Radikalisierung?

Grünewald: Noch nicht, denn als Reaktion auf die wahrgenommene Verhärtung der Fronten gibt es auch eine Selbstbremsung der Wähler. Wir können es uns, so argumentieren sie, nicht leisten, in eine Polarisierung zu geraten. Die Wut wird in digitalen Schattenwelten artikuliert, analog nehmen sich die Leute aber an die Kandare.

SPIEGEL: Ist die Flüchtlingskrise nur ein Symbol für das Unbehagen an der schwierigen Weltlage?

Grünewald: Ja, denn schon lange vor der Flüchtlingskrise war ein Befremden über die Globalisierung da, auch über die Sicherheitslage auf der Welt [3, с. 30].

Анализ лексической структуры текста приводит к следующим результатам:

Ключевое слово:	Wählen
Ассоциативные слова:	Flüchtlingskrise Wahlkampf Keine klare Haltung Willkommenskultur Fremden Umsetzungsplan kompromisshafte Haltung emotionale Ausbrüche politische Radikalisierung Befremden über eine Globalisierung Wut und Hass unter den Probanden
Область познания:	Immigration Wirtschaft demographische Politik

Анализируя мнение анкетированных, наглядно видно, что на первом месте социальных ценностей среди име-

ющихся ассоциативных слов стоит лексика из категории «иммиграция». Лексемы данной сферы показывают тенденцию к эвфемизации: для лексической единицы «иностранный» подбираются слова-заместители “Flüchtlinge”, “Fremden”, “Einwanderer”.

В данной цепочке выражена лишь одна сема «чужие». Эвфемизмы употреблены в статье лишь для того, чтобы смягчить чувства приезжих. Из этого можно сделать вывод что в немецком обществе разногласия по теме «чужой», а в этом контексте «не немец», непосредственно затрагивают социальные ценности.

Из интервью видно, что на первом месте у немецких избирателей стоит тема «иммиграционный кризис». Для усиления значения данного мнения слово “Flüchtlingskrise” повторяется трижды: “Flüchtlingskrise, Flüchtlingskrise, Flüchtlingskrise”. И далее следует дилемма: продолжать ли политику «добро пожаловать» (Willkommenskultur) или же закрыть границы (die Tür

zumachen). Данную тематику можно было бы подробно обсудить на занятиях с обучаемыми.

Еще один метод работы на занятиях – попросить обучаемых выбрать слова из текста, какие бы они сами ассоциировали со словом “Wählen”. При этом желательно, чтобы они в начавшейся дискуссии аргументировали причины и мотив своего выбора, учитывая социальную и экономическую ситуацию, наличие демократических традиций страны изучаемого языка.

Для освоения социокультурного потенциала иноязычных текстов желательно привлекать дополнительные материалы (тексты, аудио- и видеоматериалы), а также фоновую информацию о географических названиях, деталях, учреждениях, реалиях или политической символике и постоянно воспитывать мировоззрение и понимание чужой культуры через сопоставление с культурой своей страны.

Библиографический список

1. Kramsch, Claire (1996): “The Cultural Component of Language Teaching”. In: Leitschrift für interkulturellen Fremdsprachenunterricht [Online]. 1 (2): <http://www.ualberta.ca/~german/ejournal/kramsch2.htm>.
2. Chill, Hanni; Meyn, Hermann. Vielfalt und Aufgaben der Printmedien. [Online], доступно в <http://www.bpb.de>.
3. Englert, M. “In Deutschland rumort es” / M. Englert // Der Spiegel. – Deutschland: SPIEGEL-Verlag. 2017. № 36. S. 30.

References

1. Kramsch, Claire (1996): “The Cultural Component of Language Teaching”. In: Leitschrift für interkulturellen Fremdsprachenunterricht [Online]. 1 (2): <http://www.ualberta.ca/~german/ejournal/kramsch2.htm>.
2. Chill, Hanni; Meyn, Hermann. Vielfalt und Aufgaben der Printmedien. [Online], доступно в <http://www.bpb.de>.
3. Englert, M. “In Deutschland rumort es” / M. Englert // Der Spiegel. Deutschland: SPIEGEL-Verlag. 2017. № 36. S. 30.

УДК 37.013.2

UDC 37.013.2

СЕЛЕМЕНЕВА Е.М.

студентка, Орловский государственный университет
им. И.С. Тургенева

E-mail: selemeneval@yandex.ru

КОЖУС С.В.

магистр, Орловский государственный университет им.
И.С. Тургенева

E-mail: okozhus@mail.ru

ФРОЛЕНКОВА Л.Ю.

доктор технических наук, профессор, Орловский госу-
дарственный университет им. И.С. Тургенева

E-mail: larafrolenkova@yandex.ru

SELEMENEVA E.M.

Student, Orel State University

E-mail: selemeneval@yandex.ru

COZHUS S.V.

Master, Orel State University

E-mail: okozhus@mail.ru

FROLENKOVA L.YU.

Doctor of Technical Sciences, Professor, Orel State University

E-mail: larafrolenkova@yandex.ru

ПОДГОТОВКА СПЕЦИАЛИСТОВ В ОБЛАСТИ ИНЖЕНЕРНЫХ ЗНАНИЙ

TRAINING OF SPECIALISTS IN THE FIELD OF ENGINEERING

В статье рассматриваются аспекты подготовки инженерных кадров для создания профессионального кадрового состава, способного осуществлять инвестиционную политику, территориально-отраслевую специализацию региона, инновационное развитие и реализацию инфраструктурных проектов, внедрение современных технологий на предприятиях Орловской области.

Ключевые слова: машиностроение, инженерные кадры, образовательная программа.

The article discusses aspects of training engineering personnel to create a professional staff capable of implementing investment policy, territorial and sectoral specialization of the region, innovative development and implementation of infrastructure projects, the introduction of modern technologies at the enterprises of the Oryol region.

Keywords: mechanical engineering, engineering personnel, educational program.

Машиностроение во всем мире признано одной из ведущих отраслей производства. Его развитие оказывает непосредственное влияние не только на уровень экономического роста, научно-технического и производственного потенциала страны, обороноспособность, но и определяет развитие различных не менее важных отраслей народного хозяйства. Для машиностроения характерна широкая кооперация с другими отраслями производственной деятельности в выпуске конечного продукта. Последнее время руководство страны уделяет достаточно много внимания состоянию отечественного машиностроения. Принят целый ряд целевых инвестиционных программ. Так принятая в 2014 г. программа импортозамещения позволила выявить в целом по стране и на территории Орловской области, в частности, устойчивую тенденцию роста промышленного производства: открытие новых предприятий малого (до 100 работников) и среднего бизнеса; крупных заводов; производственных кластеров различной специализации.

Трудное положение отраслей машиностроительного производства на стыке 90х и 2000-х годов привело к потере большого количества специалистов, снижению уровня профессиональной квалификации. Важнейшей базовой задачей, на данном этапе развития экономики страны, Президент РФ назвал подготовку инженерных кадров.

«Председатель СоюзМаш России, генеральный директор Госкорпорации «Ростех» Сергей Чemezov на заседании Бюро Союза машиностроителей России и Ассоциации «Лига содействия оборонным предприятиям» на площадке Концерн «Калашников» заявил, что кадровое обновление трудовых коллективов промышленных предприятий является одним из ключевых трендов, которые формируют актуальную повестку развития промышленности» [1].

Целью данной работы является анализ состояния и выработка стратегического подхода к успешному развитию региона путем создания профессионального кадрового состава, способного осуществлять инвестиционную политику, территориально - отраслевую специализацию региона, инновационное развитие и реализацию инфраструктурных проектов, внедрение современных технологий на предприятиях Орловской области.

Методы исследования основаны на анализе внедрения на предприятиях наилучших доступных и перспективных технологий во взаимосвязи с профессиональной деятельностью специалистов, включающие создание конкурентоспособной продукции машиностроения на основе применения современных методов и средств проектирования, расчетов с использованием технологий искусственного интеллекта, математического, фи-

зического и компьютерного моделирования.

Подготовка и обучение кадрового потенциала данного уровня реализуется в Орловском государственном университете имени И.С. Тургенева в рамках программы «Конструкторско-технологическое обеспечение машиностроительных производств» по направлению «Технология машиностроения».

Главной целью образовательной программы «Конструкторско-технологическое обеспечение машиностроительных производств» по направлению «Технология машиностроения» является подготовка специалистов в области инженерных знаний в качестве исполнителей или руководителей младшего уровня с возможностью продолжения обучения в магистратуре и аспирантуре, изучающих межпредметные «связи (механические, физические, размерные, временные, информационные, экономические и организационные) с целью совершенствования существующих и создания новых технологических процессов и методов обработки и сборки изделий машиностроения требуемого качества с минимальными затратами труда, материальных и энергетических ресурсов» [2], а так же параллельно осваивающих рабочие профессии, востребованные на рынке труда: токарь-универсал, фрезеровщик-универсал, сверловщик-универсал, технолог-программист станков с ЧПУ, оператор-наладчик станков с ЧПУ (механик-электроник).

«В феврале 2016 г. Правительством Орловской области была утверждена Инвестиционная Стратегия Орловской Области «Открытый Орел» на период до 2020 года», согласно которой «стратегический подход к успешному развитию региона должен быть реализован через инвестиционную политику, территориально - отраслевую специализацию региона, инновационное развитие и реализацию инфраструктурных проектов, внедрения современных технологий на предприятиях.

Основными преимуществами и выгодами инвестирования в промышленный комплекс Орловской области является высокий научно-технический потенциал в виде наукоемких технологий и высококвалифицированных специалистов» [8].

Таблица 1.

Прогноз потребности предприятий промышленности в подготовке специалистов с высшим образованием (по документам Департамента промышленности и торговли Орловской области)

Наименование специальности	Потребность в подготовке специалистов, чел				
	2016	2017	2018	2019	2020
Мехатроника и робототехника	3	-	2	-	2
Автоматизация технологических процессов и производств	3	3	4	3	-
Конструкторско-технологическое обеспечение машиностроительных производств	22	18	15	18	17

Как видно из таблицы за 5 лет (2016 – 2020 г.г.), по направлению «Мехатроника и робототехника» потребность составляет 7 человек, по направлению «Автоматизация технологических процессов и производств» – 13, а по направлению «Конструкторско-технологическое обеспечение машиностроительных производств» – 90. Таким образом, проанализировав потребности предприятий Орловской области в кадрах, можно сделать вывод о необходимости внедрения программы 15.03.05 Конструкторско-технологическое обеспечение машиностроительных производств в учебный процесс, т.к. промышленный потенциал Орловской области проявляет динамику роста и ликвидация нехватки кадрового потенциала является актуальной задачей. Проблемы предыдущих поколений образовательных программ:

1. Образование носит фундаментальный характер, практических навыков недостаточно, особенно нет опыта работы на высокотехнологичном оборудовании.

2. Контрольные цифры приемы на бюджетные места ежегодно снижаются.

3. Результаты научной деятельности и объекты интеллектуальной собственности не внедряются на производстве.

4. Средние и малые предприятия машиностроения поставляют продукцию для различных отраслей промышленности, не имеют возможности инвестировать в дополнительную подготовку выпускников и вести научные исследования, производство характеризуется быстрой сменой номенклатуры выпускаемых изделий, что требует более широких знаний от специалиста и способности постоянно работать в режиме «заказ-изготовление».

Главным элементом уникальности данной образовательной программы является создание объединенной группы, состоящей из кафедры машиностроения, малых и средних машиностроительных предприятий г. Орла и Орловской области, в том числе: ООО «Завод им. Медведова. Машиностроение», ОАО «Орелстроймаш», ЗАО «Техоснастка», ООО «Центр Погрузчик – Сервис», ОАО «Калужский электромеханический завод», АО «Тайфун», ОАО «Калужский завод автоэлектроборудования», ООО «ПК «Флагман», ООО «Счетприбор», ПАО «Михайловский ГОК» и др. для выпуска инновационной продукции и сквозной подготовки инженерных кадров с практическим опытом работы.

Главная задача объединенной группы – через обучение разрабатывать новые виды продукции, ранее не выпускаемые этими предприятиями из-за неспособности вести самостоятельные проекты, ограниченности видения путей своего развития и работы от заказа до заказа, на основе разработок университета (имеющихся Патентов РФ).

Отличительная особенность от известных концепций:

1. Эффективное использование интеллектуальных ресурсов университета на производственном потенциале региона.

2. Коммерциализация научных идей.

3. Проект выполняется кафедрой в рамках учебного процесса на всех уровнях подготовки специалистов и не требует финансирования со стороны предприятий, входящих в группу, что выгодно отличает наше предложение от известных концепций проектного обучения.

4. Для изготовления опытных образцов новых видов продукции привлекается материально-техническая база предприятий, входящих в группу.

5. Расходы на выполнение проекта распределяются между участниками.

6. Права на созданную продукцию принадлежат участникам группы.

7. Наличие опытных образцов активизирует научную деятельность на кафедре и увеличит количество защит диссертаций.

Традиционная «серийная деятельность» университета по подготовке инженерных кадров в области машиностроения должна быть дополнена проектно-продуктовым подходом, нацеленным на внедрение ре-

зультатов интеллектуальной деятельности, повышение качества подготовки кадров и новых направлений развития малых и средних предприятий Орловской области.

Уникальностью создания объединенной группы является то, что члены группы номинально и юридически, оставаясь независимыми друг от друга, реализуют некоторую совместную деятельность, результатом которой станет новый образовательный продукт, не требующий значительных финансовых вложений. Университет выполняет свою часть работы через обучение и научную деятельность с привлечением различных подразделений «Бизнес инкубатор», Центра трансферта технологий и т.д., а предприятия предоставляют возможность изготовить на своем предприятии опытные образцы, финансируя только эту часть.

Таким образом подготовка инженерных кадров является интеллектуальным высокотехнологичным продуктом востребованным на рынке труда, реализующийся через систему взаимодействия ВУЗ – Заказчик – Потребитель.

Библиографический список

1. http://opzt.ru/sites/default/files/files/press-reliz_27062017_soyuzmash.doc
2. https://www.altstu.ru/media/f/Ni_150601.doc
3. Социально-экономическое развитие орловской области Захарова Т.В. Образование и наука без границ: фундаментальные и прикладные исследования. 2016. № 4. С. 303-307.
4. Особенности организации подготовки студентов инженерных специальностей в современных условиях развития машиностроения Кечемайки В.Н., Майкова С.Э., Масленникова Л.В., Родиошкина Ю.Г. Вестник Мордовского университета. 2015. Т. 25. № 1. С. 44-51.
5. PLM системы - интеграционная основа инженерного образования Смирнова Л.А., Сиразутдинов Ф.Р., Валиуллин Д.В. Вестник казанского государственного энергетического университета. 2014. 4 (24). С. 94-104
6. Морское образование - стратегический ресурс развития калининградского региона Волкогон В.А., Кострикова Н.А., Яфасов А.Я. Известия Балтийской государственной академии рыбопромыслового флота: психолого-педагогические науки. 2015. № 3 (33). С. 7-32.
7. Анализ основных направлений и пути совершенствования организационных структур управления вузами в России Сухорукова О.Б. Сибирская финансовая школа. 2009. № 3 (74). С. 100-108
8. http://invest-orel.ru/media/docs/invest_strategy_open_oryol.pdf

References

1. http://opzt.ru/sites/default/files/files/press-reliz_27062017_soyuzmash.doc
2. https://www.altstu.ru/media/f/Ni_150601.doc
3. Socio-economic development of the Oryol region Zakharova T.V. Education and science without borders: fundamental and applied research. 2016. No. 4. Pp. 303-307.
4. Features of the organization of training students of engineering specialties in modern conditions of development of mechanical engineering Kechemaykin VN, Maykova SE, Maslennikova LV, Rodioshkina Yu.G. Bulletin of the Mordovian University. 2015. Vol. 25. No. 1. P. 44-51.
5. PLM systems - the integration basis of engineering education Smirnova LA, Sirazutdinov FR, Valiullin DV Bulletin of Kazan State Energy University. 2014.4 (24). Pp.94-104
6. Marine education - a strategic resource for the development of the Kaliningrad region Volkogon VA, Kostrikova NA, Yafasov A.Ya. Bulletin of the Baltic State Academy of the Fishing Fleet: psychological and pedagogical sciences. 2015. No 3 (33). S. 7-32.
7. Analysis of the main directions and ways to improve the organizational structures of university management in Russia Sukhorukova OB Siberian financial school. 2009. No. 3 (74). Pp. 100-108
8. http://invest-orel.ru/media/docs/invest_strategy_open_oryol.pdf

УДК 37.017

UDC 37.017

СЕРЁГИНА Т.В.

кандидат философских наук, профессор, декан философского факультета, зав. кафедрой логики, философии и методологии науки, Орловский государственный университет имени И.С. Тургенева

E-mail: v_noz@mail.ru

ТЕРЕХОВ С.В.

кандидат философских наук, доцент, кафедра логики, философии и методологии науки, Орловский государственный университет имени И.С. Тургенева

E-mail: svterehov@mail.ru

SEREGINA T.V.

Candidate of Philosophy, Professor, Dean of the Faculty of Philosophy, Department of Logic, Philosophy and Methodology of Science, Orel State University

E-mail: v_noz@mail.ru

TEREKHOV S.V.

Candidate of Philosophy, Associate Professor, Department of Logic, Philosophy and Methodology of Science, Orel State University

E-mail: svterehov@mail.ru

СИНЕРГЕТИЧЕСКИЙ ПОДХОД В УСЛОВИЯХ СОВРЕМЕННОГО ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО ПРОЦЕССА

SYNERGETIC APPROACH IN THE CONDITIONS OF MODERN EDUCATIONAL PROCESS

В статье рассматриваются инновационные изменения, происходящие в современной педагогической системе под влиянием синергетики как нового междисциплинарного научного направления, ставшего наиболее актуальной парадигмой современной науки. Обосновывается актуальность применения методологических принципов и категорий синергетики для комплексного изучения педагогического процесса и управления им.

Ключевые слова: синергетика, педагогическая система, самоорганизация, открытость, неравновесность, нелинейность, диссипативность.

The article considers the innovative changes taking place in the modern pedagogical system under the influence of synergetics as a new interdisciplinary scientific direction, which has become the most relevant paradigm of modern science. The urgency of application of methodological principles and categories of synergetics for complex studying of pedagogical process and its management is proved.

Keywords: synergetics, pedagogical system, self-organization, openness nonequilibrium, nonlinearity, dissipativity, noospheric education, self-knowledge, self-improvement of personality.

Появление в конце 20 в. такого современного междисциплинарного научного направления как синергетика ознаменовало собой переход к новому этапу эволюции познавательной деятельности человека – этапу синтетического, целостного видения предмета познания и его всестороннего анализа с методологических позиций различных научных дисциплин. Закономерность подобного перехода предсказывалась отечественным философом В.С. Соловьёвым и многими его последователями в рамках развиваемой ими концепции цельного знания, под которым они понимали, неизбежный с развитием познавательных способностей человека, синтез различных областей познания: науки, философии, религии. Синергетика, стала своего рода ответом на чаяния русских философов. Отталкиваясь в своих базовых основаниях от естественнонаучных представлений, она расширила сферу своего влияния на всю науку и стала принципиально новой методологической базой как современного научного познания в целом, так и педагогической науки в частности. Благодаря синергетике сформировалось представление об эволюции неживых, живых и социальных систем через бифуркации как о всеобщем законе природы.

Как отмечает Д.И. Токарев: «С момента своего

появления в 1977 году в работах Г. Хакена до сегодняшнего дня синергетика прошла путь от теории самоорганизации окружающего человека материального, социального и духовного мира до междисциплинарной парадигмы согласованного развития системы «природа-общество-человек», обеспечивающей качественно новый уровень интеграции науки, философии, искусства и педагогики в практической деятельности человека. Современная синергетика стала теоретической основой изучения закономерностей устойчивого развития Вселенной и взаимодействия человека с природой, без которого невозможно его выживание и дальнейшая эволюция» [4, с. 7].

Успешная эволюция современного человечества невозможна без непрерывной передачи накопленных научных знаний и социального опыта, т.е. без постоянного развития педагогической системы. Образовательные процессы, как и любые другие явления общественной жизни, основаны на механизмах самоорганизации изучение которых необходимо для решения двух важных задач: поиска наилучшего метода организации и управления процессом обучения и воспитания и разработки нового актуального в современной культуре содержания учебного материала для синергетического образования,

направленного на формирование у обучаемых синергетического взгляда на окружающий мир [3].

Синергетика как метод изучения педагогического процесса и управления им позволяет глубже проанализировать базовые закономерности образования на основе универсальных принципов изучения сложно-организованных систем. В конечном итоге педагогическая система мало чем отличается от других систем, поскольку включает в себя комплекс взаимосвязанных и взаимодействующих между собой структурных элементов (подсистем) к числу которых следует относить: педагогический коллектив, коллектив учащихся, организационно-управленческие структуры, материально-техническая и нормативная базы образовательной организации и т.п. Системный анализ указывает, что эффективность работы сложноорганизованной системы напрямую зависит от характера взаимодействия управляющей и управляемой подсистем. От целесообразности и действенности законодательства, регулирующего педагогическую деятельность напрямую зависит результативность организационно-управленческой деятельности образовательной организации, которая, в свою очередь, оказывает определяющее влияние на качество работы педагогического коллектива, обеспечивающего необходимый уровень овладения учащимися знаниями, умениями и навыками.

К пониманию необходимости применения основ системного анализа при изучении педагогической деятельности исследователи пришли уже в середине 1970-х гг. XX века, когда начали формироваться различные индивидуальные подходы к пониманию педагогического процесса как целостного явления (М.А. Данилов, В.М. Коротов, Б.Т. Лихачев и др.). Так выдающийся отечественный педагог, д.п.н., проф. Михаил Александрович Данилов заявлял по этому поводу, что: «сложные взаимосвязи компонентов педагогического процесса по отношению друг к другу и во времени функционирования в каждый данный момент обуславливают необходимость учета не одного показателя, а их совокупностей, факторов» [2, с. 62]. Таким образом, можно прийти к выводу, что зарождение в тот же период синергетики не случайно. Педагогика, равно как и другие науки, подошла к насущной необходимости изучения процессов самоорганизации в рамках собственного предмета исследований.

С позиций современной синергетики процессы самоорганизации протекающие в рамках любой педагогической системы возможны благодаря присущим ей структурным особенностям. Задолго до появления синергетики в рамках системного анализа сложились представления об открытости или закрытости материальных систем, их равновесности или неравновесности, устойчивости или неустойчивости, линейности или нелинейности, статичности и динамичности. При этом сама принципиальная возможность возникновения процессов саморазвития и самоорганизации связана с тем, что все, природные и общественные системы должны быть открытыми, неравновесными, нелинейными и

диссипативными. Применительно к анализу педагогических систем эти качественные характеристики приобретают свои особенности.

Открытость педагогической системы означает её включённость в тесную сеть взаимосвязей с другими социальными и природными системами, находящимися за её пределами. Природная среда, в которой функционирует педагогическая система, политические и экономические условия, сложившиеся в государстве, уровень развития семейных и межличностных отношений теснейшим образом влияют на механизм работы педагогической системы. Её можно уподобить живому организму, который для поддержания своего существования вынужден постоянно заимствовать вещество, энергию и информацию из окружающей его среды и одновременно выводить в неё переработанную энергию, вещество и информацию. «Веществом» перерабатываемым педагогическим организмом являются учащиеся, превращающиеся из чисто биологических организмов на «входе» в социальные объекты «объекты» на выходе педагогической системы. Энергией служат, во-первых, материальные ресурсы, привлекаемые для организации процесса обучения, во-вторых, юридические нормы и принципы, регулирующие деятельность участников образовательного процесса, и, в-третьих, творческие (духовные) и физические усилия всех агентов, участвующих в процессе образования: учителей, методистов, родителей, членов семей и даже технического персонала. Информацией, очевидно, служит само содержание образования, как в теоретической, так и в методической его части.

Синергетический анализ устойчивости систем показывает, что прогрессивная эволюция различных структур поддерживается благодаря строгому балансу между постоянно поступающими в систему и выделяемыми ею потоками вещества, энергии и информации. Если этот баланс нарушится, то система будет не в состоянии справиться с внутренним хаосом и саморазрушится. К примеру, большое количество учащихся вызовет нехватку мест в образовательных учреждениях, с последующим коллапсом всей системы, а малое приведёт к вынужденному закрытию образовательных учреждений, сокращению количества педагогических работников, свёртыванию научных школ и перспективных разработок. Тоже можно сказать и об энергии и информации. Недостаток или избыток финансов, нормативных регуляторов или методик обучения, которые превысят рамки возможностей педагогической системы по освоению и переработке этих потоков, окажут разрушающее воздействие на неё. Устойчивое развитие системы образования возможно только в условиях чёткого понимания её насущных потребностей и практических возможностей.

Второй важной характеристикой саморазвивающейся системы является её *неравновесность*. Этот термин впервые появляется в физике, где он обозначает «такое состояние термодинамической системы, которое характеризуется неоднородностью распределения

температуры, давления, плотности, концентраций компонентов или каких-либо других макроскопических параметров в отсутствие внешних полей или вращения системы как целого» [1]. О неравновесном состоянии горят, когда требуется подчеркнуть, что условия, в которых пребывает система, позволяют ей находиться далеко от состояния равновесия, в котором все важнейшие параметры её существования принимают однородные, усреднённые значения. В системах, находящихся в состоянии равновесия исчезает неоднородность всех базовых характеристик в результате чего прекращаются практически все виды упорядоченного движения. Сохраняется лишь всеобщий хаос базовых элементов, например молекул. Дальнейшая эволюция таких систем невозможна, ибо это крайняя степень дезорганизации. Поэтому неравновесное состояние системы, наличие в ней неоднородностей, способных выступать источниками направленного движения, является базовым условием самой возможности упорядоченного развития данной системы.

Универсальность применяемого синергетикой системного метода позволяет рассматривать педагогическую систему с тех же методологических позиций, что и любую другую физическую, биологическую или социальную систему. Это позволяет понять, что состояние равновесия в педагогике наступает при доминировании универсального теоретико-методологического подхода, господстве единственной идеологии, направляющей все виды теоретической и практической педагогической деятельности к единой и неизменной цели. В то же время неравновесность, жизненно необходимая для эволюции педагогической системы, должна проявиться в наличии различных качественно своеобразных, независимых и конкурирующих подходов как к содержанию образования и его методологическим аспектам, так и к вопросу о характере организации и функционирования всей педагогической системы в целом. Только в условиях такой неравновесной педагогической системы будет не просто увеличиваться объем информации, передаваемой учащимся, возрастать число выпускников и количество выпущенных дипломов, а произойдет последовательный и неизбежный рост уровня социальной активности молодёжи, революционные преобразования в науке, технике и технологиях, существенные хозяйственно-экономические и социально-политические изменения.

Говоря о *нелинейности* педагогической системы как важнейшем условии её самоорганизации мы, прежде всего, имеем в виду её сложность, поскольку только сложные системы являются нелинейными. Это означает, что для математического описания таких систем используются нелинейные математические уравнения, к которым относят уравнения, включающие степенные, тригонометрические, логарифмические математические функции или функции в которых коэффициенты при неизвестных зависят от свойств среды или особенностей протекания процесса. Такие нелинейные уравнения имеют несколько качественно различных решений, что указывает на наличие нескольких альтернативных

вариантов будущей системы, т.е. возможность различных путей её эволюции. Это в полной мере относится к современной педагогике. В отечественной педагогической системе нет и никогда не было единого тренда, обеспечивающего устойчивое поступательное развитие. Эволюция системы образования проходит через постоянное преодоление точек бифуркации, т.е. ситуаций предполагающих наличие целого спектра альтернативных путей развития событий. Как указывает синергетика, в момент прохождения системой точки бифуркации выбор одного из возможных вариантов развития осуществляется стохастически, т.е. скорее на основании случайности, нежели закономерности. Именно этим на наш взгляд следует объяснять сложившуюся ситуацию в современной системе образования, когда эффективность принимаемых управленческих решений вызывает серьёзные сомнения. Однако следует особо отметить, что изучение синергетикой механизмов эволюции систем позволяет находить наиболее оптимальные способы управления самоорганизационными процессами и таким образом искусственно формировать порядок из хаоса.

Последним в ряду важнейших свойств самоорганизующихся систем, к которым относится и педагогика, выступает свойство *диссипативности*, т.е. способности рассеивать энергию, поступающую извне. Именно благодаря этому свойству система имеет возможность не только получать необходимые для функционирования потоки энергии (а также вещества и информации), он и, после использования их для упорядочивания собственной структуры, высвобождать переработанную энергию (информацию и вещество), рассеивая её в окружающей среде. Именно благодаря наличию постоянного притока и оттока энергии в системе появляется возможность усиления локальных флуктуаций (случайных отклонений управляющих параметров от средних значений), которые разрастаясь переходят с микро- на макроуровень и в определённый момент могут привести к появлению новых устойчивых структур, которые собственно и будут представлять собой результат самоорганизации системы.

На конкретном примере педагогической системы диссипативность будет действовать следующим образом. Подсистема педагогических работников постоянно получает приток новых сотрудников, закончивших учебные заведения и освоивших педагогические специальности. Без этого процесса образование погибнет. Но не менее важен и процесс диссипации – рассеивания сотрудников, т.е. оставления ими педагогической сферы деятельности. Уходят на пенсию ветераны педагогического образования, увольняются молодые преподаватели, не нашедшие себя в педагогике. И без этого процесса образование также погибнет, т.к. засилье стареющих сотрудников, не приносящих новых идей в систему, непременно разрушит её. Отсев сотрудников должен происходить обязательно, ибо он является непременным условием развития педагогической системы. Но синергетика убедительно свидетельствует

о необходимости соблюдения баланса между количеством новых и старых работников. Мы не должны лишиться свежего взгляда на образование и новых идей и методов, но и не имеем права при этом утратить давно сложившиеся и активно работающие школы педагогического мастерства.

При разумном управлении этими процессами в определённый момент может произойти серьёзная трансформация педагогических подходов, и педагогическая система сможет выйти на новый, более высокий уровень своего развития. Именно так происходило формирование советской педагогической школы. Те же процессы протекают в отечественной педагогике и сегодня под действием Болонского процесса сближения и синхронизации систем высшего образования стран Европы с целью создания единого европейского образовательного пространства.

Мы рассмотрели всего лишь несколько примеров применения понятийного аппарата и методологии синергетики к анализу отдельных сторон педагогического процесса. В результате можно сделать вывод о том, что применение методологических приёмов синергетического анализа способно существенно облегчить наше понимание принципов функционирования педагогической системы в целом и работы отдельных её элементов в частности. Конечной же целью внедрения синергетической методологии в педагогику следует считать формирование синергетического стиля мышления, который позволит будущим педагогам и организаторам педагогической деятельности глубже понимать и точнее анализировать социальные и природные явления в их взаимосвязи и развитии, прогнозировать характер эволюции физических и социальных процессов, а также предотвратить возможные рецидивы нежелательных событий.

Библиографический список

1. Большой энциклопедический словарь. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Большая Российская энциклопедия; СПб.: Норинт, Б.г. 2000, 1434 с.
2. Данилов М.А. Педагогический процесс как объект педагогической теории // Сб. науч. тр. Вопросы обучения и воспитания. Сост. и ред. Э.Г. Костяшкин. М., 1972. 194 с.
3. Князева Е.Н., Курдюмов С.П. Основания синергетики. М.: Алетея, 2002. 414 с.
4. Токарев Д.И. Синергетика о природе и человеке // Экология и жизнь. 2007. № 12. С. 4–11.

References

1. Large encyclopedic dictionary. 2nd ed., pererab. and additional M.: the Great Russian encyclopedia; St. Petersburg.: Norint, B. G. 2000, 1434 p.
 2. Danilov M. A. Pedagogical process as an object of pedagogical theory. tr. Questions of training and education. Comp. and edited by E.G. Kostyashkin. M., 1972. 194 p.
 3. Knyazeva E. N., Kurdyumov S. P. Bases of synergetics. Moscow: Aleiteia, 2002. 414 p.
 4. Tokarev D. I. Synergetics about nature and man // Ecology and life-2007. No. 12. Pp. 4-11.
-

СМАГИНА Т.И.

кандидат педагогических наук, доцент кафедры романской филологии, Орловский государственный университет имени И.С. Тургенева
E-mail: smagina.tat@mail.ru

SMAGINA T.I.

Candidate of Pedagogical Science, Assistant Professor of the Department of Roman Philology, Orel State University
E-mail: smagina.tat@mail.ru

ХАРАКТЕРИСТИКА УРОВНЕЙ СФОРМИРОВАННОСТИ ГОТОВНОСТИ БАКАЛАВРА ПЕДАГОГИЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ К РАЗВИВАЮЩЕМУ ОБУЧЕНИЮ МЛАДШИХ ШКОЛЬНИКОВ ИНОСТРАННОМУ ЯЗЫКУ

CHARACTERISTIC OF LEVELS OF FORMING READINESS OF THE BACHELOR IN PEDAGOGICAL EDUCATION FOR THE DEVELOPING TEACHING OF YOUNGER SCHOOLCHILDREN TO A FOREIGN LANGUAGE

В статье рассматривается критериально-оценочный аппарат с точки зрения уровней сформированности готовности бакалавра педагогического образования к профессиональной деятельности в системе развивающего обучения.

Ключевые слова: бакалавр; структурное содержание готовности; критерии, показатели и уровни сформированности готовности.

The article considers the criteria-evaluative apparatus in terms of the level of forming the readiness of the bachelor in pedagogical education for professional activities in the system of developing teaching.

Keywords: bachelor; structural content of readiness; criteria, indicators and levels of forming readiness.

Целью и результатом процесса подготовки бакалавра педагогического образования в вузе является его готовность к профессиональной деятельности, а в контексте данного исследования – готовность к развивающему обучению младших школьников, в том числе обучению иностранному языку.

Структурное содержание готовности представлено следующими компонентами, которые образуют целостную систему: мотивационный, когнитивный, операционно-деятельностный, рефлексивно-оценочный. В ходе исследования были выделены и обоснованы критерии и показатели, позволяющие определить сформированность каждого компонента, а значит и сформированность профессиональной готовности бакалавра к развивающему обучению в целом. (См. статья Т.И. Смагиной «Готовность бакалавра педагогического образования к развивающему обучению младших школьников как структурное образование»).

Тем не менее, необходимо отметить, что для полного обоснования критериально-оценочного аппарата сформированности исследуемой готовности целесообразно рассмотреть уровни ее сформированности.

Сформулированные критерии рассматриваем как показатель, позволяющий определить степень сформированности готовности будущего учителя к развивающему обучению младших школьников, как основание для выявления уровней сформированности этой готовности.

В.А. Сластенин, И.Ф. Исаев, А.И. Мищенко, Е.Н. Шиянов трактуют понятие «уровень» как диалек-

тический характер процесса развития, позволяющий познать предмет во всем его многообразии свойств, связей, отношений [1].

По мнению ученых (В.А. Сластенин, Л.С. Подымова), готовность формируется в процессе деятельности, аккумулируя все накопленное на предыдущем этапе, то есть переходит к все более высокому уровню, следуя закону философии отрицания; предшествующий уровень служит основой для формирования последующих [2].

Таким образом, опираясь на мнение ученых, приходим к выводу о том, что формирование готовности студентов вуза к педагогической деятельности в системе развивающего обучения должно осуществляться последовательно от низкого к высокому уровню.

Повышению уровня сформированности профессиональной готовности бакалавра педагогического образования к развивающему обучению младших школьников в значительной мере способствуют сформированность рефлексивной позиции по отношению к профессиональной деятельности в системе развивающего обучения и адекватной самооценки готовности к профессиональной деятельности как основе профессионального развития.

Известно, что рефлексия создает условия для самосовершенствования студента в процессе его учебно-познавательной деятельности в вузе и, следовательно, для более эффективной самореализации в будущей педагогической деятельности. В процессе обучения рефлексия способствует формированию и развитию таких функций сознания как целеполагание, планирование,

управление собственной учебной деятельностью, помогает анализировать результаты своей деятельности, осознать свою личностную позицию как будущего учителя, оценить уровень сформированности владения профессиональными компетенциями.

Адекватная самооценка сформированности собственного уровня готовности к развивающему обучению в значительной степени инициирует осознанное приобретение и применение студентами необходимых знаний, умений и навыков, что и обеспечивает переход на более высокий уровень сформированности данной готовности. Следовательно, самооценка выполняет функцию управления и стимулирует потребность в саморазвитии личности.

Все сказанное позволяет сделать вывод, что в процессе обучения студентов необходимо на основе разработанных критериев и их показателей осуществлять своевременное определение уровня сформированности готовности у будущего учителя, чтобы вовремя выявить недостатки и скорректировать учебную деятельность.

Следует отметить, что предлагаемый состав структуры готовности разработан для определения уровня профессиональной готовности бакалавра педагогического образования к развивающему обучению младших школьников, и подчеркнуть, что данная готовность рассматривается нами как составная часть общей профессиональной готовности.

Прежде чем перейти к рассмотрению всего критериально-оценочного аппарата в целом, необходимо отметить, что методологической основой для выявления критериального состава структуры исследуемой готовности бакалавра педагогического образования послужили деятельностный и компетентностный подходы.

В контексте деятельностного подхода определены показатели мотивационного и рефлексивно-оценочного критериев, которые позволяют отслеживать в процессе формирования готовности будущего учителя к развивающему обучению младших школьников актуальный на данный конкретный момент уровень сформированности данной готовности, что дает объективную возможность преподавателю скорректировать цели, содержание и технологии обучения студентов для повышения уровня их подготовленности.

Так, в частности, целенаправленная работа преподавателя может способствовать развитию у обучающихся таких положительных качеств, как переход от неустойчивого отношения к развивающему обучению и низкой мотивации в его реализации в профессиональной деятельности к выраженной устойчивой мотивации и внутренней потребности в реализации данного вида обучения в профессиональной деятельности.

Кроме того, организация процесса подготовки студентов в вузе должна строиться на основе развивающих технологий обучения. Это обеспечивает им переход от низкого уровня недостаточной сформированности рефлексивной позиции по отношению к собственной профессиональной деятельности в системе развивающего обучения к более высокому. Высокий уровень характе-

ризуется ориентацией студента на развитие учащихся в процессе их учебной деятельности, обеспечивает способность осознанно и объективно оценивать результаты своей педагогической деятельности по уровню развития учащихся, ориентирует будущего педагога на саморазвитие, самосовершенствование.

Компетентностный подход послужил основанием для определения показателей когнитивного и операционно-деятельностного критериев.

Поэтому, важно отметить, что когнитивный критерий и его показатели обеспечивают определение уровня знаний студентов о развивающем обучении младших школьников (знать), а операционно-деятельностный критерий и его показатели – умения и навыки (уметь, владеть).

Уровни сформированности готовности могут изменяться следующим образом:

- от не систематизированных знаний основных положений развивающего обучения к интегративным знаниям по теории деятельности; от поверхностных знаний особенностей формирования учебной деятельности к глубоким знаниям психолого-педагогических особенностей формирования учебной деятельности у младших школьников, четкому представлению о формах ее организации (знать);
- от умения осознанно и самостоятельно применять знания в типовых ситуациях по образцу, но не способностью находить им применение в измененной ситуации к свободному владению системой разнообразных технологических умений по организации учебной деятельности младших школьников, к умению свободно использовать знания и способы деятельности в нестандартных ситуациях (уметь, владеть).

Подробная характеристика уровней сформированности профессиональной готовности бакалавра педагогического образования к развивающему обучению младших школьников иностранному языку представлена в работе [3, с. 90].

Проведенное исследование позволило выявить, что сформированность готовности бакалавра педагогического образования к развивающему обучению младших школьников можно дифференцировать по следующим уровням:

- высокий (профессионально-творческий);
- средний (профессионально-продуктивный);
- низкий (ситуативно-репродуктивный).

Их достижение определяется критериями (мотивационный, когнитивный, операционно-деятельностный, рефлексивно-оценочный) и раскрывающими их показателями.

Таким образом, в исследовании выявлены и обоснованы критерии и показатели, а также уровни сформированности готовности бакалавра педагогического образования к развивающему обучению младших школьников. Следовательно, определен критериально-оценочный аппарат, который представлен в таблице 1. [3, с. 92].

Таблица 1.

Критериально-оценочный аппарат, позволяющий определить сформированность профессиональной готовности бакалавра педагогического образования к развивающему обучению младших школьников

Критерии		Показатели	Уровни
Мотивационный	→	Положительное отношение к РО; ориентация на развитие личности учащегося; убеждение в необходимости реализации РО на основе теории учебной деятельности; ориентация на ученика как субъекта обучения.	Низкий: ситуативно-репродуктивный
	→		
Когнитивный	→	Знание психолого-педагогических особенностей формирования учебной деятельности у младших школьников; знание структуры учебной деятельности в условиях РО; знание форм организации учебной деятельности; знание специфики взаимодействия между учителем и учащимися в учебно-воспитательном процессе в парадигме РО.	Средний: профессионально-продуктивный
	→		
Операционно-деятельностный	→	Способность выстраивать учебный материал по предмету в соответствии с логикой учебной деятельности и требованиями к структуре уроков в системе РО; способность организовывать учебную деятельность младших школьников на этапах постановки и решения учебной задачи, решения частных задач; способность планировать пути формирования и выделять критерии оценки сформированности общеучебных умений (УУД) у младших школьников; способность организовывать и вести учебный диалог (полилог), учебную дискуссию.	Высокий: профессионально-творческий
	→		
Рефлексивно-оценочный	→	Сформированность рефлексивной позиции по отношению к собственной профессиональной деятельности в системе РО; способность осознанно определять уровень сформированности и развития учебной деятельности младших школьников на уроке иностранного языка; способность осознанно и объективно оценивать результаты своей педагогической деятельности по уровню развития учащихся, сформированности у них умения учиться; владение умением анализировать урок в системе РО с позиции теории учебной деятельности.	
	→		

Следует подчеркнуть, что «формирование готовности бакалавра педагогического образования к развивающему обучению младших школьников в процессе учебной деятельности студентов предусматривает формирование каждого из компонентов готовности, что и обеспечит адекватность системы подготовки ее цели

и прогнозируемому результату: сформированной готовности. При этом формирование готовности будет реализовано в учебном процессе на основе создания педагогических условий и, в том числе, применения специальной контекстно-деятельностной технологии развивающего обучения студентов» [3, с. 95].

Библиографический список

1. Педагогика: учеб. пос. для студ. педагог. уч. заведений / В.А. Сластенин, И.Ф. Исаев, А.И. Мищенко, Е.Н. Шиянов. М.: Школа-Пресс, 1997. 512 с.
2. Сластенин В.А., Подымова Л.С. Педагогика: инновационная деятельность. М.: ИЧП «Издательство Магистр», 1997. 224 с.
3. Смагина Т.И. Формирование профессиональной готовности бакалавра педагогического образования к развивающему обучению младших школьников (на примере подготовки учителя иностранного языка): дисс. ... канд. пед. наук: 13.00.08 / Т.И. Смагина. Орел, 2015. 247 с.
4. Смагина Т.И. Формирование профессиональной готовности бакалавра педагогического образования к развивающему обучению младших школьников (на примере подготовки учителя иностранного языка): автореф. дисс. ... канд. пед. наук: 13.00.08 / Т.И. Смагина. Орел, 2015. 24 с.

References

1. Pedagogy: textbook for students of pedagogical institutions / V.A. Slastenin, I.F. Isaev, A.I. Mishchenko, E.N. Shiyarov. Moscow School-Press, 1997. 512 p.
 2. Slastenin V.A., Podymova L.S. Pedagogy: innovative activity. Moscow: ICHP Publishing House Magister, 1997. 224 p.
 3. Smagina T.I. Formation of professional readiness of a bachelor of pedagogical education for the developmental education of primary schoolchildren (on the example of training a foreign language teacher): Diss. ... cand. ped Sciences: 13.00.08 / T.I. Smagin.– Orel, 2015. 247 p.
 4. Smagina T.I. Formation of professional readiness of a bachelor of pedagogical education for the developmental education of primary schoolchildren (on the example of training a foreign language teacher): author's abstract, diss. ... cand. ped Sciences: 13.00.08 / T.I. Smagin. Orel, 2015. 24 p.
-

УДК 378.147

UDC 378.147

СОЛОМЧЕНКО М.А.

кандидат педагогических наук, доцент, кафедра теории и методики избранного вида спорта, Орловский государственный университет имени И.С. Тургенева
E-mail: marin69@yandex.ru

РОЖНОВ А.А.

старший преподаватель, кафедра физического воспитания, Калужский государственный университет
E-mail: roznov1976@yandex.ru

БОЙКО В.В.

кандидат педагогических наук, кафедра теории и методики избранного вида спорта, Орловский государственный университет имени И.С. Тургенева
E-mail: f_fks@mail.ru

SOLOMCHENKO M.A.

Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor, Head of Department of «Theory and Methodology Chosen Sport», Orel State University
E-mail: marin69@yandex.ru

ROZHNOV A.A.

Senior Teacher, Chair of Physical Education, Kaluga State University K.E. Tsiolkovsky
E-mail: roznov1976@yandex.ru

BOYKO V.V.

Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor, Head of Department of «Theory and Methodology Chosen Sport», Orel State University
E-mail: f_fks@mail.ru

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ ПРОЦЕССА ОБУЧЕНИЯ ВОЛЕЙБОЛУ СТУДЕНТОВ ВУЗОВ С ПОМОЩЬЮ ИГРОВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ

IMPROVING THE PROCESS OF TEACHING VOLLEYBALL TO UNIVERSITY STUDENTS WITH THE HELP OF GAME TECHNOLOGIES

В статье представлено направление совершенствования процесса обучения волейболу студентов ВУЗов посредством игровых технологий. Раскрыт механизм взаимодействия и взаимного влияния концентрации и заимствования на тренировочный процесс при общей и специальной физической подготовке.

Ключевые слова: концентрация в спорте, заимствование в спорте, волейбол, спорт.

The article presents the direction of improving the process of teaching volleyball to University students through game technologies. The mechanism of interaction and mutual influence of concentrating and borrowing on training process during general and special physical training is revealed.

Keywords: concentrating in sport, borrowing in sport, volleyball, sport.

В настоящее время обучение волейболу включено в программу по учебной дисциплине «Физическая культура» для студентов высших учебных заведений различных специальностей в рамках предмета и факультативных занятий [1]. С целью предотвращения снижения активности и интереса к занятиям физической культурой возникает потребность создания игровых технологий, которые помогут преобразовать процесс физического воспитания. Игровые технологии, в частности заимствованные элементы из различных видов спорта помогут повысить результаты физической подготовки студентов, а главное изменить мотивацию и к физической активности [7].

В образовательной среде представлено большое количество разнообразных методик повышения эффективности процесса физического воспитания, в том числе при обучении волейболу, где существует задача модернизации учебно-тренировочного процесса на начальном этапе подготовки [4], решение которой позволило бы студентам быстрее освоить волейбол и не потерять интерес к нему в процессе обучения.

В рамках настоящего исследования совершенствование процесса обучения волейболу студентов ВУЗов

основано на внедрении взаимосвязанных процессов «заимствования» и «концентрации» в процесс обучения. Согласно современным трактовкам [3, 6] понятие «концентрации» подразумевает «сосредоточение», «собираение» и «скопление», а все остальные значения этого понятия, например, «насыщенность растворов и смесей» и «устремление мыслей, чувств и интересов» относятся к специальным областям познания. Значение понятия «заимствование» предполагает «перенимать», «усваивать» и «взять» что-либо, и в полной мере отражает сущность симбиотических связей между различными объектами любой прогрессирующей системы [3, 6].

Различные примеры результатов заимствования и концентрации в спортивной деятельности [10], технике, повседневной деятельности и науке [8] приведены на рисунке 1.

Ярким примером результата взаимодействия этих процессов служат всевозможные многофункциональные инструменты, сконцентрировавшие в себе всевозможные функции, заимствованные у различных отдельно взятых инструментов. Процессы концентрации и заимствования также имеют место и в науке, например, как наука кибернетика имеет базу, основанную

на заимствовании ключевых элементов из таких наук, как математика, теория вероятности, математическая статистика и моделирование, эконометрика и информатика основанных на приемах, методах и инструментах исследования, гипотез, элементов теории и средств анализа, которые являются элементами концентрации.

Концентрация и заимствование влияют и на реализацию современных прогрессивных решений в технике, например, пикап-внедорожник, заимствуя функции легкового, грузового и автомобиля повышенной проходимости, представляет собой концентрацию грузовой платформы, пассажирского кузова, увеличенного клиренса и полного привода.

Все современные виды спорта, как правило, являются комплексом заимствований, состоящим из процессов, функций, характеристик, тактик, стратегий и концепций различных спортивных дисциплин [10, 11]. В качестве примера комплексного применения элементов «концентрации» и «заимствования» является биатлон, который появился с помощью «заимствования» из пулевой стрельбы и лыжных гонок, посредством концентрации основных элементов, таких как винтовка и мишень, лыжи (рис. 1). Безусловно, принцип концентрации и заимствования применим и в тренировочном процессе, в частности при обучении волейболу студентов вузов [11]. Применение принципа концентрации и заимствования основано на сосредоточении функций, характеристик, тактик, стратегий, использовании спортивного инвентаря и упражнений из различных спортивных дисциплин. Например, для общефизической подготовки, направленной на комплексное развитие силы мышц и мышечных групп и укрепление фундамента для специальной физической подготовки, в качестве объекта заимствования могут быть использованы такие спортивные дисциплины, как тяжелая атлетика, спортивная гимнастика, гиревой спорт и легкая атлетика, где элементами концентрации являются упражнения со штангой (подъем), упражнения на кольцах, параллельных брусьях и перекладине (подтягивания, сгибание разгибание рук, ходьба на руках), перекладывания и подьёмы гири, приседания с гирей, прыжки и бег соответственно (табл.1).

Практическое применение такого подхода является мощным стимулом для активизации интереса студентов к занятиям физической культурой, в частности при обучении волейболу. Таким образом, студенты, выполняя такую программу общефизической подготовки, приоб-

ретают и развивают комплекс физических качеств, необходимых волейболисту. Игровые технологии, в которых применены (или заимствованы) элементы из других видов спорта помогают осваивать специфичные навыки, необходимые в волейболе. Примером может служить заимствование перемещений из такого вида спорта, как хоккей на траве. Перемещения и стойки из этого вида помогут освоить перемещения и стойки в волейболе, что способствует повышению эффективности процесса подготовки.

На протяжении двух лет проводился эксперимент по внедрению принципов концентрации и заимствования в Калужском государственном университете им. К.Э. Циолковского (КГУ). На кафедре физического воспитания во время факультативных занятий по волейболу для студентов 1-х курсов при проведении занятий применялись игровые технологии, в которых присутствовали элементы из других видов спорта (они представлены в таблице 1).

Одним из результатов следует считать то, что уже в конце первого курса студентки, имеющие оптимальные для волейбола антропометрические данные, были включены в резерв волейбольной сборной КГУ, которая занимает первые места в первенстве Калужской области среди высших учебных заведений и является действующим чемпионом Калужской области.

К тому же, специальная физическая подготовка для сборной команды КГУ по волейболу включает в себя комплекс заимствований на основе тяжелой атлетики, гиревого спорта, легкой атлетики, баскетбола, большого тенниса, спортивной гимнастики и акробатики и использовании упражнений со штангой и гирей, тройного прыжка, барьерного бега, кистевого броска баскетбольного мяча, маховых движений теннисной ракеткой и различных прыжковых упражнений, что приводит к совершенствованию взрывной силы мышц рук, ног, туловища, а также повышению функциональных возможностей организма (табл. 2). Дальнейшее совершенствование подготовки волейболистов с разделением на игровые амплуа, как известно, происходит посредством дифференциации [9] и индивидуализации [2], что позволяет успешно управлять развитием спортсменов. Следует учесть, что в рамках настоящей статьи такие виды подготовки, как техническая, тактическая и игровая не рассматриваются, так как объем образовательной программы нефизкультурного ВУЗа предусматривает лишь освоение их базовых принципов.

Таблица 1.

Концентрация и заимствование при общей физической подготовке волейболистов

Общая физическая подготовка		
Объект заимствования	Элемент концентрации	Результат
Тяжелая атлетика	Упражнения со штангой (подъем)	Комплексное развитие силы мышц и мышечных групп, укрепление фундамента для специальной физической подготовки
Спортивная гимнастика	Упражнения на кольцах, параллельных брусьях и перекладине (подтягивания, сгибание разгибание рук, ходьба на руках)	
Гиревой спорт	Перекладывания, подьёмы, приседания	
Легкая атлетика	Прыжки, бег	

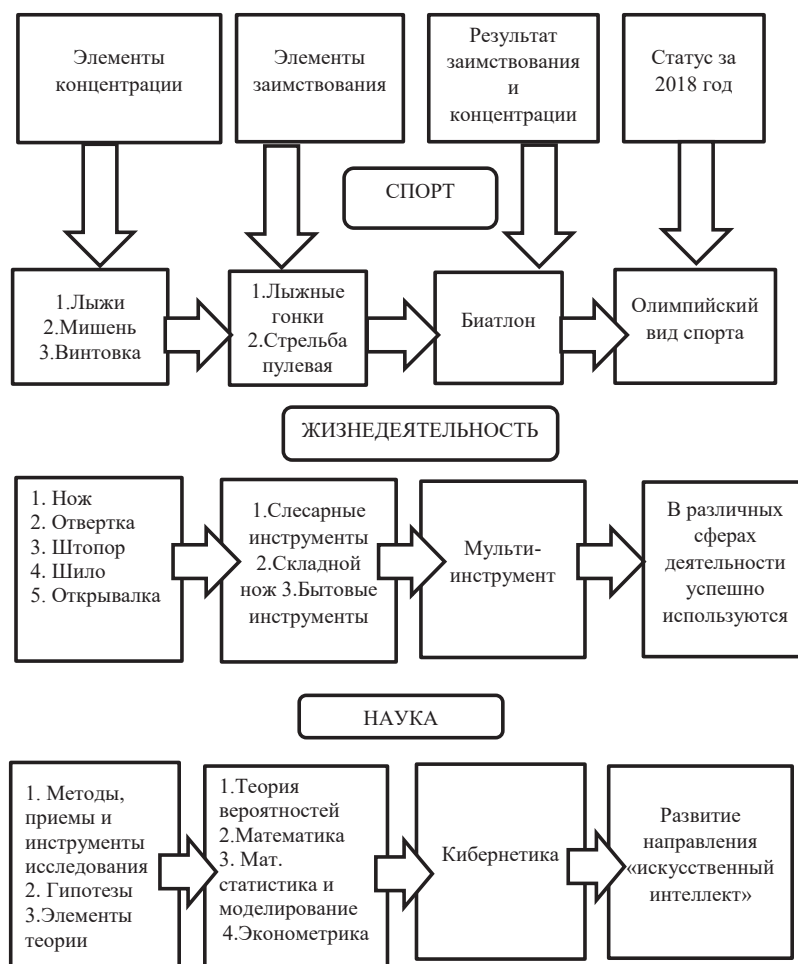

Рис.1. Примеры результата заимствования и концентрации в спорте, науке, технике.

Таблица 2.

Концентрация и заимствование при общей физической подготовке волейболистов

Специальная физическая подготовка		
Тяжёлая атлетика	Упражнения со штангой (рывок и толчок)	Совершенствование взрывной силы мышц рук, ног, туловища, совершенствование функциональных возможностей организма, повышение психологической подготовленности
Гиревой спорт	Упражнения с гирей (рывок, толчок, жонглирование)	
Легкая атлетика	Тройной прыжок, барьерный бег, бег в гору, комбинации скачка, шага и прыжка	
Баскетбол	Кистевой бросок мяча	
Большой теннис	Маховое движение (ударная фаза)	
Спортивная гимнастика	Прыжковые упражнения	
Акробатика	Прыжки, парные и групповые упражнения	

Одним из эффективных направлений совершенствования процесса обучения волейболу студентов ВУЗов следует считать реализацию заимствования и концентрации в спорте, что позволяет увеличить долю обучающихся и студентов, систематически занимающихся физической культурой и привлечь их к занятиям различными видами спорта, что является основой здорового образа жизни и проявлением активной жизненной позиции. Все это отмечено приоритетными направлениями в Стратегии развития физической культуры и спорта в Российской Федерации на период до 2020 года [12].

Здоровье студенческой молодежи – это важный индикатор экономического и трудового, оборонного и культурного потенциала современного общества [5]. Занятия с применением игровых технологий позволят сформировать правильное отношение к здоровому образу жизни, подготовить к будущей профессиональной деятельности и жизни в современном обществе. А понимание того, что можно применять из смежных игровых форм различные приемы и средства помогут студенческой молодежи творчески подходить к любому виду деятельности.

Библиографический список

1. Губа В. П., Родин А. В. Волейбол в университете: Теоретическое и учебно-методическое обеспечение системы подготовки студентов в спортивном клубе: учебн. пособие / В. П. Губа, А. В. Родин. М.: Советский спорт, 2009. 164 с.
2. Губа В.П. Индивидуализация подготовки юных спортсменов / В.П. Губа, П.В. Квашук, В.Г. Никитушкин. М.: Физкультура и спорт, 2009. 280 с.
3. Ефремова Т.Ф. Современный словарь русского языка три в одном: орфографический, словообразовательный, морфемный / Т.Ф. Ефремова. М.: АСТ, 2010. 699с.
4. Железняк Ю.Д. Тенденции развития классического волейбола на современном этапе / Ю.Д. Железняк, Г.Я. Шипулин, О.Э. Сердюков // Теория и практика физической культуры. 2004. № 4. С. 30-33.
5. Журавлева И.В. Здоровье студентов: социологический анализ: монография. М.: Институт социологии РАН, 2012. 252 с.
6. Лопатин В.В. Толковый словарь современного русского языка / В.В. Лопатин, Л.Е. Лопатина. М.: Эксмо, 2013. 928 с.
7. Лубышева Л.И. Концепция спортизации в системе физкультурного образования. // Вестник Пермского государственного гуманитарно-педагогического университета. 2016. №1. С. 44-54.
8. Осипов Ю.С. Большая российская энциклопедия / Ю.С. Осипов. М.: Большая российская энциклопедия, 2005-2017. [в 35 т.] Т. 5. С. 456-458.
9. Пустошило П.В. Эффективность технической подготовки спортсменов, специализирующихся в спортивных играх, на основе дифференцированной методики / П.В. Пустошило // Физическая культура: воспитание, образование, тренировка. 2011. № 6. С. 72.
10. Рожнов А.А. Концентрация и заимствование как составляющие прогресса в спорте, науке, технике и жизнедеятельности / А.А. Рожнов, А.Н. Малышев, В.В. Калмыков // Известия Тульского государственного университета. Физическая культура. Спорт. 2017. №1. С. 91-96.
11. Рожнов А.А. Реализация заимствования и концентрации в спорте / А.А. Рожнов, Н.И. Добейко, Л. В. Жилина // Ученые записки университета имени П.Ф. Лесгафта. 2018. - №5. С. 240-244.
12. Стратегия развития физической культуры и спорта в Российской Федерации на период до 2020 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.minsport.gov.ru/activities/federal-programs/2/26363/> (дата обращения: 17.12.2018).

References

1. Guba V. P., Rodin A. V. (2009) «Volleyball at the University: Theoretical and educational support of the system of training students in the sports club. The manual» / V. P. Guba, A. V. Rodin. - Moscow: Soviet sport. Pp. 164
2. Guba V. P. (2009) Individualization of training of young athletes / V.P. Guba, P.V. kvashuk, V.G. Nikitushkin. Moscow: physical Education and sport. Pp. 280
3. Efremov T.F. (2010) The Modern dictionary of the Russian language, three in one: orthographic, morphemic, word-formative. Moscow: ACT. pp. 699.
4. Zheleznyak Y.D. (2004) Trends in the development of the classic volleyball today / Y.D. Zheleznyak, G.I. Shipulin, Serdyukov O.E. // Theory and practice of physical culture. № 4. Pp. 30-33.
5. Zhuravleva I. V. (2012) Students health: sociological analysis: monography / I.V. Zhuravleva. Moscow: Institute of sociology, RAS, 2012 p. 252
6. Lopatin V. V. (2013) Explanatory dictionary of the modern Russian language / V. V. Lopatin, L.E. Lopatin. M.: Eksmo. Pp. 928
7. Lubyshcheva L. I. (2016) The Concept of sportization in the system of physical education // Bulletin of the Perm State humanitarian pedagogical University. №1. Pp. 44-54.
8. Osipov Y.S. (2005-2017) Great Russian encyclopedia. Moscow: Great Russian encyclopedia. [35 toms.] T. 5. Pp. 456-458.
9. Pustoshilo P. V. (2011) Effectiveness of technical teaching of sportsmen, specializing in sports, on the basis of a differentiated methodology / P. V. Pustoshilo // Physical culture: upbringing, education, training. №6. Pp. 72
10. Rozhnov, A.A., Malyshev A.N. and Kalmykov V.V. (2017), "Concentration and borrowing as components of progress in sport, science, technique and lifetime", News of the Tula State University. Sport, No. 1, Pp. 91-96.
11. Rozhnov, A.A., Dobeyko N.I., Zhilina L.V. (2018), «Realization of borrowing and concentration in sport», Scientific-theoretical journal "scientific notes of University named after P. F. Lesgaft", No. 5. Pp. 240-244.
12. Strategy of developing physical culture and sports in the Russian Federation for the period up to 2020 [Electronic resource]. – Access mode: [programs/2/26363/](https://www.minsport.gov.ru/activities/federal-programs/2/26363/) (date accessed 17.12.2018).

УДК 577.121:616-006.4

UDC 577.121:616-006.4

ТАКАНАЕВ А.А.

доктор биологических наук, профессор, кафедра общей, биологической, фармацевтической химии и фармакогнозии, Орловский государственный университет имени И.С. Тургенева

E-mail: chemistry.med@yandex.ru

ЯРОВАТАЯ М.А.

кандидат биологических наук, доцент, кафедра общей, биологической, фармацевтической химии и фармакогнозии, Орловский государственный университет имени И.С. Тургенева

E-mail: maya0330@mail.ru

ЯРМОЛИНСКАЯ Т.М.

студентка 4 курса группы 63ЛД, специальность «Лечебное дело», Орловский государственный университет имени И.С.Тургенева

E-mail:ytm1@inbox.ru

TAKANAЕV A.A.

Doctor of Biological Sciences, Professor, Department of General, Biological, Farmaceutical Chemistry and Farmacognosy, Orel State University

E-mail: chemistry.med@yandex.ru

YAROVATAYA M.A.

Candidate of Biological Sciences, Associate Professor, Department of General, Biological, Farmaceutical Chemistry and Farmacognosy, Orel State University

E-mail:maya0330@mail.ru

YARMOLINSKAYA T.M.

4-year Student, Group 63GM, 'General Medicine', Orel State University

E-mail: ytm1@inbox.ru

**ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНЫЕ ДАННЫЕ, ПОЛУЧЕННЫЕ В РАМКАХ ПОДГОТОВКИ ЭЛЕКТИВНОГО КУРСА
«КОМПОЗИТНЫЕ МАТЕРИАЛЫ В МЕДИЦИНЕ»**

EXPERIMENTAL RESULTS OBTAINED WITHIN THE ELECTIVE COURSE «COMPOSITE MATERIALS IN MEDICINE»

Данная статья является практическим приложением к элективному курсу по использованию композиционных материалов в медицине. Она рассчитана на получение студентами медицинских и фармацевтических вузов дополнительных компетенций не только в клинической, но и в экспериментальной медицине, включение их в творческий процесс создания новых медицинских конструкторов, методов, лекарственных препаратов. В данной работе описан синтез и биологическое действие производного перидроазепина в сравнении с эталоном – дициноном.

Ключевые слова: гетероциклические амины, фармакокинетика, фармакодинамика, биотрансформация, агглютинация, гемостатики.

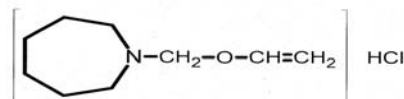
This article is a practical part of the elective course devoted to the use of composite materials in medicine. It is aimed at providing the students of medical and pharmaceutical universities with additional competencies not only in clinical, but also in experimental medicine. Thus, students can be involved in the process of creating new medical models, methods, medicinal drugs. This article describes the synthesis and biological effect of a perhydroazepine derivative in comparison with the standard drug – dicynone.

Keywords: heterocyclic amines, pharmacokinetics, pharmacodynamics, biotransformation, agglutination, haemostatic agents.

Исследования последних лет биологической активности физиологических особенностей аминов и их производных выявили целый ряд интересных свойств, в том числе гемостатических. Творческий процесс обучения и преподавания биохимии в медицинском институте привел нас к поиску и синтезу гемостатиков, так как кровоостанавливающих средств резорбтивного действия, имеющих огромное значение для здравоохранения, как ни парадоксально, очень мало.

Путь синтеза лекарственных веществ основан на изменении структуры химических веществ в желаемом направлении, поэтому нами было осуществлено получение ряда производных пиперидина и гексаметиленмина с модификацией функциональных

заместителей у атома азота [1, 3, 8]. Некоторые из них проявили высокую биологическую активность и могут найти применение в медицинских исследованиях [2, 5, 7]. В частности, интересные гемостатические свойства показал перидроазепин.

Препарат получен путем восстановления ε-капролактама в гексаметиленмин, который взаимодействием с этиленхлоргидридом превращается в аминоксирт с последующей этирификацией хлорангидридом акриловой кислоты и переводом полученного

основания в гидрохлорид [6, 4].

Кровоостанавливающая активность определялась при внутривенном введении крысам и кроликам в сравнении с известным гемостатиком дициноном. Изучено

влияние гидрохлорида пергидроазепина на время кровотечения и величину кровопотери (Таблица 1), на паренхиматозное кровотечение (Таблица 2) и изменение биохимических показателей крови (Таблица 3).

Таблица 1.

Влияние препарата пергидроазепина на время кровотечения и величину кровопотери у крыс

	Статистический показатель	Физиологический раствор (контроль)	β-гексаметиленминэтилакрилат		Дицинон
			5 мг/кг	15 мг/кг	30 мг/кг
Время кровотечения	M±	287±62	70±7,6	234±17	84,6±10
	P	-	0,001	0,05	0,001
	%	100	-24	-82	-30
Величина кровопотери	M±	200±25	18,5±0,76	215±23	50±5
	P	-	0,001	0,05	0,001
	%	100	-9,2	-27	-25

Таблица 2.

Влияние препарата пергидроазепина на паренхиматозное кровотечение у крыс

Статистический показатель	Физиологический раствор	Концентрация препарата в %						
		0,001	0,025	0,05	0,1	0,25	0,5	1,0
M±	176,7±27	106,6±21	48,0±4,3	62,0±19	39,3±8,8	107,7±17,7	183±26,5	140±14
P	-	0,05	0,001	0,001	0,001	0,05	0,05	0,05
%	100	-60,6	-27,3	-35,0	-22,3	-61,2	-4,0	-79,0

Таблица 3.

Влияние биохимических показателей при внутривенном введении пергидроазепина и дицинона у кроликов

Препараты	Статистический показатель	Тесты	Исход	30 мин	60 мин	120 мин
Гексаметиленминэтилакрилат, доза 0,5 мг/кг	M±	Время свертывания крови	204±21	102±10	101±10	79±8,6
	P		-	0,001	0,001	0,001
	%		100	-50	-50	-38,7
	M±	Рекальцификация плазмы	81±3	59±4	58±4	63±3
	P		-	0,001	0,001	0,001
	%		100	-61,7	-71,6	-77,7
	M±	Толерантность плазмы к гепарину	148,3±5	100,5±6	134±8	97±3
	P		-	0,001	0,001	0,001
	%		100	-36,5	-32,5	-20,3
	M±	Время Квика	12,3±0,2	4,5±0,6	4,0±4,0	2,5±0,2
	P		-	0,001	0,001	0,001
	%		100	-76	-63	-20,3
Дицинон, доза 30 мг/кг	M±	Время свертывания крови	225±12	172±14	142±16,1	135,5±11
	P		-	0,01	0,01	0,01
	%		100	-76	-63	-60
	M±	Рекальцификация плазмы	100±12,9	68,5±3,4	62±3,4	60,3±3,0
	P		-	0,001	0,001	0,001
	%		100	-68,5	-62	-60
	M±	Толерантность плазмы к гепарину	290±6,9	189±4,2	138±9,6	60,3±3,0
	P		-	0,001	0,001	0,001
	%		100	2	-1	-1
	M±	Время Квика	12,3±0,2	13,2±0,9	12,0±0,4	12,1±0,5
	P		-	0,05	0,05	0,05
	%		100	2	-1	-1

Препарат по ряду параметров превосходит известный гемостатик широкого действия дицинон. Действие дицинона развивается медленно в течение 4-6 часов. Для достижения антигеморрагического эффекта необходимы высокие дозы препарата – 15-30 мг/кг.

Время свертывания крови при введении препарата, разработанного нами, сокращалось на 51-60% через 30-120 минут. У дицинона это время сокращалось на 10-40% в те же сроки исследования. Толерантность плазмы к гепарину повышалась на 60-46-60% через 30-60-120 минут, тогда как у дицинона на 30-53-69%. Время Квика сократилось под действием нового препарата в 5 раз, тогда как с дициноном он дает нормальные величины.

Время кровотока под действием нового препарата незначительно отличается от времени кровотока под влиянием дицинона – 76% и 70%, тогда как уменьшение кровопотери более выражено от введения нового препарата.

К достоинствам пергидроазепина можно отнести и то, что препарат проявляет свою гемостатическую активность в меньших дозах (5 мг/кг у нового препарата и 30 мг/кг у дицинона), действие наступает быстрее.

Полученные данные позволяют заключить, что пергидроазепин активно стимулирует процесс свертывания крови, действуя на его первую и вторую фазы.

Библиографический список

1. Таканаев А.А., Павловская Н.Е., Юшкова Е.И., Яроватая М.А., Лушников А.В. Исследование биологической активности N-галоидалкиламинов // Ученые записки Орловского государственного университета. № 7(63) 2014. С. 223-225.
2. Таканаев А.А., Халилов М.А., Юшкова Е.И., Яроватая М.А. Некоторые аспекты биотрансформации N-нитрозосоединений // Ученые записки Орловского государственного университета. № 4 (67) 2015. С. 405-406.
3. Яроватая М.А., Таканаев А.А., Юшкова Е.И. Метаболизм гетероциклических N-нитрозаминов // Ученые записки Орловского государственного университета. № 4 (67) 2015. С. 424-425.
4. Таканаев А.А., Юшкова Е.И., Яроватая М.А. Изучение биотрансформации N-нитрозаминов как интерактивное приложение к лекционному курсу по биохимии // Ученые записки Орловского государственного университета. № 6 (69) 2015. С. 355-358.
5. Таканаев А.А., Юшкова Е.И., Яроватая М.А. Получение меченых униформ физиологически активных аминов и их производных как приложение к лабораторному практикуму по биохимии // Ученые записки Орловского государственного университета. № 1(70) 2016. С. 237-239.
6. Яроватая М.А., Таканаев А.А., Юшкова Е.И. Получение аминов, меченных по водороду – H^3 , в качестве элективного курса «Практические методы биохимии» // Ученые записки Орловского государственного университета. № 1(70) 2016. С. 257-259.
7. Таканаев А.А., Яроватая М.А. Повышение эффективности процесса преподавания биохимии высокомолекулярных соединений в вузах медицинского профиля (на примерах биотрансформации полимерных производных некоторых гетероциклов) // Ученые записки Орловского государственного университета. № 2(75) 2017. С. 344-346.
8. Таканаев А.А., Яроватая М.А. Методы изучения биodeградации полимерных систем в рамках элективного курса «Композитные материалы в медицине» // Научный журнал «Ученые записки Орловского государственного университета», № 2 (79), 2018 г. с. 338-340.
9. <http://www.oncolog.ru/carcinogen/nitrate/>
10. <http://www.medfrance.ru/onco/nitrate/nitrozamines/>

References

1. Takanaev A.A., Pavlovskaya N.E., Yushkova E.I., Yarovataya M.A., Lushnikov A.V. N-galoidalkilamines biological activity studies // Scientific notes of Orel State University. № 7 (63) 2014. Pp. 223-225.
2. Takanaev A.A., Khalilov M.A., Yushkova E.I., Yarovataya M.A. Some aspects of N-nitrosocompounds biotransformation // Scientific notes of Orel State University. № 4 (67) 2015. Pp. 405-406.
3. Yarovataya M.A., Takanaev A.A., Yushkova E.I. Metabolism of heterocyclic N-nitrosamines // Scientific notes of Orel State University. № 4 (67) 2015. Pp. 424-425.
4. Takanaev A.A., Yushkova E.I., Yarovataya M.A. The study of N-nitrosamines biotransformation as an interactive part of the lecture course in biochemistry // Scientific notes of Orel State University. № 6(69) 2015. Pp. 355-358.
5. Takanaev A.A., Yushkova E.I., Yarovataya M.A. The preparation of labeled forms of physiologically active amines and their derivatives as additional material for the laboratory practicum in biochemistry // Scientific notes of Orel State University. № 1(70) 2016. Pp. 237-239.
6. Yarovataya M.A., Takanaev A.A., Yushkova E.I. The preparation of hydrogen-3 (H^3) labelled amines as a part of the optimal course "Practical methods in biochemistry" // Scientific notes of Orel State University. № 1(70) 2016. Pp. 257-259.
7. Takanaev A.A., Yarovataya M.A. Improving the process of teaching biochemistry of high molecular-weight compounds at medical institute and universities (using the example of biotransformation for some heterocycles polymeric derivatives) // Scientific notes of Orel State University. № 2(75) 2017. Pp. 344-346.
8. Takanaev A.A., Yarovataya M.A. Methods of studying biodegradation of polymer systems in the limits of the elective course «Composite materials in medicine» // Scientific notes of Orel State University. № 2 (79) 2018. Pp. 338-340.
9. <http://www.oncolog.ru/carcinogen/nitrate/>
10. <http://www.medfrance.ru/onco/nitrate/nitrozamines/>

УДК 378.016

UDC 378.016

ТОПЧИЙ И.В.

кандидат архитектуры, директор подготовительных курсов, ФГБОУ ВО «Московский архитектурный институт (государственная академия)»
E-mail: top@markhi.ru

TOPCHIIY I.V.

Candidate of Architecture, Director of Preliminary Department, FGBOU VO "Moscow Architectural Institute (State Academy)"
E-mail: top@markhi.ru

ЭТАПЫ И ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ УСЛОВИЯ ДОПОЛНИТЕЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ РОССИЙСКИХ АРХИТЕКТОРОВ

STAGES AND THE PEDAGOGICAL CONDITIONS OF THE RUSSIAN ARCHITECT'S SUPPLEMENTARY PROFESSIONAL DEVELOPMENT

В статье изучаются педагогические условия, сопровождающие процесс формирования системы российского дополнительного образования архитекторов. С учетом специфики профессиональной деятельности зодчих и особенностей системы профессионального архитектурного образования в нашей стране выполняется их классификация. На основании исследования делаются выводы о наличии специфических педагогических условий, которые следует учитывать при создании стратегий развития институций дополнительного архитектурного образования в России.

Ключевые слова: дополнительное архитектурное образование, история архитектурного образования, педагогические условия.

The article investigates the pedagogical conditions that accompanied the process of forming the Russian supplementary education system of architects. The classification of pedagogical conditions of additional architectural education is carried out, taking into account the specifics of professional activities of architects and the features of the system of professional architectural education in our country. The results of the study allow us to draw conclusions about the specific pedagogical conditions of modern additional architectural education, which include the existence of a special professional mentality and habits of Russian architects.

Keywords: supplementary professional development of architects, history of architecture education, pedagogical conditions.

Мировой экономический кризис в начале XXI века проявил проблему недостаточной конкурентоспособности российских архитекторов на глобальном рынке труда. Обострилась задача поиска новых методов повышения уровня профессионального мастерства российских архитекторов, и увеличения статуса российских архитекторов. С целью периодизации процесса формирования современной системы дополнительного архитектурного образования, рассмотрим педагогические условия, которые сопровождали данный процесс.

Практика приглашения в Россию зарубежных архитекторов и отсылки отечественных зодчих – «пенсioenеров» за границу была впервые введена российским императором Петром I. Большое число работ российских и зарубежных ученых, анализирующих процесс и условия создания первого российского высшего учебного заведения для зодчих и последовательность формирования методов отечественного профессионального образования, отмечают сильное влияние западноевропейских школ архитектуры, прежде всего, итальянских и французских академий (А.Г. Габричевский, Л.И. Иванова-Визн, Д.О. Швидковский, С.О. Хан-Магомедов и другие) [1]. Было доказано, что благодаря знаниям и опыту

«пенсioenеров» было создано первое профессиональное учебное заведение для архитекторов – Императорская Академия художеств в Петербурге, переведены трактаты зарубежных архитекторов, восприняты новые методы архитектурного проектирования в архитектуре и градостроительстве. Смена популярных стилей архитектуры заставляла искать новые источники вдохновения и расширять географию зарубежных поездок. Численность субъектов, их мотивация, разнообразие форм, методы образования дополнительного архитектурного образования постоянно менялись. Факторы, способствующие изменению качественных и количественных характеристик системы дополнительного образования, являются педагогическими условиями его существования.

В научной литературе не существует единого определения понятия «педагогические условия». Разделяя единое понятие на отдельные компоненты, авторы сходным образом определяют термин «условия», как существенные характеристики объектов, процессов и явлений, от которых зависят другие компоненты системы [4]. При этом трактовки термина «педагогические условия» значительно отличаются. Наиболее общим и универсальным является определение данного фено-

мена, как отражение характеристик методической системы обучения, обеспечивающих ее существование и развитие [4, Таблица 1].

Выявление динамики изменения педагогических условий позволит выделить характерные черты и этапы развития системы дополнительного архитектурного образования.

С учетом разнообразия педагогические условия классифицируются: по сферам воздействия (внутренние и внешние); по характеру воздействия (субъективные и объективные); по масштабу воздействия (общие и специфические) [2, 3]. В таблице 1 приводится классификация педагогических условий, характерных для методической системы дополнительного архитектурного образования. Совокупность условий была определена при исследовании его ресурсов [5]. Правомерность про-

ведения параллелей между педагогическими условиями и педагогическими ресурсами заложена в самом определении слова «ресурс», произошедшем от французского слова «ressource» и означающего средства, возможность. В педагогических моделях обучения средства обучения воспринимаются только как материальные условия обучения. При толковании слова «ресурсы» образования, как «возможности» образования, акцентируется роль ресурсов на поддержке или ограничения его развития. То есть близко по смыслу слову «условия».

При анализе ресурсов учитывалось, что эффективность деятельности институций дополнительного архитектурного образования и стабильность их развития зависят от максимально полного использования имеющихся ресурсов и усилий по наращиванию потенциальных ресурсов организации, ее партнеров и окружающей среды.

Таблица 1.

Общие и специфические педагогические условия дополнительного архитектурного образования.

общие педагогические условия	специфические педагогические условия дополнительного архитектурного образования
социальные:	
<i>объективные условия</i>	особенности социально-демографического состава обучающихся: возраст, пол, образовательный ценз;
<i>субъективные условия</i>	мотивация обучающихся в получении дополнительного архитектурного образования на всех уровнях
экономические:	
<i>объективные условия</i>	транспортная доступность, средства образования, материальные возможности
<i>субъективные условия</i>	умение эффективно управлять материальными активами
политические	
<i>объективные условия</i>	особенности внутренней и внешней политики страны, выраженные законодательно
<i>субъективные условия</i>	степень самостоятельности и лояльности субъектов образования к государственной политике
национальные	
<i>объективные условия</i>	национальные традиции в искусстве и архитектуре, стилистика, язык общения
<i>субъективные условия</i>	особенности национального менталитета, моральные нормы в профессиональной архитектурной среде, образовательные привычки и приоритеты обучающихся
культурные	
<i>объективные условия</i>	образовательные и воспитательные возможности окружающей среды
<i>субъективные условия</i>	понимание ценности и потенциала культурного наследия
<i>географические</i>	местонахождение образовательного учреждения дополнительного архитектурного образования

Для выявления тенденций современного дополнительного архитектурного образования в РФ и выявления этапов его развития, рассмотрим особенности педагогических условий, в которых формировались мо-

дели дополнительного архитектурного образования (таблицы 2-8). При определении экономических факторов использована классификация экономических укладов д.э.н. Н.В. Сычева [6].

Таблица 2.

Педагогические условия I этапа развития дополнительного архитектурного образования, «раннего» (1720-е - 1765 гг.).

Особенности этапа: появление первых форм дополнительного архитектурного образования в виде «пенсионерских поездок» (стажировок) выпускников высших технических школ России.

стимулирующие развитие	ограничивающие развитие
социальные факторы	
– низкий образовательный уровень населения; – нехватка образовательных учреждений для детей; – отсутствие профессиональных школ архитектуры в России;	– наличие прогрессивно мыслящих государственных деятелей;
экономические	
феодально-крепостнический экономический уклад	масштабные градостроительные планы Петра I;
политические	
монархическое управление страной	наличие политической воли в повышении уровня общего образования населения, развития экономики, науки, культуры и профессионального образования
национальные	
– сохранение средневековых традиций и методов строительства;	– лояльность к чужой культуре;
культурные	
– отсутствие архитекторов, работающих в популярном стиле Барокко; – слабые профессиональные коммуникации между российскими и западноевропейскими архитекторами;	– популярность западно-европейских школ архитектуры и архитекторов, работающих в стиле Барокко; – образцов объектов архитектуры в странах Западной Европы (во Франции, Италии)
географические	
– разнообразие географических условий и природное богатство Российской империи;	– удаленность от центров европейской культуры, задающих моду на архитектурные стили – низкая плотность населения в России;

Таблица 3.

Педагогические условия II этапа (1765-е- 1800-е гг.), «Просветительского».

Итоги этапа: рост интереса к изучению произведений классической архитектуры, сохранение основной формы повышения квалификации архитекторов – пенсионерских поездок выпускников Императорской академии Художеств в западноевропейские страны, созданием первой формы дополнительного архитектурно-художественного образования детей;

стимулирующие развитие дополнительного архитектурного образования	ограничивающие развитие дополнительного архитектурного образования
социальные факторы	
– создан первый отдел дополнительного образования детей в Императорской Академии художеств;	– низкий образовательный уровень населения; – нехватка образовательных учреждений для детей;
экономические	
наращивание темпов строительства в столицах и провинции	мелкотоварный экономический уклад
политические	
– внешнеполитический курс на расширение территории Российской империи – внутриполитический курс на подъем культуры, науки и образования;	государственный контроль над деятельностью высших учебных заведений;
национальные	
отсутствие масштабных национальных конфликтов в многонациональном государстве	разнородные культурные, религиозные, морально-этические особенности народов Российской империи
культурные	
– рост численности архитектурного сообщества; – установление методов архитектурного образования и критериев отбора выпускников Императорской Академии художеств для отправки в «пенсионерские поездки»;	– нехватка отечественных архитекторов, работающих в стиле Классицизм; – слабые профессиональные коммуникации между российскими и западноевропейскими архитекторами;
географические	
в результате внутриполитической деятельности открылось «окно» в Европу	условия аналогичные I этапу

Таблица 4.

Педагогические условия III этапа (1800-е – 1860-е гг.), «системного».

Особенности этапа: становление в общем виде системы непрерывного профессионального архитекторов, включающее дополнительное художественное образование детей – будущих студентов, архитектурные факультеты университетов и дополнительного архитектурного образования выпускников университетов.

стимулирующие развитие дополнительного архитектурного образования	ограничивающие развитие дополнительного архитектурного образования
социальные факторы	
– создание Министерства народного просвещения, сети начальных общеобразовательных учреждений на всей территории страны с преподаванием в них изобразительного – рост численности детей, обучающихся искусству;	– низкий образовательный ценз у средних и низших социальных слоев русского населения; искусства;
экономические	
– отмена крепостного права; – раннекапиталистический уклад экономики; – рост числа городов на всей территории страны, увеличение потребности в архитектурно-строительных кадрах;	– неравномерность распределения производительных сил на территории страны; – слаборазвитая транспортная сеть; – низкий уровень доходов населения сельскохозяйственных регионов и районов;
политические	
– зависимость внутренней и внешней политики от личных решений монархов; – успешная внешняя политика Российской Империи по присоединению регионов Закавказья, стран Западной, Южной и Северной Европы;	– сохранение внутривластных принципов централизованного управления и контроля за профессиональным, в том числе, архитектурным образованием;
национальные	
– увеличение числа народов и национальностей в Российской империи, обладающих высоким уровнем образования и развитой культурой; – наличие средства межнационального – русского языка;	– социально-экономическое превосходство западных регионов России над восточными;
культурные	
– установление требований к образовательному цензу поступающих в Академию художеств; – открытие Петербургской Рисовальной школы для вольноприходящих, обеспечивающую подготовку будущих студентов Академии художеств;	– отсутствие профессиональных школ архитектуры в регионах Российской Империи; – отсутствие в России архитекторов, обладающих известностью за рубежом;
географические	
– богатство ландшафтов, многообразие климатических условий регионов Российской империи;	– неравномерная плотность населения страны, малонаселенность восточных и северных регионов;

Таблица 5.

Педагогические условия IV этапа (1860-е – 1917-е гг., «коммуникационного».

Особенности этапа: восприятие дополнительного архитектурного образования как места поиска и апробации новых идей в искусстве и архитектуре в период распространения «русского» стиля, модерн, историзм, романтизм в архитектуре; расширение сети дополнительного архитектурно-художественного образования за счет частных занятий художников, художественных кружков и художественных объединений; восприятие дополнительного архитектурного образования как формы творческих коммуникаций; появление новых форм распространения и получения и оценки новых архитектурно-строительных знаний – с помощью печатных средств профессиональной информации, дискуссий в творческих объединениях.

стимулирующие развитие дополнительного архитектурного образования	ограничивающие развитие дополнительного архитектурного образования
социальные факторы	
– рост национального самосознания; – распространение идей народничества; – наличие многоуровневой системы общего образования, охватывающего всю территорию страны; – контроль над общим образованием; – рост социальной активности женщин в столичных регионах;	– наличие сословного деления населения России; – низкий уровень грамотности в восточных регионах Российской Империи; – сохранение патриархального устройства жизни в сельскохозяйственных регионах страны;

экономические	
– многоукладная экономическая система; – расширение экономических связей с западноевропейскими странами и США; – рост промышленного производства, увеличение потребности в художественных кадрах для промышленности;	– сосредоточение промышленного производства, урбанизация центральной и западной частях России; – распространение натуральных хозяйств в южных и северных регионах страны;
политические	
– провозглашение принципа равноправия для народов Российской Империи; – участие в I Мировой войне, ограничение социальных и профессиональных коммуникаций со странами; – подчиненность Императорской академии художеств	– наличие не решенных внутривнутриполитических проблем; – рост национализма и русификация удаленных регионов Российской империи; – поддержка православия;
национальные	
– национальный подъем;	– отсутствие интереса к культурному взаимодействию с центром у народов, населяющих восточные и северные регионы страны;
культурные	
– распространение в Европе и Российской Империи стиля историзм, эклектика, «русского стиля»; – рост численности архитектурного сообщества и самостоятельности в поиске новых творческих методов и знаний; – открытие архитектурных факультетов в технических университетах России; – рост интереса к культурному наследию удаленных регионов России – появление новых специальностей художественно-предметного творчества: дизайна, реставрации;	– сохранение неравномерности социально-экономического развития регионов Российской империи; – сосредоточение культурно-образовательных учреждений в центральной части Российской Империи;
географические	
сохранение географических преимуществ, богатство сырьевых ресурсов	

Таблица 6.

Педагогические условия V этапа (1917-е- 1930-е гг.), «новаторского».

Особенности этапа: создание новых художественно-стилистических направлений в пластических искусствах, методов профессионального и дополнительного образования архитекторов; появление новой формы ДАО в Московском ВХУТЕМАСе – Рабфаков искусств, участвующих в распространении новаторских идей по всей стране; переход профессионального ДАО в неформальные формы – дискуссии, выставки, профессиональные объединения архитекторов и художников.

стимулирующие развитие дополнительного архитектурного образования	ограничивающие развитие дополнительного архитектурного образования
социальные факторы	
– социальный подъем, вызванный победой социалистической революции и установлением диктатуры пролетариата; – реализация социальных программ, направленных на повышение уровня образования всех слоев населения и привлечения к получению профобразования рабочих, крестьян и красноармейцев;	– наличие низко образованных социальных групп, получающих государственную поддержку; – геноцид образованных специалистов;
экономические	
– проведение экономических реформ, направленных на экономики (индустриализации и электрификация всей территории страны); – рост потребности в специалистах в архитектуре и строительства;	– экономическая разруха, как результат политических событий; – формирование планово-экономического уклада экономики;
политические	
– свержение самодержавия, демократические принципы внутренней политики молодого советского государства, – внутривнутриполитический курс на независимость страны от внешних влияний и распространение идей социализма в мире; – восприятие культуры, как способа распространения социалистической идеологии;	– участие в I мировой войне и гражданская война внутри России; – минимизация внешних контактов и профессиональных коммуникаций;

национальные	
– программы поддержки многонациональной культуры на территории всей Советской страны;	– отсутствие систематизированных знаний о культуре удаленных от столиц регионов;
культурные	
– творческие поиски стилистики нового искусства и новых методов образования в искусстве советских архитекторов, дизайнеров, художников; – наличие средства межкультурного общения - русского языка;	– отрицание сложившихся форм и методов дополнительного и профессионального архитектурного образования;
географические	
– сохранение географических преимуществ, богатство сырьевых и культурных ресурсов	– географическая удаленность от экономически развитых стран Северной Америки и Европы.

Таблица 7.

Педагогические условия VI этапа (1930-е- 1990-е гг.), «административного».

Особенности этапа: жесткое политическое и административное регулирование архитектурно-градостроительной деятельности и профессионального образования в СССР, плановое хозяйствование минимизировавшее конкуренцию среди советских архитекторов и сформировавшее административно-ориентированное представление о ценности профессионального дополнительного архитектурного образования;

стимулирующие развитие дополнительного архитектурного образования	ограничивающие развитие дополнительного архитектурного образования
социальные факторы	
– однородный социальный состав населения на всей территории страны; – выравнивание культурно-образовательного уровня советского населения;	– снижение мотивации к повышению профессиональной квалификации архитекторов под влиянием жесткого административного контроля;
экономические	
– преимущества планово-экономического хозяйственного уклада; – реализация масштабных строительных программ на территории всей страны, освоение Дальнего Востока и Севера;	– издержки планово-экономического хозяйственного уклада;
политические	
– поддержка сотрудничества с развивающимися странами Азии и Африки;	– минимизация профессиональных контактов с развитыми странами «капиталистического» лагеря условиях «железного занавеса», – политизация культуры, искусства, образования и других сторон общественной жизни;
национальные	
– развитие национальной культуры;	– распространение идеологии социалистического искусства;
культурные	
– создание новых стилистических направлений в архитектуре и искусстве; – создание новых теоретических направлений и школ в советской архитектуре;	– поддержка социалистической стилистики в архитектуре; – борьба с «излишествами» в архитектуре;
географические	
– сохранение географических преимуществ, богатство и разнообразие сырьевых ресурсов	– географическая удаленность от экономически развитых стран Северной Америки и Европы.

Таблица 8.

Педагогические условия VII этапа (1990-е гг.- начало XXI века), «постиндустриальный»

Особенности этапа: информатизация и глобализация, повышение ценности знаний во всех сферах экономики, и появление мирового рынка труда в сфере архитектуры и мировой конкуренции и профессиональном и дополнительном архитектурном образовании; создание отделов дополнительного образования для архитекторов и проектировщиков в научных и производственных корпорациях, общественных и проектных организациях.

стимулирующие развитие дополнительного архитектурного образования	ограничивающие развитие дополнительного архитектурного образования
социальные факторы	
– демократизация общественной жизни; – рост многообразия городских социумов;	– сохранение привычек к административному регулированию

экономические	
– глобальная тенденция к непрерывному обновлению знаний, информационный технологический уклад переход к «обществу знаний» – формирование международного рынка труда, подстрагивающего к повышению профессиональной квалификации архитекторов и приобретение конкурентных преимуществ	– сырьевой характер российской экономики сдерживает создание новых технологий в архитектуре и строительстве;
политические	
– приведение законодательства к международным нормам права; – реформирование систем общего и профессионального образования, переход на двухуровневую систему высшего образования;	– экономические санкции развитых стран против РФ, затрудняющие международное сотрудничество;
национальные	
– рост национального самосознания;	– формирование русскоязычного международного архитектурного сообщества из числа стран - бывших республик СССР; – наличие социального заказа на дополнительное архитектурное образование в РФ мигрантов и иностранных студентов архитектурных школ;
культурные	
– появление новых форм культурных и образовательных коммуникаций с помощью Сети Интернет; – появление глобальных целей устойчивого развития в сфере культуры, искусства и архитектуры;	– доминирование глобальных тем в дополнительном архитектурном образовании; – необходимость защиты регионального и национального культурного наследия и культурных традиций в условиях глобализации;
географические	
– отсутствие географических ограничений в изучении объектов архитектуры и пространственной среды;	– низкая достоверность знаний об архитектурных объектах и пространственной среде, полученная посредством Интернета;

Анализ развития системы дополнительного архитектурного образования в России позволил выделить семь этапов, смена которых происходит под влиянием изменения общих социальных, экономических, политических и культурных педагогических условий. Развитие системы дополнительного образования происходило как под влиянием экономических и политических педагогических условий, поддерживающих развитие архитектуры и профессионального архитектурного образования, так и при преодолении педагогических условий социального характера, ограничивающих их.

Общие педагогические условия участвуют в формировании специфических черт профессионального менталитета и привычек отечественных архитекторов – субъектов дополнительного архитектурного образования, которые необходимо учитывать при создании стратегий развития организаций профессионального и дополнительного архитектурного образования. А именно:

- обособление от новых знаний, создаваемых в смежных областях строительного комплекса, слабые междисциплинарные связи архитектуры и минимальное количество междисциплинарных исследований;
- слабая инициатива у российских архитекторов в поиске путей повышения своей профессиональной

квалификации и конкурентоспособности, нахождении новых мест приложения архитектурных знаний и применения имеющихся навыков при смене потребностей рынка труда, большая зависимость от административных решений;

- стремление у российских архитекторов к получению дополнительного архитектурного образования за рубежом, в западноевропейских странах и США, обладающих лучшими общими педагогическими условиями в плане обеспеченности объектами образования (архитектурными объектами, строительными технологиями, новыми методами проектирования и т.п.)

- слабое желание у отечественных проектировщиков и заказчиков использовать инновационные технологические и технические достижения в строительстве и эксплуатации зданий;

- наличие устойчивого стремления к повтору, заимствованию и творческой интерпретации знаменитых произведений современной архитектуры, сопровождающееся отрицанием важности защиты и охраны прав авторов;

- неумение охранять и защищать авторские права в архитектуре и искусстве;

Библиографический список

1. *Топчий И.В.* Роль дополнительного архитектурно-художественного образования в архитектуре и судьбах российских архитекторов // Архитектура и строительство России. 2015. № 9. С. 14-23: ил.
2. *Ипполитова Н.* Анализ понятия «педагогические условия»: сущность, классификация // General and Professional Education. 2012. №1. С. 8-14.
3. *Володин А.А., Бондаренко Н.Г.* Анализ содержания понятия «Организационно-педагогические условия» // Известия ТулГУ. Гуманитарные науки. 2014. №2. С.143-152.
4. *Осипова Светлана Ивановна, Соловьева Татьяна Владимировна.* Методическая система обучения и ее развитие в личностно ориентированном образовании // Сибирский педагогический журнал. 2010. № 11. С.46-57
5. *Топчий И.В.* Дополнительное архитектурное образование в России и за рубежом. URSS. 2019. 458 с. ISBN 978-5-9710-6122-9., С. 400- 407.
6. *Сычев Н.В.* Типы и формы экономических укладов: логика развития теоретических представлений // Вестник Института экономики РАН. 2015. № 4. , С. 37- 53

References

1. *Topchiy I.V.* The role of supplementary architectural-artistic education in the architecture and destinies of Russian architects // Architecture and Construction of Russia. 2015. № 9. Pp. 14-23: pic.
 2. *Ippolitova N.* Analysis of the concept of "pedagogical conditions": Essence, classification. // General and Professional Education. 2012. № 1. Pp. 8-14.
 3. *Volodin A.A., Bondarenko N.G.* Analysis of the content of the concept «Organizational and pedagogical conditions» // News of TSU. Human sciences. 2014. №2. Pp.143-152.
 4. *Osipova Svetlana I., Solov`eva Tatiana V.* Methodological system of education and its development in personal oriented education // Siberian pedagogical journal. 2010. № 11. Pp.46-57.
 5. *Topchiy I.V.* Supplementary architectural education in Russia and abroad. URSS. 2019. 458 с. ISBN 978-5-9710-6122-9, Pp. 400- 407.
 6. *Sichev N.V.* Types and forms of economic styles: The logic of the development of theoretical ideas // Herald of Institute of Economics of the Russian Federation Academy of Sciences. 2015. № 4 , Pp. 37- 53
-

УДК 51(072.2)

UDC 51(072.2)

ФАРАФОНОВА И.В.

старший преподаватель, кафедра теории и методики
начального общего образования, Орловский государ-
ственный университет имени И.С. Тургенева
E-mail: farafonova_irina78@mail.ru

FARAFONOVA I.V.

Senior Teacher, Department of Theory and Methodology of
Elementary General Education, Orel State University
E-mail: farafonova_irina78@mail.ru

СИСТЕМА ЗАДАНИЙ ДЛЯ ПОДГОТОВКИ СТУДЕНТОВ-БАКАЛАВРОВ К ОРГАНИЗАЦИИ ПРОЕКТНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ МЛАДШИХ ШКОЛЬНИКОВ

SYSTEM OF TASKS FOR STUDENTS-BACHELOR 'S DEGREES PREPARATION FOR PROJECT ACTIVITY ORGANIZATION OF CHILDREN IN PRIMARY SCHOOL

*В статье идёт речь об одной из форм подготовки будущих учителей начальных классов к организации про-
ектной деятельности школьников.*

Ключевые слова: Проектная деятельность, младший школьник.

*The article is about one of the forms of preparation of future teachers in primary school for the project activities or-
ganization of schoolchildren.*

Keywords: Project activity, the child in primary school.

Одним из методов повышения эффективности обу-
чения школьников, посредством самостоятельно ими
спланированной и интересующей их деятельности яв-
ляется проектная деятельность. Она предполагает связь
обучения с жизнью, развитие самостоятельности и ак-
тивности детей в учебном процессе, развитие умения
адаптироваться к действительности и умения общаться,
сотрудничать с людьми в различных видах деятельно-
сти. Для формирования умения организовать проект-
ную деятельность со школьниками будущему учителю
необходимо пройти подготовку ещё на первой ступе-
ни высшего профессионального образования. Однако,
только теоретических знаний не достаточно. У будуще-
го учителя должны быть сформированы умения и на-
выки, позволяющие организовать этот процесс более
эффективно и продуктивно для обучающихся.

Осуществление проектной деятельности младшими
школьниками включает в себя ряд этапов, основанных
на различных видах педагогической деятельности учи-
теля. Анализ психолого-педагогической литературы по-
мог выделить в педагогической деятельности учителя
следующие структурные компоненты: конструктивно-
проектировочный, организаторский, коммуникативный
и гностический. Поэтому нами была разработана систе-
ма заданий, способствующих формированию умений,
соответственно выделенным видам педагогической де-
ятельности учителя у студентов – бакалавров (будущих
учителей начальных классов), необходимых для органи-
зации проектной деятельности младших школьников в
процессе изучения начального курса математики.

Задания на формирование

конструктивно-проектировочных умений

1. Заполните учетный листок проекта по лю-
бой теме начального курса математики (Нумерация,
Величины, Арифметические действия и т.д.). Перед
началом работы проанализируйте её содержание и
ознакомьтесь с дополнительной литературой в рассма-
триваемом аспекте.

Учетный листок проекта

Тема урока _____

Тема проекта _____

Составитель проекта _____

Тип проекта _____

Краткая характеристика проекта _____

Цели проекта:

Образовательные _____

Развивающие _____

Воспитательные _____

Перед проектом стоят следующие задачи: _____

2. Составьте основополагающие и проблемные вопросы по темам «Нумерация», «Арифметические действия» и «Задачи».

Основополагающий вопрос	Проблемные вопросы
	1. 2. 3. 4.
	1. 2. 3. 4.
	1. 2. 3. 4.

3. Разработайте поурочное планирование занятий по учебному предмету «Математика», позволяющее реализовать учебный проект (на примере темы «Время»)

Описание проекта

Тема урока. Измерение времени.

Тема проекта. Как измерить время?

Цели проекта: Сформировать навыки измерения времени и знания о различных приборах его измерения, развивать творческие способности, умения работать в группе.

Задачи проекта. Ознакомление учащихся со старинными способами измерения времени, составление коллекции знаменитых часов.

Тип проекта. Информационный, творческий.

Основополагающий вопрос. Какие приборы измерения времени существовали и существуют?

Проблемные вопросы. Как измеряли время раньше?

Каковы особенности измерения времени в спорте?

Какие знаменитые часы существуют в мире? Чем они знамениты?

Исследование учащихся. Зависимость точности измерения времени от прибора для её измерения.

Изготовление коллекции макетов или рисунков знаменитых часов.

Планирование. Урок 1. Знакомство с темой и целями проекта. Постановка основополагающего вопроса, формулировка проблемных вопросов (1 час).

Урок 2. _____

Урок 3. _____

Урок 4. _____

Урок 5. _____

4. Каждый этап учебного проекта имеет свои виды информационной деятельности и ИКТ. Укажите эти виды для каждого этапа проекта «Золотое сечение» и соответствующие для них ИКТ.

Описание проекта

Тема проекта. Золотое сечение.

Цели проекта: Наглядно продемонстрировать взаимосвязь математики с окружающим миром, продолжить эстетическое воспитание младших школьников и познакомить их с понятием «золотая пропорция».

Задачи проекта: Научиться видеть пропорцию в предметах окружающего мира, чётко и кратко излагать свои мысли устно и письменно.

Тип проекта. Информационный.

Основополагающий вопрос. Всё ли золото что блестит?

Проблемные вопросы. Гармония. Что это?

Золотое сечение, где используют это понятие? (природа, архитектура, живопись и т.д.)

«Золотое сечение» в жизни людей.

Как золотое сечение используется в математике?

№ п/п	Название этапа	Вид деятельности учащихся	ИКТ

5. Каждый проект содержит задания для самостоятельной работы учащихся. Сформулируйте задания для данного вида деятельности учащихся по данной теме и укажите источники информации к ним.

Тема урока. Математические сказки.

Тема проекта. Волшебная математика

Тип проекта. Творческий.

Цели проекта: Показать связь математики с литературой, создать сборник авторских математических сказок, в которых главными героями являются математические понятия и отношения.

Задачи проекта: Научить наделять математические понятия и отношения, свойствами им нехарактерными, формировать умение собирать информацию, уточнить особенности сказок, придумать сказки с математическими героями и оформить иллюстрации к ним.

Основополагающий вопрос _____

Проблемные вопросы. _____

Задания для самостоятельной работы учащихся: _____

Источники информации: _____

6. Обоснуйте и продемонстрируйте формы результатов по учебному проекту («Удивительный мир чисел», «Геометрия вокруг нас» и т.д.)

7. Обоснуйте практическую значимость результатов данного проекта. Где может быть использован данный проект? На каких уроках?

Описание проекта

Тема урока. Натуральные числа. Обобщение понятия числа.

Тема проекта. Жизнь числа.

Тип проекта. Исследовательский, информационный.

Цели проекта: 1. Расширить представления учащихся по развитию числовой линии.

2. Повысить уровень математической культуры младших школьников.

3. Сформировать навыки самостоятельной познавательной деятельности, обработки большого объема информации, умения видеть проблему и находить пути её решения, навыки излагать свои мысли устно и письменно.

4. Формировать критическое мышление, навыки работы в команде.

Основополагающий вопрос. Какова роль числа в нашей жизни?

Проблемные вопросы. Каким числам люди отдают предпочтение и почему?

Ноль – число или «ничто»?

Магия чисел: «Число судьбы».

Планирование.

Урок 1. После формулировки учителем основной проблемы и темы проекта, учащимся предлагается разделить на группы и, наряду с предлагаемыми темами, выдвинуть и обосновать свои, частные темы, по которым будут проводиться исследования. Далее после выбора и обоснования темы работа продолжится в виде обсуждения возможных источников информации и составления плана работы для каждой группы.

Урок 2. На данном уроке учащиеся представляют промежуточные результаты проделанной на данный момент работы, консультируются с учителем по дальнейшему ходу работы и обмениваются информацией.

Урок 3. Данный урок заключительный. На нём учащиеся защищают свои проекты (представление презентаций, публикаций), демонстрируют полученные результаты, подводят итоги работы, делают выводы.

Практическая значимость результатов _____

Задания на формирование организаторских умений

1. Разработайте список вопросов, рассматриваемых в рамках учебного исследования младших школьников по темам:

1. Удивительный мир чисел.

2. Геометрия вокруг нас.

2. Определите, какие промежуточные результаты могли быть получены в ходе выполнения данного проекта. Разработайте критерии оценки данных промежуточных результатов.

Тема урока. Симметрия.

Тема проекта. Симметрия в природе – миф или реальность?

Тип проекта. Исследовательский.

Цели проекта: Формирование знаний о симметрии, развитие логического мышления, пространственного воображения, формирование умений анализировать собранный материал, делать выводы и обобщения, воспитание коммуникативных навыков и навыков индивидуальной самостоятельной работы.

Основополагающий вопрос. Симметричен ли мир вокруг нас?

Проблемные вопросы. Встречается ли симметрия в нашей жизни?

Где ты, моё отражение?

Есть ли место симметрии в нашей жизни?

Исследования учащихся. Изучение предметов окружающего мира с целью выявления признака симметричности.

Изучение человека с целью выявления в нём различных симметрий.

Обсуждение применения симметрии в различных областях жизни.

3. Подготовьте презентацию от имени учащихся при работе над несколькими темами проектов для начальной школы по математике.

4. Составьте проверочный тест по теме «Задачи – расчёты», контролирующий усвоение младшими школьниками приёмов решения подобного типа задач.

5. Составьте информационный листок на тему «Математические имена» и «Удивительный мир чисел», а также публикацию по теме «История математических открытий».

6. Разработайте дидактический материал (кресворд, ребус, практическую работу и т.д.) для активизации самостоятельной деятельности младших школьников в рамках учебного проекта по математике.

7. Подготовьте раздаточный материал для работы на уроке по теме «Письменные приёмы умножения многозначных чисел», содержащий разноуровневые задания по формированию вычислительных навыков и их исследование.

Задания на формирование коммуникативных умений

1. В рамках изучения каких тем начального курса математики целесообразно использовать проектную деятельность? Ответ обоснуйте.

2. В ходе обсуждения в группе определите методы, средства и содержание исследований младших школьников при выполнении учебного проекта по математике («Величины», «Математические сказки»).

3. Обсудите в группах деятельность учителя и учащихся на каждом этапе реализации учебного проекта по математике. Заполните таблицу:

Название этапа	Деятельность учителя	Деятельность учащихся

4. Проанализируйте в группах различные обучающие программы по математике для младших школьников. Какие программы, на ваш взгляд, и на каких этапах урока по математике лучше использовать? Ответ обоснуйте.

Задания на формирование гностических умений

1. Разработайте и обоснуйте критерии оценивания результатов проектной деятельности младших школьников (1-2 класс, 3-4 класс).

Пример:

- практическая направленность и значимость работы;
- корректность используемых методов исследования и обработки полученных результатов;

- необходимая и достаточная глубина проникновения в проблему, привлечение знаний из других областей;
- соответствие содержания целям, задачам и теме проекта;
- чёткость формулировок, обобщений и выводов и т.д.

2. Разработайте и обоснуйте критерии оценивания защиты учебного проекта младших школьников.

3. Составьте примерный план выступления по защите проекта на произвольную тему начального курса математики, распределив обязанности среди членов вашей группы.

Выполнение представленных заданий способствует формированию готовности будущих учителей начальных классов к организации проектной деятельности младших школьников в процессе изучения математики. Данная система заданий была апробирована в рамках изучения курса «Проектная деятельность младших школьников при изучении естественно-математических дисциплин» направления подготовки 44.03.05 Педагогическое образование (с двумя профилями подготовки) в Орловском государственном университете имени И.С. Тургенева и доказала свою эффективность.

Библиографический список

1. Примерные программы по учебным предметам. Начальная школа. В 2 ч. Ч.1. 4-е изд., перераб. М.: Просвещение, 2011. 400 с.
2. Примерная основная образовательная программа образовательного учреждения. Начальная школа / [сост. Е.С.Савинов]. 3-е изд. М.: Просвещение, 2011. 204 с.
3. *Фарафонова И.В.* Организация проектной деятельности младших школьников в процессе изучения математики. Учебно-методическое пособие. Орёл: Горизонт, 2018. 104 с.

References

1. Approximate programmes for school subjects. Primary school. In 2 parts. 4th ed., Rev. М.: Prosveshcheniye, 2011. 400 p.
2. Approximate basic educational programme of an educational institution. Primary school / (E.S.Savinov). 3rd ed., М.: Prosveshcheniye, 2011. 204 p.
3. *Farafonova I.V.* Project activities organization of children in primary school at mathematical studying. Educational and methodical grant. Orel, Gorizont, 2018. 104 p.

УДК 377.031.4

UDC 377.031.4

ХАЙДАРОВА А.Р.

соискатель, Орловский государственный университет
имени И.С. Тургенева
E-mail: engil74@mail.ru

МИТЯЕВА А.М.

доктор педагогических наук, профессор, заведующая
кафедрой социального управления и конфликтологии
Орловский государственный университет имени
И.С. Тургенева
E-mail: annamm@inbox.ru

KHAYDAROVA A.R.

Aspirant, Orel State University
E-mail: engil74@mail.ru

MITYAEVA A.M.

Doctor of Pedagogical Sciences, Dative of Professor Managing
Department of Social Management of Orel State University
E-mail: annamm@inbox.ru

ФОРМИРОВАНИЕ ТЕХНОЛОГИЧЕСКОЙ КОМПЕТЕНЦИИ КАК ПОКАЗАТЕЛЬ КОНКУРЕНТОСПОСОБНОСТИ БУДУЩЕГО СПЕЦИАЛИСТА (НА ПРИМЕРЕ СПЕЦИАЛЬНОСТИ «ОБРАБОТКА ВОДНЫХ БИОРЕСУРСОВ»)

THE FORMATION OF TECHNOLOGICAL COMPETENCES AS AN INDICATOR OF THE COMPETITIVENESS OF A FUTURE SPECIALIST (USING THE EXAMPLE OF A SPECIALTY «THE PROCESSING OF AQUATIC BIOLOGICAL RESOURCES»)

В статье раскрывается вопрос о формировании технологической компетенции студента специальности «Обработка водных биоресурсов». Определены компоненты, этапы, а также условия и факторы, уровни, критерии и показатели, при которых возможен процесс эффективного формирования технологической компетенции. На основе проведенного исследования автор делает заключение о том, что технологическая компетенция является показателем конкурентоспособности будущего специалиста.

Ключевые слова: конкурентоспособность, компетентностный подход, технологическая компетенция.

The article reveals the question of the formation of the technological competence of a student of a specialty «The processing of aquatic biological resources». The components, stages, as well as conditions and factors, levels, criteria and indicators at which the process of effective formation are possible technological competence. Based on the study, the author concludes that technological competence is an indicator of the future specialists competitiveness.

Keywords: Competitiveness, competency-based approach, technological competence.

Сегодня общество предъявляет иные требования к среднему профессиональному образованию, и это связано с разрешением ряда противоречий в сфере отечественной промышленности.

Так, в Федеральном Законе «Об образовании в Российской Федерации» отмечено, что среднее профессиональное образование направлено на решение задач развития человека в интеллектуальном, культурном и профессиональном плане и имеет целью подготовку специалистов среднего звена в соответствии с потребностями общества и государства [3, с. 117]. В Федеральном государственном образовательном стандарте (ФГОС СПО) прописаны требования к выпускникам среднего профессионального образования, нацеленные на подготовку квалифицированного специалиста соответствующего уровня и профиля, специалиста, конкурентоспособного на рынке труда [1, с. 67].

Важным показателем конкурентоспособности будущего техника-технолога (специальности «Обработка водных биоресурсов») является формирование профессиональных компетенций, характеризующиеся возможностями личности успешно разрешать про-

блемную ситуацию, активизировать и актуализировать свои знания, умения, способности, опыт, необходимые в практической деятельности [2; 5; 7]. Анализ научной литературы дал нам возможность осмыслить понятие компетенции как общую способность, формирующуюся и проявляющуюся в опыте собственной деятельности. В связи с этим, образовательная среда среднего профессионального учреждения должна быть выстроена таким образом, чтобы студент оказывался в ситуациях, способствующих становлению профессиональных компетенций. Формирование профессиональных компетенций позволяет личности быть конкурентоспособной [4; 7].

Одной из ведущих профессиональных компетенций будущих техников-технологов специальности «Обработка водных биоресурсов» является технологическая компетенция. Так, в Федеральном государственном образовательном стандарте среднего профессионального образования сформулированы требования для подготовки будущих специалистов специальности 111402 «Обработка водных биоресурсов», где, преимущественно, говорится о том, что «техник-

технолог должен обладать профессиональными компетенциями, которые соответствуют основным видам профессиональной деятельности. В частности, к таким компетенциям относятся способность:

«– планировать и организовывать технологический процесс производства различных видов пищевой продукции из водных биоресурсов;

– готовить к работе и эксплуатировать технологическое оборудование для производства различных видов пищевой продукции из водных биоресурсов;

– определять качество сырья, полуфабрикатов и готовой продукции;

– анализировать причины брака и предотвращать возможность его возникновения» и т.д.

Таким образом, можно сказать, что образовательная программа среднего профессионального образования, предназначенная для подготовки будущих техников-технологов специальности «Обработка водных биоресурсов», ориентирована на формирование технологической компетенции как ведущей профессиональной компетенции, определяющей личностные качества, качества, реализуемые в учебной и профессиональной деятельности, способность к творчеству, что и является, по нашему мнению, показателем конкурентоспособности будущего специалиста среднего профессионального образования [6, с. 123].

Система формирования технологической компетенции будущих техников-технологов специальности «Обработка водных биоресурсов» моделируется на основе системного, деятельностного, личностно-ориентированного и компетентностного подходов. Так, системный подход дает возможность представить процесс формирования технологической компетенции как целостный процесс, а также разработать технологию педагогического сопровождения исследуемого процесса в условиях среднего профессионального образования. Личностно-ориентированный подход позволяет нам определить профессионально-личностные качества студентов, необходимых для формирования технологической компетенции. Деятельностный подход отражает формирование технологической компетенции в процессе активного осуществления личностью собственной деятельности. Компетентностный подход способствует выявлению ключевых компетенций, являющихся основой для формирования технологической компетенции.

Технологическая компетенция будущих техников-технологов специальности «Обработка водных биоресурсов» представляет собой интегральное личностное образование, которое включает в себя знания, умения, навыки технологического производства, владение механизмами целеполагания, планирования, анализа учебной и профессиональной деятельности, владение способами решения нестандартных задач и т.д. В связи с этим, мы выделяем следующие компоненты, составляющие структуру технологической компетенции.

Так, *аксиологический компонент* включает в себя ценностные ориентации, мотивы учебной деятельности,

профессионально-личностные качества студента, способность к рефлексии, самооценке. *Гностический компонент* включает в себя знание основ технологического производства, безопасных условий труда, основ проектной деятельности, характеристик технологического оборудования. *Коммуникативно-организаторский компонент* заключается в умении работать в коллективе и команде, эффективно взаимодействовать с коллегами, руководством, клиентами, а также организовывать работу трудового коллектива, управлять деятельностью по производству продукции из водных биоресурсов. *Проектировочный компонент* состоит в умении планировать, организовывать, регулировать и вести технологический процесс производства различных видов пищевой продукции из водных биоресурсов. *Конструктивный компонент* связан с проявлением самостоятельности, креативности, индивидуальности в процессе выполнения деятельности студента.

Анализ процесса формирования технологической компетенции как организационно, так и с точки зрения личностного и профессионального развития, включает в себя четыре основных этапа: *ценностно-смысловой*, направленный на формирование внутренней установки личности студента на приобретение технологической компетенции в процессе освоения технологических знаний в учебной практике; *профессионально-личностный этап*, направленный на развитие профессионально-личностных качеств, необходимых для формирования технологической компетенции, *производственно-ориентированный этап*, направленный на формирование технологической компетенции в процессе освоения своей будущей профессиональной деятельности, и *профессионально-творческий*, направленный на развитие самостоятельности, креативности, индивидуальности в процессе выполнения своей профессиональной деятельности.

Следует также отметить, что выделенные этапы являются условными, так как невозможно обозначить границы между ними. Это связано с тем, что, во-первых, сам процесс становления является целостным и непрерывным, во-вторых, каждый человек обладает индивидуальными особенностями, позволяющими одним достигать формирование технологической компетенции быстрее, а другим – медленнее. Кроме того, обозначенные этапы являются взаимообусловленными и взаимодополняющими.

Процесс формирования технологической компетенции может быть эффективным при интеграции в образовательный процесс среднего профессионального учреждения следующих педагогических условий: включенность преподавательского состава среднего профессионального учреждения в научно-методическую работу, направленную на актуализацию ключевых компетенций у студентов, необходимых для формирования технологической компетенции выпускника; образовательные модули и соответствующие им практики обеспечивают развитие профессионально-личностных качеств у студентов, необходимых для продуктивно-

го формирования технологической компетенции выпускника; разработана и теоретически обоснована технология педагогического сопровождения процесса формирования технологической компетенции студентов среднего профессионального образования; технология педагогического сопровождения формирования технологической компетенции выпускника носит интерактивный и личностно-ориентированный характер.

Перечисленные нами педагогические условия для эффективного осуществления процесса формирования технологической компетенции будут проводиться в действие под влиянием следующих *факторов*: создание ситуации успеха для актуализации и проявления внутреннего потенциала личности студента, развитие личностных и профессиональных качеств студентов, необходимых для формирования технологической компетенции; совместная деятельность субъектов образовательного процесса; использование интерактивных и личностно-ориентированных технологий, способствующих формированию технологической компетенции будущих специалистов; модульный характер построения содержания среднего профессионального образования.

Опираясь на рассмотренные этапы процесса формирования технологической компетенции будущих техников-технологов специальности «Обработка водных биоресурсов» в условиях среднего профессионального учреждения, нами были выделены уровни сформированности этой технологической компетенции у студентов. Следует отметить, что разделение процесса формирования технологической компетенции на уровни, также как и соотнесение их с выделенными этапами возможно только теоретически, поскольку на практике процесс формирования технологической компетенции студентов специальности «Обработка водных биоресурсов» происходит комплексно. Одновременно с этим мы можем добавить, что этапы формирования технологической компетенции и уровни ее сформированности у студентов не всегда совпадают. Переход с одного уровня на другой будет обусловлен не прохождением последовательности этапов, а степенью сформированности таких категорий, как «знать», «уметь», «иметь практический опыт», в соответствии с ФГОС СПО.

Так, первый уровень формирования технологической компетенции условно определяется как *профессионально-смысловой*. Основная функция этого уровня – смыслообразующая. Основу данного уровня составляет понятийный компонент, характеризующийся формированием у студентов технологических знаний и умений, составляющих основу профессиональной деятельности. Критериями данного уровня являются гностический и деятельностный. *Показателями гностического критерия* являются следующие: сформированность общелогических способностей в учебной практике (умение анализировать, сравнивать, классифицировать, обобщать и т.д.). *Показателями деятельностного критерия* являются следующие: умение работать с информацией, умение находить способы решения проблемы, умение аргументировать.

Второй уровень формирования технологической компетенции мы обозначили как *компетентностный*. Основной функцией данного уровня является компетентностная функция. На этом уровне студенты приобретают профессиональный опыт в деятельности, у них формируется представление о специфике своей будущей профессии, о методах и алгоритмах решения практических задач. В основе данного уровня лежит деятельностный компонент, характеризующийся формированием у студентов способности решать технические задачи в условиях производственной деятельности. Критериями данного уровня являются гностический, коммуникативно-организаторский. *Показателями гностического критерия* являются следующие: мотивация к осуществлению профессиональной деятельности. *Показателями коммуникативно-организаторского критерия* являются следующие: умение работать в команде, развитые коммуникативно-организаторские способности.

Третий уровень формирования технологической компетенции мы обозначили как *технологический*. Основной функцией данного уровня является технологическая. Этот уровень характеризует готовность студентов решать типовые задачи, принимать профессиональные и управленческие решения по известным алгоритмам, правилам и методам. Критериями данного уровня являются гностический, проективно-творческий. *Показателями гностического критерия* являются следующие: владение способами решения задач профессиональной деятельности. *Показателями проективно-творческого критерия* являются следующие: умение ориентироваться на конечный результат, умение планировать и организовывать свою деятельность для достижения результата, умение обосновывать последовательность действий, этапов проектирования.

Четвертый уровень формирования технологической компетенции обозначен нами как *творческо-практический*. Данный уровень обусловлен переходом студентов на этап профессионально-творческой самореализации в процессе их стажерской практики и предполагает готовность решать не типовые задачи, а задачи повышенной сложности, принимать профессиональные и управленческие решения в нестандартных ситуациях. Критериями данного уровня являются гностический, конструктивный. *Показателем гностического критерия* являются следующие: развитие творческого мышления. *Показателями конструктивного критерия* являются следующие: поиск эффективных путей решения задач, выработка собственных творческих решений в различных производственных ситуациях.

Проведенное нами теоретическое исследование привело нас к пониманию того, что технологическая компетенция тесно связана с конкурентоспособностью личности будущего специалиста. Технологическая компетенция характеризуется возможностями личности, позволяющими ей успешно разрешать проблемные ситуации, активизировать и актуализировать свои знания, умения, способности, опыт, необходимые в прак-

тической деятельности. Все это можно рассматривать как конкурентные преимущества личности, которые и характеризуют ее конкурентоспособность. Это дает

основание педагогической науке рассматривать технологическую компетенцию как показатель конкурентоспособности будущего специалиста.

Библиографический список

1. *Андреев В.И.* Саморазвитие творческой конкурентоспособности личности менеджера: монография. Казань: Центр инновационных технологий, 2015. 207 с.
2. *Вербицкий А.А., Ларионова О.Г.* Личностный и компетентностный подходы в образовании: проблемы интеграции [Текст]: монография /А.А. Вербицкий, О.Г. Ларионова. М., 2017. 336 с.3.
3. *Востриков А.А.* Конкурентоспособность выпускника школы и современные подходы к ее формированию. // Томский гос. пед. ун-т. Ин-т теории образования. Томск: Изд-во ТГПУ, 2014. Вып.4. С.198-2044
4. *Ермаков Д.С.* Компетентностный подход в образовании //Педагогика. М.: Педагогика, 2011. №4. С.8-155.
5. *Митина Л.М.* Личностное и профессиональное развитие человека [Текст] /Л.М. Митина // Вопросы психологии. М.: Вопросы психологии, 1997. №4. С. 28-386.
6. *Резник С.Д.* Конкурентоспособность выпускника российского вуза: системы и механизмы формирования: монография. Пенза: ООО «Научно-издательский центр ИНФРА-М», 2016. 283 с.
7. *Ярошенко С.Н.* Ценностные основы становления и развития конкурентоспособности студентов вуза: теоретико-методологический аспект: монография. Челябинск: Изд-во Челяб. гос. ун-та, 2013. 151 с.

References

1. *Andreev V.I.* Self-development of creative competitiveness of a manager's personality: monograph. Kazan: Center for Innovative Technologies, 2015. 207 p.
2. *Verbitsky A.A., Larionova O.G.* Personal and competency-based approaches in education: problems of integration [Text]: monograph / A.A. Verbitsky, O.G. Larionova. M., 2017. 336 p. 3.
3. *Vostrikov A.A.* Competitiveness of a school graduate and modern approaches to its formation. // Tomsk state. ped un-t Institute of Educational Theory. Tomsk: Publishing House of TSPU, 2014 . Issue 4. Pp .98-2044
4. *Ermakov D.S.* Competency-based approach in education// Pedagogy. M.: Pedagogy, 2011. No. 4.Pp. 8-155.
5. *Mitina L.M.* Personal and professional development of a person// Questions of psychology. M.: Questions of psychology, 1997. No. 4. Pp. 28-386.
6. *Reznik S.D.* Competitiveness of a graduate of a Russian university: systems and mechanisms of formation/: monograph / Penza: LLC "Scientific and Publishing Center INFRA-M", 2016.- 283 p. 7.
7. *Yaroshenko S.N.* The value basis of the formation and development of competitiveness of university students: theoretical and methodological aspect: monograph. Chelyabinsk: Publishing house Chelyab. state University, 2013 . 151 p.

УДК 378.147.091.33

UDC 378.147.091.33

ЦУКАНОВА Е.М.

кандидат филологических наук, доцент, кафедра немецкого языка, Орловский государственный университет имени И.С. Тургенева
E-mail: tsukanova68@mail.ru

ТЕРНОВЫХ Т.Ю.

кандидат педагогических наук, доцент, кафедра немецкого языка, Орловский государственный университет имени И.С. Тургенева
E-mail: t-ju-7@yandex.ru

TSUKANOVA E.M.

Candidate of Philological Sciences, Associate Professor,
Department of the German Language, Orel State University
E-mail: tsukanova68@mail.ru

TERNOVYKH T.J.

Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor,
Department of the German Language, Orel State University
E-mail: t-ju-7@yandex.ru

ПОТЕНЦИАЛ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ АКТИВНЫХ МЕТОДОВ ОБУЧЕНИЯ НА ЗАНЯТИЯХ И ПРИ ПРОВЕДЕНИИ НАУЧНО-ПОЗНАВАТЕЛЬНЫХ МЕРОПРИЯТИЙ

POTENTIAL OF USING ACTIVE LEARNING METHODS DURING LESSONS AND SCIENTIFIC AND EDUCATIONAL ACTIVITIES

В статье обосновывается необходимость внедрения активных методов обучения как значимой модели формирования высококвалифицированного специалиста. Акцентируется внимание на эффективности интеграции образовательной и научно-исследовательской деятельности в профессиональной подготовке обучающихся. Обобщается практический опыт проведения научно-образовательного квеста как одной из активных форм применения обучающимися имеющихся знаний, умений и навыков для решения практических задач.

Ключевые слова: активный метод обучения, интеграция, научно-исследовательская деятельность, образовательная деятельность, научно-образовательный квест.

The article substantiates the need for implementation of active learning methods as a significant model of highly qualified specialist development. The focus is on efficient integration of educational and scientific research activities in students' vocational training. The practical experience of a scientific and educational quest is summarized as an active form of application by students of skills and knowledge to solve practical tasks.

Keywords: active learning method, integration, scientific research, educational activities, scientific and educational quest.

Основной задачей системы образования любого государства является создание комфортных условий для гармоничного и всестороннего развития личности. Этот факт общепризнан и неоспорим, независимо от того, на каком уровне развития находится экономика, какие политические партии находятся у власти и т.д. Бесспорным является также и тезис о том, что, как целенаправленно разработанный обществом социальный институт, система образования обязана непрерывно развиваться и изменяться, подстраиваясь под постоянно обновляющиеся требования современного общества. Гибкость в оформлении и содержании образовательного пространства, призванного удовлетворять потребностям нынешнего общества, является очевидным и обязательным условием существования данной сферы общественной жизни. Трансформация целей, методов и технологий образования требует применения новых, инновационных подходов в преподавании в высшей школе для формирования высококвалифицированного специалиста. На первый план выдвигается не столько объем приобретенных знаний, навыков и умений, сколько их грамотное сочетание

с качествами личности, умением самостоятельно распоряжаться своими знаниями, направляя деятельность на непрерывное саморазвитие и самосовершенствование. Первостепенную значимость в процессе приобретает интеграция научно-исследовательской деятельности в образовательный процесс.

В Статье 72 Федерального закона от 29.12.2012 № 273-ФЗ (ред. от 25.12.2018) «Об образовании в Российской Федерации» четко сформулирована цель интеграции образовательной и научной (научно-исследовательской) деятельности в высшем образовании, а именно: «...кадровое обеспечение научных исследований, повышение качества подготовки обучающихся по образовательным программам высшего образования, привлечение обучающихся к проведению научных исследований под руководством научных работников, использование новых знаний и достижений науки и техники в образовательной деятельности» [4].

Таким образом, в рамках данной статьи ключевыми являются понятия «интеграция», «научно-исследовательская деятельность» и «образовательная

деятельность».

В *Философском энциклопедическом словаре* дается следующее определение понятия «интеграция»: «...сторона процесса развития, связанная с объединением в целое ранее разнородных частей и элементов. Процессы интеграции могут иметь место как в рамках уже сложившейся системы, в этом случае они ведут к повышению уровня ее целостности и организованности, так и при возникновении новой системы из ранее несвязанных элементов» [5].

Под научно-исследовательской работой обучающихся традиционно понимается «комплекс мероприятий, направленных на освоение обучающимися в процессе обучения по учебным планам и сверх них методов, приемов и навыков выполнения исследований и анализа, развитие способностей к научному и техническому творчеству, а также самостоятельности и инициативы» [2].

Образовательная же деятельность дефинируется как «совокупность последовательных действий, предпринимаемых организаторами образования преподавателями, мастерами производственного обучения и другими работниками образовательного учреждения для достижения результатов, предусмотренных образовательными программами» [3].

Мы понимаем под интеграцией научно-исследовательской и образовательной деятельности в высшей школе процедуру создания и укрепления их взаимосвязей, вкрапление в учебную деятельность обучающихся элементов научно-исследовательского опыта.

Среди ряда форм реализации интеграции образовательной и научно-исследовательской деятельности в высшем образовании, отраженных в законе «Об образовании в Российской Федерации», представлена и такая форма, как «...осуществление образовательными организациями, реализующими образовательные программы высшего образования, и научными организациями и иными организациями, осуществляющими научную (научно-исследовательскую) деятельность, совместных научно-образовательных проектов, научных исследований и экспериментальных разработок, а также иных совместных мероприятий».

Следует подчеркнуть значимость и потенциал использования при проведении подобных мероприятий активных методов обучения. Это обобщенное название ряда методов, реализующихся в процессе обучения «за счет широкого использования *коллективных форм обучения*, в том числе *ролевых игр* и современных образовательных технологий» [1]. Данные методы стимулируют самостоятельную познавательную и практическую деятельность, характеризуются интенсивной включенностью обучающихся в учебно-познавательный процесс, повышением значимости коллективных форм решения учебных или научных задач, ориентированностью на развитие социальной и профессиональной компетенции. К активным методам обучения традиционно относят мозговой штурм, проблемный метод, метод синектики, эвристических вопросов, организованных

стратегий, эвристическую беседу, а также дискуссии, гендерное обучение. К преимуществам их использования как на занятиях, так и в процессе проведения научно-познавательных мероприятий следует отнести развитие творческих способностей обучающихся, их внимания, памяти, совершенствование их социальных навыков, профессиональных умений.

К таким методам, по нашему мнению, можно отнести квест (англ. «quest» – «поиск») как вид исследовательской деятельности, организованный преподавателями, целью которого является решение поставленных перед обучающимися образовательных задач, выполняя набор проблемных заданий с элементами ролевой игры. Данный вид деятельности предусматривает симбиоз научного, аналитического, креативного, творческого и проектного мышления, способствует раскрытию творческих способностей обучающихся, применению имеющихся у них знаний и навыков в практической деятельности, помогает обучающимся овладевать «универсальными» способами мышления и деятельности.

Можно смело утверждать, что квест может применяться как один из способов развития инновационного мышления, а именно нового мышления, результатом которого будет новое знание, основанное на анализе уже полученных.

В настоящее время большое внимание уделяется межпредметным квестам. Однако применение этого метода обучения в рамках одного предмета не стоит недооценивать.

В методической литературе выделяют линейные, штурмовые и кольцевые квесты в зависимости от последовательности выполнения заданий.

Отметим, что любой квест должен иметь четко обозначенную структуру. Началом является подготовительный этап, на котором преподаватель (возможно совместно с обучающимися) продумывает задания, сценарий, подбирает материалы. Необходимо также провести деление на команды, объявить тему мероприятия, выдать каждой команде маршрутные листы с обозначением станций, их местонахождением, обозначить время для прохождения всех станций квеста. Следующий этап – непосредственное выполнение заданий. Завершающий этап – подведение итогов квеста, подсчет членами жюри баллов команд, объявление победителя. На итоговом этапе необходима рефлексия заданий квеста. Структуру рефлексии может предложить преподаватель, как в форме беседы, так и в игровой форме.

Примером внедрения такого активного метода обучения может служить научно-образовательный квест «Знатоки традиций: Рождественское путешествие по России и Германии», подготовленный и проведенный кафедрой немецкого языка Института иностранных языков ФГБОУ ВО «Орловский государственный университет» 22.12.2018 года. Квест представлял собой 5 станций с заданиями, посвященными традициям и обычаям празднования Рождества в Германии и России. Для участия в нем были приглашены ученики нескольких

школ города Орла и Орловской области, в подготовке мероприятия принимали участие не только преподаватели, но и студенты отделения немецкого языка. На этапе разработки находится следующий квест, который будет проведен в Институте иностранных языков в декабре 2019 года.

По итогам проведенного квеста состоялась беседа со студентами отделения немецкого языка, участвовавшими в подготовке и проведении этого мероприятия. Обучающиеся подчеркнули его значимость и целесоо-

бразность использования данного активного метода обучения как на занятиях, так и при организации научно-познавательных мероприятий с целью повышения мотивации изучения немецкого языка, определили его как стимул для приобретения новых знаний и умений, развития различного вида компетенций, познавательного интереса. Особое внимание студенты уделили значимости квеста и этапа его подготовки для их дальнейшей научно-познавательной деятельности.

Библиографический список

1. Азимов Э.Г. Новый словарь методических терминов и понятий (теория и практика обучения языкам) / Э.Г. Азимов, А.Н. Щукин. М.: Издательство ИКАР, 2009. С. 12
2. ОЧУВО «Московский инновационный университет» «Общие задачи научно-исследовательской деятельности студентов» <http://www.miu-edu.ru/page/obshie-zadachi-nauchno-issledovatel'skoy-deyatelnosti-studentov>
3. Профессиональное образование. Словарь. Ключевые понятия, термины, актуальная лексика. М.: НМЦ СПО. С. М. Вишнякова, 1999. https://official.academic.ru/14462/%D0%9E%D0%B1%D1%80%D0%B0%D0%B7%D0%BE%D0%B2%D0%B0%D1%82%D0%B5%D0%BB%D1%8C%D0%BD%D0%B0%D1%8F_%D0%B4%D0%B5%D1%8F%D1%82%D0%B5%D0%BB%D1%8C%D0%BD%D0%BE%D1%81%D1%82%D1%8C
4. Федеральный закон от 29.12.2012 № 273-ФЗ (ред. от 25.12.2018) «Об образовании в Российской Федерации» http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_140174/6e5c52af3f4fc42996109bd84ddfb8695827cdc0/
5. Философский энциклопедический словарь. М.: Советская энциклопедия. Гл. редакция: Л. Ф. Ильичёв, П. Н. Федосеев, С.М. Ковалёв, В.Г. Панов. 1983. https://dic.academic.ru/dic.nsf/enc_philosophy/2360/ИНТЕГРАЦИЯ

References

1. Azimov, E.G. New Dictionary of Teaching Terms and Concepts (Theory and Practice of Language Teaching) / E.G. Azimov, A.N. Shchukin. Moscow.: Ikar Publisher, 2009. Pp. 12
2. Moscow Innovative University General Tasks of Students' Scientific and Educational Activities <http://www.miu-edu.ru/page/obshie-zadachi-nauchno-issledovatel'skoy-deyatelnosti-studentov>
3. Vocational Education. Dictionary. Key Notions, Terms, Essential Vocabulary. Moscow.: Research Guidance Center for Secondary Vocational Education S. M. Vishnyakova, 1999. https://official.academic.ru/14462/%D0%9E%D0%B1%D1%80%D0%B0%D0%B7%D0%BE%D0%B2%D0%B0%D1%82%D0%B5%D0%BB%D1%8C%D0%BD%D0%B0%D1%8F_%D0%B4%D0%B5%D1%8F%D1%82%D0%B5%D0%BB%D1%8C%D0%BD%D0%BE%D1%81%D1%82%D1%8C
4. Federal Law dated 29.12.2012 No 273-FZ (as amended on 25.12.2018) On Education in the Russian Federation http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_140174/6e5c52af3f4fc42996109bd84ddfb8695827cdc0/
5. Philosophic Encyclopedic Dictionary. Moscow.: Soviet Encyclopedia. Ed: L. F. Ilyichev, P. N. Fedoseev, S.M. Kovalyov, V.G. Panov. 1983. https://dic.academic.ru/dic.nsf/enc_philosophy/2360/ИНТЕГРАЦИЯ

УДК 91(072.3)+373.5.013+502.31

UDC 91(072.3)+373.5.013+502.31

ЧЕРНЯТИН М.С.

старший преподаватель, кафедра психолого-педагогических и театральных дисциплин, Московский информационно-технологический университет – Московский архитектурно-строительный институт
E-mail: maxchernyatin@mail.ru

CHERNYATIN M.S.

Senior Lecturer, Department of Psychological, Pedagogical and Theater Disciplines, Moscow Information Technology University – Moscow Institute of Architecture and Civil Engineering
E-mail: maxchernyatin@mail.ru

АНАЛИЗ РЕЗУЛЬТАТОВ ПЕДАГОГИЧЕСКОГО ЭКСПЕРИМЕНТА ПО ФОРМИРОВАНИЮ У УЧАЩИХСЯ ЭКОЦЕНТРИЧЕСКОГО СОЗНАНИЯ В КУРСАХ ГЕОГРАФИИ ОСНОВНОЙ ШКОЛЫ

THE ANALYSIS OF RESULTS OF A PEDAGOGICAL EXPERIMENT ON FORMATION AT PUPILS OF ECOCENTRIC CONSCIOUSNESS IN COURSES OF GEOGRAPHY OF THE MAIN SCHOOL

В статье представлен качественный и количественный анализ результатов педагогического эксперимента по формированию у учащихся экоцентрического сознания в курсах географии основной школы; выделены критерии, показатели и уровни сформированности экоцентрического сознания; обоснована эффективность проведенного педагогического эксперимента в контексте формирования исследуемого типа сознания.

Ключевые слова: экоцентрическое сознание; география; педагогический эксперимент; результаты; качественный и количественный анализ.

In article the qualitative and quantitative analysis of results of a pedagogical experiment on formation at pupils of ecocentric consciousness in courses of geography of the main school is presented; criteria, indicators and levels of formation of ecocentric consciousness are marked out; the efficiency of the made pedagogical experiment in the context of formation of the studied consciousness type is proved.

Keywords: ecocentric consciousness; geography; pedagogical experiment; results; qualitative and quantitative analysis.

Сегодня в образовательной среде активно реализуется личностно-ориентированное обучение. Требования, задаваемые Федеральным государственным образовательным стандартом основного общего образования [7], регулируют образовательный процесс, обеспечивают формирование у школьников личностных качеств, а также освоение учащимися метапредметных результатов образовательной деятельности. Среди них, на наш взгляд, выделяется экоцентрическое сознание. Ключевой задачей настоящей работы служит изложение результатов педагогического эксперимента по формированию у учащихся названного выше типа сознания в курсах географии основной школы.

Отметим, что в настоящем педагогическом исследовании принимали участие учащиеся общеобразовательных школ № 7, № 27, № 37 г. Орла и № 293, № 883 г. Москвы, характеризующиеся приблизительно одинаковой средней успеваемостью. Общее количество учеников составило 500 человек. Необходимо отметить, что в рамках педагогического эксперимента контрольный срез проводился пятикратно (впервые – на входе в 5 кл., в промежуточном контроле – в 6, 7 и 8 кл., на выходе – по завершению обучения в 9 кл.). Вместе с тем, следует подчеркнуть, что за время проведения педагогического

эксперимента в контрольных срезах вопросы варьировались, но, при этом, сохранялся их смысл. С целью диагностирования сформированности экоцентрического сознания учащимся для выполнения предлагались следующие вопросы и задания (табл. 1):

В основу обозначенных выше вопросов положены идеи экоцентрического характера – о единстве и целостности мира, его иерархического устройства (прежде всего, иерархических (вертикальных) связях, существующих в природе, и места человека в нем), самоценности, целесообразности, равноценности и паритетности человека и природы, необходимости их коэволюции и устойчивого развития, соблюдения норм и правил экологического и нравственного императивов [3]. Формирование экоцентрического сознания реализовалось в таких методических условиях, как: интеграция географии с другими дисциплинами – естественными, общественными и прикладными, применение усовершенствованной системы эколого-ориентированных знаний и умений, а также системы вопросов и заданий экоцентрической направленности для школьников.

Применительно к экоцентрическому сознанию в качестве критерия мы будем рассматривать определенные признаки сформированности у учащихся экоцентри-

Таблица 1.

Соответствие вопросов и заданий для учащихся разным компонентам
экоцентрического сознания (составлено автором)

Вопросы и задания для учащихся	Компонент экоцентрического сознания
1. Связаны ли человек и природа? Если да, объясните эти связи. Если нет, объясните почему?	когнитивный, аксиологический
2. Связаны ли Вселенная, Галактики, Солнечная система, Солнце, географическая оболочка, географические пояса, природные зоны, человек? В чем эта взаимосвязь выражается и как проявляется? В чем состоит сущность иерархии природных систем? Объясните ее смысл и значение.	когнитивный
3. Назовите виды растений и животных – характерных для зоны тайги. Объясните, почему эти растения и животные не встречаются в каких-либо других природных зонах, например, в тундре? Отличается ли тайга на разных материках? С помощью примеров объясните различия между тайгой Евразии и тайгой Северной Америки.	когнитивный
4. Объясните, какое влияние оказывает человек на природу, и какое влияние оказывает природа, в свою очередь, на существование человека? В разных природных зонах это влияние одинаково или есть различия? Если да, с помощью примеров объясните, в чем они заключаются? Если нет, объясните почему?	когнитивный
5. Существует ли какая-либо взаимосвязь и взаимодействие между компонентами природы? Можно ли их считать самоценными? Если да, то в чем они заключаются? Если нет, объясните почему? Объясните, как они проявляются в разных природных зонах и чем вызваны?	когнитивный, аксиологический
6. Объясните значение коэволюции и устойчивого развития человека и природы.	когнитивный, аксиологический
7. Охарактеризуйте ваше отношение к природе. Дайте полную, развернутую характеристику вашего отношения к природе.	аксиологический, эмоциональный
8. Выделите в природе то, что обладает, на ваш взгляд, большей или меньшей значимостью по сравнению с чем-то другим? Почему? Объясните свой ответ.	аксиологический
9. Считаете ли вы необходимым сохранять природу? Почему? Что, по вашему мнению, означает «охрана природы»? Какой смысл вы вкладываете в это понятие?	аксиологический, практический
10. Представьте, что вы должны создать новое промышленное предприятие. Какими соображениями вы будете руководствоваться при выполнении этой задачи? Опишите подробно ваши действия и задачи, которые вы поставите перед собой.	аксиологический, практический
11. Какие действия в отношении природы вы считаете недопустимыми? Что бы вы сделали для того, чтобы сберечь окружающую нас природу? Какими личностными качествами, на ваш взгляд, должен обладать человек?	практический
12. Известно, что леса имеют большое значение для нашей планеты. Они: а) являются местом, где живут растения и животные; б) служат источником кислорода, необходимого для жизни; в) используются человеком в хозяйственной деятельности (изготовление мебели, бумаги); г) являются местом отдыха; д) отличаются своей красотой. Расставьте перечисленные свойства леса по порядку (от 1 до 5) по степени важности. Если вы считаете, что все свойства леса одинаково важны – поставьте цифру 0.	аксиологический
13. Испытываете ли вы какие-либо чувства, ощущения при посещении леса? Что является причиной ваших чувств? Возникает ли у вас потребность в общении с природой? В чем она выражается, и почему?	эмоциональный
14. Представьте ситуацию, вы поехали на отдых в лес и обнаружили, что на вашем любимом месте мусор. Какие чувства у вас вызовет сложившаяся ситуация и какие действия вы предпримете?	эмоциональный, практический

ческого сознания при обучении географии; в качестве показателя – качественные и количественные характеристики сформированности у учащихся экоцентрического сознания, выявленные путем анализа результатов

педагогического эксперимента; в качестве уровня – степень качества сформированности у учащихся экоцентрического сознания (табл. 2).

Таблица 2

Соотношение критериев, показателей и уровней сформированности у учащихся экоцентрического сознания (составлено автором)

Критерии	Уровни и его характеристика, показатели		
	низкий (0-49%)	средний (50-79%)	высокий (80-100%)
Когнитивный компонент			
знание о единстве и целостности мира, о его иерархическом и системном устройстве, в том числе месте и роли человека в нем	знания о единстве и целостности мира, о его иерархическом и системном устройстве не сформированы или представлены в бессистемной и поверхностной форме.	владение общим представлением о единстве и целостности мира, о его иерархическом и системном устройстве, умением различать разные космические и географические системы.	владение пониманием, осмыслением и объяснением единства и целостности мира, его иерархического и системного устройства, места и роли человека в нем, умением выделять иерархические связи как в космосе, так и на Земле.
знание об иерархической и причинно-следственной взаимосвязи всех явлений в природе	знание об иерархической и причинно-следственной взаимосвязи всех явлений в природе не сформированы или представлены в бессистемной и поверхностной форме.	владение представлением о причинно-следственной и иерархической взаимосвязи всех явлений в природе, умением различать горизонтальные и вертикальные связи.	владение пониманием, осмыслением и объяснением причинно-следственной и иерархической взаимосвязи всех явлений в природе, их влияния на все компоненты природных зон, включая человека.
знание типичных признаков природных зон нашей планеты и их региональных особенностей, о связи всех их компонентов, включая человека, его влияние на природу в различных природных зонах, а также влияние природы на жизнь, деятельность и здоровье человека	знания о природных зонах, об их типичных признаках, о влиянии человека на разные компоненты природных зон представлены в бессистемной и поверхностной форме.	владение представлением о природных зонах, об их типичных признаках, о влиянии человека на разные компоненты природных зон, умением выделять сходства и различия между разными природными зонами и их компонентами.	владение пониманием, осмыслением и объяснением причинно-следственной связи компонентов природных зон, включая человека, различий природных зон на разных территориальных уровнях от глобального до локального (местного), их целостности.
знание об экологических проблемах на различных территориальных уровнях, характерных для разных природных зон	знания об экологических проблемах в мире представлены в бессистемной и поверхностной форме.	владение представлением об экологических проблемах в мире, умением их перечислять, указывать на причины их возникновения.	владение пониманием, осмыслением и объяснением причин возникновения экологических проблем разных на территориальных уровнях, умением устанавливать между ними связи, оценивать их, составлять прогнозы, предлагать способы их решения.
овладение пониманием необходимости коэволюции и устойчивого развития человека, общества и природы, их смысла	знания о гармоничном развитии природы и человека отсутствуют или представлены в бессистемной и поверхностной форме.	владение представлением о гармоничном развитии природы и человека, о необходимости построения с природой равноценных и паритетных отношений.	владение пониманием, осмыслением и объяснением единства природы и человека, их коэволюции и устойчивого развития, необходимости построения с природой равноценных и паритетных отношений.
Практический компонент			
проявление в деятельности субъект-субъектного отношения к природе, умение применять приобретенные экологические и биогеографические знания на практике	субъект-субъектное отношение к природе в деятельности в явном виде не проявляется, владение лишь некоторыми, самыми общими умениями экологической и биогеографической направленности, не складывающимися в единую систему.	субъект-субъектное отношение к природе в деятельности проявляется слабо, свободное владение лишь определенным набором экологических и биогеографических умений.	субъект-субъектное отношение к природе в деятельности отличается ярко выраженной формой представленности, свободное владение разнообразными умениями экологической и биогеографической направленности и их применение на практике.
стратегия применения экологических и биогеографических знаний и умений в соответствии с этическими нормами и правилами экологического и нравственного императивов	владение нормами и правилами экологического и нравственного императивов отсутствует, выражено неумение их применять на практике и в повседневной жизни.	владение нормами и правилами экологического и нравственного императивов носит нечеткий, опосредованный характер.	владение стратегией применения экологических и биогеографических знаний и умений в соответствии с этическими нормами и правилами экологического и нравственного императивов.

Продолжение Таблицы 2.

Аксиологический компонент			
характер отношения человека к природе, ценностной ориентации и мотивации	владение натурцентрической или антропоцентрической ценностной ориентацией и мотивацией в отношении человека к природе.	владение отдельными нечетко связанными между собой признаками субъект-субъектного характера в отношении человека к природе.	владение экоцентрической ценностной ориентацией и мотивацией в отношении человека к природе.
ценностная ориентация и мотивация на реализацию равноценных и паритетных отношений	ценностная ориентация и мотивация на реализацию равноценных и паритетных отношений отсутствует, ценными являются отдельные компоненты природы.	ценностная ориентация и мотивация на реализацию равноценных и паритетных отношений отличается слабовыраженной формой представленности.	ценностная ориентация и мотивация на реализацию равноценных и паритетных отношений, все компоненты природы, включая человека, являются равноценными и паритетными.
мотивация деятельности человека в отношении природы, ориентация на здоровый и безопасный образ жизни	мотивация деятельности человека в отношении природы отличается натурцентрической или антропоцентрической направленностью, признаки ориентации на здоровый и безопасный образ жизни слабо прослеживаются.	мотивация экоцентрической направленности и признаки ориентации на здоровый и безопасный образ жизни представлены в бессистемной и поверхностной форме.	мотивация деятельности человека в отношении природы имеет отчетливо выраженный экоцентрический характер, осмысление необходимости соблюдения норм и правил для здорового и безопасного образа жизни, для ее сохранения на нашей планете.
овладение смыслом самоценности природы и человека	владение смыслом самоценности природы и человека и понимание ее сущности отсутствуют.	владение общим представлением о сущности самоценности природы и человека.	владение пониманием, осмыслением и объяснением сущности самоценности природы и человека.
Эмоциональный компонент			
общее эмоциональное отношение к природе	отрицательное или безразличное отношение к природе.	эмоции и переживания экоцентрической направленности в отношении к природе проявляются слабо.	ярко проявляются положительные эмоции и переживания (сочувствия) в отношении природы.
эмоциональное отношение к экологическим проблемам	отрицательное или безразличное отношение к экологическим проблемам.	эмоции и переживания экоцентрической направленности в отношении к экологическим проблемам проявляются слабо.	ярко проявляются негативные эмоции и переживания (сочувствия) в отношении природы, выражен настрой на деятельность с целью решения экологических проблем.
характер потребности у человека в общении и взаимодействии с природой	выражен антропоцентризм и натурцентризм в общении и взаимодействии человека с природой.	выражен смешанный тип (с доминированием антропоцентризма) отношения к природе, к общению и взаимодействию с ней	выражен экоцентрический (субъект-субъектный) характер в общении и взаимодействии человека с природой.
уровень потребности у человека в общении и взаимодействии с природой	выражен низкий уровень потребности у человека в общении и взаимодействии с природой, отсутствует интерес к природе.	выражен средний уровень потребности у человека в общении и взаимодействии с природой, слабо выражен интерес к природе.	выражен высокий уровень потребности у человека в общении и взаимодействии с природой, ярко выражен интерес к природе.

Так, сравнительный анализ результатов показывает, что до педагогического эксперимента большинство учеников описывали свое отношение к природе исключительно как к месту для отдыха, а также как к источнику природных ресурсов, без которых невозможно было бы существование людей на Земле. В качестве наиболее важных 96% учеников обозначили отдельные компоненты природы – преимущественно те, которые каким-либо образом могут быть полезны человеку в его хозяйственной деятельности и в быту.

После проведенного педагогического эксперимента две трети испытуемых (около 67%) в своих анкетах высказывались за необходимость охраны природы

и тесного субъект-субъектного взаимодействия с ней. Около половины опрошенных школьников выразили обеспокоенность состоянием окружающей среды (в частности, их весьма волнует современная экологическая обстановка, от которой страдает как окружающая среда, так и сам человек), готовность помогать и содействовать природе, соблюдать правила здорового и безопасного образа жизни, создавать проекты по охране природы и реализовывать их, способствовать предотвращению потери природных ресурсов, улучшению жилищных условий и др. Вместе с тем, испытуемые в ходе письменного опроса отмечали свое собственное эмоционально-чувственное отношение к природе (в по-

ложительном ключе) – около 95% учеников, из которых, как отмечалось выше, 73% имеют четко выраженную потребность в общении и паритетном взаимодействии с природой (22% – высокий уровень, 51% – средний уровень). Наряду со сказанным, школьники указывали на необходимость заботы о природе – в качестве примеров приводилось сохранение климата, гидросферы и почв, всех без исключения растений и животных, подчеркивали, при этом, их важность, целесообразность, незаменимость и ценность – они такие же как мы – что явно указывает на понимание самоценности, смысла и принципиального значения, равноценности и паритетности человека и природы (до 68% учеников).

Как показывает анализ, до педагогического эксперимента учащиеся владели некоторыми представлениями о причинно-следственных связях в природе, а также путем перечисления некоторых признаков природных зон могли попытаться определить их сходства и различия, выделить их уникальные черты. Анализ анкет после проведенного педагогического эксперимента выявил, что свыше 60% школьников овладели пониманием единства и целостности мира (в том числе единства, целостности, коэволюции и устойчивого развития всех компонентов природы, включая человека), иерархических связей (через объяснение влияния принципов и законов Вселенной на все ее компоненты как в горизонтальном и вертикальном соотношении, так в двух направлениях – от космоса к человеку и от человека к космосу).

Более того, 72% понимают причины, следствия и последствия экологических проблем – способны дать им оценку, осознают зависимость природы от человека, а также могут объяснить пути выхода из сложившейся экологической ситуации через обращение к своему собственному внутреннему миру. В практическом отношении решению экологических проблем возможно путем использования очистных сооружений, применения безотходных технологий, хранилищ для обезвреживания и утилизации различных отходов, создания мусороперерабатывающих заводов, усиление противопожарной безопасности в различных природных зонах, нормативно-правовой базы по охране всех компонентов природы и др.

Кроме когнитивной, аксиологической и эмоциональной составляющих диагностировался и практический компонент экоцентрического сознания. Отметим, что в настоящем исследовании анализировалось проявление в деятельности субъект-субъектного отношения к природе. В результате сравнительный анализ показал, что до педагогического эксперимента у школьников доминировали два типа ценностной ориентации – натурцентрический (60%) и антропоцентрический (35%). В качестве способов сохранения окружающей среды учащиеся приводили примеры отдельных природоохранных мероприятий – борьбу с пожарами, мусором, отходами, браконьерством и др. После педагогического эксперимента подавляющее большинство школьников (до 98%) говорят о необходимости комплексного под-

хода к охране окружающей среды, сохранения отдельных компонентов природы (в числе которых каждый, конкретный человек и общество). Среди них (21%) высказывались о влиянии личностных качеств человека на состояние природы, необходимости построения с природой таких ценностных отношений, которые способствовали бы: во-первых, тому, чтобы все люди понимали и осознавали свое место, роль и значение в мире, ощущали себя частью природы, а не «Царями» природы; во-вторых, сведению охраны природы к минимуму, поскольку в таком случае в ней отсутствовала бы явная необходимость.

Анализ результатов письменного контроля после проведенного педагогического эксперимента выявил, что из 500 человек лишь 67% обладают эгоцентрической ценностной ориентацией, в то время как до педагогического эксперимента некоторые ее зачатки были отмечены лишь у 4% опрошенных. На наш взгляд, полученный показатель объясняется внешними факторами – прежде всего, сложностью преодоления потребительского взгляда на природу, а также в силу осведомленности о новых технологиях и глобальном техническом прогрессе невозможности обращения к собственному внутреннему (духовному) миру, личностному осмыслению и пониманию принципиального значения природы и места человека в иерархическом мире, а также нечеткостью проведения этой идеи не только в географии, но и в других связанных с ней школьных дисциплинах – биологии, химии, физике, обществознании, основах безопасности жизнедеятельности и др.

В соответствии с проведенным качественным анализом, педагогическое наблюдение показало, что до проведенного педагогического эксперимента подавляющее большинство школьников (95%) называли лишь отдельные космические тела, владели общими представлениями о влиянии космоса на земные процессы, приводили примеры отдельных животных и растений в соответствии с природными зонами, ценностными ориентациями натурцентрического и антропоцентрического типов сознания. В ходе целенаправленных бесед и дискуссий в течение всего времени учащиеся овладели пониманием единства и целостности мира, осмыслением единства и целостности человека и природы, «связи всего со всем», в том числе ученики способны объяснять иерархические и причинно-следственные связи, отношения, складывающиеся между человеком и космосом.

Кроме того, следует подчеркнуть, что на уроках, посвященных обсуждению особенностей природных зон как географических систем нашей планеты, учащиеся выражали свою собственную позицию по поводу необходимости сохранения природы (в том числе природных зон со всеми их компонентами) на Земле ради нее самой. Вместе с тем, педагогическое наблюдение выявило, что в результате проведенного педагогического эксперимента более 80% учащихся высказывались о том, какими средствами необходимо реализовать построение с природой равноценных и паритетных отно-

шений, подчеркивали какие эмоции и ощущения у них вызывает природа, какое значение она имеет в жизни каждого из них, указывали на необходимость реализации норм и правил экологического и нравственного императивов для коэволюции и устойчивого развития в соответствии идей ноосферы, в связи с этим на основании полученных результатов можно говорить о некоторой эффективности проведенного педагогического эксперимента.

Безусловно, за время проведения педагогического эксперимента (в течение трех лет) у школьников наблюдаются возрастные изменения, способствующие лучшему восприятию новой информации и осмыслению собственных эмоций, чувств, выделению ценностных ориентаций. Тем не менее, мы полагаем, что, несмотря на возрастные изменения, положительная динамика результатов настоящего исследования объясняется двумя причинами – внедрение в процесс обучения географии идей эоцентрической направленности через усовершенствованную систему эколого-ориентированных знаний и умений, а также соответствующей ей системе вопросов и заданий, ориентированных на формирование эоцентрического сознания.

Кроме того, для достоверности качественного анализа был выполнен количественный анализ результатов. Для определения количественного показателя уровня сформированности эоцентрического сознания мы опирались на методику В.П. Беспалько [1]. Для вычисления коэффициента сформированности (усвоения) указанные выше авторы предлагают воспользоваться формулой:

$$K_a = \frac{a}{p} \quad (1)$$

где K_a – коэффициент усвоения; a – число правильно выполненных учащимися операций; p – число операций, ведущих к решению теста.

Надо отметить, что определение K_a , т.е. отношение правильных вопросов к числу всех заданий в анкете, является операцией измерения качества сформированности. В частности, по рассматриваемому показателю «судят о завершенности процесса обучения. При $K_a \geq 0,7$ процесс обучения можно считать завершенным, т.к. в последующей деятельности учащийся становятся способными в ходе самообучения совершенствовать свои знания. При $K_a < 0,7$ учащиеся в последующей деятельности систематически совершают ошибки и не способны к их исправлению» [1, с. 59]. Коэффициент сформированности эоцентрического сознания рассчитывался по среднему арифметическому [2]. Результаты вычислений приведены в табл. 3.

Таблица 3.

Данные количественной оценки сформированности у школьников эоцентрического сознания по критерию качества усвоения (составлено автором)

Входящий контроль	Промежуточный контроль			Выходящий контроль
5 кл.	6 кл.	7 кл.	8 кл.	9 кл.
0,27	0,35	0,48	0,6	0,86

Количественный анализ представленной выше таблицы показывает последовательное, и, при этом, весьма существенное увеличение коэффициента сформированности эоцентрического сознания, что подтверждает выводы качественного анализа результатов, и о чем также свидетельствуют данные о распределении школьников по числу правильно выполненных вопросов и заданий (табл. 4).

Таблица 4.

Количество школьников по числу правильных ответов (составлено автором)

Число правильных ответов	Входящий контроль	Промежуточный контроль			Выходящий контроль
	5 кл.	6 кл.	7 кл.	8 кл.	9 кл.
Низкий уровень					
1	0	0	0	0	0
2	143	0	0	0	0
3	119	158	0	0	0
4	85	126	0	0	0
5	80	65	161	0	0
6	34	53	126	104	0
Средний уровень					
7	13	44	83	110	0
8	16	21	52	60	152
9	10	13	35	63	147
10	0	8	21	51	96
11	0	12	15	74	46
Высокий уровень					
12	0	0	7	34	31
13	0	0	0	4	21
14	0	0	0	0	7

Согласно данным, представленным в табл. 4, и опираясь на работу А.В. Усовой, А.А. Боброва [6], мы вычислили показатели, соответствующие определенному уровню сформированности у школьников эоцентрического сознания (низкому, среднему, высокому), а также проанализировали их изменения в течение всего исследования (табл. 5; рис. 1).

Сравнительный анализ данных табл. 3 и 4 и рис. 1 показывает, что до педагогического эксперимента 79% и 21% школьников имели, соответственно, низкий и средний уровни сформированности эоцентрического сознания, в то время как после проведения педагогического эксперимента наблюдалась тенденция постепенного снижения количества учащихся с низким уровнем до 0%, и в этой связи увеличение до 41% со средним и 59% с высоким уровнями сформированности исследуемого типа сознания.

Таблица 5.

Показатели и уровни сформированности у школьников эгоцентрического сознания (составлено автором)

Уровни	Показатели				
	Входящий контроль, %	Промежуточный контроль, %			
	5 кл.	6 кл.	7 кл.	8 кл.	9 кл.
Низкий	79	42	12	3	0
Средний	21	58	81	59	41
Высокий	0	0	7	38	59

Вычисление статистической достоверности результатов педагогического эксперимента осуществлялось на базе критерия Стьюдента [4]. Для вычисления обозначенного выше показателя были использованы результаты входящего и выходящего контроля. Развернутый и последовательный ход вычислений мы попытаемся изложить ниже.

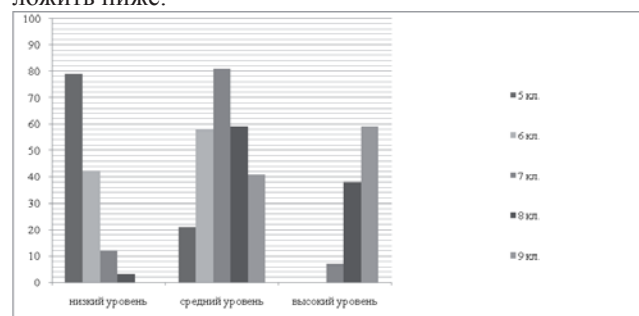

Рис. 1. Соотношение уровней сформированности у школьников эгоцентрического сознания (составлено автором).

Для начала были вычислены средние арифметические M_1 (до педагогического эксперимента) и M_2 (после педагогического эксперимента) по следующей формуле:

$$M = \frac{\sum x}{N} \quad (2)$$

где M – среднее арифметическое, $\sum x$ – произведение от числа всех выполненных заданий; N – количество учащихся.

$$M_1 = \frac{2 \cdot 143 + 3 \cdot 119 + 4 \cdot 85 + 5 \cdot 80 + 6 \cdot 34 + 7 \cdot 13 + 8 \cdot 16 + 9 \cdot 10}{500} = 3,792$$

$$M_2 = \frac{8 \cdot 152 + 9 \cdot 147 + 10 \cdot 96 + 11 \cdot 46 + 12 \cdot 31 + 13 \cdot 21 + 14 \cdot 7}{500} = 9,496$$

Степени отклонения единичных показателей от среднего арифметического для входа d_1 и выхода d_2 до и после исследования были рассчитаны по формуле:

$$d = x - M \quad (3)$$

где d – степень отклонения единичного показателя от среднего арифметического; x – количество правильных ответов; M – среднее арифметическое.

На основе этой формулы был вычислен ряд квадратов отклонений. Данные названных показателей представлены в табл. 6.

Таблица 6.

Данные степеней отклонения единичных показателей от среднего арифметического и квадратов отклонений (составлено автором)

№	Входящий контроль		Выходящий контроль	
	d_1	d_1^2	d_2	d_2^2
1	-2,792	7,8	-8,496	72,2
2	-1,792	3,21	-7,496	56,2
3	-0,792	0,63	-6,496	42,2
4	0,208	0,04	-5,496	30,2
5	1,208	1,46	-4,496	20,2
6	2,208	4,88	-3,496	12,2
7	3,208	10,3	-2,496	6,2
8	4,208	17,7	-1,496	2,24
9	5,208	27,1	-0,496	0,25
10	6,208	38,5	0,504	0,25
11	7,208	52	1,504	2,26
12	8,208	67,4	2,504	6,27
13	9,208	84,8	3,504	12,3
14	10,208	104,2	4,504	20,3

Исходя из числовых значений, представленных в табл. 6, найдем дисперсию для входа σ_1^2 и выхода σ_2^2 по формуле:

$$\sigma^2 = \frac{\sum d^2}{N} \quad (4)$$

где σ – дисперсия; d – сумма квадратов отклонения; N – количество учащихся.

В ходе вычислений были получены дисперсии: $\sigma_1^2 = 4,6$; $\sigma_2^2 = 2,43$.

Опираясь на полученные значения дисперсии, определим средние квадратические отклонения по формуле:

$$\sigma = \sqrt{\frac{\sum d^2}{N}} \quad (5)$$

Из чего было выявлено, что среднее квадратическое отклонение на входе составило: $\sigma_1 = \sqrt{4,6} = 2,1$; на выходе: $\sigma_2 = \sqrt{2,43} = 1,6$.

Таким образом, в результате выполненных вычислений, мы получили следующие величины: во-первых, средние арифметические: $M_1 = 3,792$; $M_2 = 9,496$; во-вторых, средние квадратические отклонения: $\sigma_1 = 2,1$; $\sigma_2 = 1,6$. Эти значения служат основой для вычисления статистической достоверности по критерию Стьюдента:

$$t = \frac{M_2 - M_1}{\sqrt{m_1^2 + m_2^2}} \quad (6)$$

где t – коэффициент Стьюдента; m_1 и m_2 – величины средних ошибок; M_1 и M_2 – средние арифметические.

Величины средних ошибок вычисляются по формуле:

$$m = \frac{\sigma}{\sqrt{N}} \quad (7)$$

где m – величина средних ошибок; σ – среднее квадратическое; N – количество учеников.

Для входящего контроля ошибка равна: $m_1 = \frac{2,1}{\sqrt{500}} = 0,6$; для выходящего контроля: $m_2 = \frac{1,6}{\sqrt{500}} = 0,4$. При введении m_1 и m_2 в квадрат мы получим: $m_1^2 = 0,0081$; $m_2^2 = 0,0049$. В итоге коэффициент Стьюдента равен:

$$t = \frac{9,496 - 3,792}{\sqrt{0,09 + 0,07}} = 14,26$$

Число степеней свободы вычисляется по формуле:

$$d \cdot f = N_1 + N_2 - 2 \quad (8)$$

где $d \cdot f$ – число степеней свободы; N – количество учащихся.

Так, было получено: $d \cdot f = 500 + 500 - 2 = 998$

Опираясь на статистические данные таблицы Р.А. Шмойловой [5, с. 493, 494], мы выявили, что при

однопроцентном уровне степень достоверности должна составлять $t = 2,576$ и выше, однако у нас коэффициент Стьюдента составил $t = 14,26$, из чего следует, что результаты настоящей работы являются статистически достоверными.

Таким образом, качественный и количественный анализ, а также статистическая обработка результатов выявили эффективность проведенного эксперимента и подтвердили гипотезу исследования.

Библиографический список

1. Беспалько В.П. Слагаемые педагогической технологии. М.: Педагогика, 1989. 192 с.
2. Ильина Т.А. Вопросы теории и методики педагогического эксперимента. М.: Знание, 1975. 124 с.
3. Моисеев Н.Н. Историческое развитие и экологическое образование. М.: Изд-во МНЭПУ, 1995. 54 с.
4. Практикум по общей психологии / В.В. Богословский, Т.И. Бочкарева, А.И. Великороднова; Под ред. А.И. Щербакова. М.: Просвещение, 1979. 302 с.
5. Теория статистики / Под ред. Р.А. Шмойловой. М.: Финансы и статистика, 2001. 560 с.
6. Усова А.В. Формирование учебных умений и навыков учащихся на уроках физики. М.: Просвещение, 1988. 112 с.
7. Федеральный государственный образовательный стандарт основного общего образования / М-во образования и науки Рос. Федерации. М.: Просвещение, 2013. 48 с.

References

1. Bespalko V.P. Components of educational technology. M.: Pedagogy, 1989. 192 p.
2. Ilyina T.A. Questions of the theory and methodology of pedagogical experiment. M.: Knowledge, 1975. 124 p.
3. Moiseev N.N. Historical development and environmental education. M.: Publishing House of MNEPU, 1995. 54 p.
4. Workshop on general psychology / V.V. Theological, T.I. Bochkareva, A.I. Velikorodnova; Ed. A.I. Shcherbakova. M.: Education, 1979. 302 p.
5. Theory of statistics / Ed. R.A. Shmoilova. M.: Finance and Statistics, 2001. 560 p.
6. Usova A.V. The formation of educational skills of students in physics lessons. M.: Education, 1988. 112 p.
7. The federal state educational standard of basic general education / M. of education and science Ros. Federation. M.: Education, 2013. 48 p.

УДК 372.87

UDC 372.87

ЧЕРТЫКОВЦЕВА Е.А.

кандидат искусствоведения, доцент, Орловский государственный университет имени И.С. Тургенева
E-mail: venedy53@mail.ru

CHERTYKOVTSOVA E.A.

Candidate of Art Criticism, Associate Professor, Orel State University
E-mail: venedy53@mail.ru

У ИСТОКОВ ОТЕЧЕСТВЕННОГО ГРАФИЧЕСКОГО ДИЗАЙНА

Проблемы преподавания графического дизайна в вузе, становление отечественного дизайна в искусстве книжной графики 1920-х годов, деятельность художников в области книжной ксилографии – московской и ленинградской школ, концепция понимания книжного искусства, гармоничное единство функционального и эстетического в творчестве В.Фаворского и его учеников, их выступления на выставках Общества «4 искусства».

Ключевые слова: преподавание, графический дизайн, книжная графика, московской и ленинградской школы графики, выставки общества «4 искусства», школа В. Фаворского.

Problems of teaching graphic design in the university, formation of domestic design in the art of book graphics of the 1920s, activities of artists in the field of book xylography – Moscow and Leningrad schools, concept of understanding book art, harmonious unity of functional and aesthetic in the work of V.Favorsky and his students, their performances at the exhibitions of the Society «4 Art»

Keywords: teaching, graphic design, book graphics, Moscow and Leningrad school of graphics, exhibitions of 4 art society, V.Favorsky school.

Изучение теоретических дисциплин является неотъемлемой частью процесса подготовки специалистов любой отрасли. Образование и обучение немыслимо без знания накопленного человечеством опыта. Это касается всех сфер человеческой деятельности и конечно изучения искусства и дизайна. В области преподавания истории искусства для будущих учителей рисования в наличии имеется теоретически хорошо разработанная художественная педагогика и методика преподавания теоретических дисциплин искусствоведческого цикла в вузе, отечественная школа искусствознания обладает блестящим научным потенциалом и современной, хорошо разработанной теоретической и методологической базой. Вопросы же преподавания истории дизайна требуют ещё разработки более современных учебников и методик, поскольку дизайн многолик и многопланов, и изучение только предмета «История дизайна, науки и техники» не является достаточным, особенно при углубленной специализации графических дизайнеров в магистратуре. Для восполнения этого недостатка в учебном плане магистратуры вводится предмет «История графического дизайна», который изучает этапы развития этого очень востребованного на сегодняшний день направления. Однако на данный момент единственной публикацией по данному вопросу является учебное пособие Муртазиной С.А. «История графического дизайна и рекламы» [11], где вопросы графического дизайна рассматриваются только в творчестве мастеров авангарда. Этот досадный пробел необходимо восполнить и ввести в научный оборот ма-

териалы о самом продуктивном и ярком периоде в развитии отечественного дизайна в 1920-е годы.

Начало 1920-х годов по праву считается временем становления отечественного дизайна. В искусстве книжной графики этого времени получила широкое развитие синтеза искусства и производства. И это было откликом на острые нужды страны, где шла борьба с неграмотностью, осуществлялась культурная революция.

Декрет ЦИК «О государственном издательстве» (1918) освещал широкий круг проблем издательского дела, в первую очередь налаживание выпуска массовых изданий русских классиков, а в дальнейшем – полных научных изданий их собраний сочинений, а также массовой учебной литературы. Это способствовало активному развитию в эти годы книжной иллюстрации и дизайна книги, включая весь комплекс художественной и технической деятельности, направленной на создание облика книги: проектирование и выбор шрифтов, макетирование, определение формата, пропорций наборной полосы, иллюстрирование, орнаментальное украшение и т.п.

Весьма значительным явлением этого времени была деятельность художников в области книжной ксилографии – московской и ленинградской школ. Свое новаторское понимание этого искусства сформировала московская Школа В. Фаворского, заложившая основы его развития на все последующие годы.

В. Фаворский и ученики его круга стали наиболее типичными представителями московской школы графики. А поскольку с 1923 года В.Фаворский становится ректором ВХУТЕМАСа, деканом графического факуль-

тета П. Павлинов, преподавателями Н. Купреянов, А. Сидоров, Н. Пискарев и др., то можно с полным основанием сказать, что именно здесь сформировались отличительные и характерные черты, определяющие московскую школу ксилографии и новые принципы графического дизайна книги. Занятия на факультете строились таким образом, чтобы будущие художники могли свободно излагать свои мысли средствами искусства, уловить не только суть литературного произведения, но и его образный и стилистический язык, стремились к конструктивной целостности и единству всех книжных элементов. Прививая это студентам, художники в своем творчестве неукоснительно следовали этим требованиям. Неслучайно, уже на первой выставке общества «Четыре искусства» рядом с работами преподавателей выставили свои гравюры их ученики – А. Гончаров и И. Шпинель.

Говоря о московской школе ксилографии, необходимо отметить еще одну важную черту. Становление и развитие ее в 1920-е годы неотъемлемо от оформления книги. Поскольку именно ксилография была призвана восполнить недостатки полиграфии в 1920-е годы. На выставке «Четыре искусства» В. Фаворский показывает свои последние произведения – иллюстрации к трагедии А. Глобы «Фамарь» (1923) и «Книге Руфь» в переводе Н. Эфроса. Это два библейских сказания, данные, одно в форме псевдоклассической трагедии, другое является свободным переводом Библии с древнееврейского. И совершенно по-разному решает их художник. «Классичность» в трактовке пьесы А. Глобы обусловила и аналогичный прием в решении иллюстраций художником. В. Фаворский не стремится к разработке психологического состояния героев, конкретизации места действий и деталей быта. Они для него как бы актеры, играющий ту или иную роль, причем актеры именно античного театра. Их чувства выражаются через жест, позу. Именно здесь В. Фаворский наиболее последовательно проводит прием совмещения на листе разновременных событий, превращая тем самым графику из искусства пространственного в пространственно-временное. Вполне естественно воспринимается разделение иллюстраций на темную и светлые части. Темным силуэтом на белом фоне листа художник изображает главное действующее лицо или ключевую сцену трагедии, тогда как рядом на темном фоне помещены сцены предшествовавшие событию, показывающие сопереживания других героев или то, что затем последует. Причем эти две части одной иллюстрации никогда не находятся в изоляции друг от друга, они связаны между собой изображением фигур как бы «входящих» на свет из тени, или жестах их рук как бы вырывающимися в освещенное пространство сцены. Этот прием В. Фаворский использовал и ранее, но здесь он наиболее органичен, поскольку именно так на сцене софитов выделяет главные и скрывает в тени второстепенные действующие лица. Совсем в ином ключе решены иллюстрации к «Книге Руфь», которым большинство критиков отводило особое место в творчестве В. Фаворского. Так,

А.А. Сидоров писал: «Руфь» Фаворского – его высшее достижение. Если раньше можно было встретить в его гравюрах не всегда удачные приемы распластывания фигуры на бумаге, ... то в «Руфи» мы имеем свидетельство о выполнении задач, поставленных художником с полной адекватностью, задачи эти: построение четкой и убедительной системы форм и достижения посредством их впечатления пространства» [1]. Художник продолжает соединять в одной иллюстрации разновременные события, что присуще пространственно-временным формам искусства, и что активно использовали древнерусские живописцы. Подобный прием был характерен и для К. Петрова-Водкина, особенно в произведениях 1920-х годов. Однако, его работы, как например, «После боя» (1922. ГТГ) скорее наводят на мысль о влиянии кинематографии. Гравюры В. Фаворского к «Книге Руфь» органично сочетают в себе блестящее мастерством гравера с глубоким философским осмыслением древнего библейского сказания, затрагивающего общечеловеческие морально-нравственные проблемы. В отличие от иллюстраций к «Фамари», художник здесь большое место уделяет пейзажу, интерьеру, то есть пространству, в котором живет и действует человек. Оно всегда четко ограничено и конкретно. Это уже не артисты, разыгрывающие некое действие в условном свете рамп, но люди с их страстями и судьбами. По своему сложному художественно-пластическому решению, пространственным построениям, эмоциональной и духовной насыщенности гравюры к «Книге Руфь» сопоставимы с древнерусской живописью [2].

В 1920-е годы В.Фаворский создает свою концепцию понимания книжного искусства, которая построена на гармоничном единстве функционального и эстетического. Он воспринимал книгу как сложное явление духовной культуры, источник мудрости, связывающий века и народы, передающий все то лучшее, что приобрело человечество за время своего существования. Отсюда и тот интерес художника к эпосу, который пройдет через все его творчество, начиная с «Фамари» и «Книги Руфь», через иллюстрирование «Джангара» к «Слову о полку Игореве». Именно этим объясняется стремление мастера найти книге форму, адекватную ее значению в жизни. Позднее В. Фаворский писал: «Искусство книги – это высокое искусство. Прежде всего, это синтез искусств, объединяющий объемные моменты, почти скульптуру, с изобразительным: шрифтом и иллюстрацией. В малом масштабе это тот же синтез, к которому стремится и архитектура, объединяясь со скульптурой и живописью» [3].

В работе над книгой мастер продумывает все ее составные элементы. Он делает не только постраничные иллюстрации, но и обложку, шмуцтитул, заставки и концовки, разрабатывает собственную теорию шрифта. Это наглядно проявилось обложках к книге П. Флоренского «Число как формула» (1923), «Записки петрушечника» Н. Симонович-Ефимовой (1922), журналу «Маковец» (1923). Своих современников мастер поражал необычностью их решения, А. Сидоров так о них отзывался: «Буквы порой поднимаются вверх, вкось, вырастают,

сжимаются, оказываются заштрихованными. Во всем этом вместе с тем большая серьезность, допускающая даже идеологическое толкование. И, конечно, нет никакого конструктивизма» [4].

1926 год был переломным и для творчества В. Фаворского. Это год его первой персональной выставки, которая состоялась в Казани, последний год его ректорства во ВХУТЕМАСе, может быть, поэтому представленные им на вторую выставку Общества работы немногочисленны: иллюстрации к «Дому в Коломне» А.С. Пушкина, «Пушкинский сборник» и «Мелочи». Работу над поэмой А.С. Пушкина В. Фаворский начал в 1922 году, а издана она была лишь в 1929 году. [5] Как указывает сам автор, это первая книга, которую он делает [6]. Здесь мастер выполняет все сам – макет книги, обложку, фронтиспис, зарисовки к тексту на полях, постраничные иллюстрации. Очень органично В. Фаворский соединяет функциональные и эстетические начала, рассматривая книгу как пространственно-временное изображение литературного произведения. Иллюстрируя отдельные рассуждения автора на общие темы, художник, подражая пушкинским рисункам, делает беглые наброски на полях, но в постраничных листах к основному тексту поэмы полностью сохраняется собственный почерк В. Фаворского. Иллюстрации к «Дому в Коломне» в 1930-1940-е годы вызвали многочисленные упреки в «формализме» со стороны критики [7]. Даже в вышедшей в 1964 году монографии В. Халаминского пишется: «Не обеднило ли вторжение черного силуэта серии гравюр, задуманных все-таки как иллюстративный цикл? Думается, что обеднило, потому, что вышло за рамки пушкинского повествования, не совпало со стилем поэмы, внесло в призрачную ясность пушкинских строк элемент надуманности» [8].

Именно решение фигуры Мавруши черным силуэтом без проработки деталей вызвало наибольшее количество отрицательных откликов. Сам художник так объясняет свой замысел: «Часто на меня нападали за то, что я Маврушу сделал силуэтом, считали, что можно было бы ее сделать не силуэтом. Ведь в гравюре, когда я гравировал подобные иллюстрации, я прежде всего режу силуэт, а затем уже кладу на них свет. И вот одну я оставил силуэтной. Это естественно. Она осталась утвердить плоскость. Это с одной стороны. А с другой стороны изображать Маврушу, т.е. гусара переодетого, комичного и грубого, в конце концов было вовсе не принято. И вот мне кажется типично, что Параша – объем освещенный, полный, а Мавруша – силуэт» [9]. В. Фаворскому был чужд язык бытописательства. А.С. Пушкин сам при всем комизме описанной ситуации отнюдь не заостряет внимание на внешности переодетого гусара. Силуэт, данный В. Фаворским, полностью исчерпывает пушкинскую характеристику, не сводя это все к фарсу и занимательной комичности.

На выставке Общества ксилография была также широко представлена молодыми художниками – учениками В. Фаворского – Н. Падалицыным, В. Рейдемейстером, И. Шпинелем.

К концу 1920-х годов художники, начавшие свой творческий путь десять лет назад – В. Фаворский, А. Кравченко, Л. Бруни, П. Митурич, П. Львов, Н. Тырса и др. стали зрелыми мастерами, во многом определяющим лицом советской графики. Появилась целая плеяда молодых художников. Особенно это нашло яркое выражение в таком явлении как сложение школы В. Фаворского, куда входили А. Гончаров, С. Бигос, М. Поляков, Н. Падалицын, И. Шпинель, А. Соловейчик и др.

Шрифт всегда был для В. Фаворского объектом пристального внимания и изучения. На выставке Общества В. Фаворский показал так же свою новую работу – иллюстрации к собранию сочинений П. Мериме (1926-1929; 1933-1934) для издательства «Academia», а так же одно из своих ранних и удачных произведений – инициалы к «Размышления аббата Куаньяра» А. Франса (1918). В них художник органично соединяет иллюстрации с конструкциями букв. Изображая жанровые сценки, он вместе с тем крайне скуп в деталях, сдержан в передаче пространства. Чаще всего оно моделируется горизонтальным черным штрихом, создавая сближение двух планов. Фигуры при этом скульптурно объемны и плотны. Неслучайно Н. Розанова в своем исследовании о московской книжной графике сравнивает эти иллюстрации В. Фаворского с искусством Джотто [10].

Если в иллюстрациях к «Размышлениям аббата М. Куаньяра» В. Фаворский не ставит перед собой задачу создания всей книги, как единого организма, то в 1920-е годы именно эта тенденция станет ведущей в творчестве художника. Работая над собранием сочинений П. Мериме, В. Фаворский делает макет книги, форзацы, подцветенные синей акварелью. Каждой новелле предшествует шмуцтитул, а к некоторым исполнена вкладная иллюстрация. Это следующая после «Книги Руфь» крупная работа В. Фаворского, наглядно показывающая те изменения, которые произошли в развитии стиля художника с 1924 года. Изменяется его отношение к пространству, оно становится более глубоким, усиливается интерес к конкретной детали, которые художником очень тщательно и взвешенно отбираются. При этом не появляется композиционной измельченности или жанровости. Он выявляет не сиюминутные, преходящие характеристики предметов, но их наиболее постоянные свойства – массу, протяженность в пространстве. Чаще всего это двухфигурные композиции, построенные на противопоставлении героев в событийном аспекте, психологическом контрасте. Таковы его листы к «Кармен», «Душам чистилища» и др.

В силу того, что большинство графиков работали в эти годы в области оформления книги, где наиболее важен был принцип доступности изображения для широких масс читателя, здесь раньше, чем где-либо реализовывались эти тенденции. Усиление повествовательного начала в иллюстрации, детальная разработка сюжета, дословное следование за автором текста постепенно приводят к отказу от использования ксилографии и отходу в 1930-е годы от комплексного решения книги

как единого художественного организма, к самодовлеющей роли страничной иллюстрации в работах многих советских художников.

Это лишь одна из страниц бурного и плодотворного развития графического дизайна в 1920-годы. Таким образом, богатейший пласт развития отечественного графического дизайна в настоящее время является неразработанным и малоизученным. Отсутствуют и исследования, исследующие, обобщающие и системно описывающие методику преподавания истории графического дизайна. Не разработанной остается и такая важная для высшего образования XXI века проблема

как межпредметные связи и интегративные процессы в системе подготовки будущего дизайнера. Она включает в себя такие вопросы как: выявление принципов лежащих в основе системы преподавания истории искусства и истории дизайна; оценка структурных элементов в процессе интеграции специальных теоретических и практических дисциплин, направленных на повышение эффективности профессиональной подготовки выпускников вуза; определение дидактических и методических условий успешного функционирования системы подготовки графического дизайнера.

Библиографический список

1. Сидоров А.А. Московская школа графики // Печать и революция.-1925. Кн.5-6. С.202.
2. Розанова Н.Н. Московская книжная ксилография 1920-30-х годов. М., 1982. С. 56
3. Фаворский В.А. Об искусстве, о книге, о гравюре. М., 1986. С. 93.
4. Сидоров А.А. Московская школа графики // Печать и революция. 1925.-Кн.5-6. С. 206.
5. Пушкин А.С. Домик в Коломне. М., 1929.
6. Фаворский В.А. Воспоминания современников. Письма художника. Стенограммы выступлений. М., 1991. С.98.
7. Кауфман Р., Мальцева Ф. Творчество В.А.Фаворского //Искусство. 1937. №1; Голлербах З. Советская графика. М., 1938. и др.
8. Халаминский Ю.В. А.Фаворский. М., 1964. С.65.
9. Фаворский В.А. Воспоминания современников. Письма художника. Стенограммы выступлений. М., 1991. С.99.
10. Розанова Н.Н. Московская книжная ксилография 1920-30-х годов. М.,1982. С.128.
11. Муртазина С.А. История графического дизайна и рекламы [Электронный ресурс] : учеб. пособие / В.В. Хамматова, Казан. нац. исслед. технол. ун-т, С.А. Муртазина . Казань : КНИТУ, 2013. 124 с. : ил.

References

1. Sidorov A.A. Moscow School of Graphics//Print and Revolution. 1925. Kn.5-6. C.202.
2. Rosanova N.N. Moscow Book Xylography 1920-30 «s. M, 1982. Pp. 56
3. Favorsky V.A. About art, about the book, about the engraving. M, 1986. Pp. 93.
4. Sidorov A.A. Moscow School of Graphics//Print and Revolution. 1925. Kn.5-6. Pp.206.
5. Pushkin A.S. Domik in Kolomna. M, 1929.
6. Favorite V.A. Memories of contemporaries. Artist 's letters. Transcripts of the speeches. M, 1991. Pp. 98.
7. Kaufman R., Maltseva F. Creativity of V.A.Favorsky//Art. 1937. № 1; Gollerbach Z. Soviet graphics. M, 1938. Et al.
8. Halaminsky Yu.V. A.Favorski. M., 1964. Pp. 65.
9. Favorite V.A. Memories of contemporaries. Artist 's letters. Transcripts of the speeches. M, 1991. Pp. 99.
10. Rosanova N.N. Moscow Book Xylography 1920-30 «s. M.,1982. Pp. 128.
11. Murtazina S.A. History of graphic design and advertising [Electronic resource]: educational manual/V.V. Hammatov, Kazan. national. исслед. технол. Un-t, S.A. Murtazina. Kazan: KNITU, 2013. 124 p.: il.

УДК 378.147.34

UDC 378.147.34

ШАЛИМОВА О.Н.

старший преподаватель кафедры иностранных и русского языков, Россия, Орёл, Орловский Юридический институт Министерства Внутренних дел России им. В.В. Лукьянова
E-mail: Orinstmvd@yandex.ru

SHALIMOVA O.N.

Senior Teacher of the Department of Foreign and Russian Languages, Russia, Orel, Orel Law Institute of the Ministry of Interior of Russia named after V. V. Lukyanov
E-mail: Orinstmvd@yandex.ru

ФОРМИРОВАНИЕ ОБЩЕКУЛЬТУРНЫХ КОМПЕТЕНЦИЙ У БУДУЩИХ ОФИЦЕРОВ ПОЛИЦИИ КАК СРЕДСТВО РЕШЕНИЯ ПРОБЛЕМЫ ПРОФИЛАКТИКИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

THE FORMATION OF COMMON CULTURAL COMPETENCIES OF FUTURE POLICE OFFICERS AS A MEANS OF SOLVING THE PROBLEM OF CRIME PREVENTION

В статье на основании анализа педагогической и периодической литературы, а так же Федерального государственного образовательного стандарта высшего образования третьего поколения (ФГОС 3+) рассматривается процесс формирования общекультурных компетенций у будущих офицеров полиции в образовательных организациях МВД России как средство решения проблемы профилактики преступлений.

Ключевые слова: общекультурные компетенции, компетентность, компетентностный подход, будущий офицер полиции, проблема профилактики преступлений, Федеральный государственный образовательный стандарт высшего образования третьего поколения (ФГОС 3+)[12], профессионально – ориентированная технология обучения.

The article, based on analysis of pedagogical and periodic literature, and of the Federal state educational standard of the third generation of higher education (FSSES 3+) is considered the process of formation of common cultural competencies of future police officers in educational organizations of the Ministry of internal Affairs of Russia as a means of solving the problem of crime prevention.

Keywords: common cultural competencies, competence, competence approach, future police officer, the problem of crime prevention, the Federal state educational standard of the third generation of higher education (FSSES 3+), the professionally – oriented learning technology.

Согласно требованиям Федерального государственного образовательного стандарта (ФГОС 3+) [12], представляющего собой совокупность требований, обязательных при реализации основных образовательных программ относительно их освоения, реализации и структуры, формирование общекультурных компетенций, наряду с профессиональными компетенциями является приоритетной задачей высшего образования.

Общекультурные компетенции – это база для формирования компетентности будущего специалиста, необходимой для выполнения действий по предназначению, профессиональной деятельности (разработки и реализации правовых норм, обеспечения законности и правопорядка, безопасности личности, общества и государства, борьбы с преступлениями и иными правонарушениями, а так же деятельности по профилактике преступлений).

Компетентность и компетенция – это два базовых понятия внутри компетентностного подхода. Проанализировав работы М.А. Чошанова, П.И. Образцова [5], А.М. Аронова, О.Е. Лебедева, А.Г. Бермуса, И.А. Зимней, А.В. Хуторского [9], И.А. Козачка, Л.А. Петровского по данной тематике,

можно выделить общие определения данных понятий.

Компетенция – это способность к выполнению определённой деятельности с помощью знаний, навыков, умений, практического опыта, по отношению к определённому кругу предметов и процессов, которые необходимы для качественной и продуктивной деятельности. «Без сформированных ОК рабочий процесс не может быть эффективным» [6]. Таким образом, в компетенциях интегрируются знания, умения и навыки. Компетенция – это то, что задано образованием, прописано в стандарте и в учебной программе.

Компетентность – это способность специалиста применить соответствующие компетенции в деятельности, с преобладанием его личностного отношения к ней, а так же предмету деятельности, то есть компетентность внутреннее качество, которое можно зачастую сопоставить с грамотностью. Так обладая компетентностью специалист не только знает что и как, но и может это успешно применить.

Рассматривая компетентность с точки зрения требований к уровню подготовки будущего специалиста, компетентность представляет «собой интегральные характеристики качества подготовки учащихся, связанные

с их способностью целевого осмысленного применения комплекса знаний, умений и способов деятельности в отношении определенного междисциплинарного круга вопросов» (А.В. Хуторской) [9].

Обращаясь к проблеме профилактики преступлений, следует говорить об отсутствии или некоем искажении поведенческой модели, позволяющей специалисту ориентироваться в ситуации недопущения преступления и предохранения членов общества от совершения противоправных действий. Данную модель образуют в совокупности все компоненты компетенций, что указывает на значимость и необходимость их формирования, особенно общекультурных компетенций будущих сотрудников органов внутренних дел.

Если у будущего специалиста не будут сформированы общекультурные компетенции, то он не будет готов и не сможет осуществлять не только действия по профилактике преступлений, но и по защите граждан.

Согласно ФГОС ВО будущий специалист должен обладать следующими общекультурными компетенциями (ОК – 1, ОК – 2, ОК – 3, ОК – 4, ОК – 5, ОК – 6, ОК – 7, ОК – 8, ОК – 9, ОК – 10, ОК – 11, ОК – 12) [12]. Сформированные ОК подразумевают способностью понимать и анализировать социально и личностно значимые проблемы, способность анализировать основные этапы исторического развития России в целях формирования гражданской позиции и развития патриотизма, способность ориентироваться в политических, социальных и экономических вопросах, способность выполнять профессиональные задачи в соответствии с нормами морали и профессиональной этики, способность работать в коллективе, предупреждать и конструктивно разрешать конфликтные ситуации в процессе профессиональной деятельности, способность проявлять психологическую устойчивость в сложных условиях, способность к логическому мышлению и дискуссии, способность к оптимальным организационно-управленческим решениям, способность к здоровому образу жизни, способность к осуществлению письменной и устной речи на родном языке и профессиональной коммуникации на одном из иностранных языков, способность работать с информационными ресурсами и технологиями [12].

Вышеперечисленные «способности» помогут будущему сотруднику органов внутренних дел в профилактике такого сложного социально-правового явления как преступление. Предупреждение преступлений всегда более рациональный и значимый процесс, чем наказание, а значит и более сложный и комплексный. Ещё в глубокой древности древнегреческие мыслители (Демокрит (460-370 до н.э.), Протагор (480-411 до н.э.)), говорили о вспомогательной роли наказания и выдвигали на первый план предупреждение возникновения преступлений. Мысль о том, что карательная политика не должна преобладать над профилактикой преступлений была высказана еще Платоном (427-347 до н.э.) [6], который указывал на личностно-мотивационную природу нарушения социальных норм, закладывая в их природу гнев, ревность, тягу к наслаждениям, междуособие

и раскол между богатыми и бедными. И сейчас, по прошествии уже многих столетий, это остаётся главной проблемой и целью общества и государства.

На современном этапе развития общества учение о предупреждении правонарушений развивается по новому, но сохраняя и выполняя свои познавательные, объяснительные и предсказательные роли. Становясь областью особой профессиональной деятельности, оно формирует криминологическую систему обоснованного предупреждения преступлений. «Эффективное предупреждение преступлений – до совершеннолетия человека. В разы сложнее привить какие-либо ценности, нормы и правила зрелому человеку, который уже совершил преступление и даже не одно» [2]. Профилактика преступлений осуществляется благодаря нейтрализации и устранению условий совершения преступлений, или формированию «антикриминогенных» факторов.

Рассмотрим понятия «предупреждение» и «профилактика» преступлений. Данные дефиниции во многом синонимичны. «Профилактика преступлений представляет собой своеобразную отрасль социального обслуживания, которая решает специфическими методами задачи по обеспечению законности и правопорядка» [3]. Комплекс общественных (правовых) отношений, которые направлены на предупреждение (профилактику) преступности в целом и отдельных преступлений указывается в лекциях по криминологии как предмет профилактики преступлений.

Обращаясь к деятельности органов внутренних дел профилактика преступлений – не научная дисциплина, а определенная практическая интерпретация общей криминологической концепции предупреждения преступности. Данная концепция реализуется технологически органами внутренних дел благодаря успешному решению учебных задач в образовательных организациях МВД России по средствам применения в процессе обучения профессионально-ориентированных технологий [8], направленных на формирование ОК будущих офицеров полиции. Общекультурные компетенции (ОК – 1, 3, 6) помогают не только понять суть предупредительной деятельности органов внутренних дел, но, и достигнуть успеха в практическом решении задач профилактики преступлений (ОК – 4, 5, 6, 8, 11, 12).

Значительная работа проводится в области изучения преступности, возникновения её причин и условий, в области изучения личности преступника, так же, рассматриваются концепции прошлого и формируются новые концепции предупреждения правонарушений уже с учётом изменившихся условий развития общества. Проводятся конкретные социологические исследования, ведущие к глубоким теоретическим обобщениям, применяется статистический и математический анализ связанных с преступностью процессов и явлений. В образовательных организациях МВД России разрабатываются новаторские методики и профессионально-ориентированные технологии, направленные на изучение данных явлений и формирование соответствующих компетенций. Благодаря устойчивому и не-

прерывному образовательному процессу, заложенные в его основу криминологическое прогнозирование, планирование и моделирование помогают решить проблемы профилактики региональной и отраслевой, политической и экономической преступности. Кроме того, сформированные общекультурные компетенции способствуют активизации изысканий в области свойств личности, способствующих успешной деятельности по профилактике преступлений.

Развитие мер направленных на расширение действий по профилактике преступлений – процесс непре-

кращающийся и необходимый, диктуемый историей и эволюцией развития общества, сложный и многогранный, возложенный на плечи сотрудников органов внутренних дел. Поэтому образовательные организации МВД России делают всё возможное, чтобы будущий специалист был патриотом своей страны, готовым к действиям по предназначению, к действиям по профилактике и пресечению преступлений, благодаря хорошей подготовке и необходимому набору компетенций сформированному ещё в стенах образовательной организации.

Библиографический список

1. Авдеев Р. В. Предупреждение преступлений. // Вестник Тамбовского университета. 2014. № 6 (134). С. 229–234.
2. Воронцова Н. В., Миненко К. С. Проблема предупреждения преступлений // Актуальные проблемы права: материалы V Междунар. науч. конф. (г. Москва, декабрь 2016 г.). М.: Буки-Веди, 2016. С. 146–149. — URL <https://moluch.ru/conf/law/archive/224/11421/>.
3. Жалинский А.Э., Костицкий М.Ф. Эффективность профилактики преступлений и криминологическая информация. Львов, 1980, С. 23.
4. Образцов П.И. Основы профессиональной дидактики: учебное пособие. М.: Вузовский учебник: ИНФРА-М, 2015. 288 с.
5. Образцов П.И. Формирование общекультурных компетенций будущего офицера полиции в рамках компетентностного подхода в системе высшего профессионального образования / П. И. Образцов, О. Н. Шалимова // 2017. № 1. С. 200–203.
6. Платон. Законы // Платон. Соч. в 3 т. М., 1972. Т. 3. Ч. 2. С. 219.
7. Шалимова О. Н. Формирование общекультурных компетенций курсантов образовательных организаций МВД России на примере Орловского Юридического Института имени В. В. Лукьянова // Научный вестник Орловского Юридического Института имени В. В. Лукьянова. 2017. № 2 (71). С. 164 – 166.
8. Шалимова О. Н. Профессионально – ориентированная технология обучения как средства формирования общекультурных компетенций будущего офицера полиции [Текст] * / О. Н. Шалимова // В сборнике: Перспективы профессионально-ориентированного обучения иностранному языку на неязыковых направлениях подготовки. Материалы круглого стола. Кафедра профильного обучения иностранным языкам института иностранных языков Орловского государственного университета имени И.С. Тургенева. 2017. С. 88–90.
9. Компетенции в образовании: опыт проектирования : сб. науч. тр. / под ред. А.В.Хуторского. – М.: Научно-внедренческое предприятие «ИНЭК», 2007. 327 с.
10. Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации : [Закон Рос. Федерации от 23 июня 2016 г. № 182-ФЗ] // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2016. № 26 (ч. I), ст. 3851. [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://legalacts.ru/doc/federalnyi-zakon-of-23062016-n-182-fz-ob/>.
11. Технологии подготовки специалистов в системе профессионального образования. Монография. / Под ред. П.И. Образцова. Орел: ОГУ, 2011. 338.
12. Федеральный государственный образовательный стандарт высшего образования от 16.11. 2016 г. № 1424

References

1. Avdeev R.V. Prevention of crimes. // Bulletin of Tambov University. 2014. № 6 (134). Pp. 229–234.
2. Vorontsova N.V., Minenko K.S. The problem of crimes prevention [Text] // Actual problems of law: materials of the V Intern. scient. conf. (Moscow, December 2016). Moscow: Buki-Vedi, 2016. Pp. 146–149. - URL <https://moluch.ru/conf/law/archive/224/11421/>.
3. Zhalinsky A.E., Kostitsky M.F. Effectiveness of crime prevention and criminological information. Lvov, 1980, Pp. 23.
4. Obratsov P.I. Fundamentals of professional didactics: textbook. - Moscow: University textbook: INFRA-M, 2015. 288 p.
5. Shalimova O.N. Formation of common cultural competencies of cadets of educational organizations of the Ministry of internal Affairs of Russia on the example of the Oryol law Institute named After V. V. Lukyanov // Scientific Bulletin of the Oryol Law Institute named after V.V. Lukyanov. 2017. № 2 (71). Pp. 164–166.
6. Platon. Laws // Platon. Works in 3 vols., 1972. Vol. 3 Part 2. Pp. 219.
7. Shalimova O.N. Formation of common cultural competencies of cadets of educational organizations of the Ministry of internal Affairs of Russia on the example of the Oryol law Institute named After V. V. Lukyanov // Scientific Bulletin of the Oryol Law Institute named after V.V. Lukyanov. 2017. № 2 (71). Pp. 164–166.
8. Shalimova O.N. Professionally-oriented technology of training as a means of formation of common cultural competencies of the future police officers [Text] * / O. N. Shalimova // in the collection: Prospects of professionally-oriented foreign language training in non-linguistic areas of training. Materials of the round table. Department of specialized training in foreign languages of the Institute of foreign languages of the Orel state University named after I. S. Turgenev. 2017. Pp. 88–90.
9. Competencies in education: design experience: collection of proceedings/ under the editorship of A.V. Khutorskoy. M.: Scientific and innovative enterprise «INEK», 2007. 327 p.
10. About bases of system of prevention of offenses in the Russian Federation: [the Law of the Russian Federation of June 23, 2016 No. 182-FZ] // Collection of the legislation of the Russian Federation. 2016. № 26 (part I), Art. 3851. [Electronic resource.] – Mode of access : <http://legalacts.ru/doc/federalnyi-zakon-of-23062016-n-182-fz-ob/>.
11. Technologies of training of specialists in the system of professional education. Monograph. / Under the editorship of P. I. Obratsov.- Orel: OSU, 2011. 338.
12. Federal state educational standard of higher education of 16.11. 2016 № 1424

ШУЛЬДЕШОВА Н.В.

кандидат педагогических наук, доцент, кафедра иностранных языков в сфере профессиональной коммуникации, Орловский государственный университет имени И.С. Тургенева
E-mail: fnatalja@yandex.ru

SHULDESHOVA N.V.

Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor, Department of Foreign Languages in Professional Communication, Orel State University
E-mail: fnatalja@yandex.ru

КАЧЕСТВЕННАЯ СОСТАВЛЯЮЩАЯ КОМПЕТЕНЦИЙ В ОБРАЗОВАНИИ. МНОГОЯЗЫЧИЕ

QUALITATIVE COMPONENT OF COMPETENCES IN EDUCATION. MULTILINGUALISM

Всяческая компетентность в образовании подразумевает условия, при которых происходит решение поставленных целей и задач обучения в современном образовательном пространстве с применением инноваций, авторских программ, новых методов и средств для эффективного формирования умений и навыков в определенной области обучения.

Ключевые слова: коммуникативная компетенция, профессионально-педагогическая компетентность, методическая компетентность, многоязычие, многоязычная компетенция.

All competence in education implies the conditions under which there is a solution to the aims and tasks of learning in the modern educational space with the use of innovations, author programs, new methods and tools for the effective formation of skills in a particular field of study.

Keywords: communicative competence, professional and pedagogical competence, methodical competence, multilingualism, multilingual competence.

Социальная компетентность включает в себя множество различных навыков; в ней нет общепринятой концептуализации, но есть различные концептуализации социума. Общение представляет собой необходимое условие для межперсональных отношений. Исходя из этого, коммуникативная компетентность имеет ключевое значение для социальных навыков.

Коммуникативная компетенция, являясь одним из аспектов социальной компетенции, непосредственно связана с уровнем развитости социальных и ситуативных навыков, поэтому следует упомянуть следующие аспекты:

- активность людей в своих социальных ролях и их поступки, связанные с ожиданиями и действиями,
- пространственные, физические, институциональные и культурные условия,
- временные или ситуативные условия производственной деятельности,
- критические события, которые усложняют действия и повышают или облегчают требования к выполнению действий.

Коммуникативная компетенция позволяет действовать с ситуативным языком в конкретном контексте, который является социально и функционально адекватным. Коммуникативная компетенция не изолирована, а встроена в конкретный контекст, в котором происходит действие. Например, разговор между двумя студентами требует одного регистра языка, а разговор между стажерами и директором другого; или, например, презентация

специалиста будет отличаться от светской беседы во время перерыва.

Коммуникативная компетентность считается основополагающим условием для приобретения и осуществления профессиональной компетенции [4]. Эта компетенция актуальна и популярна в различных ситуациях и многих профессиях. Как правило, коммуникативная компетенция имеет большое значение для достижения образовательного и профессионального успехов.

Ссылка на ситуативную, социальную и функциональную адекватность языкового действия, указывает на то, что речь идет не только о грамматике и лексике языка, но принимаются во внимание социолингвистические, прагматические и стратегические аспекты. Эти аспекты комбинируют модель языка и прямо влияют на формирование коммуникативной компетенции специалиста.

Профессионально-педагогическая компетентность обобщает личностную характеристику, с ее помощью позиционируется уровень готовности и умения специалиста профессионально вести педагогическую деятельность в социуме, выполняя задачи времени, стандартов и требований. Кроме того, профессионально-педагогическая компетентность предусматривает наличие высокого уровня теоретической, практической, методологической и педагогической базы у специалиста, способного к решению педагогических задач. Профессионально-педагогическая компетентность за-

даёт критерии для становления профессионального педагога [1].

«Профессиональная компетентность» связана с такими понятиями как «профессионализм», «профессиональная готовность», «профессиограмма личности», «квалификационная характеристика». Как и любая компетентность, «профессиональная компетентность» предполагает ряд требований к личности, претендующей на данную характеристику. За компетентностью стоит оценка специализированной профессиональной деятельности личности в общей социальной системе.

Личность, обладающая «профессиональной компетентностью», должна осознавать выполняемые задачи и возникающие при этом проблемы; владеть опытом знаний и практики в области выполняемой деятельности, исследовать и активно применять последние достижения науки, техники и культуры; использовать адекватные месту и времени средства и методы для осуществления профессиональной деятельности; нести ответственность за полученные результаты; оценивать ошибки и корректировать их с учетом анализа профессиональной деятельности и др.

Говоря о профессионально-педагогической компетентности, подразумеваются условия, при которых происходит решение поставленных целей и задач обучения в современном образовательном пространстве с применением инноваций, авторских программ, новых методов и средств для эффективного формирования умений и навыков в определенной области обучения [3].

Как отмечалось выше, профессионально-педагогическая компетентность специалиста структурирована по методологическим, предметным, психолого-педагогическим и методическим признакам.

Методическая компетентность имеет лидирующую позицию среди остальных. Методическая компетентность объединяет в себе область научных, специальных, психологических, педагогических знаний и умений в вопросе организации обучения иностранным языкам и имеет прикладной характер. Методическая компетентность содержит в себе познавательный, личностный и деятельностный компоненты, каждый из которых выражен тремя аспектами: содержательно-операционным, ценностно-мотивационным и рефлексивно-оценочным.

Первый аспект характеризуется использованием инвариантных педагогических технологий в вопросе решения учебных задач; наличием организаторских способностей для построения учебного процесса и содержания указанной дисциплины. При организации системы и последовательности действий процесса обучения иностранным языкам необходимо учитывать возрастные и индивидуальные особенности обучающихся.

Второй аспект (ценностно-мотивационный) ориентирован на ценности в отношении построения педагогического процесса и педагогической деятельности в целом и педагогического общения, поведения, мышления, технологий в частности; для использования осмысленных инновационных профессиональных действий.

Третий аспект (рефлексивно-оценочный) ак-

кумулирующий, заставляющий оценить итоги профессионально-педагогической направленности, пересмотреть учебный и воспитательный процессы; производить регулярную самооценку и анализ, рефлексировать собственно действия педагога на учебный процесс; осуществлять выбор наиболее удачных и альтернативных методов решения учебных и педагогических задач [2].

Основной критерий для определения профессиональной методической компетентности будущего специалиста находится в тесной взаимосвязи с уровнем сформированности компонентов общей структуры. В данном случае можно выделить 3 уровня: низкий, средний и высокий. К итогам формирования мотивационно-ценностного компонента относится субъективная позиция студента, которая обеспечит результативность процесса образования, получения педагогических знаний, умений и навыков при моделировании учебного процесса, и результативность при рефлексии своей учебной деятельности на профессиональную деятельность.

Методическая компетентность разнопланова и состоит из методологических профессиональных знаний, методических умений и навыков, что предполагает

- умение формулирования итоговых и межэтапных результатов,
- умение планировать, проводить и анализировать процесс обучения,
- умение определять и интегрировать смежные науки в общекультурных рамках,
- профессионально-методическая рефлексия собственного опыта обучения,
- адекватный и оптимальный формат работы, необходимые для этого средства обучения и контроля, соответствующие учебному курсу, индивидуальные особенности обучающихся, адаптированный учебный материал, условия обучения и т.д.).

Прогресс во всех сферах человеческой деятельности, в том числе и педагогической, диктует новые требования к подготовке специалистов высокого класса. В мире свободной конкуренции отдается предпочтение компетентному специалисту, способному к профессиональному росту и саморазвитию на каждом этапе профессиональной деятельности. Профессиональное образование должно быть ориентировано на специалистов с позитивными профессионально-личностными качествами, которые лежат в основе формирования профессиональной компетентности.

Массовый характер спроса на специалистов, владеющих многоязычной компетенцией и опытом преподавания, возникает в условиях естественного многоязычия. Поэтому актуально и важно упомянуть о стабильной тенденции внедрения обязательного второго иностранного языка в среднее и высшее образование российских школ и вузов.

Анализируя ситуацию в этой области, можно выявить:

- социальный спрос на специалистов, владеющих двумя и более языками, имеющих стремление к само-

развитию и повышению их уровня владения;

- потребность успешного и эффективного преподавания двух и более языков;
- важную роль многоязычия для профессионально-ориентированной жизнедеятельности, для формирования навыков получения необходимой информации из зарубежных источников, для повышения квалификации;
- активную позицию к обучению двум и более языкам в мировом образовательном сообществе.

И в то же время отмечается ряд субъективных и объективных причин невысокого уровня многоязычной компетенции будущих специалистов:

- недостаточная разработка конструктивных положений многоязычия в школах / вузах;
- недостаточно эффективные практические и методические базы для реализации требований по формированию многоязычной компетенции;
- малое количество часов, отводимых на изучение второго иностранного языка;
- предмет / дисциплина «Второй иностранный язык» не в полной мере выполняет задачи по формированию и совершенствованию профессиональной многоязычной компетенции обучающихся [1].

Вышесказанное ставит перед теоретиками и практиками задачу поиска оптимального решения в такой ситуации. Взаимосвязь профессионализма в преподавании и стремление к обучению повысит уровень формирования целеустремленной и компетентной личности.

Вырабатывая базовые конструктивные постулаты методики обучения двум и более иностранным языкам, методисты, психологи, специалисты, научные деятели сталкиваются со многими проблемами в этой области. Исследовательские работы многих отечественных авторов, таких как, Борисова К.Н., Ситникова Е.В., Лубсанова Л.Б., Аталасева Н.Г., Бончани Д., Сабанчиева В.С., Девицкая З.Б., Чеванина Т.Н., Иванова О.Н., Трофимова Ю.И., Лопарева Т.А., Маркосян А.С., Муталибов А.Ш., и др. освещали вопросы изучения иностранного языка на основе национальных языков. Этими авторами рассматривалась возможность последовательного изучения двух иностранных языков на этапе формирования необходимых в языке навыков чтения, письма и говорения на первом/втором иностранных языках. Исследования Барышникова Н.В., Бодоньи М.А. затрагивают в частности проблемы обучения многоязычию путем преподавания нескольких языков одновременно, а Клейн Х.Г., Штегманн Т.Д. выдвигают положения об одновременном обучении групп родственных языков [3].

Термин «многоязычие» используется теоретиками и практиками в сфере лингвистического образования и

подразумевает количество языков, которым владеет обучающий или обучаемый в профессиональном и среднем образовании. Термин «многоязычная компетенция» более многогранен и охватывает не только владение определенным количеством иностранных языков, но и системой знаний о языках. Это и определение сходного и различного в структурах иностранных языков, осознание принципов функционирования определенного языка, его речевых алгоритмов и др. [1]. Многоязычную компетенцию нельзя ассоциировать с набором знаний, умений и навыков по нескольким языкам – это многогранная составляющая компетенций для их оперирования пользователем. Многоязычная компетенция играет важную роль в иноязычном общении, стимулирует саморазвитие, помогает самостоятельно овладевать новыми знаниями.

Многоязычная компетенция является так называемым «чувством языка», способностью к изучению нескольких языков. Лицо, обладающее многоязычной компетенцией, оперирует существующими лингвистическими, социальными и прагматическими компетенциями. Это помогает сформировать более полное понимание общих и специальных принципов в строении и организации многих языков. При этом лицо, обладающее многоязычной компетенцией, не обязано владеть несколькими языками в равной степени. Уровни коммуникативной компетенции одного языка могут быть более совершенны в устном общении или более глубокие знания грамматики проявляются в другом языке и т.п. [3]. Также как и жизненный человеческий опыт, многоязычная компетенция не застывает на месте, а мобильна в зависимости от внешних условий. Для повышения уровня любой компетенции необходимо ставить перед собой определенные цели для изучения иностранных языков, развивая общие коммуникативные способности.

Современные тенденции в обучении иностранным языкам затрагивают вопросы содержания обучения и требуют пересмотра концепций для прогрессивного усвоения иностранных языков. Принципиально ново то, что многоязычная компетенция рассматривается как формирование умения выявлять общее и специфическое в разных языках, а не как последовательное усвоение нескольких языков. Смежные психолого-педагогические науки и лингвистика должны ориентировать современное содержание обучения многоязычию и соответствовать новейшим достижениям в образовании [2].

Хотелось бы подчеркнуть, что внедрение вышеупомянутых компетенций в образование должно быть ориентировано не только на результат и количественную составляющую, но и на формирование их качественной составляющей.

Библиографический список

1. Евдокимова, Н.В. Проблемы многоязычия в преподавании иностранных языков. // Сибирский педагогический журнал. Новосибирск: №1, 2008. С. 182 - 190.
2. Шульцешова Н.В. Многоязычная компетенция как коммуникативная платформа в обучении языкам. Коммуникативные процессы в образовательном пространстве: материалы Международной научно-практической конференции. Красноярск, 13–14 ноября 2015 г. [Электронный ресурс] / ред. кол.; отв. ред. Л.Г. Самотик. – Электрон. дан. / Краснояр. гос. пед. ун-т им. В.П. Астафьева. Красноярск,

2015. С. 385-390.

3. *Шульдешова, Н.В.* Терминологический барьер в формировании билингвальной методической компетенции. Ученые записки Орловского государственного университета. Научный журнал. Серия: Гуманитарные и социальные науки. №1. 2009. С. 292–294.

4. *Fleuchhaus Isolde:* Kommunikative Kompetenz von Auszubildenden in der beruflichen Bildung. Ausprägungen, Forderung und Relevanz im Urteil von Ausbildern, Lehrern und Auszubildenden. Hamburg 2010

References

1. *Evdokimova N.In.* Problems of multilingualism in the teaching of foreign languages. [Text] / N. V. Evdokimova // Siberian pedagogical journal. Novosibirsk: №1, 2008. Pp. 182–190.

2. *Shuldeshova N.In.* Multilingual competence as a communicative platform in language learning. Communicative processes in the educational space: materials of the International scientific and practical conference. Krasnoyarsk, 13-14 November 2015 [Electronic resource] / ed. Col.; resp. ed. L. G. Samotik. – Electron. dan. / Red. GOS. PED. UN-t im. V. P. Astafiev. Krasnoyarsk, 2015. Pp. 385-390.

3. *Shuldeshova N.In.* Terminological barrier in the formation of bilingual methodological competence. Scientific notes of Orel State University. Scientific journal. Series: Humanities and social Sciences. №1. 2009. Pp. 292–294.

4. *Fleuchhaus Isolde:* Communicative competence of apprentices in professional education. Expressions, demand and relevance in the judgment of trainers, teachers and trainees. Hamburg 2010

УДК 577.121

UDC 577.121

ЯРОВАТАЯ М.А.

кандидат биологических наук, доцент, кафедра общей, биологической, фармацевтической химии и фармакогнозии, Орловский государственный университет имени И.С. Тургенева

E-mail: maya0330@mail.ru

БОБКОВА Е.А.

студентка 4 курса группы 61ФР, специальность «Фармация», Орловский государственный университет имени И.С. Тургенева

E-mail: bobkovaed@yandex.ru

ХМАРИНА А.К.

студентка 4 курса группы 62ФР, специальность «Фармация», Орловский государственный университет имени И.С. Тургенева

E-mail: nast.khmarina@yandex.ru

YAROVATAYA M.A.

Candidate of Biological Sciences, Associate Professor, Department of General, Biological, Pharmaceutical Chemistry and Farmacognosy, Orel State University

E-mail: maya0330@mail.ru

BOBKOVA E.A.

4th-year Student, Group 61FR, "Pharmacy", Orel State University

E-mail: bobkovaed@yandex.ru

KHMARINA A.K.

4th-year Student, Group 62FR, "Pharmacy", Orel State University

E-mail: nast.khmarina@yandex.ru

«АНАЛИЗ СОДЕРЖАНИЯ БЕЛКА ИЗ РАЗЛИЧНЫХ ИСТОЧНИКОВ» КАК ПРИМЕР НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОЙ РАБОТЫ СО СТУДЕНТАМИ ПО БИОХИМИИ

"THE ANALYSIS OF PROTEIN CONTENT TAKEN FROM DIFFERENT SOURCES "AS THE EXAMPLE OF RESEARCH WORK WITH STUDENTS IN BIOCHEMISTRY"

Подготовка широко образованного компетентного специалиста является одной из приоритетных задач в области высшего образования и науки в современных условиях. Научно-исследовательская работа студентов по биохимии в медицинских вузах является научно-исследовательской творческой деятельностью студентов совместно с преподавателем, которая связана с дальнейшей профессиональной областью. На протяжении длительного времени остается актуальной проблема поиска источников биологически ценного белка. Белки в значительной степени определяют питательную ценность продуктов. Они служат основными источниками незаменимых аминокислот для человека и животных. Данная работа посвящена исследованию белка, выделенного из различных источников: куриное мясо, горох и сухой сывороточный протеин для спортивного питания.

Ключевые слова: биохимия, белковые молекулы, биологическая ценность белка, незаменимые аминокислоты, источники белка.

The training of a well-educated competent specialist is one of the priority tasks in the field of higher education and science in modern conditions. The research work of medical students in biochemistry is a type of students' creative activity with a tutor which is associated with the further professional field. For a long time the problem of finding sources of biologically valuable protein remains relevant. Proteins largely determine the nutritional value of foods. They serve as the main sources of essential amino acids for humans and animals. This work is devoted to the study of protein isolated from various sources: chicken, peas and dry whey protein for sports nutrition.

Keywords: biochemistry, protein molecules, the biological value of protein, essential amino acids, protein sources.

Основная цель научно-исследовательской работы — создание предпосылок для творческой деятельности обучающихся, реализующихся при выполнении заданий учебно-исследовательского и научно-исследовательского характера. Являясь существенным компонентом каждой учебной дисциплины, научно-исследовательская работа направлена на решение общих задач образования. С каждым годом доля самостоятельной работы, в том числе и научно-исследовательской деятельности, при изучении дисциплины увеличивается. Это связано с изменением позиции преподавателя и с изменением позиции студента. В современном об-

разовании основная задача педагога заключается не в изложении готовых знаний, а в организации процесса учения [5]. Деятельность преподавания и деятельность учения тесно взаимосвязаны. Основная задача педагога, по словам В.А. Сластенина, состоит в том, чтобы «мотивировать обучающихся к освоению учебной дисциплины, создать условия для совершенствования информационной компетентности, способствовать развитию компетенций в области самообразовательной, научно-исследовательской и творческой деятельности, формировать у обучающихся системное мышление на основе самостоятельной научно-исследовательской ра-

боты по дисциплине» [4].

Студенты специальности «Фармация» активно занимаются научно-исследовательской работой по биохимии, показывая высокие результаты, выполняя серьезные профессиональные исследования, материалы которых ежегодно докладываются на студенческой конференции «Неделя науки». Многие из экспериментальных исследований являются законченными опубликованными в печати работами [9, 10].

Белковые молекулы выполняют в живых организмах ряд жизненно важных функций: каталитическую, структурную, регуляторную, транспортную и защитную.

Помимо этого, белки во многом определяют пищевую ценность продуктов, являясь одним из основных нутриентов и источником незаменимых аминокислот для человека. Известно, что не все белки одинаково полезны и равноценны по своему составу. Биологическая ценность белков определяется содержанием незаменимых аминокислот и их способностью перевариваться в желудочно-кишечном тракте.

Проблема поиска высококачественного белка в современных условиях является весьма актуальной. Так как сегодня наблюдается ограниченная доступность животного белка в некоторых странах мира, а также заметное возрастание числа людей, придерживающихся вегетарианства и веганства [3, 6].

Основная задача нашего исследования – выяснение вопроса о возможности замены белка животного происхождения на растительный белок или протеиновый изолят, не теряя при этом преимуществ животного белка.

Литературный обзор данных по качественному и количественному составу растительного белка показал, что такой белок имеет меньшую биологическую ценность, чем животный, именно из-за неполноценного аминокислотного состава и более низкой степени усвоения [1, 2, 3]. Наиболее дефицитными для человека являются такие аминокислоты, как лизин, метионин и триптофан. Исходя из данных Таблицы 1, следует, что при замене животного белка на белки бобовых в рационе будет не хватать метионина, а при замене на белки злаковых – лизина [6].

Таблица 1.

Количественное содержание дефицитных незаменимых аминокислот белка различного происхождения (в 100 г)

На 100 г белка	«Идеал», г	Животный, г	Бобовые, г	Злаки, г
Лизин	5,0-6,0	7,0-10,0	5,0-6,0	3,0-3,5
Триптофан	1,0-1,5	1,0-1,5	≤1	≤1
Метионин	3,0-4,0	3,5-6,0	1,5	4,0

В связи с этим рекомендуется комбинировать растительные продукты с несбалансированным аминокислотным составом, чтобы получить полноценный белок.

В Таблице 2 представлена примерная схема комбинирования растительных продуктов, которую можно использовать при планировании рациона питания [3].

Таблица 2.

Варианты комбинаций растительных продуктов для получения полноценного аминокислотного состава белка

Комбинации растительных продуктов	
Спаржевая фасоль	Миндаль
Нут	Бурый рис
Зеленый горошек	Кускус
Фасоль	Хлеб
Фасоль	Рис
Чечевица	Кукуруза
Арахис	Семена кунжута
Белая фасоль	Макароны

Однако, из-за сниженного усвоения растительных продуктов (наличие неперевариваемой клетчатки) следует увеличить их количество в рационе, чтобы устранить дефицит аминокислот. К тому же, употребляя бобовые или злаковые для того, чтобы восполнить запасы метионина или лизина, мы так же получаем и другие аминокислоты этих растений. Всё это создает дополнительную азотистую нагрузку на организм. Результатом становятся расстройства ЖКТ и заболевания почек (например, мочекаменная болезнь) [7, 8].

Анализируя альтернативный источник белка – сыrovоточный протеин, которому отдают предпочтение многие спортсмены, употребляя его в качестве добавки к основному рациону, получили следующие данные. В составе протеина присутствуют 18 аминокислот. Кроме этого, он лидер по количеству незаменимых аминокислот (примерно 50% от всей массы аминокислот). Также в сыrovоточном протеине больше всего таких незаменимых аминокислот, как изолейцин, лейцин и валин. В состав протеина они входят в виде комплекса ВСАА (от англ. – branch chained amino acids). Недостаток этого протеина – в пониженном содержании аргинина. Однако в его использовании есть несколько особенностей. Во-первых, в составе, помимо самого изолята белка, часто содержатся дополнительные соединения, например, L-карнитин (переносчик жирных кислот). Во-вторых, принимается этот протеин в зависимости от режима тренировок (до или после). Таким образом, употребление сыrovоточного протеина не может являться альтернативой полноценному приему пищи.

Сравнивая аминокислотные составы мяса и сочетаний растительных продуктов с сыrovоточным протеином по данным, взятым из нутриологических таблиц (Табл. 3), выяснили, что при сравнении белков между собой учитывают содержание и количество незаменимых аминокислот (лейцин, изолейцин, валин, лизин, тирозин, триптофан, треонин, метионин) [1]. Именно они определяют биологическую ценность белка.

Таблица 3.

Количественное содержание незаменимых аминокислот и белков куриного мяса, растительных продуктов и сывороточного протеина (на 100 г)

Количество нутриента в 100 г. продукта	Куриное мясо	Бурый рис + нут	Сывороточный протеин
Незаменимые аминокислоты			
Аргинин, г	1,82	1,88	1,80
Валин, г	1,30	1,03	5,10
Гистидин, г	1,32	0,56	2,00
Изолейцин, г	1,13	0,91	6,20
Лейцин, г	1,98	1,60	12,80
Лизин, г	2,64	1,16	10,30
Метионин, г	0,45	0,37	2,00
Метионин + цистеин, г	0,87	0,65	5,70
Треонин, г	1,11	0,78	4,20
Триптофан, г	0,38	0,23	2,50
Фенилаланин, г	1,06	1,12	3,80
Фенилаланин + тирозин, г	1,96	1,76	7,20
ВСАА (лейцин, изолейцин, валин), г	4,41	3,54	24,10
Белки, г	23,60	22,25	83,00

Таблица 4.

Суточная потребность в незаменимых аминокислотах для взрослого человека (на 1 кг массы тела)

Аминокислота(ы)	ВОЗ мг на 1 кг веса тела
Изолейцин	20
Лейцин	39
Лизин	30
Метионин + цистеин	15
Фенилаланин + тирозин	25
Треонин	15
Триптофан	4
Валин	26
(Данные для человека весом 70 кг)	

Сравнивая полученные результаты с суточной потребностью в незаменимых аминокислотах по данным Всемирной организации здравоохранения (Табл. 4), пришли к выводу, что рекомендованное содержание незаменимых аминокислот не менее: 12,88 г. Рекомендованное содержание ВСАА (лейцин, изолейцин, валин) не менее: 5,95 г [2].

Таким образом, все три варианта белка могут восполнить суточную норму незаменимых аминокислот, но при их употреблении следует учитывать нюансы, рассмотренные ранее.

Экспериментальной частью нашей работы стало количественное определение содержания белка в его различных источниках и сопоставление количества белка в реальных продуктах с табличными значениями. Для опыта были выбраны три источника белка: животного происхождения – куриное мясо, растительного происхождения – горох и сухой сывороточный протеин для спортивного питания [10].

Количественное содержание белка было опреде-

лено биуретовым методом. Расчеты производились по формуле: $A = x \cdot N / B \cdot 100$

где: А- содержание белка мг/мл

х - значение оптической плотности

Н – масса навески исследуемого образца

В – объем раствора белка (надосадочной жидкости) окрашенной биуретом

Данные, полученные в ходе исследования, представлены на Графике 1 и Таблице 5.

График 1.

Градуировочный график зависимости содержания белка в продуктах от оптической плотности, %

Таблица 5.

Содержание белка в исследуемых образцах, %

Продукт	Значение оптической плотности	Содержание белка по градуировочному графику, %	Содержание белка при расчетах по формуле, мг/мл	Содержание белка в граммах на 100 г продукта
Куриное филе	0,248	0,276	0,027	23,6
Горох	0,195	0,217	0,020	18,2
Протеин сывороточный	0,735	0,825	0,074	83,0

Наши исследования показали, что наибольшее содержание белка в расчете на 100 граммов продукта содержится в сывороточном протеине (83,0 г). На втором месте – куриное филе (23,6 г), а на третьем – горох (18,2 г) (Табл. 5), что соответствует значениям из нутриологических таблиц.

Итак, согласно данным, полученным из теоретического и практического анализа, можно сделать следующий вывод: замена животного белка растительным возможна, но только лишь при условии тщательной комбинации аминокислот и микроэлементов. Однако мы рекомендуем разнообразный и сбалансированный рацион питания, чтобы наш организм получал всё самое необходимое для полноценной работы.

Таким образом, результаты исследований могут быть использованы в области биохимии, физиологии, гигиены, фармакологии и фармации. Полученный научно-экспериментальный опыт студентов при обучении на младших курсах может стать основой для последующей индивидуальной научно-исследовательской работы будущих профессионалов.

Библиографический список

1. Количественное содержание незаменимых аминокислот в продуктах [Электронный ресурс] Мой здоровый рацион. URL: <https://health-diet.ru/people/user/78868/blog/32736/> (дата обращения: 26.02.2019) 2. Питание [Электронный ресурс] Всемирная Организация Здравоохранения. URL: <https://www.who.int/topics/nutrition/ru/> (дата обращения: 03.03.2019)
2. Растительный белок и аминокислоты: как подобрать полноценную комбинацию? [Электронный ресурс] Siddha.me. URL: <https://siddha.me/3072/rastitelnyi-belok-aminokisloty/> (дата обращения: 26.02.2019)
3. *Сластенин, В.А.* Педагогика: инновационные процессы в образовании. М., 2000. 512 с.
4. Современные подходы к компетентностно ориентированному образованию: Материалы семинара / под ред. *А. В. Великановой*. Самара, 2010.
5. Содержание незаменимых аминокислот в белках [Электронный ресурс] Студопедия. URL: https://studopedia.ru/8_109967_soderzhanie-nezamenimih-aminokislot-v-belkah-nekotorih-mikroorganizmov.html (дата обращения: 26.02.2019)
6. *Таканаев А.А., Яроватая М.А.* Повышение эффективности процесса преподавания биохимии высокомолекулярных соединений в вузах медицинского профиля (на примерах биотрансформации полимерных производных некоторых гетероциклов) // Ученые записки Орловского государственного университета. № 2(75) 2017. С. 344-346.
7. *Таканаев А.А., Яроватая М.А.* Методы изучения биodeградации полимерных систем в рамках элективного курса «Композитные материалы в медицине» // Научный журнал «Ученые записки Орловского государственного университета», № 2 (79), 2018 г С. 338-340.
8. Химико-фармацевтический вестник: сборник статей студентов, молодых ученых и преподавателей / Под общ. Ред. *Е.И. Юшковой*. Орел: Картуш, 2016. 80с.
9. *Яроватая М.А., Бобкова Е.А., Хмарина А.К.* Анализ содержания белка из различных источников // Периодическая таблица химических элементов: теория и практика преподавания: материалы межвузовского научно-практического семинара. Орел: Картуш, 2019. С. 144-147

References

1. The quantitative content of essential amino acids in products [web source] My healthy diet. URL: <https://health-diet.ru/people/user/78868/blog/32736/> (accessed: 02/26/2019)
 2. Nutrition [web source] World Health Organization. URL: <https://www.who.int/topics/nutrition/en/> (accessed 03.03.2019)
 3. Plant protein and amino acids: how to choose a full-fledged combination? [web source] Siddha.me. URL: <https://siddha.me/3072/rastitelnyi-belok-aminokisloty/> (accessed: 02.26.2019)
 4. *Slastenin, V.A.* Pedagogy: innovative processes in education. M., 2000. 512 p.
 5. Modern approaches to competency-based education: Seminar materials / ed. *A.V. Velikanova*. Samara, 2010.
 6. The content of essential amino acids in proteins [web source] Studopedia. URL: https://studopedia.ru/8_109967_soderzhanie-nezamenimih-aminokislot-v-belkah-nekotorih-mikroorganizmov.html (accessed February 26, 2019)
 7. *Takanaev A.A., Yarovataya M.A.* Improving the process of teaching biochemistry of high molecular-weight compounds at medical institute and universities (using the example of biotransformation for some heterocycles polymeric derivatives)//Scientific notes of Orel State University. № 2(75) 2017. Pp. 344-346.
 8. *Takanaev A.A., Yarovataya M.A.* Methods of studying biodegradation of polymer systems in the limits of the elective course «Composite materials in medicine» //Scientific notes of Orel State University. № 2 (79) 2018. Pp. 338-340.
 9. Chemical and Pharmaceutical Bulletin: a collection of articles by students, young scientists and teachers / Ed. Ed. *E.I. Yushkova*. Orel: Cartouche, 2016. 80 p.
 10. *Yarovataya M.A., Bobkova E.A., Khmarina A.K.* Analysis of protein content from various sources // Periodic table of chemical elements: theory and practice of teaching: materials of the interuniversity scientific and practical seminar. Orel: Cartouche, 2019.Pp. 144-147
-

РЕДАКЦИОННО-ИЗДАТЕЛЬСКАЯ КОЛЛЕГИЯ

АВДЕЕВ Ф.С. (главный научный редактор) – доктор педагогических наук, профессор, советник при ректорате по педагогическому образованию, Орловский государственный университет имени И.С. Тургенева;

ПУЗАНКОВА Е.Н. (заместитель главного научного редактора) – доктор педагогических наук, профессор, проректор по организации образовательной деятельности, Московский государственный гуманитарно-экономический университет, профессор кафедры теории и методики обучения русскому языку и литературе, Орловский государственный университет имени И.С. Тургенева;

ДУДИНА Е.Ф. (ученый секретарь редакционно-издательской коллегии) – кандидат филологических наук, начальник отдела организации научных мероприятий и академического развития, Орловский государственный университет имени И.С. Тургенева;

ХОВАНСКАЯ Е.А. (технический секретарь редакционной коллегии) – кандидат педагогических наук, Московский государственный гуманитарно-экономический университет;

АЛЕКСАНДРОВА А.П. – кандидат филологических наук, доцент, кафедра английской филологии, начальник бюро переводов, Орловский государственный университет имени И.С. Тургенева;

АЙЗЕНШТАТ М.П. – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник, сектор «История исторических знаний», Институт всеобщей истории РАН;

АНТОНОВА М.В. – доктор филологических наук, профессор, зав. кафедрой истории русской литературы XI-XIX веков, Орловский государственный университет имени И.С. Тургенева;

АРЗАКАНЯН М.Ц. – доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник, Центр истории международных отношений, Институт всеобщей истории РАН;

АРСЕНТЬЕВА Н.Н. – доктор филологических наук, профессор, Гранадаский университет (Испания);

БЕДНАРСКАЯ Л.Д. – доктор филологических наук, профессор, кафедра теории и методики обучения русскому языку и литературе, Орловский государственный университет имени И.С. Тургенева;

ВИДМАРОВИЧ Н.П. – доктор филологических наук, профессор, кафедра русского языка, Загребский университет (Хорватия);

ГЕЛЛА Т.Н. – доктор исторических наук, профессор, декан исторического факультета, зав. кафедрой всеобщей истории, Орловский государственный университет имени И.С. Тургенева;

ЗАЙЧЕНКОВА М.С. – доктор филологических наук, профессор, кафедра русского языка как иностранного, Орловский государственный университет имени И.С. Тургенева, заслуженный деятель науки Российской Федерации;

ИВАНОВ А.Е. – доктор исторических наук, профессор, ведущий научный сотрудник, Институт российской истории РАН;

ИЗОТОВ В.П. – доктор филологических наук, профессор, руководитель НИИ филологии, Орловский государственный университет имени И.С. Тургенева;

КОВАЛЕВ П.А. – доктор филологических наук, профессор, кафедра русской литературы XX-XXI веков и истории зарубежной литературы, Орловский государственный университет имени И.С. Тургенева;

ЛАРИОНОВА Л.Г. – доктор педагогических наук, профессор, кафедра теории языка и русского языка, Южный федеральный университет;

ЛБВОВА С.И. – доктор педагогических наук, профессор, лаборатория дидактики русского языка, Институт содержания и методов обучения Российской академии образования;

МАЙМЕСКУЛОВА А.Л. – доктор наук, экстраординарный профессор, университет Казимира Великого, Институт нефилологии и прикладной лингвистики (Польша);

МИНАКОВ С.Т. – доктор исторических наук, профессор, зав. кафедрой истории России, Орловский государственный университет имени И.С. Тургенева;

МИХАЛЬЧЕНКО С.И. – доктор исторических наук, профессор, директор НИИ фундаментальных и прикладных исследований, Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского;

МИХЕИЧЕВА Е.А. – доктор филологических наук, профессор, зав. кафедрой русской литературы XX-XXI веков и истории зарубежной литературы, Орловский государственный университет имени И.С. Тургенева;

НИКОЛАЕВ В.А. – доктор педагогических наук, профессор, заведующий кафедрой методики и технологии социальной педагогики и социальной работы ФГБОУ ВО «Орловский государственный университет имени И.С. Тургенева»;

НИКОНОВА Т.А. – доктор филологических наук, профессор, зав. кафедрой русской литературы XX и XXI веков, теории литературы и фольклора, Воронежский государственный университет;

НОВИКОВ С.Н. – доктор педагогических наук, профессор, зав. кафедрой декоративно-прикладного искусства и технической графики, Орловский государственный университет имени И.С. Тургенева;

ОБРАЗЦОВ П.И. – доктор педагогических наук, профессор, Академия Федеральной службы охраны Российской Федерации, академик Международной академии информатизации и академии педагогических и социальных наук;

ПАСТЕРНАК Е.Л. – доктор филологических наук, доцент, кафедра французского языкознания, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова;

ПОГОСЯН В.А. – доктор исторических наук, зав. отделом геноцидологии, Институт арменоведческих исследований, Ереванский государственный университет (Армения);

ПОНШОН Т. – доктор филологических наук, профессор, Реймский университет, Шампань-Арденн (Франция);

РЕТИНСКАЯ Т.И. – доктор филологических наук, доцент, зав. кафедрой романской филологии, Орловский государственный университет имени И.С. Тургенева;

ТАМИН М. – доктор филологических наук, почетный профессор, Реймский университет, Шампань-Арденн (Франция);

ТЕР-МИНАСОВА С.Г. – доктор филологических наук, заслуженный профессор, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова;

УМАН А.И. – доктор педагогических наук, профессор, зав. кафедрой общей педагогики, Орловский государственный университет имени И.С. Тургенева;

ЧЕКОВА-ДИМИТРОВА И. – кандидат филологических наук, доцент, кафедра русской литературы, Софийский университет «Святого Климента Охридского» (Болгария);

ЧЕЛЫШЕВА И.И. – доктор филологических наук, профессор, зав. отделом индоевропейских языков и сектором романских языков, Институт языкознания РАН, член Итальянского лингвистического общества;

ЧЕРЕПАНОВА Л.В. – доктор педагогических наук, профессор, кафедра русского языка и методики его преподавания, Забайкальский государственный университет;

ЧИКАЛОВА И.Р. – доктор исторических наук, профессор, кафедра всеобщей истории и методики преподавания истории, Белорусский государственный педагогический университет имени Максима Танка, ведущий научный сотрудник, Институт истории, Национальная академия наук Беларуси (Белоруссия);

ШЕМЧУК Ю.М. – доктор филологических наук, профессор, зав. кафедрой лингвистики и профессиональной коммуникации в области зарубежного регионоведения, Московский государственный лингвистический университет;

ШИ ХУНШЭН – кандидат филологических наук, профессор, Аньхойский университет, директор центра по изучению России (Китай);

ЯМАГУТИ Р. – доктор филологических наук, факультет гуманитарных наук, Университет Досия, г. Киото (Япония).

ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ НАУЧНОЙ СТАТЬИ

Общие правила. Статья объемом 4-15 страниц набирается в текстовом редакторе MS-Word 97–2003 *.doc (**версия MS-Word 2007*.docx, *.docm не принимается!!!**) либо RTF и называется по фамилии автора, предоставляется в редакцию в электронном виде, идентичном печатной версии, одним файлом и на бумаге формата А4. Размер шрифта 14 pt, через один интервал без переносов. **Пробелы и табуляция в начале абзаца недопустимы!** Параметры документа: верхнее поле – 25мм, нижнее – 25 мм, правое – 25 мм, левое – 25 мм.

К статье обязательно прилагаются: универсальная десятичная классификация (УДК), инициалы и фамилия автора (авторов), название статьи, аннотация (40-50 слов), ключевые слова (5-6 слов), библиографический список (References), не более 10-15 источников.

Вся информация предоставляется на русском и английском языках. Сведения об авторе (авторах): ученая степень, ученое звание, должность, кафедра, вуз, электронный адрес и контактный телефон (без сокращений) помещаются в начале статьи после фамилии автора (авторов). **Важно! Авторское право оформляется перечислением фамилий всех авторов через запятую.**

Формулы и специальные символы (например, греческие буквы) в статье набираются текстом (пункт меню «Вставка – Символ – Symbol»), кеглем 10 pt. Для сложных формул используется редактор формул Math-type 5.0 и ниже. Длина формулы вместе с номером не должна превышать 8 см. **Таблицы** в тексте набираются стандартными средствами MS-Word (пункт меню «Таблица – Добавить таблицу»). Таблица должна иметь заголовок и ссылку в тексте статьи. Ширина таблицы – 82 или 170 мм, шрифт в таблице – 9 pt.

Иллюстрации. Каждый рисунок должен быть представлен отдельным файлом (форматы: *.tif, *.jpg, *.pdf, *.eps, *.ai). **В MS-Word не вставлять! Рисунки и графики** должны иметь четкое изображение и быть выдержаны в черно-белой гамме. Графики, содержащие серые заливки, должны быть заменены на штриховку или на черную/белую заливку. Графики, схемы и диаграммы следует выполнять в формате MS-Excel (*.doc) и MS-Word (*.xls). Также для изготовления графиков, схем и диаграмм подходит векторный графический редактор: Adobe Illustrator (*.ai). Надписи на рисунках выполняются шрифтом Times New Roman 8 pt. Толщина линий на рисунках должна быть не менее 0,5 pt. Ширина графика, схем или диаграмм – 82 или 170 мм.

Рисунки-фотографии, полученные с цифровой камеры, и другие растровые изображения, на которых отсутствует какой-либо текст, представляются в виде файлов формата *.tif или *.jpg без сжатия (разрешение не менее 300 dpi). Подписи к рисункам размещаются в тексте статьи. Все рисунки должны быть пронумерованы и иметь названия.

Иллюстрации, выполненные в графическом редакторе Paint, не принимаются, т. к. данный редактор не обеспечивает необходимого качества после сохранения файла.

Запрещается вставлять в статью сканированные рисунки (графики, диаграммы)!

При несоблюдении указанных требований к иллюстрациям редакция оставляет за собой право рисунок удалить или отклонить статью.

Библиографические списки и затекстовые примечания оформляются в соответствии с ГОСТ 7.1-2003 «Библиографическая запись. Библиографическое описание. Общие требования и правила составления» и ГОСТ 7.0.5-2008. В списке все работы перечисляются по алфавитному принципу: сначала отечественные авторы (или зарубежные, опубликованные на русском языке), затем – зарубежные. При упоминании отдельных фамилий авторов в тексте им должны предшествовать инициалы (фамилии иностранных авторов при этом приводятся в оригинальной транскрипции). В тексте статьи библиографические ссылки даются арабскими цифрами в квадратных скобках. Библиографические списки должны быть переведены на английский язык.

Порядок составления списка: а) автор(ы) книги или статьи; б) название книги или статьи; в) выходные данные. При авторском коллективе до 4-х человек включительно упоминаются все авторы (с инициалами после фамилий), при больших авторских коллективах упоминаются три первых автора и добавляется «и др.» (в иностранной литературе «et al»). Если в качестве авторов книг выступают их редакторы или составители, после фамилии последнего из них в скобках следует ставить «ред.» (в иностранных ссылках «ed.»).

В библиографическом описании книги (после её названия) приводятся город (где она издана), после двоеточия – название издательства, после запятой – год издания. Если ссылка дается на главу из книги, сначала упоминаются авторы и название главы, после точки – с заглавной буквы ставится «В кн.»: («In») и фамилия(и) автора(ов) или редактора(ов), затем название книги и её выходные данные.

В библиографическом описании статьи из журнала (после её названия) приводятся название журнала, через точку – год издания, затем после точки – номер отечественного журнала (для иностранных журналов номер тома), после заглавной буквы «С» с точкой помещаются цифры первой и последней (через тире) страниц и ставится точка.

В конце статьи обязательно должна быть надпись «статья публикуется впервые», ставится дата и подпись автора (авторов). Подпись автора сканируется, сохраняется в формате *.tif или *.jpg и вставляется в файл.

За ошибки и неточности научного и фактического характера ответственность несёт автор (авторы). Поступившие в редакцию материалы возврату не подлежат.

Статья, содержащая некачественный перевод, и/или перевод, сделанный через электронный переводчик, будет отклонена.

Редакция не осуществляет перевод.

Статьи лиц, не имеющих учёной степени, заверяются их научными руководителями и печатью организации.

Редколлегия оставляет за собой право сокращать и редактировать статьи. Статьи, оформленные не в соответствии с указанными требованиями, отклоняются без рассмотрения.

Адрес учредителя:

Федеральное государственное бюджетное образовательное
учреждение высшего образования
«Орловский государственный университет имени И.С. Тургенева»
302026, Орловская область, г. Орел, ул. Комсомольская д. 95.
www.oreluniver.ru E-mail: info@oreluniver.ru

Адрес редакции:

Федеральное государственное бюджетное образовательное
учреждение высшего образования
«Орловский государственный университет имени И.С. Тургенева»
302026, Орловская область, г. Орел, ул. Комсомольская д. 95, каб. 237
www.oreluniver.ru E-mail: utchen-zap@univ-orel.ru

Материалы статей печатаются в авторской редакции

Право использования произведений предоставлено авторами на основании
п. 2 ст. 1286 Четвертой части Гражданского Кодекса Российской Федерации

И.о. ответственного редактора: Дудина Е.Ф.
Перевод: Александрова А.П.
Компьютерная верстка: Корявкина О.С.
Дизайн обложки: Никифоров А.В.

Подписано в печать 20.12.2019 г.
Дата выхода в свет 26.12.2019 г.
Формат 60х84 1/8 Объем 42,25 усл. п. л.
Тираж 1000 экз. Цена договорная. Заказ №

Отпечатано с готового оригинал-макета на полиграфической базе
ФГБОУ ВО «Орловский государственный университет имени И.С. Тургенева»
302026, г. Орел ул. Комсомольская, 95
Тел./факс (4862) 74-09-30